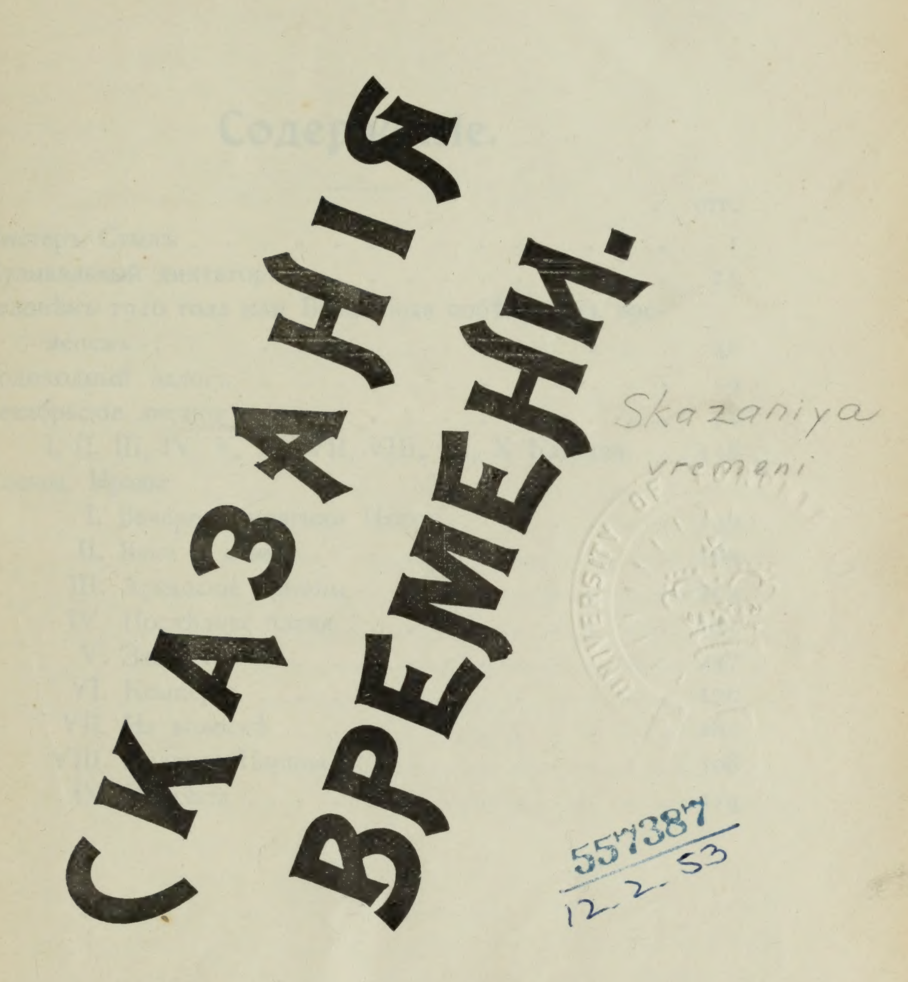
3 1761 08821302 0

Amfiteatrov, Aleksandr Valentinovich

А. АМФИТЕАТРОВЪ.



Skazaniya vremeni

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.
1907.

Содержаніе.

МИСТЕРЪ СТЫДЪ.

PARIS. 5—X. 1905.

(Дружеское письмо къ мистеру Вильяму Стэду).

Дорогой Вильямъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ ты отбылъ изъ Лондона въ Россію съ вдохновенною миссіей просвѣтить воспылавшихъ революціонизмомъ, свирѣпыхъ сѣверныхъ дикарей духомъ смиреннолюбія, подначалія, долготерпѣнія и благодарнаго восторга къ мѣстнымъ участковымъ приставамъ, я все время находился въ состояніи самаго страннаго возбужденія. У меня не выходила изъ головы русская телеграмма, полученная тобою наканунѣ отъѣзда:

— Пожалуйста, выручи, братецъ!

Лаконическая, но выразительная телеграмма, на которую ты не замедлилъ отвѣчать съ тѣмъ же лаконизмомъ и съ тою же выразительностью:

— Пожалуй, изволь, братецъ!

На другой день ты, оплаканный нами, умчался спасать Россію, а я остался скучать въ Лондонѣ. Мистеръ Стыдъ остался безъ мистера Стэда, а Стэдъ уѣхалъ безъ Стыда. Ты не можешь представить себѣ, какая хандра меня одолѣвала. Во-первыхъ, какъ ни какъ, мы съ тобою старые и неразлучные сотрудники, тридцать лѣтъ прора-

ботали вмѣстѣ, жили душа въ душу, и твоя россійская авантюра—едва-ли не первый твой опытъ, предпринятый тобою исключительно на собственный свой страхъ и безъ малѣйшаго моего участія. Тебя въ Россіи кормятъ роскошными обѣдами, о тебѣ пишутъ хвалебныя статьи, тебѣ говорятъ спичи, его преподобіе о. Григорій Петровъ, «не предвидя», даже въ вагонѣ удосужился возгласить тебѣ многолѣтіе, ты катаешься, какъ сыръ въ маслѣ, и, по всей вѣроятности, возвратишься въ Англію со звѣздою св. Станислава на груди и съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ Петербургѣ тебя возложилъ на лоно свое Евгеній Васильевичъ Богдановичъ, въ Москвѣ—Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ. А я, бѣдный, одинокій, забытый, тоскующій Стыдъ, сижу на мели надъ мутною Темзою, никому не нужный, и больше всѣхъ—тебѣ... За что? Ахъ, милый Стэдъ, признаюсь тебѣ: я испыталъ всѣ муки, которыя можетъ пережить мужчина, когда ему измѣняетъ,—такъ какъ ты, все-таки, не женщина, скажу: любимое существо.

Кромѣ огорченія измѣною, во мнѣ говорило чувство оскорбленнаго самолюбія и нѣкоторой зависти. Почему ты оцѣненъ, а я нѣтъ? Почему ты призванъ, а меня не позвали? Почему мистеръ Стэдъ годится спасать Россію отъ торжествующей крамолы, а мистеръ Стыдъ не годится? Почему мы не могли работать вмѣстѣ? Почему тридцать лѣтъ насъ всюду приглашали вдвоемъ съ тобою, а тутъ вдругъ—мнѣ репримандъ неожиданный?

— Нѣтъ, мистеръ Вильямъ, милости просимъ васъ одного! Стэдъ намъ нуженъ, а Стыдъ ни къ чему. Пусть сидитъ дома въ Англіи и, для развлеченія, читаетъ корреспонденціи въ русскихъ газетахъ о мистерѣ Стэдѣ!

Теперь я знаю, что мечты мои были праздныя, и, такъ какъ я пишу тебѣ эти строки изъ больницы при домѣ предварительнаго заключенія, въ которую положенъ властями въ уваженіе къ претерпѣннымъ мною побоямъ, то и впол-

нѣ понимаю всѣ эти роковыя «почему», равно какъ и великодушіе, съ которымъ ты меня покинулъ. Но, ранѣе горькаго опыта, язвительная мысль, что я могъ бы съ успѣхомъ трудиться на одномъ съ тобою поприщѣ и раздѣлить твой тріумфъ, не давала мнѣ покоя. Я даже пересталъ ходить мимо банкирскихъ конторъ, оперирующихъ русскими фондами и имѣющихъ связи съ русскимъ посольствомъ, потому что каждая буква на ихъ вывѣскахъ насмѣшливо дразнила меня и шептала, подмигивая:

— А ты бы могъ!

Наконецъ, экзальтація моя выросла до зрительныхъ галлюцинацій; мнѣ начали являться видѣнія. Такъ, одною ночью пришла ко мнѣ тѣнь Каткова—того самаго, котораго ты печатно назвалъ покойнымъ царемъ русской журналистики. Она дышала пламенемъ и рычала ко мнѣ страшнымъ голосомъ:

— Каинъ! Каинъ! Гдѣ братъ твой Авель?! Стыдъ! Стыдъ! Какъ ты позволилъ уѣхать Стэду?

И когда я, хотя очень испуганный, объяснилъ, что, если изъ насъ двоихъ кто Каинъ, то, ужъ конечно, не я, покинутый, а ты, покинувшій, то мистеръ Майкель Катковъ, какъ будто нѣсколько умиротворенный, продолжалъ:

— Ступай, скажи Вильяму Стэду, скажи заблудшему брату своему, чтобы онъ унялся и съ миромъ возвратился въ домъ свой. Иначе—его постигнетъ страшное наказаніе.

Въ виду его блистательнаго поведенія въ Россіи и—такъ какъ у В. А. Грингмута кончается срокъ аренды на газету,—его, твоего Стэда, могутъ назначить редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей». А знаешь ли ты, несчастный, знаешь ли ты, что бываетъ за это на томъ свѣтѣ?!

Тутъ бѣдная тѣнь прежалко заплакала и стала бить себя въ грудь кулаками.

— Меня двѣнадцать часовъ въ сутки заставляютъ читать статьи моихъ пре... пре... пре... о, чортъ бы ихъ по-

бралъ!—моихъ преемниковъ... А другіе двѣнадцать часовъ я обязанъ писать безъ перерыва по-русски, по-латыни и по-гречески одну и ту же фразу: «не плоди дураковъ!», «не плоди дураковъ!», «не плоди дураковъ!» И этакъ уже тридцать лѣтъ! Пойми и... предостереги Стэда!

Съ этой ночи тѣни историческихъ мертвецовъ не прекращали посѣщать меня. Я видѣлъ графа Филиппа Доррера, который благословилъ сына своего Ивана-Владиміра-Филиппа Доррера, въ качествѣ франко-курскаго предводителя дворянства, на сліяніе съ черною сотнею и истребленіе каналій-интеллигентовъ и говорилъ тебѣ, утирающему слезы умиленія:

— Хотя тѣла наши родились во Франціи, но сердца принадлежатъ коронѣ Россійской!*)

Иванъ же Владиміръ-Филиппъ Дорреръ, въ костюмѣ маркиза де-Корневиль, но въ русской фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, колѣнопреклоненный, потрясалъ шашкою полицейскаго образца и пѣлъ:

Voici le sabre, le sabre, le sabre,
Voici le sabre,
Le sabre de mon père!!!...

Я видѣлъ Шешковскаго, Ушакова и фонъ-Фока, которые просили меня передать, при твоемъ посредствѣ, ихъ братскій поцѣлуй дворянину Павлову. Іуда Искаріотскій явился ко мнѣ за справкою—узнать отъ тебя, правду ли писали въ «Гражданинѣ», будто россійское дворянство собирается ставить въ память его какую-то часовню, что ли, и—въ случаѣ, если да, любезно предлагалъ первымъ под-

---

*) Тутъ очевидное недоразумѣніе. Франко-курскаго патріота Доррера зовутъ совсѣмъ не Иваномъ-Владиміромъ-Филиппомъ, но просто Владиміромъ Филипповичемъ. Иваномъ же звали первоавтора этой сентенціи - Иванушку изъ фонвизинскаго „Бригадира". Да и самую сентенцію мистеръ Стыдъ переврилъ и вывернулъ на изнанку. Иванушка говорилъ: хотя тѣло мое родилось въ Россіи, но сердце принадлежитъ коронѣ французской!

Примѣчаніе Ал. А.

писаться въ размѣрѣ одного изъ тридцати сребрениковъ. Я былъ нѣсколько изумленъ:

— Но вѣдь вы же, помнится, возвратили!?

Но онъ хитро подмигнулъ мнѣ и возразилъ:

— Это по другому дѣльцу-съ!

Въ чемъ заключалось дѣльце, почтенный промышленникъ умолчалъ но отъ другихъ призраковъ я освѣдомился, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Іуда то и дѣло отлучается изъ преисподней въ таинственныя командировки—то въ Баку, то въ Кишиневъ, то въ Житоміръ, то въ Бѣлостокъ, а когда ѣздилъ въ Курскъ и въ Саратовъ, то даже зачѣмъ-то прихватывалъ съ собою и Ирода,—ты помнишь, конечно, Стэдъ?—это былъ знаменитый древній спеціалистъ раціональной педагогики, воспитавшій въ Виѳлеемѣ сорокъ тысячъ младенцевъ по усовершенствованному методу собственнаго изобрѣтенія. И, наконецъ, я доспался до патріарха Никона. Онъ пришелъ, очень печальный, сконфуженный. Говорилъ сиплымъ басомъ, на о, и—первымъ его словомъ было:

— Прошу не смѣшивать!

Всматриваясь въ странную тѣнь, я замѣтилъ, что она вся облѣплена анонсами того же содержанія:

«Просятъ не смѣшивать съ однофамильцами». «Остерегаться поддѣлокъ!» «Въ Серпуховѣ и Рузѣ моя фирма отдѣленій не имѣетъ!». «Убѣдительно просятъ кліентовъ требовать на этикетѣ подписи *патріарха* Никона». «Контрафакція будетъ преслѣдована по закону». «Фирма *архимандрита* Никона ничего общаго съ моею не имѣетъ»...

— Облѣпишься сыне!.. вздохнулъ онъ, въ отвѣтъ на мой вопросительной взглядъ. Оле мнѣ, грѣшному, поруганія человѣческаго! Бѣхъ въ черноризцѣхъ, днесь же терплю напраслину, яко имя мое въ черносотцѣхъ посрамлено бысть... Ты же, возлюбленное чадо, поспѣшай въ Россію, да образумиши брата своего. А не то дождется твой Стэдъ,

что сей, именующій себя Никономъ, благословитъ его обѣими руками!

Словомъ, я былъ непрестанно терзаемъ либо самыми мрачными предвѣщаніями на твой счетъ, либо просто предчувствіями, что ты вращаешься не въ томъ обществѣ, къ которому мы съ тобою привыкли за тридцать лѣтъ, и находишься въ опасности себя компрометтировать. Сомнѣнія мои стали невыносимы. Измученный, я рѣшилъ самовольно отправиться вслѣдъ за тобою, въ Россію, и—что бы ни было,—раздѣлить съ тобою свою судьбу. Такъ какъ я очень хорошо помню, что русскіе, приглашавшіе тебя, упорно настаивали, чтобы ты пріѣхалъ къ нимъ одинъ, и именно я, Стыдъ, отнюдь тебя не сопровождалъ бы, то я сообразилъ, что, если отправлюсь въ путешествіе подъ настоящимъ своимъ именемъ, то могу встрѣтить большія непріятности и, можетъ быть, даже задержку на русской границѣ, а потому рѣшился вооружиться псевдонимомъ. Воспользовавшись нѣкоторыми твоими бумагами, мнѣ довѣренными, я легко получилъ паспортъ на твое имя и, какъ второй мистеръ Вильямъ Стэдъ-младшій, полетѣлъ искать моего милаго, невѣрнаго, легкомысленнаго измѣнника, мистера Вильяма Стэда-старшаго. Къ сожалѣнію, я не утерпѣлъ, чтобы не подѣлиться своимъ планомъ съ небезызвѣстною тебѣ англо-русскою политическою писательницею и дѣятельницею г-жею Ольгою Новиковою. Она весьма одобрила мои намѣренія, но—женщина всегда женщина! Въ результатѣ моей неосторожной довѣрчивости, къ часу моего отъѣзда на вокзалъ желѣзной дороги любезно явился пожать мнѣ руку г. Веселитскій-Божидаровичъ, и такимъ образомъ мое incognito было нарушено съ мѣста въ карьеръ, и Европѣ стало извѣстнымъ, что въ Россію, подъ именемъ Стэда младшаго, поѣхалъ мистеръ Стыдъ. Дорога моя до русской границы не изобиловала приключеніями. Только въ Парижѣ, на Gare du Nort, ко мнѣ подошелъ очень хорошо одѣтый и чрезвычайно учтивый молодой человѣкъ, отре-

комендовался мнѣ русскимъ журналистомъ-дипломатомъ и финансовымъ чиновникомъ духовнаго вѣдомства иностранныхъ исповѣданій для внутреннихъ дѣлъ (ты больше меня знаешь Россію, милый Стэдъ,—скажи: взаправду есть такое вѣдомство?), Иваномъ Манасевичемъ-Мануйловымъ, и освѣдомился, не можетъ ли онъ быть мнѣ чѣмъ-либо полезенъ. Онъ привѣтствовалъ меня, какъ мистера Стэда, но мнѣ почему-то казалось, будто онъ отлично освѣдомленъ, что я, въ сущности, мистеръ Стыдъ. На прощанье, этотъ любезнѣйшій и приличнѣйшій молодой человѣкъ былъ такъ добръ, что снабдилъ меня попутчиками, уговоривъ двухъ своихъ знакомыхъ пассажировъ, тоже еще молодыхъ людей, занять купэ, сосѣднее съ моимъ. По его вполнѣ справедливому замѣчанію, эти любезные господа до границы могли развлечь меня въ дорожной скукѣ, а на границѣ—помочь мнѣ оріентироваться въ новыхъ условіяхъ незнакомой страны. Я былъ до слезъ тронутъ нѣжною предупредительностью русскаго, видѣвшаго меня впервые въ жизни.

Въ Вержболовѣ мои молодые спутники распрощались со мною столь же любезно, какъ меня сопровождали; они ѣхали только до этой станціи, имѣя—говорили они—торговыя дѣла въ мѣстномъ фабричномъ раіонѣ. Удивительно, какъ въ русской интеллигенціи всѣ знакомы между собою! Не успѣли оставить меня мои заграничные друзья, какъ ихъ остановилъ пожилой, очень краснолицый господинъ, который, послѣ краткаго и дружескаго съ ними разговора, мигнулъ артельщику, чтобы тотъ несъ за нимъ его вещи, и направился къ моему вагону. Помѣстившись въ оставленномъ молодыми людьми купэ, онъ не замедлилъ заглянуть въ мое отдѣленіе. Я, видя, что онъ ищетъ познакомиться, не замедлилъ его пригласить. Онъ отрекомендовался Иваномъ Антоновичемъ Расплюевымъ. Гдѣ-то я слыхалъ эту фамилію раньше. А ты? Мистеръ Расплюевъ оказался человѣкомъ очень словоохотливымъ. Разго-

воръ, конечно, начался съ разспросовъ, кто я таковъ, куда и зачѣмъ ѣду. Продолжая играть роль Вильяма Стэда младшаго, я объяснилъ ему, что я англійскій журналистъ и, по вызову въ Петербургъ телеграммою, ѣду цивилизовать обуянныхъ эпидеміей конституціонализма, русскихъ медвѣдей и читать имъ рефераты о правовомъ порядкѣ, какъ непремѣнномъ послѣдствіи усиленной постройки политическихъ кутузокъ.

— Н-да-съ!—вздохнулъ г. Расплюевъ.—Понимаю-съ... О-хо-хо-хо-хо! Дивны дѣла твои, Господи! До здѣ, въ нѣдрахъ своихъ, мы въ семъ направленіи отечественными фруктами обходились, а нынѣ, вотъ — уже и англичанъ выписывать стали... англичане понадобились!... Куда мы идемъ? О-хо-хо-хо! Куда мы идемъ?

— Вы, кажется, не очень долюбливаете англичанъ?— замѣтилъ я г. Расплюеву.

Онъ, подумавъ, отвѣчалъ:

— Англичанъ-то? Просвѣщенныхъ-то мореплавателей? Никакъ нѣтъ, сударь... Прежде, это точно, былъ глупъ: ненавидѣлъ эту націю, потому какъ, знаете, боксъ тамъ у васъ... ну, и все такое прочее остальное, непріятное для физіономіи человѣка, ежели который долженъ питать своихъ птенцовъ трудами рукъ своихъ... Но — какъ теперича вся наша россійская жизнь въ сплошной боксъ обратилась, то я, сударь мой, нынѣ сталъ того мнѣнія, что сія англійская наука и есть намъ самая благопотребная. И опять же, сударь вы мой, англичанинъ англичанину рознь. Вамъ мистеръ Вильямъ Стэдъ старшій — какъ? родственникъ будутъ?

— Братъ родной.

— Очень пріятно слышать,—съ уваженіемъ сказалъ г. Расплюевъ. — Отмѣнный человѣкъ вашъ братецъ. Истинно государственный умъ. Какъ ѣхали они къ намъ въ Россію,— вотъ, все равно, какъ вы изволите ѣхать, — мы, простые русскіе люди, которые ѣдятъ пряники неписанные, даже

и струхнули было немножко. Потому, знаете, все-таки, въ газетахъ читывали: другъ Гладстона... да болгаре тамъ... да армяне тамъ... да всякіе македонцы тамъ... да бѣлыя рабыни тамъ... ну, какъ пріѣдетъ, да и насъ, грѣшныхъ, на всю Европу распотрошитъ? А онъ, милуша ангельская, взамѣнъ того, едва вылѣзъ изъ вагона, только носомъ въ воздухѣ повелъ:—А никакъ, говоритъ, у васъ сегодня въ Питерѣ пекли пироги съ лососиною? Кулебякою пахнетъ... Сразу, знаете, отлегло отъ сердца-то! Помилуйте: ждали антихриста, анъ — пріѣзжаетъ душа общества!.. Сейчасъ мы его, благодѣтеля, подняли на ура, да такъ прямо съ вокзала, черезъ тріумфальную арку, и домчали къ пирогу. Зубровочки? Запеканочки? Еще кусочекъ — съ вязигою? Икорки? Семушки? Стаканчикъ красненькаго? бокальчикъ холодненькаго? Помилуйте, русское гостепріимство! Мы ли не понимаемъ? Коль скоро изволитъ къ намъ жаловать европейская гласность, должны мы ее почтить или нѣтъ? Винтъ генеральскій устроили,—такого, я вамъ скажу, со временъ Ивана Александровича Хлестакова не видано... Да-съ! Что тамъ «французскій посланникъ, турецкій посланникъ»... Подымай выше... Этакъ вотъ—Евгеній Васильевичъ Богдановичъ, этакъ вотъ—Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ, этакъ вотъ—директоръ департамента государственной полиціи, а этакъ—самъ мистеръ Стэдъ... козыряетъ! Ухъ, козыряетъ! Мы съ Михайлою Васильевичемъ Кречинскимъ,—изволили слыхать?—издали наблюдали; только диву давались, каковъ онъ фарсунь есть, братецъ вашъ. Такъ и рѣжетъ: Я, говоритъ, и то, я и се... Я, говоритъ, наукамъ обучался, и вы, говоритъ, меня за фельдмаршала приняли, и у меня, говоритъ, въ передней отъ генераловъ — шу-шу-шу, шу-шу-шу-шу, а иной разъ и самъ министръ, а либералишки ваши мнѣ, говоритъ, тьфу! — я съ ними строго, чтобы у меня — ни-ни-ни-ни!.. Просто, знаете, вчужѣ послушать — елей по сердцу, бальзамъ въ душѣ и именины сердца!

— Вы почему же присутствовали?

Иванъ Антоновичъ нѣсколько потупился и, видимо, пытался что-то скрыть отъ меня. Но природная откровенность нрава превозмогла.

— Наряженъ былъ по обязанностямъ службы,— съ важностью произнесъ онъ.

— А гдѣ вы служите?

Но на это онъ вдругъ пошлѣйшимъ манеромъ выставилъ мнѣ красный свой языкъ и отвѣчалъ:

— Много будете знать, скоро состаритесь.

И, прекративъ разговоръ, вынулъ изъ кармана номеръ газеты «День» и погрузился въ его изученіе. Но говорю тебѣ: этотъ человѣкъ сотканъ изъ искренности и молчать не можетъ. Если позволишь выразиться, экспансивность изъ него «претъ». Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ бросилъ газету и обратился ко мнѣ какимъ-то особеннымъ, вызывающимъ тономъ:

— Ну, и служу! Что жъ, что служу? Ничего тутъ дурного нѣтъ, ежели служу,—напротивъ, одно похвальное. Кто же теперь не служитъ? Почему же мнѣ не служить? Я пользу отечеству приношу!

Горячность мистера Расплюева сперва очень изумила меня, но затѣмъ нѣсколько разъяснилась. Оказалось, что мистеръ Расплюевъ занимаетъ въ Россіи отвѣтственный постъ сдѣльнаго сыщика по политической части, съ сверхштатною должностью мобилизатора черной сотни по требующимъ таковой городамъ имперіи. Не скажу, чтобы подобное открытіе сдѣлало меня особенно счастливымъ, но въ путешественникѣ, посѣщающемъ чужую страну, чтобы изучить ея нравы, брезгливость не у мѣста. Къ тому же я вспомнилъ незабвеннаго нашего Шерлока Хольмса и апоѳеозы его изыскательной дѣятельности, созданные Конанъ Дойлемъ, и разсудилъ, что если у насъ въ Англіи сдѣлался идеаломъ Шерлокъ Хольмсъ, то почему же въ Россіи не можетъ быть идеаломъ Расплюевъ? Такъ что я лишь

выразилъ почтенному труженику свое удивленіе къ легкости, съ какою онъ признается въ своей, отчасти щекотливой профессіи.

— О!—возразилъ онъ хладнокровно,—у насъ на этотъ счетъ теперича стало чрезвычайно какъ откровенно... Это прежде скрывались, а теперь многіе даже за честь почитаютъ... Помилуйте!—онъ потрясъ «Днемъ»,—цѣлыя газеты сыщическія, политическіе, въ нѣкоторомъ родѣ, органы издаются... и—ничего: авторы подписываютъ статьи полными именами и подъ хвостомъ номера обозначено—редакторъ Федоръ Бергъ. Нѣтъ, мы больше не скрываемся. Да и что же скрываться? Скрывайся, не скрывайся,—пуля виноватаго найдетъ... Я и вамъ не совѣтую очень ужъ скрываться-то!—неожиданно резюмировалъ онъ.

— То-есть... мнѣ... собственно говоря... въ чемъ же?!—изумился я.

Но онъ, подмигивая, трепалъ меня по колѣнкѣ и говорилъ:

— Ну, что ужъ... Не бойтесь: между своими... Рыбакъ рыбака видитъ издалека... А смѣю спросить, въ какомъ размѣрѣ окладъ получаете?

— Но позвольте, мистеръ Расплюевъ, я рѣшительно ни отъ кого не получаю никакого оклада!

— Ага! Тоже сдѣльно работаете? И это теперича, при усердіи, бываетъ выгодно...

— И сдѣльно не работаю... Я васъ не понимаю! За кого вы меня принимаете?

— И сдѣльно—нѣтъ?!—совершенно былъ пораженъ и остолбенѣлъ онъ.—Фу ты, чортъ?! Впервые вижу... Да неужели вы на такія дѣла даромъ, совсѣмъ таки даромъ пошли?

— Продолжаю васъ не понимать!

Онъ долго разсматривалъ меня съ любопытствомъ, но безъ малѣйшей зависти, и, наконецъ, произнесъ медленно и учительно:

— Я свѣтскаго образованія не получилъ, но бывшій покровитель и благодѣтель мой, Михайло Васильевичъ Кречинскій, часто повторялъ при мнѣ поговорку нѣкоего французскаго писателя... звали его, кажись, Альфонсомъ Карромъ: le plus infâme dans ce monde c'est d'être infâme gratis! Даромъ! Ну, скажите, пожалуйста?! Теперича я понимаю, почему васъ, англичанъ, начали выписывать! Даромъ! Я, Расплюевъ, и то потому лишь въ сей трудъ опредѣлился, что гнѣздо питать долженъ и къ тому же, какъ извѣстно, желудокъ у меня—волканъ, то есть не волкъ, но три волка... А они—прошу покорно!—даромъ! Изъ любви къ искусству! Н-да-съ... даромъ—это чего дешевле?! Но, однако... какая же намъ конкурренція!

И вдругъ онъ крѣпко стукнулъ по своему колѣну кулакомъ и, свирѣпо выпучась на меня, крикнулъ:

— Забастую!

— Что съ вами, Расплюевъ?!

— Забастую, ежели такъ... и шабашъ! Забастую! Всѣ забастуемъ! И я, и Михайло Васильевичъ, и Федоръ Николаевичъ, и Владиміръ Андреевичъ, и дворянинъ Павловъ, и архимандритъ Никонъ... всѣ! и прочіе... всѣ! Потому что, коль скоро нашъ трудъ не огражденъ отъ конкурренціи иностраннаго производства, въ чемъ же теперича заключается нашъ русскій протекціонизмъ и какой же, спрашивается, намъ, патріотамъ, очищается профитъ? Это называется—не дѣло, а гробъ: ложись, да помирай!

И, уже съ положительною ненавистью глядя на меня, добавилъ:

— Разъѣздились... даровые!.. Хоть бы васъ, англичановъ, ввозною пошлиною обложили, что ли?! Эхъ Витте нѣтъ—тебя, шельму, забандеролить!

Мнѣ окончательно пришлось убѣдиться, что мой спутникъ считаетъ меня за товарища и за соперника по профессіи, приглашеннаго Петербургомъ изъ Англіи, такъ

сказать, на гастроли. Всѣ мои попытки опровергнуть странныя предположенія г. Расплюева оказались тщетными. Человѣкъ, что называется, уперся на своемъ и, на мои разувѣренія только, посмѣивался, качалъ головою, трепалъ меня по плечу, по животу и твердилъ свою дурацкую поговорку:

— Рыбакъ рыбака видитъ издалека!

Поразительно быстрый и энергическій народъ эти русскіе, другъ Вильямъ! Не знаю, какъ ты, но я, едва вышелъ изъ вагона, какъ очутился въ объятіяхъ браваго военнаго въ мундирѣ нѣжносиняго сукна. Онъ любовно лобызалъ меня, прикладывая къ щекамъ моимъ душистые усы, и привѣтствовалъ даже стихами:

Вильямъ Вильямычъ! Запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали...

И, утирая слезу радости, обратился къ близъ стоящему штатскому, но величественному старцу:

— Евгеній Васильевичъ! Вотъ онъ! Благословите благороднаго пришельца, самоотверженно идущаго на рать за чужое отечество! Ex occidente lux! И—да погибнутъ грѣшници!

Старецъ осѣнилъ меня, какъ иконою, кипою какихъ-то листковъ съ раскрашенными картинками и воскликнулъ голосомъ патетическимъ, хотя и нѣсколько осипшимъ отъ частыхъ застольныхъ рѣчей:

— Симъ побѣдиши!

Картинки оказались благочестиво-патріотическаго содержанія, но—каково же было мое удивленіе, когда, заглянувъ внутрь пачки, я открылъ листокъ совсѣмъ иной литературы... и еще, и еще, и еще...

— Что? что? что?—возопилъ старецъ,—опять?! быть не можетъ!

Провѣрилъ фактъ—и сокрушенно поникъ головою, говоря генералу:

— Ну, вотъ и извольте работать при такихъ усло-

віяхъ: ну, не шельмы ли? ну, не подлецы ли? Даже и мнѣ крамолу за пазуху подсунули!.. Думаешь сѣять пшеницу—анъ, разсѣваешь плевелы! Думаешь насаждать добродѣтель—выростаетъ порокъ!

Военный же, съ твердостью человѣка огорченнаго, но не способнаго согнуться предъ грозою, возразилъ:

— И такъ какъ плевелы крамолы растутъ непрерывно, не будемъ кунктаторами: пойдемъ—и поспѣшимъ полоть оные! А вы, мистеръ Стэдъ, поможете намъ замѣстить плевелы пшеницею...

Онъ очень подчеркнулъ тонъ, произнося «мистеръ Стэдъ», изъ чего я заключилъ, что и онъ не весьма-то увѣренъ, что я, въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Стэдъ и мнѣ предстоитъ выдержать серьезное испытаніе «на Стэда»—вродѣ, такъ сказать, экзамена моей политической зрѣлости. Признаюсь тебѣ, Вильямъ, тутъ я струхнулъ. Конечно, всѣ эти любезные люди чрезвычайно милы со мною, даже очаровательны, но... я столько странныхъ разсказовъ слышалъ о Россіи, какъ странѣ самыхъ неожиданныхъ житейскихъ метаморфозъ... и... и, однимъ словомъ, милый Вильямъ, я вдругъ получилъ совершенно опредѣленную увѣренность, что если я на ожидаемомъ испытаніи провалюсь, то меня, не взирая на мое просвѣщенное мореплавательство и всѣхъ велико-британскихъ консуловъ въ мірѣ, въ лучшемъ видѣ разложатъ и высѣкутъ. И... и, чѣмъ больше я смотрѣлъ въ ясные, кроткіе глаза голубого военнаго и на патріархальныя сѣдины старца, тѣмъ болѣе росла и становилась тверже моя внезапная увѣренность. И, проклиная день и часъ, когда осѣнила меня легкомысленная идея поѣхать въ Россію, чтобы быть твоимъ менторомъ, я, скрѣпя сердце, рѣшилъ покориться обстоятельствамъ и исполнить все, чего бы эти господа отъ меня ни потребовали. И, какъ скоро я рѣшился,—вообрази себѣ, Вильямъ!—мнѣ вдругъ представилось, что я лишился собственной своей личности,

потерялъ самого себя!.. И въ тотъ же моментъ собесѣдники мои бросились опять обнимать меня, восклицая:

— Ну, вотъ теперь несомнѣнно, что онъ не самозванецъ! Теперь вы нашъ! Это то самое лицо, которое намъ нужно! Теперь мы вѣримъ, что вы мистеръ Стэдъ, а не мистеръ Стыдъ! Его выраженіе лица, его манера, его образъ мысли и дѣйствій... Ахъ, милый! милый! милый!

И они трясли меня за руки, говоря:

— Повѣрьте, никто лучше насъ не понимаетъ, что печать есть шестая великая держава.

Я позволилъ себѣ спросить:

— Если такъ, почему же вы не даете свободы своей печати?

Мнѣ дипломатически отвѣчали:

— Ахъ, голубчикъ! Развѣ можно со всѣми великими державами жить въ мирѣ? Надо же съ которою-нибудь быть и въ войнѣ!

Затѣмъ меня посадили въ карету и повезли къ мѣсту моего испытанія—на встрѣчу дѣятельности, которою я долженъ былъ спасти гибнущую Россію. По дорогѣ военный подробно и неустанно развивалъ мнѣ программу, которой отъ меня ожидаютъ. Я слушалъ, поддакивалъ, обѣщалъ—и, съ каждымъ оборотомъ колесъ подъ каретою, чувствовалъ, что я больше и больше утрачиваю самого себя и нахожу въ себѣ тебя, мой милый Вильямъ... Повидимому, то же самое замѣчалъ и мой военный спутникъ. По крайней мѣрѣ, вглядываясь въ меня, онъ то и дѣло перебивалъ свою лекцію отрывочными замѣчаніями a parte:

— Отлично... превосходно... именно такъ... аккуратъ... вылитый... двѣ капли воды... лучше требовать невозможно!..

Меня привезли на митингъ русскихъ либераловъ, собирающихся пожрать солнце отечественнаго закона и по-

рядка, подобно тому, какъ, при затменіи, луна пожираетъ солнце па небѣ. Высаживая меня изъ кареты, голубой военный опять облобызалъ меня и перекрестилъ широкимъ крестомъ.

— Во Франціи спасла отечество Жанна д'Аркъ, а ты, Василій Васильевичъ, будь нашимъ Жанъ д'Аромъ!!!

Онъ былъ такъ доволенъ, что и не замѣтилъ, какъ перешелъ со мною на ты.

— Какъ сына тебя возлюбилъ. Вотъ—истинное тебѣ слово говорю, Василій Васильевичъ, какъ сына!.. Ты ужъ извини меня, братъ, что я тебя Васильемъ Васильевичемъ зову... Вильямъ—оно, знаешь, все-таки, бусурмански какъ-то звучитъ, совсѣмъ тебѣ не къ физіономіи, знаешь... Вильямы—это, которые Шекспиры, а ты—Василій Васильевичъ... Гораздо болѣе кстати! Ужъ ты моей опытности повѣрь!

Статскій же старецъ снова хотѣлъ благословить меня патріотическою картиною, но такъ какъ въ початой имъ пачкѣ опять фатально оказалось совсѣмъ не то, что требовалось, и даже совершенно обратное, то онъ только плюнулъ съ досадою и сильно произнесъ:

— Сіе да помажетъ тебя елеемъ пророчества!

Я не могъ не замѣтить, что слюна старца—совершенно черная, и не могъ не полюбопытствовать о причинѣ. Оказалось, что бѣдняга, уже лѣтъ двадцать тому назадъ, въ Севастополѣ такъ жестоко наглотался каменнаго угля, что до сихъ поръ не въ состояніи отъ него откашляться... Однако, добрый старецъ не только мужественно переноситъ свое несчастіе, но даже геройски предлагаетъ:

— За вѣру, царя и отечество—готовъ сызнова! когда угодно! не въ тягость, а въ сладость! Готовъ—еще и еще... хотя бы и сторицею!

Итакъ, я очутился предъ митингомъ либераловъ. Долженъ тебѣ по совѣсти сознаться, милый Вильямъ, что я совсѣмъ не нашелъ ихъ похожими на дикарей, которыхъ

мы съ тобою воображали въ Лондонѣ. Наблюдая этихъ джентльменовъ, я не замѣтилъ, чтобы у кого-либо изъ нихъ росъ хвостъ, болталось кольцо въ носовой перегородкѣ или верхняя губа была проткнута кускомъ дерева. Никто не закусывалъ сальными свѣчами и не пилъ бычачьей крови изъ черепа. Я тщетно искалъ національныхъ тулуповъ шерстью дыбомъ вверхъ,—ни одной каменной палицы, ни единаго бронзоваго топора. Прямо тебѣ скажу: если бы я былъ еще мистеръ Стыдъ, а не уже мистеръ Стэдъ, я не поколебался бы признаться, что предо мною сидятъ и стоятъ люди ничуть не хуже и не глупѣе насъ съ тобою, а — полную правду говоря— можетъ быть, малость и получше, и поумнѣе, да и съ большею интеллигентностью. Но такъ какъ я былъ уже мистеръ Стэдъ, а не еще мистеръ Стыдъ, то — будто пелена какая застлала глаза мои, и... Рубиконъ былъ перейденъ, а жребій брошенъ!

Меня встрѣтили, если не слишкомъ дружелюбно, то, во всякомъ случаѣ, вѣжливо. Проходя рядами либераловъ, мнѣ, впрочемъ, наконецъ удалось подмѣтить нѣсколько несомнѣнно дикихъ чертъ, свидѣтельствующихъ о молодости русской цивилизаціи. Такъ—они любопытны, точно дѣти. Одинъ, напримѣръ, остановилъ меня наивнымъ вопросомъ:

— Почему вы не въ гороховомъ пальто?

Я, снисходительно улыбаясь, объяснилъ этому сыну природы, что я имѣю дома очень хорошее гороховое пальто, но надѣваю его только по праздникамъ.

— Э! на вашей улицѣ всегда праздникъ! — съ завистью возразилъ мнѣ дикій человѣкъ. Другой громко увѣрялъ, что я существо сверхъ-естественное, и тѣло у меня не какъ у людей, но голубое.

— Снимите съ него штаны, — рекомендовалъ онъ, и вы увидите подъ ними жандармскія брюки!

Испугавшись, чтобы наивныя дѣти натуры не перешли

отъ теоріи къ практикѣ, я поспѣшилъ оставить среду ихъ и поднялся на каѳедру.

Вильямъ! Ты знаешь, что такое вдохновеніе. Ты часто говорилъ мнѣ даже, что васъ лишь пять-шесть на всемъ земномъ шарѣ, имѣющихъ право хвалиться, что знаютъ настоящее вдохновеніе: ты, англійскій актеръ Альфредъ Джингль, нѣмецкій баронъ Мюнхгаузенъ, французъ Тартаренъ изъ Тараскона и русскіе дворяне Ноздревъ, Репетиловъ и Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Но—клянусь тебѣ: когда я увидалъ себя на возвышеніи предъ русскимъ митингомъ, со всѣми его выжидательными глазами и удивленно разинутыми ртами, я... нѣтъ, я просто не умѣю назвать и описать тебѣ, что со мною сдѣлалось! Это былъ экстазъ! паѳосъ! проникновеніе міровою гармоніей и полетъ въ музыку сферъ! Меня осѣнило даже не вдохновеніе... нѣтъ, сразу всѣ міровыя вдохновенія: твое, нѣмца Мюнхгаузена, нашего соотечественника Джингля, француза Тартарена и русскихъ дворянъ Ноздрева, Хлестакова и Репетилова! Чувства душили меня и просились наружу. Я простеръ руки свои, открылъ ротъ, хотѣлъ заговорить и... и, вмѣсто того,—запѣлъ!!!

Да, Вильямъ! Запѣлъ! И очень хорошо, увѣряю тебя! Я даже не подозрѣвалъ раньше, что умѣю такъ хорошо пѣть... ну, просто хоть въ оперу! ну, безъ преувеличеній тебѣ говорю: слаще чѣмъ Собиновъ, и величавѣе, чѣмъ Шаляпинъ!

И сказать ли тебѣ, что я пѣлъ, что само собою выходило изъ устъ моихъ, когда я прислушался къ неожиданному плоду своего вдохновенія?

А вотъ что:

— Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно,
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!...

На послѣднемъ словѣ я сдѣлалъ руладу съ ферматою на верхнемъ до. Затѣмъ крикнулъ: — Ура! — и остано-

вился, любезно улыбаясь въ ожиданіи грома апплодисментовъ. Но представь себѣ мое удивленіе, негодованіе, даже легкій испугъ: въ залѣ царило гробовое молчаніе. Я уже испугался было, не усыпилъ ли я этихъ несчастныхъ, какъ случилось съ Орфеемъ, когда онъ пѣлъ предъ дикими звѣрями. Но со всѣхъ сторонъ смотрѣли на меня широко открытые глаза — съ выраженіемъ, которое — не скажу тебѣ, чтобы мнѣ понравилось...

И вдругъ, среди общей тишины, въ дальнемъ углу залы, чей-то одинокій рѣзкій голосъ крикнулъ коротко и ясно:

— Agent provocateur!

И, не успѣлъ я опомниться, какъ митингъ превратился въ столпотвореніе вавилонское. Дикари вскочили на ноги, какъ одинъ человѣкъ, и, устремивъ на меня съ покиваніемъ персты свои, точно придворные въ «Периколѣ» на злополучнаго Пикилло, тоже запѣли всѣ хоромъ, — съ ужасающею какофоніей, — возмутительно революціонный кэкъуокъ:

— Это не пройдетъ,
Это не пройдетъ,
Мы всѣ ваши шутки понима-а-емъ!
Это не пройдетъ,
Это не пройдетъ,
Ваши планы вамъ предоставля-а-а-а-а-емъ!

А затѣмъ они начали, по очереди, всходить на каѳедру и говорить. Ахъ, Вильямъ, Вильямъ! И кой чортъ понесъ насъ съ тобою на эту галеру?! Я наслушался такихъ вещей, что уши мои до сихъ поръ горятъ со стыда — за себя, Вильямъ, за себя и за тебя... ну, какъ ты могъ поѣхать, ну, какъ я могъ отпустить тебя и потомъ еще самъ ввязался въ эту глупую авантюру?

Особенно тяжело уязвилъ меня одинъ толстый и рослый дикарь, который, посмѣиваясь и слегка задыхаясь, въ самомъ любезномъ и даже изысканно-деликатномъ тонѣ, повелъ вдругъ пренеловкія рѣчи объ иностранцахъ, кото-

рые сваливаются съ неба устраивать дѣла чужой страны, не потрудившись предварительно познакомиться ни съ ея исторіей, ни съ ея бытомъ, ни съ ея политическимъ ростомъ, ни съ ея экономическими условіями. Въ заключеніе, онъ очень ласково посовѣтовалъ мнѣ изучить все это въ Россіи, а сверхъ того,—нѣтъ, ты вообрази дерзость!—повторить, хотя бы по элементарному учебнику, курсъ гражданскаго и государственнаго права, дѣйствующаго въ нашемъ собственномъ отечествѣ!!!.. Откровенно тебѣ признаться, Стэдъ, я, дѣйствительно, хромоватъ по этой части, но,—слышать обличеніе въ невѣжествѣ отъ какого-то дикаря?! Готовясь побѣдоносно отвѣтить, я спросилъ ближайшаго сосѣда:

— Бѣлокожій братъ мой! Чѣмъ, собственно, занимается у васъ этотъ вождь?

Сосѣдъ угрюмо отвѣчалъ:

— *У насъ* онъ ничѣмъ не занимается, а вотъ *у васъ*, въ Европѣ—читаетъ лекціи государственнаго права въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Эдинбургѣ, въ американскихъ университетахъ...

Это звучало странно, Стэдъ, и настолько меня озадачило, что я... какъ-то, знаешь... того... оставилъ свое намѣреніе разбить дерзкаго врага на почвѣ юриспруденціи. Слѣдующій ораторъ—часъ отъ часа не легче!—оказался докторомъ оксфордскаго университета. Слѣдующій имѣлъ каѳедру въ Кэмбриджѣ... И каждый изъ нихъ, милый Стэдъ, выдралъ меня нравственно за уши по всѣмъ правиламъ искусства и столь ощутительно, что, говорю тебѣ, уши до сихъ поръ горятъ, а иногда мнѣ даже кажется, будто они растутъ и покрываются шерстью!

Единственное, что было нѣсколько непонятно въ этихъ господахъ,—то обстоятельство, что всѣ они, будучи профессорами въ Эдинбургѣ, Филадельфіи, Стокгольмѣ, Оксфордѣ, не имѣли каѳедръ на родинѣ—въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ... Я опять спросилъ со-

сѣда: почему? онъ мнѣ отвѣчалъ еще суше и съ весьма презрительнымъ взглядомъ:

— А ужъ объ этомъ вы освѣдомитесь у тѣхъ, кто васъ сюда направилъ!.. Эхъ, вы! Даже такой азбуки въ дѣлахъ нашихъ не знаете, а, не спросясь броду, суетесь въ воду!.. Гадали бы ужъ лучше по кофейной гущѣ или по бобамъ... миротворецъ!..

Не знаю, Вильямъ, горѣніе ли надранныхъ ушей, очень ли ужъ обидный тонъ моего собесѣдника тому виною, но только—при этихъ его словахъ—ты, наконецъ, какъ то сразу выскочилъ изъ меня, а я самъ себѣ возвратился. И—въ тотъ же моментъ я почувствовалъ, что весь пылаю смущеніемъ, конфузомъ, досадою,—что мнѣ за себя неловко и совѣстно, какъ еще никогда въ жизни не бывало,— и я сижу въ такихъ глубокихъ и безвыходныхъ дуракахъ, что можно показывать за деньги съ благотворительною цѣлью. И единственнымъ желаніемъ моимъ въ этотъ моментъ нравственнаго прозрѣнія стало—вылѣзти изъ своей позорной ямы и не дать всезрящей Кліо времени занести на скрижали свои мое приключеніе, безъ должной поправки.

И я опять вошелъ на каѳедру и сказалъ:

— Господа! Извините мнѣ, ради Бога, тотъ надменно дѣтскій лепетъ, которымъ я только что васъ удручилъ! Не обращайте на него вниманія: по неопытности, видитъ Богъ, по неопытности: не вѣдалъ бо, что творилъ! И если другъ мой и предшественникъ, Вильямъ Стэдъ, распространялся передъ вами въ томъ же духѣ,—простите заодно ужъ и ему. Онъ виноватъ предъ вами, собственно говоря, только тѣмъ, что поѣхалъ къ вамъ, не захвативъ меня съ собою. Вмѣстѣ мы, можетъ быть, и сумѣли бы разобрать истинное положеніе дѣла, хотя бы настолько, чтобы не попасть въ такой унизительный просакъ и, по крайней мѣрѣ, sauver les apparences, при невозможности лучшаго исхода. Но—что же дѣлать!? Мы неосторожно разлучились и—

вотъ результаты. Не наша вина, если у васъ въ Россіи такой волшебный воздухъ, что не только Стэдъ остался безъ Стыда, но и я, его вѣрный Стыдъ, едва не измѣнилъ себѣ и не сдѣлался Стэдомъ.

— Ага! Попался таки! Проговорился... даровой! Ну, братъ, теперь я тебя держу... врешь! не вывернешься! Не угодно ли слѣдовать за мною?

Съ такими словами,—въ то время, какъ я смиренно каялся покаяніемъ Давидовымъ, — вдругъ — невѣсть откуда—выскочилъ и уже держалъ меня за шиворотъ мой утренній знакомый, торжествующій и свирѣпо осклабленный, Иванъ Антоновичъ Расплюевъ. Двери широко распахнулись, и вслѣдъ за Расплюевымъ № 1, въ залъ, ворвались другіе Расплюевы, и еще Расплюевы, и еще, и еще, и еще. И каждый изъ нихъ, входя, бралъ за шиворотъ одного изъ только что слушавшихъ меня либераловъ и говорилъ:

— Не угодно ли слѣдовать за мною?

— А когда истощились Расплюевы, пошли Ноздревы. Когда истощились Ноздревы, пошли Собакевичи. За Собакевичами—Чичиковы, Скотинины, Загорѣцкіе, Скалозубы, Держиморды, Сквозники-Дмухановскіе, Буяновъ, мой сосѣдъ, Василискъ Перцовъ, Титъ Титычъ Брусковъ и экзекуторъ Яичница... И каждый, входя, устремлялъ руку къ чьему-либо шивороту и предлагалъ:

— Не угодно ли слѣдовать?

И бысть пря!..

И се,—по прѣ,—лежу я, бѣдный Стыдъ, въ тюремной больницѣ, и изъ реберъ, коихъ я лишился, можно создать, по крайней мѣрѣ, три Евы, что, къ слову сказать, было бы очень кстати для пополненія женскаго комплекта, въ виду возможнаго распространенія на женщинъ избирательныхъ правъ. И—мало того: еще предъявляютъ ко мнѣ обвиненіе по статьѣ 126.... и ужъ не знаю, просто, что будетъ со мною, Вильямъ, если ты не

вступишься за меня и не выпустишь на волю, какъ выпустилъ профессора Милюкова, хотя онъ, неблагодарный, и отрекается отъ тебя, увѣряя, будто получилъ свободу уже послѣ того, какъ отсидѣлъ всѣ законные, незаконные и противозаконные сроки!

Со сроками ли, безъ сроковъ ли, но, пожалуйста, похлопочи, другъ Вильяша, и не дай погибнуть напрасно. Пойми: вѣдь и тебѣ нехорошо, если я паду жертвою моего легкомысленнаго, но благонамѣреннаго вояжа въ погонѣ за тобою. Теперь я, твой вѣрный Стыдъ, былъ утраченъ тобою лишь временно... и все-таки, согласись, очень многое въ предпріятіи твоемъ, безъ моего участія, вышло не весьма красиво и прилично. А что же будетъ, если ты лишишься меня навсегда?! Que dira le monde и съ какими глазами покажешься ты Европѣ? Твой другъ Гладстонъ перевернется въ гробу, а султанъ Абдулъ Гамидъ расхохочется на всю Малую Азію.

Или я ошибаюсь и тебѣ безъ меня удобно?!

До свиданья, право же, обоимъ намъ будетъ лучше, чтобы—до скораго!

Твой забвенный, но не теряющій надежды возвратиться къ тебѣ,

Стыдъ.

*
* *

Я почелъ себя въ правѣ напечатать доставленное мнѣ ошибкою почты письмо мистера Стыда къ мистеру Стэду на томъ основаніи, что, не зная адреса г. Стэда и не имѣя съ нимъ общихъ знакомыхъ, единственно путемъ газетной гласности могу довести до его свѣдѣнія печальную эпопею мистера Стыда. Полагаю, что нескромность моя тѣмъ болѣе извинительна, что въ содержаніи письма нѣтъ рѣшительно ничего способнаго компрометтировать г. Стэда въ глазахъ его петербургскихъ друзей и поклонниковъ или бросить тѣнь на его политическое благонравіе. Въ

томъ увѣряютъ меня не только личное убѣжденіе, но и авторитетныя отмѣтки, найденныя мною на конвертѣ, какъ-то — печатный штемпель: «Перлюстровано», и ниже почеркомъ нѣсколько лапидарнымъ: «Сее песмо доставить адрицату Иванъ Василчем разришаица прѣслуга Афросинья». Быть можетъ, эти выразительныя отмѣтки поторопятъ г. Стэда позаботиться о скорѣйшемъ возсоединеніи съ своимъ покинутымъ другомъ, который, я увѣренъ, дѣйствительно, будетъ ему за то признателенъ гораздо болѣе, чѣмъ оказался коварный профессоръ Милюковъ!

Музыкальный диктаторъ.

Консерваторская неурядица въ Москвѣ, ознаменованная вынужденнымъ и равносильнымъ изгнанію уходомъ изъ профессорскаго состава многоуважаемаго С. И. Танѣева, явленіе весьма не новое, но хронически длящееся: родъ желудочнаго катарра въ нѣдрахъ русскаго искусства, съ болѣе или менѣе частыми обостреніями. Заболѣла своимъ плачевнымъ катарромъ московская консерваторія еще 13 марта 1881 года,—это дата смерти Николая Григорьевича Рубинштейна,—и съ тѣхъ поръ уже ни разу не была вполнѣ здорова. Сегодня ей было лучше, завтра хуже, но чахла она не измѣнно, испытывала непріятнѣйшія спазмы и—постоянными болями, которымъ въ слѣдующемъ 1906 году имѣетъ законное право отпраздновать двадцатипятилѣтній юбилей,—значительно испортила и свою физіономію, и свой характеръ.

Создатель московской консерваторіи, Н. Г. Рубинштейнъ, былъ человѣкъ большой. Огромный талантъ піаниста и дирижера, пылкій темпераментъ, серьезное образованіе, ораторскій даръ, совершенно исключительная обаятельность общественная, широкая артистическая натура, одинаково яркая и въ грѣхѣ, и въ хорошемъ дѣлѣ,—все соединялось въ этомъ человѣкѣ, чтобы окружить его ореоломъ поклоняемаго полубога, ни разу не поблѣднѣв-

нимъ для Москвы въ теченіе двухъ десятилѣтій Рубинштейнова музыкальнаго царенія. Говорили въ одинъ голосъ, и смолоду я самъ такъ думалъ, что Н. Г. Рубинштейнъ былъ великій администраторъ. Однако, хаосъ, жертвою котораго сразу сдѣлалась консерваторія, съ неожиданною и преждевременною смертью Николая Григорьевича, говоритъ скорѣе наоборотъ, что администраторъ онъ былъ совсѣмъ не важный. Очевидно, что дѣло, имъ управляемое два десятка лѣтъ, оставалось совершенно неналаженнымъ по существу, если могло такъ плачевно разсыпаться, едва изъ мертвой руки Рубинштейна выпали властныя возжи. Если разбирать результаты холоднымъ разсудкомъ, то, конечно, факты оправдываютъ себя, и, составленную московскимъ энтузіазмомъ на вѣру, административную репутацію Николая Григорьевича пора похоронить,—она разрушилась вмѣстѣ съ разрушившейся консерваторіей. Тѣмъ не менѣе,—фактъ историческій, и даже злѣйшими врагами Рубинштейна не опровергаемый, что при немъ московская консерваторія стояла на уровнѣ лучшихъ музыкальныхъ учрежденій Европы и дала рядъ артистовъ музыкальныхъ, вокальныхъ, драматическихъ, капельмейстеровъ, композиторовъ, преподавателей, иные изъ которыхъ остаются цвѣтомъ русскаго искусства даже до сего дня. Достаточно напомнить хотя бы того же С. И. Танѣева, подавшаго мнѣ поводъ къ этой статьѣ, или А. И. Зилоти. Тайна успѣшной рубинштейновской администраціи въ концѣ-концовъ сводилась всецѣло къ личному обаянію администратора: дирекціи, собственно говоря, не было никакой, но директора боготворили, въ любви и страхѣ, настолько, что воля его, безъ всякихъ принудительныхъ къ тому средствъ, исполнялась механически, какъ законъ непреложный. Все дѣло строилось на одномъ Рубинштейнѣ и рухнуло, когда умеръ Рубинштейнъ. Это, конечно, не значитъ хорошо устроить общественное дѣло и въ миніатюрѣ напоминаетъ судьбу

имперіи Александра Великаго. Консерваторія—дѣло коллегіальное, а Рубинштейнъ не оставилъ по себѣ коллегіи, привычной и приспособленной къ руководству дѣломъ,—напротивъ, по неправильному и спѣшному обобщенію его счастливаго и исключительнаго примѣра, оставилъ вреднѣйшее суевѣріе, что коллективной администраціи въ художественномъ учрежденіи—грошъ цѣна, и, слѣдовательно, спасеніе консерваторіи—въ новомъ музыкальномъ диктаторѣ. Около десяти лѣтъ продолжались поиски властелина, весьма напоминавшіе басню о «Лягушкахъ, просящихъ царя», при чемъ (такъ какъ Рубинштейны не рождаются каждый день!) Юпитеръ безуспѣшно посылалъ на «трясинно царство» то чурбана, то журавля, покуда, наконецъ, «ты къ намъ явился, благодатный!»—судьбы московской консерваторіи очутились даже не столь въ рукахъ, сколь въ кулакахъ у администратора изъ администраторовъ, пресловутаго Василія Ильича Сафонова. Съ этого времени для московской консерваторіи, говоря языкомъ сатирика-лѣтописца, «исторія прекратила свое теченіе», и, какъ бываетъ всюду, гдѣ исторія прекращаетъ свое теченіе, началась скандальная хроника, послѣднимъ великолѣпнымъ эпизодомъ которой явился танѣевскій инцидентъ.

Изъ сочувственныхъ писемъ, полученныхъ г. Танѣевымъ послѣ оскорбительныхъ сквернословій г. Сафонова, самое важное и лестное, разумѣется,—письмо Н. А. Римскаго-Корсакова, великаго музыкальнаго художника-гражданина, такъ блистательно выяснившаго минувшею весною смѣлымъ и благороднымъ своимъ поведеніемъ истинныя позиціи, которыя должно занять искусство въ обществѣ, переживающемъ политическое движеніе *). Это письмо заключаетъ въ себѣ и превосходную характеристику г. Танѣева. Чудный музыкантъ, отличный профес-

*) См. мою брошюру „Искусство и русская современность“.

соръ, неутомимый врагъ произвола и стоятель за правду, г. Танѣевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ думныхъ людей искусства, которые, не вылѣзая впередъ на показъ почтеннѣйшей публикѣ, не гонясь за апплодисментами, кликами и лестью толпы, свято и строго строятъ храмъ свой, паче всего блюдя его отъ профанаціи,—да будетъ строительство честно и чисто! Нечего и говорить, что г. Танѣевъ—человѣкъ очень талантливый: серьезность его музыкальной дѣятельности достаточно выяснена и оцѣнена критикою и въ отечествѣ и, еще болѣе, за границею. Въ Германіи, напримѣръ, привычной смотрѣть на иностранную музыку очень свысока, Танѣевъ—одно изъ немногихъ русскихъ именъ, пользующихся извѣстностью и уваженіемъ. Въ Римѣ я былъ пріятно удивленъ знакомствомъ мѣстнаго музыкальнаго міра съ «Орестейею» Танѣева и высокимъ мнѣніемъ объ этомъ произведеніи, на родинѣ не весьма признанномъ. Фигура С. И. Танѣева довольно одинока и очень оригинальна на русскомъ артистическомъ горизонтѣ. Въ ней совершенно нѣтъ блеска, и потому ея истинное значеніе пропадаетъ для массъ, наивно принимающихъ, по булавѣ, мишурѣ и перьямъ на шляпѣ, тамбуръ-мажора за фельдмаршала. Г. Танѣевъ въ музыкѣ—типическій русскій интеллигентъ-западникъ семидесятнаго поколѣнія, думающій, творящій, очень образованный, знатокъ и носитель европейской культуры, воспитанный и воспитывающій другихъ въ ея преданіяхъ и глубоко вѣрующій въ ея цѣлесообразность и непогрѣшимый прогрессъ. Если хотите, въ С. И. Танѣевѣ всегда было немножко слишкомъ кабинета, зато никогда не было праздной улицы. Иные находили его скучноватымъ, но исторія искусства не отмѣтитъ въ его біографіи, какъ артистической, такъ и житейской, ни единаго факта, не запечатлѣннаго образцовою корректностью, порядочностью и строгимъ тактомъ человѣка высококультурнаго, мыслящаго и самоотвѣтственнаго. Позвольте мнѣ сравненіе изъ газетнаго міра. Танѣевъ въ русской

музыкѣ—это то же, что «Русскія Вѣдомости» въ русской журналистикѣ: строгій органъ профессорской мысли, нѣсколько доктринерскаго тона, сухой, мало способный и возбуждать, и проявлять энтузіазмъ, но безусловно умный, дѣльный, правдивый, передовой, либеральный умѣренно, но непоколебимо, имѣющій программу задачъ не широкихъ, но твердо опредѣленныхъ и безъ увертокъ направленныхъ къ достиженію добрыхъ чаяній народнаго прогресса и русской свободы. И какъ общеніе съ «Русскими Вѣдомостями» было для русскаго дѣятеля патентомъ на политическую порядочность, такъ точно и симпатіи или антипатіи Танѣева являются барометрическимъ показателемъ порядочности человѣка въ искусствѣ. Не могу поздравить г. Сафонова съ тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Танѣевъ отвернулся отъ него и покинулъ его консерваторію, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ. Это—аттестатъ мрачный. Это называется: «уйти отъ зла и сотворить благо». И... и—«лучше поздно, чѣмъ никогда!».

Я читалъ въ «Руси», будто совѣтъ петербургской консерваторіи докладъ о томъ, что г. Сафонову былъ предложенъ директорскій постъ, встрѣтилъ гробовымъ молчаніемъ, отказъ же г. Сафонова отъ директорскаго поста, наоборотъ, вызвалъ неистовыя рукоплесканія. Такой порядокъ, конечно, все-таки лучше, чѣмъ—наоборотъ: то есть—если бы докладъ о предложеніи г. Сафонову директорскаго поста вызвалъ неистовыя рукоплесканія, а отказъ г. Сафонова — гробовое молчаніе. Но, тѣмъ не менѣе, не нахожу въ себѣ особенно пылкихъ восторговъ къ гражданскому мужеству совѣта петербургской консерваторіи и полагаю, что оно многими градусами ниже того гражданскаго мужества, примѣры котораго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ дали людямъ искусства Н. А. Римскій-Корсаковъ и примкнувшіе къ нему музыкальные дѣятели. Человѣка, чья московская карьера была сплошнымъ самодурствомъ, систематически

направленнымъ къ оскорбленію и выживанію изъ консерваторіи наиболѣе талантливыхъ и полезныхъ профессоровъ, приглашаютъ (именно потому!) командовать высшимъ музыкальнымъ учрежденіемъ Россіи, и петербургская консерваторія, въ отвѣтъ на дерзость предложенія, только молчитъ?! «Народъ безмолствуетъ?»

Хорошо, что г. Сафоновъ, какъ человѣкъ сообразительный, самъ понялъ неловкость принять предлагаемый ему постъ и уклонился отъ должности, при современныхъ событіяхъ щекотливой и опасной. Ну, а вдругъ бы принялъ?! Красиво было бы положеніе народа безмолствовавшаго,—нечего сказать! Петербургскіе музикусы, приглашая г. Сафонова править ими, проявили много кротости и готовности къ христіанскому всепрощенію, такъ какъ, весною, незадолго до исторіи съ Римскимъ-Корсаковымъ, когда въ консерваторіяхъ начались забастовки учащихся, г. Сафоновъ разразился по адресу Петербурга характеристикою, не такъ, чтобы весьма уважительною. Убѣждая забастовавшихъ учениковъ московской консерваторіи, г. Сафоновъ торжественно заявилъ имъ, что политика—не ихъ ума дѣло, и порядочный музыкантъ долженъ знать свои ноты, а о судьбахъ отечества размыслятъ, молъ, люди поумнѣе. Директору указали примѣръ петербургской консерваторіи, гдѣ забастовка приняла широкіе размѣры, охвативъ и учащихся, и преподавательскій составъ.

— О!—возразилъ г. Сафоновъ,—петербургская консерваторія намъ не образецъ: тамъ—все бездарности, а у насъ—таланты!

Какіе бы недостатки и пороки ни приписывали В. И. Сафонову многочисленные враги его, одного достоинства даже и они не отрицаютъ: трогательной искренности, положенной въ основу характера московскаго музыкальнаго диктатора въ такомъ широкомъ масштабѣ, что многіе, смущаемые ея безпредѣльностью даже при самыхъ, ка-

залось бы, щекотливыхъ обстоятельствахъ, даютъ ей название «наглости».

Г. Сафонова можно обвинять въ чемъ угодно, кромѣ боязни общественнаго мнѣнія. Какія бы некрасивыя обвиненія ни взводились на г. Сафонова, онъ никогда не унизился до самозащиты, что—нѣтъ, молъ, этого не было или это было не такъ, а, напротивъ, всегда спѣшилъ съ гордостью опубликовать (онъ таки охочъ печатать письма) въ газетахъ:

— Да! Совершилъ и еще совершу! Что, взяли?!

Твердость въ согласованіи словъ и поступковъ В. И. Сафонова всегда приводила меня въ восторгъ, и я сожалѣю лишь объ одномъ, что, желая иллюстрировать эту безпримѣрную неукоснительность какою-либо литературною параллелью, я не могъ найти для нея ничего болѣе лестнаго въ сходствѣ, чѣмъ маленькій діалогъ въ «Лѣсѣ» Островскаго.

— Аркашка! Да ты пьянъ, бестія?!

— Что жъ, что пьянъ? Ну, и пьянъ! Пьянъ—и горжусь этимъ.

Наивные московскіе Несчастливцевы изъ общества, искусства и журналистики уже лѣтъ двѣнадцать задаютъ г. Сафонову ежегодно по два или по три осторожныхъ—о! очень осторожныхъ!—вопроса, укоряющихъ его въ проступкахъ, гораздо менѣе невинныхъ, чѣмъ простодушное Аркашкино пьянство, а г. Сафоновъ такъ же неизмѣнно и послѣдовательно возражаетъ счастливою формулою Аркадія Счастливцева:

— Что жъ, что совершилъ? Ну, и совершилъ! Совершилъ—и горжусь этимъ!

Въ отрочествѣ своемъ зналъ я одного захолустнаго исправника. Мужчина былъ силы непомѣрной, любилъ играть въ карты, но игралъ не совсѣмъ чисто. Однажды, когда онъ передернулъ слишкомъ наглядно, партнеры возмутились:

— Мартынъ Мартыновичъ! Знаете ли вы, что за это бьютъ?

Мартынъ Мартыновичъ поднялся во весь ростъ, оперся на столъ кулачищами, выразительно оглядѣлъ партнеровъ бычьими глазами и вѣжливо отвѣчалъ:

— Знаю-съ, вѣрю-съ и... пусть кто попробуетъ!

Никто не попробовалъ, и игра продолжалась въ молчаніи.

Когда какое-нибудь газетное напоминаніе обращаетъ меня къ мыслямъ о Васильѣ Ильичѣ Сафоновѣ, образъ его представляется мнѣ на неизмѣнномъ перепутьѣ отъ наивной Аркашкиной гордости къ неустрашимому мужеству исправника Мартына Мартыновича, который, очень хорошо сознавая, что совершаетъ поступки неблаговидные и наказуемые, тѣмъ не менѣе хладнокровно вызывалъ желающихъ:

— Попробуйте-ка наказать!

Г. Сафоновъ—очень недурной піанистъ съ прелестнымъ туше и, говорятъ, хорошій преподаватель игры на фортепіано. Первый свой даръ онъ запустилъ и похоронилъ, за неимѣніемъ времени упражняться, въ административныхъ хлопотахъ по консерваторіи и въ дирижерской работѣ по симфоническимъ концертамъ. Однимъ изъ огромныхъ преимуществъ покойнаго Н. Г. Рубинштейна, создававшихъ его незамѣнимость, было счастливое совмѣщеніе въ немъ талантовъ первоклассснаго піаниста и первокласснаго капельмейстера. Послѣ смерти Рубинштейна пришлось раздѣлить должности директора консерваторіи и дирижера симфоническихъ собраній русскаго музыкальнаго общества, до тѣхъ поръ неразрывныя. Пришлось москвичамъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ метаній по отечественнымъ суррогатамъ, пригласить на вторую должность, съ униженіемъ искати правды у нѣмцевъ, Макса Эрмансдёрфера, который у капельмейстерскаго пюпитра оказался едва ли не превосходнѣе самого Рубинштейна и создалъ вторую золотую эпоху московской «симфоніи». Играли,

что говорить, хорошо, но патріотическія сердца москвичей болѣли, что нѣмецъ княжитъ и правитъ ихъ оркестромъ, и, въ концѣ концовъ, нѣмецъ—неутомимою и долгою канителью глуповатыхъ и подленькихъ интригъ—былъ выжитъ: плюнулъ, растеръ ногою и уѣхалъ. Объединять разрозненныя стихіи взялся, по рекомендаціи добродушнѣйшаго П. И. Чайковскаго и... С. И. Танѣева!—В. И. Сафоновъ. Такая рѣшимость съ его стороны была тѣмъ большимъ подвигомъ самопожертвованія, что до того времени онъ никогда не держалъ въ рукѣ своей дирижерскаго жезла. Но русскій человѣкъ—смѣлый: «велитъ Государь,—завтра же буду акушеромъ!» воскликнулъ когда-то Несторъ Кукольникъ. В. И. Сафоновъ взялъ незнаемый жезлъ въ руцѣ своя—и, «кто палкувзялъ, тотъ и капралъ»,—сдѣлался, даже безъ всякаго велѣнія, ежели не считать щучьяго, капельмейстеромъ. Это было высоко комическое время московской «симфоніи». Говорятъ, теперь г. Сафоновъ выучился вести оркестръ и, дѣйствительно, сталъ недурнымъ капельмейстеромъ, съ чѣмъ отъ души поздравляю не только его, но и москвичей, изрядно измучившихъ слухъ свой и испортившихъ музыкальный вкусъ въ горестные года, когда г. Сафоновъ учился дирижировать, обративъ въ школу для себя... оркестръ въ сто съ чѣмъ-то человѣкъ, выдрессированный Рубинштейномъ и Эрдмансдёрферомъ! На г. Сафонова негодовали, надъ г. Сафоновымъ издѣвались, г. Сафонова стыдили, г. Сафонова бранили, а г. Сафоновъ въ усъ себѣ не дулъ, а только подъ усъ приговаривалъ:

— И горжусь этимъ!!!

Будущее показало (этакъ годковъ черезъ пять!), что правы были не москвичи, но г Сафоновъ, обучившійся на ихъ образцовомъ оркестрѣ искусству дирижера настолько, что его даже начали приглашать къ управленію симфоническими концертами въ Америку и въ Австралію (ближе ѣздить онъ почему-то не соглашался). Все хорошо, что хорошо кончается, но, къ сожалѣнію, исторія умалчи-

ваетъ, во что обошлись Москвѣ школьныя занятія ученика капельмейстерскихъ дѣлъ Василія Сафонова. Что же касается нѣсколькихъ дерзновенныхъ попытокъ къ тому, онѣ, къ счастію, всегда спотыкались на чьемъ-либо властномъ:

— И пусть кто попробуетъ!

Первый авторъ этой классической фразы, мосальскій исправникъ Мартынъ Мартыновичъ, основывалъ авторитетъ ея на силѣ физической. Нечего и говорить, что В. И. Сафоновъ, хотя родомъ изъ донскихъ казаковъ и заслужилъ себѣ странное прозвище «директора съ нагайкою», поддерживалъ авторитетъ того же предложенія отнюдь не готовностью къ бойлу тѣлесному, но исключительно воздѣйствіемъ нравственнымъ. Не скажу, чтобы средствами воздѣйствія служили умъ и талантъ: напротивъ, несомнѣнный музыкальный талантъ свой г. Сафоновъ въ московскій періодъ своей дѣятельности какъ будто нарочно и умышленно заростилъ травою забвенья, а директорскія самодурства его весьма скоро доказали, что столь же несомнѣнный умъ г. Сафонова подобенъ уму Буланова все изъ той же комедіи «Лѣсъ»: «Я имѣю умъ, только практическій-съ». Практическимъ умомъ своимъ В. И. Сафоновъ одѣлъ московскую консерваторію на средства мѣстныхъ купцовъ въ роскошныя каменныя стѣны, подобныя нѣкой крѣпости, но оживить стѣны духомъ художественной свободы—на это, должно быть, надобенъ умъ другой категоріи, а не практическій, и великолѣпная сафоновская консерваторія, годъ за годомъ, стоитъ среди Москвы гробомъ повапленнымъ, безплоднымъ образцомъ неудачъ бюрократизма въ искусствѣ. Нравственною силою, вооружившею г. Сафонова столь неодолимымъ авторитетомъ, что противъ него не смѣли и «пробовать», явилась все та же его репутація «администратора изъ администраторовъ». Извѣстно, что администрація у насъ на Руси понимается «въ сферахъ»,—да, увы! и въ однѣхъ ли сферахъ? слишкомъ часто и подъ сферами!—какъ умѣнье подтянуть безотвѣтнаго

подчиненнаго, какъ дрессировочная сноровка фельдфебеля съ крѣпкимъ кулакомъ, зычнымъ горломъ и съ органическою ненавистью къ разсужденію. Въ этихъ смыслахъ г. Сафоновъ оправдывалъ и оправдываетъ репутацію свою блистательно, и нѣтъ ничего удивительнаго, если благосклонность «сферъ» окружила его непроницаемою бронею, въ которой, уютно сидя, ему остается лишь, посмѣиваясь, повторять на безсильныя укоризны лицъ, разномыслящихъ съ нимъ насчетъ истиннаго существа администраціи:

— Знаю-съ! Вѣрю-съ! И—ну-ка, попробуйте!

Пробовали многіе. Преимущественно старые профессора или хотя и молодые, но стараго, рубинштейнова закала—если не рубинштейновы орлы, то рубинштейновы орлята. Собственно говоря, я не совсѣмъ понимаю, почему они были недовольны г. Сафоновымъ, положившимъ такъ много стараній, чтобы искоренить своимъ могучимъ образомъ память Николая Рубинштейна въ сердцахъ москвичей и превзойти покойника во всемъ превосходимомъ. Правда, г. Сафоновъ не воскресилъ ни одного изъ достоинствъ Николая Рубинштейна, но это зависѣло не отъ него, но отъ природы, дарующей овому талантъ, овому два. За то, что касается недостатковъ рубинштейновыхъ, г. Сафоновъ явилъ ихъ изумленной консерваторіи десятирицею. Рубинштейнъ бывалъ грубъ,—В. И. Сафоновъ возвелъ грубость въ непремѣнное правило. Рубинштейнъ бывалъ самовластенъ,—В. И. Сафоновъ единственнымъ дѣйствующимъ закономъ консерваторіи поставилъ: «чего моя нога хочетъ». Рубинштейнъ былъ не чуждъ фаворитизма,—В. И. Сафоновъ систематически выпроваживалъ изъ консерваторіи людей, непріятныхъ ему своимъ скептическимъ отношеніемъ къ его достоинствамъ, или черезчуръ большою самостоятельностью сужденій и воли, и столь же систематически наполнялъ консерваторію своими пріятелями, согласными, по контракту, лобызать слѣды пятъ его. Я всегда находилъ

глубоко несправедливымъ, что иные московскіе старожилы называютъ В. И. Сафонова «маленькимъ Рубинштейномъ». Что касается положительной стороны, пожалуй, еще можно согласиться, что г. Сафоновъ — Рубинштейнъ маленькій и даже чрезвычайно маленькій. Но въ отрицательную сторону онъ—Рубинштейнъ Великій, Рубинштейнъ въ превосходной степени, Рубинштейнище, Рубинштейниссимусъ, даже, какъ сказали бы непочтительные итальянцы, Рубинштейначчіо. Лучшіе свидѣтели: профессора-композиторы, выжитые г. Сафоновымъ изъ консерваторіи,—гг. Конюсъ и Танѣевъ.

Въ одномъ отношеніи систематическая и хроническая грубость В. И. Сафонова должна быть рѣшительно предпочтена старинной спорадической грубости Рубинштейна. Послѣдній, въ своихъ экстазахъ артистическаго гнѣва, сыпалъ рѣзкостями, такъ сказать, разносторонне, совершенно не разбирая, къ кому онѣ адресуются. На этотъ счетъ, для него были безразличны сторожъ Агафонъ и городской голова П. М. Третьяковъ, не выучившая урока консерваторка и дама-патронесса, вродѣ г-жи Бернаръ или оберъ-полицеймейстерши съ пѣніемъ—В.А. Араповой (везетъ же Москвѣ на оперныхъ градоначальницъ!); и такъ далѣе—до особъ, столь высокопоставленныхъ, что у обыкновеннаго смертнаго взглянуть—шапка валится. Такъ, напримѣръ, не избѣгъ плачевной участи быть оборваннымъ отъ Рубинштейна,—и даже очень!—покойный покровитель русскаго музыкальнаго общества, великій князь Константинъ Николаевичъ. Система грубости, возведенная г. Сафоновымъ въ общественный и педагогическій методъ, никогда не страдала подобною безтолковою и безразсчетною разбросанностью. Люди крупнаго и властнаго московскаго капитала, власти предержащія и вообще счастливые смертные, поставленные судьбою на лѣстницѣ чиновъ и положенія выше г. Сафонова, не нахвалятся любезностью и ласковымъ обращеніемъ директора московской консерва-

торіи. Общій отзывъ: «Пріятнѣйшій человѣкъ! Искательный человѣкъ!» Экстазы же рыканій своихъ г. Сафоновъ неизмѣнно адресуетъ либо къ подчиненнымъ, ученикамъ и ученицамъ—людямъ маленькимъ и предполагаемымъ «тварью ползущею», обязанною, по ничтожеству своему, безсловесно внимать и трепетать, либо къ людямъ, завѣдомо столь вѣжливымъ и благовоспитаннымъ, что нахрапъ дерзости глушитъ ихъ, какъ обухъ, и, по мягкому характеру своему, они теряются отплатить г. Сафонову тою же монетою и съ процентами. Такимъ образомъ, и въ направленіи своей грубости, Сафоновъ—если и Рубинштейнъ, то лишь—какъ Хлестаковъ былъ генераломъ: Рубинштейнъ съ другой стороны, что,—въ томъ поклянутся всѣ вѣрные Осипы, которыми В. И. Сафоновъ благоволительно наполнилъ московскую консерваторію!—конечно, гораздо выше настоящаго Рубинштейна.

Высшая несправедливость москвичей по отношенію къ В. И. Сафонову — что Рубинштейну они недостатки его прощали, а г. Сафонову тѣхъ же самыхъ недостатковъ не прощаютъ. Нѣкоторые объясняютъ это пристрастіе латинскою пословицею: «Quod licet Jovi non licet bovi». Другіе говорятъ, что—«времена не тѣ-съ!» Третьи увѣряютъ, будто, какъ ни дики бывали иныя выходки Рубинштейна, многое ему извинить было можно, потому что въ человѣкѣ этомъ жила и всѣмъ ясно чувствовалась пламенная любовь къ искусству и къ управляемому имъ дѣлу, и его негодованія—всѣ—истекали изъ этой огромной любви и всегда были правы. А когда Рубинштейнъ зарывался до нечаянной неправоты, то онъ первый же затѣмъ раскаивался, конфузился и просилъ прощенія, какъ виноватый большой ребенокъ, со всею искренностью прямой души и глубокаго таланта. И у Рубинштейна были профессорскія столкновенія, кончавшіяся уходомъ изъ консерваторіи крупныхъ артистическихъ величинъ (М. П. Садовскій, покойная А. Д. Александрова-Кочетова). Однако, эти исторіи, поче-

му-то, и въ сотую долю не отзывались такъ дурно въ публикѣ и въ художественномъ мірѣ, какъ изгнаніе г. Сафоновымъ гг. Конюса и Танѣева.

Людямъ, попрекающимъ г. Сафонова какою-то особою любовью Рубинштейна къ консерваторіи, я прямо скажу, что они—злоумышленные фантазеры, закрывающіе глаза на истину. Откуда они знаютъ, что Рубинштейнъ любилъ консерваторію? Правда, онъ поилъ, кормилъ, одѣвалъ и обувалъ на свой счетъ десятки учащихся бѣдняковъ и, зарабатывая многія тысячи, умеръ нищимъ и вещи его были проданы съ аукціона на покрытіе долговъ. Но это факты, а гдѣ же слова? Гдѣ и когда Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ гласно говорилъ о своей любви къ ученикамъ и ученицамъ?! Тогда какъ относительно г. Сафонова мы имѣемъ не только гласное, но даже печатное объявленіе urbi et orbi его любви и преданности своей педагогической паствѣ. Это было весною, когда московскія консерваторки, по неразумѣнію и злокозненнымъ внушеніямъ внутреннихъ враговъ отечества, начали находить, что, при всей своей административной виртуозности, директоръ могъ бы и не обзывать ихъ «дурами», «идіотками», «дѣвками» и тому подобными титулами, болѣе фамильярными, нежели лестными. Тогда Василій Ильичъ не замедлилъ напечатать объясненіе въ обычномъ своемъ стилѣ—между Аркашкою и Мартыномъ Мартыновичемъ:

— Что жъ, что ругаюсь? Ругаюсь,—и горжусь этимъ! Ругаюсь,—значитъ, люблю! Отъ большой любви къ вамъ ругаюсь!

Теперь въ Россіи все возстаютъ противъ балльной системы для учебныхъ заведеній. Мнѣ кажется, что В. И. Сафоновъ нашелъ великолѣпную ей замѣну. Ученики и ученицы пусть учатся, а директоръ пусть ходитъ-бродитъ, глазами водитъ, наблюдаетъ успѣхи и поведеніе и соотвѣтственно ругается. Сказалъ пѣвицѣ: «эхъ, вы, ду-

рища!»—та и процвѣла: значитъ, угодила начальству, любитъ ее директоръ, одобряетъ, — молодчина! Крикнулъ піанисту «чорта», «подлеца», или «курицына сына»— восторгъ! упоеніе! сразу понимай: медаль тебѣ готова! А ужъ ежели директоръ до такой благоволительной точки дойдетъ, что загнетъ трехъ-этажныя салазки съ упоминаніемъ родительницы,—нечего и сомнѣваться: прямо—командировка за границу на казенный счетъ и оставленіе адъюнктомъ при консерваторіи! Система простая, душевная и глубоко-національная. Возставать противъ нея можетъ только недоумѣлое предубѣжденіе, либо ложный стыдъ. Консерваторки жалуются, что имъ неприлично выслушивать директорскую ругань. Ага, mesdames! Вотъ мы и поймали васъ! Мужчины слушаютъ же и—ничего, не линяютъ, а вы ропщете? Гдѣ же вашъ идеалъ равноправія женщинъ?!

Гдѣ любовь, тамъ и ревность. В. И. Сафоновъ доказываетъ свою любовь къ консерваторіи уже тѣмъ, что жестоко ревнуетъ ее ко всякому мало-мальски талантливому дѣятелю, съ нею соприкасающемуся. Консерваторія для него Дездемона, а самъ онъ — Отелло, готовый скорѣе задушить предметъ любви своей собственными руками, чѣмъ «изъ того, что онъ имѣетъ, малѣйшую частицу уступить» разнымъ Кассіо, вродѣ Конюсовъ, Танѣевыхъ и т. д. Нѣтъ! Рубинштейнъ не любилъ консерваторіи! Иначе онъ не окружалъ бы себя профессорами своего артистическаго уровня, среди которыхъ онъ могъ чувствовать себя лишь первымъ между равными, — Чайковскимъ, Бродскимъ, Лаубомъ, Самаринымъ, Гальвани, Ларошемъ, Александровою-Кочетовою, Клиндвортомъ, Пабстомъ, Попендикъ-Эйхенвальдъ и т. д. Напротивъ, подобно В. И. Сафонову, онъ постарался бы удалить изъ профессорскаго состава всѣхъ сильныхъ, самостоятельныхъ, способныхъ конкуррировать съ нимъ талантами и авторитетомъ и оставилъ бы въ совѣтѣ лишь кроткихъ, послушныхъ,

ласковыхъ Молчалиныхъ, adulatores suae majestatis. В. И. Сафоновъ въ ревности своей цѣльнѣе Отелло въ томъ отношеніи, что ему не надо даже «добраго, честнаго Яго». «Добрый честный Яго» сидитъ въ немъ самомъ и терзаетъ его неугомонною маніей преслѣдованія—пассивною и активною: дѣятельность г. Сазонова проходитъ въ двухъ моментахъ—либо онъ подозрѣваетъ, что нѣкто покушается умалить его автократическую власть конституціонными поползновеніями, либо онъ караетъ и уничтожаетъ сего дерзновеннаго. Казалось бы, что нѣсколько лѣтъ подобнаго террора должны были утихомирить консерваторскій совѣтъ до полнаго безгласія. И, дѣйствительно, тишь, гладь и Божья благодать уже годъ назадъ дошли до весьма совершенной степени. По крайней мѣрѣ, прошлою весною, послѣ какой-то незначительной, но, по обыкновенію, побѣдоносной стычки г. Сафонова съ робкими остатками совѣтской оппозиціи, московскія газеты угрюмо предсказывали, что слѣдующимъ шагомъ г. Сафонова, по всей вѣроятности, будетъ — высѣчь оппозицію. До сей гиперболической необходимости московскій директоръ обстоятельствами еще не доведенъ, но, признаюсь, я не безъ чувства облегченія прочиталъ замѣтку, разъяснившую, что въ инцидентѣ съ г. Танѣевымъ г. Сафоновъ «только» обругалъ г. Танѣева. Темное выраженіе въ письмѣ г. Танѣева о «нестерпимомъ поведеніи директора» и мрачныя, весеннія пророчества московскихъ газетъ давали основаніе предполагать еще худшее. Но г. Сафоновъ *только* обругалъ! Только обругалъ! И, по обыкновенію, не отрекается, что обругалъ, но гордится онымъ. Опровергающее письмо г. Сафонова въ «Русскія Вѣдомости» имѣетъ цѣлью установить лишь тотъ фактъ, что онъ, Сафоновъ, обругалъ г. Танѣева не какъ директоръ консерваторіи, но какъ Василій Ильичъ Сафоновъ. Василій Ильичъ любитъ точность и ненавидитъ напраслину. Это дѣлаетъ ему честь, а г. Танѣеву несо-

мнѣнно—удовольствіе. Я не освѣдомленъ, какимъ именно ругательнымъ чиномъ пожаловалъ г. Сафоновъ С. И. Танѣева, но это,—какого хотите подъячаго спросите!—огромная разница: ругался Василій Ильичъ, который просто Василій Ильичъ, а не директоръ, который Василій Ильичъ. Находящійся при исполненіи служебныхъ обязанностей, директоръ Василій Ильичъ Сергѣя Ивановича Танѣева любитъ и чтитъ, а снявшій съ себя директорскія полномочія, просто Василій Ильичъ, Сергѣя Ивановича ругаетъ. Умы пытливые и необузданные зададутъ вопросъ: а какой изъ этой разницы Сергѣю Ивановичу профитъ? Профита никакого, ибо и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Сергѣй Ивановичъ остается обруганнымъ, но—но—fiat justitia и да торжествуетъ полицейскій крючекъ!

Изъ тонкой юриспруденціи, которую развилъ г. Сафоновъ по вопросу, какой Василій Ильичъ ругалъ г. Танѣева—директоръ или просто, я убѣждаюсь, что онъ не безъ пользы для себя ѣздитъ въ Америку и изучаетъ тамошніе нравы. По крайней мѣрѣ, въ разсказахъ Бретъ-Гарта вспоминаются мнѣ именно такія аналогіи о мировыхъ судьяхъ Дальняго Запада. Свидѣтель говоритъ судьѣ непріятное слово. Судья сейчасъ же снимаетъ съ себя цѣпь долой и, превратившись, такимъ образомъ, изъ судьи Смита, въ мистера Смита, тутъ же въ залѣ суда набиваетъ дерзновенному, съ позволенія сказать, морду хорошимъ боксомъ. Затѣмъ опять надѣваетъ цѣпь и, снова превратившись въ судью Смита, судитъ мистера Смита за безпорядокъ и драку въ публичномъ мѣстѣ. Люблю хорошія заимствованія отъ націй просвѣщенныхъ! Встрѣчаясь же съ членомъ московской музыкальной оппозиціи, буду внимательно смотрѣть, не хранятъ ли подглазицы ихъ пятенъ отъ фонарей, подставленныхъ—не директоромъ Сафоновымъ, Боже сохрани! но Василіемъ Ильичемъ Сафоновымъ, въ перерывѣ директорскихъ обязанностей для игриваго развлеченія боксомъ.

В. И. Сафоновъ, уѣзжая въ годовой отпускъ, великодушно пожелалъ избавить совѣтъ отъ выборовъ директора-замѣстителя и назначилъ таковаго своею единоличною властью. С. И. Танѣевъ заявилъ, что на подобное назначеніе г. Сафоновъ не имѣлъ никакого права. И оно, конечно, — никакого права не имѣлъ, и предложеніе подобное могло раздаться только передъ совѣтомъ, который, по унылому свидѣтельству московскихъ газетъ, можно съ удобствомъ подвергнуть даже тѣлесному наказанію. Но развѣ съ начальствомъ такъ разговариваютъ? Ахъ, господа!

И, при томъ, неужели лучше было бы, если бы г. Сафоновъ, вмѣсто того, чтобы назначить себѣ преемника, повторилъ бы Рубинштейна и завѣщалъ бы свое царство на годовой срокъ, по примѣру Александра Македонскаго и Петра Великаго, — «достойнѣйшему»? Василій Ильичъ избѣжалъ роковой ошибки двухъ величайшихъ автократовъ, а ему суютъ въ носъ консерваторскую конституцію и говорятъ:

— Не по поступкамъ поступаешь!

Есть отъ чего администратору въ отчаянье придти и заговорить словами, неудобными къ повторенію! Человѣкъ, въ заботахъ о консерваторіи, не только, что себя, а можно сказать, закона не пожалѣлъ, а консерваторія, чѣмъ бы цѣнить, — фордыбачитъ! Ну, и такъ ее! ну, и сякъ ее! и растакъ ее! и разсякъ ее!

Назначенный В. И. Сафоновымъ въ намѣстники М. М. Ипполитовъ-Ивановъ — очень дѣльный профессоръ, талантливый композиторъ и капельмейстеръ. Я знаю его давно и достаточно близко, чтобы отъ души сожалѣть, что приходится упоминать его почтенное имя, хотя бы и вскользь, въ связи съ этою совсѣмъ непочтенною исторіей. Я думаю, что, если бы г. Сафоновъ не слишкомъ ужъ испугался печальныхъ примѣровъ Александра и Петра Великихъ и рискнулъ бы впредь оставить престолонаслѣдіе «достойнѣйшему» на законномъ избирательномъ началѣ,

то г. Ипполитовъ-Ивановъ имѣлъ всѣ шансы сдѣлаться главою консерваторіи совершенно мирнымъ путемъ, безъ нынѣ сопровождающаго событіе скандала, за который онъ, повидимому, не отвѣтственъ, какъ лицо, принимающее въ чужомъ пиру похмѣлье. Единственно, что консерваторскіе конституціоналисты могутъ поставить въ упрекъ и на видъ г. Ипполитову-Иванову, это—что онъ напрасно позволилъ себя назначить, зная, что назначающій не имѣетъ права назначать, и что учрежденіе, въ которомъ онъ служитъ, зиждется на избирательномъ началѣ. Но—многіе ли люди имѣютъ надъ собою власть противостоять обаянію мужей великихъ—тѣмъ паче, когда обаяніе усугубляется многолѣтнею дружбою и ароматомъ жаренаго рябчика, летящаго прямо въ ротъ,—столь соблазнительнаго и аппетитнаго, почетнаго рябчика, какъ княженіе на московскомъ музыкальномъ удѣлѣ? Не думаю, однако, чтобы г. Ипполитовъ-Ивановъ былъ особенно счастливъ директорствомъ, полученнымъ въ столь сверхъ-естественномъ порядкѣ. И для него, и для консерваторіи было бы много лучше пройти искусъ избранія, врядъ ли, повторяю, даже и опасный для него. А то вѣдь положеніе-то престранное. Хорошо, что г. Сафоновъ назначилъ г. Ипполитова-Иванова только директоромъ консерваторіи. Василій Ильичъ, съ равнымъ правомъ, могъ бы назначить его управляющимъ пробирною палаткою, редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», городскимъ головою, игуменомъ Симонова монастыря, подарить ему историческій музей или Сокольницкій кругъ и пр. пр. Подарки все значительные, но, при неправоспособности дарителя, они ставятъ принимающаго даръ въ положеніе трагикомической неловкости, единственнымъ выходомъ изъ которой можетъ быть категорическій отказъ отъ неправильнаго дара. А ужъ если М. М. Ипполитову-Иванову очень хочется сохранить постъ, ввѣренный ему г. Сафоновымъ, то, опять-таки, единственный законный путь къ тому—пере-

избраніе его единственно же правоспособнымъ въ данномъ случаѣ консерваторскимъ совѣтомъ, въ свободной конкурренціи товарищей-профессоровъ *).

Что касается лица, пострадавшаго въ этой исторіи болѣе всѣхъ, профессора С. И. Танѣева, то его судьба (вѣдь г. Сафоновъ—его рекомендація!) напоминаетъ пѣсенку изъ «Короля Лира»:

Добрая птичка
Кукушку кормила,
А кукушка птичкѣ
Голову скусила...

Мораль: добрая птичка, не выкармливай кукушекъ на свою голову, или, подобно Лиру, придется тебѣ жаловаться на «Гонерилью съ сѣдою бородою», каковая борода, кстати, у г. Сафонова имѣется.

Быть можетъ, я попросилъ у читателя слишкомъ много вниманія къ неурядицамъ въ московской консерваторіи, но мнѣ кажется, что онѣ того стоятъ. И—какъ картина систематическаго насилія административнаго произвола надъ жизнью цѣлаго учрежденія, и—какъ свѣжее преданіе, которое только теперь обнажилось гласно во всей своей первобытной прелести, а до сихъ поръ было достояніемъ устной молвы, проникавшей въ печать лишь намеками и недомолвками. Увы! Вѣдь властное «И пусть кто попробуетъ!» В. И. Сафонова много лѣтъ простирало свою непостижимую, магическую силу и на періодическую прессу. В. М. Дорошевичъ могъ бы съ авторскою горечью разсказать, какъ скоропостижно обрѣзана была, въ свое время, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати попытка покойной «Россіи» разоблачить исторію изгнанія г. Сафоновымъ профессора Конюса: первая пѣсенка московскаго диктатора, которую онъ, еще зардѣвшись, спѣлъ! Послѣ перваго же фельетона

*) Такъ впослѣдствіи и сдѣлано было. Г. Ипполитовъ-Ивановъ, переизбранный въ законномъ порядкѣ, въ настоящее время благополучно директорствуетъ въ московской консерваторіи.

Дорошевича, насъ потянули на цугундеръ, съ внушеніемъ — «не подрывать авторитета лицъ, облеченныхъ довѣріемъ правительства», а не то... Ну, не гибнуть же газетѣ было изъ-за ссоры двухъ профессоровъ музыки! Пришлось сломать перья и замкнуть уста. Съ покойникомъ Соловьевымъ были шутки плохи... Итакъ, пусть не сѣтуетъ читатель въ ошибочномъ заблужденіи, будто я вывелъ предъ нимъ на сцену слишкомъ незначительнаго, по нынѣшнему бурному времени, гастролера. Мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-либо «свободнымъ художникомъ», но съ генераломъ отъ звуковъ сладкихъ и молитвъ, еще недавно, слишкомъ недавно «облеченнымъ довѣріемъ правительства» въ той же мѣрѣ, какъ генералы-отъ-инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи, и административно гарантированнымъ отъ критики своего произвола. И—да послужитъ сіе утѣшеніемъ С. И. Танѣеву, если только онъ сколько-нибудь нуждается въ утѣшеніяхъ, а не довольствуется презрѣніемъ къ обидѣ. Быть обиженнымъ просто отъ наглаго человѣка непривычно и скорбно русскому дѣятелю, заслуженному и уважаемому во всемъ интеллигентномъ мірѣ, каковъ Сергѣй Ивановичъ Танѣевъ: предъ такими людьми и у наглости нѣмѣетъ языкъ, и снимается шляпа. Но быть оскорбленнымъ отъ «администратора, облеченнаго и т. д.»... помилуйте! да чѣмъ же тутъ огорчаться? Эка невидаль! Стоитъ ли? На людяхъ и смерть красна и на всякое чиханье не наздравствуешься! Все въ порядкѣ вещей, и—на томъ Русская земля стоитъ!

1905.

Человѣкъ 1910 года

или

Волшебная побѣда надъ временемъ.

Важнѣйшимъ и интереснѣйшимъ событіемъ послѣдняго времени, изъ всѣхъ важныхъ и интересныхъ событій, сообщаемыхъ русскими газетами, я считаю двѣ знаменательныя анкеты извѣстнаго публициста С. Ф. Шарапова: 1) желаетъ ли русскій народъ продолжать войну или заключить миръ? 2) согласенъ ли русскій народъ на участіе въ народномъ представительствѣ еврейскаго элемента? По поводу этихъ анкетъ много пишутъ и, въ большинствѣ, весьма неблагопріятно для г. Шарапова. Многіе даже утверждаютъ, будто никакихъ анкетъ онъ и не производилъ, а просто, не выходя изъ кабинета, вообразилъ пылкимъ полетомъ публицистической фантазіи цифры большинства, удобнаго и пріятнаго его политическимъ тенденціямъ, и затѣмъ огласилъ эти поэтическія цифры, какъ совершившійся фактъ на-лицо. Я рѣшительно протестую противъ обидныхъ инсинуацій, жертвою которыхъ сталъ знаменитый публицистъ. Не то, чтобы мнѣ нравились добытые анкетами г. Шарапова политическіе результаты, напротивъ, они—результаты—прескверные и должны были бы опечалить всякаго, если бы добыты были кѣмъ-либо другимъ, а не г. Шараповымъ. О послѣднемъ же хорошо

извѣстно, что политику онъ дѣлать великій мастеръ, но надъ нимъ тяготѣетъ фатумъ, и мастерски сдѣланная шараповская политика оказывается всегда и всюду несомнѣнно — не въ счетъ, а шараповское политическое риторство, какъ говорятъ московскіе приказчики, — «не въ текстъ». Не въ счетъ и не въ текстъ полагаю я и нынѣ торжествующія анкеты С. Ф. Шарапова. Нисколько не сомнѣваясь, что г. Шараповъ, вопреки скептическимъ поклепамъ враговъ своихъ, дѣйствительно, набралъ 300.000 или 500.000 голосовъ за продолженіе войны и противъ заключенія мира и 15.000 голосовъ противъ участія евреевъ въ народномъ представительствѣ, я, на основаніи множества прецедентовъ, утѣшаюсь мыслью, что «отъ слова не станется». Тѣмъ болѣе, что изъ газетныхъ извѣстій объ анкетахъ не совсѣмъ ясно, гдѣ, собственно, онѣ производились— въ предѣлахъ Россіи или въ Пестрой Шарапіи, — странѣ прекрасной, но нѣсколько юмористической и, паче всего, не поддающейся въ дѣлахъ своихъ контролямъ гласности.

Оставляя въ сторонѣ политическое «что», добытое г. Шараповымъ, я интересуюсь исключительно методами, какъ онъ добывалъ это «что», и смѣю заявить во всеуслышаніе: механика шараповскихъ анкетъ, хотя неизвѣстна мнѣ по устройству, но столь совершенна и неожиданно изумительна по результатамъ, что ее, по справедливости, можно, уже и на вѣру, провозгласить первымъ серьезнымъ чудомъ и величайшимъ открытіемъ нашего XX вѣка. Въ XIX же столѣтіи только Уэльсъ мечталъ о чемъ-либо подобномъ, создавая свой знаменитый романъ «Машина времени». Своими анкетами г. Шараповъ осуществилъ апокалипсическое обѣщаніе, что времени больше не будетъ, упразднилъ лѣтосчисленіе и, подобно астральному тѣлу въ условіяхъ четвертаго измѣренія, побѣдилъ пространство. И, хотя прецеденты дѣятельности г. Шарапова неоднократно являли въ немъ наличность большихъ магическихъ способностей: вспомнимъ,

напримѣръ, его блистательныя доказательства, что серебро дороже золота, а бумажныя деньги дороже и золота, и серебра!—однако, на этотъ разъ, россійскій Парацельсъ превзошелъ самого себя, и отнынѣ предъ нимъ мальчишка и щенокъ не только фокусникъ Пинетти, одновременно выѣхавшій изъ Москвы съ семи заставъ, но и самъ Михаилъ Васильевичъ Кречинскій, предъ которымъ, по авторитетному отзыву Расплюева, былъ мальчишка и щенокъ фокусникъ Пинетти.

С. Ф. Шараповъ считаетъ число голосовъ, собранныхъ имъ за продолженіе войны въ 300.000, «Московскія Вѣдомости»—въ 500.000. Я думаю, что правы «Московскія Вѣдомости», а С. Ф. Шараповъ просто скромничаетъ, конфузясь своей популярности, какъ то, говорятъ, свойственно многимъ истинно великимъ людямъ, напримѣръ, Аристиду и Фокіону въ древности, Кригеру и Качу и др. въ нашъ просвѣщенный вѣкъ. Сверхъ того, имѣются еще, принадлежащіе г. Шарапову же, 15.000 голосовъ противъ евреевъ. Итого, уже 315 или 515.000! По манію г. Шарапова, вотировало двѣ Черногоріи,—excusez du peu!

Къ глубокому сожалѣнію, г. Шараповъ не оглашаетъ въ точности процесса, коимъ добылъ онъ отъ 315 до 515.000 голосовъ, и тѣмъ ставитъ насъ, сгорающихъ любопытствомъ, въ необходимость догадываться о возможностяхъ.

Возможность первая, простѣйшая, но и самая невѣроятная: г. Шараповъ написалъ собственноручно 515.000 писемъ, на которыя получилъ 515.000 отвѣтовъ. Противъ этой гипотезы являются доводы, во-первыхъ, экономическіе, ибо разсылка 515.000 писемъ, при стоимости почтовыхъ марокъ въ 7, 5 и 3 копѣйки (предположимъ, что г. Шараповъ пользовался и открытками), опредѣлится въ среднемъ, $515.000 \times 5 = 2.575.000$ коп., 25.750 рублей: валюта, врядъ ли посильная даже самому ярому русскому патріотизму и представляющая собою половину субсидіи,

полученной г. Шараповымъ отъ С. Ю. Витте на пресловутые плуги «Пахаря». Замѣтьте, что въ эту сумму не включена стоимость бумаги, конвертовъ и врядъ ли менѣе ведра чернилъ! Затѣмъ — доводы физіологическіе. Интервьюеры, бесѣдовавшіе съ г. Шараповымъ, не отмѣчаютъ въ его наружности ничего особаго и новоявленнаго, тогда какъ, написавъ 515.000 собственноручныхъ писемъ, онъ долженъ бы имѣть, вмѣсто правой руки, по меньшей мѣрѣ синебагровую подушку мясную, угрожающую энергическому обладателю своему не только писцовою болѣзнью, но и мѣстнымъ параличемъ, требующую усиленнаго массажа, электрическихъ токовъ, ортопедическаго ухода, быть можетъ, даже ампутаціи! Въ-третьихъ, почтовый обмѣнъ, усиленный внезапно на 1.030.000 писемъ, не могъ бы пройти безслѣдно въ кассахъ и въ жизни столичныхъ почтамтовъ: исторія гласила бы уже о сортировщикахъ корреспонденціи и письмоносцахъ, павшихъ подъ бременемъ скоропостижно свалившейся на нихъ неожиданной работы, а министерство финансовъ, въ обычномъ ему бюджетномъ энтузіазмѣ, столкнуло бы съ лона своего даже излюбленный департаментъ неокладныхъ сборовъ, чтобы возложить на лоно вновь открытыя доходности почтоваго вѣдомства.

Физіологическій доводъ, какъ будто, устраняется тѣмъ соображеніемъ, что, вмѣсто манускриптовъ, г. Шараповъ могъ отправлять лишь собственноручно подписанные имъ печатные бланки, что, кстати, значительно сокращаетъ и почтовый расходъ — до 10.300 рублей! Но я отвергаю это возраженіе, такъ какъ еще не слыхалъ, чтобы типографъ, печатающій манифесты г. Шарапова, купилъ себѣ многоэтажный домъ на Кузнецкомъ мосту или вообще пріобрѣлъ какую-либо цѣнность, соотвѣтствующую внезапному обогащенію отъ столь щедрыхъ заказовъ. Затѣмъ — контръ-мотивъ психологическій: человѣкъ, имѣвшій терпѣнія 515.000 разъ подрядъ подписать свою фа-

мнлію, долженъ, въ механическомъ процессѣ этомъ, дойти до полнаго, съ позволенія сказать, умственнаго обалдѣнія, чтобы не выразиться еще рѣзче—рамолисмента. Однако, признаковъ таковаго интервьюеры въ г. Шараповѣ не усматриваютъ, отмѣчая за нимъ, наоборотъ, необычайную прыткость слова и рѣзвость мыслей. Предположить же, чтобы г. Шараповъ не удостоилъ 515.000 своихъ корреспондентовъ даже собственноручною подписью, я рѣшительно отказываюсь: не говоря уже о требованіяхъ простой вѣжливости, онъ человѣкъ политическій и хорошо знаетъ, что автографамъ мужей славы свойственно покорять умы и сердца людей толпы. Вотъ почему въ банкахъ и прочихъ кредитныхъ учрежденіяхъ предпочитаютъ, чтобы кредитуемые не печатали фамилій своихъ на векселяхъ, но подписывали бы оные собственноручно и отнюдь не псевдонимами.

Остается предположить, что въ анкетѣ г. Шарапова участіе почтоваго вѣдомства было не столь широко, и разослалъ онъ не 515.000 личныхъ писемъ, но лишь извѣстное количество воззваній, обращенныхъ къ обывателямъ, съ приглашеніемъ расписываться, въ знакъ согласія, на предлагаемыхъ листахъ. Эта система требуетъ, прежде всего, совмѣстнаго обсужденія обывателями предложеній г. Шарапова, — слѣдовательно, сборищъ или митинговъ. Насколько извѣстно, печать послѣдняго времени, весьма чувствительно отмѣчающая всѣ сколько-нибудь значительныя общественныя движенія въ нѣдрахъ Россіи, совершенно не услѣдила какихъ-либо людныхъ, шумныхъ и частыхъ сходокъ — по поводу шараповскаго плебисцита, такъ что совершился онъ столь же таинственно, сколь успѣшно, и прошелъ отечествомъ нашимъ, подобно губернатору изъ «Периколы», «плащомъ прикрывши полъ-лица». Подобная таинственность возможна къ сохраненію лишь между немногими, и, такимъ образомъ, мы увѣряемся, что вопросы г. Шарапова адресовались къ группамъ лицъ, весьма мало-

людныхъ, которыя надо считать никакъ не въ сотни, но даже врядъ ли въ десятки головъ, а всего вѣрнѣе—единицами. Предполагая каждую группу среднимъ числомъ даже въ 50 человѣкъ, мы получимъ, что для составленія протестующей массы въ 515.000 голосовъ, г. Шараповъ долженъ былъ устроить предварительно 10.300 единомыслящихъ кружковъ, что затруднительно не только для частнаго лица, но и для сложныхъ политическихъ организацій, располагающихъ широкими средствами пропаганды и покровительствуемыхъ государствомъ. Боже, сохрани меня сомнѣваться въ правдоподобіи признаній г. Шарапова; этими строками я только спѣшу лишній разъ подчеркнуть популярность и организаторскую ловкость охранительнаго трибуна, которому, подобно Давиду, удалось побѣдить тьмы, въ то время, какъ Саулы, вродѣ русскихъ собраній, союзовъ русскихъ людей и пр., не побѣждали—куда ужъ тамъ тысячъ, но даже единицъ!

Митингами ли, тайною ли перепиской, усердными ли визитами своихъ агентовъ къ заинтересованнымъ лицамъ удалось г. Шарапову достичь настолько завидныхъ успѣховъ—это тайна, которую покуда въ состояніи открыть только онъ самъ. Но, какъ всякая политическая пропаганда, такъ и пропаганда г. Шарапова преимущественно слагается изъ четырехъ моментовъ: изъ—оповѣщенія о предлагаемой программѣ, убѣжденія принять программу, отвѣта о принятіи программы и регистраціи лицъ, принявшихъ программу. Переводя эти четыре момента изъ области отвлеченнаго мышленія въ условія трехъ измѣреній, коимъ подчинено наше земное существованіе, мы видимъ, что послѣдовательность ихъ выражается извѣстными сроками времени, сократить которые, конечно, зависитъ отъ таланта и ловкости пропагандиста, но неуничтожимые совершенно, по противодѣйствію законовъ физическихъ.

Предполагая г. Шарапова болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ Демосѳенъ, болѣе популярнымъ, чѣмъ Периклъ, и болѣе

скорострѣльнымъ, чѣмъ Наполеонъ Бонапарте, я, все-таки, думаю, что, путемъ ли переписки, путемъ ли сношеній тайной агентуры, ему пришлось потратить на покореніе подъ нозѣ своимъ проектомъ каждаго отдѣльнаго индивидуума не менѣе пяти минутъ времени. Изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, двѣ потребны уже для регистраціи покореннаго, такъ что на три остальные момента остается всего по одной минутѣ. Veni, vidi, vici — такимъ образомъ, заткнуто за поясъ и можетъ быть сдано въ архивъ. Тѣмъ не менѣе, даже при пяти минутахъ, 515.000 × 5 = 2.575.000 минутъ = 44.250 часамъ = 1.843 днямъ = 5 годамъ. Итакъ, выясняется, что, если считать начало пропаганды г. Шарапова за три мѣсяца назадъ, когда серьезно заговорили о мирѣ и о всенародномъ представительствѣ, то, — при нормальныхъ человѣческихъ условіяхъ, внѣ открытаго секрета, какъ побѣждаются время и пространство, — г. Шараповъ могъ бы опубликовать результаты своей анкеты не ранѣе, какъ въ іюнѣ или въ іюлѣ 1910 года (разница зависитъ отъ того, считать ли годъ ариѳметическій въ 360 дней или фактическій въ 365 и съ высокосомъ 1908 года). Но геніальный человѣкъ, умѣвшій претворять серебро въ золото и бумагу въ серебро, не убоялся условныхъ преградъ времени, и вотъ успѣхъ, достижимый единичными усиліями только пять лѣтъ спустя, мы имѣемъ въ не весьма благополучно, но все же текущемъ 1905 году. Г. Шараповъ въ одиночку пошелъ на Кроноса и, въ таинственной борьбѣ, побѣдилъ его, притомъ даже не охромѣвъ, какъ Іаковъ. И, — разъ память уже подсказала мнѣ одно библейское воспоминаніе — необходимо другое.

Подобно Іисусу Навину, остановившему солнце и луну впредь до тѣхъ поръ, пока народъ еврейскій не побѣдилъ амалекитянъ, г. Шараповъ также задержалъ астрономическій годъ: — «Стой, солнце, и не движься, луна, покуда я не сочту побѣдоносныхъ русскихъ голосовъ, требующихъ уничтоженія японцевъ!» Мнѣ очень больно, что

приходится унизительно сравнивать главу современнаго русскаго антисемитизма съ презрѣнными «жидами», какъ Іисусъ Навинъ и Іаковъ, но—что дѣлать? Исторія новѣйшихъ и болѣе пріятныхъ г. Шарапову народовъ уже не повторяла такихъ чудесныхъ примѣровъ. Что же касается «Машины времени» Уэльса, то врядъ ли она существовала иначе, какъ въ вымыслѣ автора. А рѣшусь ли я уподоблять великое открытіе нашего знаменитаго соотечественника случайному беллетристическому вымыслу? Оставимъ фантазіи фантазерамъ: наша дѣйствительность, въ лицѣ г. Шарапова, ихъ превзошла. Пинетти и Іисусъ Навинъ посрамлены, и я ничуть не удивлюсь, если прочту въ ближайшихъ русскихъ телеграммахъ, что г. Шараповъ проглотилъ кита, дабы пристыдить, нѣкогда поглощеннаго китомъ, еврея Іону, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, столь успѣшно совладѣвшій съ законами времени, еще легче подчинитъ своей волшебной власти законы объема и вѣса тѣлъ и, вмѣстивъ невмѣстимое, разрѣшитъ, наконецъ, проблему Козьмы Пруткова. Отъ г. Шарапова теперь всего слѣдуетъ ожидать. Человѣкъ, умѣвшій въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ прожить пять лѣтъ и изъ 1905 года чудесно очутиться въ 1910, не только можетъ, но даже долженъ, время отъ времени, глотать тартинки съ китами, низводить огнь небесный на жрецовъ Ваала и, вообще, не жалѣть знаменій и экспериментовъ въ увѣреніе народное.

Скептики и завистники, не желающіе признать таланты и магическую власть С. Ф. Шарапова, возражали мнѣ въ разговорахъ, что мой скромный разсчетъ пяти минутъ на каждый голосъ слишкомъ великъ, что, напримѣръ, рѣдкое дѣловое письмо привычный къ просмотру корреспонденціи человѣкъ читаетъ болѣе одной минуты и т. п. Это такъ, но скептики и завистники упускаютъ изъ вида, что огромное большинство писемъ было получено нашимъ знаменитымъ публицистомъ несомнѣнно изъ

Пестрой Шараніи, о каллиграфіи и орѳографіи которой извѣстно лишь по Гоголю, что тамъ выходитъ на бумагѣ «Обмокни», когда хотятъ написать «Авдотья». Подобная каллиграфія и орѳографія требуютъ со стороны адресата усиленнаго вниманія и, конечно, не только минутному, но весьма часто даже и получасовому чтенію поддаются лишь съ трудомъ. Затѣмъ, скептики и завистники не должны забывать, что, если по инымъ письмамъ достаточно лишь небрежно скользнуть взоромъ и наскоро внести фамилію корреспондента подъ извѣстную рубрику въ записную книжку, то есть письма, которыя человѣкъ публичной дѣятельности цѣнитъ гораздо выше, читая ихъ по нѣскольку разъ, какъ наединѣ съ самимъ собою, такъ и вслухъ пріятелямъ. Таковы письма сочувственно-дѣловыя, развивающія предложенную программу и, наконецъ, хвалебныя. Поощреніе необходимо таланту, какъ канифоль смычку виртуоза,—говоритъ философъ Козьма Прутковъ, и г. Шараповъ не исключеніе изъ правила: дымъ славы былъ всегда пріятенъ его ноздрямъ,—что и вполнѣ естественно!—и, любя обонять воню хвалы народной, маститый публицистъ никогда не оставался равнодушнымъ къ знакамъ поощренія. Свидѣтели: С. Ю. Витте и недавнее объявленіе г. Шарапова о какихъ-то «Одесскихъ Дняхъ», принадлежащихъ перу московскаго трибуна. Въ объявленіи этомъ г. Шараповъ, съ простодушною радостью успѣшнаго дѣятеля, приглашаетъ публику покупать «Одесскіе Дни», какъ можно скорѣе, потому что стоимость его брошюры, начавшись съ 5 копеекъ, доросла уже до 1 рубля, а потомъ будетъ и выше; даже за прочтеніе лишь драгоцѣнныхъ строкъ г. Шарапова поклонники великаго публициста, «осаждая кіоски», платятъ 20 копеекъ единовременно! Объявленіе г. Шарапова соперники, скептики и завистники не замедлили обругать безстыжею рекламою. Я же имѣю данныя думать, что г. Шараповъ не преувеличилъ, но скорѣе уменьшилъ

размѣры своего патріотическаго тріумфа. Такъ, напримѣръ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, столь часто повторяющіяся теперь типографскія забастовки объясняются совсѣмъ не какими-либо экономическими нуждами и соціальными вліяніями, но исключительно идейною стачкою наборщиковъ и печатниковъ—по нежеланію ихъ набирать и печатать что-либо, кромѣ «Одесскихъ Дней» г. Шарапова — надъ послѣдними же эти бравые люди готовы, якобы, трудиться хоть день и ночь за самое умѣренное вознагражденіе. По другимъ извѣстіямъ, во многихъ патріотическихъ мѣстностяхъ имперіи населеніе, вмѣсто того, чтобы умолять небо о минованіи засухъ и дарованіи дождя, неожиданно отслужило молебны съ водосвятіемъ о ниспосланіи брошюръ С. Ф. Шарапова· настолько потребность въ хлѣбѣ духовномъ побѣдила потребность въ хлѣбѣ тѣлесномъ!

Итакъ, жажды поощренія С. Ф. Шараповъ не чуждъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, при его популярности и при повсемѣстной любви къ нему нашего любезнаго отечества, анкеты доставили ему обильнѣйшій матеріалъ къ удовлетворенію жажды. Не ясно ли, что въ подобныхъ условіяхъ моя гипотеза о среднихъ пяти минутахъ на каждый голосъ скорѣе робка, чѣмъ смѣла?! Вѣдь огромное большинство писемъ, полученныхъ г. Шараповымъ, принадлежатъ къ числу именно тѣхъ, что усвояются талантомъ съ такою же охотою, какъ канифоль смычкомъ виртуоза! Я имѣлъ бы полное право предположить, вмѣсто пяти минутъ, десять, пятнадцать, двадцать, и остановило меня только то соображеніе, что, уже и при пяти минутахъ, г. Шараповъ превзошелъ Іисуса Навина ровно въ 1843 раза, такъ какъ Іисусъ Навинъ задержалъ время всего на одинъ день, а С. Ф. Шараповъ на пять лѣтъ съ мѣсяцемъ и днями! И замѣтьте: этотъ счетъ годенъ лишь при условіи, что за пять лѣтъ съ мѣсяцемъ и днями г. Шараповъ не спалъ, не пилъ, не ѣлъ, не отвлекался

ни къ какимъ физiологическимъ ли, общественнымъ ли потребностямъ, занятый своею анкетою съ полуночи до полудня, съ полудня до полуночи. Поставивъ же трудъ г. Шарапова въ условiя рабочаго дня, съ перерывами хотя бы лишь для сна и принятiя пищи, мы должны намного увеличить пятилѣтнiй срокъ, выражающiй его побѣду надъ временемъ. Я, конечно, не рѣшусь оскорбить политическихъ убѣжденiй С. Ф. Шарапова предположенiемъ, будто онъ довольствуется восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, но—даже при двѣнадцатичасовомъ—срокъ выростаетъ вдвое, и г. Шараповъ опережаетъ насъ уже на 3.686 дней, то есть на цѣлыхъ 10 лѣтъ и $2^1/_2$ мѣсяца!

Тѣмъ изъ скептиковъ, которые пытаются уязвить энергiю г. Шарапова указанiемъ, будто онъ имѣетъ дѣло не столько съ письмами, сколько со списками фамилiй, я возражу, во-первыхъ, что, по доказанному опыту, одно уже механическое чтенiе ста фамилiй беретъ у хорошо грамотнаго человѣка ровно двѣ минуты времени, и, слѣдовательно, лишь для того, чтобы спѣшно прочитать подписи своихъ корреспондентовъ, великiй русскiй анкетеръ долженъ былъ истратить 10.300 минутъ, то есть 171 часъ 40 минутъ, то есть 7 дней 3 часа 40 минутъ. Да-съ, не больше и не меньше! И —не считая ущерба времени на скверные почерки Пестрой Шарапiи и на догадки о ребусахъ ея правописанiя! И, наконецъ, напрасно думать, что читать списки, выражающiе прiятное, человѣкъ, охочiй до поощренiя, любитъ менѣе, чѣмъ таковыя же письма. Безсмертный тому примѣръ мы видимъ въ Павлѣ Ивановичѣ Чичиковѣ, который до того зачитался спискомъ благопрiобрѣтенныхъ имъ мертвыхъ душъ, что едва не опоздалъ въ казенную палату. Неужели вы думаете, господа, что г. Шараповъ посвятилъ каждому изъ своихъ корреспондентовъ вниманiя и времени менѣе, чѣмъ какой-нибудь Чичиковъ какимъ-нибудь Степану Пробкѣ, Не-

уважай Корыту, Коровьему Кирпичу и Елисаветъ Воробью?..

Мнѣ остается лишь разбить общественный скептицизмъ насчетъ анкетъ г. Шарапова въ послѣднемъ пунктѣ—въ сомнѣніяхъ, что г. Шараповъ продѣлалъ всю свою гигантскую работу не единоличнымъ трудомъ, но усиліями чуть ли не цѣлой канцеляріи Первое противорѣчіе: г. Шараповъ состоитъ къ своимъ читателямъ въ слишкомъ дружескихъ и интимныхъ отношеніяхъ, чтобы допустить между ними и собою грубое, формальное средостѣніе какой-то чуждой канцеляріи. Второе: канцелярія для экстреннаго подсчета анкеты въ 515.000 голосовъ требуетъ огромныхъ расходовъ и колоссальнаго личнаго персонала. Не входя въ оцѣнку бюджета, посильнаго почтенному анкетеру, я укажу лишь, что многочисленный личный персоналъ не соотвѣтствовалъ бы той глухой семейности, съ какою проведено дѣло анкеты. Не говорю уже о томъ, что многочисленный персоналъ представляетъ опасности шпіонства и предательства. Въ патріотическую канцелярію г. Шарапова, подъ маскою овецъ, легко могли проникнуть волки: либеральничающіе и коварно болѣющіе миролюбіемъ земцы, соціалъ-демократы, революціонеры и даже—horribile dictu—жиды!!! Можно себѣ представить, въ какую кашу обратили бы корреспонденцію г. Шарапова подобные неблагонадежные элементы, если и теперь, при вполнѣ благонадежномъ веденіи анкеты, въ архивъ ихъ вкрадываются письма, о которыхъ самъ г. Шараповъ жалуется, разводя руками:

— Ничего не понимаю! Должно быть, пьяные на смѣхъ подписывались!

Третье и важнѣйшее противопоказаніе бюрократической организаціи анкеты: интервьюеры, посѣтившіе С. Ф. Шарапова, не видали никакой канцеляріи. Они видѣли лишь г. Шарапова, который открылъ шкафъ и показалъ «пукъ» документовъ, относящихся къ анкетѣ объ евреяхъ. Пуки

анкеты о войнѣ, о мирѣ уже оказались отосланными на храненіе въ какія-то благонадежныя крѣпости—не то въ Петропавловку «Дня», не то въ Шлиссельбургъ «Московскихъ Вѣдомостей». Мы ни мало не сомнѣваемся въ существованіи этихъ передовѣренныхъ пуковъ, и, быть можетъ, они даже выросли числомъ, по дорогѣ отъ г. Шарапова въ дружескія крѣпости: вспомнимъ опять, что «Московскія Вѣдомости» считаютъ анкету въ 500.000 голосовъ, тогда какъ самъ г. Шараповъ только въ 300.000. Но, такъ какъ мы ведемъ споръ съ змѣями скептицизма и Ѳомами невѣрными, то должны оставаться на почвѣ лишь совершенно доказанныхъ и осязательныхъ фактовъ, не вдаваясь въ спорныя увѣренія вещей невидимыхъ. Зримость же дѣла строго такова: интервьюеры видѣли открытый шкафъ, С. Ф. Шарапова съ антисемитскимъ пукомъ въ рукахъ и—никакихъ слѣдовъ канцеляріи.

Кончаю. Думаю, что безпристрастный читатель, внимательно прослѣдивъ рядъ доводовъ, мною предложенныхъ, не откажется признать вполнѣ доказаннымъ тезисъ, положенный ad demonstrandum въ началѣ этой статьи: гордость и слава русской охранительной публицистики, Сергѣй Федоровичъ Шараповъ, таинственнымъ и одному ему извѣстнымъ секретомъ, совершилъ въ самый незначительный срокъ гигантскую работу, доступную нормальному человѣку, при единоличныхъ усиліяхъ, лишь на протяженіи минимально пяти лѣтъ. Онъ побѣдилъ время и пространство, вложивъ ихъ одно въ другое, какъ футляръ въ футляръ, и, покуда мы, обыкновенные смертные, еще маемся въ 1905 году, онъ живетъ уже въ 1910. Сергѣй Федоровичъ побѣдилъ публику, побѣдилъ исторію, побѣдилъ физику, побѣдилъ механику, побѣдилъ физіологію, побѣдилъ... все!!!.. Да будетъ же ему, всепобѣдителю, тріумфъ! Да будетъ ему тріумфъ!

Подоходный налогъ.

Viareggio, 1905, VII, 24/11.

Русскія газеты извѣщаютъ, что министерство финансовъ обратилось къ петербургскимъ редакціямъ съ циркуляромъ, предлагающимъ сообщить размѣры гонораровъ, получаемыхъ сотрудниками. Справка эта понадобилась министерству ради распредѣленія будущаго подоходнаго налога. Установлены категоріи литературнаго заработка: отъ 1.000 рублей годового дохода до 2.000 рублей, потомъ 5.000, 10.000 и такъ далѣе до 50.000 рублей въ годъ включительно. Послѣдняя графа, на мой взглядъ, обличаетъ въ министерской бумагѣ уже нѣкоторую игривость фантазіи, потому что

Ахъ, и гдѣ же это видано?!
Ахъ, и гдѣ же это слыхано?!

Либо — чѣмъ чортъ не шутитъ? — бюрократическую попытку польстить отечественной литературѣ: вотъ, молъ, какъ высоко мы васъ цѣнимъ, messieurs les folliculaires! Пятидесяти тысячъ въ годъ для васъ не жаль! И—не можемъ даже предположить, чтобы въ наше просвѣщенное время, когда... и прочее, и прочее, вы, при серьезности вашихъ общественныхъ заслугъ, таковыхъ окладовъ не получали!

Но—тонкая лесть или насмѣшливая игривость—все равно: я сильно опасаюсь, что пятидесятитысячная графа

во всѣхъ русскихъ редакціяхъ останется не заполненною, сіяя на всетерпящей бумагѣ исключительно для красоты и совершенства документа и въ трогательное свидѣтельство полнѣйшей готовности государства содѣйствовать процвѣтанію отечественной печати чрезъ обложеніе литературнаго заработка данями и пошлинами даже до такихъ суммъ, которыхъ русскій писатель наяву никогда и не видывалъ, а, если случится увидать во снѣ, немедленно просыпается отъ испуга и сожалѣнія, что съ вечера позабылъ положить подъ подушку бумажникъ,—анъ, вотъ теперь денежки-то и—тю-тю!

Но оставимъ въ покоѣ величественную, хотя и фантастическую, графу. Отъ души желаю братьямъ-писателямъ, чтобы ростъ литературнаго дѣла и заработковъ въ немъ позволилъ заполнить ее какъ можно скорѣе, и съ удовольствіемъ вижу глубокую вѣру въ возможность заполненія въ такомъ солидномъ и многоопытномъ государственномъ изыскателѣ, какъ министерство финансовъ. Не ставятъ насоса артезіанскаго наобумъ въ мѣстѣ пустѣ, безводнѣ, безплоднѣ, не учреждаютъ налоговъ безъ предварительнаго изслѣдованія кармановъ, должныхъ налоги платить. Ибо—какъ всуе законы писати, ежели ихъ не исполняти, такъ и всуе налоги учреждати, ежели оныхъ не получати. Государство, очевидно, ждетъ быть обогащеннымъ чрезъ Голконды и Перу своей литературы! На языкѣ возвышенномъ и піитическомъ это называется:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни,

а на языкѣ презрѣнной, но правдивой прозы:

— Ёнъ достанетъ!..—

Рубрика государственной доходности, какъ извѣстно, наиболѣе популярная, очень давняя и всероссійски распространенная. Теперь, — когда она приблизилась къ кругу литературному, который до сихъ поръ пренебрежительно миновала за скудостью платежныхъ надеждъ,—

мнѣ хочется разсмотрѣть вблизи, простымъ глазомъ, по здравому смыслу: достанетъ ли енъ—предполагаемый къ обложенію братъ-писатель—и долженъ ли доставать?

Россійскій литераторъ—отъ міра не отказчикъ. Напротивъ, стоическое правило, что «на міру и смерть красна», было до настоящаго времени едва ли не единственнымъ кодексомъ, управлявшимъ его земное существованіе, со всѣми въ немъ правами и обязанностями. Подоходный налогъ—дѣло не худое, и если онъ распространяется равноправно на все гражданство государства, то, понятное дѣло, нѣтъ причинъ исключать изъ платежной массы классъ литературный, не можетъ быть о томъ рѣчи, да и не пожелаетъ того никто изъ литераторовъ. Но—если распространяется равноправно. И вотъ въ этомъ-то условіи—большая заковыка.

Всякій налогъ имѣетъ смыслъ оплаты гражданствомъ государственной защиты его существованію, промысламъ, добычамъ, обмѣнамъ. Облагая тотъ или другой источникъ частной доходности, государство, тѣмъ самымъ, признаетъ его законность, беретъ подъ свое покровительство его свободу, развитіе и преуспѣяніе. И это до такой степени, что если источникъ доходности ужъ очень обиленъ, то государство, въ своихъ заботахъ о немъ, даже не довольствуется контролями обложенія, но забираетъ въ свои руки и самый источникъ, объявляя его регаліей. Таковъ, упоительный во всѣхъ отношеніяхъ, примѣръ всероссійской водочной монополіи, подаренной отечеству нашему С. Ю. Витте. Противъ водочной монополіи, равно какъ и за монополію, было много писано и говорено. Но всѣ, какъ порицатели, такъ и хвалители этого мѣропріятія, которыхъ случалось мнѣ читать или слушать, какъ-то упускали изъ вида его государственво-правовую сторону, а она, между тѣмъ, весьма замѣчательна. Никто не хотѣлъ видѣть, что водочная монополія С. Ю. Витте есть актъ глубоко конституціонный: осуществленіе русской хартіи

провозглашенной около тысячи лѣтъ тому назадъ съ высоты кіевскаго великокняжескаго престола, въ параграфѣ единственномъ, но всеобъемлющемъ:

— Пити есть веселіе Руси!

Признавая естественнымъ и законнымъ правомъ каждаго русскаго гражданина находить веселіе въ пьянствѣ, государство создало, путемъ тысячелѣтней эволюціи, конституцію пьянства, въ видѣ водочной монополіи, а за пользованіе гражданъ благами пьяной конституціи взяло себѣ полностью всѣ доходы отъ спиртныхъ напитковъ, поглощаемыхъ въ предѣлахъ россійскихъ. Оставляя въ сторонѣ вопросы, насколько это для гражданства россійскаго выгодно или невыгодно, нравственно или безнравственно, сохранимъ подъ собою почву нормальной логики. Послѣдняя же гласитъ неукоснительно:

1. Каждое право, признаваемое государствомъ за гражданами, сіи послѣдніе должны оплачивать цѣною штановъ своихъ.

2. Въ водочной монополіи государство признало за гражданами право пьянствовать ad libitum и даровало имъ всѣ наиболѣе удобныя къ тому приспособленія.

Ergo, —

3. Въ признательность за водочную монополію, каждый россійскій обыватель долженъ снять съ себя штаны и благодарно возложить ихъ на алтарь отечества, при посредствѣ департамента неокладныхъ сборовъ.

Что справедливо, то справедливо, и кто можетъ спорить противъ справедливости? Разъ государство покровительствуетъ, покровительство должно быть оплачено. Разъ государство защищаетъ, защита должна быть оплачена. Разъ государство терпитъ, терпимость должна быть оплачена. Послѣдняя истина настолько общеизвѣстна, что противъ нея не возражаютъ даже хозяйки домовъ терпимости, покорно и аккуратно уплачивая чинамъ покровительству-

ющей полиціи контрибуціи, которыя люди злонамѣренные обзываютъ взятками.

Но—что несправедливо, то несправедливо: это—не менѣе глубокая истина! И, если не долженъ забывать ея даже частный человѣкъ, или—говоря языкомъ конторщика Епиходова—отдѣльный индивидуй, то кольми паче обязано памятовать и блюсти ее, пасущее отдѣльныхъ индивидуевъ въ огромномъ стадѣ своемъ, великое государство.

Справедливо, чтобы государство облагало данями и пошлинами тѣ источники частныхъ доходностей, коимъ оно покровительствуетъ, кои защищаетъ, ласкаетъ, развиваетъ, поощряетъ, терпитъ. Несправедливо, чтобы оно облагало данями и пошлинами тѣ источники частныхъ доходностей, кои считаетъ недостойными существованія, подлежащими истребленію, ограниченію, преслѣдованію, до ввержения въ узы и разсѣянія по лицу земному включительно.

Къ глубочайшему моему сожалѣнію, разсматривая современныя отношенія между русскимъ государствомъ и русскою литературою, я не вижу на сторонѣ перваго тѣхъ благожелательныхъ элементовъ, которые оправдывали бы попытку казеннаго обложенія второй.

Если министерство финансовъ усмотрѣло въ дебряхъ россійской журналистики нѣкоторыя золотыя розсыпи, то нельзя не сознаться, что розсыпи эти напоминаютъ собою отнюдь не Уралъ и Алтай, гдѣ оберегаемые закономъ, Базилевскіе, Иваницкіе и tutti quanti мирно наживаютъ милліоны въ короткой дружбѣ съ горнымъ департаментомъ, но скорѣе — беззаконную и самовольную, контрабандную Желтугу, ежечасно ожидающую въ мучительной, лихорадочной и случайной своей дѣятельности, что вотъ—придетъ команда и коихъ постръляетъ, коихъ расточитъ, а розсыпи закроетъ и объявитъ преданными забвенію. Мы, россійскіе журналисты, помнимъ свое мѣсто твердо и

знаемъ свой шестокъ очень хорошо. Тѣмъ болѣе хорошо, что, если подъ вліяніемъ «вѣяній обновляющейся Россіи» (какъ, однако, долго дуютъ эти вѣянія, какъ мало еще надули въ прямомъ смыслѣ и какъ многихъ уже—въ смыслѣ переносномъ!),—такъ вотъ, если подъ вліяніемъ вѣяній мы поддаемся иллюзіямъ, забываемъ низкія истины и начинаемъ мечтать о насъ возвышающихъ обманахъ, то всегда находится какой-либо храбрый генералъ Карангозовъ, который зычнымъ окрикомъ возвращаетъ насъ отъ сновъ къ дѣйствительности и строитъ въ три шеренги дисциплинарнаго батальона:

— Со тати и разбойницы сопричислены есте! Руки по швамъ и—смирна-а-а-а!

И до такой степени привыкли мы къ этому сопричисленію, что даже и обижаться на него перестали. Ну,—со тати, такъ со тати! Со разбойници, такъ со разбойници! Эка невидаль! И въ татяхъ люди живутъ! А иные изъ братьевъ-писателей, которые, впрочемъ, не столь братья-писатели, сколь кумовья-городовые, нашли даже, что сопричисленіе подсказываетъ имъ весьма эффектный полемическій пріемъ и, еще въ катковскія времена, изобрѣли громовую аттестацію «разбойниковъ пера и мошенниковъ печати». Такъ, во времена императрицы Анны Іоанновны и его свѣтлости курляндскаго герцога Бирона, знаменитый московскій тать и отчасти поэтъ Ванька Каинъ, поступивъ въ сыщики, кричалъ «слово и дѣло» противъ товарищей по ремеслу.

А стали они, тати, мнѣ выговаривать:
— Что ты, Ванька-песъ, затѣялъ не дѣло,
Отдалъ совѣсть внаймы
За бархатные штаны.
На что я имъ отвѣчалъ:
— Подите вы къ чорту!
У меня лисья шуба,
А на васъ рубище грубо.
Со мною спорить вамъ не по уму:
Вотъ, кликну команду, да и посажу всѣхъ въ тюрьму!

Со тати, такъ со тати. Со разбойници, такъ со разбойници. Но рѣшительно ни одна финансовая система въ мірѣ не возвышалась еще до подоходнаго обложенія татей и разбойниковъ и нормировки ихъ ремесла по платежнымъ категоріямъ. И я сильно опасаюсь, что, взятая нашимъ министерствомъ финансовъ, иниціатива въ этомъ направленіи также не окажется успѣшною. И отнюдь не по недостатку принципіальнаго остроумія: напротивъ! Обложить налогомъ доходъ татей и разбойниковъ—какой еще изобрѣтательности надо?! Но—по затрудненіямъ чисто практическимъ и, отчасти, правового порядка.

Каткову же принадлежитъ классическая сентенція, что—

— У русскихъ людей правъ больше, чѣмъ у кого либо въ Европѣ, потому что, кромѣ всѣхъ обычныхъ правъ, русскіе люди имѣютъ еще великое право—право исполнять свои обязанности.

Это величественно и стоитъ, въ своемъ родѣ, «мошенниковъ пера и разбойниковъ печати». Такъ какъ мы вступили на путь налоговой оцѣнки гражданскихъ правъ, то и нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ ея мѣрку должно подойти и Катковымъ формулированное «право правъ»— «право исполнять свои обязанности». Имѣетъ человѣкъ гражданскую обязанность,—долженъ исполнять.—А—желаешь исполнять, плати за то, чтобы позволили мирно исполнить. Тутъ путь формальной логики опять-таки безукоризненно побѣдоносенъ, и—что справедливо, то справедливо.

Но возникаетъ недоразумѣніе.

Что, собственно, должно быть почитаемо гражданскими обязанностями людей, оффиціально сопричисленныхъ со тати и разбойници, и за право исполненія какихъ именно своихъ обязанностей они подлежатъ взиманію налоговъ?

По внимательномъ изслѣдованіи исторіи русской пе-

ріодической печати и кодекса литературной добродѣтели, именуемаго цензурнымъ уставомъ, мы должны придти къ непремѣнному выводу, что взгляды на выполненіе гражданскихъ обязанностей у прессы русской діаметрально противоположны съ таковыми же взглядами у лицъ, учрежденій и законодательства, жизнь прессы вѣдающихъ,— настолько, что когда пресса поступаетъ хорошо по своему и общества убѣжденію, то лица, учрежденія и законодательство находятъ, что она ведетъ себя прескверно, и прилагаютъ къ ней свои бичи и скорпіоны. И, наоборотъ, когда лица, учрежденія и законодательства находятъ поведеніе органа прессы добропорядочнымъ, то остальная пресса и публика покиваютъ на оный органъ главами своими и, заткнувъ носы, отвращаютъ глаза, дабы не видѣть мерзости предъ Господомъ.

Итакъ, по условіямъ современной русской печати, дѣятельность ея можетъ быть успѣшна, какъ въ смыслѣ нравственнаго вліянія, такъ и матеріальною доходностью, которую имѣетъ въ виду проектъ обложенія,—лишь въ томъ случаѣ, когда она представляетъ собою большее или меньшее нарушеніе обычнаго и писаннаго права, воплощеннаго въ учрежденіяхъ, лицахъ и законодательствѣ, противъ нея, печати, установленныхъ. И вотъ тутъ-то, радѣя о пользѣ и престижѣ государства, я долженъ предостеречь проектъ налога отъ большой логической ошибки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что установленіе налога предполагаетъ желаніе, чтобы источникъ его держался не только крѣпко и постоянно, но и росъ бы, процвѣталъ, все развивая свою платежную способность. Но, коль скоро платежная способность, сопричисленныхъ со тати и разбойници, литераторовъ россійскихъ зависитъ исключительно отъ количества совершаемыхъ ими цензурныхъ преступленій, то не ясно ли, что въ то время, какъ главное управленіе по дѣламъ печати и министерство внутреннихъ дѣлъ тщатся истреблять означенныя преступленія своими бичами и

скорпіонами,—министерство финансовъ и государственное казначейство, наоборотъ, вынуждены будутъ желать самаго широкаго роста преступныхъ дѣяній—въ цѣляхъ оберечь и усилить платежеспособность татей, оныя совершающихъ?

Съ трепетомъ предвижу я возможность и даже необходимость самыхъ острыхъ конфликтовъ между интересами двухъ вѣдомствъ, а, слѣдовательно, и между самими вѣдомствами.

Система разоренія, практикуемая надлежащими вѣдомствами противъ татей и разбойниковъ печати, имѣетъ четыре угла: воспрещеніе, расточеніе, заточеніе и изъятіе средствъ. Всѣ сказанныя краеугольности обоснованы на принципѣ внезапности, въ которомъ и таится вся сила системы. Роскошествуя на пирахъ своей злонамѣренной жизни, русскій печатный тать никогда не въ состояніи предвидѣть момента, когда бездна пороковъ его переполнитъ чашу правительственнаго терпѣнія, и падетъ на его преступную голову молнія карающей системы.

Безумствуя въ оргіяхъ слова, печатный тать, въ настоящее время, памятуетъ о системѣ внезапнаго разоренія, какъ о страшномъ судѣ: никто же не вѣсть часа, въ онь же сынъ человѣческій пріидетъ—съ повѣсткою въ рукахъ, вѣщающею, что ты воспрещенъ, заточенъ, расточенъ или умаленъ въ достаткѣ своемъ и правѣ татевать на впредь будущее время. Государство принципіально отказывается считать собственность печатнаго татя собственностью, а личность его — юридическою личностью, persona sui juris, подлежащею нормамъ точнаго и опредѣленнаго законодательства. Жизнь печатнаго татя въ государствѣ подобна хожденію по канату—при томъ, безъ сѣтки. Покуда стопа татя ступаетъ деликатною ощупью по канату, начальство смотритъ на татя сквозь пальцы, съ выжидательнымъ любопытствомъ и иногда даже не безъ удовольствія: вѣдь, интересно же, въ самомъ дѣлѣ, до какой степени привыкъ, шельма, къ канату и возвелъ его

для себя во вторую натуру! И куритъ на канатѣ, и бутылку откупоритъ, и присядкою по канату пройдетъ, и вальсъ протанцуетъ. Хитеръ нашъ братъ, мастеровой! Но все это—и хитрость мастерового въ предѣлахъ канатнаго обузданія, и снисходительныя улыбки взирающихъ—до перваго faux pas. А faux pas низвергаетъ искусника съ высоты долу, яко Симона-волхва, и въ то время, какъ онъ, съ разбитою грудью и переломленными руками-ногами, корчится въ мукахъ на землѣ:

— Братцы! помираю!

Народъ безмолвствуетъ, товарищи-акробаты пожимаютъ плечами:

— Ну, какъ же можно такъ—безъ всякой осторожности?!

А старцы града, власть предержащіе, тычатъ клюками въ поверженное тѣло и шамкаютъ, плотоядно шевеля беззубыми, но злобными челюстями:

— Подѣломъ тебѣ, негодяю! Допрыгался? Собакѣ собачья смерть! Не такъ бы тебѣ еще надо! не такъ!

И бываютъ между старцами града столь усердные ревнители справедливыхъ возмездій, что если горемычный воздушный путешественникъ слишкомъ искусенъ въ своемъ ремеслѣ и заставляетъ долго ждать рокового faux pas, то старичокъ возьметъ, да канатъ-то и перерѣжетъ: лети, душа, во адъ, и буди вѣчно плѣнна! Болѣе же гуманные изъ старцевъ града, утомясь зрѣлищемъ безопасно гимнастирующаго татя, просто приглашаютъ къ вмѣшательству городового Мымрецова:

— Сними-ка, братъ, стрекулиста! Довольно ему изгиляться-то...

— Слушаю, ваш-бродь! Какъ скоро, такъ сейчасъ! Эй, ты! Энгелистъ! Иже еси подъ небеси!

— А-а-а-ась?!

— Я те аськну! Слазь, бестія, коли начальство требуетъ!

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, что кутузка по тебѣ соскучилась... слазь!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сохраненіе нынѣ дѣйствующаго канатнаго порядка есть очень важная полицейско-государственная потребность, признаваемая не только предержащими власть старцами града, но и многими изъ тѣхъ братьевъ-писателей, которые больше кумовья-городовые. По крайней мѣрѣ, изучая отчеты о работахъ комиссіи г. Кобеко, совершенныхъ, какъ извѣстно, при участіи нѣсколькихъ писателей означенной категоріи, я неоднократно и даже систематически выводилъ изъ нихъ заключеніе, что свобода печати, которую организовать для Россіи тщилась упомянутая комиссія, есть не иное что, какъ наука о правильномъ надѣваніи намордника, по пунктамъ, темпамъ и съ такимъ разсчетомъ, чтобы человѣкъ замѣчалъ намордникъ, только очутившись въ немъ, а слѣдовательно, уже не могъ бы ни обругать, ни укусить надѣвающаго. Такія благонамѣренныя заботы, конечно, дѣлаютъ братьямъ-писателямъ, которые больше кумовья-городовые, не малую честь, а намъ, прочимъ татямъ, какъ татямъ, не меньшее удовольствіе.

Но канатный порядокъ зиждется на отрицаніи въ татѣ юридической личности и права собственности. Не посягая временно на каждое пріобрѣтаемое достояніе татя въ отдѣльности, государство, тѣмъ не менѣе, не признаетъ за его достояніемъ вообще началъ законной, правильной и постоянной доходности, терпитъ ее исключительно по снисходительному правилу: «не пойманъ — не воръ» и обрываетъ, какъ никогда не существовавшую, какъ скоро ему, въ лицѣ того или иного изъ старцевъ града, угодно найти, что вору время быть пойманнымъ.

— Сегодня пишешь фельетоны,

А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?—

уныло философствуетъ редакціонный гимнъ татей русской

печати. Что же касается внезапнаго исчезновенія доходовъ отъ печатной татьбы, то я, напримѣръ, лично могу засвидѣтельствовать, что однажды, бывъ довольно зажиточнымъ татемъ вечеромъ въ воскресенье, проснулся утромъ въ понедѣльникъ татемъ, обѣднѣлымъ по манію старцевъ града настолько, что не нашелъ въ своемъ карманѣ даже средствъ ѣхать въ Восточную Сибирь, и попечительное начальство должно было везти меня на собственный свой счетъ, хотя, въ виду дальности разстоянія, это составило довольно-таки значительную государственную трату.

Неопредѣленность доходности, обусловленная канатною системою, даетъ татямъ печати прямой поводъ и даже какъ бы нѣкоторое призрачное право уклоняться отъ обложенія, къ которому желаетъ привлечь ихъ министерство финансовъ. Такъ, напримѣръ, пристанодержатели татей, именуемые издателями газетъ и журналовъ, могутъ наотрѣзъ отказаться отъ показаній своей доходности, отговариваясь тѣмъ обстоятельствомъ, будто сами ея не знаютъ и не могутъ знать, не будучи пророками, сколько разъ въ годъ и надолго ли тотъ или другой благонамѣренный капризъ старцевъ града лишитъ ихъ розничной продажи, права печатать частныя объявленія или, наконецъ, даже пріостановитъ газету на тотъ или иной срокъ, не говоря уже о возможности совершеннаго прекращенія. Сверхъ того, многіе будутъ ссылаться, что въ канатную систему, на-ряду съ прочими средствами разоренія непокорной печати, входитъ внезапное обезцѣненіе имущества татей, выражаемаго въ газетахъ, журналахъ, книгахъ и статьяхъ, чрезъ подчиненіе такихъ опекѣ чиновниковъ многообразной россійской цензуры: актъ, который еще баснописецъ И. И. Дмитріевъ аллегорически описалъ въ трогательной балладѣ своей:

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ,
Ею только въ полѣ
Взоръ свой веселилъ.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.
Роза не увяла,
Въ розѣ тотъ же цвѣтъ,
Да—не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ!

Строптивые умы распущеннаго вѣка полагаютъ, что литература, наипаче же журналистика, отданная, въ дисциплинарныхъ цѣляхъ, подъ благодѣтельный надзоръ цензуры, претерпѣваетъ совершенно ту же метаморфозу, что букетъ розъ съ привитою полынью: она не находитъ на себя охотниковъ и пріобрѣтателей, а, слѣдовательно, обложеніе ея доходности можетъ принести государству лишь столь малый хабаръ, что едва ли не выгоднѣе вовсе отъ него отказаться. Ибо, повторяю, всуе налоги учреждать, ежели по онымъ денегъ не получать.

Наконецъ, среди каръ канатнаго существованія имѣется еще наказаніе гадательностью, изобрѣтенное весьма недавно, но существенными результатами разоренія оправдывающее себя не менѣе всѣхъ, ранѣе практикованныхъ. Заключается оно въ томъ, что, не ввергая владѣющаго газетою или журналомъ татя въ узилище и не прерывая для него преступныхъ, но доходныхъ возможностей навсегда, старцы града, при посредствѣ цензуры, подвергаютъ сомнѣніямъ каждый отдѣльный актъ его печатной татьбы, то-есть—выходъ въ свѣтъ журнала или номера газеты, почитаемый отъ публики періодически непремѣннымъ, превращаютъ въ условный и лишь потенціальный:

Либо дождикъ,
Либо снѣгъ,
Либо будетъ,
Либо нѣтъ!

Кара эта внушена старцамъ града гуманными вѣяніями XX вѣка и, какъ идея, заимствована у того сердобольнаго англичанина, который, опасаясь, что бульдогъ его будетъ слишкомъ страдать, если отрубить ему хвостъ

сразу, рѣзалъ означенный хвостъ по суставу въ сутки. Тѣмъ не менѣе, не взирая на пагубную гуманность, въ исправительной дѣйствительности кары нельзя сомнѣваться, такъ какъ весьма многіе печатные тати, ей подвергнутые, замѣчены въ неоднократныхъ попыткахъ удавиться на собственныхъ подтяжкахъ, что, конечно, свидѣтельствуетъ о глубокомъ раскаяніи, хотя и по чину Іудину.

Все это обиліе мѣръ, возвращающихъ печать отъ пороковъ къ добродѣтели, ставится на карту введеніемъ для татей печати подоходнаго налога, какъ обоснованнаго на началахъ не только постоянной, но и прогрессирующей доходности. Не ясно ли, что вводимый налогъ ставитъ государство предъ неразрѣшимою дилеммою: или, дѣйствуя въ ущербъ казнѣ, истреблять ея плательщиковъ, низводя тѣмъ къ ничтожеству самое существо налога, или, дѣйствуя въ ущербъ общественному благочинію, терпѣть развратъ печатной татьбы до такихъ степеней, чтобы послѣдняя оправдывала платежныя надежды, возлагаемыя на нее проектомъ налога?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что министерство финансовъ, нуждаясь въ источникахъ къ пополненію средствъ государственнаго бюджета, ущербленныхъ злополучіями арміи и флотовъ, своекорыстно выскажется за второй выборъ. Но—что же скажетъ и въ рубищѣ почтенная добродѣтель?!.

При томъ никакъ не слѣдуетъ забывать, что въ облагаемыхъ татяхъ государство имѣетъ дѣло не съ младенцами, ранѣе семилѣтняго возраста, и не съ пошехонцами, заблудившимся въ трехъ соснахъ, но съ племенемъ буйнымъ, его же не объегоришь и на козѣ не объѣдешь, полнымъ многострадальнаго опыта, и весьма скептическимъ. Ставъ предъ лицомъ налога, печатные тати не только въ состояніи дерзновенно потребовать отъ государства, чтобы таковое предварительно гарантировало имъ постоянство и неприкосновенность должностей, въ которыхъ оно желаетъ

участвовать чрезъ ихъ обложеніе, но и болѣе того: весьма многіе тати, лелѣя мятежную мысль, что если государство беретъ съ плательщика подати и налоги, то взамѣнъ обязано предоставить ему полноту гражданскихъ правъ,— очень способны потребовать общаго обезпеченія своей дѣятельности, выражаемаго программою въ два слова, хотя краткія, но непріятныя: свобода печати.

Это требованіе, конечно, было бы весьма безопасно, если бы тати печати согласились ограничиться тою свободою, которую уготовляетъ имъ комиссія г. Кобеко. Но, по неблагодарности и безчувственности своей, тати находятъ, что означенная комиссія дѣлаетъ свободу совершенно такъ же, какъ хромой бочаръ дѣлаетъ луну въ Гамбургѣ, то-есть прескверно, и приблизительно по тому же рецепту: кладетъ въ свободу куски смоляного каната и чортъ знаетъ какую дрянь, почему, будто бы, когда сфабрикованная г. Кобеко свобода возсіяетъ на небосклонѣ, то въ печати, вмѣсто обѣщаннаго свѣта, распространится лишь жестокая вонь. И предубѣжденіе это настолько велико и прочно, что одинъ изъ татей даже позволилъ себѣ недавно посвятить комиссіи г. Кобеко нижеслѣдующую стихотворную характеристику:

Стали къ публикѣ вести
Отъ цензуры мостикъ
И свободу потрясти
Намъ даютъ за хвостикъ.
Эхъ! Политика не та:
Не невѣжды вѣдь мы!
У свободы нѣтъ хвоста,—
Хвостъ растетъ у вѣдьмы
Хвостъ бѣсовскій въ кулакѣ
Жать намъ не пригоже:
Отъ свободы аплике
Упаси насъ, Боже!

При столь пагубномъ настроеніи умовъ выйти изъ дилеммы путемъ какого-либо благопристойнаго компромисса не представляется удобнымъ. Правда, есть возможность— введя налогъ и обязавъ татей аккуратно платить его, въ

то же время сохранить и систему разоренія, съ непризнаніемъ послѣдняго за force majeur. То-есть: хотя бы тать былъ заточенъ, расточенъ, воспрещенъ или умаленъ въ средствахъ практически, государство дѣлаетъ видъ, что о томъ не знаетъ. Въ отношеніи татя сохраняется фикція состоятельности, и продолжаетъ дѣйствовать презумпція, будто доходность его осталась неизмѣнною и неприкосновенною. Въ такихъ условіяхъ налогъ, буде даже не можетъ поступать въ видѣ текущей наличности, имѣетъ начитываться на неисправнаго плательщика, какъ казенная недоимка. Не сомнѣваясь въ томъ, что такимъ способомъ государственная казна могла бы обогатиться не однимъ милліономъ рублей, приходится, однако, возразить, что милліоны эти будутъ выражены не столь денежными знаками, сколь цифрами бумажной отчетности, которыя интересны болѣе государственному контролю, нежели казначейству, такъ какъ реализуются въ денежные знаки съ большою трудностью вообще, въ настоящемъ же случаѣ—съ тѣмъ большею, что на сторонѣ татей, находящихся въ періодѣ преслѣдованія, оказывается непреодолимый argumentum mendicitatis, выражаемый по-русски пословицею—«на нѣтъ и суда нѣтъ», или сентенціей—«тщетно искать, гдѣ не положено». Что касается до выбитія недоимки административными мѣрами, то, за обычнымъ отсутствіемъ у татей печати недвижимаго имущества и живого инвентаря (NB. хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ слабость держать собакъ, выдрессированныхъ, по преимуществу, кусать за пятки кредиторовъ и судебныхъ приставовъ), затрата государственной энергіи врядъ ли будетъ соотвѣтствовать возможно достижимымъ результатамъ. Ибо, къ крайнему сожалѣнію, законы XII таблицъ, опредѣлявшіе разсѣчь недоимщика на куски, пропорціональные его долговымъ обязательствамъ, находятся въ забвеніи, и сомнительно, чтобы лживая гуманность XX вѣка допустила воскресить ихъ. Равнымъ образомъ, сомнительно, чтобы удалось возстано-

вить законъ, дозволяющій продажу несостоятельнаго должника въ рабство, съ аукціона, по вольной цѣнѣ. Что касается формъ базарнаго правежа, то эта сложная процедура, при всей своей назидательности, требуетъ значительнаго расхода на новые штаты полиціи исполнительной, которые едва ли будутъ въ состояніи покрыть достигнутыя путемъ правежа поступленія. Ибо—la plus belle fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a, и, когда на человѣкѣ остается только его собственная шкура, то, хотя бы онъ былъ и тать, онъ не можетъ предложить въ удовлетвореніе государства ничего, кромѣ означенной шкуры. Шкура же человѣческая представляетъ собою предметъ весьма малой цѣнности, и министерство финансовъ поступленіемъ въ государственное казначейство, вмѣсто денежныхъ знаковъ, татевыхъ шкуръ удовлетворено никоимъ образомъ быть не можетъ. Не говорю уже о той юридической уловкѣ, что печатные тати могутъ спорить противъ обязанности платить налогъ, какъ люди, умаленные въ своихъ правахъ (deminutio capitis) и вынудительно находящіеся на попеченіи государства, въ качествѣ неосужденныхъ преступниковъ: одни—въ прошломъ и настоящемъ, а другіе—въ непремѣнномъ будущемъ, по юридической презумпціи городничаго Сквозника-Дмухановскаго, что «ежели теперь не укралъ, то потомъ украдетъ».

Таковы важныя и, я полагаю, неопровержимыя соображенія, побуждающія меня считать идею распространить взиманіе подоходнаго налога на людей печати крайне опасною и трудно осуществимою. Если бы она не исходила изъ правительственной иниціативы, я дерзнулъ бы даже назвать ее крамольною, теперь же лишь повторю древнюю мудрую поговорку: «И Гомеръ ошибался!» Caveant consules! Подоходный налогъ на людей печати осуществимъ лишь при распространеніи на печать общихъ законовъ частной собственности, съ охраною ея дѣятельности и съ

преслѣдованіемъ ея проступковъ отнюдь не въ канатномъ, но судебномъ порядкѣ,—то есть, при торжествѣ того «чудища обла, озорна, стоглавна, стозѣвна, и лающа», котораго люди патріотическаго образа мыслей ужасаются, а люди злонамѣренные, рукоплеща, чаютъ подъ коварнымъ именемъ «свободы печати». До тѣхъ же поръ, покуда сказаннаго преступнаго торжества не наблюдается, зданіе налога созиждется на песцѣ, и неблагодарные тати не только будутъ говорить о якобы чинимой имъ несправедливости, но даже упрекать государство въ стремленіи снять съ одного вола семь шкуръ.

Но, разумѣется, нѣтъ правила безъ исключенія, и часть представителей печати могла бы безъ нарушенія справедливости подвергнуться обложенію даже и при существующей системѣ внезапнаго разоренія. Я имѣю въ виду именно ту группу писателей, которые не столько братья-писатели, сколько кумовья-городовые и характеромъ дѣятельности своей, неизмѣнно союзной охранительнымъ цѣлямъ цензуры и полиціи, твердо застрахованы отъ непріятныхъ послѣдствій канатнаго порядка. Какъ уже замѣчено выше, среди татей печати группа эта занимаетъ приблизительно то же положеніе и состоитъ на томъ же амплуа, какъ въ XVIII вѣкѣ въ Москвѣ — Ванька Каинъ, который, не переставая быть татемъ, состоялъ сыщикомъ и извлекалъ соотвѣтственныя выгоды изъ обоихъ ремеслъ. Но, къ сожалѣнію, чрезъ обложеніе этой группы казна, опять-таки, пріобрѣтетъ столь малыя выгоды при столь значительныхъ практическихъ затрудненіяхъ, что игра не стоитъ свѣчъ и овчинка—выдѣлки. Такъ какъ, въ счетахъ своихъ съ государствомъ, потомки Ваньки Каина, подобно предку своему, искони предпочитаютъ глаголу «дать» глаголъ «взять». И хотя они весьма краснорѣчивы распространяться о жгучихъ государственныхъ нуждахъ отечества и необходимости патріотическихъ жертвъ на алтарь его, но когда очередь жертвъ придвигается къ нимъ, то предпріятіе получить отъ

нихъ жертвы превращается въ покушеніе съ совершенно негодными средствами. Настолько, что люди свѣдущіе, ради экономіи времени, совѣтуютъ даже, какъ опытъ, болѣе предпочтительный,—просить у каменнаго попа желѣзной просфоры.

Декабрьскіе листки.

I.

Сѣлъ писать рождественскій разсказъ и... бросилъ перо съ судорогою отвращенія. Какіе разсказы?! какіе праздники?! какія елки?! Если легендарные ангелы Святой ночи, по обычаю 1905 лѣтъ христіанской эры, захотятъ и сегодня пѣть «славу въ вышнихъ Богу», то, надо думать, будутъ пѣть дѣйствительно очень и очень въ вышнихъ: сконфуженнымъ piano pianissimo, чтобы не слыхать было на землю... на бѣдную, черную землю,— слезную, окровавленную землю! Потому что въ нашей надземной атмосферѣ извѣчный ангельскій гимнъ прозвучалъ бы нынѣ обманомъ и лестью, недостойными символа великой любви, родившейся въ міръ, чтобы, въ братствѣ людей и единствѣ народовъ, быть свѣтомъ человѣчеству. На землѣ не миръ, но война; въ человѣкахъ не благоволеніе, но ярость и убійство, въ устахъ не славословія, но рыданія и проклятія, и руки подъемлются къ небу не въ благодарной молитвѣ, но—грозя кулаками, сжатыми въ безуміи бѣшенства, ловя воздухъ пальцами, скрюченными въ судорогахъ предсмертнаго отчаянія. Въ тѣхъ условіяхъ, что мы переживаемъ, земля русская должна покрыться не елками, но можжевельникомъ, и

веселыя свѣчи рождественскаго деревца уступятъ мѣсто мрачнымъ панихиднымъ свѣчамъ: календарь перемѣстился—въ Россіи не Святки, но Страстная недѣля!

Ахъ, если не легенда святая Виѳлеемская ночь, если правда, что въ синей декабрьской тьмѣ, при таинственномъ трепетѣ мистической золотой звѣзды, ступаютъ по мягкому русскому снѣгу младенческія ножки новорожденнаго Христа,—онѣ будутъ въ крови, эти дѣтскія, святыя ножки! Адм. Дубасовъ слишкомъ выразительно позаботился приготовить для нихъ красный, дымящійся коверъ. Пропустимъ безъ вниманія всѣ безчисленныя показанія свидѣтелей-очевидцевъ «дикой расправы», которую мужественный адмиралъ отрицаетъ съ усердіемъ, энергіей, но и съ наивностью истаго морского волка. Читайте его самого: «отдалъ приказаніе къ 24 числу, т. е. къ кануну великаго праздника Рождества Христова, совершенно очистить всѣ кварталы столицы» и т. д., и т. д. Что значитъ на языкѣ г. Дубасова «очищать»,—Россія хорошо освѣдомлена. Изо дня въ день читаемъ мы объ этихъ полицейскихъ и солдатскихъ «колядкахъ» въ статьяхъ возмущенныхъ корреспондентовъ и въ письмахъ страдающихъ обывателей. Да и самъ адмиралъ Дубасовъ резонно увѣдомляетъ публику, что «въ потрясающей борьбѣ между служебнымъ долгомъ и чувствомъ родства съ противникомъ сохраненіе полнаго самообладанія и постояннаго равновѣсія совершенно немыслимо». Въ переводѣ на русскій языкъ штиля средняго и общеупотребительнаго этотъ высокій казенный штиль обозначаетъ: «по случаю рѣзни братъ на брата, человѣколюбіе упраздняется впредь до объявленія»—стало быть, разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ.

Да, и этотъ громовый возгласъ къ языкамъ раздастся завтра по всей русской землѣ, потому что на 25 декабря въ церковномъ календарѣ приходится, вмѣстѣ съ Рождествомъ, празднованіе памяти объ изгнаніи изъ Россіи

дванадесяти языкъ. Въ Москвѣ это событіе торжествуется молебномъ въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ погребались, до Петра Великаго, русскіе цари, Рюриковичи и Романовы. Есть тамъ одна могила, а надъ нею—икона Николая Чудотворца. Московская легенда гласитъ, что очи угодника во времена оны устремлялись къ молящимся прямымъ, любвеобильнымъ взоромъ. Но, когда въ могилу, лежащую у подножія иконы, опустили прахъ Ивана Грознаго, святой не стерпѣлъ близости кроваваго грѣшника и отвратилъ глаза свои, чтобы не видѣть проклятой гробницы. Слишкомъ триста лѣтъ лежитъ Иванъ Васильевичъ въ гробу своемъ, и триста слишкомъ лѣтъ не хочетъ взглянуть на него Николай Чудотворецъ, застывшій въ жестѣ ужаса и отвращенія. Но боюсь, что въ воскресеніе 25 декабря 1905 года, когда съѣдется на торжественный молебенъ московскій генералитетъ, имѣя во главѣ г. Дубасова, отверженный мертвецъ возмутится и возопитъ апелляцію:

— Отче Николае! Ты казнишь меня триста двадцать одинъ годъ—брезгуешь смотрѣть на меня, безсильнаго, мертваго... Гдѣ же справедливость, если ты смотришь на него, сильнаго и живого?!

Господинъ Дубасовъ, разсуждающій о Великомъ Христовомъ праздникѣ! Господинъ Дубасовъ, обѣщающій Москвѣ на сочельникъ рождественскій подарокъ «окончательнаго очищенія по кварталамъ»: сперва молъ обыщу, арестую, кого надо будетъ—изничтожу, а затѣмъ—милости просимъ! встрѣтимъ Христа честь честью, съ ветчиною, съ гуськомъ, съ поросеночкомъ... тихо! мило! благородно!...» Идиллія Ѳеокрита, разыгранная по нотамъ воинскаго устава! Разумѣйте, языцы, яко съ нами Богъ!

Съ вами Богъ?! Да тотъ разучится, тотъ не захочетъ больше въ Бога вѣрить, кто повѣритъ, что съ вами Богъ! Справляйте свои праздники, вы, торжествующіе на гробахъ, но не богохульствуйте, призывая имя Высшей Справед-

ливости къ уголовному сообществу съ вами! Съ вами Богъ?! Но Богъ есть Слово. Что же вы сдѣлали со Словомъ? Какой смыслъ праздновать явленіе Слова на землю въ божественномъ символѣ Христа для тѣхъ, кто задался цѣлью растоптать свободу слова, томить ее по тюрьмамъ, лупить нагайками на митингахъ, разстрѣливать на улицахъ, кто боится слова до такихъ мелочей, что пытается остановить его даже въ устахъ уличныхъ газетчиковъ, выкликающихъ заглавія газетъ? Богъ есть Любовь, а вы— Убійство. Богъ есть Правда, а вы не умѣете пальцемъ пошевельнуть, нечленораздѣльнаго звука издать, слога связать безъ лицемѣрія, безъ задней коварной мысли, безъ обмана и лжи.

Вотъ пришла мнѣ на память могила Ивана Грознаго, и вся страшная и роковая фигура его. Въ старыхъ русскихъ сказкахъ о немъ есть одна поразительно глубокомысленная: «Съ чего завелась измѣна на Святой Руси?» Можете найти ее въ аѳанасьевскомъ сборникѣ: она не сочинена мною. Помогъ царю Ивану великій мудрецъ разгадать три мудреныя, міровыя загадки, и приказалъ Иванъ Васильевичъ выкатить въ награду мудрецу за каждую разгадку по бочкѣ золота. Приказать-то приказалъ, а потомъ жалко стало. И велитъ онъ потихоньку вѣрной своей опричинѣ:

— Насыпьте бочки землею, а сверху — этакъ на четверть, чтобы рукою не прощупать, закрасьте золотомъ: хорошъ будетъ и съ тѣмъ, старый чортъ! не догадается!

Выкатили мудрецу подложныя бочки: бери! получай! Мудрецъ даже и не прикоснулся къ нимъ—взглянулъ, засмѣялся и говоритъ:

— Что же ты, Иванъ Васильевичъ, обѣщалъ золото, а платишь грязью? Такова-то была твоя высокая правда?

Смутился Иванъ Васильевичъ, а мудрецъ къ нему опять:

— Не золото твое было мнѣ нужно, а пыталъ я твою правду. Нѣтъ у тебя въ душѣ правды, Иванъ Василье-

вичъ,—не бывать правдѣ и въ твоей землѣ. Обманулъ ты, и наполнится обманомъ государство твое! Самъ ты ввелъ измѣну въ Русь,—не избыть же тебѣ измѣны, пока Русь стоять будетъ!

Я провелъ за границею полтора года въ гостепріимныхъ условіяхъ республиканскаго государства — во Франціи или, хотя еще и монархическаго, но по существу, благодаря энергической конституціи и неусыпной работѣ соціалистовъ, уже почти все равно, что республиканскаго, а, по свободѣ гражданской, по свободѣ жить, пожалуй еще и болѣе удобно гостепріимнаго,—въ Италіи. Время недолгое и срокъ небольшой, но пріятныя привычки пріобрѣтаются легко и скоро, равно какъ и отвычки отъ непріятнаго и позорнаго. И вотъ, съ очень нехорошимъ чувствомъ, убѣждаюсь, что, къ несчастію, успѣлъ уже пріобрѣсти такія привычки и отвычки «не по климату». Изъ нихъ первая привычка — вѣрить, что правительственныя слова, въ произношеніи, суть не кимвалъ, праздно гремящій, а въ начертаніи—не надпись вилами на водахъ. Ни одно, хотя бы самое шаткое, конституціонное правительство въ мірѣ, не говоря уже о республиканскихъ, на какой бы то ни было степени паденія, не захочетъ, да и не въ состояніи возвести въ политическую систему серію громогласныхъ и сознательныхъ обмановъ, въ какіе гг. Витте, Булыгинъ и Дурново и иные, иже были или остаются съ ними, обратили тотъ странный, отрывочный, изъ полусловъ составленный актъ, въ которомъ люди наивные воображали видѣть русскую конституцію, тогда какъ онъ былъ не болѣе, какъ—надпись вилами на водахъ. Вотъ уже недѣля, какъ я живу въ Петербургѣ и чувствую себя въ безвыходно туманной атмосферѣ обмановъ, самозабвенно громоздящихся одинъ на другой, взаимно цѣпляющейся лжи, ложью ложь спасающей, — съ подносимыми народу бочками грязи, вмѣсто бочекъ золота, по рецепту Ивана Грознаго—при той однако разницѣ, что Иванъ

Васильевичъ хоть приличіе старался соблюсти и пускалъ сверху золотую прикрасу, а у насъ нынче начали насильничать ложью на чистоту — съ безстыжимъ взглядомъ прямо въ глаза. Наилучшій образецъ—хотя бы то же изумительное по цинизму объясненіе адмирала Дубасова. Объясненіе или автобіографическая лирика? Видите ли: участники московской бойни слишкомъ страдали нравственно, стрѣляя какъ попало и въ какое попало населеніе: настоящій-то «непріятель»,—даже «Новое Время» пишетъ, да и самъ г. Дубасовъ признаетъ въ реляціи,—весьма успѣшно ускользнулъ, послѣ одиннадцатидневнаго боя, за «предѣлы досягаемости»!— А потому обстрѣливаемое населеніе не должно обижаться, если его обстрѣливали наобумъ, «безъ сохраненія полнаго самообладанія и постояннаго равновѣсія»!

Словомъ,—Митрофанушкино: «ужъ такъ-то мнѣ стало жаль тебя, маменька, что ты устала, колотя папеньку!» Но—Митрофанушкино съ кровью, со смертью, съ раздирающими душу драмами—траурный, трагическій митрофанизмъ! И при томъ, все-таки, столь чувствительно изложенный, что сердобольнымъ дамамъ партіи правового порядка, союзовъ русскихъ людей, русскихъ собраній и пр. остается лишь открыть подписку въ пользу новоявленнаго русскаго архистратига, переутомленнаго избіеніемъ мирныхъ жителей первопрестольнаго города Москвы! «Недуренъ слогъ! Писать умѣютъ!» И весь тонъ—съ такого великолѣпнаго высока. Печати—плевокъ, опроверженія и оправданія—«ниже достоинства,» но передъ черною сотнею (вѣдь даже и она поведеніемъ адмирала Дубасова озадачена!) — извиненія и расшаркиванье: — Помилуйте! Не подумайте, что мы всегда такъ!

Въ разстрѣлѣ классикъ я, педантъ,
Люблю методу я изъ чувства;
И человѣка растянуть
Позволю я не какъ-нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства...

*

И если теперь, по моимъ ордерамъ, убивали, что называется, «съ краю»—внѣ правилъ искусства и какъ-нибудь, то виною исключительный случай: вольно же Авелю барахтаться подъ дубиною Каина!..

Я впрочемъ думаю, что и эта вѣжливость г. Дубасова совершенно излишня. Намъ, «нѣкоторой части печати», усвоеніе загадочныхъ этическихъ формулъ ея недоступно, да и не къ намъ, «нѣкоторой части печати» (99% ея), она обращена. А въ той «благомыслящей части печати и публики», съ которою собесѣдуетъ г. Дубасовъ и которая короче и болѣе опредѣленно именуется въ общежитіи черною сотнею, вѣжливость г. Дубасова можетъ быть почтена даже преступною слабостью. Въ этой полосѣ русскаго населенія, и безъ Дубасова, давно уже проповѣдуется убѣжденіе, что единственный способъ спасти Россію—это—по-муравьевски «вѣшать съ краю». Если въ чемъ можетъ упрекнуть черная сотня мужественнаго затворника Кремлевскихъ твердынь, то—только зачѣмъ онъ не приступилъ bona fide къ осуществленію этой послѣдней избавительной программы? А впрочемъ, что упущено, не ушло, можетъ быть? Отъ братолюбиваго волненія стрѣляли въ прохожихъ, въ женщинъ, въ дѣтей, даже въ кошекъ,—отъ волненія не долго и висѣлицу поставить «къ Великому Христову Празднику»... Ахъ, вы, христіане, христіане! называющіе себя христіанами, русскіе именитые господа! Смотря на ваши мундиры, рясы, ордена, камилавки и клобуки съ брилліантовыми крестами, изъ-подъ которыхъ льются на Русь только слова насилія, тюрьмы, казни, погромовъ, грабежа, смерти, подумаешь, что все опошляющіе вѣка свершили свое разрушительное дѣло, и государственно-бюрократическая эволюція девятнадцати столѣтій выродила самую идею креста. Для всего человѣчества крестъ—великій символъ безвиннаго страданія. Для васъ, русскія превосходительства и преосвященства, онъ—не болѣе, какъ напоминаніе о своевременной административ-

ной распорядительности іерусалимскаго генералъ-губернатора Понтія Пилата.

И при томъ въ извиненіи адмирала Дубасова—вѣжливость есть, а логики нѣту. Морская логика, мониторная, въ 40 узловъ, изъ нихъ же не единаго не распутать. Рогатая каша посылокъ и выводовъ. Страдаю отъ избытка братолюбія, а потому стрѣляю брату моему въ животъ! Очень люблю дѣтей, а потому истребляю въ Виѳлеемѣ сорокъ тысячъ младенцевъ. Ну, кто же этому повѣритъ? Этакъ иногда дѣлаютъ по «исторической необходимости»,—насмѣшливѣйшій и подлѣйшій изъ всѣхъ буржуазныхъ импульсовъ эгоистической политики торжествующаго бюрократизма! Но злое дѣло — безуміе жеста, а не слово и не мысль въ словѣ. Силлогизмовъ подобныхъ ни этика, ни логика, ни психологія, ни просто бумага не стерпитъ. И—печальная характеристика, что г. Дубасову они такъ нравятся, что онъ оправдывается ими и даже весьма похваляется.

Въ похвальбѣ его есть рождественскій подарокъ—если не русскому народу, то русскому языку: это—пресловутый «предѣлъ досягаемости». Онъ многихъ утѣшилъ и вознаградилъ за ту «черту отчуждаемости», которою ошеломилъ русскую публику правительственный актъ два дня тому назадъ—указъ объ охранѣ желѣзнодорожныхъ районовъ. Внимательно изучивъ этотъ указъ, я убѣдился, что не токмо по точному смыслу, но и по буквѣ новаго законоположенія, пассажиръ, отправившись изъ Петербурга въ Москву, весьма можетъ, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, оказаться превосходно повѣшеннымъ въ Торжкѣ или Клину безъ долгаго хожденія по инстанціямъ, а просто по капризу начальника станціи или другого начальника «черты отчуждаемости». Не скажу, чтобы, при свойственномъ мнѣ кочевомъ образѣ жизни, я остался въ восторгѣ отъ подобнаго открытія. «Черта отчуждаемости» лежала на моемъ сердцѣ свинцовымъ

грузомъ, пока телеграфъ не принесъ изъ Москвы утѣшенія въ видѣ крылатаго дубасовскаго слова о «предѣлѣ досягаемости». Узнавъ этотъ терминъ, простой, но многозначительный, какъ опытъ съ Колумбовымъ яйцомъ, я съ удовольствіемъ сообразилъ, что г. Дубасовъ совершенно правъ: на всякую «черту отчуждаемости» есть свой «предѣлъ досягаемости»...

А впрочемъ...

СПБ. 24. XII. 1905.

II.

Рождественская колыбельная пѣсня на
1905 годъ въ Москвѣ.

Мать.

Спи, мальчикъ, спи!.. Спи, видь во снѣ... меня, отца... Я добрая, онъ ласковый... Спи, мальчикъ, спи... спи, видь во снѣ... Я здѣсь, его нѣтъ... Спи, мальчикъ, спи... спи...

Я здѣсь... его нѣтъ!.. Его нѣтъ, его нѣтъ!.. Не знаю, гдѣ онъ... его нѣтъ, его нѣтъ!.. Спи, мальчикъ, спи!.. Спи, видь во снѣ... меня, отца... я добрая, онъ ласковый...

Не знаю, гдѣ онъ... Онъ живъ или нѣтъ?.. Пули свистали, ядра летали... Онъ живъ или нѣтъ?!.. Спи, мальчикъ, спи...

Падали трупы... желтые трупы... И кровь на нихъ— точно рубины... Застывшія капли... черныя капли... Спи, мальчикъ, спи!.. Дождешься отца?.. Спи, мальчикъ, спи! Сномъ молитву твори!.. Я добрая, онъ ласковый... спи. мальчикъ, спи!..

СПБ. 24. XII. 1905.

III.

Адмиралъ кремлевскаго флота, Ѳ. В. Дубасовъ—человѣкъ любимый единовременно Марсомъ и музами. Богъ войны помогаетъ ему съ необыкновеннымъ успѣхомъ опустошать огнемъ и мечемъ злоумышленную Прѣсню, геликонскія дѣвы одарили его находчивостью на словахъ и любовью къ цвѣтамъ краснорѣчія. Да—что! Богъ ужъ съ ними, съ геликонскими дѣвами! Самъ Н. И. Гучковъ, который есть голова города Москвы, и, въ этомъ своемъ качествѣ, конечно, совсѣмъ уже не дѣва,—и тотъ восхитился ораторскимъ искусствомъ Ѳедора Васильевича Дубасова, о чемъ и возвѣщено Петербургу спеціальною телефонограммою!.. Да здравствуютъ реторика и діалектика! Если бы г. Дубасовъ не командовалъ сухопутнымъ кремлевскимъ флотомъ, онъ могъ бы сдѣлаться блистательнымъ профессоромъ элоквенціи. Если бы онъ не былъ Ѳедоромъ, то могъ бы быть Демосѳеномъ. Что ни слово, то—Цицеронъ съ языка! Еще такъ недавно онъ обогатилъ русскій языкъ блестящимъ крылатымъ словомъ о «предѣлѣ досягаемости». Оно сразу усвоилось обществу. На-дняхъ, обсуждая въ одной литературной компаніи современное положеніе евреевъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, я не могъ изобразить его болѣе выразительно и точно, какъ формулою, составленною изъ слѣдующихъ, новоизобрѣтенныхъ терминовъ торжествующей военной бюрократіи: «Для человѣка изъ *черты осѣдлости*, очутившагося въ *чертѣ отчуждаемости*, нынѣ одно спасеніе удрать за *предѣлъ досягаемости*». Теперь, вдохновляемый музами и восторгами Н. И. Гучкова, адмиралъ прибавилъ къ предѣлу досягаемости новое безсмертное mot — о «коллизіи созидательной и разрушительной работъ». «Работа разрушительная и принесенныя жертвы, какъ бы онѣ велики и тяжелы ни были, не должны считаться напрасными; только изъ коллизіи созидательной и

разрушительной работъ можетъ создаться что-либо новое». Прочелъ я эти строки, — такъ и освѣтило меня: какъ мы до сихъ поръ не понимали Ѳедора Васильевича Дубасова! какъ ошибалось русское общество, видя въ немъ только случайнаго губернатора, служебно выдрессированнаго на злобность и рѣзвость до такого безумнаго и безжалостнаго совершенства, что, послѣ московскихъ «усмиреній», въ народѣ пошли даже слухи о прогрессивномъ параличѣ у энергичнаго сановника и обычно сопряженныхъ съ началомъ этой болѣзни припадкахъ непроизвольнаго буйства! Я долженъ съ гордостью сказать, что въ болѣзненное происхожденіе буйствъ адмирала Дубасова никогда не вѣрилъ и съ самаго начала отвергалъ эти презрѣнные слухи, какъ недостойные его гордаго и твердаго ума. Поступки рѣшительные и головокружительные были свойственны адмиралу Дубасову во всѣ годы его карьеры, начатой, какъ извѣстно, отчаяннымъ подвигомъ взрыва турецкаго броненосца «Хивзи-Рахманъ». Это было великолѣпное военное дѣло, такъ что намъ, памятующимъ о немъ, приходится лишь жалѣть, что Дубасовъ, лейтенантъ дунайской флотиліи Черноморской эскадры, промѣнялъ впослѣдствіи красивую карьеру побѣдителя иноземныхъ, иноплеменныхъ и иновѣрныхъ на сухопутное адмиральство... въ московскомъ Кремлѣ!.. Въ настоящее время, въ адмиралѣ Дубасовѣ отъ лейтенанта Дубасова не осталось ровно ничего, кромѣ привычки видѣть въ каждомъ мирномъ обывателѣ, подлежащій взорванію, непріятельскій мониторъ. А злые языки увѣряютъ даже, будто храбрый адмиралъ — обыкновенно, къ вечеру—до того распаляется свойственнымъ ему чувствомъ служебнаго долга, что мирный обыватель уже представляется ему даже не за мониторъ, но за два монитора. А это условное представленіе, естественно, увеличиваетъ, въ соотвѣтствіи съ опасностью отпора, энергію адмиральскаго натиска. Теперь, послѣ исторіи,—легенда. Изъ ска-

заній о дѣятельности адмирала Дубасова, въ лейтенантское время, извѣстнѣе прочихъ одно, увѣряющее, будто адмиралъ Дубасовъ осуществилъ нѣкогда ницшеанскій совѣтъ Симеонова-Пищика въ «Вишневомъ садѣ»: «прыгай съ крыши, если можешь!»—и, дѣйствительно, однажды махнулъ съ балкона третьяго этажа на той самой Тверской, которую онъ теперь, въ адмиральскомъ чинѣ, такъ усердно разстрѣливаетъ. Если легенда не лжетъ, то москвичамъ остается лишь сожалѣть, что властитель судебъ ихъ не сохранилъ привычекъ къ забавамъ юности до своей чиновной и властной старости.

Итакъ, на основаніи исторіи и преданій, мы съ одинаковымъ негодованіемъ можемъ отвергнуть инсинуацію о прогрессивномъ параличѣ почтеннаго генералъ-губернатора, пущенную въ ходъ, конечно, не иначе, какъ революціонною злобою крамольныхъ москвичей. Прогрессивный параличъ не продолжается цѣлую жизнь, а исторія и легенда показываютъ, что г. Дубасовъ, во всѣ годы свои, дѣйствовалъ, какъ бы находясь въ опомъ. Такое постоянство доказываетъ, что причины административныхъ буйствъ храбраго адмирала скрываются отнюдь не въ прогрессивномъ параличѣ, ни въ какой другой физической причинѣ, но исключительно въ божественномъ характерѣ и безсмертномъ духѣ его, въ томъ мистическомъ «я», которое скрыто подъ его бренною тѣлесною оболочкою. Эта простая и ясная, какъ день, истина, — повторяю,— освѣтилась мнѣ въ окончательной полнотѣ многозначительною фразою г. Дубасова о «коллизіи работъ созидательной и разрушительной».

Фразу эту, говоря точно, нельзя считать неотъемлемою литературною собственностью г. Дубасова. Il prend son bien ou il le trouve, и свою коллизію работъ созидательной и разрушительной заимствовалъ изъ индійской миѳологіи. Въ послѣдней тоже богъ Сива разрушаетъ, а богъ Вишну созидаетъ, и, по совокупности, выходитъ у

ниxъ, объединяясь въ охраняющемъ образѣ Брамы, изъ міра что-то новое. Такимъ образомъ, тотъ, кого мы считали не болѣе какъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, воплотилъ въ себѣ всѣ три лица индійской троицы. Разрушающій Сива, творящій Вишну и,—уже само собою разумѣется, — охраняющій Брама! Переходя къ сравненіямъ болѣе новымъ, онъ, г. Дубасовъ,—тотъ самый творящій, разрушая, духъ земли, Erdgeist, что являлся доктору Фаусту въ громѣ и пламени. Въ послѣднихъ элементахъ вокругъ г. Дубасова, какъ извѣстно, недостатка никогда не бываетъ. Доказательство—обращенная въ пепелъ Прѣсня и ночные залпы Ходынскаго поля, трескъ которыхъ давно уже дошелъ, за 604 версты, до ушей петербургскаго обывателя. Ахъ, Прѣсня! Прѣсня! до сихъ поръ только тѣмъ и извѣстна ты была, что—

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню...

Увы! кончились эти счастливыя времена. Никакой молодецъ теперь на Прѣсню не ходитъ, ибо тѣхъ, которые ходили, адмиралъ Дубасовъ, въ качествѣ Erdgeist'a и тройственнаго индійскаго бога, дѣйствуя по воинскому артикулу Петра Великаго, «изрядно аркебузировалъ и весьма живота лишилъ». Да и зачѣмъ молодцу ходить на Прѣсню? Смотрѣть черныя головешки многодесятиннаго пожарища, которымъ Ѳедоръ Васильевичъ украсилъ столицу по рецепту тезки своего и предшественника по должности—Ѳедора Васильевича Растопчина? Замѣчательное, совпаденіе! Какъ въ Москвѣ генералъ-губернаторъ Ѳедоръ Васильевичъ, такъ сейчасъ же и сожжетъ городъ! Хоть бы запомнили это роковое предзнаменованіе на будущее время и не сажали больше Ѳедоровъ Васильевичей «въ отца мѣсто», и безъ того, удрученному и растерзанному «сердцу Россіи»... О пожарѣ Москвы, устроенномъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Растопчинымъ, по крайней мѣрѣ, самъ онъ распускалъ легенду, будто онъ спасъ имперію.

Увы! о пожарѣ Москвы, которымъ отличился Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ, Россія думаетъ и говоритъ совсѣмъ наоборотъ!..

Впрочемъ, и г. Дубасовъ, подобно Растопчину, навѣрное, тоже полагаетъ, что и онъ спасъ Россію. Кто же теперь ее не спасаетъ? Вонъ, и г. Витте увѣренъ, будто знаетъ, какъ спасти Россію, — только, говоритъ, не скажу! По крайней мѣрѣ, г. Дубасовъ мало, что предоволенъ всѣмъ своимъ прошлымъ поведеніемъ, онъ еще и впредь похваляется орудовать въ томъ же духѣ.

«Можетъ быть, блага новой жизни, къ которой мы стремимся, еще не довольно оплачены, можетъ быть, намъ суждено принести новыя искупительныя жертвы. Будемъ же смотрѣть на эти жертвы, какъ на такія, которыхъ требуетъ самая высшая справедливость, и не будемъ останавливаться передъ ними».

О, конечно! Зачѣмъ же останавливаться? «Есть еще порохъ въ пороховницахъ и не гнется казацкая сила!» Въ Москвѣ еще достаточно не разстрѣлянныхъ «военноплѣнныхъ», частей, не опустошенныхъ пожаромъ, на Ходынскомъ полѣ достаточно земли, еще не ставшей могилою: продолжай созидать разрушеніемъ, великій Сива! Твори свой адъ и пиши въ Петербургъ реляціи о немъ, какъ объ административномъ раѣ.

Что Сива не бросаетъ словъ на вѣтеръ и сотворитъ, что задумалъ, можно быть увѣреннымъ по такому факту.

Въ «Народномъ Хозяйствѣ» (ci devant «Наша Жизнь») помѣщенъ споръ двухъ московскихъ прокуроровъ — военнаго и гражданскаго, — обоимъ не по нутру принять на себя и на свое вѣдомство судопроизводство по предстоящимъ процессамъ участниковъ московскаго вооруженнаго возстанія.

Гражданскій подкидываетъ военному щекотливые процессы, а военный, за свое вѣдомство, отмахивается отъ нихъ обѣими руками:

— Покорно благодарю! Берите ихъ сами, у васъ самихъ на то законы есть.

— Но, позвольте! — жалобно возражаетъ гражданскій,—вѣдь это значитъ, принять на судебное вѣдомство обязанность палачей?

— А почему же вы хотите, чтобы эта обязанность была спеціальностью исключительно военнаго суда?

«Народное Хозяйство» изъ этого унизительнаго состязанія дѣлаетъ выводъ единственно возможной догадки. Военный прокуроръ отказывается, потому что не хочетъ быть палачомъ. Гражданскій прокуроръ отказывается, потому что не хочетъ быть палачомъ. Значитъ, кто ни возьмись за это дѣло, онъ неизбѣжно осужденъ оказаться палачомъ. Слѣдовательно, смерть уже суждена московскимъ военноплѣннымъ и судъ будетъ только pro forma?..

О, Сивы! Сивы! русскіе индійцы, созидающіе разрушеніемъ! Разрушаете вы усердно· люто, злобно, безпощадно, безжалостно, безсовѣстно разрушаете... Разрушайте! Разрушайте!.. Но—смотрите! *успѣете* ли созидать?

IV.

Печальны и недовѣрчивы привѣтственныя улыбки, встрѣчающія Новый 1906 годъ. Обычные комплименты, поздравленія и пожеланія традиціонной встрѣчи говорятся безъ всякаго одушевленія, механическимъ пустымъ звукомъ, которому никто не вѣритъ и, прежде всего, сами привѣтствующіе. На международной художественной выставкѣ въ Венеціи была картина. Въ бѣдной и зловѣщей хижинѣ, на исщербленномъ каменномъ полу лежитъ, плавая въ крови, подстрѣленный, умирающій, старый браконьеръ, а изъ зыбки смотритъ на него большими, испуганными глазами блѣдный, тощій, не улыбающійся ребенокъ. Эта тяжелая сцена можетъ съ успѣхомъ примкнуть къ

огромной серіи аллегорическихъ иллюстрацій, которыми искусство окружаетъ новорожденный 1906 г., какъ окружало его предшественниковъ и будетъ окружать преемниковъ. Гдѣ ужъ улыбаться и рѣзвиться малюткѣ-году! За своею спиною онъ слышитъ предсмертное хрипѣніе стараго года. Всѣ годы умираютъ въ опредѣленный срокъ, но каждый годъ умираетъ по-своему. 1905 годъ умеръ смертью лютою, насильственною. Онъ былъ бравый, смѣлый, бодрый парень—этотъ 1905 годъ. У него было широкое горло, звонкій голосъ, сильная и рѣзкая жестикуляція. Онъ родился гапоновцемъ, воспитывался «кадетомъ», жилъ эсъ-декомъ, а умеръ, пронизанный пулями на баррикадѣ, какъ эсъ-эръ. Вмѣсто савана его завернули въ красный флагъ, и Лета не приняла его трупа. 1905-му году не будетъ забвенія! Это годъ ужасный и великій, годъ-боецъ и мученикъ, послѣдній годъ русскаго гражданскаго рабства и первый годъ открытой русской революціи.

Первый, но не послѣдній. Мы живемъ во времени, создающемъ для будушихъ цивилизацій новую эру лѣтосчисленія! Ребенокъ съ грустными большими глазами, полными вѣры въ свой фатумъ, но чуждыми надеждъ, начавшій жить сегодня, какъ 1906 годъ, не несетъ съ собою ни здоровья, ни богатства, ни счастья. Не ждать отъ него очарованій, ласки, красивыхъ обмановъ и нѣжныхъ лжей. Онъ принесъ міру не миръ, но мечъ. Онъ родился для борьбы и дастъ вамъ борьбу. Не ждите отдыха, перемирій, примиреній, успокоеній. Онъ фанатикъ, не знающій ни усталости, ни пощады своимъ силамъ. Его характеръ скованъ изъ непоколебимой вѣры въ тернистый путь, по которому онъ идетъ босыми ногами. Его единственное знаніе—умирать за свободу. И онъ поведетъ на смерть тысячи, тысячи. И тысячи найдутъ смерть. И тысячи полюбятъ таинственную и грозную науку смерти. И смерть будетъ честью. И въ лучахъ чести смерть очиститъ засоренныя, огрубѣвшія сердца старыхъ поколѣній и вернетъ

имъ великія, забытыя слова. И слово станетъ дѣломъ, и дѣло будетъ богомъ, и богъ будетъ дѣломъ.

Не ждите отъ новаго года богатства: онъ нищій. Не ждите отъ новаго года здоровья: онъ истощенъ недородомъ, онъ нервный, израненый, онъ больной. Не ждите наслажденій: голодный и терзаемый испытаніями подвижникъ, онъ отрекся отъ нихъ, да они ему и не по карману. Не ждите искусства: ему некогда молиться въ свѣтломъ храмѣ музъ. Не ждите науки: онъ заперъ университеты, гимназіи, школы и наполнилъ учащимся юношествомъ тюрьмы, части, остроги. Не ждите религіи: ея казенные жрецы ополчились противъ свѣтлыхъ идей, которыми она рождена на свѣтъ, и именемъ вѣчной любви поютъ нынѣ ненависть, насиліе, убійство, символомъ безкорыстія благословляютъ грабежъ. Не ждите ничего пріятнаго и добраго, чтобы потомъ не узнать отчаянія разочарованій и не захлебнуться ихъ отравляющимъ ужасомъ. Великое и доброе будетъ, но его дождутся и имъ утѣшатся только молодыя поросли общества. Наша же судьба—прожить въ жертвѣ безъ награды, въ трудѣ, за который не получимъ мзды, въ бореніи съ мистическими тучами, за которыми стоитъ солнце свободы, и тусклыми-тусклыми пробиваются къ намъ его лучи, уготованные свѣтить всею своею яркостью грядущимъ поколѣніямъ. Мы же согрѣваемся не солнцемъ, но только вѣрою, что есть солнце, и будетъ оно, и будутъ его лучи, и будетъ новая жизнь, безъ тумановъ и тучъ, полная радостныхъ сіяній. Каждый шагъ приближаетъ насъ къ солнцу, но не надѣйтесь дойти къ нему легко и скоро. И, когда желаете счастья, помните: оно для насъ только въ томъ, чтобы успѣть дойти, хотя бы изранеными инвалидами, готовьтесь отдать все, не получая ничего. Готовьтесь на битву, нищету, тюрьму, болѣзни, страданія утомленнаго, оскорбляемаго тѣла и поруганнаго духа. Не ждите концовъ: мы только въ началѣ —въ томъ «началѣ болѣзней», которое предсказывалъ евангельскій пророкъ, какъ

введеніе къ новому міру, съ новымъ Іерусалимомъ всечеловѣческой любви, явленной въ великой свободѣ равенства и братства всѣхъ народовъ.

«Отречемся отъ стараго міра!» поетъ одинъ изъ любимѣйшихъ гимновъ русской революціи. Онъ долженъ быть и будетъ колыбельною пѣснею новаго 1906 года, вступающаго въ жизнь подъ кровавыми молніями, подъ рокотъ залповъ и взрывы динамитныхъ бомбъ, въ клубахъ дыма пожаровъ, подъ звѣрскій разговоръ шашки, пулемета и пушки съ браунингомъ и пироксилиномъ... «Отречемся отъ стараго міра!» Отречемся отъ того счастья, которымъ дышали надежды буржуазнаго прошлаго: это—призраки, сказки, миражи, которымъ не видать болѣе исполненія въ дѣйствительности. Пусть остается это старое счастье въ старомъ мірѣ, отъ котораго отрекается новая эра. Ея счастье, новое счастье,—суровое, страдальческое, но полное восторговъ сверхчеловѣческаго экстаза, — создается именно энергіей отреченія, и въ ней родится, ею питается и въ нее разрѣшается громовымъ наростаніемъ великой оргіи, великой борьбы. Отрекайтесь отъ стараго міра и съ каждымъ новымъ годомъ уходите дальше и дальше въ новый міръ,— впередъ, къ солнцу, разгоняя своею мыслью, словомъ, работою рукъ тучу за тучею, туманъ за туманомъ, пока не растаютъ послѣдніе слои мрачныхъ паровъ, вселенная зальется всесовершеннымъ беззакатнымъ свѣтомъ, о которомъ сказано, что при немъ, «времени больше не будетъ»... Да здравствуетъ мощное отреченіе общественной борьбы, борьбы безъ уступки и пощады, и да наполнитъ оно собою наступающій новый годъ! Да здравствуетъ красота и энергія битвы; да здравствуетъ святая мечта побѣды, да здравствуютъ раны бойцовъ и ихъ простреленныя знамена, да здравствуетъ отреченіе и жертва... и—да здравствуетъ даже самая смерть, лишь бы умереть—съ честью!

V.

«Времена, нами переживаемыя, столь безсмысленно жестоки, что отдаленные потомки съ трудомъ повѣрятъ въ самую возможность бытія человѣческой породы, способной выносить подобное существованіе».

Этотъ старый, мрачный афоризмъ печально воскрешаютъ къ жизни письма изъ Москвы, полученныя мною отъ людей, вѣрныхъ и осторожныхъ въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ. И, тѣмъ не менѣе, страшно, не хочется вѣрить, невозможно вообразить въ дѣйствительности тѣхъ зловѣщихъ легендъ, которыми звучатъ эти письма. Они говорятъ о голодѣ среди политическихъ заключенныхъ, сотнями наполняющихъ московскія тюрьмы послѣ декабрьскихъ событій. Послѣдовательныя голодовки въ московскихъ тюрьмахъ,—къ сожалѣнію, явленія несомнѣнныя и уже отмѣченныя періодическими изданіями обѣихъ столицъ. Противъ ихъ наличности спорить нельзя. Но далѣе, за этой мрачною несомнѣнностью, слѣдуютъ подробности, которымъ именно не хочется вѣрить, даже примѣнительно къ безсмысленно жестокимъ временамъ, нами переживаемымъ. Увѣряютъ, будто голодовки московскихъ тюремъ—естественный результатъ искусственнаго и насильственнаго голода заключенныхъ. Дубасовское усердіе собирало этихъ несчастныхъ въ темничныя стѣны даже безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ; дубасовское милосердіе отпускаетъ имъ на харчи семь копеекъ въ день! Какіе комментаріи еще нужно къ этой «суммѣ», столь ясной, насмѣшливой и зловѣщей въ своемъ ничтожествѣ? Кому непонятно, что заставлять человѣка жить на семь копеекъ въ день, значитъ не поддерживать его жизнь, но томить его медленнымъ умираніемъ? Развѣ это кормы? развѣ это харчи? развѣ это жизнь? Пытка желудка, которою болѣзненно измѣряется медлительное время,—вотъ къ чему сводится въ мо-

сковскихъ «башняхъ голода» смыслъ человѣческаго бытія! Чувствуй муку существованія, но сохраняй его, сохраняй... зачѣмъ? А, вѣроятно, затѣмъ, чтобы Европа, начинающая наконецъ серьезно коситься на безобразія торжествующей реакціи, не имѣла новыхъ поводовъ кричать о безсудныхъ разстрѣлахъ, которыми гг. Дубасовы, Орловы, Соллогубы и иные, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси—вѣси и, авось вносишь въ книгу великаго гнѣва Своего!—отдѣлываются отъ своихъ побѣжденныхъ политическихъ противниковъ, убивая ихъ сѣмо и овамо, какъ бродячихъ собакъ. Что же? Разсчетъ правильный! Голодъ не тетка, но голодъ и не пуля. Онъ умерщвляетъ съ такою же вѣрностью, какъ она, но смерть отъ голода не оставляетъ кровавыхъ слѣдовъ и не создаетъ наглядной улики и отвѣтственности для палача. Покойниковъ, павшихъ жертвами разстрѣла, приходится хоронить крадучись, ночью, по глухимъ загороднымъ пустырямъ,—что хлопотъ-то, покуда всѣ концы въ землю! А покойника, погибшаго отъ истощенія голоднымъ тюремнымъ пайкомъ, вынесъ въ мертвецкую,—вотъ и вся недолга! Умеръ, а отчего—неизвѣстно: всѣ мы, люди-человѣки, подъ Богомъ ходимъ и обрѣтаемся въ руцѣ Божіей! Вы увѣряете, что умеръ отъ голода? Позвольте: какъ? почему отъ голода? какое право имѣлъ покойникъ скончаться отъ голода? Мы кормили!... Чѣмъ кормили, когда кормили, по скольку кормили—всѣ эти подробности исчезаютъ въ общемъ бюрократическомъ фактѣ, что «мы кормили». «Мы кормили»—и мы правы! Мы кормили—хотя бы лишь на семь копеекъ въ день,—но мы кормили, и никакая Европа намъ не указъ, ибо теперь, хоть колъ намъ на головѣ теши, а отписка у насъ есть: мы кормили! Вольно же имъ, кормленымъ, болѣть и умирать! Чортъ возьми! По одежкѣ протягивай ножки! Не разносолами же, въ самомъ дѣлѣ, угощать по тюрьмамъ ихъ, вашихъ политическихъ...

Семь копеекъ въ день!... Мы кормили!... О, благодѣ-

тели рода человѣческаго! будьте вы... а, впрочемъ, нѣтъ: что возмущаться? что вопить,—по слову пророческому,—какъ роженицѣ въ мукахъ ея? Слова таютъ въ воздухѣ, и брань на вороту не виснетъ. Одного желаю: пусть судьба ниспошлетъ и вамъ возможность познать на собственномъ опытѣ, какъ — ею же мѣрою мѣрите, тою и отмѣрится вамъ! Пусть вы, сытые побѣдители, заставляющіе плѣнныхъ кормиться семикопеечнымъ пайкомъ, узнаете питательность этого пайка собственнымъ своимъ тѣломъ. Пусть ваше будущее наказаніе окажется только равнымъ вашему настоящему преступленію! И больше не надо никакихъ клятвъ и зложеланій: этого достаточно, — вашей жестокой, пытающей изобрѣтательности нашему воображенію не превзойти, да и сохрани Богъ всякую совѣсть отъ соперничества съ вами въ вашей изобрѣтательности.

На порціи, отъ которой собака сбѣжитъ, держатъ людей— и сколько людей! И—если бы ужъ только «людей»! Но, вѣдь, московскія тюрьмы кишатъ малолѣтками, которыхъ бурная жизнь вѣка и политическій восторгъ бросили въ ряды взрослыхъ гораздо ранѣе, чѣмъ позволяютъ года. Когда-то Полонскій крикомъ сердца кричалъ, что не подъ силу ему, «нерву русскаго народа», видѣть «молодость въ душной тюрьмѣ»... Молодость!.. Но теперь духота тюрьмы поглощаетъ уже не молодость: подъ ея спудомъ исчезаютъ отрочество, дѣтство... еще еще немного, и «возстановители порядка» начнутъ бросать въ остроги младенцевъ съ сосками во рту! На-дняхъ, одно изъ нашихъ реакціонныхъ изданій, на перебой щеголяющихъ нынѣ безжалостнымъ цинизмомъ, отличилось подлѣйшею каррикатурою, въ которой помѣстило подъ красное знамя даже грудныхъ дѣтей, съ рожками и молочнымъ порошкомъ: это, молъ, бунтъ учащихся! Уськайте, уськайте, обозлившіеся, обезумѣвшіе старики! Только—вспомнили бы: на кого уськаете? На внуковъ своихъ учите травлѣ, внукамъ вашимъ страданіями придется и уже приходится

искупать вашу праздную, непостижимую, старческую злость,—злость омертвѣлаго, ненужнаго, изжившагося въ пустышку, поколѣнія на молодые ростки, которые, какъ ихъ ни дави, какъ ни души, все равно, должны жить и будутъ жить, и будутъ жизнь творить.

Дѣти въ тюрьмѣ! Перепуганныя, измученныя, избитыя, голодающія дѣти,—въ грубомъ ужасѣ темничнаго одиночества, потому что они—арестанты, «политики», «государственные преступники», и ихъ нельзя видѣть ни родителямъ ихъ, ни близкимъ людямъ. Большинство этихъ малолѣтнихъ «извергов», опасность которыхъ государство находитъ нужнымъ парализовать одиночкою и голодомъ, взято за поданіе санитарной помощи на пунктахъ подъ краснымъ флагомъ. За простое дѣло милосердія—стѣны тюрьмы! Ни просьбы родителей, ни ходатайства педагогическаго и медицинскаго союза не облегчили участи заключенныхъ дѣтей: на поруки ихъ не выпускаютъ. Посрамленъ ты Дубасовымъ, Иродъ іудейскій! Избивалъ ты младенцевъ въ Виѳлеемѣ солдатскимъ мечомъ, но додуматься до политическихъ тюремъ, съ голодовками, для дѣтскаго возраста—этого тебѣ и въ голову не приходило, хоть и острилъ о тебѣ Августъ Цезарь, что «въ семьѣ Ирода выгоднѣе быть свиньею, чѣмъ его сыномъ».

Семикопеечный паекъ, отпускаемый политическимъ заключеннымъ, вызвалъ послѣднихъ на отчаянную мѣру—съ 12-го января по московскимъ тюрьмамъ начались голодовки. Чѣмъ ѣсть ту мерзость, которою ликующая дубасовщина издѣвается надъ здоровьемъ своихъ плѣнниковъ, люди отказываются ѣсть вовсе. Голодъ, такъ голодъ, но голодъ протестующій, голодъ своей воли... Было время, когда подобные самоубійственные протесты смущали даже самую суровую и не склонную къ потачкамъ власть. Tempi passati! Еще покойному Плеве принадлежитъ классическая резолюція:

— Ну, и пусть не жрутъ!—отпущенная безпощад-

нымъ министромъ въ отвѣтъ на докладъ о голодовкѣ въ нижегородской тюрьмѣ. Цинизмъ всегда имѣетъ успѣхъ въ русскихъ правительственныхъ сферахъ. «Ну, и пусть не жрутъ!» привилось къ русскому тюремному быту опасностью постоянною, прочною, роковою. Однихъ разстрѣлять на скорую руку пулями, другихъ медленно разрушить тюрьмою и голодомъ—вотъ онъ, весь и полностью, несложный секретъ московской дубасіады и всѣхъ другихъ дубасіадъ, которыя нынѣ расползаются отъ «сердца Россіи» по унылой нашей родинѣ, какъ мудрѣйшій политическій примѣръ, рекомендуемый къ повсемѣстному административному подражанію.

Мы переживаемъ періодъ неслыханнаго одичанія, обнаглѣнія, озвѣрѣнія грубой силы. Понятія и дѣйствія такъ перемѣстились и смѣшались, что психологическій анализъ пасуетъ предъ этимъ первобытнымъ хаосомъ. Торжество безстыжей, кровавой неожиданности! Подъ ликующими красивыми мундирами разнообразно усердствующихъ чиновъ и вѣдомствъ, будто снова растетъ шерсть и бьется «косматое сердце» доисторическаго дикаря. Vae victis! Какое милосердіе? какія человѣколюбія? какія пощады? какія жалости? Почитайте изумительный по цинизму своему прощальный приказъ по полиціи бывшаго московскаго градоначальника барона Медема, отправляемаго нынѣ въ заграничную ученую командировку: совершенствоваться въ полицейской службѣ по европейскимъ образцамъ... Слава Богу! Наконецъ-то немножко науки и ученая командировка! Не все же, въ самомъ дѣлѣ, политика, надо, наконецъ, чтобы и поучился кто-нибудь чему-нибудь на Руси!.. Объ этомъ Медемѣ, когда онъ служилъ въ Петербургѣ, говорили, будто онъ, хоть и жандармъ, но, въ этомъ родѣ, человѣкъ исключительный: серьезнаго ума, читающій, образованный, любитель философскихъ книгъ, близкій, черезъ жену свою, извѣстную пѣвицу Славину, къ искусству и артистическимъ кругамъ. Мы знаемъ, какъ

велъ себя этотъ хваленый жандармъ-гуманистъ въ роковые для Москвы декабрьскіе дни. Г. Медемъ былъ правою рукою адмирала кремлевскаго флота. Это—наиболѣе блистательный рыцарь дубасовскаго круглаго стола. Но—Богъ ужъ съ нимъ, съ служебнымъ поведеніемъ русскаго военнаго бюрократа! Всѣ мы знаемъ, что ждать отъ этой породы добраго для гражданства безполезно. Они, даже въ лучшемъ случаѣ, умѣютъ, а иногда и мастера говорить хорошія слова о добрѣ, чести, правѣ, но,—чуть велѣно имъ одною инстанціей выше,—поступаютъ и дѣйствуютъ совершенно противоположно собственнымъ своимъ словамъ о добрѣ, и чести, и правѣ, насильничая, оскорбляя, увѣча, заточая съ усердіемъ и энергіей цѣпной собаки на двухъ ногахъ и, по ошибкѣ, во образѣ человѣческомъ. Но еще недавно военные бюрократы, вродѣ того же г. Медема, какъ будто стыдились нѣсколько подобной двойственности бытія своего и искали словъ къ ея извиненію предъ обществомъ, къ благовидному прикрытію своей въ немъ двусмысленной роли. Теперь это брошено! Маски упали, лица обнажились, цинизмъ—откровенное и торжествующее, основное начало дѣйствія, разнуздавшагося наголо... Послушайте вы этого гуманиста, спалившаго пожаромъ Прѣсню и оставившаго, по оффиціальному счету, 458 труповъ на московскихъ улицахъ: «Примите, славные чины московской полиціи, мой добрый совѣтъ: не почивайте на лаврахъ наружнаго покоя, а путемъ внутренняго усовершенствованія не переставайте трудиться въ сложномъ дѣлѣ общественнаго довольства и спокойствія въ Первопрестольной...».... Славные чины полиціи... Лавры... Они—о лаврахъ! о лаврахъ на окровавленной нагайкѣ и тесакѣ хожалаго!.... Внутреннее усовершенствованіе городовыхъ, околоточныхъ и участковыхъ приставовъ, съ Ермоловымъ включительно, застрѣлившимъ въ затылокъ приватъ-доцента Воробьева и, оказывается, до сихъ поръ лишь «временно уволеннымъ» за то отъ дол-

жности!... Общественное довольство города, залитаго кровью, испепеленнаго пожаромъ, обысканнаго изъ дома въ домъ, съ 12 часовъ ночи до утра не имѣющаго права жить уличною жизнью... И замѣтьте: даже здѣсь, какъ въ «Королѣ Лирѣ»,—«И злая тварь мила предъ тварью злѣйшей»!... Со времени медемовскаго приказа, о которомъ идетъ рѣчь, телеграфъ принесъ намъ изъ прибалтійскихъ губерній откровенное генеральское увѣщаніе къ офицерамъ—«не смущаться боязнью отвѣтственности!» А преемникъ г. Медема, г. Рейнботъ, съ еще болѣе выразительною искренностью оповѣщаетъ ввѣренную ему полицію, что съ нея взыщется за недостатокъ энергіи, но «избытокъ энергіи ей никогда въ вину поставленъ не будетъ»... Вотъ что называется—carte blanche et bonne chance en tout! И все это безпардонно разухабистое ликованіе административнаго кулака одѣто въ лицемѣрно красивый псевдонимъ—«Умиротворенія». Какой-то самозабвенный бредъ самовосхищенной лжи въ упоръ, прямо въ глаза униженному обществу—въ твердой увѣренности, что оно слишкомъ напугано, чтобы возражать, спорить и протестовать, и всякая наглость побѣдоносно ликующей силы сойдетъ ей даромъ. Хвастовство собою изъ-за пулемета и пушечнаго жерла! Что-жъ? Торжествуйте, торжествуйте, побѣдители! Торжествуйте и... обнаруживайтесь! Чѣмъ больше вы обнаружитесь въ настоящемъ, тѣмъ тяжелѣе и грознѣе сложится для васъ будущее, потому что—не вѣкъ будутъ лежать тучи безъ просвѣта надъ измученною русскою землею и не вѣкъ будетъ спасать васъ отъ всѣхъ отвѣтственностей подлая, льстивая, предательская поговорка, что «побѣдителей не судятъ»... Будетъ судный день расплаты, когда русское народное представительство позоветъ васъ предъ лицо свое и заставитъ дать отчетъ въ вашихъ глумленіяхъ надъ родною страною въ вашихъ убійствахъ, въ вашихъ тюрьмахъ, въ вашихъ насиліяхъ, въ каждомъ трупѣ, оставленномъ вами на мостовой или зарытомъ въ ночи на

Ходынкѣ, либо въ Люберцовской рощѣ... Я далеко не поклонникъ Государственной Думы и болѣе чѣмъ скептически отношусь къ вопросу ея осуществленія, считая ее компромиссомъ, который никого не удовлетворитъ. Но если бы въ ея представительствѣ, подъ какимъ бы то ни было именемъ, мы увидѣли силу, способную и обязанную потребовать на судъ страны организаціи военно-бюрократическаго нахрапа, опозорившія Россію на зарѣ XX вѣка въ глазахъ всего цивилизованнаго міра,—ей слѣдовало бы собраться—и конечно въ такомъ случаѣ какъ можно скорѣе—уже хотя бы только для этой одной цѣли!.. Россіи нужны не голословныя отрицанія и опроверженія ваши, которыми вы съ неуязвимаго, полномочнаго высока отдѣлываетесь теперь отъ печати и свидѣтельства очевидцевъ, покуда какой-нибудь спокойный простакъ, вродѣ Григорьева, не припираетъ вашей служебной лжи къ стѣнѣ своею угрюмою, трагическою правдою яснѣе бѣлаго дня. Россіи нужны слѣдствіе и судъ по вашимъ злодѣяніямъ, нужна истина объ источникахъ вашего административнаго бѣшенства и расплата за его дикіе результаты. И будетъ слѣдствіе, и будетъ судъ, и будетъ истина, и будетъ расплата... Ею же мѣрою мѣрили, тою и отмѣрится вамъ,—

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Народа праведную кровь!

Но оставимъ грезы будущаго. Поговоримъ безъ волненія, спокойно о настоящемъ. Ужасъ положенія въ Москвѣ усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что она, разгромленная и терроризованная, почти безсильна къ самопомощи, какъ матеріальной, такъ и нравственной. Всякая иниціатива въ этомъ направленіи встрѣчается съ подозрительнымъ противодѣйствіемъ генералъ-губернатора и умираетъ въ самомъ зачаткѣ. Страшно сказать: запуганнымъ москвичамъ приходится устраивать чуть не заговоры благотворительности, по необходимости, облекая филантропію

въ конспирацію... Общественная помощь пострадавшему населенію проявляется только тайкомъ и подъ страхомъ административной кары. Человѣколюбіе упразднено и милосердіе объявлено преступленіемъ!

Нужно ли послѣ того говорить, что прямая обязанность общества въ тѣхъ городахъ, которые еще находятся въ положеніи хоть сколько-нибудь лучшемъ и болѣе свободномъ, чѣмъ Москва,—придти на помощь «сердцу Россіи», еще разъ принявшему на себя въ декабрьскіе дни тяжелую историческую страду, которыхъ такъ много осталось позади на старыхъ, промшенныхъ скрижаляхъ московскаго бытія. Москва сейчасъ—центръ русскаго горя, сборный пунктъ русской нужды, главный бассейнъ русскихъ слезъ. Голодающіе, заключенные въ политическихъ тюрьмахъ. Выброшенный изъ труда голодающій рабочій. Образы Дантова ада на землѣ! Стоны ихъ плывутъ по землѣ русской и вопіютъ къ небу объ отмщеніи. И отмщеніе—именно отмщеніе неба, отмщеніе возмущенной природы—уже наростаетъ: московскій телефонъ выразительно говоритъ о возвратномъ тифѣ, эпидеміей котораго начинаетъ расплачиваться столица за медемовскія проскрипціи и дубасовскій разгромъ. Вы взяли себѣ на службу мечъ, пожаръ и голодъ,—ваши стихійные слуги требуютъ себѣ платы человѣческими жизнями. Они не ждутъ, не кредитуютъ и—въ то самое время, какъ вы съ торжествомъ восклицаете: спокойствіе!—они насмѣшливо возражаютъ вамъ: нѣтъ, смерть. Нельзя «охранять» могилами. Могилы скрываютъ въ себѣ разлагающіеся трупы. Ихъ міазмы поднимаются въ испареніяхъ сквозь слои земли и снѣга и заражаютъ, и убиваютъ живущихъ. Разгромомъ Москвы гг. Дубасовы и Комп. подарили Россіи безсоннаго голоднаго вампира, который долго-долго будетъ вставать изъ могилы и, въ мстительномъ отчаяніи, пить родную кровь.

Общества русскихъ городовъ имѣютъ много насущ-

ныхъ заботъ по мѣстнымъ нуждамъ—увы! въ большинствѣ того же насильственнаго происхожденія, какъ и въ Москвѣ. Но, за всѣмъ тѣмъ имъ слѣдуетъ какъ-нибудь понатужиться и отплатить Москвѣ за ея декабрьскія страданія и матеріальнымъ, и нравственнымъ вниманіемъ къ ея безысходной январьской нуждѣ. Особенно ликующему и празднoболтающему Петербургу, о которомъ вонъ—его лейбъ-органы самодовольно пишутъ, что никогда еще столица не играла въ карты такъ много, какъ въ настоящее время... Лестно слышать! На эстрадахъ, па сценахъ, въ газетахъ, въ союзахъ—

Что жизнь для насъ, когда тамъ гибнутъ братья?

А въ салонахъ, клубахъ, частныхъ квартирахъ—оголтѣлый картежъ и безстыжій кутежъ... Что это? «Пиръ во время чумы»? Или просто—моя хата съ краю, ничего не знаю и ничего знать не хочу, ибо знать непріятно и мѣшаетъ жить... Наѣзжіе москвичи и провинціалы открыто сознаются, что Петербургъ кажется имъ сейчасъ нравственно противнымъ въ своемъ безграничномъ равнодушіи ко всему, что творится въ остальной Россіи, уже въ шести-семи часахъ разстоянія отъ насъ. Повсюду смерти и похороны, а у насъ только поминки съ блинами и выпивкою въ кухмистерской Завитаева... Стыдно! Надо опомниться, время снять съ себя тотъ позоръ безсилія и бездѣйствія, которымъ окутался Петербургъ въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года, когда прошла по Россіи нелестная молва, что Петербургъ предалъ русскую свободу! Вамъ не по вкусу бури сраженій—умѣйте стать хоть подъ палатки краснаго креста! Вы гордо заявили съ конституціонно-демократической трибуны, что вы *слишкомъ* интеллигентны, чтобы симпатизировать экстазу отчаянія, берущагося за оружіе,—будьте же *достаточно* интеллигентными, чтобы перевязать раны разбитыхъ бойцовъ и смирить нужду, ихъ терзающую. Садясь за сытный обѣдъ, не забывайте о людяхъ, осужденныхъ пи-

таться на семь копѣекъ въ день, за то, что они хотѣли завоевать для васъ свободу. Не забывайте московскихъ политическихъ узниковъ! Не забывайте московскаго безпріютнаго рабочаго... о немъ всѣ позабыли...

VI.

Наконецъ-то радостное извѣстіе! Слава Богу! Слава Богу!.. Я нашелъ его въ «Пет. Газ.», излагающей, чрезъ interview съ А. Н. Никитинымъ, свиданіе членовъ союза 17 октября съ графомъ С. Ю. Витте. Свиданіе, по разсказу А. Н. Никитина, было, въ общемъ, изъ кисленькихъ; но—не отвѣдавъ кислаго, не узнаешь сладкаго, и сперва гр. Витте, замѣтно, сконфузилъ представлявшихся ему депутатовъ, но затѣмъ какъ будто и обрадовалъ. Слава Богу! Слава Богу!

— *Я знаю, какъ спасти Россію!*

Такова историческая фраза, которая, раздавшись изъ устъ С. Ю. Витте, привела меня въ энтузіазмъ мгновенной увѣренности, послѣ недѣль унынія и скептицизма. Ура! «Желанья наши совершились и всѣ напасти тѣ прошли»: внѣ сомнѣній и конкурренціи, — г. Витте знаетъ, какъ спасти Россію! Г. Витте не знаетъ, есть ли въ Москвѣ генералъ-губернаторъ, и, за двухмѣсячнымъ отсутствіемъ свѣдѣній объ этомъ сановникѣ, впалъ въ пагубныя сомнѣнія: не миѳично ли не токмо существованіе, но даже и самая идея таковогo? Г. Витте, пожалуй, не знаетъ даже,— какъ Москва: вся ли провалилась уже въ тартарары отъ своеобразнаго спорта, которому, по его авторитетнымъ свѣдѣніямъ,—вѣроятно, за обиліемъ свободнаго времени,— предались революціонеры, катаясь по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ, нагруженныхъ динамитомъ,—или торчатъ еще на мѣстѣ сердца Россіи хоть кое-какіе колышки? Г. Витте ничего не знаетъ въ розницу, но зато знаетъ все

оптомъ,—онъ знаетъ, какъ спасти Россію, и громко заявляетъ о томъ. Слава Богу! Слава Богу!

Говорятъ, что отличительная черта мудрости есть скромность. С. Ю. Витте обладаетъ ею въ размѣрахъ—прямо, надо сказать, изумительныхъ. Кто, на его мѣстѣ, имѣя въ карманѣ секретъ столь огромнаго значенія—зная, какъ спасти Россію,—воздержался бы отъ самолюбиваго соблазна хвастливо обнаружить свое знаніе не только словами и намеками, но и наглядными поступками, и осязательными фактами? Но графъ Витте выше тщеславныхъ перспективъ. Онъ знаетъ, какъ спасти Россію, молча, про себя,—и счастливъ абсолютнымъ знаніемъ, не нуждающимся въ прикладныхъ феноменахъ. Такъ, индійскій факиръ, достигшій совершенства святости, доволенъ ею самою для нея самой. Онъ знаетъ, какъ достигаются на землѣ сей всѣ блага человѣческія, и ему достаточно сказать слово, протянуть руку, чтобы овладѣть любымъ изъ благъ, но онъ слова не произноситъ и руки не протягиваетъ: ему важно лишь абсолютное знаніе блага, а не его прикладная реальность,—онъ созерцаетъ идею въ абстрактѣ и стоитъ выше потребности въ вульгарныхъ феноменахъ! И—теперь единственная, остающаяся у меня въ душѣ, боязнь за С. Ю. Витте: что въ своемъ знаніи, какъ спасти Россію, онъ тоже уже возвысился до точки абстрактнаго созерцанія, а потому феноменовъ спасенія намъ не покажетъ. Такъ, созерцая, и простоитъ въ одиночествѣ совершенства, а мы, несовершенные, простые смертные,—procul este profani!—изъ созерцаемаго ничего не увидимъ.

А, впрочемъ, и по дѣломъ намъ. Всякое знаменіе и чудо суть награды за вѣру, а вѣры у насъ—самое плачевное умаленіе, за что гр. Витте и укоряетъ насъ прегорько. Онъ оказалъ обществу довѣріе, а общество ему—никакого! Какъ въ Далевой сказкѣ о цыганѣ и грекѣ: «цыганъ греку—рупь, а грекъ цыгану—шишъ! На другой день, грекъ цыгану—рупь, а цыганъ греку—шишъ!» Вопросъ о долгѣ

на шишъ, который долгъ, какъ всякій,—платежомъ красенъ, жестоко волнуетъ гр. Витте. Онъ распространялся на эту тему предъ депутатами отъ союза 17 октября «сильно приподнятымъ тономъ» и именно въ томъ духѣ, что молъ—вы мнѣ шишъ, такъ и я вамъ шишъ,—не видѣлъ я отъ васъ довѣрія, такъ и самъ вамъ довѣрія оказывать не желаю. Это очень естественно, хотя и не весьма разсудительно, и я не понимаю, почему отвѣтъ гр. Витте о довѣріи показался депутатамъ союза 17 октября «совершенно неожиданнымъ». Напротивъ, онъ именно таковъ, какъ и слѣдовало ожидать, по заповѣди—око за око, зубъ за зубъ и шишъ за шишъ. Вы мнѣ не оказали довѣрія, а я вамъ за это—нате, выкусите! не спасу Россію! Знаю, какъ спасти, анъ не спасу! Мой фокусъ,—при мнѣ и останется, а вамъ не покажу! Сохраню секретъ у себя въ карманѣ и буду показывать спасеніе Россіи, среди petits jeux на домашней новогодней елкѣ, а вамъ—вмѣсто спасенія — на зло, шишъ! шишъ! шишъ!

Это, можетъ быть, не великодушно съ точки зрѣнія высшей морали, но, по человѣчеству, справедливо и ничуть не неожиданно. Во всемъ отвѣтѣ г. Витте нѣкоторою внезапностью звучитъ развѣ лишь одна фраза:

— Благодаря мною оказанному обществу довѣрію, я вынужденъ вынести всѣ ужасы репрессій.

Здѣсь г. Витте нѣсколько ошибся въ позиціяхъ и перемѣстилъ центры. «Маленькимъ ошибкамъ давалъ и, вмѣсто ура, караулъ кричалъ!» Ужасы репрессіи вынужденъ вынести совсѣмъ не онъ, графъ Витте, — ихъ вынужденъ нести русскій народъ, столь удачно поставленный его высшимъ знаніемъ, какъ спасти Россію, между двухъ шишей — съ не весьма гадательною перспективою, буде такое положеніе намѣрено тянуться, самому превратиться въ третій. Что же касается г. Витте, онъ, своимъ премьеръ-министерскимъ авторитетомъ, отнюдь не выноситъ ужасы репрессіи, но, наоборотъ, лишь усердно санкціонируетъ

ихъ наличность,—и, покуда, никто ни въ Россіи, ни въ Европѣ не усматриваетъ, чтобы гр. Витте былъ къ тому *вынужденъ*... Напротивъ, въ поведеніи г. Витте, какъ премьеръ-министра, до сихъ поръ не было замѣтно ни малѣйшей принужденности: онъ балансировалъ на государственномъ канатѣ съ добровольческою развязностью, которую враги нашего Бисмарка - Меттерниха даже обзывали неоднократно «цинизмомъ, доходящимъ до граціи», и фехтовалъ то обѣщаніями безъ исполненій, то репрессіями весьма съ исполненіемъ, расторопнѣе всякаго японскаго престидижитатора:

— Милостивые государи! Вы можете сами убѣдиться: тутъ нѣтъ никакого колдовства, но одна привычка практики и проворство рукъ...

Объ одной изъ репрессій—воспрещеніи публичныхъ собраній въ Петербургѣ—г. Витте отвѣчалъ депутаціи союза 17 октября совершенно въ тонѣ библейскаго Адама:

— Жена, которую ты далъ мнѣ, соблазнила меня!

— Министръ внутреннихъ дѣлъ, коего взялъ я, одолѣваетъ меня!

— А министръ есть министръ!—внушительно и глубокомысленно заключилъ г. Витте. Это справедливо, что министръ есть министръ. Но еще справедливѣе и то, что «есть министръ и министръ»...

Interviews С. Ю. Витте всегда интересны уже тѣмъ, что неизмѣнно заключаютъ въ себѣ, на-ряду съ политическимъ обозрѣніемъ, весьма значительный беллетристическій отдѣлъ. Г. Витте похожъ этимъ на толстые, ежемѣсячные журналы, современную судьбу которыхъ онъ раздѣляетъ, впрочемъ, и въ томъ отношеніи, что подписка на него тоже изъ рукъ вонъ плоха, упала до minimum'а... и, кажется, въ январѣ совсѣмъ прекратится.

Въ разговорѣ г. Витте съ представителями союза 17 октября беллетристическій отдѣлъ представленъ страшными святочными разсказами о вагонахъ динамита, якобы

захваченныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ... Когда я читаю динамитную беллетристику нашихъ оффиціаловъ, оффиціозовъ и полуоффиціозовъ, мнѣ всегда припоминается случай при одномъ давнемъ петербургскомъ обыскѣ. Нашли у студента-горняка динамитъ.

— Что это?

— Динамитъ.

— Зачѣмъ вамъ динамитъ?

— А я,—обозлился студентъ,—имъ играю: по праздникамъ, отъ нечего дѣлать, съ руки на руку перебрасываю...

Всѣ эти динамитные страхи и слухи, пускаемые въ общество изъ административныхъ сферъ, съ цѣлью смягчить впечатлѣнія не смягчаемыя и оправдать факты, не поддающіеся оправданію, столь же вѣроятны и возможны, какъ воскресныя забавы моего студента-горняка.

Мнѣ понравилась почти гомерическая картина пріема депутаціи союза 17 октября графомъ С. Ю. Витте. Горемычная депутація прибыла къ премьеръ-министру по его личному приглашенію. И вотъ—

«Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе».

— *Въ чемъ дѣло?*

Это была первая фраза, которую «корректно» произнесъ графъ С. Ю. Витте, «склонившись головой на руку»...

Дѣйствительно, корректно. Я, впрочемъ, зналъ въ Москвѣ старика-милліонера, который однажды поступилъ еще корректнѣе: назвалъ къ себѣ на именины гостей со всѣхъ частей, а потомъ, будучи не въ духѣ, вышелъ въ залъ, сѣлъ на диванъ, тоже «склонившись головой на руку», и повелъ громогласную рѣчь въ такомъ приблизительно тонѣ, съ украшеніями лапидарнаго стиля:

— Желалъ бы я знать, откуда набралась ко мнѣ эта орда? И что имъ, сукинымъ дѣтямъ, отъ меня надо? Шляются, шляются... глаза бы не видали! Очень нужны! какъ же! Подумаешь, своей сволочи у меня въ молодцовской мало...

— Да вѣдь вы же сами разослали приглашенія, Сила Парменычъ...

— Разослалъ приглашенія! Такъ что же, что разослалъ? Я пригласилъ, я и прогнать могу... все—въ моей фантазіи! Очень просто!

Милліонеръ брюзжалъ по пьяному самодурству, но С. Ю. Витте, по тонкой политикѣ, что очень хорошо поняли и смиренно приняли оробѣвшіе члены сконфуженной депутаціи, столь сюрпризно переведенные ласковымъ хозяиномъ съ амплуа званныхъ и избранныхъ на роли непрошенныхъ гостей, хуже татарина. Люди шли къ г. Витте, чтобы слышать его объясненіе или просьбу,—вмѣсто того, г. Витте, наоборотъ, имъ приказываетъ.

— Коли пришли ко мнѣ, извольте объясняться или просить! Что тамъ еще у васъ? въ чемъ дѣло?

Затѣмъ пошелъ въ ходъ «приподнятый тонъ», и, вообще, московско-цыганская программа, «захочу—полюблю, захочу—разорю», стала исполняться съ такою послѣдовательностью, что я продолжалъ читать interview не безъ страха встрѣтить въ концѣ знаменитую прощальную фразу Агаѳьи Тихоновны, обращенную къ женихамъ, ей надоѣвшимъ. Однако, Богъ миловалъ. Г. Витте, слушая беззащитный лепетъ депутаціи, мало-по-малу не только смиловался, но даже предложилъ обезпечить союзу 17 октября исключительное право собраній. Однако, на эту комбинацію депутаты не пошли и даже, наконецъ, догадались, повидимому, обидѣться:

— За кого же вы насъ принимаете?! Каковы мы ни есмы — «союзъ 17 октября», но все же, покуда, какъ будто, не полицейская бригада!

И отказались.

Изъ многочисленныхъ цвѣтовъ краснорѣчія и mots, разбросанныхъ гр. Витте на этомъ интересномъ пріемѣ, особенно любопытно, на мой слухъ, прозвучала одна фраза:

— Я не могу брать на себя отвѣтственности (возстановляя право собраній, вопреки волѣ П. Н. Дурново) за возможное кровопролитіе.

На кого намекаетъ это изреченіе, и отъ кого зависитъ «возможность» кровопролитія? Упрекъ ли это обществу,—столь неосторожно наивному, что въ числѣ четырехъ свободъ, узаконенныхъ ему манифестомъ 17 октября, оно повѣрило и въ свободу собраній,—забывая, что законы, издаваемые верховною правительственною властью, въ Россіи имѣютъ хроническое свойство быть отмѣняемыми по капризу городничаго Сквозника-Дмухановскаго, судьи Тяпкина-Ляпкина и даже квартальнаго Держиморды? Или—наоборотъ—благожелательно робкое предостереженіе противъ общаго характера дѣятельности всемогущаго П. Н. Дурново? Но—увы, послѣдній достаточно опредѣлился, чтобы, памятуя Москву, Ростовъ, Кіевъ, Одессу, Варшаву, Баку, надо было еще смягчать кровопролитныя перспективы, съ его именемъ сопряженныя, только до степени «возможности». Гдѣ Дурново,—тамъ эти перспективы не «возможны», но «непремѣнны», «обязательны». И вотъ это-то и удивительно звучитъ, что г. Витте отъ программы *возможныхъ* кровопролитій отмахивается обѣими руками, а ходячую программу кровопролитій *непремѣнныхъ* не токмо пріемлетъ, но и покрываетъ своимъ именемъ, какъ премьеръ-министръ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія.

Въ общемъ, фигура россійскаго премьеръ-министра, разсказомъ о ней г. Никитина, обрисовалась въ такомъ свѣтѣ:

1. Глава правительства безсиленъ противопоставить свое мнѣніе волѣ своего министра внутреннихъ дѣлъ.

2. Глава правительства не знаетъ, есть ли на свѣтѣ московскій генералъ-губернаторъ и соотвѣтственное генералъ-губернаторство.

3. Глава правительства открыто сознается, что не

имѣетъ довѣрія отъ общества и самъ не питаетъ никакого довѣрія къ обществу.

Всѣ устои и залоги политическаго прогресса и соціальнаго процвѣтанія! Твердая воля и стойкая программа. Компетентность и авторитетъ высшей государственной освѣдомленности. Глубокія взаимныя симпатіи съ народонаселеніемъ. Всѣ достоинства образцоваго европейскаго конституціоннаго министерства.

Да здравствуетъ же, да здравствуетъ министерство! И да здравствуетъ парижскій музей Grevin, гдѣ, вѣроятно, оно уже увѣковѣчено восковыми фигурами, съ надписью изъ неизданныхъ афоризмовъ Козьмы Пруткова:

— Другъ мой! удивляйся, но не подражай!

VII.

Новогодняя трагедія въ ресторанѣ «Медвѣдь», стоившая жизни студенту Давыдову,—тысяча первый примѣръ неумѣстности политики въ пьяныхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе въ такое острое, жуткое, полное грозныхъ ожиданій и свирѣпыхъ настроеній, время, какое переживаетъ теперь повсемѣстно взволнованная Россія и отражаетъ волненія нервною вибраціей сравнительно спокойный Петербургъ. Дѣло началось изъ-за неуваженія къ царскому гимну, якобы выраженнаго студентомъ Давыдовымъ, который, слушая гимнъ, стоялъ не на вытяжку, какъ желалъ того убійца, г. Окопевъ, но «согнувъ ногу». Не входя въ обсужденіе тѣхъ обстоятельствъ, насколько сгибать ногу при слушаніи гимна дѣяніе предосудительное, могу лишь замѣтить, что общее полицейское предписаніе—стоять, когда играютъ или поютъ гимнъ—студентомъ было исполнено. Циркуляровъ же, указывающихъ, какъ стоять и въ какой позиціи держать при томъ ноги, сколько помнится, не издавалось. Такъ что револьверный вы-

стрѣлъ г. Оконева былъ первымъ опытомъ законодательства на этотъ счетъ, и хотѣлось бы надѣяться, что последнимъ. Хотѣлось бы дождаться, наоборотъ, другого административнаго распоряженія или законодательнаго акта, на мысли о которомъ невольно наводятъ и этотъ печальный случай, и множество другихъ, ему подобныхъ и слишкомъ частыхъ, къ сожалѣнію. Это именно—о неумѣстности политики въ пьяныхъ мѣстахъ.

Если хотятъ, чтобы предметъ пользовался уваженіемъ, его не слѣдуетъ помѣщать въ обстановку, гдѣ рѣшительно ничто не вызываетъ уваженія. Гимнъ—пѣснь политическая и, какъ всякая политическая программа, имѣетъ способность вызывать симпатіи однихъ и неудовольствіе другихъ. Въ обществѣ трезвомъ эта рознь проходитъ спокойно, въ обществѣ пьяномъ страсти обостряются, и какой-нибудь пустой шутки, неловкаго выраженія, даже жеста достаточно, чтобы вызвать распрю, ссору, брань, драку, даже, мы видимъ, убійство. Достоинство гимна отъ этихъ скандаловъ, конечно, не выигрываетъ ровно ничего, а жизни человѣческія проигрываютъ очень много. Что уважаешь, не носи того въ мѣсто, уваженія не достойное, либо, разъ понесъ туда, не взыскивай за то, что уваженія не встрѣтилъ. Гимнъ совершенно некстати играть въ трактирѣ съ разношерстною и пьяною публикою, и пора бы этотъ обычай, такъ часто влекущій за собою буйныя послѣдствія, прекратить, особенно въ настоящее время, когда требованіе гимна такъ легко можетъ быть обращено въ ловкое орудіе провокаціи. Въ Москвѣ одно время было обязательное постановленіе для трактировъ съ оркестріонами—не играть гимна по частнымъ заказамъ. Вызвано оно было тѣмъ случаемъ, что однажды требованіе гимна столкнулось съ требованіемъ марсельезы, и вышло побоище, къ счастью съ менѣе трагическимъ концомъ, чѣмъ вчерашнее у «Медвѣдя». «Новости» сообщаютъ, что подобное же столкновеніе имѣло мѣсто и вчера въ

одномъ изъ трактировъ, встрѣчавшихъ Новый годъ съ музыкою, и вообще это—вѣчная исторія: рѣдкій Новый годъ безъ того проходитъ. Повторяю: правительственному гимну окружаться восторгами пьянаго патріотизма врядъ ли особенно нужно и лестно, а общіе житейскіе результаты этого пьяно политиканствующаго патріотизма по большей части слишкомъ вѣско неутѣшительны. Я не буду разбираться въ психологіи убійства, совершеннаго г. Оконевымъ. Газеты пишутъ, что г. Оконевъ—отставной сумской драгунъ, оставившій полкъ по непріятностямь съ товарищами. Драгунъ уже безъ мундира, но все еще драгунъ въ душѣ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обыкновеннымъ офицерскимъ убійствомъ въ развязкѣ скандала и драки, возникшихъ изъ «рыцарской чести». Я много писалъ на эту тему. Мнѣ пришлось бы теперь лишь повторить дословно все, что я говорилъ противъ этого вопіющаго зла, привитаго нашему обществу совершенно искусственно и особенно обострившаго свою лютость послѣ закона о военныхъ дуэляхъ 1894 года,—говорилъ въ статьяхъ объ убійствѣ статскаго совѣтника Малиновскаго офицеромъ Клыковымъ, о пресловутой дуэли Максимова и князя Витгенштейна и въ полемикѣ противъ покойнаго М. И. Драгомирова о вынужденномъ самоубійствѣ Кублицкаго-Піоттуха. Статьи о первыхъ двухъ преступленіяхъ читатель можетъ найти во 2-мъ изданіи моей «Житейской Накипи», полемику съ Драгомировымъ—въ недавно вышедшемъ моемъ сборникѣ «Курганы». Тамъ я разсматривалъ вопросы «военной чести» съ точки зрѣнія общечеловѣческой морали, религіознаго ученія и права, оберегающихъ нашу цивилизацію. Кто хочетъ имѣть художественное изображеніе, какъ разсуждаетъ о томъ мораль, вѣрнѣе сказать—анти-мораль—корпоративная, мундирная, офицерская, пусть обратится къ великолѣпному «Поединку» А. И. Куприна. «Начался *обычный, любимый молодыми офицерами* разговоръ о случаяхъ неожи-

данныхъ кровавыхъ расправъ на мѣстѣ и о томъ, какъ эти случаи проходили почти *всегда безнаказанно*. Въ одномъ маленькомъ городишкѣ безусый, пьяный корнетъ врубился съ шашкой въ толпу евреевъ, у которыхъ онъ предварительно «разнесъ пасхальную кучку». Въ Кіевѣ пѣхотный подпоручикъ зарубилъ въ танцовальномъ залѣ студента на смерть за то, что тотъ толкнулъ его локтемъ у буфета. Въ какомъ-то большомъ городѣ офицеръ застрѣлилъ «какъ с-собаку» штатскаго, который въ ресторанѣ сдѣлалъ ему замѣчаніе, что порядочные люди къ незнакомымъ дамамъ не пристаютъ». И вся офицерская компанія—Вѣткины, Лбовы, Бекъ-Агамаловы—въ восторгѣ отъ этихъ анекдотовъ. Даже Ромашовъ—застѣнчивый, гуманный, мечтатель, идеалистъ и неудачникъ Ромашовъ—протестуя вообще противъ убійствъ штатскихъ людей въ защиту военной чести и по силѣ военныхъ привилегій,—находитъ нужнымъ сдѣлать исключающую оговорку о буфетчикѣ, умерщвленномъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

— Ха-ха-ха. Въ N-скомъ полку былъ случай. Подпрапорщикъ Краузе въ благородномъ собраніи сдѣлалъ скандалъ. Тогда буфетчикъ схватилъ его за погонъ и почти оторвалъ. Тогда Краузе вынулъ револьверъ—р-разъ ему въ голову! На мѣстѣ! Тутъ ему еще какой-то адвокатишко подвернулся, онъ и его—б-бахъ! Ну, понятно, всѣ разбѣжались. А тогда Краузе спокойно пошелъ себѣ въ лагерь, на переднюю линейку, къ знамени. Часовой окрикиваетъ: «кто идетъ»?

«Подпрапорщикъ Краузе, умереть подъ знаменемъ». Легъ и прострѣлилъ себѣ руку. Потомъ судъ его оправдалъ.

— Молодчина!—сказалъ Бекъ-Агамаловъ.

И Вѣткинъ, Лбовъ и другіе хоромъ согласны, что «молодчина». И даже Ромашовъ долженъ согласиться, что буфетчикъ для «молодчины»—не въ счетъ.

Словомъ, въ офицерскихъ убійствахъ мы имѣемъ дѣло съ порокомъ столь твердо установившейся профес-

сіональной этики, что словами убѣжденія съ нею ничего не подѣлать, и тратить таковыхъ на нее почти уже и не стоитъ. Безнадежно! Разбить ужасный, противонравственный идолъ условной, профессіонально-военной «чести», кровожадно пускающій револьверныя пули даже въ отвѣтъ на нечаянный толчокъ у буфета, въ состояніи только полная фактическая переоцѣнка обществомъ самой профессіи, а, слѣдовательно, и всѣхъ тѣхъ привилегій, въ которыя она на Руси столь исключительно облечена.

Оставляя въ сторонѣ офицерскій типъ убійства, совершеннаго г. Оконевымъ, я хочу отмѣтить въ немъ лишь черты возмутительнаго озвѣрѣнія, которыми въ послѣднее время и щеголяетъ, и восхищается русская «крайняя правая», съ ея апплодисментами и оправданіями черносотенныхъ погромовъ; съ ея благодарностями усерднѣйшимъ разстрѣливателямъ рабочихъ; съ ея нѣжностями по адресамъ гг. Треповыхъ, Дубасовыхъ и Дурново; съ ея планами и совѣтами контръ-революціи, которая-де,— стоитъ только захотѣть,—утопитъ революцію въ крови; съ ея заговорами и списками проскрипцій, о которыхъ, волнуя ожиданіемъ новыхъ ужасовъ и безъ того взбудораженное общество, ходитъ столько темныхъ, трепетныхъ слуховъ. Слушая внушеніе убійствъ и насилія съ демагогическихъ трибунъ и церковныхъ каѳедръ, люди озвѣрѣли, огрубѣли, потеряли уваженіе къ жизни и взаимному человѣческому достоинству,—во-истину, у насъ сейчасъ homo homini lupus est. Мнѣ конечно возразятъ: что же вы направляете ваши ламентаціи только противъ правой? Развѣ на лѣвой не то же озлобленіе, не та же тенденція видѣть волка въ ближнемъ своемъ,—стрѣлять, колоть, взрывать, убивать? Нѣтъ, не та. Мнѣ приходится повторить, что я говорилъ уже на-дняхъ: революція и правительство — воюющія стороны, и взаимоотношенія между ними, какъ на войнѣ. Но у революціи нѣтъ союзныхъ мародеровъ, которые безчинствуютъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и, безопас-

ные своему прямому вооруженному врагу, становятся воистину бичомъ мирнаго населенія, имѣющаго несчастіе быть свидѣтелями кровавыхъ сраженій. У революціи много сочувственниковъ въ мирномъ обществѣ. Много сочувственниковъ въ мирномъ обществѣ и у правительства. И наконецъ, третій элементъ мирнаго общества—весьма многочисленный—это тѣ, кто о войнѣ правительства съ революціей держится приблизительно того же мнѣнія, какъ хохлушка на Украйнѣ о русско-польской войнѣ:

— Дай Боже, щобъ вы ихъ побѣдили, а воні васъ побѣдили, а усіхъ бы васъ трясця побѣдила!

Потому что революція ихъ—политически безразличныхъ, пассивныхъ, замкнутыхъ въ эгоистическомъ быту своемъ,—бьетъ по карману забастовками и народными волненіями, дороговизной, безработицей, а правительство потрясаетъ ихъ смертнымъ испугомъ репрессій, эхо которыхъ продолжаетъ докатываться въ Петербургъ изъ городовъ, и больше всего изъ печальной Москвы молвою ужасною, слухами, до сихъ поръ невѣданными... Въ этомъ безразличномъ лагерѣ имѣютъ на революціонеровъ зубъ за то, что «изъ-за нихъ» правительство сжимаетъ въ ежовыхъ рукавицахъ все общественное тѣло. Но «изъ-за нихъ» не значитъ «они».

Даже самый предубѣжденный человѣкъ въ нейтральномъ лагерѣ знаетъ, что революція не поднимаетъ руки на мирное обывательство и не имѣетъ позади себя ни мародеровъ, ни добровольцевъ партійной злобы, способной стрѣлять въ человѣка только за то, что ей не понравился его затылокъ,—какъ убилъ въ Москвѣ приватъ-доцента Воробьева приставъ Ермоловъ,—или за то, что человѣкъ стоитъ съ согнутымъ колѣномъ, а не пятки вмѣстѣ, носки врозь и руки по швамъ,—какъ убилъ студента Давыдова эксъ-драгунъ Окопевъ. На совѣсти революціи лежатъ грѣхи войны, но не бойни съ экстазами башибузук-

скихъ звѣрствъ въ тылу арміи, за полями сраженія. Правая—увы!—насквозь пропиталась дѣлами, ароматами и проповѣдью жесточайшей бойни. Вчера я читалъ и слышалъ, будто г. Оконевъ убилъ студента Давыдова, разсчитывая патріотическимъ подвигомъ во вкусѣ купца Иголкина поправить свою репутацію и карьеру, пострадавшія чрезъ изгнаніе его изъ полка за карточныя недоразумѣнія. Я не знаю г. Оконева, не знаю, такъ ли это, что о немъ разсказываютъ, и не настаиваю на томъ, что такъ. Въ данномъ случаѣ интересно не столько то обстоятельство, дѣйствительно ли г. Оконевымъ руководилъ подобный мотивъ, сколько—самая увѣренность общественная, что въ наши дни человѣкъ, что называется, подмоченный, легко можетъ реабилитировать себя въ извѣстныхъ сферахъ, придравшись, яко-бы патріотически, къ первому встрѣчному и всадивъ въ него, подъ предлогомъ любви къ правительству, большее или меньшее количество пуль. И каково же обществу существовать лицомъ къ лицу съ возможностью, что среди его рыщутъ невѣдомые добровольцы, одержимые потребностью такихъ реабилитацій и готовые къ нимъ, когда бы то и гдѣ бы то ни было? Вѣдь это же похоже на кровавую лотерею какую-то, на ту игру въ «кукушку», которою прославились нѣкогда владивостокскіе «ланцепупы». Вы остаетесь въ жизни, какъ въ темной комнатѣ, гдѣ по угламъ сидятъ люди съ заряженными револьверами и, едва раздастся чье-нибудь «ку-ку»,—стрѣляютъ по направленію голоса: не попалъ—твое счастье, а попалъ—туда и дорога! Не вѣсте ни дня, ни часа, кто изъ новыхъ «ланцепуповъ», гдѣ, почему можетъ пустить въ васъ свою пулю-дуру.

Приставъ Ермоловъ, убившій въ Москвѣ пр.-доц. Воробьева, простодушно объяснилъ на допросѣ, что онъ, собственно, не знаетъ, за что и какъ вдругъ выстрѣлилъ въ несчастнаго ученаго—спокойнѣйшаго и приличнѣйшаго человѣка, какого себѣ вообразить можно. Я, пожалуй,

вѣрю приставу Ермолову, вѣрю, что его отвратительное убійство—чисто механическое, машинальное; что оно явилось не индивидуальнымъ актомъ сознательной злой воли, но безсмысленнымъ и безсознательнымъ движеніемъ маленькаго винта въ цѣломъ организмѣ, цѣльно и тупо предавшемся внѣшней идеѣ убійства, непобѣдимо охваченномъ почти гипнотическимъ аппетитомъ къ нему. Онъ убилъ отъ дрессировки убивать, отъ привычки къ мысли, что надо убивать,—и вполнѣ понятно, что онъ не знаетъ, почему убилъ. Убилъ потому, что увидалъ предъ собою затылокъ, показавшійся ему непочтительнымъ къ начальству.

Г. Оконевъ убилъ потому, что ему показалось непочтительнымъ къ начальству согнутое колѣно. Завтра какому-нибудь г. Ершову или г. Карасеву не понравится красный носъ на чьемъ-нибудь лицѣ,—уничтожай и эту «революцію»! пали въ носъ! Пали по бородѣ и усамъ, по жилетнымъ пуговицамъ, по галстуху: вѣдь «сицилизмъ» и непочтеніе охочій доброволецъ въ чемъ угодно найти и усмотрѣть можетъ! У Щедрина одна «политическая» исторія возникаетъ и кончается участкомъ изъ-за того, что нѣкто, пренебрегая патріотизмомъ, предпочиталъ очищенной отечественной водкѣ чужеземную англійскую горькую. Въ наши дни подобная ерунда способна кончиться уже не участкомъ, а смертью, что всего выразительнѣе доказываетъ трупъ бѣднаго Давыдова. Студентъ стоялъ, согнувъ колѣни, когда играли гимнъ, — бацъ! патріотическая энергія взыграла, и студентъ лежитъ, обливаясь кровью, на полу, а патріотъ сажаетъ въ него, уже мертваго, пулю за пулею изъ своего браунинга. Согнутое колѣно—конечно, ужасное преступленіе, но я могу вообразить себѣ сколько угодно, столь же ужасныхъ и столь же ежеминутно возможныхъ, а, слѣдовательно, и ежеминутно способныхъ вызвать пылкія патріотическія сердца къ кровавой расправѣ. Шелъ человѣкъ мимо монумента Николая I, не одобрилъ скульптуру,—патріотъ—бацъ! Смотритъ человѣкъ на Аничковъ

дворецъ и говоритъ: — Бываютъ зданія красивѣе!— патріотъ — бацъ! Написалъ музыкальный критикъ, что музыка Глинки въ «Жизни за Царя» устарѣла,—патріотъ— бацъ!... Іерингъ когда-то написалъ большую книгу объ юридическомъ элементѣ въ обыденной жизни: о правонарушеніяхъ, которыя мы постоянно совершаемъ, сами того не замѣчая, и о наказаніяхъ, которымъ мы подвергались бы за оныя, если бы замѣнить моральное отношеніе къ жизни правовымъ. Теперь подставьте въ судилище нашего тяжелаго и бурнаго быта, вмѣсто элемента юридическаго, господствующій нынѣ элементъ патріотическаго сыска и подумайте: будетъ ли хоть одна минута вашего существованія свободна отъ нахрапа гг. Ермоловыхъ, Оконевыхъ и присныхъ имъ добровольцевъ гражданской войны? Вѣдь дошло же до того дѣло, что въ Варшавѣ воспрещается идущимъ по улицѣ держать руки въ карманахъ или муфтахъ! Еще шагъ—и мы на порогѣ арестовъ за грустное выраженіе лица и убійствъ—за взглядъ исподлобья.

Озвѣрѣніе глубокое, всепроникающее, захватывающее. У меня, говорю откровенно, даже нѣтъ силы возмутиться убійствомъ Давыдова особенно рѣзко, какъ возмутился бы я прежде, какъ возмущался хотя бы убійствомъ Малиновскаго Клыковымъ или самоубійствомъ Кублицкаго-Піоттуха.

Потому что—что же негодовать на винтъ, если весь механизмъ, котораго онъ является частью, ужасенъ и безжалостенъ? Оконевъ убилъ звѣрски, но—если звѣрство въ почетѣ? Оконевъ застрѣлилъ студента сзади, но—если это нынѣ «такъ принято»? если это исправляетъ репутаціи и даетъ карьеру? если доказано, что трещина на профессорскомъ черепѣ, сдѣланная офицерскою шашкою, повышаетъ владѣтеля шашки въ чинѣ и дѣлаетъ его героемъ въ аристократическихъ салонахъ? Оконевъ убилъ человѣка ни за что, ни про что, но—если въ новогоднемъ номерѣ распространенной и вліятельной русской газеты два крупнѣй-

шіе публициста реакціи дарятъ своей публикѣ такія выразительныя наставленія:

«Я совершенно понимаю Ивана Грознаго, рубившаго подданнымъ головы (по словамъ Флетчера) такъ себѣ, для потѣхи. Ѣдетъ по улицѣ и смахнетъ саблей. Въ этомъ есть, хотя и возмутительно-жестокій, но все же смыслъ»?...

(„Н. Время", № 10704, отъ 1 января).

«Несравненнымъ подаркомъ на Новый годъ было бы правительственное сообщеніе такого рода:

«Желѣзнодорожныя, почтовыя и телеграфныя забастовки воспрещаются подъ страхомъ смертной казни».

(„Н. Время", № 10704, отъ 1 января).

Смерть, казнь, убійство, разстрѣлять, повѣсить, арестовать—только и слышитъ нашъ вѣкъ съ русской правой.

Этическія понятія, дрессируемыя озвѣрѣніемъ церковной каѳедры и реакціонной печати, исказились до того, что Малюта Скуратовъ, кажется, вскорѣ замѣнитъ въ святцахъ задушеннаго имъ митрополита Филиппа, а какой-нибудь, не разсуждая готовый палить бомбардиръ, вродѣ Дубасова, станетъ Мессіей наступающихъ временъ. По крайней мѣрѣ генералъ Хорунженко, оправдываясь, что неудачно усмирялъ Курляндію, хватилъ же на-дняхъ буквально такую милую фразу: «Я не могъ покорить Курляндію, имѣя всего двѣ гранаты. Я не Христосъ, который пять тысячъ человѣкъ накормилъ семью хлѣбами». Что г. Хорунженко не Христосъ и ничуть не похожъ на Христа,—это конечно болѣе чѣмъ вѣрно. Но—чтобы человѣкъ, повидимому вѣрующій въ Христа и знающій Его исторію и ученіе, гласно, въ оффиціально оправдательномъ документѣ, нашелъ удобнымъ и остроумнымъ примѣнить метафоры евангельскаго хлѣба къ разрывнымъ снарядамъ,

назначеннымъ убивать людей,—для такой озвѣрѣлой наивности надо наступить временамъ, воистину антихристовымъ!

VIII.

Кто же, наконецъ, кого побѣдилъ и кто кого обидѣлъ? Вотъ вопросы, которые естественно ставятся по прочтеніи трагикомическаго извѣщенія «Пет. Аг.» о московскихъ и иныхъ контръ-революціонныхъ репрессіяхъ, какъ мѣрахъ защиты обывательства отъ противоправительственнаго произвола. Изъ этого извѣщенія явствуетъ, что «революціонеры, при столкновеніяхъ съ войсками, не щадятъ ихъ жизни», а посему и обращаютъ на себя «рѣшительныя мѣры» и «суровыя дѣйствія». Эти мѣры и дѣйствія,—при всей, казалось бы, наглядной законности и чуть ли не необходимости ихъ съ точки зрѣнія полицейскаго режима,—настолько смущаютъ и конфузятъ общество, среди котораго онѣ примѣняются и осуществляются, что полицейскій режимъ устами «Пет. Аг.» долженъ за оныя оправдываться. Ведетъ агентство этотъ процессъ pro diabolo, нельзя сказать, чтобы со тщательнымъ соблюденіемъ логическихъ законовъ, изъ нихъ же первый нарушенъ—законъ достаточнаго основанія. Сообщеніе «Пет. Аг.» утверждаетъ, будто массовые «аресты производятся не безцѣльно (NB. О, кто же сомнѣвается въ цѣлесообразности?!!), а съ цѣлью устранить тѣ покушенія противъ мирныхъ гражданъ, которыя задумали революціонеры». Я отмѣтилъ NB первую половину фразы, ибо—было бы великимъ лицемѣріемъ утверждать, что арестовать революціонеровъ—дѣяніе, нецѣлесообразное съ правительственной точки зрѣнія: какое же правительство не стремится разсадить своихъ революціонеровъ по кутузкамъ? Истина настолько понятна, что я могу только удивляться, съ какими идіотами, даже такихъ про-

стыхъ очевидностей не понимающими, полемизируетъ въ данномъ случаѣ «Пет. Аг.»: ясное дѣло, что—разъ есть двѣ враждующія стороны, правительство и революція, то для правительства цѣлесообразно такъ или иначе «посадить» революцію, а для революціи цѣлесообразно такъ или иначе «посадить» правительство. «Чтобы сказать такую истину, принцъ,—возразилъ бы Гораціо,—не стоило выходить изъ гроба! Равнымъ образомъ несомнѣнно, что и та, и другая сторона, по мѣрѣ возможности, никогда не упускаютъ и не упустятъ случая взаимно оказать другъ другу таковую услугу. Такъ что разговаривать о семъ—значитъ ломиться въ открытыя двери безъ всякой къ тому надобности. Занятіе болѣе частое, чѣмъ полезное, и предаются ему обыкновенно тѣ, кому надо словоизвитіемъ прикрыть отсутствіе факта, либо, какъ говорилъ Владиміръ Соловьевъ, «словами пышными украсить поступки гнусные». Цѣль эта обыкновенно преслѣдуется усердно, но средствами, негодными къ достиженію. Это очень замѣтно и на сообщеніи «Пет. Аг.». Я охотно призналъ положительною первую половину этого сообщенія, но, признаюсь, не могу отдать той же чести второй, утверждающей, будто практикуемые правительствомъ аресты имѣютъ цѣлью «устранить тѣ покушенія противъ мирныхъ жителей, которыя задумали революціонеры». Во-первыхъ, сомнѣніе историческое: за нѣсколько десятилѣтій русской революціи не было ни одного случая, чтобы кто-либо изъ ея дѣятелей, не говоря уже о цѣлыхъ группахъ, устраивалъ или намѣревался устроить какія-либо покушенія противъ мирныхъ жителей, какъ теперь взводитъ на нихъ напраслину «Пет. Аг.». Ни заграничная пресса, ни нелегальныя изданія, ни вся дѣятельность лѣвыхъ партій русскаго освободительнаго движенія, протекавшая нѣсколько недѣль до г. Дурново совершенно открыто передъ глазами русскаго народа, не позволяютъ взвалить на эти партіи тяжесть той клеветы, къ которой не побрезговало при-

бѣгнуть въ данномъ случаѣ «Пет. Аг.». Этого не бывало никогда, не было теперь, нѣтъ, да и не будетъ. И когда «Пет. Аг.», въ подтвержденіе словъ своихъ, распространяется о «массѣ оружія и взрывчатыхъ веществъ въ такомъ количествѣ, которое могло бы уничтожить не только тысячи лицъ, но и цѣлыя поселенія»,—я думаю, при столь неумѣстномъ усердіи не по разуму, презрительная улыбка должна появиться даже на устахъ архи-члена архи-союза архи-правового архи-порядка. Москва выдержала одиннадцатидневный бой вооруженнаго возстанія. Въ настоящее время даже реакціонною печатью достаточно выяснено, что численность «боевыхъ дружинъ» была незначительна, и $^9/_{10}$ баррикадъ воздвигались добровольческимъ путемъ. Если бой продолжался одиннадцать дней, а не былъ задавленъ войсками въ одиннадцать минутъ, то, конечно, были тому причины, зависѣвшія отнюдь ни отъ войскъ, ни отъ храбраго адмирала Дубасова («адмиралъ кремлевскаго флота!»), которые боролись съ революціонерами, и даже смѣю сказать, что не отъ самихъ революціонеровъ, такъ какъ они были слишкомъ въ маломъ числѣ, чтобы серьезно сопротивляться массѣ войскъ, въ Москвѣ сосредоточенныхъ. Реакціонная пресса усиленно настаиваетъ на томъ, что революція въ Москвѣ была раздавлена и побѣждена. Хорошо. Soit! Но единовременно съ тѣмъ самъ г. Дубасовъ оповѣстилъ, что всѣ оберъ-революціонеры исчезли «за предѣлы досягаемости», а рядъ корреспонденцій и писемъ изъ Бѣлокаменной — даже, опять-таки, на страницахъ реакціонныхъ газетъ — свидѣтельствуетъ, что революціонные кадры потерпѣли ущербъ, почти комически ничтожный, и огромное большинство жертвъ, павшихъ въ Москвѣ, надо отнести на счетъ картечи, шрапнели, залповъ и прикладовъ усмирительства, усердствовавшаго по головамъ мирныхъ обывателей,—сочувственниковъ или зѣвакъ. О нахожденіяхъ «массы оружія и взрывчатыхъ веществъ» «Петербургское Агент.» сообщаетъ «изъ достовѣрнаго

источника». Я не смѣю не вѣрить «достовѣрному источнику», но крайне сомнѣваюсь, чтобы обрѣтенныя «массы», если онѣ дѣйствительно обрѣтены, имѣли въ виду «покушенія противъ мирныхъ жителей». Противопоказаніемъ являются, какъ уже сказано, соображенія историческія,— во-первыхъ: никогда русское освободительное движеніе ни съ единымъ мирнымъ русскимъ жителемъ не воевало; а во-вторыхъ, и современно-лѣтописныя: въ Москвѣ погибло очень много мирныхъ обывателей, но ни одного—отъ оружія или взрывчатыхъ веществъ революціи; по улицамъ, квартирамъ, лавкамъ, рынкамъ летали не бомбы и револьверныя пули революціонеровъ, но шрапнель г. Дубасова. И приходится повторить: революціонерамъ-то дѣйствія шрапнель эта принесла потерь немного, что призналъ и самъ г. Дубасовъ, но мирнаго обывательства накрошила столько, что — вотъ: пришлось сконфузиться и объясняться не весьма остроумною извинительною концепціей «Пет. Аг.»...

Отказывая этой концепціи въ остроуміи, я не смѣю не вѣрить ей въ справедливости. Пусть это неумно и противоестественно, но я, такъ и быть, попробую временно повѣрить въ склады «массы оружія и взрывчатыхъ веществъ», приготовленныхъ не для чего иного, какъ съ цѣлью «уничтожить не только тысячи лицъ, но и цѣлыя поселенія». Но въ такомъ случаѣ, какіе же чудаки оказываются эти люди, въ распоряженіи которыхъ были столь огромныя разрушительныя средства, а они даже пальцемъ не шевельнули, чтобы — въ моментъ своего разгрома — воспользоваться такою страшною силою сопротивленія! Могли и затѣвали, какъ увѣряетъ «Пет. Аг.», уничтожить не только тысячи лицъ, но и цѣлыя поселенія, а не уничтожили никого и ничего, — не только не взорвали мирнаго населенія, но и войскъ, ихъ атаковавшихъ, —и отступили «за предѣлы досягаемости», не оставивъ по себѣ ни одного обывательскаго трупа: нѣсколько разстрѣлен-

ныхъ полицейскихъ, конечно, подъ эту категорію не подходятъ, — это, въ данномъ случаѣ, противная воюющая сторона, и à la guerre comme à la guerre. Странная воздержность революціонеровъ при возможности «уничтожить не только тысячи лицъ, но и цѣлые поселки», утверждаемая «Пет. Аг.», производитъ впечатлѣніе большой невѣроятности. Одно изъ двухъ: или вообще у страха глаза велики, и «Пет. Аг.» рекламируетъ средства революціи гораздо болѣе широкими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ были; или, если революція обладаетъ такими средствами, то они предназначаются ею отнюдь не для мирныхъ жителей, которымъ грозитъ ими «Пет. Аг.», и тогда угроза теряетъ все свое значеніе. Во всякомъ же случаѣ, достовѣрно одно: при всей своей «массѣ оружія и взрывчатыхъ веществъ» революціонеры не обращали оружія на мирныхъ жителей и не взрывали ихъ домовъ. Что же касается дубасовской шрапнели, бомбардировки и, наконецъ, просто поджога домовъ (сытинская типографія),—объ этомъ могутъ наилучше свидѣтельствовать дома Гиршмана, Коровина, Сытина и т. д. до безконечности — въ гор. Москвѣ. Они — налицо, и тѣмъ болѣе краснорѣчиво говорятъ своими, какъ выразился на-дняхъ одинъ реакціонный журналъ, «небольшими дырами, свидѣтельствующими о незначительной величинѣ снарядовъ», что хозяева ихъ— отнюдь не революціонеры и даже не укрыватели или сочувственники революціонеровъ, а г. Гиршманъ, напримѣръ, имѣетъ въ Москвѣ репутацію самаго оголтѣлаго черносотенца. Итакъ, будемъ судить то, что есть въ дѣйствительности, и остережемся отъ суда надъ тѣмъ, что кто думалъ, намѣревался и т. п. Вѣдь даже чтеніе по фактамъ—занятіе не очень-то легкое и опредѣленное, такъ ужъ что углубляться въ чтеніе въ сердцахъ! Занятіе это и не вѣрное, и мало положительное, а, главное, оно совсѣмъ не пользуется сочувствіемъ и вниманіемъ общества. Настолько, что — разъ органъ политической информаціи

проявляетъ тенденцію къ нему—общество уже не вѣритъ такому органу ни въ единомъ словѣ, а въ каждомъ словѣ сомнѣвается. Вотъ, напримѣръ, «Пет. Аг.» успокаиваетъ публику: «если правительство не сообщаетъ подробностей объ этихъ арестахъ (революціонеровъ), то оно имѣетъ къ тому основанія». Неужели?! Какъ лестно узнать! Почти столько же, какъ услыхать, что opium facit dormire, quia in eo est virtus dormitiva. Правительство не сообщаетъ основанія арестовъ, потому что оно имѣетъ основанія не сообщать. Но реваншемъ тому не явится ли столько же основательный, хотя и совершенно обратный тезисъ: а общество спрашиваетъ у правительства основаній къ арестамъ, потому что имѣетъ основанія оныя основанія знать.

«Пет. Аг.» толкуетъ «о безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ революціонеровъ» въ такомъ жалобномъ тонѣ, что невольно приходится повторить вопросъ, которымъ я началъ: да кто же кого побѣдилъ, и кто кого обижаетъ?! Революцію побѣдили, или революція побѣдила? Если ее, то —что же на нее плакаться—такъ сказать, «спустя лѣто по малину»: побѣдили,—и торжествуйте! радуйтесь! «Громъ побѣды, раздавайся!» Vae victis! какъ водится,—ну, и шабашъ! А то—побѣдители и вдругъ жалуются: ахъ! эти побѣжденные настолько моветоны, что совсѣмъ отъ нихъ житья нѣтъ... Смущеніе дубасовской побѣды, издающей трагикомическіе вопли по адресу побѣжденныхъ, бросаетъ въ обывательскіе умы искры самыхъ страшныхъ недоумѣній и—увы!—въ концѣ концовъ, какъ будто пахнетъ даже клеветой... При всей ненависти реакціонной печати къ революціонерамъ, она не изобрѣла до сихъ поръ ни единаго факта насильственныхъ дѣйствій, который въ революціи русской не опредѣлялся бы исключительно естественною обороною воюющей стороны. Полицейскій, сыщикъ, жандармъ, солдатъ, назначенный въ распоряженіе первыхъ трехъ, убивали, ловили, ссылали, заточали революціонеровъ,—революціонеры платили тою же монетою по-

лицейскому, сыщику, жандарму, солдату, имѣвшему несчастіе попасть къ первымъ tремъ въ распоряженіе. Война безчеловѣчна вообще, и опять скажу: à la guerre, comme à la guerre. Сосчитайте въ лѣтописи послѣднихъ 40 лѣтъ жертвы, погибшія въ рядахъ революціи, и сравните ихъ съ численнымъ количествомъ жертвъ, погибшихъ отъ руки революціи: тогда—повернется ли даже у «Пет. Аг.» языкъ переносить обвиненіе въ безчеловѣчіи справа налѣво? Я имѣю въ виду только параллели смертей, а не говорю уже о военноплѣнныхъ въ каменныхъ мѣшкахъ Петропавловки и Шлиссельбурга, о Сибири, Пинегѣ, Мезени... «Революціонеры при столкновеніяхъ съ войсками не щадятъ ихъ жизни». Въ томъ-то и дѣло, что даже это увѣреніе—голая неправда. И лучшее тому доказательство, что, имѣя, по словамъ «Пет. Аг.», средства рвать городъ на воздухъ цѣлыми кварталами, московскіе революціонеры ни разу не прибѣгли къ этой жестокой возможности, предоставивъ практику массовыхъ убійствъ шрапнели «адмирала кремлевскаго флота» и распущенности драгунъ, которые стрѣляли наобумъ даже въ толпу мирныхъ газетчиковъ, пришедшихъ къ Николаевскому вокзалу получить съ поѣзда... «Новое Время»!

Въ сообщеніи «Пет. Аг.» есть одна правда: «войска существуютъ не для того, чтобы революціонеры испытывали на нихъ свои смертоносныя орудія». Справедливость этого глубокомысленнаго афоризма не поколебима, отъ него не отказался бы самъ Козьма Прутковъ, и я думаю, что онъ будетъ имѣть фурорный успѣхъ даже среди тѣхъ революціонеровъ, противъ которыхъ онъ грозно направленъ. Дѣйствительно, — государственное предпріятіе обосновать столь важный институтъ, какъ войско, исключительно на мотивѣ дать революціоннымъ смертоноснымъ орудіямъ подходящій объектъ испытанія, представлялось бы не весьма благоразумнымъ и цѣлесообразнымъ. Не говорю уже о той возможности, что—какими же функ-

ціями было бы облечено, при подобныхъ условіяхъ, войско въ тѣхъ государствахъ, гдѣ революціи нѣтъ въ наличности и даже не предвидится въ будущемъ? Но,—исходя изъ закона цѣлесообразности, который такъ уважаетъ «Петербургское Аген.»,—и, становясь на отправный пунктъ «Петербургскаго же Агентства», я позволяю себѣ утверждать, по его примѣру и параллельно ему, что—столько же мало, какъ русское войско предназначено было предметомъ для испытанія разрушительныхъ снарядовъ революціи,—столько же мало и русское обывательство предназначено быть предметомъ для разрушительныхъ снарядовъ адмирала кремлевской эскадры. И если два испытанія столкнулись съ такою грозною выразительностью, то, конечно, не огромному и бронированному Голіаѳу плакаться и кукситься предъ пращею маленькаго и чуть не голаго Давида... Развѣ что Голіаѳъ хорошо памятуетъ исторію предковъ и вспоминаетъ, что пращи бываютъ премѣткія, и на ихъ сторонѣ — всегда сочувствіе толпы, чортъ бы ее побралъ!..

IX.

Фигура графа С. Ю. Витте утратила добрую половину своей загадочности и многое стало въ ней простымъ и яснымъ—со вчерашняго дня - благодаря «Политическимъ бесѣдамъ» въ «Нов. Вр.», подробно опровергающимъ нѣмецкое происхожденіе графа. Правду сказать, и отрицать было нечего: кто хоть однажды видѣлся и говорилъ съ г. Витте, непремѣнно долженъ признать, что—чѣмъ, чѣмъ другимъ, а нѣмцемъ въ его «явленіи» не пахнетъ. У него и говоръ-то—не только русскій, но даже городской типическій, мѣщанскій русскій. Онъ говоритъ: «ходить», «глядить», «хочеть» и т. д.—тѣмъ характернымъ произношеніемъ, по которому въ человѣкѣ сюртука узнается человѣкъ чуйки,

и котораго нѣмецъ, хоть сто лѣтъ его руссифицируй, не въ состояніи усвоить себѣ никакимъ трудомъ. Но обстоятельность—никогда не лишняя. О происхожденіи графа произведено личное дознаніе—съ большою строгостью и отчетливостью. Изъясняются кровныя и по брачному свойству связи графа съ разными коренными русскими знаменитостями, и въ результатѣ, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, доказано съ несомнѣнностью, что Сергѣй Юльевичъ—не только русскій, но и—какъ хвалился Карлуша въ каратыгинской «Булочной»—«самый кровавый русскій». По личному свидѣтельству графа, онъ даже «совсѣмъ не говоритъ по-нѣмецки». Признаніе — радостное, но, надо сознаться, не безъ плагіата, или, по крайней мѣрѣ, рокового совпаденія. Это—въ «Игрокахъ» Гоголя Кругель возражаетъ Утѣшительному:

— Ну, ты, нѣмецъ!

— Какой я нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

Такимъ образомъ, гр. Витте имѣетъ полное родословное право украшать собою русскую націю наравнѣ съ Кругелемъ, коего, кстати, онъ очень напоминаетъ въ политикѣ проворствомъ рукъ и изяществомъ пріемовъ игры. Такъ что—если въ «Игрокахъ» подставить вмѣсто Кругеля Витте, а въ министерствѣ вмѣсто Витте Кругеля, то, пожалуй, мало кто замѣтитъ разницу. Оба не нѣмцы: у обоихъ—«дѣды нѣмцы, да и то не знали по-нѣмецки»; оба съ такимъ завиднымъ совершенствомъ владѣютъ картами своей игры, что—какую когда надо масть, ту они вамъ на рукахъ и покажутъ; оба имѣютъ въ запасѣ волшебно подтасованныя колоды, предъ которыми спасуетъ даже пресловутая ихаревская «Аделаида Ивановна». Освѣтивъ одною фразою родственную близость свою къ Кругелю, гр. Витте сразу объяснилъ, почему его политика имѣетъ 52 фаса, по числу недѣль въ году; теперь мы съ достовѣрностью освѣдомлены, что эта политика совсѣмъ не политика,—она только кажется,

будто политика, а на самомъ-то дѣлѣ не политика, но мастерски подобранная «Аделаида Ивановна». И, какія бы политическія заковыки ни посылались партнерами подъ г. Витте, онъ сейчасъ же вывернетъ изъ «Аделаиды Ивановны» тотъ самый козырь, который ему требуется, и побѣдоносно кроетъ заковыку и пишетъ мѣломъ на зеленомъ сукнѣ новый выигрышъ.

Вчера «Аделаида Ивановна» помогла графу побить тузомъ большую и ехидную карту, подброшенную ему «Московскими Вѣдомостями», съ тою грубою полицейскою откровенностью, что такъ характерна и для демагогической пропаганды, и для сыска и допроса съ пристрастіемъ, составляющихъ credo этой газеты. Извѣстно, что любимый спортъ и политическая спеціальность «наслѣдниковъ Каткова»—приводить ближнихъ своихъ къ присягѣ: денно и нощно, встрѣчнаго и поперечнаго, мужчинъ и женщинъ, взрослаго и малаго. Нѣкогда «Московскія Вѣдомости» прославили себя требованіемъ вторичной присяги самодержавію—сперва отъ журналистовъ, заподозрѣнныхъ ими въ революціонномъ образѣ мысли, затѣмъ,—аппетитъ разгорѣлся!—отъ всѣхъ обывателей вообще и, наконецъ, теперь,—уже совсѣмъ войдя въ азартъ!—отъ «главы правительства», премьеръ-министра, его сіятельства графа С. Ю. Витте. Сергѣю Юльевичу былъ поставленъ вопросъ въ упоръ: манифестъ 17 октября ограничилъ ли самодержавіе въ Россіи и, если нѣтъ, то не угодно ли будетъ вамъ изъяснить, како вы о самодержавіи мыслите вообще, а въ данное, жуткое для него, время въ особенности?

Карта была огромная, и какъ правый, такъ и лѣвый глазъ русскаго общества, съ одинаково тревожнымъ ожиданіемъ, устремились на великаго банкомета; какъ правое, такъ и лѣвое ухо съ одинаковымъ любопытствомъ насторожились выслушать, что «промолвятъ вѣщія уста для радости и вдохновенья». Но «Аделаида Ивановна» не дрогнула въ рукахъ могучаго игрока,—выдержала испытаніе

съ честью. Графъ сказалъ много и не сказалъ ничего. Отвѣтилъ на все, не отвѣтивъ никому. Проплылъ тихою струею между Сциллою и Харибдою и по бритвѣ перешелъ черезъ уготованную ему пропасть.

Разъ манифестъ 17 октября—актъ конституціонный, то—естественный выводъ: конституція имъ учреждена, а самодержавіе уничтожено. Разъ самодержавіе манифестомъ 17 октября не уничтожено, то—естественный выводъ: никакой конституціи въ Россіи нѣтъ, и манифестъ не былъ актомъ конституціоннымъ. Ни того, ни другого вывода графу Витте, какъ творцу «Аделаиды Ивановны», именуемой русскою конституціей, принять не хочется, ибо—не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. И вотъ, повертѣвъ «Аделаидою Ивановною», новѣйшій Кругель нашей политики выбросилъ-таки свой козырь. Онъ ударился въ филологію, археологію, палеографію, съѣздилъ въ гости къ монголамъ и полякамъ, вызвалъ тѣни Ивана Третьяго и Михаила Ѳедоровича и, въ концѣ концовъ, во-истину завидно восторжествовалъ надъ жалкою логикою прямыхъ посылокъ. Манифестъ 17 октября,— графъ любезно бросаетъ изъ «Аделаиды Ивановны» карту направо: былъ конституціонный, но укрѣплялъ самодержавіе; самодержавіе,—графъ любезно бросаетъ изъ «Аделаиды Ивановны» карту налѣво: не ограничено манифестомъ 17 октября, но самое самодержавіе не слѣдуетъ понимать, какъ институтъ неограниченной власти монарха. Словомъ, стараніями гр. Витте установлено, къ благополучію отечества, политическое нѣчто «обоего пола», которое ограничено, будучи неограниченнымъ, и укрѣпится въ неограниченности, буде его ограничатъ... Уфъ! Позвольте отдохнуть: послѣ фантастической болтовни морскихъ котовъ въ «Фаустѣ» на кухнѣ вѣдьмы, ни одна рѣчь историческая не противопоставляла логическому анализу столько загадокъ, какъ декларація С. Ю. Витте о его самодержавной конституціи или конституціонномъ самодержавіи. Шекспиръ назвалъ бы его

объясненіе—горячимъ снѣгомъ или знойною зимою. Мы—не Шекспиры, а, потому, говоря слогомъ среднимъ, обывательскимъ, скажемъ просто:

— Это—карта изъ «Аделаиды Ивановны»!

Толкованіе графомъ Витте титула «самодержецъ»—верхъ діалектическаго искусства. Друзей самодержавія оно убѣждаетъ, что титулъ самодержца органически не можетъ быть уничтоженъ какими бы то ни было конституціями, ибо понятіе самодержавія опредѣляется, по гр. Витте, не внутреннимъ характеромъ верховной власти, но внѣшними признаками ея независимости и самостоятельности. Врагамъ самодержавія оно доказываетъ, что титулъ самодержца—такая малая условность въ конституціи, что—стоитъ ли изъ-за нея огородъ городить и сырому бору горѣть? Маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію! Вѣдь самодержцами государи именуются «въ удостовѣреніе того, что они верховенствуютъ надъ отечествомъ на правахъ самостоятельныхъ правителей внѣ зависимости отъ чьихъ-либо народовъ и коронъ». Читатель могъ бы возразить графу Витте, что подъ столь удивительное опредѣленіе самодержца съ удобствомъ подходятъ не только такіе грозные автократы, какъ напримѣръ Викторъ Эмануилъ Итальянскій, Альфонсъ Испанскій, Петръ Сербскій, Леопольдъ Бельгійскій, но даже президенты республикъ, какъ Лубэ и Рузвельтъ, потому что они тоже «верховенствуютъ надъ отечествомъ на правахъ самостоятельныхъ правителей, внѣ зависимости отъ чьихъ-либо народовъ и коронъ». По крайней мѣрѣ мнѣ не случалось слыхать, чтобы подпись Эмиля Лубэ требовала ратификаціи негуса Менелика и Рузвельтъ правилъ Соединенными Штатами по довѣренности отъ императора Вильгельма. Правыя партіи могутъ ликовать: ихъ полку неистово прибыло! Вся Америка и Европа, по открытію графа Витте, покрылась самодержцами, словно 1848 года не было и въ поминѣ,—и на всемъ европейскомъ материкѣ единственнымъ консти-

туціоннымъ исключеніемъ остается покуда горемычный Фердинандъ Болгарскій, ибо онъ правитъ княжествомъ на правахъ не самостоятельнаго правителя, но въ зависимости отъ народовъ турецкихъ и короны султанской. Ахъ, «Аделаида Ивановна»! великолѣпнѣйшая, несравненнѣйшая, изобрѣтательнѣйшая «Аделаида Ивановна»!

Но читатель ничего не возражаетъ. Онъ удивленъ, изумленъ, ослѣпленъ, оглушенъ, подавленъ пролетающимъ предъ нимъ фейерверкомъ: изъ «Аделаиды Ивановны» летятъ предъ нимъ двойки, тройки, дама, валетъ, тузъ... и—улыбающійся г. Витте учтиво глядитъ ему въ глаза и говоритъ съ ласковымъ сожалѣніемъ:

— Вы, кажется, играли на красную масть? Ваша карта бита... А вы—на черную? Ваша карточка тоже—ау!.. Вамъ угодно идти va banque? Принимаю отвѣтный... рискъ—благородное дѣло!.. Выручай, выручай, «Аделаида Ивановна»!

Карта, которую графъ Витте считаетъ рѣшительно побитою въ красной масти налѣво, называется Учредительнымъ Собраніемъ. Онъ не допускаетъ мысли ни о замѣнѣ Государственной Думы Учредительнымъ Собраніемъ, ни о превращеніи Думы въ Учредительное Собраніе. По мнѣнію графа Витте, въ Россіи нечего уже учреждать и собирать: онъ все уже учредилъ и собралъ. Такая Калита! Вся политическая мудрость вѣка заключена для него въ манифестѣ 17-го октября. «Ни шага отъ манифеста 17-го октября ни впередъ, ни назадъ! Предъ вами есть только одинъ руководящій законъ: точный и буквальный смыслъ манифеста 17 октября!» Все остальное—отъ лукаваго и явится «просто революціоннымъ сборищемъ, подлежащимъ упраздненію». Я знавалъ много отцовъ, влюбленныхъ въ чадъ своихъ, но все же—не до такого безграничнаго восторга, какъ г. Витте—въ рожденный имъ манифестъ 17 октября. Этотъ манифестъ представляется ему совершенствомъ изъ совершенствъ: «никогда ни одна страна

не видѣла ничего подобнаго»,—въ немъ задатки всѣхъ благъ политическихъ и соціальныхъ на цѣлые вѣка нашего будущаго. Г. Витте, повидимому, совершенно увѣренъ, что родилъ цѣлый грядущій міръ, и любуется имъ съ самовосхищеніемъ... Такъ, Адамъ, произведя на свѣтъ Каина, былъ тоже очень много доволенъ и тоже мыслилъ о немъ: «вотъ какой я молодецъ! взялъ, да и родилъ весь родъ человѣческій»! А родился-то только Каинъ. .

У отцовъ, влюбленныхъ въ чадъ своихъ, эти послѣднія оказываются обыкновенно большими неудачниками. Не избѣгла судьбы своей и самодержавная конституція 17 октября. Г. Витте поставилъ ее на четыре номинальныя свободы, которыя уже много разъ сравнивались и съ колесами телѣги, и съ ногами у лошади. Увы! фактически конституція 17 октября воспользовалась своими четырьмя конечностями именно только для того, чтобы униженно стать на четвереньки. На спину ей вскочилъ бойкимъ наѣздникомъ г. Дурново... и возитъ она г. Дурново, какъ покорная, взнузданная лошадь, куда тотъ шпорами и нагайкою направитъ, а, буде «конституція» задумаетъ одною изъ ногъ брыкнуть, то сзади, неусыпно усердствуя, бѣгутъ Дубасовы, Каульбарсы, Скалоны, Соллогубы, мужи, не щадящіе лозы на отроча и всегда готовые преломить ему ребра.

Я уже имѣлъ случай говорить о беллетристическомъ элементѣ въ политическомъ творчествѣ С. Ю. Витте. Сейчасъ талантливый сочинитель замѣтно находится подъ вліяніемъ такъ называемой сатанической школы и поетъ все предметы мрачные и ужасные. Третьяго дня—динамитъ, вчера—будущую бурю и грозу, которою пройдетъ по Россіи Манчжурская армія. Графъ рѣзко отрицаетъ анархическую дезорганизацію и деморализацію Манчжурской арміи, о которыхъ прошли въ послѣднее время упорные слухи. Въ подобномъ плачевномъ состояніи, по словамъ С. Ю. Витте, находятся всего 30 проц. арміи—

резервисты, стоящіе въ тылу. Конечно, 30 проц. лучше, чѣмъ 100 проц... Однако, все-таки, 30 проц.!.. И, при томъ, философическое замѣчаніе во вкусѣ Хомы Брута:—Что есть тылъ? И не становится ли тыломъ даже авангардъ, возвращаясь въ тѣ мѣста, откуда тылъ уже возвратился?... Отъ души желаю вѣрить графу Витте въ его аттестаціи Манчжурской арміи, какъ войска, прекрасно дисциплинированнаго, но печальные разсказы возвращающихся очевидцевъ и тѣ «самовольные поѣзда»,—которые одинъ за другимъ мчатся теперь черезъ Сибирь въ Россію, не желая знать встрѣчнаго движенія, не считаясь ни съ техникою, ни съ опасностями пути, лишь бы поскорѣе домой! домой!—эти поѣзда заставляютъ меня заподозрить беллетристику С. Ю. въ чрезмѣрномъ оптимизмѣ. Боюсь, что въ картинахъ благосостоянія Манчжурской арміи повинна не столько административная освѣдомленность премьеръ-министра, сколько творческая фантазія родственника знаменитыхъ дамъ писательницъ, какъ-то Зинаиды Р—вой (Ганъ), Желиховской и Блаватской.

Кстати, о послѣдней. «Новое Время» характеризовало ее, какъ спиритку и великую фокусницу. Вторая отмѣтка совершенно справедлива, но въ первой есть неточность. Блаватская была не спиритка, но теософка, съ путаннымъ религіознымъ ученіемъ, заимствованнымъ изъ буддизма и браманизма, въ довольно нескладной, но часто остроумной смѣси. Она преталантливо налгала нѣсколько занимательныхъ томовъ о магатмахъ, іогги, веддахъ, курумбахъ и прочихъ неудобозапоминаемыхъ словахъ индійскаго происхожденія, съ успѣхомъ обращая магатмъ, іогги и курумбовъ въ золотую валюту и приводя въ отчаяніе парижскихъ полицейскихъ комиссаровъ своею ловкостью скользить по границѣ уголовщины, оную не переступая... Какая пестрая, грандіозная и истинно русская эволюція знаменитой семьи, имѣющей на лѣвомъ своемъ флангѣ

тѣнь Блаватской, а на правомъ — такого архи-магатму высшей политики, какъ Сергѣй Юльевичъ Витте! Грандiозны и контрастъ, и параллельный ростъ двухъ столь разныхъ, но все-таки родственныхъ вѣтвей отъ общаго корня... Когда мы, въ далекомъ Парижѣ, говорили однажды о родствѣ С. Ю. Витте съ Е. П. Блаватскою, мой молодой, но уже оккультическiй другъ, поэтъ Максъ Волошинъ, разслабленно щурилъ таинственные глаза, вздыхалъ и восклицалъ умирающимъ голосомъ:

— Это очень интересно! клянусь вамъ: это — мистическое!..

X.

Капище.

Когда въ Петербургѣ на частной квартирѣ или въ торговомъ помѣщенiи соберется 10—15 человѣкъ поговорить о своихъ дѣлахъ, шестнадцатымъ приходитъ старшiй дворникъ — предупредить, что лучше молъ разойдитесь честь-честью, а то позову полицiю, пущай васъ перепишетъ. Когда въ Москвѣ на улицѣ сойдутся пять-шесть знакомыхъ, проѣзжiй патруль имѣетъ право стрѣлять по нимъ, какъ по злонамѣренному скопищу, и бывали случаи, что стрѣлялъ и убивалъ. Доказываютъ ли, однако, безпардонные факты эти, хотя и выразительные, что въ Россiи не существуетъ свободы собранiй, и правительство рѣшило прекратить въ отечествѣ нашемъ даже самыя первобытныя проявленiя общительности человѣческой? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, потому что третьяго дня я самъ былъ очевидцемъ собранiя не менѣе, какъ въ полторы тысячи участниковъ,— при чемъ, говорили мнѣ, собранiе это дѣйствуетъ ежедневно, съ часа дня до пяти часовъ утра, при постоянной смѣнѣ посѣтителей,—и полицiя не только не разогнала крамоль-

ной толпы, но даже на подъѣздѣ привѣтствовала входящихъ дружескими улыбками и веселыми лицами. Каждый городовой, а наипаче околоточный смотрѣли такъ ласково и нѣжно, точно говорили безъ словъ:

— Нашъ еси, братъ Исакій! Воспляши съ нами!

И не думайте, что это было собраніе партіи правового порядка, союза русскихъ людей или какой-либо другой псевдонимной опричнины. Это былъ просто—Петровскій клубъ, новый типъ игорнаго дома, которымъ позорно обзавелся веселящійся Петербургъ, подъ унылый шумъ несчастной войны, подъ трагическій грохотъ революціи, среди стоновъ разоренной, ограбленной, голодной, разстрѣлянной Россіи. Пять лѣтъ назадъ, я что-то не припомню въ Петербургѣ подобныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, настолько откровенныхъ и такъ на широкую ногу. Въ настоящее время они разбросаны по всѣмъ частямъ столицы, дѣлаютъ одинаково блестящія дѣла, имѣютъ одинаково многолюдную кліентуру, и Петровскій клубъ, который я удостоился обозрѣть, лишь наиболѣе типическій и преуспѣвающій экземпляръ этихъ изумительныхъ плевеловъ, столь неожиданно и недостойно выращенныхъ нашею общественною нивою, подъ грозами и непогодами смутнаго времени, на почвѣ, только что политой народной кровью.

— Вы должны видѣть Петровскій клубъ,—говорилъ мнѣ товарищъ,—потому что истинно говорю вамъ: ничего подобнаго вы еще не видали въ жизни вашей... Для человѣка, ищущаго опредѣлиться въ современныхъ настроеніяхъ Петербурга, это—цѣлое откровеніе характеристикъ!

Отправились смотрѣть откровеніе характеристикъ. Было около восьми часовъ вечера. Входъ въ клубъ—общій съ театромъ «Фарсъ», и я думалъ, что толпа, наполняющая сѣни, это—зрители, пришедшіе упиваться «Доппингомъ» и «Звуками Шопена». Оказалось — нѣтъ: предъ нами была, какъ сказалъ бы покойный Н. С. Лѣсковъ, «ажидація» чающихъ движенія подъемной машины, чтобы возне-

стись на пятый этажъ Елисѣевскаго дома, гдѣ засѣлъ, Соловьемъ-разбойникомъ на семи дубахъ, этотъ пресловутый и любопытнѣйшій Петровскій клубъ. Лифтъ работаетъ непрерывно, какъ perpetuum mobile, двоихъ выбрасываетъ, двоихъ принимаетъ,—замѣчательно правильный обмѣнъ веществъ въ прожорливомъ организмѣ клуба, на смѣну каждому выпустошенному карману немедленно поглощающемъ въ себя новый карманъ, свѣжій и полный! И такъ-то съ часа дня до пяти утра! Шестнадцать часовъ непрерывной смѣны охотниковъ потерять свои деньги! И еще говорятъ, будто Петербургъ обнищалъ... Нѣтъ, и для нашихъ тяжелыхъ временъ, полвѣка спустя, остаешься правъ ты, старикъ Василій Степановичъ Курочкинъ:

— Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло,
На безобразіе есть...

Пришла наша очередь вознестись на лифтѣ. Возносимся и попадаемъ въ какое-то чистилище шубъ. Ни на колоссальныхъ митингахъ Трокадеро, ни на спектакляхъ Шаляпина не бываетъ такой раздѣвальной толкучки. Мы ждемъ, по крайней мѣрѣ, семь, если не всѣ десять минутъ, не только возможности, но и позволенія снять верхнее платье, потому что прислуга смотритъ на гостей свысока, и въ воздухѣ висятъ грубыя фразы грубыхъ голосовъ:

— Подождете!

— Некуда мнѣ вѣшать: всѣ номерки вышли.

— Постойте тутъ, покамѣстъ номерокъ освободится.

— Другіе ждутъ, и вы можете ждать.

Сразу чувствуется большая лакейская пресыщенность, слышны наглые тона зазнавшагося холуя, который знаетъ, что служитъ въ мѣстѣ зазорномъ и, слѣдовательно, приходящую туда публику уважать ему не за что, а за двугривеннымъ господскимъ онъ не гонится, потому что шестнадцать часовъ въ сутки двугривенные-то эти сыпятся

безъ перерыва. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣшальщики Петровскаго клуба и зарабатываютъ, и обезпечены доходомъ гораздо больше, чѣмъ девять десятыхъ изъ тѣхъ, съ кого они снимаютъ шубы подъ номерки.

Наконецъ, освободились отъ шубнаго мытарства. Идемъ.

— Кто же насъ рекомендуетъ? Я не знаю никого изъ членовъ.

— Какія тутъ рекомендаціи! Ничего не надо: упрощенный порядокъ производства... Заплатимъ по полтиннику за входъ—только и всего!

— Это въ клубъ-то?

— Звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ, такъ клубамъ и Богъ велѣлъ...

Взяли билеты по полтиннику. У столика, однако, распорядитель опрашиваетъ:

— Ваша фамилія?

— Петровъ,—не моргнувъ глазомъ, отвѣчаетъ мой товарищъ, который столько же Петровъ, сколько я — адмиралъ Дубасовъ. Я смотрю на него дико, а распорядитель пишетъ Петрова.

— А ваша?—обращается онъ ко мнѣ.

Я раскрываю ротъ, чтобы отвѣтить, но товарищъ быстро предупреждаетъ:

— Тоже Петровъ... Братья!

Спрашиваю затѣмъ:

— Послушайте, къ чему этотъ маскарадъ фамилій?

— Кто же въ подобные клубы ходитъ подъ своимъ именемъ? Да, я больше для васъ это. Вы—журналистъ. Сдѣлается извѣстнымъ, что вы здѣсь, распорядители шепнутъ тому, другому, третьему, — публика станетъ стѣсняться, и вы не увидите клуба во всей его прелести...

Прелесть дышетъ намъ навстрѣчу, дѣйствительно, одуряющая. Я видѣлъ игру въ Монте-Карло, въ Ниццѣ, но картины, которая намъ теперь предстала, не могъ бы

вообразить по тѣмъ заграничнымъ примѣрамъ! Представьте себѣ черную стѣну людей, стоящихъ плечомъ къ плечу, подъ густымъ облакомъ табачнаго дыма, въ температурѣ градусовъ на 25 Реомюра, въ духотѣ и вони тѣлъ, азартно прѣющихъ шестнадцать часовъ въ сутки,—тутъ всякая вентиляція спасуетъ, въ отравленномъ вертепѣ этомъ! Тридцать пять столовъ, называемыхъ серебряными, гдѣ ставка отъ рубля, и пять или шесть золотыхъ, гдѣ ставка отъ 5 рублей—отъ маленькаго золотого, который въ мірѣ игроковъ, въ честь супруги графа Витте, какъ изобрѣтателя русской золотой валюты, слыветъ «матильдоромъ» или просто «матильдою». Такъ какъ въ настоящее время г-жа Витте приняла православіе и называется уже не Матильдою, но Маріею, то суждено исчезнуть и ходовымъ нѣжнымъ кличкамъ этимъ. А, впрочемъ, кажется, суждено одновременно изчезнуть и предмету, къ которому относились нѣжныя клички: съ удивительною быстротою уплываетъ золото изъ обихода петербургскаго обывателя, и опять засинѣли, закраснѣли, зазеленѣли въ кассахъ давно невиданныя бумажки...

Всѣ столы окружены тройнымъ или четвернымъ кольцомъ толпы, сквозь которую надо грубо проталкиваться, чтобы видѣть игру. Вѣжливость здѣсь приходится бросить. Каждый входящій въ игру платитъ три рубля за мѣсто. И всѣ стоящіе нетерпѣливо вожделѣютъ очереди заплатить трехрублевый выкупъ,—за право уйти черезъ полчаса съ пустымъ бумажникомъ, что называется, безъ штановъ... Посчитайте же опять: что даетъ клубу шестнадцатичасовая смѣна игроковъ на сорока столахъ, оплачиваемая трехрублевымъ взносомъ, ну, хоть каждый часъ, что ли, и при четырехъ игрокахъ! Доходъ клуба достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ ежедневно, и арендаторъ помѣщенія, — увѣрялъ меня свѣдущій человѣкъ, мѣстный завсегдатай, —выручаетъ въ мѣсяцъ 50.000 рублей. Какой промыселъ, какая торговля можетъ сравниться доходностью съ этою пакостною

ямою, снимающею сливки съ петербургскаго картежнаго порока? Передъ этими «источниками водными» смиренно блекнутъ даже тѣ объявленія объ амурной куплѣ и продажѣ человѣческаго тѣла, которыми украсилась въ послѣднее время петербургская пресса,—увы! единственно симъ своеобразнымъ новшествомъ празднуя свободу печати, обрѣзанную графомъ Витте и П. Н. Дурново не только до второй, но даже до третьей чистоты: состояніе, когда червонецъ становится стоимостью въ гривенникъ! Вчера, въ воскресенье, напримѣръ, подобныя объявленія заняли въ «Новомъ Времени» два столбца. Столбецъ «Новаго Времени» имѣетъ около 200 строкъ петита, оплачиваемаго объявителями по 20 копѣекъ отъ строки. Итого 180 рублей въ день—отъ дамы, которая «счастіе дала бы тому, кто меня будетъ любить и баловать, какъ красиваго ребенка», отъ дамы, которая, «разводясь съ мужемъ, желаетъ познакомиться съ состоятельнымъ господиномъ, бодрымъ и веселымъ», отъ «интеллигентной дѣвушки», желающей «по убѣжденію гражданскаго брака», отъ кандидатовъ въ содержанцы, отъ кандидатокъ въ содержанки, отъ свахъ, которыя свахи, и отъ свахъ, которыя сводни. Сто восемьдесятъ рублей—хорошія деньги, на полу ихъ не подымешь, но все же не тысячи Петровскаго клуба! Торговля развратомъ—промыселъ доходный, но торговля азартомъ—прибыльнѣе, и карты приносятъ большій процентъ, чѣмъ женское тѣло... Остается ожидать, что и картежная отрасль доходности не замедлитъ привлечь къ себѣ вниманіе газетныхъ предпринимателей, и, какъ теперь мы видимъ столбцы политическихъ газетъ обращенными въ бюро по пособничеству играмъ Венеры, такъ увидимъ и принадлежащіе политическимъ газетамъ, либо покровительствуемые оными, игорные дома. Тѣмъ болѣе, что оба промысла стоятъ въ тѣсномъ сосѣдствѣ и разстояніе отъ maison de passe къ игорному дому столь же легко переходимо, какъ отъ игорнаго дома—къ maison

de passe. И—«смѣшивать два эти ремесла есть тьма охотниковъ»...

Въ залахъ Монте-Карло тягостное впечатлѣніе игры все-таки разбивается нѣсколько великолѣпіемъ обстановки и громадностью помѣщенія. Толпа нарядная, шикарная, старается быть корректною, порокъ вызолоченный, одѣтый въ брилліанты, хоть и фальшивые по большей части. Гробъ съ гнилою трухою, но—гробъ повапленный. Въ петербургскихъ клубахъ-вертепахъ (меня увѣряютъ, будто Петровскій еще лучшій изъ нихъ) ничего не вапятъ: хамство порока, мрачное, тупое, одиноко замкнутое въ себѣ, глупо и безстыдно сосредоточенное въ одной азартной страсти, выступаетъ наголо, не заботясь объ эффектѣ своего обнаженія. Кто начитался книжекъ объ ужасах Монте-Карло, всегда бываетъ разочарованъ въ романтическихъ ожиданіяхъ, — ужасовъ-то тамъ, дѣйствительно, сколько хочешь, столько и найдешь, но они таятся на заднемъ планѣ, а на фасѣ—«слезы не встрѣтишь неприличной». Отъ петербургскихъ клубовъ-вертеповъ, вродѣ Петровскаго, никто ужасовъ не ожидаетъ, но толпа ихъ ужасна. Словно адская температура этихъ закопченныхъ, вонючихъ залъ выпариваетъ и заставляетъ выступать на лица всю нравственную грязь, покорствуя которой стекаются сюда эти тысячи людей, по платью какъ будто и интеллигентныхъ, и которую они такъ искусно прячутъ въ другое время не только отъ ближняго своего, но, можетъ быть, даже и отъ самихъ себя. Много женщинъ. Конечно, въ огромномъ большинствѣ, полусвѣтъ — въ откровенной или еще слегка маскированной самопродажѣ. Но достаточно и просто буржуазокъ, изъ мелкаго чиновничества или съ частныхъ бѣдныхъ службъ нашего жалкаго, русскаго женскаго труда. И на нихъ тяжело и страшно смотрѣть, потому что нѣтъ лица, не отмѣченнаго роковою печатью готовности къ болѣе или менѣе близкому паденію кувыркомъ. Все зависитъ отъ выигры-

ша и проигрыша. Нѣтъ женщины, къ которой незнакомому мужчинѣ было бы опасно подойти съ предложеніемъ:

— А вы, кажется, проигрываете? Не хотите ли, на счастье, взять меня въ компанію... на двадцать пять рублей?

Я смотрѣлъ на этихъ бѣдняжекъ—въ поту, съ развитыми чубами, съ полинялыми, въ красныхъ пятнахъ лицами, дикими глазами, то сухими, жадными, злыми, то заплаканными,—слѣдящихъ за прикупками экарте, и казалось мнѣ, что—вотъ: просидитъ она, злополучная и, можетъ быть, еще порядочная, въ клубѣ, пока не вычистятъ банкометы ея тощаго портмоне до яснаго бѣла, потомъ пріѣдетъ домой, прореветъ цѣлую ночь, уткнувшись въ подушку, ругая себя и дурою, и мерзавкою, и горемычною, а поутру встанетъ, выждетъ, какъ домашніе разойдутся по дѣламъ своимъ, да и напишетъ, со стиснутыми зубами, и понесетъ, и сдастъ въ «Новое Время» фатальное объявленіе:

«Молодая интеллигентная особа ищетъ знакомства съ солиднымъ, состоятельнымъ господиномъ симпатичной наружности. Discretion absolue!»

Какія-то одичалыя старухи, съ облысѣвшими лбами, тонкими пергаментными губами, съ безумно ядовитыми глазами вѣдьмы въ экстазѣ. Нахально красивыя лица сутенеровъ, благопристойнѣйшіе ростовщики, иконописный старецъ въ чуйкѣ и сапогахъ бутылками, бѣлорукіе шуллера, красномордые «дантисты»-вышибалы... И ни одного лица спокойнаго. Въ каждомъ сидитъ насмѣшливый, зудящій, властный чортъ-соблазнитель, съ миражами возможнаго срыва, пробы удачи и счастья,—чортъ-азартъ... «прыгай съ крыши, если можешь»!

— Жаль, что вы не играете,— говорятъ мнѣ.

— Не только не играю, но и органически непонятливъ и равнодушенъ къ картамъ... не знаю ни одной игры...

— Да... Если бы вы играли, то эта толпа больше ска-

зала бы вамъ... Теперь вы на нее со стороны смотрите, какъ чужой человѣкъ... А ее надо первомъ чувствовать, симпатіей...

— Взаимнаго позора, что ли?

Глядя на толпу, въ тѣснотѣ неспособную даже двигаться, кто-то замѣчаетъ:

— Удивительно еще, какъ ни одному жулику не пришла въ голову мысль крикнуть «пожаръ»... то-то воровство со столовъ началось бы въ давкѣ...

— Здѣсь, батюшка, и безъ «пожара» не зѣваютъ...

— Ловили?

— Сколько разъ.

— И какъ же поступаютъ?

— А никакъ. Сведутъ добраго молодца въ членскую, поговорятъ тамъ съ нимъ полчасочка по душамъ, да и отпустятъ; иди и впредь не грѣши...

Кто-то острить:

— Затѣмъ въ клубахъ и членскія комнаты заведены. Членскія, потому что тамъ ломаютъ члены!

— Да, вѣдь, не дѣйствуетъ,—все равно. Намедни одного молодца тутъ поймали, съ своею колодою... Ну, вывели съ позоромъ... Часа два спустя, ѣду я въ Охтенскій клубъ,—глядь, а онъ, голубчикъ, уже тамъ орудуетъ... Только и было результатовъ, что до Караванной доѣхать потрудился. Невзыскательный мы народъ, сударь вы мой. Очень снисходительны другъ къ другу...

— Это—что и говорить...

— Скажите, пожалуйста: выигрываетъ тутъ, по крайней мѣрѣ, кто-нибудь когда-нибудь?

— Конечно: выигрываютъ часто. Каждый день выигрыши. Иногда—тамъ, на золотыхъ столахъ,—даже крупными кушами. Бываетъ по три, по четыре тысячи на ударъ. Да—что же? Сегодня взялъ, завтра отдалъ. Въ общемъ же и въ концѣ концовъ, только банкъ выигрываетъ, да клубъ, да арендаторъ...

— Здѣсь и выигрывать-то опасно! Чуть повалитъ человѣку счастье, на него уже и косятся: не шулеръ-ли?.. Это — тоже система своего рода, чтобы банкъ не страдалъ...

Толпа игорнаго дома противна, но она и жалка, потому что несчастна. Чувствуется въ ней большое, злое, безхарактерное, глупое страданіе. Но весь игорный паразитизмъ, обсѣвшій эту толпу и питающійся ею, какъ травяная вошь, противенъ, безъ всякихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. И еще противнѣе онъ отъ самодовольнаго сознанія, что онъ, игорный паразитъ,—сила непреодолимая, ибо искусственно поддерживаемая и покровительствуемая. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ государствѣ обращеніе яхтъ-клуба въ открытый игорный домъ, гдѣ систематически раззоряется средній классъ общества, не вызвало бы вниманія и вмѣшательства администраціи и городского совѣта? У насъ—только рады: пусть дуются въ карты, по крайней мѣрѣ не будутъ заниматься политикою. И правы: отличное оттягивающее средство изобрѣли! «Дуйся въ карты, запасайся по совѣту министра 21-го января монополькою, потому что 22-го будутъ закрыты винныя лавки, обжирайся, лови дѣвокъ по маскарадамъ и невской панели, объявляй въ газетахъ о непремѣнномъ желаніи своемъ поступить на содержаніе къ пожилой богатой особѣ съ хорошимъ характеромъ, — ползай въ грязи, гдѣ хочешь, когда хочешь и такъ глубоко, какъ хочешь, но не смѣй думать, не смѣй понимать, что ты человѣкъ, и будто всѣ права человѣческія тебѣ не чужды. Живи въ царствѣ бубноваго туза и пиковаго короля и, не мечтая о революціяхъ, хрюкай хвалу имъ, во вкусѣ Беранжерова Навуходоносора». Странно и страшно подумать: въ такое жуткое время, какъ наше, требующее на службу народную всѣ силы, всѣ энергіи, всѣ способности, всѣ средства русскихъ образованныхъ классовъ,—въ первомъ и интеллигентнѣйшемъ городѣ го-

сударства,— по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ ежедневно ни о чемъ иномъ не думаетъ, какъ открыть девятку или осьмерку! Ни о чемъ не думаютъ, ничего не слушаютъ, не читаютъ, не понимаютъ, ничему не сострадаютъ, ничему не помогаютъ... Они живутъ дикарями въ странномъ и нелѣпомъ, изъ карточныхъ домиковъ построенномъ, мірѣ-миражѣ, гдѣ, за воздушными замками, не видать ни страданій, ни плановъ вѣка, нѣтъ ни насилій, ни революціи, ни баррикадъ, ни разстрѣловъ, не слыхать «ни человѣческаго стона, ни человѣческой слезы». Въ азартномъ отупѣніи они такъ унижены, что даже и не чувствуютъ уже своего униженія, и многимъ кажется почти за счастье, распутное животное счастье, ихъ одичалый позоръ. Вмѣсто совѣсти и мысли у нихъ— бредъ зеленымъ столомъ съ насыпанными пестрыми бумажками и желтымъ золотомъ, вмѣсто идеаловъ и надеждъ—карточныя масти, вмѣсто народа и отечества — дымное, грязное, вонючее капище!

Январь 1906.

МОСКВА.

Нравы[1]).

Вечерокъ княгини Насти.

I.

— Владиміръ Павловичъ, помните: вы дали слово! Я вамъ все... какъ передъ Богомъ! На васъ одна надежда... Вы должны, должны привезти мнѣ его завтра! Непремѣнно должны!

— Хорошо, Анна Васильевна, очень хорошо: и слышалъ, и запомнилъ. Будетъ исполнено. Вы же очень обрадуете меня, если уйдете въ комнаты, потому что здѣсь дуетъ, а вы разгорячились и кашляете сегодня гораздо больше, чѣмъ вамъ по штату полагается.

Анна Васильевна говорила сверху, съ лѣстничной площадки, перегнувшись черезъ перила, голосомъ высокимъ

---

[1]) Разсказы, объединенные подъ заголовкомъ „Москва", представляютъ собою отрывки изъ бытового романа, подъ тѣмъ же названіемъ, который я писалъ для покойной „Россіи", но, послѣ нѣсколькихъ напечатанныхъ главъ—долженъ былъ прекратить свою работу, „по независящимъ обстоятельствамъ". Теперь не до того, чтобы къ ней возвращаться.... Такъ, видно, и судьба ей остаться неконченною..... Ал. Ам.

1906.

и пронзительнымъ—такъ и жди: вотъ-вотъ онъ перейдетъ въ истерическіе выкрики. Владиміръ Павловичъ отзывался хриплымъ баскомъ изъ нижней прихожей, съ одышкою натягивая рукава мѣхового пальто: мужчина онъ былъ ширококостный и грузный.

Анна Васильевна нерѣшительно мялась у перилъ: ей хотѣлось еще говорить, жаловаться и плакать, но въ тонѣ Владиміра Павловича ей послышалось утомленіе ея долгими надоѣдливыми пенями.

— Въ самомъ дѣлѣ, что я ему съ моими слезами?— горько подумала она и, жалкимъ голосомъ провинившагося ребенка, сказала:

— Ну, хорошо, я уйду. До свиданія, до завтра.

— Да, до завтра. Мое почтеніе.

— Безпремѣнно у нихъ сегодня будетъ припадокъ,—тихо замѣтила горничная, которая подавала Владиміру Павловичу пальто. Онъ, не отвѣчая, буркнулъ себѣ подъ усы:

— Никѣмъ же не мучимы, сами ся мучаху...

— Что это, впрямь, Константинъ Владиміровичъ взяли себѣ какую дурную манеру,—фамильярно продолжала горничная,—не бываютъ по двѣ недѣли... шутка ли! Барыня убиваются,—вчужѣ жаль смотрѣть.

Владиміръ Павловичъ покосился на нее: дѣвушка была красивая, статная, нарядная: когда она говорила о своей жалости къ барынѣ, убивавшейся по безъ вѣсти пропавшемъ Константинѣ Владиміровичѣ, лукавая усмѣшка заставляла дрожать ея круглыя щеки, позолоченныя косымъ свѣтомъ лампочки, откуда-то сбоку, изъ-подъ лѣстницы. Владиміру Павловичу самому стало смѣшно, и онъ насупился, чтобы скрыть свою веселость.

— Ишь... рембрандтова фигура!—пробормоталъ онъ. Туда же—пронизируетъ!

Протянувъ толстую руку въ сѣрой замшевой перчаткѣ, онъ слегка ущемилъ пальцами вздернутый носъ горничной

и помоталъ ея головою изъ стороны въ сторону. Дѣвушка осторожно ахнула, высвободилась и затряслась отъ смѣха.

— Это—такое ваше невѣжество къ чему же должно обозначать?

Владиміръ Павловичъ наставительно отвѣчалъ:

— Такъ бываетъ со всякимъ носомъ, который суется, куда его не спрашиваютъ. До свиданія, mademoiselle Луша. Примите на память этотъ двугривенный—знакъ моего глубочайшаго къ вамъ уваженія. Если заѣдетъ кто изъ нашихъ и будетъ спрашивать, гдѣ Реньякъ, скажите, что у княгини Анастасіи Романовны,—тамъ меня и искать.

Бодрый конекъ-полукровка «своего» извозчика съ хорошей биржи, изъ солидныхъ полулихачей, быстро несъ Реньяка съ Остоженки по гладкому снѣжному пути бульварной линіи. Владиміръ Павловичъ—самъ человѣкъ половиннаго, уравновѣшеннаго разряда: полудѣлецъ, полужуиръ, полу-купецъ, полу-дворянинъ,—во всемъ любилъ это «полу». Онъ счелъ бы неприличіемъ летѣть по городу на призовомъ рысакѣ, съ настоящимъ лихачемъ на козлахъ—съ красною мордою, съ наколотымъ булавками, вспухлымъ затылкомъ, съ налитыми кровью глазами и уши раздирающимъ «д'жи ль'вѣй!», слышнымъ отъ Никитскихъ воротъ до Пушкинскаго монумента. Но сейчасъ онъ спѣшилъ и поторапливалъ своего Кузьму.

Конь сталъ въ Тверской-Ямской, у кокетливаго домаособняка, съ подъѣздомъ изъ переулка; домъ былъ ярко освѣщенъ, точно въ немъ справляли свадьбу.

— Балъ, что ли, почтенный? — спросилъ Кузьму, когда тотъ, высадивъ барина, медленно проѣзжалъ вдоль панели запотѣвшаго коня, извозчикъ-зимничекъ на ободранныхъ санкахъ, съ крысоподобною, задумчивою кобыленкою въ упряжкѣ.

— Куда тебѣ балъ!—презрительно отозвался Кузьма.—Каждый вечеръ тутъ балы. Купчиха Хромова живетъ, что оженила князя Латвина. Не житье, а Содомъ-

Гоморъ азіатскій!.. Ты, старикъ, ништо—стань къ подъѣзду, дождешь сѣдока. Господа бываютъ хорошіе.

— Вотъ и Реньякъ... Гдѣ вы пропадали? Еще двѣ минуты, и васъ не впустили бы въ залъ. У меня нынче Ратнеръ—и сейчасъ онъ будетъ пѣть изъ «Паяцовъ». А вы знаете,—у меня правило, какъ въ симфоническихъ: пока въ залѣ поютъ или играютъ, ни входить, ни выходить, ни громко разговаривать не дозволяется.

— Въ такомъ случаѣ, Настасья Романовна, ужъ позвольте мнѣ заодно и уйти, пока не началось священнодѣйствіе...

— Уйти отъ пѣнія Ратнера? Несчастный!

— Богъ съ нимъ, съ Ратнеромъ... Я къ вамъ сегодня, признаться, не для васъ, а на поискахъ моего безпутнаго друга Константина Владиміровича...

— Ратомскаго? Да онъ здѣсь!—перебила княгиня.— Въ бильярдной, вдвоемъ съ Алябьевымъ, дуются въ экарте. Занятіе!

— Ратомскій въ экарте?! Развѣ онъ умѣетъ?

— Ужъ это его дѣло. Я смѣюсь, что онъ затѣялъ vendetta catalana. Вы еще не знаете?—онъ плѣненъ пламенными очами нашей милѣйшей Врангель.

— Ого! и давно?

— Третій день. Можете передать это вашей Аннѣ... какъ бишь ее? Чернь Озеровой что-ли? Ну, ну, не дѣлайте серьезныхъ глазъ: я шучу. Она, конечно, бѣдняжка, а онъ безсовѣстный. Я это ему и въ глаза говорю. А ужъ какъ ухаживаетъ за Врангель! Просто—«Жужу—на заднихъ лапкахъ я хожу»...

— Имѣетъ успѣхъ?

— Ни малѣйшаго. Она кокетничаетъ съ Алябьевымъ.

— Ну, это, знаете,—«огонь и ледъ, вода и камень»...

— Да. Костенька слыхалъ, что несчастные въ любви счастливы въ картахъ, и мститъ сопернику въ экарте...

— И такъ прикажете искать ихъ въ бильярдной?

— Я вамъ уже надоѣла? Скоро! Ступайте — тамъ. Я ихъ звала было слушать Ратнера—сама ходила, удостоила. Но они не лучше васъ, — и ухомъ не повели. Только Ратомскій пропѣлъ мнѣ въ отвѣтъ речитативомъ: «слыхали мы, мой другъ, какъ волки воютъ по трущобамъ!» Это про Ратнера-то! а?! каковъ скотъ?!

— Блаженъ, иже и скоты милуетъ,—сказалъ Реньякъ,—но на счетъ Ратнера я съ Ратомскимъ одного мнѣнія.

— Ну, и цѣлуйтесь съ нимъ!..

— Княгиня Настя сегодня «въ ударѣ», думалъ Реньякъ, съ одышкою поднимаясь по узкой лѣстницѣ въ антресоли бильярдной. — «Дуются», «цѣлуйтесь съ нимъ», «скотъ», «не повели ухомъ» —сколько перловъ въ минутномъ разговорѣ! Ахъ, ты, прелесть моя черноземная!

— За вами, Константинъ Владиміровичъ, двѣсти семнадцать рублей,—встрѣтилъ Реньяка голосъ Алябьева: онъ подводилъ счетъ оконченной игрѣ.

Мать Алябьева—цирковая наѣздница, женившая на себѣ богатаго русскаго барина, и затѣмъ промотавшая до тла его и свое состояніе—была родомъ изъ Саутгамптона. Англійская кровь сказывалась въ ея сынѣ и атлетическимъ складомъ стройнаго тѣла, и глубокою синевою глазъ, и тонкими чертами слегка удлиненнаго профиля, и золотистымъ отливомъ въ темныхъ, коротко остриженныхъ волосахъ и бородѣ. Алябьевъ слылъ въ Москвѣ спортсменомъ перваго разбора: бралъ призы и на гимнастическихъ состязаніяхъ, и на фехтовальныхъ турнирахъ, и на гребныхъ гонкахъ яхтъ-клуба; безъ него рѣдко обходилась серьезная охота; всѣмъ «лукичамъ» была знакома фамилія Алексѣя Сергѣевича, какъ страстнаго медвѣжатника одинъ на одинъ. Тоже все англо-саксонскія черточки.

Московскіе остроумцы звали Алябьева «Испанскимъ дворяниномъ»; другіе спорили, что Алексѣй Сергѣевичъ

недостаточно веселъ для донъ Сезара де-Базанъ и заимствовалъ у него лишь бѣдность да гордость. Алябьева уважали и немного боялись. Всѣ знали, что онъ очень близокъ съ княгинею Настею, но никому не приходило въ голову подозрѣвать, а тѣмъ болѣе разглашать что-либо обидное для Алябьева объ этой связи полунищаго голяка съ милліонершею. Обстоятельство примѣчательное, потому что Москва въ такихъ случаяхъ сплетничать любитъ. Впрочемъ, можетъ быть, тутъ, помимо общихъ симпатій къ Алябьеву, вліяла отчасти память о прошломъ его, очень бурномъ и богатомъ приключеніями, далеко не шуточными. Въ семидесятыхъ годахъ, студентомъ, онъ сыгралъ роль вожака въ крупной университетской исторіи. Пострадалъ. Потомъ—вдругъ очутился зачѣмъ-то въ военной службѣ, въ казачьемъ полку. Бралъ Геокъ Тепе, получилъ солдатскаго Георгія, дослужился до сотника — и закончилъ свое военное поприще дуэлью, надѣлавшей въ свое время много шума. Вызванный на поединокъ, по пустякамъ, пьянымъ мальчишкою изъ столичныхъ слётковъ, Алябьевъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы не драться, но, когда дуэль все-таки состоялась, дрался серьезно и—убилъ...

— Двѣсти семнадцать? Ахъ, чортъ! Знаешь... виноватъ: знаете,—это скверно!

Ратомскій съ раздраженіемъ взъерошилъ мохнатую копну темныхъ волосъ, за которую его прозывали въ московскихъ гостиныхъ иногда le beau dahomien, иногда царемъ Менеликомъ. Онъ, дѣйствительно, былъ очень хорошъ собою, хотя и нѣсколько дикою, болѣе эффектною, чѣмъ правильною красотою. Въ толпѣ, издали, онъ сразу бросался въ глаза, какъ одна изъ самыхъ яркихъ ея декорацій: это молъ, что за Аполлонъ Бельведерскій? — но вблизи разочаровывалъ зрителя; становилось замѣтно, что грудь и плечи его узки не по росту, руки черезчуръ длинны, кисти ихъ слишкомъ узловаты.

— Мужицкія лапы у насъ съ вами, Костенька!—поддразнивала Ратомскаго княгиня Настя.

Онъ шутливо, но съ тайной досадой, огрызался.

— Parlez pour vous, chère princesse.

— Чего тамъ «pour vous»!—мужицкія, такъ онѣ мужицкія и есть.

— Хорошо. Положимъ даже, что и у меня мужицкія, хотя—замѣчу въ скобкахъ—откуда быть у меня мужицкимъ рукамъ, когда мы, Ратомскіе, трехсотлѣтніе дворяне?

— Ну, велики ли дворяне, Костенька! Шляхта смоленская...

— Ахъ, Настенька, когда только вы себя обуздаете?!

— Вона! а зачѣмъ мнѣ себя обуздывать?

— Невоспитаніе, душа моя.

— Эка бѣда! Кто у насъ воспитанъ-то?

— Ну, ваше сіятельство, положимъ, что очень многіе...

— Гм... и вы въ томъ числѣ?..

— J'espère, princesse!

Княгиня Настя качала головою:

— Нѣтъ, Костенька, нѣтъ, не надѣйтесь... Вы человѣкъ талантливый, переимчивый, вращаетесь въ хорошемъ обществѣ,—вотъ и палакировались немножко. А до настоящаго воспитанія—куда же вамъ! Вотъ Алябьевъ, графъ Оберталь, Реньякъ – тѣ воспитаны...

— Даже мѣшокъ Реньякъ?

— А еще бы: посмотрите, какой онъ всегда свободный, просторный, самого себя не замѣчающій. Вы же все слѣдите за собою: такъ ли я говорю? красиво ли я сталъ? не смѣются ли надо мною? произвожу ли я впечатлѣніе? Натянуто, душечка! А чуть захотите стать свободнымъ, сейчасъ же распускаетесь,—теряете тактъ, фамильярничаете и то васъ кто-нибудь обидитъ, то вы кого-нибудь обидите... И нервны вы черезчуръ, суетливы, тормошливы. Сколько интонацій вы мѣняете! сколько жестовъ дѣлаете!

А ваше лицо? Открытая книга,—читай, кто хочетъ, и другъ, и врагъ...

— Ахъ, чортъ возьми! скверно!—повторилъ Ратомскій.—Здравствуй, Реньякъ.

— Здравствуй. И ты, Алексѣй. Что? Кажется, у Костеньки «смерклось»? Все погибло, кромѣ чести?

— Еще бы! Развѣ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ можно играть? Выдержка ледяная. Точно мраморный. А я горячусь, рискую, выдаю себя....

Алябьевъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ же вы играете со мною?

— А чортъ меня знаетъ! Я вѣдь и вообще-то не игрокъ, а вотъ сѣлось играть, — и продулся....

Ратомскій расхохотался.

— При томъ мнѣ ужасно, ну, просто нутромъ хочется обыграть васъ когда-нибудь, взять съ васъ много много.

— Непремѣнно съ меня?

— Да. И лучше всего, чтобы случилось такъ, что вамъ будетъ трудно заплатить—вотъ, какъ мнѣ сейчасъ.

Алябьевъ смотрѣлъ на Ратомскаго съ холоднымъ любопытствомъ.

— За что такая немилость?

— Да ужъ очень вы завидный счастливецъ. И карты, и женщины—во всемъ везетъ. Лестно перешибить ваше счастье. Вотъ, молъ, Алябьевъ всѣхъ одолѣваетъ, а на мнѣ оборвался... Однако, соловья баснями не кормятъ. Реньякъ, есть съ тобою деньги? У меня всего сто рублей...

— Милый другъ,—возразилъ Реньякъ, разваливаясь на тахтѣ,—я завелъ неизмѣнное и прекрасное правило: выѣзжая изъ дома, не класть въ портфель больше двухъ красненькихъ бумажекъ.

— О деньгахъ не стоитъ говорить, Константинъ Владиміровичъ, — сказалъ Алябьевъ,—не въ послѣдній разъ видимся. А правило твое, Володя, дѣйствительно хорошо.

— Конечно, — засмѣялся Ратомскій,—и очень выгодно: такимъ способомъ Реньякъ можетъ занять денегъ у всякаго, а у него—никто.

— Развѣ я когда-нибудь просилъ у тебя взаймы?— холодно спросилъ Реньякъ.

Прошла минута непріятнаго молчанія.

— Ты свободенъ сейчасъ? — заговорилъ Реньякъ,— мнѣ надо поговорить съ тобою. Затѣмъ и пріѣхалъ. Алябьевъ, голубчикъ, будь другъ, ступай,—утѣшь княгиню, послушай Ратнера.

— Пойдутъ, слѣдовательно, дѣла семейныя?—пошутилъ Алябьевъ, вставая и потягиваясь.

— И даже очень.

— Пріятнаго разговора!

— Услышите вы отъ Ренька что-нибудь пріятное!... какъ же!—сказалъ Ратомскій, досадливо махнувъ рукою,— готовъ держать пари, что ты пріѣхалъ читать мнѣ нотацію за какой-нибудь забвенный долгъ или препебреженную обязанность.

— Ты премудръ и прозорливъ... Алеша!—крикнулъ Реньякъ, вслѣдъ удаляющемуся Алябьеву,—Ратнера я великодушно дарю тебѣ, но, если запоетъ mademoiselle Врангель, пришли за нами: ея голосъ я люблю...

— All right, sire!

— Антонина Васильевна здѣсь?!—воскликнулъ Ратомскій и—съ вспыхнувшимъ взоромъ—хотѣлъ поспѣшить за Алябьевымъ. Реньякъ, смѣясь, удержалъ его за руку:

— Погоди, успѣешь.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Костенька,—началъ онъ, усаживая Ратомскаго рядомъ съ собою и все еще придерживая его за рукавъ, точно плѣнника,—я сейчасъ прямо оттуда... съ Остоженки.

Ратомскій поблѣднѣлъ.

— Отъ Анны,—сказалъ онъ, съ тревожнымъ взглядомъ,—ну... что же тамъ?

— Какъ и слѣдуетъ ожидать: безсонница, истерика, температура прыгаетъ—то на тридцати девяти, то на тридцати шести, слезы, кашель и сорокъ бѣшеныхъ писемъ, написанныхъ было къ тебѣ и потомъ разорванныхъ. Я уговорилъ ее не писать сорокъ перваго, подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ найти тебя, гдѣ бы то ни стало, и завтра утромъ доставить по принадлежности.

Ратомскій уронилъ голову на грудь:

— Подлецъ я, подлецъ!

Реньякъ молчалъ. Ратомскій ударилъ по колѣну кулакомъ:

— Что же ты молчишь не скажешь, что я подлецъ?—а?

Реньякъ пожалъ плечами.

— Моя хата—съ краю.

— Ты извинилъ меня какъ-нибудь у Анны?—робко спросилъ Ратомскій.

— Пробовалъ... протяжно сказалъ Реньякъ, — солгалъ было, будто ты, въ приливѣ вдохновенія, бродишь, вдали отъ міра и людей, по звенигородскимъ сугробамъ и пишешь этюды къ своей «Ледяной царицѣ».

— Что же? это очень хорошо! — одобрилъ Ратомскій,—у меня есть два три наброска, которыхъ Анна не видала... можно показать за новые...

— Погоди, дай кончить. Этому она вѣрила дня три. Но вчера ее посѣтилъ очаровательный господинъ Лагурскій и, въ свойственномъ ему пріятномъ и невинномъ тонѣ, разсказалъ живописную сценку, какъ ты и Сагайдачный кутили третьяго дня у Яра.

— Ахъ, дьяволъ! ахъ, поросенокъ скверный!—стоналъ Ратомскій.

— Ты стоялъ на колѣняхъ предъ рыжею Аглаей и декламировалъ стихи, печатно посвященные твоимъ знаменитымъ кузеномъ Вольдемаромъ Аннѣ Васильевнѣ... Было это?

— Развѣ упомнишь?.. Должно быть, было...

— А Сагайдачный игралъ аккомпаниментъ на бумажной трубѣ. И чортъ васъ знаетъ съ этимъ Сагайдачнымъ! Ну, есть потребность напиваться до озорничества, срамились бы гдѣ-нибудь на сторонѣ, чтобы люди не видали. А то у обоихъ лица—что печатныя вывѣски; всякій васъ знаетъ, Сагайдачнаго портреты даже въ журналахъ появлялись, — а вы норовите оскандалиться, что ни есть, на самомъ юру...

Ратомскій опять застучалъ кулакомъ.

— Я этой дряни, Лагурскому, переломаю ребра!... разсказывать больной Аннѣ мои похожденія!.. это свинство!

Реньякъ усмѣхнулся.

— Согласенъ: свинство! Но позволь спросить,—кто тебѣ Анна Васильевна, что ей нельзя о тебѣ разсказывать?

— Ты смѣшно говоришь: всѣ, я думаю, знаютъ, что я съ нею живу.

— Но никто не обязанъ знать. Это, другъ мой, только противъ законныхъ женъ, во имя охраненія мира у домашняго очага, наша братія — мужчины составили благонамѣренный, хотя, надо сознаться, и довольно-таки мерзавный, союзъ взаимоукрывательства своихъ маленькихъ, но веселенькихъ распутствъ. А любовницы—не въ счетъ... Итакъ, надѣюсь—завтра ты у Анны Васильевны?

— Ужасно совѣстно, Реньякъ. Главное: я безъ гроша, а на прошлой недѣлѣ я занялъ у Анны пятьсотъ рублей... на три дня.

Реньякъ покачалъ головою:

— Опять? Ахъ, Константинъ, въ какія неловкія положенія ты себя ставишь... И?

— Самъ видѣлъ: не хватило расплатиться съ Алябьевымъ.

— Аванса нигдѣ взять не можешь?

— Всюду схвачено. Нѣтъ, надо промышлять.

— На какіе шансы?

— Извѣстно, на какіе: либо на Ильинку, къ мѣнямъ, и «по сему моему, семикаторжному, повиненъ я» и прочая, и прочая, либо перехвачу у княгини Насти.

Реньякъ досадливо поморщился.

— Ради Бога, Константинъ Владиміровичъ, остерегайся ты всякихъ денежныхъ дѣлъ съ княгинею Настею, Съ этою госпожою надо быть мудрымъ, яко змій, и твоей—ужъ извини—безалаберной наивности она не по зубамъ, милѣйшій.

— Э, полно! она—славная баба.

— Отличная, но—купчиха... Кромѣ денегъ, ничему не вѣритъ, безъ денегъ никого не уважаетъ. У нея полъ-Москвы друзей-пріятелей; все Петеньки, Костеньки, Өеденьки. И только я—Владиміръ Павловичъ, да Алябьевъ —Алексѣй Сергѣевичъ, потому что мы одни не связаны съ нею ни однимъ грошомъ и не будемъ связаны,—она знаетъ это. Чуть взялъ ты у нея деньги, она уже полагаетъ тебя купленнымъ и презираетъ тебя. Начинаются амикошонство, гоньба на посылки,—«Костенька, вы мой адъютантъ»!... Афишированная фамильярность, милыя шуточки, за которыя мужчину слѣдовало бы ударить по лицу, а передъ дамою—изволь пріятно улыбаться, хотя на сердцѣ скребутъ кошки. И все это публично, на показъ, чтобы Москва видѣла твою зависимость и сплетничала. Оглянуться не успѣешь, какъ уже, изъ-за какой-нибудь тысячи рублей, ославленъ на весь городъ, хорошо еще—приживальщикомъ, а то и содержанцемъ... Не дорожите вы собою, господа!

— Ты уже слишкомъ мрачно смотришь!

— Милый мой, мнѣ сорокъ второй годъ, и вся эта новая купеческая знать—коммерческая аристократія, выходящая замужъ за разоренныхъ князей и покупающая въ жены оскудѣлыхъ графинь-безприданницъ, окрѣпла и

завладѣла Москвой на моихъ глазахъ. Я очень люблю этихъ людей: свѣжій народъ—умный, дѣльный, энергичный. Съ ними занятно: натуры много, пахнетъ богатырскою породою, чувствуется нарождающееся будущее. И все же они звѣрье, мой другъ,—златые тельцы подъ попоною цивилизаціи. А со звѣремъ — либо держи его въ уздѣ, и—чтобы онъ тебѣ кланялся; либо самъ поклонись звѣрю, и, въ покорность ему, понемножку утрачивай душу живу...

Кстати: прости за нескромность, между тобою и княгинею Настей нѣтъ амурныхъ шалостей?

— Никакихъ... Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить? Тамъ изволятъ царить Алексѣй Сергѣевичъ—и, кажется, единовластно... А со мною у нея, какъ со всѣми,—легкій флертъ, пожалуй... шуточки, вранье...

— Гмъ... Она, вѣдь, Мессалина. При томъ къ амуру съ извѣстностью у нея влеченье, родъ недуга...

— Какая же я извѣстность?

— Все таки, картины пишешь, числишься въ спискѣ передвижниковъ, въ газетахъ тебя поминаютъ съ почетомъ. Нѣтъ, не скажи: ты для княгини Насти, въ нѣкоторомъ родѣ, отмѣнный соболь... Однако, баста!.. Пойдемъ внизъ—плясать вокругъ золотого тельца!..

II.

Внизу было людно, шумно и безтолково. Ратнеръ только что кончилъ пѣть, и пять-шесть психопатокъ топтались вокругъ него съ напрасными мольбами «возобновить божественные звуки». Знаменитый теноръ улыбался поклонницамъ, но упрямо отнѣкивался, показывая рукою на горло:

— Усталъ и не здоровъ, mesdames, а завтра я пою Радамеса.

— Слышали вы, какъ онъ сказалъ романсъ Паяца?—

набросилась на Реньяка пожилая дѣвица, съ глазами навыкатъ, совсѣмъ безумными отъ почти любострастнаго восторга.

— Въ мое время, Дарья Николаевна, тенора не говорили, но пѣли...

Выпученные глаза вылили на Владиміра Павловича цѣлый ушатъ презрѣнія.

Сцену психопатическаго бѣснованія, съ интересомъ новизны, наблюдалъ сквозь круглыя очки рыжебородый среднихъ лѣтъ толстякъ, съ наивнымъ и нѣсколько растеряннымъ взглядомъ, замѣтно, болѣе привычнымъ встрѣчаться съ книгою, чѣмъ съ пестротою толпы. Ратомскій съ хохотомъ указалъ на него своей сосѣдкѣ—пѣвицѣ Врангель:

— Смотрите: профессоръ Груздевъ обдумываетъ уже планъ реферата—о физіологическомъ воздѣйствіи голоса Ратнера на организмъ старыхъ дѣвъ...

Реньяка остановилъ молодой человѣкъ, похожій на черкеса въ смокингѣ: длинное янтарное лицо, глаза миндалинами, стриженая голова и бородка Henri IV — черны, какъ смоль. То былъ графъ Евгеній Антоновичъ Оберталь, недавно женатый на милліонщицѣ Ларисѣ Дмитріевнѣ Карасиковой, лѣтъ пятнадцать подрядъ удивлявшей Москву своею красотою и бурными похожденіями долгаго и безалабернаго дѣвичества.

— Я саврасъ безъ узды!—аттестовала сама себя барышня Карасикова. Лариса Оберталь тоже присутствовала на вечерѣ,—между нею и княгинею Настею въ послѣднее время завязалось соперничество «салоновъ»,—выдѣляясь среди нарядныхъ дамъ простотою чернаго туалета и двадцатитысячными брильянтами въ ушахъ.

— До сихъ поръ еще хороша,—подумалъ Реньякъ,—поглядѣть издали: мадонна. А глаза—черные бѣсы: изъ-подъ рѣсницъ такъ и сыплются брильянты.

Графъ,—рядомъ съ женою онъ казался почти маль-

чикомъ,—глядѣлъ ласковою кошечкою. Но сухой профиль, крѣпкія скулы, развитыя и плотно сомкнутыя челюсти Оберталя говорили о характерѣ сильномъ и не изъ кроткихъ, несмотря на мягкость его улыбки; да и въ глазахъ, изъ-подъ темной поволоки, проскальзывали недобрыя искорки. До брака Оберталь слылъ виверомъ и страстнымъ игрокомъ, теперь пустился въ аферы и мѣтилъ въ дѣятели. Говорили, будто, вмѣсто приданаго, влюбленная Карасикова заплатила за жениха полмилліона долговъ—его личныхъ и фамильныхъ.

Свадьбу эту сладила княгиня Настя, большая охотница сватать. Злоязычная Москва насмѣхалась, будто, когда княгинѣ Настѣ надоѣдаетъ любовникъ, она спускаетъ его въ законные мужья кому-нибудь изъ своихъ пріятельницъ.

— Счастлива ты, Лариса? — спрашивала она молодую, когда Обертали возвратились изъ свадебнаго путешествія.

— Право, не знаю, что и отвѣчать. Пока — какъ будто счастлива. Но боюсь, что буду очень несчастна.

— Вотъ тебѣ и разъ! Была такъ влюблена, и вдругъ...

— Я и сейчасъ влюблена. Да онъ-то не влюбленъ.

— Въ такую красавицу? Полно, не смѣши. Онъ съ тебя глазъ не спускаетъ, — словно тигръ, даже неловко при обществѣ...

— Что же? разумѣется, я—не объѣдокъ какой-нибудь, могу нравиться и волновать... а, впрочемъ, и тутъ разыгрываетъ ролю!

— Подозрительна же ты, Лариса Дмитріевна.

— Онъ не можетъ любить женщину настоящею любовью—во всю душу,—возразила графиня.—У него совсѣмъ другія страсти. Честолюбецъ и аферистъ,—и какой фанатикъ въ своихъ затѣяхъ, если бы ты знала! Представь, на вторую же недѣлю послѣ свадьбы онъ завалилъ меня проектами... Я еще вся въ поцѣлуйномъ туманѣ, а онъ

мнѣ твердитъ про реформы моего хозяйства: въ самарскихъ земляхъ нужно ввести скотоводство на новыхъ началахъ, по образцу какихъ-то тамъ капландскихъ боэровъ, въ Вяткѣ построить чугунно-литейный заводъ, манитъ меня въ колоссальные подряды, затѣялъ конкурировать съ «Эрмитажемъ»—строить ресторанъ-монстръ. И все улажено у него въ мозгахъ такъ систематично — сыплетъ слова, какъ бисеръ. Цифры страшныя, въ ушахъ трещитъ отъ милліоновъ. У меня голова пошла кругомъ. Махнула рукою: ну тебя къ Богу, одержимый! На что намъ новыя предпріятія, коли у меня милліоны? Всѣхъ денегъ со свѣта не оберешь! Онъ не сказалъ ничего, но—ахъ, какіе у него сдѣлались глаза! Только на секундочку,—потомъ опять пошли улыбочки и ласки. Но этотъ его взглядъ я поймала и не могу забыть. Весь онъ открылся мнѣ въ этомъ взглядѣ... И съ тѣхъ поръ я его боюсь.

— Думаешь, станетъ тиранить?

Лариса Дмитріевна презрительно скривила губы.

— Вотъ невидаль! Тиранства бояться — замужъ не итти. На всякое тиранство есть огрызка. Меня—уже по шестнадцатому году и отъ жениховъ не было отбоя—покойный тятенька стегалъ веревкою до третьей крови, чтобы не повѣсничила; а я, бывало, на зло—только что отдеретъ меня родитель, возьму и убѣгу на свиданіе къ милому дружку... Опять—гдѣ ужъ Евгенію Антоновичу тиранить жену? Они у насъ графы, воспитанія нѣжнаго, чувства имѣютъ деликатныя... Не то...

— Что же тогда?

— Не отравилъ бы,—быстро шепнула Лариса Дмитріевна. Княгиня Настя, изумленная, отшатнулась было... потомъ вспомнила скромно-самоувѣренное лицо и умильные глаза Оберталя.

— Въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, отравитъ,—подумала она.—И еще отравитъ, разбойникъ, въ сладкихъ конфетахъ. Непремѣнно въ конфетахъ!

А Лариса шептала:

— Мало ли было примѣровъ? Помнишь, Авдотья Просукова вышла замужъ за Кобчикова — тоже польстилась на хорошенькую мордочку; два года прожили душа въ душу, а на третій она написала завѣщаніе въ пользу мужа, да, мѣсяца два спустя, и умерла въ одночасье.

— Какъ ты равняешь себя съ Просуковой? Авдотья вышла старухою за молодого, а ты—женщина въ самомъ соку.

— Ахъ, очень мужчинамъ нужна въ женѣ женщина! На это они берутъ любовницъ. Если бы Евгеній искалъ меня, какъ женщину, то и вѣнчаться было незачѣмъ: я сама вѣшалась къ нему на шею... А онъ, не будь глупъ, видитъ, что я влюблена въ него, какъ кошка, и разыгралъ Іосифа Прекраснаго: «Не понимаю несерьезныхъ отношеній!» Ну, и додразнилъ дуру—до вѣнца...

— Ты, однако, не очень распускай фантазію,—замѣтила княгиня Настя:—а то можно застращать себя Богъ знаетъ до чего.

У Ларисы злобно сверкнули глаза.

— Отравитъ онъ меня, нѣтъ ли, — Господня воля. Но, чтобы забрать меня въ руки,—нѣтъ! шалишь, не на таковскую напалъ! И, если вздумаетъ протянуть ручки къ моему капиталу, такъ я его—по ручкамъ, по ручкамъ!

— Ужъ это само собою разумѣется, — согласилась княгиня Настя:—подпустить къ капиталу мужа—да еще изъ благородныхъ—послѣднее дѣло.

Графъ Оберталь остановилъ Реньяка, чтобы похвалиться:

— Поздравь: никитинскій проектъ прошелъ въ комитетѣ министровъ.

— Изволь, поздравляю. Но что это за звѣрь, никитинскій проектъ?

— Ахъ, байбакъ! Въ какой норѣ ты спишь? Не знать о никитинскомъ проектѣ!

И графъ съ увлеченіемъ разсказалъ, что правительство рѣшило построить желѣзный путь изъ Верхнеднѣпровья въ Поволжье, предложенный еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ инженеромъ Никитинымъ, но сданный въ архивъ за несвоевременностью.

— И они были совершенно правы—тогда намъ были нужны пути не поперечные, но продольные—къ южнымъ окраинамъ. Но теперь, при развитіи движенія на югъ, никитинскій проектъ—геніальная идея. Ты понимаешь: выгоды огромны. Москва выигрываетъ на сокращеніи разстояній милліоны провозной платы. Никитинскій путь пересѣчетъ—и въ самыхъ незначительныхъ дистанціяхъ отъ Москвы—всѣ линіи желѣзныхъ дорогъ, удаляющіяся отъ насъ на югъ и западъ. Если ты взглянешь на карту, онѣ—какъ вѣеръ...—Графъ вѣерообразно растопырилъ пальцы лѣвой руки, осіянные сверхъестественными бриллянтами.—И по этому вѣеру Никитинъ описываетъ крутую дугу... вотъ такъ.

Графъ черкнулъ по раскрытой лѣвой пятернѣ указательнымъ перстомъ правой, съ старинною, родовою жуковиною на первомъ суставѣ.

— Почему же именно дугу, да еще крутую? Вѣдь это дастъ трехсотверстный, а то и больше, крюкъ?

Графъ снисходительно улыбнулся.

— Тебѣ бы — по-николаевски? а? Взялъ линейку, провелъ по ней на картѣ прямую черту отъ Петербурга къ Москвѣ,—и готовъ планъ николаевской желѣзной дороги? Alia tempora, Владиміръ Павловичъ. Такъ хорошо было разсуждать, пока въ Россіи была одна, двѣ, три желѣзныя дороги. Эпоха, когда линію строили, вытягивая въ струнку, въ одномъ разсчетѣ близости, умерла; теперь въ ходу разсчетъ наибольшаго района экономическаго захвата.

— Такъ что — по твоей логикѣ—идеальною желѣз-

ною дорогою будетъ та, которая, везя тебя изъ Москвы, положимъ, въ Оренбургъ, будетъ заходить по пути въ Симферополь?

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ. Смотри: никитинская линія касается четырехъ губернскихъ городовъ, бѣжитъ невдалекѣ отъ пятаго, въ ея закругленіи и Ока, и притоки Днѣпра, и верховья Дона, и полоса хлѣбная, и полоса фабричная, а конечныя точки — днѣпровскія и волжскія пристани... Какія открываются перспективы! Сколько счастливыхъ возможностей для новыхъ путей! Пристань въ шестидесяти верстахъ отъ линіи—вѣтка, заводъ—вѣтка. Каждый попутный городишко будетъ вынужденъ тянуться къ никитинскому пути своею вѣткою, уже изъ одного чувства самосохраненія, потому что, въ противномъ случаѣ, ближняя станція и ея нарождающійся посадъ убьютъ значеніе города. Вѣтки вспомогательныя, вѣтки питательныя, вѣтки подвозныя... Вѣдь это паутина, мой другъ! Сѣть, въ которой вязнетъ треть Европейской Россіи!

— Да, инженеры и поставщики наживутся.

Графъ самодовольно улыбнулся.

— Надѣюсь.

— А ты здѣсь при чемъ?

— Мнѣ обѣщанъ... ты знаешь—oncle Alexis, съ его вліяніемъ... мнѣ обѣщанъ подрядъ на шпалы, по всей линіи.

— Гм... надѣешься много взять?

— Меньше четырехъ сотенъ не помирюсь.

— Ухъ!

— А слѣдовало бы заработать полмилліона. Но я неопытенъ и, разумѣется, осужденъ на множество убыточныхъ ошибокъ, которыя заранѣе и со смиреніемъ заношу въ свой дебетъ. При томъ, замѣть, я имѣю въ виду самое корректное исполненіе обязательствъ. Дубовая шпала, безъ изъяновъ. Не хвастая скажу: на Руси еще не видывали такой шпалы. Это дѣло принципа, мой другъ: noblesse oblige.

Онъ опять взялъ Реньяка подъ руку и понизилъ голосъ.

— Cher! Если мы, дворяне, оскудѣли, должны смѣшаться и ривализировать съ купчишками, то, по крайней мѣрѣ, надо показать міру, что джентльмэнъ остается джентльмэномъ и въ коммерческомъ дѣлѣ. Наша задача— быть практичными, но честными. Наши имена, наши гербы обязываютъ насъ нести лучъ свѣта въ темное царство торгашества, мелочного мѣщанскаго надувательства, которыя растлѣваютъ наше общество, дискредитируютъ нашу торговлю и промышленность.

— Ergo,—сказалъ Реньякъ,—ты становишься не просто подрядчикомъ, но, въ нѣкоторомъ родѣ, подрядчикомъ съ тенденціей? При помощи дубовой шпалы, собираешься исправлять отечественные нравы?

— Mais, oui, c'est le vrai mot, que tu trouves! Суть не въ самой шпалѣ, но въ принципѣ благородства, дѣлового рыцарства, которое вводитъ въ коммерцію новый купецъ— русскій старинный дворянинъ... Мой пра-прадѣдъ работалъ на верфи, по правую руку Великаго Петра... Est ce que j'ai raison de faire? n'est ce pas?

— Внѣ всякихъ сомнѣній, и—да украситъ благодарное потомство твой фамильный гербъ дубовою шпалою, съ девизомъ: «какъ она, несокрушимы»...

Разговоръ оборвался. Реньякъ отошелъ къ дамамъ.

— Чортъ знаетъ что!—ворчалъ онъ про себя,—рыцарскій орденъ дубовой шпалы! Чего не изобрѣтетъ нашъ братъ, оскудѣлый дворянинъ, ради самоизвиненія, когда и хочется и колется, и маменька не велитъ.

У рояля появилась Врангель—рослая женщина, съ курчавыми волосами, черными, какъ сажа; декольтированныя плечи, смуглыя, какъ у мулатки, казались еще темнѣе отъ свѣтло-розоваго лифа; Врангель интересничала

своею оргинальною чернотой. Она запѣла,—вѣрнѣе, загудѣла: такимъ низкимъ и густымъ контральто наградила ее природа. Вытягивая меланхолическую мелодію аріи, она медленно и мрачно водила по публикѣ огромными черными глазами, единственною приманкою ея грубаго лица.

— Это она Алябьева ищетъ,—указала Ларисѣ Дмитріевнѣ Латвина, пряча въ вѣеръ смѣющееся лицо.—А его какъ разъ и нѣту: онъ въ боковой залѣ съ сестрою Танею въ шахматы играетъ.

— Кажется, онъ съ твоею Танею въ большой дружбѣ?

— Слишкомъ даже.

Лариса Дмитріевна поймала въ голосѣ пріятельницы оттѣнокъ неудовольствія.

— О! о! о! какой тонъ?! Мы ревнуемъ?

— Выдумала тоже!

Оберталь пожала плечами.

— Отчего нѣтъ? Это такъ естественно. Ни для кого не тайна, что Алексѣй Сергѣевичъ тебѣ не чужой человѣкъ.

— Если бы и такъ,—сухо возразила Латвина,—то кому-кому, а тебѣ-то ужъ слѣдовало бы знать, что я не ревнива.

Лариса Дмитріевна вспыхнула.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Только—что ты моя старая и самая близкая подруга,—невинно отвѣчала Анастасія Романовна.

— Ты поплатишься мнѣ когда-нибудь за этотъ намекъ!—подумала Оберталь, внутренно холодѣя отъ гнѣва.— Да тоже и графъ Евгеній Антоновичъ, супругъ мой дражайшій.

А Латвина смѣялась про себя:

— Ага! что? съѣла? То-то! Мы въ долгу не остаемся,— получи и распишись!

И на лица обѣихъ дамъ возвратились пріятныя улыбки, и рѣчи ихъ стали снова любезными, а шопотъ дружески довѣрчивымъ.

— Дружба между Алексѣемъ Сергѣевичемъ и Танею мнѣ не нравится потому, что сестрѣ пора замужъ, а она, чѣмъ бы добывать жениха, философствуетъ съ Алябьевымъ.

— Влюблена?

— А кто ее разберетъ? Знаешь, какая она. Ужъ именно Татьяна—молчалива, какъ Свѣтлана. Да нѣтъ! авось Богъ милостивъ—не допуститъ до такого несчастія.

— Для тебя?

— И для меня,—искренно согласилась княгиня,—и для Татьяны.

Она задумалась.

— Ты, Лариса, не можешь понять, какъ я люблю Алексѣя Сергѣевича. Если бы для его счастія надо было ему жениться,—хотя бы на той же Танѣ, ты думаешь, я не сумѣю пожертвовать собою, отказаться отъ него? «Сдохла» бы потомъ, быть можетъ, либо спилась съ тоски, какъ тетушка Маланья Игнатьевна, когда мужъ ее бросилъ, но переломила бы свое сердце. Какъ въ пѣснѣ поется: «ты женись, женись, мой милый, позволяю я тебѣ!»... Чего другого, а характера мнѣ не занимать стать. Во мнѣ не ревность говоритъ, а жалость. Я Таньку люблю. Алябьевъ съ нею ласковъ. Если она приметъ его доброту въ серьезъ, да возмечтаетъ о себѣ, да закружится у нея голова,—что хорошаго? Жениться—онъ ни на ней, ни на комъ другой не женится... не такой человѣкъ.

— Что въ немъ особеннаго? Мнѣ онъ представляется въ родѣ моего графа Евгенія Антоновича.

— Если бы такъ! Нѣтъ, совсѣмъ не то. Евгеній Антоновичъ, можетъ быть, суховатъ сердцемъ, но онъ живой человѣкъ, дѣловая непосѣда, къ тому же денежную жадность имѣетъ.

— О, еще и какую!—поспѣшила согласиться Лариса Дмитріевна.

— Алябьевъ же... Богъ съ нимъ!—словно заживо умеръ, и забыли его похоронить. Ни къ чему нѣтъ интереса.

— Рисуется разочарованностью? Много ихъ такихъ. Только опоздалъ: нынче это уже не въ модѣ.

— Нѣтъ, у него это скорѣе въ родѣ душевной болѣзни. Я боюсь, не ушелъ бы онъ въ монахи.

— Алябьевъ?!

— А не то къ толстовцамъ—пахать землю.

— Это Донъ-Жуанъ-то? игрокъ?

— Такіе и уходятъ. Дуритъ, дуритъ, да вдругъ—хвать! —и ищи его на Аѳонѣ, либо у Соловецкихъ угодниковъ.

— Бѣдная! — трагически вздохнула Оберталь, — съ кѣмъ же тогда ты, сирота, останешься?

— Лариска! ты опять?!

Латвина невольно разсмѣялась сквозь досаду.

— Знаешь ли,—продолжала она серьезно,—онъ уже клонитъ къ чему-то такому. Не знаю, къ чему именно, а есть у него гвоздь въ головѣ. Дѣла его плохи... ахъ, какъ плохи! А между тѣмъ, вотъ бьюсь второй мѣсяцъ, не могу уговорить его занять у меня денегъ. «Зачѣмъ? да къ чему? да все это лишнее!»—только и разговора.

— Дико!

— Того и гляди, продадутъ съ аукціона послѣднее имѣньишко. Неестественная какая-то безпечность. Прямо преднамѣренно раззоряется. Убѣжитъ онъ изъ общества,— помяни мое слово. И что уже скрываться? въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы—старыя подруги, вмѣстѣ когда-то повѣсничали, — просто смерть мнѣ отъ этой боязни. Сердце сжимается, какъ подумаю, и вся сама не своя.

— Ты бы объяснилась съ нимъ по душѣ?

— Развѣ можно говорить съ Алябьевымъ о немъ самомъ? Только слова тратить! Не человѣкъ—могила. Что ему говори, что стѣнѣ, — одна польза.

Подруги попримолкли.

— Отчего ты не выйдешь замужъ за Алексѣя Сергѣевича?—возобновила разговоръ Лариса Дмитріевна,—князь Латвинъ, вѣроятно, не отказалъ бы тебѣ въ разводѣ...

Анастасія Романовна сдѣлала пренебрежительную гримаску:

— Дать ему на руки сто тысячъ, такъ онъ приметъ на себя такія вины, что—мало развода: еще анаѳемой отъ Синода проклятъ будетъ... Алеша не хочетъ.

— А ты предлагала?

— Имѣла глупость, — произнесла Латвина сквозь зубы, слегка краснѣя.

— Ага!—злорадно подумала Лариса,—есть, значитъ, розга и на твою сатанинскую гордость.

Анастасія Романовна нервно вертѣла въ рукахъ свой вѣеръ.

— Ты, Лариса, хотѣла подразнить меня, что я ревную. А я—даю тебѣ честное слово, — сейчасъ буду даже рада, если онъ немножко влюбится. Можетъ быть, развлекся бы,—авось блажь-то и соскочила бы съ него... Да гдѣ ему! Вонъ и Врангель старается—влюблена, какъ кошка, юлитъ, кокетничаетъ... а онъ и не смотритъ.

Оберталь, польщенная задушевнымъ тономъ подруги, сочувственно кивнула головкою.

— Не удивительно. У Алябьева есть вкусъ. Имѣя тебя, увлекаться Врангель — это даже неестественно... извращеніе инстинкта!

— Батюшки, какія ты умныя слова умѣешь говорить!

— Ага! Завидно? Знай нашихъ!

— Откуда тебѣ сіе?

— Мантегаццу прочитала.

— Всего?!

— Нѣтъ, гдѣ разрѣзано... Валялся у мужа на столѣ томикъ... Заглянула, вижу,—пикантно, и прочла...

— Однако,—вернулась Латвина къ прежней темѣ,— Врангель нравится многимъ.

— Не понимаю. Абиссинка какая-то.

— Ха-ха-ха! Алексѣй Сергѣевичъ прозвалъ ее «дѣвицею съ острововъ Самоа».

— Вотъ, именно, что-то экзотическое.

— А развѣ это не интересно? Да и, вообще, много ли мужчинамъ надо? Большая, хорошо сложена, кричащіе туалеты, глаза эффектные—много обѣщаютъ... Ха-ха-ха! ты знаешь, что написалъ о ней въ «Московскомъ Обухѣ» Сагайдачный? «У г-жи Врангель глаза—молніи, но носъ—громоотводъ»... Кромѣ того—актриса, репутація доступности, пріятность огласки на весь городъ. «Такой-то... знаете: онъ съ Врангель»... Лестно! Моему Костенькѣ Ратомскому, напримѣръ, смерть хотѣлось бы, чтобы въ Москвѣ заговорили о немъ и о Врангель.

— Ахъ, и Ратомскій уже твой?—не вытерпѣла снова уязвила Оберталь.

— Мой... но не такъ, какъ ты намекаешь. Съ нѣкоторыхъ поръ, когда ты говоришь со мною, у тебя на умѣ только злость и сальности. Ратомскаго я воспитываю. На него у меня совсѣмъ особые виды.

— А что эта чахоточная bienaimée его, какъ бишь ее?

— Черны-Озерова?

— Ну, да.

— Конечно, какъ всегда: въ забросѣ и въ обманутыхъ дурахъ.

Лариса Дмитріевна сдѣлала презрительную гримасу.

— Не издѣвайся надъ нею,—остановила ее Латвина.—Реньякъ говоритъ,—она совсѣмъ на ладонъ дышетъ. Еще помретъ, — будетъ лишній грѣхъ на душѣ. И безъ того ихъ не мало,—есть за что лизать горячія сковороды... Слава Богу, Врангель кончаетъ свою волынку... Аплодируй, Лариса: она смотритъ на насъ... Браво! браво! У! несносная дѣвица-Самоа! Если бы ты знала, какъ ты мнѣ надоѣла!

III.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа сѣли за ужинъ. Княгиня Настя любила накормить гостей пораньше и поскорѣе.

— И имъ свободнѣе, потому что, все равно, половина поплетется отъ меня къ подлому Яру, а тамъ въ три запираютъ, и мнѣ хорошо.

Сама она не ужинала и не занимала за столомъ опредѣленнаго мѣста, но путешествовала по всей столовой, вдвигая свой стулъ между тѣми гостями, чей разговоръ начиналъ ее интересовать. Надоѣдятъ одни—безцеремонно отодвинется и перекочуетъ къ другимъ. Хозяйничала младшая сестра княгини Латвиной, Татьяна Романовна Хромова, очень похожая на Анастасію Романовну, но много моложе ея, свѣжѣе, стройнѣе. Татьяна Романовна была бы совсѣмъ русская красавица; но прекрасные синіе глаза ея смотрѣли вяло и сонно, а на румяномъ лицѣ залегла тѣнь застарѣлой, брезгливой скуки. Когда она слушала разговоръ, казалось, что она только притворяется, будто слушаетъ. Когда говорила,—тянула, мямлила, разсѣянно теряла слова и снова ихъ подыскивала, а то вдругъ и вовсе замолчитъ среди своей рѣчи.

— Что же вы?—изумлялся собесѣдникъ.

— Надоѣло... не стоитъ...—лѣниво улыбалась она и снова погружалась въ свой сонъ на яву.

Въ прошломъ, за Татьяною Романовною осталась темная и мучительная исторія. На восемнадцатомъ году она увлеклась однимъ иностраннымъ артистомъ. Послѣдній—человѣкъ женатый и дѣтный—былъ, однако, не прочь развестись со своею почтенною, но довольно пожилою супругою, ради молоденькой русской милліонщицы, но сперва желалъ убѣдиться, отдадутъ ли за него Таню отецъ и старшая сестра.

— Добромъ спрашивать, — нечего и пытаться: не отдадутъ,—возразила артисту сама Таня.

— Alors, mon enfant...

— Стало быть, надо сдѣлать такъ, чтобы нельзя было не отдать.

И обезумѣвшая отъ страсти дѣвушка убѣжала, по чужому паспорту, вслѣдъ за своимъ любовникомъ, за границу. Но воображая, будто отецъ, храня купецкую честь, поторопится замять семейный скандалъ вынужденнымъ согласіемъ на бракъ и родительскимъ благословеніемъ Таня не разсчитала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Романъ Прохоровичъ Хромовъ, изъ сѣрыхъ мужиковъ выросшій въ царька русскаго рыбнаго рынка, недаромъ слылъ кремнягою. Таню онъ любилъ паче жизни, и, когда она убѣжала, умеръ, разбитый апоплексическимъ ударомъ, но передъ смертью все-таки лишилъ ее доли въ наслѣдствѣ, оставивъ всѣ свои милліоны старшей дочери.

— Таньку же я не проклинаю, но и благословить не могу. Одумается сама, либо броситъ ее этотъ негодяй,— прими сестру къ себѣ. Пусть живетъ на твоей волѣ. Будешь ею довольна,—не обижай, награди. Но помни, Настасья: ежели ты дашь ей много денегъ, или, того хуже, поставишь ее вровень съ собою въ капиталѣ—такъ я тебя самое прокляну... Съ того свѣта! Мой капиталъ—потомъ и кровью дѣланный; онъ—моя жизнь, моя честь, а она его прочила балаганному шуту.

Похоронивъ отца и наладивъ дѣла по наслѣдству, Анастасія Романовна отправилась за границу отыскивать сестру. Нашла на водахъ въ Германіи, въ самомъ жалкомъ положеніи; разочаровавшись въ миражѣ милліоннаго приданаго, обольстительный артистъ поспѣшилъ разстаться съ Танею и возвратиться подъ сѣнь законныхъ пенатовъ. Таня была беременна, бредила самоубійствомъ. Сестра полтора года возила ее по Европѣ—лечила, развлекала и—добилась своего: дѣвушка немного ожила. Мало-по-

малу, — въ московскомъ вихрѣ, въ праздничной суетѣ дворца-ресторана, въ какой обратила свой домъ Анастасія Романовна съ тѣхъ поръ, какъ вышла за князя Латвина и немедленно, чуть не отъ вѣнца, съ нимъ разъѣхалась,— слѣды былой драмы стирались и забывались. Отчаяніе перешло въ угрюмую пришибленность; пришибленность переродилась въ тихую скуку равнодушія къ жизни. Молчаливая, лѣнивая, вѣчно позѣвывающая украдкою, Таня часто бывала и жалка, и досадна, казалась и глупа и даже пошла. Но иной разъ вдругъ оживится—свѣтло взглянетъ, умно скажетъ, броситъ въ общество такое мѣткое крылатое слово, что всѣ переглянутся.

— Какова наша тихоня?!

— Расшевелись ты хоть немного!—просила сестру княгиня Настя.

— Зачѣмъ? Мнѣ и такъ хорошо.

— Не для себя—хоть для меня.

— Тебѣ-то что?!

— Мнѣ досадно, что тебя считаютъ дурою

— А пускай.

— Какъ, пускай? Стыдно.

— Ничего не стыдно. Ты, вѣдь, знаешь, что я не дура?

— Еще бы!

— И я знаю. А что думаютъ другіе—мнѣ все равно

— Ужъ и ума не приложу, Танька, что съ тобою дѣлать: юродивая ты... Замужъ, что ли тебя, выдать?

— Пожалуй, выдавай, коли есть охота.

— Скажи, кто тебѣ нравится,—мигомъ высватаю.

— Э! всѣ равны.

Выдать Таню замужъ какъ-нибудь, лишь бы спихнуть съ рукъ, княгиня не хотѣла: она искренно любила сестру, а выдать ее замужъ хорошо — было трудно. Дѣвическій грѣхъ Тани Москва простила, но не забыла. Жениховъ изъ именитаго купечества она не могла дождаться: тамъ на этотъ счетъ строго. Въ безпокойствѣ о Танином замуже-

ствѣ, Анастасія Романовна пытливо приглядывалась къ толпѣ своихъ «лукавыхъ царедворцевъ», какъ прозвалъ Владиміръ Павловичъ Реньякъ праздношатающійся людъ, денно и нощно обивавшій пороги латвинскаго дворца.

— Кто годится? Не побрезгуютъ-то девять изъ десяти,—за Танею все же сто тысячъ,—да намъ такихъ самимъ не надо.

Между тѣмъ, Татьянѣ Романовнѣ шелъ уже двадцать седьмой годъ. Странно! Московская сплетня ославила домъ княгини Латвиной вертепомъ чуть не римскихъ оргій, звала Мессалиною самое Анастасію Романовну и по пальцамъ считала ея любовниковъ, но Татьяну Романовну совершенно выдѣляла изъ похожденій сестры и о ней молчала. Застраховало ли ее отъ клеветъ и нареканій дѣйствительное несчастіе юности, горше котораго не выдумать, меньше ли интересовались ею общественное мнѣніе и зависть, въ сравненіи съ милліонщицею-сестрою, просто ли каждый думалъ:

— Ужъ куда ей, Недвигѣ-царевнѣ!—

Только объ этой завѣдомо грѣшной дѣвушкѣ и думали, и говорили гораздо лучше и чище, чѣмъ о самой княгинѣ Настѣ, со всѣмъ ея обществомъ, полнымъ искусно шитыхъ и крытыхъ грѣшковъ «на законномъ основаніи».

Княгиня Настя помѣстилась между Реньякомъ и присяжнымъ повѣреннымъ Мѣховщиковымъ.

— Кончили кругосвѣтное путешествіе?

— Не совсѣмъ: посижу съ вами и поплыву къ Оберталю. Интересно, о чемъ онъ такъ горячо споритъ съ Груздевымъ?

— Поздравьте его кстати: онъ становится шпальнымъ королемъ.

— Какъ это?

Сѣрые глаза княгини Насти потемнѣли отъ вниманія. Реньякъ разсказалъ, что слышалъ отъ графа Oбертaля о

Никитинскомъ проектѣ. Княгиня понемногу теряла свою серьезность, и на лицѣ ея заиграла улыбка.

— Ну, вотъ какое ему счастье! Отъ души поздравляю... и вѣдь скрытникъ: мнѣ ни слова. И Лариса тоже.

— Ларисѣ Дмитріевнѣ самой врядъ ли извѣстно это предпріятіе,—замѣтилъ Мѣховщиковъ, съ тонкою улыбкою на рябомъ, узкоглазомъ лицѣ.—Сколько я могу понять изъ словъ Владиміра Павловича, графъ беретъ подрядъ на собственный страхъ и поведетъ собственными средствами...

— Откуда онъ ихъ возьметъ?—удивился Реньякъ.

— А! это другой вопросъ.

— У него ничего нѣтъ.

— Ахъ, Владиміръ Павловичъ, — мягко заступилась княгиня Настя,—развѣ можно такъ увѣренно считать въ чужомъ карманѣ? Чужой карманъ, что душа,—потемки.

— Анастасія Романовна! Припомните его передъ женитьбою: онъ былъ наканунѣ пули въ лобъ.

— Хотя бы и такъ... что же изъ этого? Графъ Оберталь, какъ молодой, неопытный человѣкъ, запутался немножко въ долгахъ... но вѣдь теперь этихъ долговъ не существуетъ.

— Но капиталъ, на уплату ихъ посаженный, не воскресъ.

— Ахъ, какой вы несносный спорщикъ! Человѣкъ съ именемъ графа Оберталь, съ его связями, съ такимъ дядюшкою, какъ генералъ Долгоспинный, и ко всему этому не обремененный долгами—самъ по себѣ капиталъ...

— Ага! теперь понимаю!—промычалъ Реньякъ,—это, разумѣется, andere Geschichte.

— А если бы графъ дѣйствительно повелъ подрядъ отдѣльно отъ жены, какъ подозрѣваетъ Андрей Николаевичъ,—продолжала княгиня Настя,—я и это вполнѣ понимаю. Она такъ богата, а вы, Владиміръ Павловичъ, подчеркиваете, что онъ очень бѣденъ. Это очень благородное стремленіе не зависѣть въ средствахъ отъ своей жены, за-

работать себѣ возможность самостоятельнаго существованія на условіяхъ, одинаковыхъ съ нею...

— Такъ сказать, опытъ эмансипаціи отъ женина капитала,— ядовито вставилъ Мѣховщиковъ. Княгиня Настя махнула рукой.

— Я вижу, господа, съ вами говорить—только сплетничать. Не хочу оставаться съ такими злыми, пойду къ добрымъ...

— Что говоритъ! и говоритъ, какъ пишетъ!—засмѣялся Мѣховщиковъ вслѣдъ княгинѣ Настѣ.—Такъ вотъ - съ, какія дѣла... А вѣдь я, Владиміръ Павловичъ, полагалъ-было, что вы съ Оберталемъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Не въ худыхъ.

— Гм... Тогда за что же вы его такъ? А?

— Что такое?

— Да обидѣли очень.

И—въ отвѣтъ на недоумѣвающій взглядъ Реньяка: у Мѣховщикова, за его смѣшками и улыбочками, было трудно разобрать, когда онъ шутитъ, когда говоритъ серьезно—адвокатъ прошепталъ, нагибаясь къ уху Владиміра Павловича:

— Вы сейчасъ вынули у графа изъ кармана, по меньшей мѣрѣ, треть его будущихъ прибылей. У нея же у самой тамъ—по линіи Никитинскаго проекта—огромныя лѣсныя хозяйства. Впрочемъ, ваша обмолвка сыграла лишь роль фатума въ древней трагедіи. Мальчикъ—хвастунъ и самъ виноватъ. Какъ можно кричать о такихъ аферахъ на всю Москву... да еще въ домѣ княгини Латвиной, урожденной купеческой дочери Хромовой?

Онъ оглядѣлся:

— Ха-ха-ха! Видите, ея уже нѣтъ въ столовой... Готовъ держать пари, что это не спроста: она уже приспособляетъ вашу обмолвку къ своему карману. Заработала машина! Ахъ, люблю эту бабу! Ахъ, люблю! Посадите ее на тронъ,—Семирамида, Елизавета англійская!

*

Мѣховщиковъ залился долгимъ, беззвучнымъ смѣхомъ. Потомъ опять пригнулся къ Ревьяку:

— Но отнимите у этой Семирамиды ея милліоны, и пришлось бы вашему покорному слугѣ, въ одинъ прекрасный день, защищать ее предъ господами присяжными засѣдателями, по назначенію отъ суда... А, впрочемъ... а, впрочемъ, пожалуй, и сейчасъ сіе не невозможно...

——

Княгиня Настя сидѣла въ своей уборной съ книжкою отрывныхъ листковъ на колѣняхъ. На лбу ея двигались заботливыя морщинки, тонкія брови сползли къ переносицѣ, взглядъ былъ суровъ и холодно-свѣтелъ; въ столовой этой тридцатилѣтней женщинѣ казалось не болѣе двадцати пяти лѣтъ, теперь можно было смѣло дать ей всѣ сорокъ. Она размышляла, угрюмая и сосредоточенная въ себѣ, какъ индѣйскій факиръ; мѣрное вздрагиваніе рѣсницъ и быстрый, беззвучный лепетъ губъ выдавали, что она соображаетъ и считаетъ въ умѣ цифры. Итогъ вышелъ хорошъ, она просіяла улыбкой и — безъ помарокъ — написала въ своей книжкѣ нѣсколько строкъ. Потомъ нажала пуговку звонка. Вошла горничная, высокая дѣвушка, съ задорнымъ, лукавымъ личикомъ улыбающейся японки.

— Эту телеграмму ты, Маша, свезешь сама въ почтамтъ и отправишь срочною. Скачи немедленно, возьми лихача. Телеграмма очень важная.

— Слушаю, барыня.

Княгиню, по собственному ея приказу, вся прислуга звала барыней; «вашего сіятельства» она не терпѣла:

— Такъ же къ лицу мнѣ, какъ... если бы моего маркиза звать «вашимъ степенствомъ», или «вашимъ здоровьемъ».

Кличкою маркиза она окрестила своего опальнаго супруга, изящнаго и больного князя Латвина, который, вотъ уже четвертый годъ, выкашливалъ понемногу свои легкія, то въ Каирѣ, то на островѣ Хіосѣ.

— Возвращайся, Маша, поскорѣе. Квитанціи не терять. Телеграмму, конечно, прочтешь, не утерпишь.

— Помилуйте, барыня...

— Прочтешь, прочтешь! Я тебя знаю: ты Ева любопытная. Но мнѣ это все равно: если и прочтешь, ничего не поймешь. Но у тебя прекрасная память: ты ее запомнишь наизусть. Такъ—чуръ, уговоръ: держать языкъ за зубами.

— Когда же я болтала, барыня?—уже обидѣлась горничная.

Княгиня Настя устремила въ хитрые глаза дѣвушки пристальный взглядъ, мало-по-малу смягчая его жестокое выраженіе:

— Ну, ну, не дуться! Не полиняешь отъ слова. Говорю не для обиды, а на всякій случай. Сама знаешь, что я тебѣ вѣрю. Ты вѣдь у меня единственная въ своемъ родѣ.

Она взяла горничную за подбородокъ.

— Я-то у тебя единственная ли? вѣрна ты мнѣ? никому не продаешь?

Горничная быстро нагнулась къ ея рукѣ.

— Видитъ Богъ, барыня...

Глаза Маши смѣло встрѣтились съ глазами Анастасіи Романовны. Она поцѣловала дѣвушку въ лобъ и вздохнула:

— Ладно, вѣрю... Надо же хоть кому-нибудь на свѣтѣ вѣрить. Спасибо. Лети.

Когда княгиня Настя возвратилась къ обществу, столъ былъ оживленъ—даже черезчуръ; многіе были навеселѣ. Ее встрѣтили взрывомъ криковъ:

— Княгиня, это безбожно—лишать насъ своего присутствія!

— Мы одичали безъ васъ!

— Хуже: мы не знаемъ, можно курить или нѣтъ...

Ратомскій поймалъ княгиню за руку:

— Настенька! я похищу васъ, какъ сабинянку, и прикую къ столу, какъ Андромеду.

Она била его по рукамъ.

— Руки коротки! руки коротки! Пустите, глупый: я зацѣпилась платьемъ за стулъ... Ай!.. Ну, вотъ—добился: юбка разорвана... Нечего сказать, ловкій мальчикъ!

— Юбка — ничто въ сравненіи съ вѣчностью — лепеталъ Ратомскій.

— Ну, Костя, для тебя, кажется, наоборотъ,—словилъ его налету Реньякъ.

— Настя, тебѣ кто шьетъ теперь?—спрашивала черезъ весь столъ графиня Оберталь.

— Шьетъ Войткевичъ, а рветъ Ратомскій.

Кругомъ захохотали. Анастасія Романовна приблизилась къ Оберталю и Груздеву.

— О чемъ, о чемъ съ такимъ эмфазомъ? — дружески улыбнулась она послѣднему.—Мнѣ не жаль моего баккара, но вы можете обрѣзать себѣ руку, если будете такъ крѣпко бить ладонью по фужеру...

Графъ подвинулся, чтобы дать мѣсто хозяйкѣ.

— Никита Никитичъ разсказываетъ мнѣ, какъ онъ изобрѣлъ было электромоторъ...

— Электромоторъ? Ахъ, стало быть, вы не о театрѣ? Слава Богу, наконецъ-то! А то я обошла весь столъ и всюду одно и то же: высокоталантливый, да несравненная. Серьезные люди — объ Ермоловой, мальчишки объ Отеро, дамы — о Мазини и Баттистини... И вдругъ—этакій оазисъ: объ электромоторѣ. Ну, Груздевъ, что же съ электромоторомъ?

— Электромоторъ Никиты Никитича, — насмѣшливо продолжалъ графъ,—долженъ былъ перевернуть фабричное дѣло еще рѣзче, чѣмъ сто лѣтъ назадъ Уаттова машина.

— Гдѣ теперь сто рабочихъ, довольно бы одного!— перебилъ подвыпившій ученый, сверкая сквозь очки воспаленными глазами. — Энергія развивается съ прогрессивною интенсивностью, при самыхъ простыхъ средствахъ,

самыхъ ничтожныхъ затратахъ силы. Этакая малютка,— онъ показалъ ладонью на четверть отъ стола,—на грошовыхъ элементахъ, работала бы вамъ тягу въ тысячу лошадиныхъ силъ. Пару—конецъ и конецъ всему режиму, построенному на парѣ... Уаттова машина родила капитализмъ, а моя его уничтожала.

— Excusez du peu!—удивилась княгиня Настя.

— Да-съ!.. Страна, купившая мой электротоморъ, убила бы фабричную конкуренцію всѣхъ государствъ Европы и сдѣлалась бы страною уже не милліонныхъ, но милліардныхъ состояній. Мой электромоторъ — сигналъ краха всей европейской промышленности и торговли, въ пользу избранной кучки людей, владѣющихъ тайною минимально дешеваго труда и производства.

— Господи помилуй!

— На первый взглядъ, какъ будто создается тиранія капитализма, вящая прежней, выростаетъ капитализмъ царственный, смѣю сказать. Но это не бѣда-съ, потому что, на-ряду съ нимъ, развился бы и противовѣсъ истинно титаническаго пролетаріата. Какъ я вамъ докладывалъ, мой электромоторъ упраздняетъ необходимость девяноста девяти рабочихъ изъ ста. Вотъ эти девяносто девять, оставленные безъ труда и безъ хлѣба, и рѣшили бы вопросъ соціальною революціей.

— Страсти какія! А электромоторъ?

— Завоеванный революціонерами, онъ дѣлается достояніемъ всего человѣчества.

— И на землѣ миръ, и въ человѣкахъ благоволеніе, и въ кисельныхъ берегахъ текутъ молочныя рѣки?

— Ужъ не знаю, какія потекутъ,—огрызнулся Груздевъ,—а только я говорю вѣрно.

— И скоро вы намѣреваетесь начать всѣ эти ужасы?

— Машиностроитель Брамсъ, когда я изложилъ ему подробный проектъ и представилъ вычисленія, предложилъ мнѣ сдѣлать опытъ на его заводѣ.

— Вотъ не воображала, что Альфредъ Готлибовичъ такой революціонеръ!

— Нѣтъ-съ, онъ не потому. О революціи онъ сказалъ мнѣ на своемъ швабско-хамовническомъ жаргонѣ: «Na! s'ist eine Bubereі! улитка долго ходитъ и дальше бываетъ,—какъ говоритъ умный русскій народъ». Но онъ понялъ, что первый, кто пуститъ въ ходъ электромоторъ, заработаетъ милліардъ,—и пошелъ въ мое дѣло, какъ въ лотерею. Машина обошлась ему въ двѣ тысячи рублей. Но я ошибся въ вычисленіяхъ... она не пошла!

Княгиня Настя захохотала.

— Браво! подѣломъ нѣмцу!—ишь, хотѣлъ насъ всѣхъ разорить. Но, Никита Никитичъ,—будьте милый—изобрѣтите вашъ электромоторъ уже послѣ моей смерти: пусть онъ облагодѣтельствуетъ все человѣчество, но я—эгоистка, у меня бабья душа: страсть хочу умереть спокойно, своею смертью, въ своей собственной постели и не нищею. А пока—лучше стройте...—вотъ хоть лѣсопилки для графа.

Оберталь быстро и остро взглянулъ на нее.

— Лѣсопилки? для меня? почему?

— Какъ почему? Но вы же... Ахъ, моя несчастная память! Я шла, чтобы поздравить васъ, и забыла: сказываютъ, за вами остается подрядъ на шпалы по Никитинской линіи. Кажется, это первое ваше коммерческое предпріятіе en grand? Давай вамъ Богъ успѣха, милый графъ, отъ сердца желаю, какъ старшая сестра.

— Очень благодарю васъ, Анастасія Романовна,— не слишкомъ радостно произнесъ Оберталь.—Но вопросъ еще не рѣшенъ окончательно. Могутъ явиться сильные конкурренты.

— Вамъ-то? при протекціи дядюшки Долгоспиннаго? Или это не отъ него зависитъ? Да, нечего, нечего усмѣхаться, господа! Если я и глупость сказала, такъ вѣдь— я баба, мнѣ простительно не знать, кто изъ васъ, мужчинъ, ворочаетъ какими дѣлами.

Она хохотала.

— У нашего милаго Реньяка есть поговорка: «не легка наша жизнь съ большими деньгами». И впрямь. Возьмите для примѣра меня. Женщина я совсѣмъ не дѣловая, голову я имѣю безпамятную, а дѣлъ, дѣлъ!.. И все путанныя, сложныя—развѣ бы вотъ графу Евгенію Антоновичу въ пору соображать ихъ. Я ужъ и не дерзаю вникать сама. Артемій Филипповичъ,—вы знакомы съ нимъ, графъ? мой главный управляющій,—иной разъ докладываетъ, я сижу, слушаю, дѣлаю видъ, будто все понимаю,—нельзя же иначе: я хозяйка, должна сохранять престижъ; а самое смѣхъ разбираетъ: спроси онъ меня, о чемъ вычитывалъ,—ни за что не отвѣчу. И—что подписывать приходится—подписываю наобумъ: знаю, что Артемій Филипповичъ человѣкъ честный, умный, ни онъ меня не обманетъ, ни его не обманутъ, – и подписываю.

Графъ принужденно улыбался.

— У васъ, княгиня, множество своего лѣса, и какъ разъ въ полосѣ Никитинской линіи. Можетъ быть, вы съ Артеміемъ Филипповичемъ могли бы войти въ какое-нибудь соглашеніе относительно этого лѣса?

— Не знаю, голубчикъ. Спросите его самого.

— Или...—графъ замялся,—Артемій Филипповичъ, можетъ быть, самъ собирается выступить моимъ конкуррентомъ на подрядъ?

Княгиня умоляющимъ жестомъ положила руку на его рукавъ.

— Не знаю, голубчикъ, ничего не знаю. И не вмѣшиваюсь. Для меня всѣ коммерческіе планы-прожекты—мука и тьма египетская. Все—на рукахъ Артемія Филипповича, съ нимъ и говорите. Вотъ купоны—сама рѣжу: тутъ мужского ума не требуется. И не начинайте со мною о дѣлахъ, графъ дорогой: и отвѣтить вамъ не сумѣю, и терпѣть не могу разговаривать о нихъ съ друзьями.

Кучеръ Реньяка недаромъ сулилъ извозчику-зимнику хорошаго сѣдока. Его сгоряча взялъ Ратомскій, чтобы поскорѣе усадить въ сани Врангель, которую онъ назвался довезти до дома. Пѣгая лошаденка съ усиліемъ отклеила отъ снѣга примерзшіе полозья, и Ратомскій сгорѣлъ со стыда, когда она, сбочась къ оглоблѣ, затрусила по улицѣ притворною рысью, а возница—прямо съ мѣста—зачмокалъ и задергалъ возжами:

— Но-но-но, матушка родимая! понатужься, животикъ любезненькій! Ахъ, ѣшь тебя волки, подлянку! Вывози, свинья!

Держа возжу съ нахлесткою неизмѣнно на отвѣсѣ, за локтемъ, зимникъ, съ каждымъ стегомъ по лошади, хлесталъ и по башлыку Врангель, такъ что всякій разъ, когда лошадь отмахивала хвостомъ полученный ударъ, съ тѣмъ же испугомъ взвивалась и кисточка башлыка.

— Эй, ты! осторожнѣе!—прикрикнулъ Ратомскій.

— Слушаю, батюшка!—кротко согласился зимничекъ и вытянулъ его по шапкѣ.

— Извозчикъ!—пробасилъ изъ глубины темныхъ воротъ какой-то тулупъ, должно быть, дворникъ,—посолилъ бы сѣдоковъ-то: свѣжими не довезешь, протухнутъ...

— Скорѣе, скотина!—вспыхнулъ Ратомскій, ничуть не польщенный этимъ «голосомъ изъ оврага».

— Ахъ, ужъ и народецъ эти московскіе! ужъ и народъ!—лепеталъ зимникъ, смущенно нахлестывая лошаденку.—Только бы обидѣть мужика... эко слово сказалъ... про господъ!

Врядъ ли есть занятіе скучнѣе, чѣмъ провожать пѣвицу по морозу. Врангель укуталась въ башлыкъ по самые глаза, подняла воротникъ шубки, уткнулась въ муфту и молчала всю дорогу, какъ «Нѣмая изъ Портичи», предоставивъ Константину Владиміровичу полную свободу оцѣнивать прелесть взятаго имъ возницы. Ему было и досадно, и смѣшно.

— Угораздитъ же нелегкая завербовать такую деревенскую крысу! Я какой-то герцогъ Лоранъ изъ Маскотты: всегда мнѣ не везетъ. Я увѣренъ, что хуже этого извозчика нѣтъ во всей Москвѣ, и нало было этому извозчику подвернуться какъ разъ, когда я провожаю Антонину Васильевну. Воображаю, какъ она злится и какимъ осломъ меня считаетъ!.. И, какъ нарочно, ни одного встрѣчнаго извозчика, чтобы можно было бросить эту падаль!.. Подгоняй, подгоняй, извозчикъ! Ты, вѣрно, плохо кормишь свою лошадь, оттого она и не бѣжитъ.

— Никакъ нѣтъ, батюшка: кормимъ въ плепорцію... А погоняла она, жуликъ, надъ собой настоящаго не видитъ,—вотъ, и не бѣжитъ. По деревенскому нашему свычаю, на кнутѣ ѣзженая. А кнута намъ Власовскій *) не велѣлъ, штрафа положена за кнутъ. Животъ и смыслитъ, что нѣтъ на него у хозяина державы, и взялъ такую моду, чтобы проклажаться... характерный животъ!

Добрались до «Континенталя», гдѣ жила Врангель. На подъѣздѣ пѣвица буркнула Ратомскому, изъ-подъ своихъ-подъ суконныхъ покрововъ, что-то вродѣ:

— Мурмурмуртирмурмурму...

— Помилуйте! это я долженъ благодарить за удовольствіе проводить васъ,—съ жаромъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

Мрачныя предположенія Ратомскаго относительно Врангель оправдались съ безжалостною точностью. На вопросъ своей компаньонки:

— Весело было у княгини, мой ангелъ?

Пѣвица отвѣчала съ ожесточеніемъ:

— Скучища смертная! Эта хамка совсѣмъ зазналась. Заставляетъ цѣлый вечеръ пѣть,—точно я отъ нея жалованье получаю!—и ни на грошъ вниманія! Какъ коро-

*) Московскій оберъ-полицеймейстеръ девяностыхъ годовъ. Знаменитъ тѣмъ, что явился козломъ отпущенія за пресловутую Ходынку. А.

лева: «merci, ma chère» — и еще вѣеромъ по щекѣ треплеть. Небось, Ратнера не смѣетъ трепать... А что такое Ратнеръ? Тьфу! Безголосое ничтожество,—только что протекціи большія. Въ послѣдній разъ была въ этомъ домѣ! Вотъ, какъ маму люблю,—больше ноги моей тамъ не будетъ...

— Потащишься на слѣдующей же недѣлѣ,—думала компаньонка.—Бенефисъ-то не за горами... Послѣ бенефиса—другое дѣло: пожалуй, наберешься храбрости, наплюешь въ колодезь

— Господинъ Алябьевъ,—язвительно продолжала пѣвица, изволили весь вечеръ изображать свою собственную статую, воздвигнутую по общественной подпискѣ. Ратомскій... это дуракъ какой-то! Ухаживаетъ такъ назойливо, что компрометтируетъ. Увязался провожать. Я думала, что у него своя лошадь. Но, представьте, онъ усаживаетъ меня на жалкаго ночного извозчика, и мы плетемся по Тверской-Ямской битые полчаса. Ассенизаторы лучше ѣздятъ... Не принимайте его, Марья Гавриловна, если пріѣдетъ.

— Хорошо, душечка, не приму. Только онъ собирался написать вашъ портретъ на передвижную выставку.

— Чортъ и съ портретомъ!

— Реклама хорошая, душечка... и вѣдь даромъ!

— Напишутъ и другіе, не хуже его!..

Такъ изъ малыхъ причинъ родятся великія послѣдствія! А зимничекъ, со своею пѣгою лошадкою, плелся тѣмъ временемъ по морозу и, довольный рублевкою, которую бросилъ ему Ратомскій—не спрашивать же сдачи въ присутствіи дамы сердца!—хвалилъ сѣдока, не подозрѣвая, какой бѣды ему надѣлалъ:

— Хорошій господинъ! Дай Богъ здоровья,—такой господинъ! Нѣтъ лучше господъ, ежели кто по ночному времени и съ барынькой.

— Куда теперь?—размышлялъ Ратомскій, огибая

«Континенталь»,—домой? Два часа... что-то ужъ очень добродѣтельно. Завтра объясненіе съ Анною... Раздумаешься ночью,—еще и не заснешь, пожалуй. Наши всѣ, вѣроятно, у Яра...

У подъѣзда ресторана его окружили лихачи.

— Въ послѣдній разъ,—думалъ онъ, скользя по укатанной Тверской на могучемъ рысакѣ—ей Богу, въ послѣдній... Сегодня заговѣюсь—и шабашъ. Завтра объяснюсь съ Анною, остепенюсь и за работу.

Пролетая мимо дома княгини Латвиной, Ратомскій бросилъ взглядъ на окна: фасадъ былъ теменъ; только въ нижнихъ сѣняхъ, да въ фонарѣ зимняго сада чуть свѣтились огоньки.

II.

Коса и камень.

Зимній садъ княгини Анастасіи Романовны былъ не великъ, зато уютенъ—«усѣдистъ»—какъ говорятъ въ подмосковномъ купечествѣ: восьмигранная стеклянная бесѣдка, съ великолѣпною Atalea въ центрѣ. Стволъ пальмы огибала круглая плетеная скамейка-диванчикъ. На высокомъ фигурномъ поставѣ, поддержанномъ головами бронзовыхъ грацій, сіялъ матовый шаръ электрическаго фонаря, освѣщая столикъ съ фруктами и графиномъ золотистаго вина и—у столика—Алексѣя Сергѣевича Алябьева, неподвижно вытянутаго на качалкѣ. Онъ полудремалъ съ открытыми глазами, устремленными вглубь садика на причудливую игру вырѣзныхъ тѣней кактуса и латаніи... «Тѣнь развѣститыхъ латаній на эмалевой стѣнѣ»...

Изъ комнатъ, по невысокой лѣстницѣ, крытой мохнатымъ, рытымъ подъ плюшъ, ковромъ-дорожкою, спустилась

въ садикъ княгиня Настя. Въ одной рукѣ она несла лампу, въ другой—бутербродъ съ ветчиною.

— Мой ужинъ,—засмѣялась она.—Прости, что заставила ждать. Зато уже совсѣмъ свободна: и ванну взяла, и волосы убрала. Вотъ только закушу.

— Хорошаго аппетита,—пожелалъ Алябьевъ. Онъ повернулся въ качалкѣ на бокъ, улегся щекою на ладонь и оглядывалъ Анастасію Романовну.

— Ой, не смѣй смотрѣть на меня, когда я ѣмъ, смѣясь, приказала она.—Я голодна, какъ волкъ.

— Такъ что же? На здоровье.

— Я не люблю быть вульгарною при тебѣ. А когда я ѣмъ съ аппетитомъ, я настоящій мужикъ. Знаешь: на званыхъ обѣдахъ я мученица. Особенно, если подаютъ вкусное и любимое. Въ оба глаза слѣжу за собою, не увлечься бы, не оскорбить бы чьего-нибудь изящнаго вкуса своимъ уплетаньемъ... Ты, навѣрное, не любишь ѣсть руками?

— Правду говоря, думаю, что есть много удовольствій выше этого.

— А я страсть люблю. Такъ: отломить у холоднаго гуся, либо утки, лапу, крыло—и глодать. Совсѣмъ особый вкусъ. Когда мы съ сестрою Танею воспитывались у тетушки, баронессы Эрнстъ-Траутфеттеръ, намъ сильно доставалось за это. Тамъ вѣдь все цирлихъ-манирлихъ, по баронскому. Гувернантка у насъ была - старая полька, ханжа злющая: жениха у ней въ Сибирь услали,—все о немъ плакала, а на насъ горе срывала. Такъ она колотила насъ линейкою по рукамъ, здоровою такою, съ желѣзкою. Бьетъ и приговариваетъ: «изъ хама не будетъ пана! изъ хама не будетъ пана!» Это—дѣвчонкамъ-то двѣнадцатилѣтнимъ... Какова дрянь? Люблю поляковъ, а эту и сейчасъ не могу вспомнить безъ злости!.. Однако, отъ вкуса насъ не отбила. Видно, и впрямь, каковы въ колыбелькѣ, таковы и въ могилку. Тоже запрещала намъ звать отца

тятею, а онъ это любилъ,—такъ мы, на-зло ей, вдвое чаще тятькали...

— Это хорошо,—искренно одобрилъ Алябьевъ. Ему нравилась плебейская смѣлость Латвиной; нравилось, что она гордится отцомъ своимъ, нижегородскимъ мужикомъ Романомъ Хромовымъ, изъ работниковъ на рыбномъ промыслѣ вышедшимъ въ царьки Поволжья, и ни въ грошъ не ставитъ своего новаго званія, купленнаго по сходной цѣнѣ—вмѣстѣ съ мужемъ Гедиминовичемъ, котораго она не пускаетъ къ себѣ на глаза и держитъ гдѣ-то за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ.—Это очень хорошо.

Анастасія Романовна вытерла руки платкомъ и смахнула со стола бутербродныя крошки. Потомъ растерла между пальцами лимонный листикъ.

— Теперь я въ порядкѣ и къ услугамъ вашей свѣтлости. Ты вѣдь у меня принцъ, Алеша.

Алябьевъ усмѣхнулся.

— Развѣ принцъ египетскій, котораго въ старину избирали нищіе парижскаго двора чудесъ.

Анастасія Романовна нахмурилась: она не любила, когда Алябьевъ смѣялся надъ своими разстроенными дѣлами.

— Ты не противъ, что я погашу электричество? Моей лампы довольно, чтобы видѣть другъ друга.

— Вполнѣ — за. Терпѣть не могу электричества: трактирное освѣщеніе. Зачѣмъ ты завела его?

— Удобно, голубчикъ. Ну, и мода. У всѣхъ оно. У Оберталей, у Полушубкиныхъ, у Поддевкиныхъ,—рѣшительно у всѣхъ.

— Да, если у Полушубкиныхъ и Поддевкиныхъ, конечно, необходимо...

— Не иронизируйте, ваша свѣтлость!

Алябьевъ внимательно смотрѣлъ на княгиню Настю, пока она тянулась къ пуговкѣ акумулятора.

— Позволь сдѣлать тебѣ комплиментъ: ты очень эфектна въ этомъ голубомъ... Хитонъ какой-то греческій...

Анастасія Романовна комически развела руками, польщенная.

— Какое счастье, честь какая! Алексѣй Сергѣевичъ удостоили замѣтить и похвалить!.. Не каждый день случается... Это изъ Парижа.

— Замѣтно.

— Откровенно немножко слишкомъ.

— Тебѣ это не опасно. Но зачѣмъ ты льешь на себя такой потокъ духовъ? Точно парфюмерная лавка,—даже цвѣты заглушаешь.

— Я же говорю тебѣ, что прямо изъ ванны.

— Развѣ необходимо вливать въ ванну весь складъ Альфонса Ралле?

— Эхъ, милый другъ!—грустно сказала княгиня,— мнѣ тридцать два года... надо же поддерживать себя чѣмъ-нибудь, чтобы казалось двадцать пять. Вянуть и старѣть—смерть не хочется. Ты думаешь, легко бороться вотъ съ этимъ?

Она тронула свой подбородокъ, еще не двойной, но уже съ намѣченною подъ нимъ жировою полоскою.

— Только зазѣвайся, и расплылась бочкою. Такіе проклятые годы. Поневолѣ мучишься въ одеколонныхъ ваннахъ, подъ душами, подъ щетками, нанимаешь массажистокъ... Инквизиція! Зато состоимъ покуда въ званіи belle-femme, а не въ замоскворѣцкихъ тетехахъ, и даже вамъ имѣемъ честь еще нравиться. Да я—что! У меня все кое-какъ, на скорую руку. А француженки, которымъ вы всѣ поклоняетесь?

— Никогда не поклонялся.

— Рѣчь не о тебѣ, о мужчинахъ вообще. У француженокъ не туалетъ—застѣнокъ. Времени беретъ половину сутокъ. Потому-то ихняя Сара Бернаръ и молода въ пятьдесятъ лѣтъ.

— Актеры и актрисы вообще старятся позже другихъ людей, и чѣмъ они знаменитѣе—тѣмъ позже. Ихъ

поддерживаютъ сцена, публика, апплодисменты... постоянный нервный импульсъ.

— Желала бы я такого импульса,—задумчиво произнесла Анастасія Романовна, укладываясь съ ногами на диванчикъ подъ пальмою и закидывая за голову руки, въ разрѣзанныхъ до плечъ рукавахъ.

Звякнулъ далекій звонокъ.

— Это Маша, — сказала Анастасія Романовна на вопросительный взглядъ Алябьева.—Я посылала ее на телеграфъ.

— Все дѣла и деньги?

— Дѣла и деньги.

— Вотъ ты позавидовала актрисамъ .. Тебѣ ли еще искать импульса? Кипишь въ денежномъ ажіотажѣ, какъ въ котлѣ. Третій часъ ночи, а твоя Ирида летаетъ съ телеграммами... Здравствуйте, Марья Григорьевна!—кивнулъ онъ на поклонъ Маши, вошедшей въ садъ—вся еще въ морозныхъ блесткахъ, послѣ быстрой ѣзды.

— Эхъ, этотъ импульсъ тѣла не молодитъ, а душу сушитъ,—возразила Анастасія Романовна, принимая отъ горничной квитанцію.—Спасибо, Маша. Ступай спать.

— Изъ этой квитанціи, Алексѣй Сергѣевичъ, вѣроятно, вырастетъ много тысячъ,—сказала она, когда горничная вышла.—Очень, очень много.

— Разъ ты что-то мастеришь, конечно, будетъ много. Ты по мелкому звѣрю не стрѣляешь.

— Ты радъ за меня?

— Какъ въ сказкѣ говорится: возить тебѣ—не перевозить, таскать не перетаскать.

— Все-то тебѣ смѣшно!.. Что же вина не пьешь?.. И мнѣ налей.

Она думала и хмурилась. Потомъ, опорожнивъ свой стаканъ, встала съ дивана и подошла къ Алябьеву.

— Алеша,—начала она, садясь на ручку его ка-

чалки,—я загадала на эти деньги: если я получу ихъ, ты займешь ихъ у меня.

Она положила ему на плечи свои руки—розовыя, ароматныя—и робко заглядывала въ глаза.

— Порадуй меня хоть разокъ... Да? Возьмешь, голубчикъ?

Алябьевъ тихо взялъ ея руки въ свои и поцѣловалъ одну за другою.

— Да?—настаивала княгиня.

— Нѣтъ,—засмѣялся Алексѣй Сергѣевичъ.

Она съ сердцемъ топнула ногою, вырвалась и отошла.

— Настя, помнится, мы уговорились никогда не поднимать такихъ вопросовъ,—сказалъ Алябьевъ уже серьезно.

Она обернулась съ лицомъ, пунцовымъ отъ гнѣвнаго румянца; глаза были влажны.

— Не могу я, Алексѣй! Сердись—не сердись, не могу! Я знаю: вы, баре, тамъ въ своей haute société ославили меня торгашеской душою, эгоисткою, строите изъ меня какого-то кулака въ юбкѣ...

— Никогда не слыхалъ ничего подобнаго.

— Разумѣется, при тебѣ не скажутъ. Знаютъ, что ты за меня вступишься. Кто о двухъ головахъ? А я тебѣ скажу: мнѣ на весь этотъ лай—наплевать. Хотятъ думать, что я такая,—и пусть буду такая. Чужого не ищу, но своего—еще дурою не была,—не упускала. Но я... я прямо тебѣ говорю: мнѣ и богатство не мило, когда я вижу, что ты стѣсняешь себя во всемъ...

— Ни въ чемъ я себя не стѣсняю.

— Эхъ! Ну, что ты скрытничаешь? Съ кѣмъ хитришь? Ты думаешь,—я не знаю, что Алябьевъ Кутъ назначенъ на 18-е декабря къ продажѣ?

— Свѣдѣнія твои, какъ всегда, поразительно точны.

— Ты не внесешь процентовъ?

— Милая Настя, позволь тебѣ замѣтить, что это мое дѣло.

— Значитъ, не внесешь. Воля твоя, Алексѣй, но, если ты доведешь Алябьевъ Кутъ до молотка, я его куплю.

— Не могу запретить тебѣ расширять свои владѣнія.

— Но тебѣ непріятно?

— Не то, что именно ты купишь, но что всѣ подумаютъ, будто ты покупаешь для меня.

— А мнѣ непріятно, что Алексѣй Сергѣевичъ Алябьевъ теряетъ свой послѣдній твердый уголъ, свое родовое гнѣздо...

— Ба!

— И я этого не допущу. Смѣшно: я, дочь мужика, должна говорить тебѣ, пятисотлѣтнему дворянину, о сословной гордости... Подумай: тамъ, на погостѣ, спятъ твои предки!

— Кладбища не продаются, и отъ аукціона Алябьева Кута предкамъ не будетъ хуже, чѣмъ теперь. Ты ли купишь Алябьевъ Кутъ, просто ли какой-нибудь мѣстный Колупаевъ, предки останутся на мѣстѣ. А вотъ меня, живого представителя de... de... de sabre de mon père, дѣйствительно, попросятъ честью вонъ... И,—прежде чѣмъ стыдить меня неуваженіемъ къ предкамъ,—ты знаешь, за какіе долги Алябьевъ Кутъ пойдетъ съ молотка?

— Разумѣется, знаю, что твоихъ личныхъ долговъ тамъ нѣтъ ни копейки.

— Ага!.. Въ томъ-то и дѣло, что

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
За него-жъ плати живущій!

Я поддерживалъ честь фамильнаго знамени, пока могъ, но въ моей лампѣ нѣтъ больше масла. У меня нѣтъ ни кредита... которымъ я имѣлъ бы право пользоваться,—подчеркнулъ онъ, замѣтивъ отрицательный жестъ Анастасіи Романовны,—ни охоты нагромождать на старые фамильные долги свои новые. Мой прадѣдъ сѣлъ своими долгами на шею дѣду, дѣдъ—отцу, отецъ—мнѣ... парабола банкротовъ! Пора ее оборвать... тѣмъ болѣе, что у меня

нѣтъ даже сына, которому и я бы, въ свою очередь, могъ сѣсть на шею.

Алябьевъ замолчалъ. Анастасія Романовна печально качала головою:

— Я никакъ не соображу твоихъ правилъ: занять у меня стыдно, а играть въ карты день и ночь, почти-что жить игрою азартною, не стыдно.

— Ты ошибаешься: я играю не ради денегъ, но для удовольствія. Мнѣ нравится самый азартъ игры.

— Зачѣмъ же тогда играть на большія деньги?

— Для борьбы. Зачѣмъ охотятся не на комнатныхъ собачекъ, а на волковъ и медвѣдей? Партнеръ безъ денегъ—комнатная собачка, а я люблю повозиться съ медвѣдемъ... Чтобы не забыть: шкура, которую я тебѣ привезъ съ послѣдней охоты, готова; Михайловъ ее отлично выдѣлалъ

— Спасибо... Видишь, Алексѣй: я добрѣе тебя—не отказываюсь отъ твоихъ подарковъ.

Алябьевъ улыбнулся.

— Такіе подарки, пожалуй, готовъ принимать и я. Шкура мнѣ ничего не стоитъ.

— Гораздо больше, чѣмъ мнѣ вотъ это.

Анастасія Романовна подняла надъ головою телеграфную квитанцію.

— Это, Алеша, тоже, если хочешь, звѣриная шкура. И я хожу на охоту, голубчикъ. Хоть не съ рогатиной и не по трущобамъ, какъ ты, но—неровенъ часъ,—случается схватываться съ такими мишуками—не дай Богъ!

— Этотъ—крупный?

Алябьевъ кивнулъ на квитанцію. Анастасія Романовна сдѣлала презрительную гримасу.

— Нѣтъ, подлѣтокъ... изъ начинающихъ... впрочемъ, мѣхъ не дуренъ...

Алябьевъ молчалъ. Она снова подсѣла къ нему.

— Весело на медвѣжьей охотѣ, Алеша?

— Кто на ней въ первый разъ, любитъ сильныя ощущенія и, не обыкнувъ съ медвѣдемъ, воображаетъ, будто онъ опасный звѣрь, тому весело. Прошлою зимою, близъ Лодейнаго Поля, мишка лѣзъ на меня по рогатинѣ. Она гнулась и трепетала у меня въ рукахъ; онъ треснулъ лапой, и толстый шестъ сломался, какъ тросточка, а самъ медвѣдь не удержалъ равновѣсія и съ размаху свалился мнѣ подъ ноги. Представь бурую шубу, шерстью вверхъ и вся шерсть дыбомъ. Она копошится на снѣгу и реветъ такимъ басомъ, что по всему лѣсу взметались вороны. На шубѣ двѣ рубиновыя точки—разъяренные глаза. Въ эти точки я и выпустилъ шесть пуль моего револьвера,—онъ у меня офицерскій, большого калибра, такіе дѣлались во время послѣдней турецкой войны, по правительственному заказу... Точки погасли; я понялъ, что побѣдилъ. У медвѣдя отстрѣлено полъ-морды... Это было хорошо.

— Что ужъ хорошаго въ этакомъ страхѣ!

— Хорошъ экстазъ самосохраненія, хороша жажда убійства. Минуты на двѣ туша медвѣдя закрываетъ отъ тебя всю вселенную, всю жизнь. Ты ничего не помнишь и не думаешь—кромѣ: эту тушу надо умертвить. Чувствуешь себя человѣкомъ, каковъ онъ есть по существу,—сильнымъ и жестокимъ звѣремъ. У Лермонтова это прекрасно, когда Мцыри дерется съ барсомъ... А все-таки я рѣшилъ отвыкать отъ охоты, даже врядъ ли поѣду еще разъ.

— Неужели пріѣлось?

— Нѣтъ, волнуетъ; но уже выработалась привычка, сложилась система охоты. А бить звѣря навѣрняка, хладнокровно,—ужасно непріятно. Жаль его и стыдно за себя. Послѣдній, именно съ котораго шкуру я привезъ тебѣ, тоже добирался до меня по рогатинѣ. Я, подъ его лапами, ударилъ его ножомъ возлѣ сердца, перекрутилъ ножъ, дернулъ и разорвалъ ему весь бокъ до брюха. Онъ упалъ ничкомъ въ снѣгъ, и сугробъ мигомъ сталъ розовый. Онъ

стоналъ человѣчьимъ голосомъ и, въ предсмертныхъ судорогахъ, умывалъ лапами морду, будто плакалъ. А я чувствовалъ себя убійцею, палачомъ, изъ любви къ искусству. Чѣмъ мѣшалъ мнѣ этотъ медвѣдь? За что я возненавидѣлъ его настолько, что не полѣнился проѣхать двѣсти верстъ, чтобы найти его въ Раненбургскомъ бору и распороть ему животъ? И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я очень понималъ и отъ души раздѣлялъ радость сопровождавшихъ меня къ берлогѣ мужиковъ. Мужику естественно ненавидѣть звѣря, потому что тотъ его непосредственный врагъ, жретъ его скотину, жретъ и его самого, при случаѣ; естественно ему и торжествовать его погибель... А я-то при чемъ?—Палачъ-доброволецъ. Толстовцы правы: жестокая забава.

Княгиня вздрогнула.

— Не говори о толстовцахъ!—живо сказала она.—Я ненавижу его и ихъ.

— Вотъ какъ? Это ново. За что?

— Сама не знаю... мнѣ кажется, отъ нихъ будетъ мнѣ самое большое горе въ жизни.

— Странное предчувствіе! Между тобою и ими нѣтъ ничего общаго.

— Ты можешь очутиться между мною и ими—вотъ что скверно. Знаешь, что сегодня сказала мнѣ о тебѣ Обертальша? Что это, говоритъ, Алексѣй Сергѣевичъ сталъ такой скучный, задумчивый? Ужъ не въ монахи ли задумалъ идти? Вѣдь это у ихняго брата-барина нынче очень просто... И, представь: меня это кольнуло. Хотѣла отшутиться: гдѣ ему! въ монастыряхъ картъ не держатъ, женщинъ нѣтъ, а онъ у насъ игрокъ и донъ-жуанъ. А она пресерьезно: такіе-то и уходятъ; дуритъ, дуритъ,—потомъ вдругъ все опостылѣло,—глядь, и ушелъ, куда глаза глядятъ; потомъ и ищи его на Аѳонѣ, либо у соловецкихъ угодниковъ... а то въ Ясной Полянѣ землю копаетъ...

Анастасія Романовна навязывала Ларисѣ Дмитріевнѣ свои собственныя слова, и Алябьевъ это чувствовалъ. Онъ

молчалъ. Напрасно подождавъ его отвѣта, княгиня продолжала насильственно веселымъ голосомъ:

— Главное, что мнѣ было непріятно: мнѣ самой это иной разъ кажется. Ты думаешь, я не замѣчаю, что у тебя въ послѣднее время все измѣны? Бросилъ курить, вина почти не пьешь... охоту собираешься оставить... разстаешься со всѣми старыми привычками. Этакъ ты и меня бросишь!

— Ты странно ставишь себя на одну доску съ табакомъ, виномъ и напраснымъ пролитіемъ крови.

Княгиня Настя покраснѣла, но смѣло возразила:

— Что же? Я не обольщаюсь иллюзіями. Я — твой чувственный капризъ, и только. А это — въ томъ же разрядѣ, гдѣ табакъ и вино.

Алябьевъ долго молчалъ.

— Я не спорю, что ты права отчасти,—сказалъ онъ, наконецъ,—но я чувствую въ тебѣ преданнаго друга, и это прежде того и гораздо больше того, о чемъ ты говоришь.

— Друга, которому ты ни разу не позволилъ доказать своей дружбы?

— Зачѣмъ доказывать? Я и такъ убѣжденъ въ ней.

Анастасія Романовна задумчиво стучала пальцами по гнутому обручу качалки.

— Люди говорятъ, будто деньги всесильны, завидуютъ, что у меня ихъ много. А я не вольна даже быть полезною человѣку, который мнѣ дороже всѣхъ. Сказать ли, Алексѣй? Это твое безсребренничество иногда прямо принижаетъ меня, давитъ къ землѣ, жизнь начинаетъ мнѣ казаться такою пустою, дѣла такими безцѣльными... Наживаю деньги: зачѣмъ? Не для денегъ же самихъ. Умру— не унесу ихъ въ могилу...

Алябьевъ засмѣялся.

— Ты большая чудачка, Настя.

— Покорнѣйше благодарю: выслужила чинъ! пожаловалъ!

— Нѣтъ, серьезно: я не возьму въ толкъ, почему тебя такъ сокрушаетъ, что я не могу принять твоихъ денегъ? Какъ будто мало ихъ берутъ у тебя!.. И развѣ я послѣдній, кого ты любишь? Успѣешь еще осчастливить кого-нибудь; охотниковъ на твой капиталъ найдется много.

— Такъ я и стала швырять деньги, Богъ вѣсть кому! — разсердилась Анастасія Романовна. — Дерзкій ты!—вотъ что.

— Если бы ты понялъ, зачѣмъ я непремѣнно хочу, чтобы ты былъ богатъ!—горячо заговорила она, со взглядомъ задумчивымъ и далекимъ.—Теперь мы съ тобою—на страшномъ разстояніи другъ отъ друга. Тебѣ это все равно, а мнѣ такъ тяжело! Мнѣ необходимо сблизиться съ тобою. Но—я къ тебѣ всей душою, а ты, со своею барскою мнительностью и щепетильностью, отталкиваешь меня, какъ собачонку...

— Полно, Настя!—мягко возразилъ Алябьевъ,—воображаешь небылицы... Ну, когда я тебя отталкивалъ? Да и не въ барствѣ тутъ дѣло...

— Чортъ возьми и мой капиталъ, если онъ становится стѣною между нами. Я хочу стоять вмѣстѣ и вровень съ тобою, а не на двухъ краяхъ какого-то оврага непроходимаго.

— И такъ какъ я не могу превратиться въ милліонера,—прервалъ Алексѣй Сергѣевичъ, съ желаніемъ повернуть разговоръ на шутку,—то, въ интересахъ уравненія, я могу лишь предложить тебѣ: отказаться отъ твоего состоянія и обнищать, подобно твоему покорному слугѣ...

Анастасія Романовна вскочила съ мѣста.

— Ты полагаешь, что я неспособна на это?—возбужденно подняла она голосъ, разгораясь румянцемъ во всю щеку.—Клянусь тебѣ—чѣмъ хочешь, во что ты вѣришь: если бы ты—на такомъ условіи—позвалъ меня жить съ тобою, какъ жену, я бросила бы и деньги, и дѣла, и всю эту жизнь... все! Не вѣришь?

Алябьевъ смотрѣлъ на нее съ любопытствомъ:

— Не очень...

— Ой, Алешка! не дразни!—додразнишься...

— Ну, хорошо! иди! зову!—засмѣялся онъ, притягигивая ее къ себѣ за руки.

Она ловко вывернулась.

— Задаточекъ пожалуйте!

— Какой задаточекъ?

— Я купчиха, голубчикъ: не спросясь броду, не суюсь въ воду, безъ задатка дѣла не начинаю. На все, что говорила, пойду, хоть сейчасъ. Но и мнѣ сперва нужна заручка съ твоей стороны, что ты будешь любить меня не какъ сейчасъ,—послѣ ужина съ шампанскимъ, да наглядѣвшись на декольте,—а станешь весь мой. И ужъ тогда я прицѣплюсь къ тебѣ вотъ какъ,—она крѣпко переплела пальцы обѣихъ рукъ:—не разнять. Чтобы помимо меня не было у тебя и свѣта въ окошкѣ. Что задумалъ, что сдѣлалъ, все съ моего вѣдома.

— Купленъ, значитъ?

— Да, купленъ... Скажешь: дешева цѣна?

— Черезчуръ велика, не стою такой.

— Это не ваша печаль, сударь,—наше дѣло купеческое: видимъ, что покупаемъ. За насъ, Алешенька, не конфузьтесь: мы норовимъ, какъ бы выторговать лишка, а продешевить свое,—не дай Богъ... А ужъ какъ бы я тебя ревновала!

Голосъ ея прозвучалъ почти угрозою.

— Я и теперь тебя ревную,—прошептала она, укладывая свою голову рядомъ съ его головою на спинку качалки.

— Не къ кому.

— Ко всѣмъ понемножку!.. Мнѣ все кажется, что тебя крадутъ у меня. Но наши отношенія поставлены не такъ, чтобы я имѣла право ревновать, и я пересиливаю себя, душу свою злость. Характера-то, слава Богу, мнѣ не

занимать стать: умѣю улыбаться, когда хочется браниться, какъ торговкѣ на площади, цѣлуюсь, когда такъ бы и укусила. Не хочу быть смѣшною, тѣмъ болѣе предъ тобою, Алексѣй Сергѣевичъ. Тебѣ все равно, какъ я веду себя, и съ кѣмъ,—ну, такъ притворимся, что и намъ—хоть трава не расти... Но я все помню, Алешенька, все—и хоть молчу, а ничего не прощаю!

— Заносишь въ книгу отмщенія?

— Вотъ въ эту...—Анастасія Романовна показала на лобъ,—эти записи у меня не стираются... Авось, когда-нибудь и на моей улицѣ будетъ праздникъ.

Она крѣпко обняла Алябьева за шею. Глаза ея сверкали.

— Алешка, — шепнула она, — слушай и отвѣчай серьезно: кабы я была свободна, женился бы ты на мнѣ?

— Не знаю этого,—медленно возразилъ онъ, послѣ долгаго размышленія,—врядъ ли... Я какъ-то противъ женитьбы вообще. Но недавно я раздумался, на комъ изъ нашего... то есть знакомаго мнѣ, общества я могъ бы жениться, если бы ужъ неизбѣжно выпала мнѣ брачная стезя. И, представь, убѣдился, что, кромѣ тебя, мнѣ рѣшительно не на комъ жениться.

— Это ты серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Значитъ, я на твой взглядъ лучше всѣхъ?

— Рѣчь не о лучше и хуже, а подходишь ты ко мнѣ больше, чѣмъ другія...

— Милый мой!

Она прижалась къ нему еще крѣпче.

— Алешка, говори скорѣе, что именно тебѣ нравится во мнѣ?

— Прежде всего, что ты не боишься быть тѣмъ, что ты есть, и думать о себѣ какъ разъ то, какова ты есть.

— Ну? Дальше?

— А потомъ, — расхохотался Алябьевъ,—если бы

свести въ брачную пару два такіе характера, мой и твой, пожалуй, мы все время чувствовали бы себя, какъ на медвѣжьей охотѣ...

Но Анастасія Романовна не смѣялась.

— Это вздоръ!

Она прильнула лицомъ къ его лицу и долго цѣловала въ глаза, въ щеки, въ лобъ.

— Эхъ, развестись ужъ что ли, въ самомъ дѣлѣ, съ княземъ-то?... Алеша? А?

Алябьевъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ?

— То-то «зачѣмъ»! Врешь ты все, постылый. Только утѣшаешь меня, что я и такая, и сякая, а какъ дойдетъ рѣчь до серьезнаго разговора, ничего-то я тебѣ не нравлюсь. И любишь ты Настю, потому что красивая самка, а—что Настя за тебя на эшафотъ готова—тебѣ все равно.

— Я знаю, что, когда Настя возьметъ себѣ въ голову какую-нибудь непріятную выдумку, то спорить съ Настею безполезно, потому и не возражаю... А разводъ... съ какой стати? Князь и теперь не мѣшаетъ намъ.

Она лукаво посмотрѣла на него изъ-подъ разбившихся волосъ.

— Съ такой стати, что отъ жены легче принять деньги, которыхъ ты не хочешь принять отъ любовницы... Ну! Ну! не буду! Не нервничай... оставайся такъ...

III.

Аркадскіе принцы.

— Костя, ты ли, милый другъ?! А мы было уже отчаялись... Звонили во всѣ телефоны: гдѣ пребываетъ россійскій Рафаэль Ратомскій, на коего устремлены взоры всего Яра и даже съ кабинетами?

— Кричимъ—нѣтъ отзыва! звонимъ—и нѣтъ отвѣта!

— Только телефонистки ругаются, что спать не даемъ...

— Мы думали, что ты умеръ, и одѣлись въ трауръ: смотри, шампанское подъ чернымъ ярлыкомъ...

— Аглая трижды принималась плакать.

— И, что хуже всего, Альбатросовъ трижды принимался класть ея слезы на музыку.

— Свою музыку,—пойми наше трагическое положеніе!

— Однако, нахлестались же вы, господа!—воскликнулъ Ратомскій, зажимая уши,—кричите всѣ врозь, не даете слова сказать...

— Догоняй: мы тебѣ не препятствуемъ,—возразилъ Альбатросовъ.

— Не всѣмъ же дано мужество пріѣзжать къ Яру въ трезвомъ видѣ,—уязвилъ Сагайдачный.—Мы еще не пали такъ низко.

— Ахъ, господа, господа! Когда вы научитесь правильно выражаться? А еще литераторы! Развѣ къ Яру ѣздятъ?—Къ Яру попадаютъ.

— Резонъ! Умныя рѣчи пріятно и слышать!

— А затѣмъ садись и пей; довольно этого «немножко философіи»!...

— Позвольте, господа! Мы захватили Ратомскаго, а не спросили, къ кому хочетъ онъ,—къ намъ или къ аркадскимъ принцамъ?—пробасилъ брюнетъ, съ лицомъ толстой кормилицы, которое было бы красивымъ подъ кокошникомъ, но не шло къ смокингу и франтовскому галстуху «прямо изъ Лондона».

Этого господина звали Бабуровымъ. Онъ издавалъ «Московскій Обухъ»—бойкую газету, расходившуюся во многихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. И въ сложеніи его преждевременно ожирѣлаго тѣла, и въ пристрастіи къ бриллiантамъ, и въ манерахъ, было что-то женское. Въ своей компаніи Бабурова дразнили Вителліемъ, по отда-

ленному сходству съ бюстомъ римскаго императора-обжоры.

Бабуровъ—родомъ изъ мелкихъ купцовъ—не получилъ почти никакого образованія, но голову имѣлъ умную и толковую, память ясную, систематическую, съ дѣтства наметался въ техникѣ газетнаго дѣла и обладалъ живою струйкою простонароднаго юмора, не всегда красиваго и остраго, но крѣпко и обидно бьющаго.

Онъ никогда не говорилъ серьезно, и, если съ нимъ случался такой грѣхъ,—самъ себѣ потомъ удивлялся. Въ немъ сидѣлъ неугомонный зудъ зубоскальства. Когда некого было «шпынять», онъ издѣвался надъ самимъ собою, надъ своею газетою, надъ своимъ читателемъ. Соберется съ компаніей въ «Большой Московскій Трактиръ» и, съ редакціоннаго крыльца, кричитъ на всю улицу, подзывая лихача:

— Извозчикъ! Вези Бабурова въ «Большой Московскій.., Обухъ»!

Конкуррентовъ у Бабурова было множество.

— Читали, Валеріанъ Сергѣевичъ,—говорили ему,—какъ васъ отдѣлали въ «Веселыхъ Извѣстіяхъ»? Прямо говорятъ: Бабуровъ держитъ кабакъ, а не газету.

Бабуровъ съ презрѣніемъ возражалъ:

— У меня, коли кабакъ, то все же съ патентомъ. А они безпатентною водкою изъ-подъ полы торгуютъ, пополамъ съ дурманомъ...

А между тѣмъ, этотъ злой на языкъ грубіянъ былъ, въ сущности, смирнѣйшимъ и добрѣйшей души малымъ и въ частной, и въ редакціонной жизни.

Сейчасъ при Бабуровѣ не было его обычной прихлебательской свиты. Сидѣли съ нимъ тоже тузы московской прессы. Сагайдачный писалъ хронику въ «Московскомъ Обухѣ» и былъ для газеты необходимостью: не онъ отъ Бабурова, а скорѣе богачъ Бабуровъ отъ него зависѣлъ.

Альбатросовъ не работалъ въ мѣстныхъ изданіяхъ; его литературнымъ центромъ былъ Петербургъ.

Сагайдачный былъ человѣкъ очень замѣчательный. Его читала и знала вся Москва. Нищій, почти безпріютный съ пеленокъ, въ полномъ смыслѣ слова, дитя улицы, онъ современемъ сталъ ея поэтомъ, и улица, гордясь имъ, какъ плотью отъ плоти и костью отъ костей своихъ, сдѣлала Сагайдачнаго своимъ полубогомъ. Онъ занималъ въ Москвѣ амплуа Беранже въ прозѣ: его злободневные наброски, полные рѣзкаго, искренняго, бѣшено вакхическаго смѣха, проникали и въ будуары модныхъ львицъ, и въ подвалы къ мастеровщинѣ. Огромно и буйно талантливый, сверкающій красивою ироніей, мастеръ эффектнаго слова и романтически разметанной мысли, Сагайдачный, когда писалъ, пьянѣлъ отъ собственнаго остроумія. Часто онъ оскорблялъ, самъ того не замѣчая:

— Почему это NN такъ сухо мнѣ кланяется?—удивлялся онъ.

Бабуровъ грохоталъ: наивности Сагайдачнаго, котораго онъ обожалъ, его восхищали.

— Не прикажешь ли ему еще благодарить тебя? Ты, во вчерашнемъ нумерѣ, сдѣлалъ изъ него, чортъ знаетъ, какого шута гороховаго... отдѣлалъ—ну, просто, въ котлету отбивную!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ... жаль... однако, зачѣмъ же онъ, чудакъ, сердится?

Бабуровъ хватался за бока.

— Странно,—задумывался Сагайдачный,—я на него ничуть не сердитъ. Я, если кого обижу, никогда на того не сержусь.

Поэтому, дружбы и вражды Сагайдачнаго было скоропреходящи, какъ фейерверки. Въ общемъ, его все-таки любили почти всѣ, ненавидѣли очень немногіе. Даже обиженные сердились на него не подолгу и не серьезно. Всѣхъ подкупала задушевность, съ какою выливалась изъ-подъ

пера Сагайдачнаго каждая строка его. Пока онъ писалъ, онъ весь становился тѣмъ, что онъ писалъ. Это не мѣшало ему, а наоборотъ, можетъ быть, именно это и увлекало его,—по чрезмѣрной, неудержимой страстности, — иной разъ, съ искреннею яростью нападать на тѣхъ, чьи интересы онъ вчера искренно защищалъ.

— Вы очень талантливы, Сагайдачный! — сказалъ ему одинъ серьезный писатель.—Жаль, что у васъ нѣтъ убѣжденій.

— Напротивъ, я нахожу, что у меня ихъ слишкомъ много: каждый день новое.

— Вы кондотьеръ слова!—упрекнули его въ другой разъ,—вы мѣняете убѣжденія, какъ бѣлье.

— Кто занашиваетъ бѣлье, отъ того скверно пахнетъ,—огрызнулся Сагайдачный.

Лицемѣрить онъ не умѣлъ; никогда не фарисействовалъ, и демонъ никогда не внушалъ ему поддѣльныхъ репетиловскихъ рѣчей «о честности высокой», хотя честенъ онъ былъ безукоризненно, а безкорыстенъ до щепетильности, до мнительности, иногда такъ мелочной, что почти смѣшной. Но онъ любилъ жизнь, любилъ наслажденіе, «пилъ изъ чаши бытія» тѣмъ страстнѣе и жаднѣе, что смолоду хватилъ много и голода, и холода, и всякаго тяжкаго житія. И въ разговорѣ, и въ газетѣ онъ держалъ себя либо эпикурейцемъ, откровенно и весело грѣшащимъ въ свое удовольствіе, либо мытаремъ, покаянно бьющимъ себя въ перси.

Однажды, подъ хмѣлькомъ, онъ написалъ невѣроятно циническую статью. Даже Бабуровъ изумился.

— Однако, братъ, ты, того... добродѣтели этой самой не пожалѣлъ...

— Ахъ, что вы говорите о добродѣтели!—язвительно вступилась редакціонная барышня,—съ тѣхъ поръ, какъ Карпъ Николаевичъ пишетъ въ «Московскомъ Обухѣ», въ Москвѣ нѣтъ добродѣтели: она умерла, убита наповалъ...

— Не скажите, Елена Петровна, — задумчиво отозвался Сагайдачный, — есть еще она, подлая... живуча!.. А слѣдовало бы...

— Что за охота вамъ, Сагайдачный, — спрашивали его, — объявлять подписку въ пользу пѣвицы Барсиковой? Вѣдь, она — всѣмъ извѣстно — бывшая кокотка...

Сагайдачный морщился.

— Не знаю-съ... Теперь она лежитъ больная въ сыромъ углу, и изъ того гонятъ.

— Все-таки... Есть бѣдняки, болѣе достойные помощи...

— Болѣе достойнымъ помогутъ и болѣе меня достойные люди. Надо же, чтобы кто-нибудь помогъ бывшей кокоткѣ. «Она была мечтой поэта — подайте, Христа ради, ей!»

Свои благотворительныя обращенія къ публикѣ онъ писалъ удивительно просто, но съ такимъ проникновеннымъ тепломъ, что пожертвованія сыпались градомъ.

— Каналья! — полусерьезно ругалъ онъ одного изъ спасенныхъ имъ бѣдняковъ. — Пришелъ вчера благодарить: платье съ иголочки, золотая цѣпочка, собирается въ Крымъ для поправленія здоровья. «Не угодно ли, — говоритъ, — вамъ, Карпъ Николаевичъ, деньжонокъ взаймы? Ежели рублей двѣсти-триста, — я могу»... А у меня сапоги лопнули, и я вторую недѣлю не могу завести новыхъ!

Зарабатывая уйму денегъ, Сагайдачный вѣчно сидѣлъ безъ гроша.

— Мы золотые нищіе! — острилъ Альбатросовъ, который тоже постоянно нуждался въ деньгахъ.

— Кутили бы еще больше, безобразники, — морализировалъ Бабуровъ. Но, и помимо кутежа, огромный и легкій заработокъ обоихъ журналистовъ уплывалъ сквозь пальцы съ непостижимою быстротою и легкостью: тотъ спроситъ взаймы, тому надо отдать старый долгъ, зайдутъ въ магазинъ — накупятъ ненужностей, и за все берутъ съ нихъ въ

три дорога, точно съ оперныхъ пѣвцовъ или инженеровъ, попадутъ въ купеческую компанію—платятъ наравнѣ со всѣми, держатъ мѣсячныхъ лихачей...

— Я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлался капиталистомъ, а вы занимаете другъ у друга по красненькой!—возмущался пріятелями юркій репортеръ Лагурскій, еврей-выкрыстъ, акуратный, какъ нѣмецъ, жадный, какъ акула, осторожный, какъ Шейлокъ, и до удивленія вездѣсущій малый.

— Случается, что и по рублю,—лѣниво подтверждалъ Альбатросовъ.

— А все отъ твоей скрытности, Берка, — упрекалъ Сагайдачный.—Дай намъ адресъ—гдѣ ты держишь кассу ссудъ? Вотъ мы и перестанемъ занимать другъ у друга.

— Всегда неумѣстныя шутки. И сколько разъ я просилъ тебя не звать меня глупыми жидовскими именами.

— Виноватъ, Борисъ Антоновичъ! Я и забылъ, что ты у насъ испанскій грандъ.

Сагайдачный сочинилъ для Лагурскаго особую миѳологическую родословную. По его словамъ, нѣкогда одна севильская графиня слишкомъ зазѣвалась, съ своего балкона, на auto da fe. Вѣтромъ занесло ей въ разинутый ротъ пепелъ только что сожженнаго раввина Лагурихе, который она съ испуга проглотила—и, въ узаконенный природою срокъ, къ большому своему удивленію, сдѣлалась родоначальницею грандовъ Лагурихесъ.

— Но, хотя они и чистокровные гранды, въ нихъ всегда замѣчалось «что-нибудь отъ особеннаго»...

— Ну, вотъ, ну, вотъ и свинство! и совсѣмъ не по-пріятельски!—горячился Лагурскій.

— Берочка, не кипятись! Мы тебя любимъ!

Ратомскій путался съ газетной компаніей недавно, попавъ въ нее—самъ хорошо не помнилъ, какъ. Гдѣ-то на юбилейномъ обѣдѣ онъ познакомился съ Сагайдачнымъ, закружился съ нимъ на цѣлый вечеръ—и, какъ говорится, ихъ чортъ связалъ веревочкою.

— Должно быть, я скоро тебя обругаю,—говорилъ Сагайдачный.

— Вотъ мило! За что?

— Сдружились очень: это не къ добру. Я всегда такъ: съ кѣмъ очень пріятель,—жди! Непремѣнно раздѣлаю подъ орѣхъ. Ужъ такая примѣта.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ это вы не съ аркадскими принцами?—сказалъ Альбатросовъ, когда Ратомскій усѣлся къ столу.—Развѣ вы не были сегодня на вечерѣ у Латвиной?

— Прямо оттуда.

— И они прямо оттуда. Здѣсь вся компанія, вся «Отрада домовладѣльца» in corpore: и Оберталь, и Маймачинъ, и самъ великій Гроссбухъ обѣщалъ зайти къ нимъ въ кабинетъ. Ужо, если хотите, пойдемъ вмѣстѣ.

— Пропьютъ они васъ,—захохоталъ Бабуровъ.

— То-есть—какъ пропьютъ?

— Какъ въ деревняхъ дѣвокъ пропиваютъ: засватаютъ. Я видѣлъ—Гроссбуша къ вамъ льнетъ.

Альбатросовъ кивнулъ головою.

— Выборы скоро.

— Да. А въ ихней «Отрадѣ домовладѣльца» набралось много сору, — хоть лопатой выгребай, не то, что фельетономъ... Хлестаните-ка ихъ! а? Они Петербурга боятся.

Бабуровъ захохоталъ.

— Ко мнѣ подъѣзжали. Вашего брата, сотрудника, они больше на шампанское уловляютъ, да на восторгъ передъ талантомъ. Ахъ, нашъ высокоталантливый! Ахъ, нашъ многополезный! Но мы люди простые—значитъ, съ нами можно по-просту. Повиляли полчасика пустопорожнимъ разговоромъ, но видятъ, что я глупъ и намековъ не понимаю, и пошли на чистую: динь-динь-динь... сколько? Я

имъ сейчасъ прификсъ: чтобы молчать о васъ—милліонъ двѣсти тысячъ, чтобы васъ поддерживать—вдвое. И непремѣнно полуимперіалами 1887 года. Обидѣлись. Мы, говорятъ, не шутить пріѣхали, а за серьезнымъ дѣломъ. А въ серьезъ, говорю, по такимъ вопросамъ я самъ не разговариваю: на то у меня швейцаръ есть... Обратитесь къ Михею. Уѣхали, не солоно хлебавъ. Теперь обучаются меня презирать. Въ часъ добрый! На-дняхъ мы съ Карпушею произведемъ имъ экзаменъ, хорошо ли обучились! Такъ что ли, Карпуша?

— Обертальчикъ здѣсь интересенъ,—усмѣхнулся Альбатросовъ,—распинается за «Отраду домовладѣльца», точно она—ему отечество, а Гроссбухъ—родной братъ. Что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ?

— Ахъ, вы! наивность въ сорокъ лѣтъ! А ресторанъ-то? нашъ фантастическій ресторанъ, которымъ мы собираемся убить Эрмитажъ, раздавить Славянскій Базаръ и уничтожить Большой Московскій? Вѣдь мы же его построимъ только въ томъ случаѣ, если «Отрада домовладѣльца» выдастъ намъ полмилліона подъ пустопорожнее мѣсто—на честное слово и ради прекрасныхъ глазъ графа Оберталя. Иначе — фюить! Ну-съ, а безъ Гроссбуши такія дѣла не дѣлаются. Ибо только онъ во всей «Отрадѣ домовладѣльца» обладаетъ секретомъ, какъ втирать очки акціонерамъ и внѣдрять въ нихъ вещей увѣреніе невидимыхъ. Сядетъ Гроссбуша снова въ директоры «Отрады домовладѣльца»—будетъ у Оберталя ресторанъ; полетитъ Гроссбуша на выборахъ въ трубу,—адью, монъ плезиръ! не бывать и ресторану. А Оберталь, сгоряча, уже накредитовался подъ эту чепуху тысячъ до ста. Сорвется афера съ «Отрадою»,—пиши пропало: банкротъ!

— Супруга выручитъ. Вѣдь она née de Carasikoff, неправда ли? Карасиковскимъ милліонамъ счета нѣтъ...

— Видалъ ли ты, мой другъ, какъ скачутъ лягвы на болотѣ?—запѣлъ Сагайдачный.—Знаемъ мы, какъ выру-

чаютъ мужей эти графини, вылѣпленныя изъ замоскворѣцкаго тѣста...

— Она будетъ горько плакать и возить ему въ долговое калачи отъ Филиппова, — сказать Бабуровъ.—Нѣтъ, если что выручитъ Oберталя, такъ это нынѣшній слухъ о никитинской желѣзной дорогѣ. Если правда, что ему сданъ шпальный подрядъ, цѣна Oберталю милліонъ. Тогда, разумѣется, и заемъ въ «Отрадѣ» пройдетъ легче.

Пѣвички, приглашенныя компаніей къ столу, зѣвали. На нихъ никто не обращалъ вниманія:

— Все о дѣлахъ, да о дѣлахъ —жалобно протянула рыжая Аглая, тридцатипятилѣтняя бабища, стараясь притвориться восемнадцатилѣтнею ingénue.—Бабурочка, мнѣ скучно...

— А мнѣ, чортъ съ тобой!—зыкнулъ Бабуровъ. — Я занимать тебя не подряжался.

— Однако... коль скоро вы приглашаете даму къ столу, должна же она имѣть свое удовольствіе...

— Ну, вотъ налитъ тебѣ стаканъ: соси и молчи.

— Ахъ, какой вы скверный! ужъ и слова нельзя сказать!

— Совсѣмъ не для того ты звана... Слова говорить— я Плеваку найму.

«Аркадскіе принцы» пировали въ Пушкинской комнатѣ. Альбатросовъ, усталый, хмурый и сердито хмельной, уединясь въ тѣсный уголокъ за піанино, приглядывался къ развеселой компаніи

— Всероссійскіе облупители! вершители судебъ! — насмѣшливо думалъ онъ.

Его не трогали. Его манеру сторониться отъ общества, пока мрачный хмель не перейдетъ въ веселый, всѣ знали. Заговорить съ нимъ въ такую минуту значило нарваться на дерзость. Между тѣмъ, за исключеніемъ этого переходнаго времени, Альбатросовъ, и трезвый, и пьяный,

являлся человѣкомъ самаго мягкаго нрава и старательно избѣгалъ, не сказать бы кому обиднаго слова, не поставить бы кого въ непріятное положеніе.

— Мужчина на второй номеръ! острилъ о немъ Бабуровъ, намекая на манеру Альбатросова сторониться отъ «первыхъ мѣстъ» и, даже не равнодушно, — безразлично, не замѣчая—уступать ихъ кому попало... На шеѣ у него всегда сидѣлъ какой-нибудь «талантъ», съ которымъ Альбатросовъ возился, какъ съ нещечкомъ, котораго онъ везъ въ гору съ усердіемъ ломовой лошади, и котораго онъ въ одинъ прекрасный день, когда «талантъ» ему надоѣдалъ, капризно развѣнчивалъ изъ талантовъ въ прохвосты и переставалъ пускать себѣ на глаза... «Таланты», естественное дѣло, оскорблялись и мстили сплетнями. Сплетничать же объ Альбатросовѣ было легко, потому что онъ самъ говорилъ:

— Изъ всѣхъ моисеевыхъ заповѣдей я выполнилъ только двѣ: «не укради» да «не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна»!

— Прочія, значитъ, втуне?—смѣялся Бабуровъ.

— Не то, что втуне, а не вмѣстишь...

— Ничего, Флавіанъ!—утѣшалъ Сагайдачный.—Берочка Лагурскій всего одну заповѣдь соблюдаетъ... да и то одиннадцатую: «не зѣвай!»

Молодость Альбатросова прошла бурно, отравленная разливаннымъ моремъ вина и бабничествомъ... Теперь, съ преждевременно сѣдѣющею головою, онъ часто думалъ съ тоскою:

— Накопилъ багажъ... могу сказать!

Призраки разгульнаго прошлаго то и дѣло врывались въ его настоящее, то воспоминаніемъ и новою вспышкою забытаго увлеченія, то просто шантажными притязаніями какого-нибудь негодяя, или негодяйки, тянувшихъ не однимъ десяткомъ рукъ съ Альбатросова деньги за старые грѣхи, неосторожныя письма, разбросанные сувениры...

— Вотъ и остепенись тутъ, попробуй, при такихъ милыхъ условіяхъ,—жаловался онъ.—И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Зачѣмъ тебѣ въ рай?—изумлялся Сагайдачный.— «Литераторъ гордъ, его мѣсто у Яра»—пародировалъ онъ Островскаго.

— Задумаешь идти въ гору, анъ къ сапогамъ прилипло два пуда грязи... къ грязи же и тянетъ...

— Это бываетъ,—поддерживалъ Сагайдачный.—То-есть, я—насчетъ, чтобы въ гору. Я, братъ, самъ какъ-то недавно, сидя въ Капковомъ трактирѣ, раздумался о грѣхахъ да, съ великаго покаянія, и возгласилъ: баста! остепеняюсь! Excelsior!.. Такъ, вѣришь ли, половой даже глаза вытаращилъ: хорошій господинъ, а какую скверную марку спрашиваетъ!..

— Шутъ!

— А ты—Гамлетъ... отъ Яра.

Изъ пирующихъ облупителей и вершителей судебъ больше всѣхъ привлекалъ вниманіе Альбатросова Левъ Августиновичъ Гроссбухъ,—всемогущій директоръ вліятельнаго учрежденія «Отрада домовладѣльца», царекъ московскихъ операцій съ недвижимою собственностью. Некрасивый, съ профилемъ и ушами «Мефистофеля» Антокольскаго, но удивительно симпатичный, кроткій, мягкій по взгляду, улыбкѣ и манерамъ; тощій, но костистый; бѣлокурый и жидковолосый, но не бѣлобрысый и не плѣшивый; съ нѣмецкою кровью въ жилахъ, но не нѣмецъ,—Гроссбухъ держалъ себя какъ-то особенно пріятно-скромно. Онъ забился въ глубь широкаго дивана и смотрѣлъ, точно мышь изъ норки, поеживаясь, будто ему холодно, и выражая всею своею фигурою:

— Я человѣкъ маленькій, но необыкновенно благовоспитанный.

— Руки крупье... ему бы въ Монте-Карло!—думалъ

Альбатросовъ, глядя на длинные, тонкіе пальцы Гроссбуха,—ястребиная лапа... съ коготкомъ!

Гроссбухъ чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ Альбатросова и уже не разъ посматривалъ украдкою въ его сторону, отрываясь отъ бесѣды съ Оберталемъ... Графъ былъ въ духѣ — красенъ лицомъ, глядѣлъ побѣдителемъ. Къ нему подходили съ рукопожатіями.

— Abgemacht?

— Кажется...

— Полмилліона въ карманѣ! Счастливецъ!

Пили на его счетъ—и за его здоровье. Пили за никитинскій проектъ, за будущую колоссальную дорогу, за самого Никитина, котораго, какъ оказалось, никто никогда не видалъ въ глаза и не имѣлъ о немъ понятія, что это за человѣкъ.

— Кабинетная грымза какая-нибудь,—предположилъ кто-то съ презрительнымъ пожатіемъ плечъ.

Подрядчикъ по землянымъ работамъ, Маймачинъ, изъ бурятъ, поминутно лѣзъ къ Оберталю цѣловаться, сладко засматривая ему въ лицо косыми глазами, тонувшими въ узенькихъ, жиромъ заплывшихъ щелкахъ.

— Графъ! графъ! а, графъ? Полторы тыщи верстовъ? а? Вѣдь энто на версту полторы тыщи колодъ—полъ-ста дубковъ... Графъ! графъ! а, графъ? Полста дубковъ! а? Ежели теперече дубокъ въ цѣнѣ? а?..

Пили за русскаго коммерсанта, за дворянина-купца, за дубовую шпалу, за общественную дѣятельность и за просвѣщеніе Россіи...

— Р-р-раисова... evviva!—хватилъ кто-то.

— Брррa-а-а-аво!

— Господа! за искусство! что можетъ быть выше искусства!

— За здоровье преосвященнаго!

— За мой геморой!

Графъ размахнулся широко. Въ кабинетѣ толклись

цыгане, сбирался венгерскій хоръ, толстый распорядитель — точно китъ на волнахъ — колыхалъ свое чрево отъ дверей къ столу, отъ стола къ дверямъ, направляя мановеніемъ бровей лакеевъ съ напитками. Лилось шампанское просто, шампанское пополамъ съ коньякомъ, шампанское пополамъ съ портеромъ, съ говоровскимъ квасомъ, съ краснымъ виномъ, шампанское въ крюшонѣ. Кабинетъ пропитался прянымъ, потнымъ духомъ сигаръ, пудры, вина, ананасовъ, лимоновъ, мандариновъ. У всѣхъ развязались языки—и въ воздухѣ висѣли безпутныя и откровенныя рѣчи, выкрики, обрывки пѣсенъ и шансонетокъ, визгъ, смѣхъ, сливаясь въ почти ярмарочный гвалтъ.

— Какъ они не боятся другъ друга?—думалъ Альбатросовъ. Каждый ненавидитъ остальныхъ — всѣ рвачи и соперники, всѣ — на одной и той же травлѣ по денежному звѣрю. Каждый знаетъ или подозрѣваетъ про своего сосѣда какую-нибудь дѣловую или житейскую гнусность. Каждый радъ заплатить не одну сотню рублей, чтобы въ гнусности этой увѣриться и заполучить ее въ руки, какъ вѣрный козырь. Всѣ такіе, всѣ знаютъ себя и считаютъ другихъ такими—и вотъ, однако ничего — вмѣстѣ пьютъ, безобразничаютъ, орутъ, фамильярничаютъ... Нашего брата, простого смертнаго, въ такомъ видѣ любой встрѣчный давно выкачалъ бы до дна души... А у нихъ — особая дрессировка на пьяный случай, что-ли?

Цыгане голосили:

Яко, дяка, дромалъ,
Яко, дяка, чувалъ,
Чингерея, парубейя...

Всѣ столпились у хора, — подпѣвали, притопывали, гикали. Народъ прибывалъ ежеминутно, — и уже не дѣловой, а самый пестрый—какой попало: каждый изъ пирующихъ, выходя изъ кабинета прогуляться въ общій залъ, зацѣплялъ на крючекъ кого-нибудь изъ знакомыхъ и тащилъ въ компанію. Среди купеческихъ бородъ и уса-

тыхъ биржевыхъ физіономій, замелькали бритые актерскіе подбородки. Кто-то перехватилъ въ передней уѣзжавшаго уже Сагайдачнаго и насильно привелъ въ пушкинскій кабинетъ, при оглушительныхъ аплодисментахъ.

Гроссбухъ и Оберталь тихо бесѣдовали подъ шумокъ.

— Ты знаешь мое правило, Eugène: мы кутимъ,—о дѣлахъ ни полслова. Les affaires après tout.

— Э, Léon, нѣтъ правилъ безъ исключенія.

Графъ потрепалъ Гроссбуха по колѣнкѣ. Тотъ съежился...

— Твое общество такъ весело,—усмѣхнулся онъ.— Твое вино...—онъ любовно уставился на золотистую игру газа въ своемъ стаканѣ,—твое вино такъ хорошо заморожено, что, разумѣется, тебѣ легко добиться исключенія изъ какого угодно правила... Однако, я очень просилъ бы тебя, Eugène: объ этомъ—завтра.

— Всего вѣдь одно слово, Léon, — мягко упрекнулъ Оберталь.—Да или нѣтъ?

— Eugène, ты обижаешь меня,—возразилъ Гроссбухъ, съ еще болѣе дружескимъ упрекомъ въ своихъ искреннихъ, изъ-синя сѣрыхъ глазахъ.—Можешь ли ты сомнѣваться? Конечно, да, тысячу разъ да... Всегда и во всемъ, что отъ меня зависитъ. Но...

Онъ хлебнулъ вина, закрылъ глаза и пожалъ плечами.

— Mais vous savez vous-même, cher ami: notre jour n'est pas clair. Я самъ не знаю сейчасъ, много ли зависитъ отъ меня въ Отрадѣ. Два года, годъ, даже полгода назадъ — ah, mon vieux, c'était autre chose!.. Я могъ считать себя хозяиномъ предпріятій Отрады и, конечно, не сталъ бы дѣлать вопроса изъ ссуды подъ вѣрное и прибыльное дѣло, сколько бы ты ни запросилъ. Но .. tempora mutantur et res mutantur in illis, какъ учили насъ въ коллежѣ...

— Не совсѣмъ такъ учили, Léon: et nos mutamur in illis!—поправилъ Оберталь и, съ ласковою улыбкою, погрозилъ Гроссбуху пальцемъ.

— О, нѣтъ, Eugène, вѣрь мнѣ—вѣрь: ты ошибаешься во мнѣ... Ah, sapristi! Намъ-ли не вѣрить другъ другу? Я не забылъ еще, что въ коллежѣ мы шесть лѣтъ спали на сосѣднихъ койкахъ... Va, gros cochon! nous sommes des однокорытники!

— Vieux camarade!

Графъ съ чувствомъ пожалъ протянутую руку.

— Il y a un petit peu de coeur dans cette poitrine-là,— съ достоинствомъ продолжалъ Гроссбухъ, ткнувъ пальцемъ въ свой жилетъ—какъ разъ надъ карманомъ.—И вотъ— потому-то именно, что мы старые друзья — я не имѣю причинъ скрывать отъ тебя своего положенія. Я пошатнулся, Eugène, очень пошатнулся.

— А! фантазіи!

Графъ даже махнулъ рукою и разсмѣялся.

— Весьма можетъ быть, — задумчиво согласился Гроссбухъ, — я знаю, я мнителенъ. Н-но... эта глупая оппозиція... вмѣшательство городской думы... милліонъ клеветъ, пасквилей, слуховъ... Ты не читаешь газетъ? Если-бы ты зналъ, что пишутъ на меня ces messieurs... messieurs les folliculaires!

Оберталь отлично зналъ каждую печатную строку объ «Отрадѣ домовладѣльца», однако, сдѣлалъ изумленные и негодующіе глаза.

— Послушать ихъ,—мнѣ Сибири мало. За то, что я желалъ добра родному городу, и цѣною нѣсколькихъ мелкихъ разореній, — да, разореній! что же? я не спорю! разоренія были... c'est fatal!—далъ состояніе и благоденствіе сотнямъ московскихъ собственниковъ...

— Бездѣльники! Tiens, Léon! Охота обращать вниманіе на какихъ-то болтуновъ.

— О, не скажи, Eugène! Имъ вѣрятъ... между акціонерами есть завистники...

— Ingrats!

— Да, они неблагодарны, Eugène. Я не смѣю равнять

себя съ Августомъ, но могу сказать, какъ онъ: я принялъ «Отраду домовладѣльца» деревянною—передамъ ее своему преемнику каменною.

— Тебя цѣнятъ,—вѣрь мнѣ, Léon. Завистники потонутъ въ нашей массѣ,—въ твердой организаціи преданныхъ тебѣ и благонадежныхъ,—какъ капля въ морѣ. Ты будешь выбранъ.

Гроссбухъ благодарно склонилъ голову.

— Дай Богъ, — медленно сказалъ онъ, глядя на вино.—Мои друзья, конечно, должны сплотиться и поддержать меня, чтобы я могъ, въ свою очередь, поддерживать ихъ.

— Léon, за нами ты—какъ за каменной горой.

— Oh, mon brave, я и не сомнѣваюсь. Я лишь указываю, зачѣмъ я ищу поддержки и хочу быть выбранъ. Право же, не изъ честолюбія. Ха-ха-ха! Entre nous soit dit: велика-ли честь предсѣдательствовать въ компаніи какихъ-то купчишекъ и разночинцевъ... мнѣ, потомку рыцарей фонъ-Гроссбухъ? Первый баронъ фонъ-Гроссбухъ былъ командоромъ ливонскаго ордена и сидѣлъ въ Дорпатѣ на Эмбахѣ... Да! сидѣлъ, это исторія, Eugène! Мое единственное честолюбіе — быть полезнымъ моимъ друзьямъ. Не будь у меня друзей, нуждающихся въ моихъ услугахъ, я бѣжалъ бы съ директорскаго стула, какъ каторжникъ изъ рудника: такъ надоѣли мнѣ коммерческія мелочи и дрязги... Какой я финансистъ, Eugène? Я поэтъ въ душѣ, люблю музыку, пѣніе, стихи, цвѣты, шампанское, женщинъ.. я литературный, очень литературный человѣкъ, mon cher.

Графъ молчалъ. Онъ думалъ:

— Свести бы тебя, литературный человѣкъ, съ княгинею Настасьей.. тоже вѣдь «не дѣловая женщина и въ дѣлахъ ничего не смыслитъ»... То-то бы вышла пара—хоть сейчасъ по Владиміркѣ!

— Однако, я отвлекся,—продолжалъ Гроссбухъ.—Довольно обо мнѣ. Поговоримъ о твоихъ дѣлахъ. Все, что

я буду въ состояніи сдѣлать, чтобы повліять на выдачу тебѣ «Отрадою» ссуды, я сдѣлаю. Но—не скрою—ссуда огромна; мы давно не выдавали такихъ. При томъ—ссуда почти что подъ проектъ, какъ говорится, подъ пустое мѣсто...

— Какъ же пустое, Léon? Земля стоитъ большихъ денегъ... матеріаловъ заготовлено на сто тысячъ.

— Видишь: на сто,—а ты просишь у насъ пятьсотъ,—тонко улыбнулся Гроссбухъ.—Не возражай, не возражай! Знаю, что скажешь, и самъ скажу: твой ресторанъ оправдаетъ эту ссуду. Но, къ сожалѣнію, такія сдѣлки на вѣру, такъ сказать, подъ летящаго въ небѣ журавля, противны уставу «Отрады». Не скажу, чтобы онѣ не практиковались,—я даже принципіально стою за нихъ: развиваютъ дешевый кредитъ и даютъ правильный ходъ обстраиванію города. Однако, всякій разъ, въ такомъ случаѣ, мнѣ приходится возиться съ акціонернымъ собраніемъ—passez le mot!—до седьмого пота. Что подѣлаешь? Глупы, cher, не понимаютъ собственныхъ выгодъ, боятся риска... Нужна вся сила убѣжденія..

— О ней-то я и прошу тебя, Léon.

— И я уже обѣщалъ ее тебѣ. Но скажи: какія гарантіи могу я указать акціонерамъ.

— Но ты самъ же говоришь: ресторанъ оправдаетъ ссуду...

— Нѣтъ, ресторанъ мы оставимъ въ покоѣ. Будемъ говорить не о журавлѣ въ небѣ, но о синицѣ въ рукахъ.

— Я не понимаю, Léon...

— Гмъ... — Гроссбухъ закрылъ глаза, подумалъ и опять открылъ ихъ.— Н-ну... продолжалъ онъ, какъ бы нехотя,—могъ ли бы я, напримѣръ, сказать имъ, что... н-ну... хоть этотъ никитинскій подрядъ, въ честь котораго ты такъ любезно насъ угощаешь, остался за тобою безповоротно?

— О, да, да! конечно, да!—съ жаромъ поспѣшилъ подтвердить Оберталь.

— Безъ всякихъ перемѣнъ и случайностей?

— Безъ никому и ничему, какъ говорятъ нѣмцы.

Улыбающіеся взоры друзей встрѣтились.

— Вретъ,—подумалъ Гроссбухъ.

— Видитъ ли онъ, что я вру?—подумалъ Обერталь.

— Это очень хорошо. Это очень высоко подниметъ твой цензъ и кредитъ,—поздравилъ Гроссбухъ, а самъ думалъ:

— До тѣхъ поръ, пока не увижу собственными глазами контракта на подрядъ, я не скажу собранію ни слова о ссудѣ подъ ресторанъ... Такъ-то вѣрнѣе.

Оберталь думалъ:

— До тѣхъ поръ, пока ты не выжмешь мнѣ ссуды изъ твоей «Отрады», я пальцемъ не шевельну, чтобы провести тебя въ директора... Такъ-то вѣрнѣе.

— Что это вы такъ призадумались, Флавіанъ Константиновичъ?

Задремавшій было Альбатросовъ открылъ глаза. Предъ нимъ стоялъ, лаская его мягкими взглядами, Гроссбухъ.

— Скучно вамъ въ нашемъ Содомѣ?

— Напротивъ, черезчуръ весело...

— Все наблюдаете, запоминаете, создаете типы?

— Чего ужъ тамъ создавать?—зло засмѣялся Альбатросовъ, показывая рукой на совсѣмъ пьяное общество,—созданы самою природою. Пиши портреты, типы выйдутъ сами собою. Что ни портретъ, то и типъ.

— Можно присѣсть къ вамъ?

— Пожалуйста

Помѣстившись рядомъ съ Альбатросовымъ, Гроссбухъ наклонился къ уху его и тихо началъ:

— Давненько мы не видались съ вами, Флавіанъ Константиновичъ, и, знаете ли, какое словцо хочу я вамъ сказать на радостномъ свиданіи?

— Ну-съ?

— «Савлъ, Савлъ! почто ты меня гонишь»?

Изумленный Альбатросовъ даже откинулся.

— Однако... нашли же вы и мѣсто... и время... и примѣненіе...—пробормоталъ онъ.

— Послушайте, Флавіанъ Константиновичъ,—горячо шепталъ Гроссбухъ.—За что вы противъ меня? Что вамъ сдѣлала «Отрада домовладѣльца»?

— Только то, что тамъ крадутъ,—холодно сказалъ журналистъ.

— Да гдѣ же? кто? когда? Пусть мнѣ укажутъ, пусть докажутъ,—неужели вы предполагаете, что я пощажу виновныхъ? Да я самъ буду требовать слѣдствія, самъ посажу вора на скамью подсудимыхъ, не пощажу, будь это даже мой родной братъ.

Альбатросовъ невольно опустилъ глаза: такъ прямо и честно смотрѣли ему въ лицо голубые глаза Гроссбуха.

— Скотина!—думалъ онъ съ глухою злобою въ душѣ,—лѣзетъ нахаломъ, на проломъ... Вѣдь знаетъ, что я—вѣжливая дрянь, гуманный трусишка!—не брякну ему прямо въ лицо: первый-то воръ—вы, и васъ перваго надо на скамью подсудимыхъ.

И, глядя все въ сторону, онъ возразилъ усталымъ голосомъ:

— У меня есть документы, Левъ Августиновичъ.

Гроссбухъ сожалительно пожалъ плечами.

— Да что же документы? какіе это могутъ быть документы?.. Флавіанъ Константиновичъ!—перешелъ онъ въ дружески-убѣдительный тонъ. Вѣрьте моему слову: бросьте это дѣло, оставьте насъ въ покоѣ. Будемъ логичны. Вѣдь не въ безсудной же странѣ мы живемъ. Вѣрьте: за нами слѣдитъ не одна пресса, но и прокурорская власть. Неужели вы думаете, что,—если бы въ «Отрадѣ домовладѣльца» совершались всѣ растраты, злоупотребленія, перечисленія изъ графы въ графу, въ которыхъ насъ обвиняютъ,—прокурорская власть дремала бы? Да за одну десятую того,

что на насъ взводятъ, мы пошли бы въ мѣста не столь отдаленныя...

— За кого принимаетъ меня этотъ франтъ—за круглаго дурака или семилѣтняго ребенка?—вспыхнулъ Альбатросовъ. Хмельные глаза его засверкали. Онъ выпрямился и сказалъ рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ:

— Вы, Левъ Августиновичъ, видали «Свадьбу Кречинскаго»?

— Конечно.

— Такъ вотъ-съ, тамъ есть любопытное мѣстечко. Когда Кречинскій поѣхалъ къ ростовщику закладывать украденную у невѣсты булавку, Расплюевъ струсилъ... видитъ себя уже между двумя жандармами... А Кречинскій вернулся домой и говоритъ ему: Больно ты торопишься, братъ Иванъ Антоновичъ! Подожди, это все будетъ! И полиція будетъ, и судъ, и по Владиміркѣ, все будетъ—только въ свое время!..

— Вы хотите сказать...—принужденно улыбнулся Гроссбухъ.

— Что всякое уголовное дѣло—фруктъ, которому надо созрѣть. Но, когда оно созрѣваетъ, оно падаетъ, и уже назадъ, къ вѣткѣ, его не прицѣпишь! Однако, простите: я страшно усталъ. Пойду—звать домой Сагайдачнаго.

Сагайдачный, что называется, дошелъ до точки. На него нашла необычайная важность; онъ озирался гордо и повелительно и изрекалъ слова такимъ значительнымъ и вѣскимъ тономъ, точно ронялъ жемчужины. Къ нему привязался огромный актерище, изъ драматическихъ резонеровъ,—мужчина, косая сажень въ плечахъ, но съ наивнѣйшимъ бабьимъ складомъ лица и взглядомъ обиженнаго теленка. Товарищи звали его—то Миликтрисою Кирбитьевной, то «коровою въ меланхоліи». Актеръ куксился, плакался, горячился и стучалъ кулакомъ:

— Нѣтъ, скажи! скажи!—голосилъ онъ,—за что ты меня обругалъ?

А Сагайдачный возражалъ ему, степенно и медлительно раздѣляя слоги:

— Какъ же мнѣ тебя, подлеца, не ругать?

— Нѣ-ѣтъ! ты скажи!—уже рыдалъ актеръ:—за что, за что ты меня обругалъ?!

— Какъ же мнѣ те-бя, под-ле-ца, не ругать?!

Тѣмъ позднимъ, предъ-утреннимъ временемъ, какъ въ московскомъ «Яру» Оберталь и Гроссбухъ мѣшали дѣло съ весельемъ и подслащали шампанскимъ свои смутные планы и разговоры, въ петербургской гостиницѣ «Парижъ»—Артемій Филипповичъ Козыревъ, рыжебородый управляющій княгини Анастасіи Романовны Латвиной, сидѣлъ у письменнаго стола, въ одномъ бѣльѣ и туфляхъ, и разбиралъ только-что поданную ему срочную телеграмму:

«Справьтесь у дорожныхъ, крѣпко ли съ никитинскимъ хозяйствомъ, Оберталь покупаетъ шибко, интересуюсь лѣснымъ товаромъ, везите сколько сможете по самому высокому сорту, хотя бы сверхъ возможности. Латвина».

Неразбериху эту Артемій Филипповичъ перевелъ, по шнуровой своей книжкѣ, съ условнаго языка на обыкновенный, такимъ образомъ:

«Узнайте въ министерствѣ, въ какомъ положеніи дѣло никитинской желѣзной дороги; интересуюсь подрядомъ на шпалы; Оберталю обѣщанъ онъ цѣликомъ; отбейте у него сколько сможете, предложивъ самыя низкія цѣны, хотя бы и совсѣмъ убыточныя.

Латвина».

IV.

Послѣднее пламя.

Анна Васильевна Чернь-Озерова провела почти безсонную ночь и — въ нетерпѣливомъ ожиданіи Ратомскаго — встала съ постели въ восьмомъ часу тусклаго зимняго утра. За ночь Анна Васильевна надумалась-было не дѣлать своему заблудшему Костѣ никакихъ упрековъ, сценъ и выговоровъ, встрѣтить его радостною, счастливою, что снова его видитъ. Она позвонила. Горничная не пришла сразу на непривычно ранній звонокъ. Анну Васильевну раздражила эта медлительность, и доброе настроеніе стало мало-по-малу сползать съ нея, унося съ собою и кроткія намѣренія...

Облачное небо сѣрѣло въ окна скучнымъ безсолнечнымъ утромъ. Ночничокъ у кровати мигалъ желто и уныло. Анна Васильевна погасила его, съ сердитымъ испугомъ въ глазахъ. Она была суевѣрна и не любила видѣть огонь днемъ.

— Точно факелъ похоронный... Все — къ смерти, все... А онъ — Богъ вѣсть гдѣ рыщетъ...

Она съ ненавистью оглядывала свою красивую спальню, свою кровать подъ балдахиномъ, и самое себя — еще молодую, красивую, но до жалости изглоданную болѣзнями...

— Это склепъ, могила... И сама я живой скелетъ... Ахъ, умирать, такъ ужъ скорѣе бы... За что я мучусь?

Въ непроизвольномъ раздраженіи, она давала звонокъ за звонкомъ. Луша явилась, съ недовольнымъ, опухшимъ со сна лицомъ.

— Черти тебя будятъ ни свѣтъ, ни заря, — негодовала она про себя, помогая барынѣ одѣваться. — Константина

Владиміровича дай Богъ къ обѣду дождаться — и за то скажи спасибо.

Анна Васильевна одѣвалась спѣшно. Рядомъ съ здоровою, сильною, пышною Лушею, она стыдилась своихъ увядающихъ плечъ, съ некрасивымъ отливомъ желтаго воска, своихъ рукъ и ногъ, чахлыхъ, блѣдныхъ, мертвенныхъ...

— Ей противно отъ меня,—совѣстилась она и старалась не глядѣть на Лушу, пока та, хмурая, съ надутыми губами, суетилась около нея. Анна Васильевна не ошибалась. Больная барыня, дѣйствительно, казалась Лушѣ и жалка, и смѣшна.

— Ишь, всполошилась!—насмѣшливо разсуждала дѣвушка,—въ чемъ душа держится, о томъ свѣтѣ думать пора, а туда же къ живому тянетъ,—ревнуетъ, мучается. «Ахъ, не ѣдетъ! ахъ, измѣнилъ! ахъ, не любитъ!» Извѣстно, не любитъ. За что тебя любить-то—такую?

Анна Васильевна чувствовала, что Луша думаетъ о ней нехорошо и, противъ воли, не могла презирать ее, не могла подавить тайнаго гнѣва...

— Распусти мнѣ волосы!—сухо приказала она—и не безъ злораднаго торжества прочла зависть въ глазахъ жидковолосой Луши, когда распавшіяся косы покрыли ее черною шелковистою ротондою до самыхъ колѣнъ.

— Нѣтъ, я еще не все потеряла... еще хороша,—убѣждала она себя, пытливо глядя въ зеркало.—Другихъ такихъ волосъ нѣтъ въ Москвѣ... глаза я тоже не вовсе выплакала... меня можно любить... Только бы хватило силы,—я буду очаровательна... я заставлю его забыть всѣхъ этихъ... всѣ эти куски мяса, которые онъ принимаетъ за женщинъ!

Она улыбнулась—и обрадовалась ровному, бѣлому ряду своихъ зубовъ, какъ будто впервые ихъ видѣла. Она пережила новое счастливое впечатлѣніе. Ей вздохнулось легко. Но — въ томъ же зеркалѣ — ей почудилось, будто Луша, замѣчая ея оживленіе, презрительно усмѣхается въ

сторону. Радость угасла. Стыдъ и гнѣвъ поднялись въ ней съ новою тоскою.

— Что ты дѣлаешь со мною, негодная!—зло вскрикнула она, хватаясь за голову и вырывая у Луши гребень, съ оставшимся на зубьяхъ клочкомъ волосъ,—ты дерешь мнѣ волосы горстями...

— Развѣ я тому причина, барыня? Они сами лѣзутъ...

— Сами?! Дура!

— Помилуйте. .

— Дура! дура! лгунья, жестокая!... Никогда они сами не лѣзли, не съ чего имъ лѣзть... Ты нарочно вырываешь ихъ, ты хочешь сдѣлать меня лысою...

— Богъ съ вами, барыня: какая мнѣ корысть?

И впрямь невиноватая, Луша хотѣла оправдываться. Но капризная, больная барыня надоѣла ей, и тонъ ея — противъ воли—былъ грубъ. У Анны Васильевны заходили передъ глазами зеленые круги.

— Уйди!—взвизгнула она, — уйди!.. Видѣть тебя не могу...

Луша, горя сердитымъ румянцемъ, вышла вонъ. Анна Васильевна слышала, какъ за дверями другая горничная спросила ее испуганнымъ шепотомъ: «Что?»—и Луша отвѣчала:

— Извѣстно, что. Дьяволы на ней верхомъ ѣдутъ.

Въ послѣднее время такія сцены повторялись чуть не каждый день. Между двумя женщинами—чуждыми другъ другу, словно изъ двухъ разныхъ міровъ, не имѣющими ничего дѣлить между собою—понемногу нарождалась, однако, взаимная вражда. Откуда она взялась, обѣ сами не знали, но уже ненавидѣли. На инстинктивную антипатію, на зависть организма, слишкомъ больного и угнетеннаго, къ организму, слишкомъ здоровому и жизнерадостному, отвѣчала такая же инстинктивная антипатія сильной, зрѣлой самки,—къ самкѣ разрушающейся.

И, понимая это, но стыдясь сознаться, что понимаетъ,

Анна Васильевна, теперь, одна, разливалась горькими, гнѣвными слезами, мѣшая рыданія съ истерическими выкриками:

— Господи! никто-то не пожалѣетъ, никто не любитъ... Господи! убери Ты меня къ себѣ! никому я не нужна — лишняя на свѣтѣ... одинокая... больная, старая... стыдно! горько!.. охъ!.. старая! старая! старая!..

Когда Константинъ Владиміровичъ — далеко за полдень—поднялъ съ подушки голову, первымъ предметомъ, который представился его глазамъ, оказался Реньякъ, сидящій въ креслахъ у его кровати.

— Съ добрымъ утромъ,—насмѣшливо сказалъ онъ.

— Владиміръ Павловичъ! ты-ли, душа?!—Откуда ты взялся?

— Прямо изъ дома. Только сейчасъ вышелъ.

— Гмъ... А мы, братъ, вчера куликнули, здорово куликнули. Оберталь угощалъ. Чортъ побери нѣмца,— впрочемъ, онъ не нѣмецъ,—умѣетъ жить... Будь другъ, Володя, брось папироску... вонъ тамъ онѣ на письменномъ столѣ, въ стаканѣ... Спасибо!

— Ты знаешь, который часъ? Половина второго.

— Ого! Пора завтракать. Распорядись, пожалуйста, пока я буду наводить на себя красоту. Или, можетъ быть, закусимъ гдѣ-нибудь въ кабачарѣ?

— Въ Славянскомъ базарѣ не дурные завтраки,—язвительно замѣтилъ Реньякъ, съ любопытствомъ созерцая безмятежныя черты пріятеля.

— Хороши, — согласился Константинъ Владиміровичъ.—Если хочешь, туда и махнемъ... Однако,—поразился онъ,—позволь: какъ же я вчера домой добрался? Хоть убей, не знаю! Кто меня довезъ?

— Тамъ, въ мастерской, спитъ Сагайдачный и еще какой-то яровскій гражданинъ .. судя по сизому носу, изъ потомственныхъ почетныхъ...

— Кто бы такой? Чортъ знаетъ!—послѣ этого коньяка mousseux никогда ничего не помнишь...

— Въ томъ числѣ—и честнаго слова,—рѣзко сказалъ Реньякъ.—Хорошъ ты, очень хорошъ... Можно тебѣ вѣрить!

Ратомскій широко открылъ глаза.

— Что такое? Какое честное слово?

— То такое, что ты обѣщалъ мнѣ быть сегодня утромъ у Анны Васильевны, и она давнымъ-давно ждетъ тебя.

— Ай-ай-ай-ай! -- заголосилъ Константинъ Владиміровичъ. Онъ выскочилъ изъ постели и забѣгалъ по комнатѣ босыми ногами, ероша волосы въ самомъ искреннемъ отчаяніи.

— Ахъ, я скотина гнусная! свинья безпамятная!

— Сильно, но... не несправедливо, — возразилъ Реньякъ.

— Семенъ!.. дьяволъ!.. Семенъ! платье! умываться! кофе!.. живо! Семенъ!

Ратомскій дергалъ сонетку, пока не оборвалъ звонка.

— Смотри!—крикнулъ онъ на слугу, грозя ему намыленпымъ кулакомъ и дѣлая страшные глаза съ лица, покрытаго бѣлою пѣною, — чтобы черезъ четверть часа я былъ уже на извозчикѣ... Коли задержишь—убью!

— Да, не суетись ты!—прикрикнулъ Реньякъ,—просто на нервы дѣйствуешь.

— Какъ же не суетиться, голубчикъ? Вѣдь она ждетъ.

— Э!—возразилъ Реньякъ съ горькою ноткою въ голосѣ,—она тебя третій годъ ждетъ, лишнимъ получасомъ ее не удивишь,—ученая.

Ратомскій кончилъ свои омовенія.

— Вотъ ты упрекаешь меня, — сказалъ онъ, глядя на Реньяка изъ-подъ мохнатаго пестраго полотенца,— будто я не умѣю серьезно думать и все забываю. А я, братъ, до сихъ поръ полонъ нашимъ вчерашнимъ разговоромъ... очень ты на меня подѣйствовалъ... честное слово.

— Оно и замѣтно: забылъ объ Аннѣ Васильевнѣ и зовешь завтракать въ Славянскій Базаръ.

— Ну, это я со сна. А то, ей-Богу... Нѣтъ, ты меня вчера однимъ словомъ пронзилъ, какъ говоритъ Сагайдачный.

— Именно?

— А вотъ— что общество еще кое-какъ бережетъ отъ нравственныхъ потрясеній законныхъ женъ, а любовницы не въ счетъ.

— Разумѣется, не въ счетъ. «Законы осуждаютъ предметъ любви твоей»,—ну, и куси, куси ее!

— Ты издѣваешься... а кто виноватъ, что я не женился на Аннѣ? кто отговаривалъ?

— Я,—и ставлю это себѣ въ заслугу. Какой ты для нея мужъ? Ей тридцать четыре года, тебѣ двадцать восемь. Ты здоровъ—она больная. Ты, хоть и лѣнтяй, все же рабочій человѣкъ, плебей,—она избалованная барыня. У тебя впереди—цѣлая жизнь: искусство, слава, десятки разъ любовь. У нея—ничего: крошечный остатокъ жизни, за который она цѣпляется, какъ утопающая за соломенку. Даже я, чужой человѣкъ, видалъ ее въ совсѣмъ дикихъ экстазахъ, а воображаю, чего насмотрѣлся ты.

Ратомскій согласно кивнулъ головою.

— Замужемъ она была несчастна, то есть не любила мужа и была добродѣтельна. «Другому отдана и вѣкъ ему вѣрна»...

— Прибавь кстати и другую цитату,—перебилъ Ратомскій,—«а мужъ ея былъ негодяй суровый»...

— Теперь она вдова, свободна... но больная, почти умирающая. Надо же было чорту послать ей навстрѣчу тебя—чуть не за полчаса до смерти!

— Натура свое возьметъ,—важно сказалъ Ратомскій.—Такая женщина не могла сойти съ земли, не испытавъ настоящей страстной любви. Если бы она не встрѣтила меня, то полюбила бы другого... и также волновалась бы, также страдала!

— Да... Но другой-то могъ подобраться подходящѣе тебя. Вѣдь ты, другъ мой, Костенька, только на видъ калабріецъ пылкій, а внутри у тебя ледокъ, — знаешь, вродѣ сказочныхъ китайскихъ пирожковъ: тѣсто съ пыла, съ жара, а начинка—мороженое...

— Странное расположеніе у тебя сегодня: говорить непріятности,—проворчалъ Ратомскій, невольно улыбаясь.

— Повѣрь: правда. Вспыхиваешь ярко, какъ солома; но—пуфъ! пуфъ!—и огня нѣтъ!—пресыщеніе, неискренность, скука, насильственные восторги, театральщина и мотыльковая похоть летѣть къ новому цвѣтку... Я, голубчикъ, памятливъ. Ты исправнѣйшимъ образомъ надувалъ Анну Васильевну уже въ первые мѣсяцы вашего романа. Теперь же — сознайся!—любая яровская пѣвичка, какая-нибудь рыжая Аглая, любая смазливая горничная, вродѣ mademoiselle Луши или Марьи Григорьевны дразнятъ твое воображеніе гораздо больше, чѣмъ Анна Васильевна.

— Замолчи, Мефистофель!—засмѣялся Ратомскій.

— А она—не въ тебя. Она разгорѣлась на счастье: грѣхъ, такъ грѣхъ! Замѣть: вѣдь она очень религіозная и серьезно считаетъ, что живетъ съ тобою «въ грѣхѣ» и должна быть за это наказана... И все-таки любитъ, не боится ни чертей, ни ада: день, да мой! Любовь понимаетъ съ тою возвышенною чувственностью, для которой съ милымъ рай и въ шалашѣ. Репутацію, родню, здоровье— все раздавила, не пожалѣла. Смерть на носу? эка важность! сгорѣла отъ страсти въ объятіяхъ любимаго человѣка,— туда и дорога! блаженство, а не смерть!.. И такой-то женщинѣ—въ мужья — тебя?..—Не смѣши!

— Ты, Владиміръ Павловичъ, становишься поэтомъ: замѣчаешь это?

— Да-съ, почтеннѣйшій Константинъ Владиміровичъ!—продолжалъ Реньякъ, пропуская замѣчанія Ратомскаго мимо ушей.—Разбивая ваши матримоніальныя затѣи, я оберегалъ вовсе не вашу драгоцѣнную особу, хотя вы

именно это изображали. Мнѣ было жаль Анны Васильевны. Она и теперь полусумасшедшая отъ ревности, а—имѣй-ка она на тебя права супружеской собственности... sapristi! вы не разошлись бы безъ преступленія. Я ее люблю: она хорошая женщина. Жить ей недолго. На твоемъ мѣстѣ, я былъ бы великодушенъ—позволилъ ей умереть спокойно, въ миражѣ твоей любви. Тѣмъ болѣе, что это и не трудно: глаза любящихъ женщинъ—настоящія увеличительныя стекла на нѣжность и ласку. Два—три теплыхъ слова, и отпущена вина цѣлой недѣли.

— Ты недурно знаешь женщинъ, Володя,—небрежно замѣтилъ Ратомскій,—откуда? кажется, онѣ не по твоей части.

— То есть, ты хочешь сказать: не по моей фигурѣ?

— Вовсе нѣтъ, но ты всегда сторонишься отъ нихъ, такой безстрастный, точно монахъ.

— Потому-то, вѣроятно, я и знаю ихъ; у страсти—глаза слѣпые, у меня—зрячіе. А что я сторонюсь женщинъ, то—вотъ тебѣ афоризмъ: женщины и горы суть предметы, прелесть коихъ постигается лучше, когда разсматриваешь ихъ издали. Запиши: достойно Козьмы Пруткова... Ага, ты готовъ, наконецъ... Ѣдемъ.

Въ мастерской—между задернутыми коричневымъ коленкоромъ картинами на мольбертахъ—покоились, подъ шубами, мертвымъ сномъ два распростертыя на кушеткахъ тѣла!

— Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

Ратомскій благословилъ траги-комическимъ жестомъ сѣрое лицо, запавшіе глаза и раскрытый ротъ Сагайдачнаго. Но другой гость повергъ его въ глубочайшее недоумѣніе.

— Рыжій... бородатый... шишка на лысинѣ... что за чортъ? откуда? хоть убей, не знаю, гдѣ я подобралъ эту рожу... Пасквильная физіономія... пожалуй, еще сыщикъ какой-нибудь—а? Реньякъ, какъ ты думаешь?

— Ѣдемъ! ѣдемъ!—торопилъ Реньякъ, не отвѣчая. Ратомскій начиналъ его раздражать.

Санки полетѣли навстрѣчу рѣзкому, морозному вѣтру.

— Какъ же ты думаешь устроиться съ своимъ долгомъ Аннѣ Васильевнѣ?—спросилъ Реньякъ по-французски, чтобы не понялъ Кузьма.

— Буду кланяться въ ноги: «потерпи на мнѣ»!

— «Потерпи на мнѣ»! Глупости говоришь. Разумѣется, она не потянетъ тебя къ мировому и не запишетъ на черную доску въ своей передней. Не въ томъ дѣло. Надо, чтобы эти деньги не стали между вами. Ты знаешь, какая она мнительная.

— Правда, но... на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Ты будешь просить прощенія, нѣжничать,—она расчувствуется, проститъ тебя... Чувствительное табло!.. А потомъ—долженъ же пойти у васъ разговоръ о долгѣ: она сейчасъ безъ гроша.

— Скверно!

— Что ты ей скажешь? «Ахъ, извини, Нини: перебейся какъ-нибудь еще недѣльку,—я тебя надулъ: проигралъ и пропилъ твои деньги».

— Ты берешь, чортъ знаетъ, какой тонъ!—вспылилъ Ратомскій,—можно, кажется, пріискать другія выраженія!.. И незачѣмъ разговаривать объ этомъ: мое дѣло.

— Безъ сомнѣнія. Я только хотѣлъ замѣтить, что если ты—ex abrupto—заговоришь объ отсрочкѣ долга, то Анна Васильевна, по подозрительности своей, непремѣнно подумаетъ, что ты только затѣмъ и пріѣхалъ.

— Мое дѣло, Реньякъ, мое. Перемѣнимъ разговоръ.

— Какъ хочешь,—равнодушно сказалъ Владиміръ Павловичъ,—я потому началъ его, что хотѣлъ предложить тебѣ взаймы...

Ратомскій даже отодвинулся отъ него: такъ удивился.

— Ты? взаймы? Владиміръ Павловичъ, тебя ли я слышу?

— Нѣтъ. Кто-то загримировался мною... «чужой дядя»!—послѣдовалъ довольно рѣзкій отвѣтъ.

— Но, вѣдь, я знаю твои правила: никогда не занимать и никому не давать взаймы.

— Гм... теперь ужъ я тебѣ скажу: мое дѣло. Желаешь получить или нѣтъ?

— Да, конечно. Чрезвычайно тебѣ благодаренъ. Однако...

— Что?

— На какихъ же условіяхъ?

— Развѣ я дисконтеръ, чтобы давать взаймы по условію? Будутъ деньги, - отдашь.

— Спасибо, Володя, это по-товарищески.

Ратомскій хотѣлъ подать Реньяку руку, но у того руки были засунуты рукавъ въ рукавъ.

— Я безъ перчатокъ,—возразилъ онъ.—Должно быть, забылъ у тебя. Холодно. Боюсь обморозиться. Вотъ—заѣдемъ въ волжско-камскій банкъ,—тамъ и произведемъ дружественную эквилибристику... въ теплѣ...

Что-то въ ровномъ тонѣ Реньяка не понравилось Ратомскому, и онъ на мгновеніе задумался: дѣлать ли ему заемъ? Но...

— Ты снимаешь съ меня тяжелую обузу,—вздохнулъ онъ.—Спасибо тебѣ.

— Не за что.

— Но, признаюсь, я никакъ не ожидалъ такой любезности съ твоей стороны. Конечно, мы пріятели... но я не смѣлъ и думать, что ты настолько расположенъ ко мнѣ...

— А я и сейчасъ не смѣю,—возразилъ Реньякъ съ напускною дурашливою грубостью. Фраза опять не понравилась Ратомскому, потому что не шла къ Реньяку и звучала двусмысленно.

Такъ доѣхали они до банка.

— Какъ же ты говорилъ, что забылъ перчатки?— воскликнулъ Ратомскій, когда швейцаръ снялъ съ Владиміра Павловича пальто.

— Перчатки! Ахъ, въ самомъ дѣлѣ... А руки зябли, точно ихъ не было... Я становлюсь ужасно малокровнымъ...

И эта забывчивость нехорошо отозвалась въ сердцѣ Ратомскаго. Молча прошелъ онъ за Владиміромъ Павловичемъ къ «выдачѣ по чекамъ» и, получивъ деньги, поблагодарилъ пріятеля безмолвнымъ поклономъ, но руки ему уже не протянулъ.

Реньякъ довезъ Ратомскаго до самой квартиры Черньозеровой. Высаживая Константина Владиміровича у подъѣзда, онъ сказалъ сквозь зубы и, съ особымъ прилежаніемъ изучая узоръ креста на ближайшей колокольнѣ:

— Прости,—это, конечно, лишнее,—но я долженъ тебя предупредить: я одолжилъ тебѣ эти пятьсотъ, чтобы ты расплатился именно съ Анною Васильевною. Если бы ты вздумалъ дать имъ другое назначеніе, мнѣ... м-м-м... будетъ непріятно, а тебѣ... м-м-м... неловко. Пошелъ, Кузьма.

Анна Васильевна пережила долгій день. Ожиданіе совсѣмъ истомило ее. Она передумала все, что можетъ передумать больная женщина, ежесекундно ожидающая любимаго человѣка, не слыша его звонка часъ... два... четыре часа... шесть... То казалось ей, что все кончено— Ратомскій разлюбилъ ее совсѣмъ и не придетъ уже никогда болѣе. То—что его разбили лошади на улицѣ, что онъ поскользнулся на тротуарѣ и вывихнулъ себѣ ногу, что у него въ мастерской пожаръ, что случилось еще какое-нибудь несчастье.

— Можетъ быть, Реньякъ не нашелъ его,—волновалась она.—Нѣтъ, тогда онъ заѣхалъ бы самъ, далъ бы знать, чтобы я не ждала напрасно. Онъ добрый, любитъ меня, жалѣетъ. Онъ видѣлъ, какъ я изстрадалась.

Она бродила по комнатамъ, какъ тѣнь, и, проходя мимо зеркалъ, съ тоскою видѣла, что лицо ея желтѣетъ съ минуты на минуту и, подъ глазами, все глубже ложатся темные круги. Доходившись до ломоты и дрожи въ колѣняхъ, она, въ изнеможеніи, прилегла на кушетку.

— Силы нѣтъ... устала,—вслухъ подумала она тихимъ, покорнымъ стономъ. Пріѣдетъ теперь,—хороша я выйду къ нему!

Она лежала съ закрытыми глазами, слишкомъ утомленная, чтобы думать, въ томъ тяжеломъ безмысліи, что охватываетъ человѣка, когда онъ истратитъ весь запасъ своей нервной силы, и тѣло беретъ подавляющій верхъ надъ ослабѣвшею волею. Она не замѣтила, какъ перешла къ сну—короткому, но глубокому, безъ видѣній, безъ сознанія жизни, безъ признаковъ ея. Она лежала въ оцѣпенѣніи—истинномъ образѣ смерти съ страдальческою гримасою на лицѣ, застывшей въ неподвижную маску, съ нахмуренными бровями; ни губы, ни грудь не шевелились дыханіемъ. Луша заглянула въ комнату. Неподвижность барыни испугала ее. Ей показалось, что Анна Васильевна умерла. Но, подойдя ближе, она увидала, что на лбу спящей выступили мелкія росинки пота, и на щекахъ, сквозь смуглую желтизну ихъ, пробивается слабый румянецъ.

Но, когда раздался звонокъ Ратомскаго — звонокъ, который Анна Васильевна узнала бы изъ тысячи,—она вскочила съ кушетки, будто не спала вовсе, и даже Луша изумилась внезапной красотѣ ея просвѣтленнаго помолодѣвшаго лица, залитаго яркимъ румянцемъ, изумилась радостнымъ звѣздамъ, засверкавшимъ въ ея черныхъ глазахъ.

Константинъ Владиміровичъ вошелъ, робкій, смущенный, понурый, съ повѣшенною косматою головою. Готовясь съ утра встрѣтить его горькими, обидными словами, Анна приготовила ихъ много,—и всѣ позабыла. И когда услыхала его голосъ:

— Здравствуй, Нини!

Съ громкимъ воплемъ, однимъ прыжкомъ пролетѣла она раздѣлявшую ихъ комнату, повисла на его шеѣ, твердя, какъ безумная:

— Ты... ты... ты...

И цѣловала, и плакала, и смѣялась...

Только, когда прошелъ первый угаръ свиданія, когда обезсиленная насыщенною страстью, полузадушенная объятіями, она безпомощно лежала головою на плечѣ Ратомскаго, — она вспомнила, сколько выстрадала по милости этого человѣка за двѣ недѣли, что его не видала, вспомнила всѣ злыя слова и чувства, накипѣвшія въ ея сердцѣ, и сразу озлобилась на него, въ его объятіяхъ. Она оттолкнула Ратомскаго, не кончивъ поцѣлуя, и отошла къ окну, съ гнѣвнымъ, потускнѣвшимъ лицомъ.

— Отъ васъ виномъ пахнетъ!—крикнула она.—Духами какими-то отвратительными... Гдѣ вы шлялись?

— Но, Нини...

Прелесть гнѣва увлекла Анну Васильевну, не позволяла ей слушать оправданій. Она вся дрожа, затопала ногами:

— Я хочу знать, что ты дѣлалъ въ эти двѣ недѣли! Какая новая... гадина... тебя... за... влек...

Ей не хватало дыханія. По исковерканному гнѣвомъ лицу пошли красныя пятна. Въ стараніяхъ возвратить себѣ голосъ, она дѣлала пальцами безпомощныя движенія въ воздухѣ...

— Долго ли ты будешь мучить меня? — услышалъ, наконецъ, Ратомскій слова, хриплыя и глухія, какъ изъ подъ земли,—пощади... безсовѣстно... убей, раздави лучше сразу!..

Она упала на кушетку, потекли горькія, молчаливыя слезы, она плакала, лежа ничкомъ, и слезы текли сквозь пальцы, которыми она закрывала лицо. Порою она поднимала голову, смотрѣла на Ратомскаго мокрыми, полными

жалобнаго укора, глазами, качала скорбно головою и разливалась новыми слезами. И, когда онъ хотѣлъ оправдаться, она останавливала его умоляющими словами:

— Молчи, молчи... не надо!.. Я знаю все, что ты скажешь... что намъ объясняться? Ничего не надо.

— Нини, я на колѣняхъ прошу тебя...

— Ничего не надо... Я только хочу плакать передъ тобою.. чтобы видѣлъ ты... ты... какъ ты меня замучилъ.

Ратомскій стоялъ, потрясенный, раздавленный, уничтоженный. Онъ пріѣхалъ, готовый на «сцену», и не ждалъ такого оборота дѣла. Каждая слеза Анны падала ему на сердце и мучительно просвѣтляла совѣсть. Она вставала, грозная и безпристрастная, и звала его на суровый самосудъ. И бѣжать отъ безпощаднаго приговора совѣсти было некуда—кромѣ какъ къ этой же самой любящей женщинѣ, которую онъ такъ жестоко измучилъ и обидѣлъ, и которая рыдаетъ теперь уже не отъ обиды его,—потому что она ему простила,—но отъ острой физической боли, накопленной ея сердцемъ, въ долгіе дни этой обиды; рыдаетъ уже непроизвольно—не душою, но изболѣвшимъ въ двухнедѣльной пыткѣ тѣломъ. Ратомскій тихо сталъ на колѣни у ногъ плачущей Анны, и, молча, прильнулъ губами къ краю ея платья. Онъ чувствовалъ, что никогда не любилъ онъ никого и не полюбитъ больше, чѣмъ ее—оскорбленную, жалкую, больную,—и никогда не любилъ ее сильнѣе, чѣмъ въ эту минуту.

Заѣхавъ къ Черны-Озеровой часовъ въ восемь вечера, Реньякъ былъ очень удивленъ, когда Луша объявила ему:

— Онѣ уѣхали-съ.

— Вотъ тебѣ разъ! какъ? когда? куда?

— Часу въ пятомъ. Константинъ Владиміровичъ привели карету и увезли ихъ. Надо полагать, въ Котково, потому что Анна Васильевна взяли съ собою три платья и много бѣлья.

— Значитъ, надолго?
— Не могу вамъ доложить. Ничего не сказывали.
— Гмъ... А здоровье ея какъ?
— Ничего... Веселыя поѣхали.
— Вчера она была очень не хороша.
— Ожили-съ!—усмѣхнулась горничная.

Въ Котковѣ, пришоссейномъ селѣ Звенигородскаго уѣзда, Ратомскій имѣлъ вторую мастерскую, куда скрывался всякій разъ, когда находила на него охота работать по настоящему. Мастерскую эту онъ завелъ уже лѣтъ пять, когда выгодно продались за границу и къ Третьякову сразу четыре его полотна. Главное изъ нихъ—«Гаданье на снѣгу»—изображало извѣстный малороссійскій обычай: въ «щедрый вечеръ» дивчина ложится нагимъ тѣломъ въ сугробъ, чтобы получить на снѣгу свою «тѣнь»; если на утро ея отпечатокъ останется чистымъ, ей предстоитъ счастливое замужество; если его замететъ мятель или затопчутъ зайцы,—судьба сулитъ ей печальное будущее. Такъ какъ на первомъ планѣ огромной картины Ратомскій бросилъ двѣ рубенсовскія фигуры, одѣтыя только луннымъ свѣтомъ, то «Гаданье на снѣгу» возбудило въ критикѣ великій споръ: какія цѣли преслѣдовалъ художникъ—этнографическія или порнографическія? Картину ругали такъ сильно, что она съ большимъ денежнымъ успѣхомъ прокатилась по всей Россіи, прежде чѣмъ какой-то румынскій еврей купилъ ее за десять тысячъ рублей для своей виллы подъ Яссами. На эти деньги Ратомскій выстроилъ мастерскую въ Котковѣ: предпріятіе, которое онъ называлъ единственнымъ умнымъ дѣломъ въ своей безалаберной жизни.

Карета вкатилась въ Котково въ десять часовъ вечера. Телеграмма, предупреждавшая сторожа мастерской о пріѣздѣ художника, пришла часа три тому назадъ. Сторожъ — мощный бородатый старикъ, знакомый всѣмъ поклонникамъ Ратомскаго, потому что они неизмѣнно встрѣчали его

на каждой картинѣ художника, то Дѣдомъ-Морозомъ, то Лѣснымъ Царемъ, то Давидомъ, созерцающимъ Вирсавію,—встрѣтилъ пріѣзжихъ за околицею.

— Много лѣтъ здравствовать, Кисценкинъ Владиміровичъ,—кланялся онъ, крупно шагая рядомъ съ каретою,—здоровы будьте, сударыня...

— Здравствуй, Лимпадистъ. Не холодно у насъ?

— Баня, сударь. Каждый день протапливаю. А какъ получилъ давеча штафетъ, зажарилъ во всѣ дымы. Глянь: вонъ какъ у насъ.

Онъ съ гордостью указалъ на бѣлые столбы дыма, круто поднимавшіеся въ морозное мѣсячное небо изъ трехъ трубъ мастерской. Несмотря на холодъ и вѣтеръ, Лимпадистъ былъ въ лѣтнемъ кафтанишкѣ, наброшенномъ на плечи, поверхъ кумачевой рубахи,—и хоть бы поежился! Анна Васильевна лежала въ каретѣ, укутанная мѣхами, шубка на шубку, и пледами. У крыльца Ратомскій взялъ ее на руки:

— Двери, Лимпадистъ!

Онъ внесъ Анну, темными сѣнями, въ пристройку, гдѣ жилъ и спалъ, когда наѣзжалъ въ Котково работать. Анна Васильевна смѣялась...

— Оставь! Я вовсе не такъ слаба, я сама... тебѣ тяжело, ты надорвешься, глупый!..

Ратомскому было, дѣйствительно, тяжело, и, когда онъ опустилъ Анну на полъ, сердце его безпорядочно колотилось въ груди, и передъ глазами прыгали пестрыя искры. Но онъ видѣлъ, какъ Анна счастлива и горда, что онъ несъ ее на рукахъ, и самъ былъ веселъ, что сдѣлалъ такъ, и веселъ, что это было трудно. Съ тѣхъ поръ, какъ—тамъ, въ Москвѣ—Анна, выплакавъ всѣ свои слезы, разсмѣялась, глядя на его убитое лицо, и привлекла къ себѣ его повинную голову, Ратомскій былъ влюбленъ въ нее, какъ мальчикъ. Въ душу художника сошелъ чистый, кроткій свѣтъ, и,—вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ подъ лучами его таяла смрадная

грязь, накопленная за двѣ недѣли разгула,—загорались вдохновеніе, жажда труда и творчества. Анна Васильевна знала, что, если Ратомскій въ хорошемъ настроеніи, близость ея всегда дѣйствуетъ на него такимъ образомъ.

— Тебя тянетъ къ кисти? правда?—спросила она, гладя его взметанные волосы, когда замѣтила, что онъ глядитъ на нее особенно наблюдательнымъ, глубокимъ взоромъ, какой появлялся у него только въ припадкахъ «рабочаго стиха».

— Я напишу тебя, наконецъ,—сказалъ художникъ вмѣсто отвѣта.—Напишу такою красавицею, какъ ты сегодня. Я не знаю, что ты съ собою сдѣлала. Ты ослѣпительно хороша.

Она поцѣловала его въ лобъ.

— Не мучь меня такъ часто, и я буду всегда хороша... еще долго...

— Такою я помню тебя только однажды,—мечтательно продолжалъ Ратомскій.—Помнишь, когда ты впервые пріѣхала ко мнѣ въ Котково?.. Какъ хорошо тогда было!

Анна Васильевна порозовѣла.

— Еще бы я не помнила!..

— Ахъ, Котково, Котково!—вздохнулъ Константинъ Владиміровичъ.—Бѣдная моя «Ледяная Царица»! Стоитъ на мольбертѣ и плѣснѣетъ!

Ратомскій писалъ въ послѣднее время «Ледяную Царицу» на сюжетъ изъ сказки Андерсена. Ледъ, снѣгъ, вода, вообще, были его боевыми коньками... Отъ картины многаго ждали.

— Пора бы тебѣ, Костя, взяться за нее серьезно.

— Мало ли за что пора мнѣ взяться, Нини!

Анна Васильевна задумалась.

— Поѣзжай въ Котково,—сказала она,—работай.

— Оставить тебя? Теперь-то?

Онъ обнялъ ее.

— Что выдумала! Да я съ полдороги вернусь къ тебѣ.

— Ты думаешь: я буду ревновать, волноваться? Напрасно. Я буду умница. Ты далъ мнѣ сегодня много счастья. Я опять повѣрила въ тебя. Мнѣ хватитъ этого надолго.

Ратомскій съ улыбкою цѣловалъ ее въ глаза, приговаривая за каждымъ поцѣлуемъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... Я слишкомъ люблю тебя.

Анна Васильевна и счастлива была, что онъ такъ говоритъ и жертвуетъ для нея любимымъ трудомъ, и жаль было ей, что любовь ихъ становится помѣхою между Ратомскимъ и его картиною. Она —рѣдкое качество въ любовницѣ!—не ревновала художника къ искусству и не считала искусства пустяками. Она гордилась успѣхами и извѣстностью Ратомскаго, а, въ особенности, мнѣніемъ и его самого, и кружка ихъ общихъ друзей, что, безъ вліянія Анны Васильевны, онъ непремѣнно растратилъ бы свой талантъ по мелочамъ.

— Знаешь что?—сказала она послѣ долгаго раздумья.—Возьми меня съ собою!

Ратомскій встрепенулся и глядѣлъ на нее съ радостью и сомнѣніемъ.

— Это было бы прекрасно, Нини... но развѣ возможно? Твое здоровье...

— Ахъ, что мое здоровье!

Она капризно тряхнула головою.

— Спокойна я,—вотъ и здорова. А вмѣстѣ съ тобою я буду всегда спокойна. Ты слышалъ: за два часа я ни разу не кашлянула. Да, наконецъ, будто не перевозятъ больныхъ гораздо слабѣе меня? Вѣдь я не въ постели лежу; еще ноги носятъ...

— Но ты не выносишь желѣзной дороги...

— Возьми карету... какихъ-нибудь четыре часа ѣзды—пустое... А ужъ какое это будетъ для меня счастье!

Ратомскій глядѣлъ на нее сіяющими глазами:

— Я боюсь за тебя, Нини, но это такъ соблазнительно...

Тогда она закрыла ему ротъ рукою и, смѣясь, повторяла:

— Поѣдемъ, поѣдемъ. Я хочу снова быть съ тобою совсѣмъ вдвоемъ, какъ въ нашъ медовый мѣсяцъ.

— И ты увидишь, Нини, какой я буду хорошій и сколько наработаю, когда ты будешь при мнѣ.

— Отлично, милый!

— Только бы ты не простудилась... А, впрочемъ, знаешь ли? Пожалуй, тебѣ будетъ даже полезно взять порцію деревенскаго воздуха. Вѣдь здѣсь въ Москвѣ, собственно говоря, ужасная мерзость. Пошлемъ за Остроумовымъ и спросимъ его эскулапскаго совѣта.

Анна Васильевна остановила его отрицательнымъ жестомъ.

— Нѣтъ, ужъ если ѣхать, то безъ разрѣшенія. Онъ, навѣрное, не позволитъ, да и я не хочу ѣхать по докторскому рецепту,—надоѣли они мнѣ! И пользы никакой! Вези меня въ Котково, какъ здоровую, и смотри на меня, какъ на здоровую. Иначе я не хочу. Хоть недѣльку пожить по своей волѣ. Ахъ, Костя, если бы ты зналъ, какая это тоска и досада—болѣть! И, въ сущности, я еще такъ молода... Зачѣмъ тѣло умираетъ прежде, чѣмъ душа устанетъ жить? Жестоко это...

Тѣнь кроткой печали легла на ея лицо.

— Умереть же, пожалуй, тамъ—въ Котковѣ—даже пріятнѣе, чѣмъ здѣсь... среди этой скучной, надоѣвшей обстановки... среди людей, которые меня дразнятъ и раздражаютъ, среди тревогъ и сомнѣній, которыя меня отравляютъ, дѣлаютъ ненавистницею всѣхъ и всѣмъ ненавистною. Когда ты замѣтишь, что я близка къ смерти,—не оставляй меня, Костя, дай мнѣ умереть на твоихъ рукахъ, въ мирѣ...

— Не говори о смерти: ея не будетъ! перебилъ Ратомскій, съ испуганными глазами.

Анна Васильевна улыбнулась.

— Закрываешь глаза и прячешь голову въ песокъ?

*

Ребенокъ ты, Костя. Ну, хорошо—будь по-твоему! Смерти не будетъ, и я буду жить, для твоего удовольствія, до ста лѣтъ, и до ста лѣтъ останусь молода и хороша собою... Мнѣ же лучше, что ты такъ думаешь.

— Заиндевѣла, заиндевѣла твоя картина, сударь,—толковалъ Лимпадистъ, стоя у притолки, между тѣмъ, какъ Ратомскій хлопоталъ, усаживая Анну въ глубокія кресла, къ кипящему самовару.—Загостился въ Москвѣ. Оно точно: городъ веселый, а ты человѣкъ молодой.

— За то теперь держись, дѣдъ, какъ заработаемъ. На цѣлый мѣсяцъ пріѣхалъ... Завтра, Нини, я покажу тебѣ «Ледяную Царицу». Ты увидишь, что это очень недурно.

— Картина, барыня, за первый сортъ,—важно поддержалъ Ратомскаго Лимпадистъ. Къ передвижной-то поспѣешь, Кискенкинъ Владиміровичъ?

— Въ Питеръ? Нѣтъ, дѣдъ: гдѣ же? Развѣ—прямо въ Москву. Да и то наврядъ. Выставлю на какой-нибудь весенней... у петербуржцевъ, что-ли... либо у историковъ...

— Жалости достойно!—съ искреннимъ огорченіемъ вздохнулъ старикъ. Большой убытокъ берешь. Экую махину взбодрилъ... что краски одной пошло. Опять же и почетъ...

— Э, дѣдъ, наше не ушло.

— Скорѣе-то лучше. Павла Михайловича видалъ въ Москвѣ? уговорились?

— Онъ за границею. Да онъ купитъ!

— Еще бы не купилъ?—воскликнулъ Лимпадистъ даже съ негодованіемъ. Картина—алмазъ. Вѣрно говорю, сударыня,—обратился онъ къ Аннѣ Васильевнѣ, замѣтивъ ея улыбку. Васнецову крышка и Рѣпину труба!

— Да онъ у тебя совсѣмъ образованный! расхохоталась Анна, когда Лимпадистъ вышелъ. Ее смѣшили и авторитетный тонъ старика, и товарищеская серьезность, съ какою отвѣчалъ ему художникъ.

— И, если бы ты знала, какъ понимаетъ живопись, возразилъ Ратомскій. За трехъ критиковъ. Какъ-то разъ ко мнѣ заѣхали Левитанъ и Переплетчиковъ,—знаешь, пейзажисты? Такъ Лимпадистъ своимъ умничаньемъ морилъ ихъ со смѣха до третьихъ пѣтуховъ.

Анна Васильевна съ удовольствіемъ оглядывала бревенчатыя стѣны и досчатыя перегородки жилья.

— Славно здѣсь! сказала она, — и все, какъ было. Даже ширинка, что я вышила тебѣ тогда, осталась на мѣстѣ, какъ я сама ее повѣсила... Славно... И тишь какая...

Лимпадистъ опять ввалился въ дверь, внося за собою клубы морознаго пара.

— Съ ума ты сошелъ? прикрикнулъ Ратомскій,—ты мнѣ барыню простудишь!

— Небось!

Лимпадистъ торжественно поставилъ предъ Анною Васильевною небольшее полотно на подрамкѣ.

— Вотъ оно, какъ мы пишемъ! сказалъ онъ, гордо щелкнувъ пальцемъ по фону. Ась?

Анна Васильевна увидала размашистый, набросанный спѣшными грубыми мазками этюдъ своего портрета.

— Живая у насъ барыня-то? а? продолжалъ старикъ, наслаждаясь радостнымъ удивленіемъ Чернь-Озеровой. Пущай тутъ стоитъ, васъ потѣшаетъ. Не портретъ—зеркало.

— Когда ты сдѣлалъ это, Костя? воскликнула Анна.

— Три мѣсяца назадъ.

— И ни слова мнѣ? Это зло.

— Я думалъ, что не удалось: вѣдь на память писано, и между дѣломъ, на спѣхъ,—замѣчаешь, какая мазня? Но теперь, когда оригиналъ на лицо, вижу, что не дурно.

— Недурно? это лучше всего, что ты писалъ съ меня.

Она оперлась головою на руку и долго смотрѣла на портретъ.

— Значитъ, ты думаешь иногда обо мнѣ, когда одинъ?

сказала она, протягивая Ратомскому другую руку и гибкимъ жестомъ привлекая его къ себѣ. Какъ это хорошо! Твой портретъ такъ приласкалъ, обогрѣлъ меня—больше даже, чѣмъ ты самъ... Ты думаешь обо мнѣ!.. Спасибо, Костя!... Только—какою же нервною и печальною ты меня запомнилъ!

Она вздохнула.

— И, все-таки, на портретѣ я выгляжу здоровѣе, чѣмъ живая.

— Не думай объ этомъ, Нини. Не волнуйся.

— Я не волнуюсь. Мнѣ хорошо сейчасъ. Тепло, деревомъ пахнетъ, сверчокъ кричитъ... ты здѣсь... на полъ падаютъ такія славныя лунныя пятна... а окно—синее, синее, и снѣгъ блеститъ... Вѣкъ бы тутъ осталась!

— У тебя глаза уже спятъ, Нини!

— Да, я устала. Неси меня спать.

Ратомскій поднялъ ее на руки и понесъ, наслаждаясь близостью ея горячаго надушеннаго лица. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее въ губы, но Анна, смѣясь, уклонилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ не надо,—у меня больное дыханіе.

— Что за глупости, Нини!

Когда художникъ посадилъ ее на кровать, Анна серьезно заглянула ему въ глаза.

— Ты никого не вводилъ въ эту комнату, кромѣ меня?

И—не успѣлъ Ратомскій отвѣтить—она продолжала:

— То-то, смотри!.. Пусть останется у насъ хоть одинъ уголокъ чистый, гдѣ ты только мой... мой... мой!...

V.

Заемъ.

Скептицизмъ Гроссбуха по поводу подряда, полученнаго Oберталемъ, былъ напрасенъ. Правда, въ тотъ вечеръ, какъ графъ справлялъ у Яра могарычи этого подряда, онъ, дѣйствительно, дѣлилъ шкуру еще не убитаго медвѣдя,—контрактъ съ казною еще не былъ заключенъ. Но онъ былъ правъ, твердо уповая на протекцію и слово, данное ему дядею его, тайнымъ совѣтникомъ Алексѣемъ Борисовичемъ Долгоспиннымъ, главноуправляющимъ огромнаго и вліятельнаго всероссійскаго вѣдомства, которымъ тотъ ворочалъ, точно своею вотчиною—всевластно и ревниво отстаивая себя отъ посягновеній контроля. Оттуда къ Долгоспинному давно подбирались, но ничего не могли съ нимъ сдѣлать: генералъ имѣлъ такія связи, что, при одномъ намекѣ на нихъ, у самыхъ смѣлыхъ обличителей Аристидовъ гражданское мужество уходило въ пятки. Долгоспинный сидѣлъ на посту своемъ уже одиннадцатый годъ—какъ Соловей Разбойникъ: на трехъ сваяхъ сидѣлъ, о четвертую упирался. Лишь въ самое послѣднее время на солнцѣ, неизмѣнно свѣтившемъ этому счастливцу, какъ будто начали появляться темныя пятна, и въ «сферахъ» стали встрѣчать его холоднѣе. Приглядѣвшись къ этому затменію, Долгоспинный убѣдился, что онъ прозѣвалъ тайную борьбу, которую неожиданно повело противъ него другое могучее вѣдомство, управляемое молодымъ сановникомъ, сплошь составленное изъ молодыхъ, свѣжихъ силъ, охочее на реформы и ломку стараго экономическаго уклада. Стоявшій во главѣ вѣдомства, тайный совѣтникъ фонъ-Липпе и подручный его alter ego Аланевскій были глубоко ненавистны Долгоспинному. Онъ честилъ ихъ за глаза parvenus, бю-

рократишками, алтынными душами,—они презирали Долгоспинного, какъ представителя той служебной получестности, что, не грабя казны собственными руками, не умѣетъ, однако, соблюсти ни одной изъ выгодъ ея, разоряетъ ее неряшествомъ веденія дѣлъ и патріархальною отчетностью. Баринъ стараго закала, Долгоспинный, гордился тѣмъ, что остался небогатымъ сравнительно человѣкомъ на мѣстѣ, которое нѣсколькихъ предшественниковъ его сдѣлало милліонерами. Но, вокругъ него,—шелъ безшабашный грабежъ; онъ видѣлъ, если не все, то многое, но молчалъ и попускалъ. Великимъ счастьемъ для Россіи вышло, что у этого человѣка было мало родни,—иначе бы онъ все вѣдомство превратилъ въ одну фамилію, потому что прямо душою болѣлъ по родовому началу, и—чтобы доставить выгоду родному человѣку, способенъ былъ нарушить хоть весь сводъ законовъ Россійской имперіи, къ которому, кстати сказать, этотъ странный сановникъ относился съ самымъ забавнымъ и наивнымъ презрѣніемъ. Сдѣлаетъ какую-нибудь совсѣмъ фантастическую резолюцію,—любимецъ-директоръ летитъ, въ перепугѣ, съ докладомъ:

— Вашество! Невозможно-съ!..

— Это почему?!

— Законъ не позволяетъ... Прямо противъ статьи такой-то...

— Какой законъ? Какая статья? Вы бредите, мой милый!..

— Помилуйте, вашество!..

— Я по здравому смыслу рѣшилъ... Какой тамъ законъ? Здравый смыслъ начальника—вотъ-съ гдѣ онъ, законъ! Не могу же я полагать резолюціи вопреки своему здравому смыслу! Если законъ требуетъ безсмыслицы, онъ уже не законъ! Законъ не можетъ быть безсмысленъ, не имѣетъ права!

— Вашество, но вѣдь прямой же текстъ статьи гласитъ...

— Текстъ! текстъ! Развѣ это буквоѣдство для насъ? Ступайте съ нимъ къ фонъ Липпе и всѣмъ его законникамъ... А я Долгоспинный съ!

Насилу его убѣдятъ. И, въ дѣйствительности, онъ все не убѣжденъ—и весь тотъ день ворчитъ и ходитъ не въ духѣ.

Онъ совершенно искренне держался стариннаго боярскаго взгляда, что государственныя должности — особый видъ дворянскаго кормленія, набралъ полное вѣдомство оскудѣлыхъ дворянъ и, жалѣючи, смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ бы плохо ни ковыляла ихъ служба, покрывалъ грѣшки, списывалъ со счетовъ растраты. Разночинцевъ не терпѣлъ и, если, скрѣпя сердце, долженъ былъ, въ угоду кому-нибудь, принять въ вѣдомство не дворянина, несчастнаго новичка принимались такъ крутить и гнуть по службѣ, что тотъ, въ непродолжительномъ времени, самъ бѣжалъ отъ Долгоспиннаго опрометью, куда глаза глядятъ, хоть и на низшее назначеніе. А Долгоспинный улыбался и напутствовалъ.

— Скатертью дорога-съ! Къ нигилистамъ-съ! къ нигилистамъ-съ! Тамъ вамъ, «кухаркинымъ дѣтямъ», припасены печки и лавочки... А я Долгоспинный-съ.

«Нигилистами» генералъ величалъ все то же враждебное ему вѣдомство фонъ-Липпе и Аланевскаго. Чтобы дать племяннику подрядъ, Долгоспинный долженъ былъ совершить цѣлый рядъ незаконныхъ льготъ и послабленій. Иные конкуренты были отстранены прямымъ разговоромъ или недвусмысленными намеками могущественнаго вельможи; другіе, замѣтивъ участіе въ дѣлѣ Оберталя, сами сообразили, что лучше уйти отъ зла и сотворить благо: у племянничка-то, пожалуй, перешибешь подрядъ, а осуществлять его придется подъ дядиною рукою, и ужъ, конечно, въ отместку за неудачу Оберталя, Долгоспинный сумѣетъ отравить жизнь подрядчику. Что касается конкурентовъ упрямыхъ или недогадливыхъ, они были поставлены— канцелярскою механикою—въ совершенно невозможныя

условія конкурса: заявленія ихъ, хотя и своевременно сданныя въ вѣдомство Алексѣя Борисовича, завалялись подъ сукномъ и странно запоздали къ торгамъ; на переторжкѣ два лѣсовщика брали подрядъ на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ, чѣмъ Оберталь, но Долгоспинный положилъ на ихъ предложенія свое властное veto.

— Дѣло не въ томъ, чтобы дать казнѣ временную экономію въ сотню тысячъ,—говорилъ онъ.—Надо получить шпалу, хотя и дорогую, но, дѣйствительно, хорошую. Мой принципъ: дорого да мило, дешево да гнило. Самый злѣйшій врагъ экономіи—частый ремонтъ. Поэтому я всегда за крупныя капитальныя затраты. Знаете, какъ одинъ англичанинъ говорилъ, что онъ недостаточно богатъ, чтобы носить платье изъ дешевой матеріи и отъ дешеваго портного? Такъ и я думаю, что наше отечество не обладаетъ настолько обильными средствами, чтобы оплачивать послѣдствія этихъ хваленыхъ дешевыхъ подрядовъ и вѣчно чинить и штопать ихъ прорѣхи. Графъ Оберталь извѣстенъ мнѣ лично, у него историческое имя, все это гарантируетъ его добросовѣстность,—я рѣшительно высказываюсь за графа Оберталя.

Въ числѣ принужденныхъ отступиться отъ подряда была и княгиня Анастасія Романовна Латвина. Когда Козыревъ вернулся изъ Петербурга съ неудачею, она приняла ее съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Ну, что дѣлать?—сказала она,—не взяли мытьемъ, попробуемъ катаньемъ... Вѣдь придетъ къ намъ молодчикъ-то? Такъ, что-ли, Артемій Филипповичъ?

— Какъ не придти, сударыня! Вѣдь у нихъ только затѣи великія, а капиталу по-татарски йокъ, а по-русски — нѣтъ ничего.

— Такъ вотъ ужъ, когда придетъ, вы своего, пожалуйста, не упускайте. А сейчасъ—что прозѣвали, Богъ васъ проститъ!

Могучая протекція Долгоспиннаго доставила Оберталю

желанный подрядъ, но его надо было обезпечить установленнымъ залогомъ; сумма значительно превышала маленькій личный капиталъ графа. Залогъ онъ внесъ. Убѣдившись въ реальности подряда, Гроссбухъ заставилъ «Отраду домовладѣльца» раскошелиться на ссуду Oберталю подъ пустопорожнее мѣсто его фантастическаго ресторана— и, хотя получилъ графъ не полмилліона, а всего двѣсти тридцать тысячъ, да и изъ тѣхъ Гроссбухъ отщипнулъ изрядный процентъ куртажа за коммисію,— однако, извернуться было можно. Но деньги становились уже нужны не для одного залога, но и для открытія работъ по подряду, для задатковъ лѣсовщикамъ, для законтрактованія рабочихъ рукъ.

— Безъ двухсотъ тысячъ рублей Оберталю не подняться съ мѣста,—говорили опытные дѣльцы.

Графъ поклонился женѣ.

Выходя замужъ, Ларисса Дмитріевна заплатила болѣе четырехсотъ тысячъ рублей по долгамъ своего жениха— личнымъ и фамильнымъ. Сумма достаточная, чтобы, заплативъ ее, считать мужа пріобрѣтеннымъ въ собственность. И Ларисса считала. Ей нравилось, что Евгеній Антоновичъ, собственно говоря, «золотой нищій», что въ тотъ день, когда онъ посмѣетъ взбунтоваться противъ нея, ей стоитъ лишь уничтожить данную ему довѣренность на управленіе ея имѣніями, и великолѣпный, всѣми любимый и даже немножко уже уважаемый графъ Оберталь сразу обратится въ нуль. Она хорошо понимала, что даже въ личныхъ дѣлахъ своихъ и аферахъ, ей неизвѣстныхъ, графъ только и живетъ, и дышетъ, что ея кредитомъ: вѣрятъ не Оберталю, а мужу Лариссы Карасиковой. Именно поэтому она и не любила дѣловой жилки, неугомонно толкавшей графа то на хлѣбный, то на сахарный рынокъ, то въ пароходство, то на биржу.

— Профершпилится мой баринъ,—говорила она съ

досадою княгинѣ Анастасіи Романовнѣ Латвиной,—плати потомъ за него...

— По закону ты не обязана, — насмѣшливо возражала Латвина.

— Знаю; да по Москвѣ-то какой разговоръ пойдетъ? Ты, первая, такого накричишь... Безъ всякаго закона заплатишь.

Когда графъ Евгеній Антоновичъ, для одного изъ первыхъ своихъ коммерческихъ дебютовъ, потерялъ около семнадцати тысячъ рублей на участіи въ небольшомъ компанейскомъ рафинадномъ заводѣ Черниговской губерніи и попросилъ жену внести за него эти деньги, чтобы спасти дѣло, между супругами вышла рѣзкая сцена.

— Зачѣмъ ты берешься за коммерческія дѣла, если не понимаешь ихъ?—язвила Ларисса Дмитріевна.

— Почему это я ихъ не понимаю?

— Однако ты потерялъ семнадцать тысячъ.

— Потеря временная. Теперь кризисъ. Не я одинъ— всѣ теряютъ. На будущій годъ поправимся съ огромнымъ процентомъ.

— Вотъ на будущій годъ и войти бы тебѣ въ дѣло. А зачѣмъ же ты пошелъ въ него, когда кризисъ и всѣ теряютъ?

— Ахъ, Боже мой!

— Нечего фыркать на меня! Очень красиво: прогорѣлъ, выручай тебя изъ петли, да еще фыркаешь.

— Но могъ ли я предвидѣть и неурожай свеклы, и кіевскія интриги, и...

— Надо было предвидѣть. Настоящій купецъ предвидѣлъ бы.

— Съ чѣмъ его и поздравляю.

— И стоитъ поздравить. А ты баринъ—баринъ, а не купецъ. И я этому очень рада. Потому что я шла замужъ за барина, а не за купца. Кабы мнѣ былъ нуженъ мужъ-дѣлецъ, я вышла бы за кого-нибудь изъ Холодовыхъ, Полудовыхъ, Полушубниковыхъ... Мало ли ихъ сваталось!

Но я искала мужа не для дѣлъ, а для пріятной жизни. И, если что не нравится мнѣ въ тебѣ, такъ это—твоя дѣловая жадность. Ну, чѣмъ ты недоволенъ? чего тебѣ не хватаетъ? неужели моего капитала мало на насъ двоихъ? Право, стыдно, Женя. Вѣдь меня считаютъ въ семи милліонахъ—шутка ли?! Всѣхъ денегъ со свѣта не ограбишь въ свой карманъ. Да ужъ, если грабить, такъ и грабить надо умѣючи. А то пошелъ нашъ Филя съ дубинкою на большую дорогу, да позабылъ, что у дубинки два конца, и ухлопали Филю дубинкою.

И, въ то же самое время, когда черезъ Москву слѣдовалъ на югъ полкъ, гдѣ до брака своего служилъ Оберталь, и графъ задумалъ дать бывшимъ товарищамъ праздникъ въ своей подмосковной, Ларисса Дмитріевна, съ искреннимъ удовольствіемъ, подарила мужу на этотъ случай двадцать тысячъ рублей. Ея контора оплачивала аккуратнѣйшимъ образомъ счета Яра, Стрѣльны, Эрмитажа, гдѣ Оберталь давалъ своимъ друзьямъ и «нужнымъ людямъ» пиры, о которыхъ кричала вся Москва. Въ одну изъ своихъ петербургскихъ поѣздокъ Евгеній Антоновичъ вдребезги проигрался знаменитому шулеру Матутичу. Ларисса Дмитріевна не только не попрекнула мужа, но даже ощутила нѣкоторую гордость:

— Вонъ онъ у меня какой! съ Матутичемъ играетъ... Говорятъ, этому Матутичу самъ принцъ Уэльскій проигралъ триста тысячъ франковъ...

Словомъ, Евгеній Антоновичъ имѣлъ право и возможность тратить, сколько ему угодно, на joie de vivre, въ какія бы похоти ни сложила ему эту «прелесть жизни» капризная, избалованная фантазія. Однажды, сидя въ балетѣ, онъ громко разсмѣялся.

— Что ты?—удивился его сосѣдъ, Владиміръ Павловичъ Реньякъ.

— Мнѣ пришла въ голову дикая мысль: что, если я возьму на содержаніе Мстиславлеву?

— Ларисса Дмитріевна выцарапаетъ тебѣ глаза.

— Ты ея не знаешь. Напротивъ, она будетъ въ восторгѣ и съ удовольствіемъ станетъ платить Мстиславлевой,—черезъ контору, разумѣется,—по моимъ ордерамъ. Вотъ, свяжись я съ какою-нибудь кордебалетною «отъ воды»,—тогда, пожалуй, глаза, дѣйствительно, въ опасности. А то—содержатель Мстиславлевой! шику-то, шику-то сколько!.. Вы знаете Оберталя?—Ну, еще бы! это—который женатъ на Карасиковой и живетъ съ Мстиславлевою... ха-ха-ха! Parlez moi de ça!»...

Острота разошлась по Москвѣ, достигла Лариссы Дмитріевны.

Она злилась, кусала губы и думала о мужѣ:—«ну погоди ты у меня ужо!»

Теперь, когда мужъ пришелъ къ ней просить денегъ для подряда, она вся еще кипѣла этимъ зломъ на него и отказала наотрѣзъ.

— Не дамъ.

— Почему, Ларисса? Развѣ ты мнѣ не вѣришь?

— Въ дѣлахъ? Ни на вершокъ.

— Спроси, кого хочешь, Ларисса,—есть же въ купечествѣ люди, кому ты вѣришь...

— Еще бы!

— Всякій скажетъ тебѣ, что этотъ подрядъ — золотое дно..

— Тѣмъ лучше для тебя, но я денегъ все-таки не дамъ.

— Это капризъ, Ларисса, и злой капризъ.

— Пускай капризъ.

— Ты лишаешь меня возможности сдѣлать себѣ состояніе.

— А какая мнѣ радость, что у тебя будетъ свое состояніе?.. Знаемъ мы этихъ мужей, при собственныхъ капиталахъ, видывали!.. то-то сокровище! совсѣмъ не желаю такой радости!..

— Ларисса!

— И наживайте этотъ вашъ собственный капиталъ сами, сколько вамъ угодно. Препятствовать не могу, хоть и желала бы, но, чтобы я дура была, сама на себя наложила руки, помогала вамъ, давала бы деньги,—этого не ожидайте: не на таковскую напали.

Оберталь долго молчалъ, перемогая бѣшенство. Онъ боялся, что ударитъ или обзоветъ площаднымъ словомъ эту красивую самодурку, такъ тупо и злорадно враждебную его личному счастью, враждебную только за то, что оно—въ разрѣзъ съ ея прихотью.

— Хорошо!—холодно сказалъ онъ, овладѣвъ собою.— Придется искать денегъ въ другомъ мѣстѣ.

— Да ужъ поищи!—разсмѣялась Ларисса Дмитріевна.

Оберталя взорвало.

— Если тебѣ угодно издѣваться надо мною, подожди, по крайней мѣрѣ, пока я уйду. Поставить человѣка въ безвыходное положеніе и смѣяться надъ нимъ въ глаза—некрасиво, Ларисса.

— Я не издѣваюсь. Ты же самъ говоришь, что найдешь деньги.

— Найду,—хотя бы уже для того, чтобы показать тебѣ, что могу обойтись и безъ твоихъ милліоновъ.

— Гдѣ же это?.. Ахъ, да: я забыла... Вѣроятно, у этой вашей прежней bien-aimée—Насти Латвиной?

— У нея ли, у другихъ ли...

Ларисса встала, кусая губы; на лбу ея дрожала гнѣвная морщинка.

— Ищи, ищи... должай! только не забывай, что долгъ платежомъ красенъ, и что чужіе — не жена: у нихъ, что взялъ, то и назадъ подай.

— Что ты хочешь сказать столь великою истиною?

— То, что — вотъ тебѣ крестъ: полгода не пройдетъ, какъ сядешь ты съ этимъ подрядомъ въ лужу, — и первая же Настька Латвина, на которую ты надѣешься, тебя утопитъ. Она—алчная и предательница. И вотъ тебѣ другой

крестъ, — а я даромъ, ты знаешь, не побожусь: пускай тебя въ яму сажаютъ, пускай на скамью подсудимыхъ тянутъ,—не разсчитывай на мою помощь въ этомъ дѣлѣ. Копейки не истрачу! Револьверъ у виска твоего увижу,— и то этихъ долговъ твоихъ не заплачу.

— Очень милыя и лестныя для меня чувства!—зло усмѣхнулся графъ.

— Да ужъ какія выросли на твою долю! Самъ въ нихъ виноватъ.

— Чѣмъ виноватъ-то?—я въ толкъ не возьму.

— Тѣмъ, что не иди противъ меня за добро мое, за мою любовь, за горячее сердце! Я шла замужъ не за супротивника, а за милаго друга, за любовника. Не хочешь жить со мною въ ладу, по-моему,—брыкаешься,—ну, и чортъ съ тобою!..

Ѣхать на поклонъ къ Латвиной и молить ее, чтобы выручила, было для Оберталя тяжелымъ испытаніемъ самолюбія, и — втайнѣ онъ сознавалъ это — даже порядочности. Да и далеко не былъ онъ увѣренъ въ своей удачѣ у княгини, какъ сгоряча пообѣщалъ женѣ, и, прежде чѣмъ поѣхать къ Анастасіи Романовнѣ, цѣлыя сутки терзался сомнѣніями: не напрасное ли униженіе создаетъ онъ себѣ этою просьбою? Въ прошломъ ихъ отношеній было одно пятнышко совсѣмъ не ободрительнаго на этотъ случай оттѣнка.

Прежде чѣмъ жениться на Карасиковой, графъ Оберталь, блестящій гвардейскій офицеръ, сошелся было съ Латвиною; онъ очень нравился ей, они проводили безумные дни и «неправедныя ночи», но княгиня не ударила пальцемъ о палецъ, чтобы спасти Оберталя отъ разоренія, которое какъ разъ въ то время окружило его стальнымъ кольцомъ; а въ одинъ печальный день, когда сорвалась одна изъ самыхъ крупныхъ биржевыхъ аферъ

Оберталя, пущенная имъ на панъ или пропалъ, онъ почти съ ужасомъ узналъ, что повѣренный княгини Латвиной, ея alter ego Артемій Филипповичъ Козыревъ, игралъ противъ него и нажилъ для своей довѣрительницы большія деньги.

— Предала проклятая купчиха! — скрежеталъ онъ, вспоминая, какъ, среди поцѣлуевъ, за шампанскимъ, откровенничалъ съ Анастасіею Романовною насчетъ своихъ плановъ и проектовъ.

Скандальная хроника, рекомендуя Анастасію Романовну московскою Мессалиною, конечно, много преувеличивала, но много говорила и правды. Есть женщины— къ счастью, довольно рѣдкія—у которыхъ чувство стыда какъ будто атрофировано. Это не тѣ, что щеголяютъ показнымъ безстыдствомъ: кто бравируетъ,—совершаетъ насиліе надъ своею волею, рисуется побѣдою зла надъ врожденнымъ добромъ, пониманіемъ, что дѣлаетъ дурно, и грѣшитъ съ надломомъ себя, на зло хорошимъ основамъ своей природы. Нѣтъ,—онѣ просто не понимаютъ стыда, не интересуются и не желаютъ понимать, и существуетъ онъ для нихъ лишь постольку, поскольку огласка грѣховъ можетъ причинить имъ неудобства въ обществѣ. Стыдъ—ихъ уступка общежитію; сами по себѣ, онѣ никогда его не ощущаютъ и, если увѣрены, что никто не увидитъ, не узнаетъ и не осудитъ, ныряютъ въ глубину какого угодно порока, взманившаго ихъ воображеніе, съ такою же легкостью и ясною совѣстью, какъ выпили бы стаканъ воды. Изъ такихъ женщинъ была Анастасія Романовна. Реньякъ говорилъ про нее:

— Вотъ грѣшница — аккуратъ вылитая по модели, завѣщанной Іисусомъ-сыномъ Сираховымъ: «поѣла, утерла ротъ и говоритъ: я ничего дурного не сдѣлала».

Ей шелъ тридцать третій годъ; съ шестнадцатилѣтняго возраста, черезъ всю ея жизнь, тянулась полоса потаеннаго разврата, часто даже не разборчиваго, холодно

и грубо чувственнаго. Своимъ любовнымъ связямъ она не придавала никакого житейскаго значенія, что хорошо испыталъ въ холостомъ крахѣ своемъ Оберталь, да и десятки другихъ.

Итальянскій теноръ вышелъ на сцену пѣть Рауля чуть не прямо изъ объятій княгини Латвиной, еще въ чаду страсти, съ шальною головою,—пустилъ пѣтуха на высокой нотѣ и былъ освистанъ и осмѣянъ публикою. Анастасія Романовна хохотала громче всѣхъ.

— «Ave, femina, morituri te salutant!» — вздохнулъ Реньякъ: онъ зналъ ея отношенія къ провалившемуся тенору. — Глядя на васъ, я начинаю вѣрить въ романтическую легенду о Мессалинѣ.

— А что?

— Будто она назначала свиданія гладіаторамъ наканунѣ смертнаго боя и, на другой день, съ особеннымъ наслажденіемъ смотрѣла, какъ на арену текла кровь ея случайнаго возлюбленнаго...

— Брр! страсти какія! Вы дерзкій, Реньякъ!—вотъ я васъ вѣеромъ за это... Какъ вы смѣете приписывать мнѣ такія кровожадныя наклонности? Я и крови-то боюсь, какъ не знаю чего...

— Люблю мою Настю,—съ горечью говорилъ о ней одинъ изъ прежнихъ друзей, присяжный повѣренный Фокинъ, спалившій въ привязанности къ Латвиной и свою карьеру, и свой талантъ, и свое здоровье,—что за женщина! сколько страсти! какіе поцѣлуи, какія клятвы! И — какая неподражаемая способность: только что ты скрылся за дверью, выкинуть тебя изъ сердца, ума и памяти. Уходя отъ нея, я былъ увѣренъ; вотъ, если ей сейчасъ доложитъ ея Машка: а господинъ Фокинъ, какъ сошли съ подъѣзда, такъ и повѣсились на ближайшемъ фонарѣ,— она даже бровью не поведетъ. Выродокъ! Чувственность безъ чувствительности, умъ холодный, безжалостный, обостренный практическими аферами, ожесто-

ченный въ коммерческой борьбѣ... Она смотритъ на человѣка — либо какъ на врага, либо какъ на раба,—либо ненавидитъ, либо презираетъ... Звѣриное самодовольство, эгоизмъ и равнодушіе!..

Все это припоминалъ и соображалъ Оберталь, когда рысаки несли его на Тверскую-Ямскую къ Латвиной, и лицо его горѣло не столько отъ встрѣчнаго вѣтра, сколько отъ стыда и бѣшенства сознавать, на какую роль онъ— даже не готовится, а ѣдетъ—проситься, пробовать счастья...

— Попаду въ моментъ каприза,—думалъ онъ,—вспомнитъ старое,—ну, и спасенъ... Но вѣдь—чортъ же ее знаетъ, сфинкса этого замоскворѣцкаго! Отсталъ я отъ нея... давно не видимся... Говорятъ, перемѣнилась, остепенилась, раскаялась, влюблена и вѣрна... Только и свѣту въ окошкѣ, что Алябьевъ... вотъ еще оселъ-то со своею добродѣтелью!.. Хорошенькая будетъ штучка, если она меня и слушать не захочетъ... Дьяволъ бы побралъ все это магдалинство... къ лицу оно ей, нечего сказать! Горло бы, кажется, перегрызъ сейчасъ этому Алябьеву,—даромъ, что старые товарищи... Но—какъ все это мерзко, мерзко, мерзко... И—какъ гнусно все, что я сейчасъ думаю и дѣлаю... О, проклятая Лариска! Въ какое положеніе поставила... Ну,—дай только выбраться мнѣ изъ этой лужи,—я съ тобой расплачусь! я съ тобой расплачусь!..

Опасенія Оберталя были, если не правы, то не безосновательны. Дѣйствительно,—Алябьевъ выбилъ Анастасію Романовну изъ колеи. Ему первому она отдала не только свое тѣло, но и свою голову, свою душу, и строптиво требовала такой же любви взамѣнъ и страдала, не получая въ отвѣтъ теплоты и самоотверженной искренности, какія сама несла къ ногамъ своего божка. Она не могла допустить и мысли, чтобы кто-либо стоялъ между ея душою и душою Алябьева, чтобы онъ допускалъ надъ собою чье-либо вліяніе сильнѣе ея вліянія, дружбу ближе, участіе постояннѣе и ласковѣе.

*

— Ты мнѣ — отмщеніе за всю мою жизнь! — вырвалось у нея однажды.

Алябьевъ съ любопытствомъ уставилъ на нее свои огромные синіе глаза.

— Это почему?

— Потому что только съ тобою узнала я, что за мука—жить съ человѣкомъ, котораго любишь больше, чѣмъ онъ тебя.

— Ты увѣрена, что это такъ?

— А ну-ка, увѣрь меня, что иначе.

Алябьевъ опустилъ глаза.

— То-то! знаю, что не солжешь: не сумѣешь!.. Я—вся—въ тебѣ, а ты меня любишь... сказать какъ?

— Интересно!

— Изъ деликатности.

— Странный видъ любви!

— Ничуть не странный, совершенно въ твоемъ характерѣ. Сошелся ты со мною случайно, ради легкой интрижки, ничуть меня не любя, нимало не ожидая, что между нами возникнутъ серьезныя отношенія... Неправда, развѣ?

— Но вѣдь и ты...

— Не спорю: и я, повѣсившись тебѣ на шею, не думала, что прилипну такъ прочно, что конецъ моей женской волюшкѣ. Ну, а какъ обнаружилось, что дѣло-то пошло въ серьезъ, ты и разсудилъ: «за что мнѣ обижать эту даму и гнать ее отъ себя? Она недурна собою, неглупа, влюблена въ меня безъ памяти, нетребовательна; прикажи я: Настя! прыгни въ Москву-рѣку съ Каменнаго моста,—прыгнетъ»...

— Ахъ, Настя, Настя!—улыбался Алябьевъ.

Она продолжала:

— «А я, если не люблю ея, то не люблю и никого другого: мое сердце — свободная квартира безъ мебели. Пусть ее въѣзжаетъ! Мнѣ ровно ничего не стоитъ позво-

лить ей себя любить, а оттолкнуть ее—значитъ сдѣлать ей больно безъ всякой пользы для себя»... Ну, вотъ я и въѣхала; а ты, какъ вѣжливый и тароватый хозяинъ, принялъ меня, покорился своей участи и, въ качествѣ рыцаря sans peur ni reproche, исполняешь,—сколько надо, чтобы не обидѣть,—обязанности, предписанныя кодексомъ любви по отношенію къ дамѣ сердца.

— Ахъ, Настя, Настя!

— Что, «Настя?» Больше-то, видно, сказать нечего?

— Нечего, потому что переубѣдить и переупрямить тебя невозможно. Я знаю это уже четвертый годъ. Жаль все-таки, что ты считаешь меня притворщикомъ.

— Не притворщикомъ... зачѣмъ ты это говоришь. Вѣдь отлично понимаешь, что я хочу сказать, да не умѣю выразить. Ты не притворяешься, что любишь, да любишь-то не по сердцу, а по долгу... ну, какъ это тебѣ объяснить? потому что не корректно, что ли, тебѣ меня не любить. Но, въ сущности, я тебѣ—все равно. Ты даже самъ не знаешь, до какой степени все равно...

— Ну, какъ я дамъ вамъ денегъ, графъ? — хохотала Латвина, лежа на кушеткѣ въ своемъ кокетливомъ будуарѣ, между тѣмъ, какъ Оберталь тоскливо шагалъ изъ угла въ уголъ.—Ларисса и безъ того меня ненавидитъ.

— И пускай. Вамъ-то что?—насильственно улыбнулся Евгеній Антоновичъ. — Я знаю: хорошенькой женщинѣ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ если ее ненавидитъ другая хорошенькая женщина.

— Да вѣдь это—когда по ревности, графъ; а тутъ—фи!—денежные счеты.

— А вы воображаете, что она не ревнуетъ меня къ вамъ?

— Ха-ха-ха!

Оберталь присѣлъ на кушетку, у ногъ княгини.

— Еслибъ вы знали, сколько сценъ я вынесъ изъ-за васъ.

— Ахъ бѣдный!

— Она убѣждена, что я вашъ любовникъ. А если, говоритъ, этого нѣтъ теперь, то было раньше.

Латвина потянулась на кушеткѣ.

— А вы ей скажите: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ,—хладнокровно возразила она.—Мало ли что, гдѣ, когда и съ кѣмъ было, да прошло и быльемъ поросло... Такъ, значитъ, надо дать вамъ денегъ, графъ? непремѣнно?—ласковѣе спросила она.

Оберталь повеселѣлъ.

— Дайте, Настенька!—искренно попросилъ онъ, взявъ Латвину за руку.

— А съ какой стати, Женичка?

Она посмотрѣла на него лукавыми глазами.

— Ужъ развѣ въ память прошлой дружбы? а?

— Ну, хоть въ память прошлой дружбы.

— Хорошо, будь по вашему. Заѣзжайте завтра къ Артемію Филипповичу.

При этомъ имени, расцвѣтшій было графъ опять увялъ и, состроивъ непріятную гримасу, поблагодарилъ Латвину гораздо холоднѣе, чѣмъ заслуживала обѣщанная услуга. Артемій Филипповичъ Козыревъ, главный управляющій княгини Латвиной, былъ ея щитомъ и козломъ отпущенія во всѣхъ щекотливыхъ денежныхъ операціяхъ. Княгиня не отказывала никому, кто просилъ у нея взаймы, но, когда заемщикъ являлся въ латвинскую контору предъ суровыя очи рыжебородаго Артемія Филипповича, то въ девяти случаяхъ изъ десяти онъ слышалъ:

— Виноватъ-съ. Сейчасъ никакъ невозможно. Прошу повременить.

— То-есть — сколько же повременить? Если часъ, другой,—я подожду...

— Нѣтъ, вы зайдите этакъ недѣльки черезъ три...

— Богъ съ вами, Артемій Филипповичъ, мнѣ деньги нужны сегодня вечеромъ!

— Немыслимая вещь-съ.

— Но княгиня приказала...

— Мало ли что приказываетъ княгиня! Развѣ княгинѣ извѣстно наличное состояніе кассы? У насъ срочные платежи.

— Такъ не выдадите?

— Видитъ Богъ, не могу-съ.

— Я буду жаловаться княгинѣ, что вы отказались исполнить ея прямое распоряженіе.

— Сколько угодно-съ. Я предъ ними чистъ. Нѣтъ свободныхъ денегъ въ кассѣ, а на нѣтъ, милостивый государь, и суда нѣтъ.

Заемщикъ летѣлъ объясняться съ княгинею, кипятился, кричалъ:

— Помилуйте, Анастасія Романовна! вѣдь это же — Богъ знаетъ, какое своеволіе. Вы невозможно распустили своего Козырева; онъ просто смѣется надъ вашими приказаніями.

— Голубчикъ,—мягко возражала Латвина,—клянусь вамъ, вы ошибаетесь. Артемій Филипповичъ—самый исполнительный человѣкъ въ мірѣ и преданъ мнѣ, какъ абиссинскій рабъ. Если онъ не слушаетъ моего приказа, значитъ, у насъ, дѣйствительно, мало денегъ. Я вѣдь — вамъ извѣстно—сущая безтолочь въ этихъ дѣлахъ, никогда не знаю, сколько тамъ у насъ... Nostro — loro, loro—nostro... темна вода во облацѣхъ небесныхъ, а скука страшная. Да лучше всего позовемъ сюда самого Артемія Филипповича и допросимъ, въ чемъ дѣло.

Явился Козыревъ, мрачный, суровый, сверкающій огненной бородой.

— Артемій Филипповичъ! Бога вы не боитесь! Я прошу васъ выдать господину Ельникову тысячу рублей, а вы говорите: денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство.

— Сколько же у насъ въ кассѣ?

— Не стоитъ и говорить, ваше сіятельство: совсѣмъ не имѣли полученій въ этомъ мѣсяцѣ.

— Прелестно!—воскликнула княгиня,—а я-то воображаю, что у меня денегъ куры не клюютъ... Слышите, m-r Ельниковъ?

— Слышу,—уныло отзывался заемщикъ.

— Но, Артемій Филипповичъ, я надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, на жизнь-то, на мои личные расходы у насъ довольно денегъ?

— Суммы вашего сіятельства неприкосновенны.

— Такъ и дайте г. Ельникову изъ этихъ суммъ.

— Не могу, ваше сіятельство.

— Но я приказываю.

— Не могу-съ. Вамъ самимъ потребуются деньги: откуда я вамъ тогда ихъ возьму? У насъ каждая копейка на счету и въ дѣлѣ. Не могу-съ. Я въ счетахъ спутаюсь. Ужъ лучше вы извольте меня уволить.

Княгиня бранилась, топала ножкой,—Козыревъ оставался тупо-неумолимъ. Наконецъ, она гнала его вонъ и извинялась предъ заемщикомъ.

— Простите меня, голубчикъ. Я поставила васъ въ неловкое положеніе. Мнѣ ужасно совѣстно. Но вы сами видите: что я могу сдѣлать? Это такой кремень, такой педантъ!

— Не понимаю, что за охота вамъ быть въ рабствѣ за свои же деньги? — возмущался заемщикъ, — вѣдь, — взглянуть со стороны,—не Козыревъ вамъ служитъ, а вы Козыреву. Я бы, на вашемъ мѣстѣ, давно прогналъ этого Артемія Филипповича.

— Ай, нѣтъ! что вы говорите? онъ грубъ и скупъ, но, по крайней мѣрѣ, знаетъ свое дѣло и честный человѣкъ. У него ни одна копейка не пропадетъ. Я вѣрю ему безусловно.

Впрочемъ, было бы и мудрено пропадать копейкамъ у этой несвѣдущей и нерасчетливой княгини. Артемію Филипповичу часто приходилось получать отъ нея записочки въ такомъ родѣ.

«Провѣряя отчетъ по Плавдинскому заводу, замѣтила прочетъ: не внесены въ доходъ 320 рублей за старый локомобиль, который мы продали въ ломъ маклаку Купріянову. Какъ вы просмотрѣли такую небрежность? Пожалуйста, будьте внимательнѣе, а плавдинскому директору напишите, чтобы онъ оштрафовалъ бухгалтера».

— И какъ, она, дьяволъ, помнитъ всѣ эти пустяки!? Вотъ памятища-то! — изумлялся Козыревъ, и съ досадою, и съ восторгомъ; онъ благоговѣлъ предъ своею хозяйкою и, подобно многимъ, считалъ ее коммерческимъ геніемъ.

При такихъ условіяхъ, понятно, что отсылъ къ Артемію Филипповичу не возбудилъ въ Оберталѣ ни особаго восторга, ни радужныхъ надеждъ. Однако онъ ошибся. Козыревъ принялъ его чуть не съ распростертыми объятіями.

— Денежки готовы, графъ... съ утра дожидаются вашего сіятельства.

— Но мы еще не говорили объ условіяхъ...

— Помилуйте, графъ! какія условія? Анастасія Романовна строжайше запретила брать съ васъ проценты... Напишете обыкновенный векселекъ,—и кончено дѣло.

— Я очень тронутъ, но...

— Сосчитаемся, графъ! Мы — вамъ услугу, а вы — намъ. Вотъ и сейчасъ, сказать правду, есть къ вамъ маленькое дѣльце...

«Маленькое дѣльце» состояло въ томъ, что, давая графу двѣсти тысячъ рублей съ разсрочкою на три года и безъ процентовъ, Латвина требовала, чтобы онъ заключилъ съ нею контрактъ на поставку лѣсного матеріала съ ея дачъ по Деснѣ.

Графъ опѣшилъ.

— Но эти дачи—чортъ знаетъ, какъ далеко отъ линіи.

— Гдѣ же далеко, графъ? Всего шестьдесятъ три версты, сплавная рѣка...

— Хороша сплавная: двѣ недѣли половодья, а потомъ ее куры въ бродъ переходятъ! Развѣ я не знаю, что эти дачи не даютъ вамъ дохода, именно по бездорожью? Мнѣ придется разориться на подводы. Нѣтъ, ужъ лучше вы, Артемій Филипповичъ, возьмите съ меня, прямо и откровенно, хорошій процентъ.

— Строжайше запрещено княгинею.

Оберталь отправился къ Анастасіи Романовнѣ, но та приняла его, кислая, разслабленная, въ жесточайшей мигрени, не стала его слушать и даже уши заткнула.

— Ничего не знаю и знать не хочу. Какіе-то проценты, плоты, подводы... какое мнѣ дѣло? Отвяжитесь отъ меня, Женичка... у меня виски лопнуть хотятъ, а вы—съ подводами!

Деньги были нужны до зарѣза. Оберталь заключилъ контрактъ. Подсчитавъ плоды этой операціи, онъ убѣдился, что Латвина отстригла отъ будущихъ барышей его подряда не менѣе пятнадцати процентовъ, и что на двухстахъ тысячахъ, занятыхъ имъ, повидимому, такъ льготно, онъ теряетъ, по тяжелому контракту, тысячъ до восьмидесяти.

Только вступивъ въ подрядъ, Оберталь отдалъ себѣ отчетъ, какая чудовищная машина—дѣло съ милліоннымъ размахомъ и чаемой полумилліонной прибылью. Деньги Латвиной растаяли въ подрядѣ въ два мѣсяца. Всѣ казенныя льготы, какія могло доставить Оберталю покровительство Долгоспиннаго, были получены, всѣ ссуды взяты, а подрядъ все разѣвалъ свою пасть, какъ ненасытный Молохъ.

Въ началѣ, когда Оберталь только что сталъ во главѣ

подряда, онъ не могъ жаловаться на недостатокъ кредита. Въ банкахъ, конторахъ, мѣняльныхъ лавочкахъ Ильинки и Кузнецкаго Моста считать умѣютъ. Предпріятіе Оберталя было разобрано, взвѣшено, признано вѣрнымъ, а графъ—временно кредитоспособнымъ—даже и самъ по себѣ, помимо расчетовъ на капиталы и нѣжныя чувства его супруги. Подъ будущія свои блага, хоть и за нелегкіе проценты, Евгеній Антоновичъ доставалъ крупныя суммы. Векселя писались и переписывались, учитывались и переучитывались; чтобы платить проценты по старымъ долгамъ, дѣлались долги новые. По Москвѣ пошелъ шепотъ, что графъ Оберталь «запутывается». Кредитъ, между тѣмъ, былъ нуженъ ему съ каждымъ днемъ все чаще и шире. Казалось бы, чѣмъ ближе становилось осуществленіе подряда и сдача его казнѣ, тѣмъ легче долженъ былъ доставаться кредитъ. На самомъ же дѣлѣ выходило совсѣмъ наоборотъ. Въ послѣднее время графъ добывалъ деньги все съ большимъ и большимъ трудомъ и на жестокихъ условіяхъ. Когда и отчего утратилъ онъ кредитъ, онъ рѣшительно не могъ сообразить и терялся въ догадкахъ: даже сталъ подозрѣвать здѣсь интригу своей самолюбивой и озленной Ларисы Дмитріевны.

А время, какъ нарочно, случилось тугое. Съ одного участка линіи телеграфировали о забастовкѣ рабочихъ. Съ другого—о разливѣ рѣки, унесшемъ свезенный къ обработкѣ лѣсъ. Съ третьяго, наоборотъ, о небываломъ обмелѣніи обычнаго воднаго пути и, слѣдовательно, о необходимости замѣнить дешевыхъ плотовщиковъ дорогими возчиками. Одинъ законтрактованный графомъ лѣсовщикъ умеръ, другой обанкрутился, и, вмѣсто закупленнаго, готоваго къ сдачѣ матеріала, предъ Оберталемъ очутились два спорныя имущества, съ перепутанными претензіями наслѣдниковъ и кредиторовъ. Графъ подсчиталъ: ему нельзя было обернуться безъ пятидесяти тысячъ рублей. Въ банкахъ и у солиднаго купечества онъ встрѣтилъ либо прямые отказы, либо уклончивые отвѣты—лишь бы проволочить время, а

денегъ все-таки не дать. У Латвиной, въ присутствіи графа, систематически разбаливалась голова, и, стоило ему заикнуться о своихъ нуждахъ, какъ Анастасія Романовна начинала стонать:

— Послѣ, графъ, дорогой; ради Бога, послѣ. Я и всегда мало смыслю въ этомъ, а сегодня совсѣмъ невмѣняема: адская боль...

Къ счастью для Оберталя, черезъ Москву проѣхалъ ревизовать что-то гдѣ-то Алексѣй Борисовичъ Долгоспинный. Сановникъ этотъ не любилъ задумываться. Узнавъ о затрудненіяхъ племянника, онъ даже разсмѣялся.

— Eugène, душа моя! дѣло улаживается очень просто. Я выдамъ тебѣ обратно твой залогъ.

— Развѣ это возможно, дядя?

— Даже очень. На что онъ намъ, въ сущности? Что такое, самъ по себѣ, залогъ? Формальность, юридическій обрядъ — не больше. Въ процессѣ залога, собственно говоря, всего лишь два реальные момента: когда его вносятъ и когда его получаютъ обратно. Промежутокъ, когда онъ лежитъ мертвымъ капиталомъ, безсмыслица, безполезная для казны и вредная для подрядчика. У подрядчика отнята часть денегъ—отнятъ нервъ его дѣятельности, а казна лежитъ на этомъ нервѣ, какъ собака на сѣнѣ: сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Я, mon cher, на такія вещи смотрю свободно. Ты внесъ залогъ, слѣдовательно, первый моментъ тобою оправданъ. А отъ дальнѣйшаго можно тебя и освободить: ты человѣкъ порядочный, дѣло твое вѣрное, подводить стараго дядю и друга подъ отвѣтственность ты, надѣюсь, не станешь.

— Но, дядя, залоги хранятся въ казначействѣ. Подъ какимъ же мотивомъ вы потребуете къ себѣ мои деньги?

— Я и не буду требовать. Въ моемъ распоряженіи много чрезвычайныхъ, переходныхъ и спеціальныхъ суммъ. Я выдамъ тебѣ изъ нихъ эквивалентъ твоего залога, вотъ и все. Я самъ для себя дѣлаю иногда такіе займы у оте-

чества, когда спѣшно нужны деньги и негдѣ перехватить ихъ изъ частныхъ рукъ.

— Но, дядя, это же...

— Что, племянникъ?

— Сдѣлка, которую... гм, какъ бы вамъ сказать... которою очень рискуешь...

— Почему?—искренне изумился сановникъ.

— Да, представьте, что вдругъ стрясется какая-нибудь бѣда... Пойдутъ провѣрки отчетности... Ну, и трудно будетъ оправдать такую сдѣлку!

Генералъ презрительно скривилъ ротъ—алый и сочный, какъ у юноши, даромъ что старику стукнуло уже 65— ударилъ племянника по плечу и, насмѣшливо глядя ему въ лицо бѣлыми выпученными глазами, съ значительною разстановкою возразилъ:

— Я Дол-го-спин-ный-съ!

Эта незаконная ссуда почти совершенно выпутала Оберталя изъ стиснувшихъ было его тенетъ. Крупная сумма залога помогла ему настолько блистательно расплатиться по цѣлому ряду срочныхъ обязательствъ, что Ильинка и Кузнецкій Мостъ расправили свои нахмуренныя брови и взглянули на графа ласковыми очами: кажись, молъ, изъ тебя и впрямь будетъ прокъ? А—главное для Евгенія Антоновича—по Москвѣ пошелъ слухъ, что Оберталю помогъ самъ Долгоспинный—и помогъ не спроста: что Оберталь, молъ, подставное лицо, а подрядъ за спиною племянника держитъ самъ вельможный дядя... Что Долгоспинный, когда ему надо, не дѣлалъ ни малѣйшей разницы между средствами собственными и управляемаго имъ вѣдомства, коммерческій міръ зналъ хорошо. Средства вѣдомства неистощимы—слѣдовательно, неистощимы и средства у подряда, сданнаго Долгоспиннымъ Оберталю. А дѣлу съ неистощимыми средствами—и кредитъ неистощимый... Оберраль поднялъ голову и, забывъ недавнія невзгоды, смотрѣлъ гордо и самоувѣренно.

VI.

КОНЦЕРТЪ.

Бѣлый, сверкающій мраморомъ залъ московскаго дворянскаго собранія былъ полонъ,—некуда яблоку упасть. Эрдманнсдерферъ священнодѣйствовалъ, уже добрыя три четверти часа дирижируя которою-то шубертовскою симфоніею, должно быть, очень великою, потому что ее никто не слушалъ, хотя всѣ притворялись, что слушаютъ и наслаждаются несказанно. Въ Москвѣ неприлично не понимать классической музыки: это мѣстный хорошій тонъ, заведенный въ haute société Бѣлокаменной еще Николаемъ Рубинштейномъ. Москвичъ comme il faut обязанъ проводить свои субботніе вечера въ симфоническихъ собраніяхъ, обязанъ любить Бетховена, Шуберта, Мендельсона, обязанъ знать, какая разница между стилемъ Вагнера и стилемъ Берліоза, обязанъ громко и подробно восхищаться «Зигфридами» и «Гарольдами», хотя бы втайнѣ претили ему «Гарольды» хуже горькой рѣдьки, и дѣйствительные музыкальные вкусы его не шли далѣе «Зацѣлуй меня до смерти, отъ тебя и смерть мила», спѣтаго цыганкою въ яровскомъ кабинетѣ.

Stretto... Рядъ громкихъ, порывисто и быстро взятыхъ аккордовъ... Эдманнсдерферъ опустилъ палочку. Ему долго и шумно апплодировали, а онъ раскланивался съ скромнымъ торжествомъ нѣмца, исполнившаго свой долгъ, добросовѣстнѣе чего нельзя, а потому хорошо знающаго себѣ цѣну: молъ,—feci quod potui, faciant meliora potentes.

— Что теперь?—спросила княгиня Анастасія Романовна Латвина свою сосѣдку графиню Ларису Дмитріевну Оберталь.

Онѣ сидѣли въ третьемъ ряду, въ креслахъ почетныхъ

членовъ. Симфоническія собранія—выставка, гдѣ московскія красавицы показываютъ свои туалеты. Латвина—монументальная, пышная, великолѣпная, съ самодовольнымъ румянымъ лицомъ красивой кормилицы, съ могучими формами, одѣтыми въ свѣтлый японскій шелкъ, тканый пунцовыми цвѣтами, обвѣшанная, какъ индійскій идолъ, золотомъ и брилліантами,—казалась живою вывѣскою своего многомилліоннаго капитала. Наоборотъ, Оберталь—въ расчетѣ оттѣнить свою рѣдкую цыганскую красоту, янтарный цвѣтъ лица и сверкающія очи—одѣлась, по обыкновенію, темно и скромно; однако, знатокъ, приглядѣвшись, могъ легко опредѣлить, что скромность эта—вортовская и врядъ ли не дороже великолѣпія сосѣдки. Въ ушахъ графини сверкали брилліантовыя росинки, на груди брошь-солитеръ,—три яркія точки, невольно привлекавшія къ Ларисѣ Дмитріевнѣ взоры публики: ея камни славились на всю Москву.

Оберталь заглянула въ программу.

— Врангель поетъ... какую-то «Эвріанту»...

— Ахъ, Господи! вотъ скучища! А потомъ?

— Антрактъ.

— Отлично. Пройдемся,—взглянемъ на публику.

— Неловко: она уже на эстрадѣ... Слышишь, хлопаютъ.

— Вотъ еще! очень надо церемониться...

— Все-таки... Замѣтно слишкомъ... обидится...

— Смѣетъ она у меня!

— А коли платья зашуршатъ очень, такъ, вѣдь, Эрдманнсдерферъ оркестръ остановитъ... онъ нравный.

— Не остановитъ! Это Рубинштейнъ останавливалъ: да и ругался еще... тому все позволялось! А этотъ,—княгиня Настя нагнулась къ уху Ларисы съ комическою ужимкою и шепнула:—рыломъ не вышелъ.

Та фыркнула. Кто-то недовольно шикнулъ. Княгиня Настя презрительно сверкнула глазами въ сторону дерзно-

веннаго и, на зло, приподнялась было съ мѣста, чтобы шумно уйти, но Ларисса удержала ее.

— Нѣтъ, право же, онъ способенъ...

Княгиня Настя подумала и сѣла.

— Впрочемъ, дѣйствительно, чортъ ихъ знаетъ, этихъ нѣмцевъ...—сквозь зубы, душась смѣхомъ, пробормотала она.

Въ антрактѣ, едва вмѣшавшись въ толпу, дамы уже разлучились. Обѣихъ окружила своя свита знакомыхъ, ухаживателей, прихлебателей и искателей, чающихъ отъ молодыхъ капиталистокъ великихъ и богатыхъ милостей... какихъ именно и въ какой формѣ, когда, за что, они и сами не знали, но заискивали и льстили на всякій случай, съ зачетомъ впередъ; молъ—когда понадобится просить ее о чемъ-нибудь, авось вспомнитъ, какъ я сегодня былъ съ нею милъ и очарователенъ. Графиня Оберталь осталась въ залѣ. Прислонясь къ колоннѣ, эффектная на ея бѣломъ фонѣ, какъ Демонъ Зичи, она разговаривала съ Ратнеромъ. Теноръ слылъ сердцеѣдомъ и славился нахальнымъ обращеніемъ со своими поклонницами, имя же имъ легіонъ. Но предъ Ларисою Дмитріевною онъ извивался вьюномъ; мордочка его сіяла самодовольнымъ восхищеніемъ, что знаменитая милліонерша удостоиваетъ его такой долгой и фамильярной бесѣды; въ тщеславномъ сердчишкѣ своемъ онъ уже записалъ графиню въ число своихъ «побѣдъ» и предвкушалъ отъ нея драгоцѣнный подарокъ въ ближайшій бенефисъ. Психопатки «несравненнаго» кружили около... вздыхали, завидовали, злобились, но «душка», что называется, прилипъ къ милліонершѣ и не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Анастасія Романовна—не совсѣмъ естественно величественная, немножко позируя, играя «королеву»—плыла въ толпѣ, опираясь на руку виднаго, еще молодого господина, съ властными, полными ума и энергіи глазами, съ отпечаткомъ желѣзной, почти жестокой воли въ очертаніяхъ

страстнаго рта, вооруженнаго сильно развитыми, хищными челюстями. Въ костюмѣ и манерахъ господина была замѣтна предумышленная смѣсь европейскаго джентельменства съ простецкимъ русачествомъ; сквозь парижскій лоскъ просвѣчивалъ замоскворѣцкій купецъ. Толпа разступалась предъ этою парою, съ любопытствомъ поглядывая ей вслѣдъ, при чемъ кавалеръ Анастасіи Романовны привлекалъ вниманіе врядъ ли не больше, чѣмъ она сама. Это былъ знаменитый Антиповъ—царекъ городского самоуправленія, «купецъ съ государственнымъ умомъ», какъ величали его поклонники, «Діонисій, тиранъ сиракузскій», какъ ругали его враги.

Слегка наклонивъ голову къ своей дамѣ, Антиповъ говорилъ ей мягкимъ баритономъ, почти не умѣряя громкихъ, самоувѣренныхъ интонацій—интонацій умѣлаго, привычнаго оратора:

— Вы, кажется, только что разстались съ Ларисою Дмитріевною Карасиковою... то есть съ графинею Оберталь,—поправился онъ.—Никакъ не могу привыкнуть къ ея титулу. Богъ знаетъ что! Были сто лѣтъ купцы Карасиковы, почтенная заслуженная фирма, знали ее по всей Россіи... и вдругъ—графиня Оберталь! Почему графиня? почему Оберталь? Какое отношеніе имѣютъ какіе-то Обертали, съѣвшіе отъ голодухи послѣднихъ мышей въ своей лифляндской башнѣ, къ карасиковскимъ мучнымъ лабазамъ? почему нищая фамилія Оберталей выживаетъ съ вывѣски этихъ лабазовъ почетное купеческое имя Карасиковыхъ? Нелѣпо! Глупая мода, глупая бабья погоня за титулами...

Латвина перебила его шутливымъ упрекомъ:

— Вы забываете, Петръ Павловичъ, что я тоже титулованная.

— Вы меньше дѣйствуете мнѣ на нервы, потому что я не зналъ васъ до замужества, познакомился съ вами уже, какъ съ княгинею Латвиною. Но—Лашка Карасикова! Лашка!! Я съ нею въ горѣлки игралъ, флертировалъ,

съ братьями ея въ университетѣ вмѣстѣ былъ, чуть не «ты» ей говорилъ... и вдругъ Лашка—не Лашка, а, ни сѣло, ни пало, графиня, ея сіятельство!.. А одобрять, конечно, я и васъ не одобряю. У васъ милліонамъ счета нѣтъ; зачѣмъ вамъ титулъ? А ради титула вы вышли Богъ знаетъ за кого, тотчасъ же уволили супруга въ безсрочный отпускъ и, я думаю, который уже годъ сами не знаете, гдѣ онъ, что съ нимъ... Вы не сердитесь, что я вамъ какъ бы нотацію читаю?

Латвина засмѣялась.

— Нѣтъ... вѣдь это ужъ какъ-то принято въ Москвѣ, что вамъ—неизвѣстно по какому праву—все позволено.

Антиповъ продолжалъ:

— Тщеславіе, женская страсть къ побрякушкамъ, къ громкому звуку...

— Однако, согласитесь, что княгиня Латвина звучитъ красивѣе, чѣмъ Настасья Хромова.

Онъ возразилъ:

— Да вѣдь это звучитъ красивѣе, потому что такъ натолковали намъ князья Латвины, да графы Обертали, а мы, молодое сословіе, сдуру еще поддаемся гипнозу, вѣримъ исторической морокѣ... капитолійскихъ гусей.

— Послушать васъ, Петръ Павловичъ, мы съ Лашею сдѣлали чуть не mésalliances.

Глаза Антипова блеснули.

— А вы думали, что вы сдѣлали «партію»?—ѣдко сказалъ онъ.—Оказали честь себѣ и своему сословію? Полно вамъ! Вы это, не подумавъ, пошутили. Вы слишкомъ умная женщина, чтобы не понимать, что далеко не заслуга примазать къ историческимъ... да, да, не улыбайтесь! къ историческимъ, потому что у нихъ тоже своя столѣтняя родословная,—купеческимъ милліонамъ имя и хищную лапу какого-нибудь титулованнаго авантюриста. Развѣ можно и честно дарить милліонныя состоянія только

за то, что тотъ графъ, этотъ князь, и его прадѣдушка сѣкъ на конюшнѣ вашего дѣдушку?

— Да у меня нѣту историческихъ милліоновъ,— улыбалась княгиня.—Я плебейка даже въ купечествѣ. Мой тятенька землю пахалъ...

— И напахалъ вамъ семь милліоновъ. А князь Латвинъ, за котораго вы вышли, вѣроятно, семь милліоновъ прожилъ и нанялся къ вамъ въ приживальщики по званію номинальнаго супруга. Какъ же не mésalliance? Нѣтъ, Анастасія Романовна! Пора нашимъ купеческимъ женщинамъ взяться за умъ и беречь свое сословное достоинство.

— Пусть мужчины покажутъ примѣръ.

— Не попрекайте: показываемъ. Мы растемъ, Анастасія Романовна, не по днямъ, а по часамъ. Мы—молодое будущее Россіи. Намъ завидовать некому, не за кѣмъ гнаться: пусть намъ завидуютъ, за нами гонятся! Какая намъ нужна аристократія? Мы сами себѣ аристократы. Антиповы, Холодовы, Полушубкины, Карасиковы... ха! Эти «ваши степенства» перевѣсятъ любое «ваше сіятельство».

Анастасія Романовна слушала Антипова—мало съ сочувствіемъ, съ благоговѣніемъ, но все-таки лукаво возразила ему:

— А кто, въ третьемъ году, самъ едва не женился заграницею на княжнѣ, да еще—чуть ли не свѣтлѣйшей?

Антиповъ гордо поднялъ голову.

— Такъ это другое дѣло. Не я лѣзъ въ титулованные, а титулованную бралъ въ купчихи. Да и то радъ теперь, что разошлось это дѣло. Ну ее! Али у насъ, въ Замоскворѣчьѣ, дѣвичьяго товару не стало?

— Вы фанатикъ!—разсмѣялась княгиня. Улыбнулся и Антиповъ.

— Не однимъ же Оберталямъ гордиться своимъ сословіемъ.

*

— Я слышала, что вамъ за «голодъ» предлагали Владиміра? Правда?

Антиповъ кивнулъ головою.

— Правда.

— И вы отказались?

— Да.

— Отъ потомственнаго дворянства?!

— Да. Я сказалъ: мнѣ этого не надо; я не для дворянства работалъ. Я купцомъ родился, званіемъ своимъ горжусь, себя никого ниже не почитаю, — купцомъ и помру.

— Молодецъ же вы! —искренно воскликнула Анастасія Романовна.

— Радъ стараться!—съ такою же веселою искренностью отозвался Антиповъ.

— Счастливая будетъ ваша жена,—задумчиво сказала Латвина,—большой вы... хорошо имѣть такого мужа.

— А кто вамъ велѣлъ выходить за Латвина?—полусерьезно возразилъ Антиповъ.—Будь вы свободны, я бы не задумался ни минутки: шапо-клякъ подъ мышку и— предложеніе руки и сердца.

Анастасія Романовна внимательно посмотрѣла въ его умные, смѣлые глаза и покачала головою.

— Нѣтъ, я бы за васъ не пошла.

— Чувствительно благодаренъ! За что такая немилость?

— Не подходимъ мы съ вами другъ къ другу. Или, вѣрнѣе, ужъ слишкомъ подходимъ. Точно братъ и сестра. Вы—деспотъ, я—не изъ мягкихъ. А, знаете, два медвѣдя въ одной берлогѣ...

Антиповъ перебилъ ее,—у него, вообще, была властолюбивая замашка не дослушивать чужихъ словъ, когда онъ предугадывалъ мысль собесѣдника и зналъ, что, съ своей стороны, на нее возразить.

— А я, напротивъ, думаю, что, если соединить въ одномъ трудѣ два характера, какъ вашъ да мой, мы, просто не знаю, чего не достигли бы...

— Построили бы башню до неба и возсѣли на ней богами?

— А затѣмъ началось бы смѣшеніе языковъ,— отвѣтилъ Антиповъ въ тонъ шуткѣ.—Но вы замужемъ, значитъ, не о чемъ и толковать. Къ тому же, я слышалъ, вы влюблены... И опять въ дворянина, разбойница!

Анастасія Романовна сдѣлала комическую ужимку.

— Ужъ такое попущеніе!—вздохнула она.

— Но на этотъ разъ, впрочемъ, я не рѣшаюсь осуждать васъ: вашъ Алябьевъ — интересный человѣкъ, не чета Латвину или Оберталю... Вотъ что, — понизилъ онъ голосъ,— я хочу васъ предупредить. Вы знаете мое расположеніе къ вамъ... Но, чуръ! Чтобы мои слова были — какъ въ могилу.

Княгиня прошептала съ комическимъ паѳосомъ:

— Коммерческая тайна.

Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ сдѣлался острымъ и сторожкимъ. Между бровей легла морщинка. Она сразу постарѣла на десять лѣтъ; что-то мужское появилось въ ней...

Антиповъ шепталъ:

— Вы имѣете дѣловыя отношенія къ Оберталю? Къ нему, а не къ ней? Вы знаете, конечно, что это большая разница...

— Имѣю...—протянула княгиня.

— На много заинтересованы?

— Не знаю въ точности, — сфальшивила Анастасія Романовна. — Я вѣдь сама не вхожу въ дѣла, все мой главный министръ, Козыревъ Артемій Филипповичъ...

Антиповъ остановилъ ее съ грубою откровенностью.

— Нѣтъ, вы мнѣ очковъ не втирайте и вашего Артемія Филипповича не подсовывайте: я до миѳовъ не охотникъ. Знаемъ мы, какъ вы сами въ дѣла не входите. Я вѣдь не

взаймы у васъ прошу... Такъ—на сколько? Тысячъ на двѣсти, на триста?

— Да, въ этомъ родѣ.

— Лик-ви-ди-руй-те...—медленно сказалъ Антиповъ.

Въ глазахъ Анастасіи Романовны сверкнулъ странный, какъ будто, радостный огонекъ.

— Что случилось?—спросила она съ притворнымъ испугомъ.

— Пока ничего, но случится... и очень скоро.

Онъ многозначительно прищурилъ одинъ глазъ.

— «Отрада Домовладѣльца»... понимаете?

— Неужели ревизія?—шепнула княгиня.

Антиповъ кивнулъ головою.

— И еще какая! Изъ Петербурга... тузовая!

— Ваша иниціатива?

Онъ улыбнулся холодно и самодовольно.

— Да, по моему представленію. Чортъ знаетъ, какія злоупотребленія въ этой «Отрадѣ»! Я не успокоюсь, пока не посажу на скамью подсудимыхъ всю правленскую компанію... Во всякомъ случаѣ, теперешнимъ заправиламъ Гроссбухамъ и tutti quanti, шабашъ! А что значитъ это для аферъ графа Обертался, ихъ благопріятеля, вы соображаете?

— Еще бы!—вздохнула Анастасія Романовна.

— Потеря послѣдняго кредита и не-со-сто-я-тель-ность... Графъ лопнетъ, какъ мыльный пузырь. Онъ—банкротъ и даже не несчастный. Пусть благодаритъ Бога, если его признаютъ неосторожнымъ, а попадется несговорчивый истецъ, закатаетъ его сіятельство и въ злостные. . А, вотъ и сестрица ваша съ Алябьевымъ. Я доставилъ васъ, такъ сказать, къ домашнимъ пенатамъ и — позвольте откланяться... уѣзжаю.

Анастасія Романовна погрозила ему пальцемъ:

— Небось, кутить до разсвѣта?

— Да, вдвоемъ съ моимъ секретаремъ, въ рабочемъ

кабинетѣ. Бумажное пиршество—очень можетъ быть, что и до разсвѣта...

Направляясь къ сестрѣ, черезъ залъ, Анастасія Романовна думала:

— Какъ бишь это Ѳедотова говоритъ въ «Василисѣ Мелентьевой»—еще публика всегда смѣется... Да! «Хитеръ ты, пёсъ, а не хитрѣе бабы!»... Спасибо, Петръ Павловичъ, что предупредилъ о графѣ! безъ тебя-то мы, поди ничего и не знали... Ха-ха-ха! то-то, однако, сюрпризъ Ларискѣ!.. А графа хоть и жаль,—да подѣломъ! Не суйся въ воду, не спросясь броду. . Туда же—подрядчикъ! Ну, дворянское ли это дѣло?!

Говорятъ, будто истинная любовь не бываетъ безъ ревности. Это, можетъ быть, и правда, но ревность—чувство, иногда умѣющее хорошо скрываться. Княгиня Настя даже самой себѣ не любила сознаваться, какъ сильно она ревнуетъ Алябьева, и надо было ей почти до вдохновенія дойти въ экстазѣ страсти, чтобы выдать себя, какъ намедни, въ зимнемъ саду. Распинаясь въ доказательствахъ своего довѣрія къ любовнику, она умѣла улыбаться женщинамъ, которыхъ втайнѣ ненавидѣла именно за то, что онѣ кокетничали съ Алябьевымъ, доходила даже до такой крайности, что сама знакомила его съ «опасными» соперницами и устраивала ему, такимъ образомъ, какъ бы амурную облаву.

Алябьевъ—человѣкъ характера замкнутаго и выдержаннаго, съ рѣдкимъ умѣньемъ владѣть собою и серьезно относиться къ принятымъ на себя нравственнымъ обязательствамъ,—ревности не выносилъ.

— Это чувство дикарей и мѣщанъ,—говорилъ онъ.

— Неужели ты незнакомъ съ нею?—удивлялась Анастасія Романовна.

— Знакомъ, конечно; но никогда не позволялъ ей овладѣвать мною.

— Какъ же ты боролся?—научи!

— Очень просто. Когда я чувствовалъ, что начинаю ревновать любимую женщину, я разставался съ нею навсегда.

— Но это ужасно!

— Напротивъ. Вотъ остаться при любовницѣ, которую ревнуешь, это, дѣйствительно, ужасное испытаніе.

— Ты пережилъ его?

— Да... когда былъ студентомъ... и будетъ съ меня! — закаялся на всю жизнь.

— Какой ты эгоистъ, Алеша!

— Почему?

— Да какъ же? бросать любимую женщину потому только, что ея близость доставляетъ тебѣ нѣкоторое нравственное безпокойство...

Алябьевъ угрюмо остановилъ ее.

— А ты знаешь, во что можетъ разростить это «нравственное безпокойство», если я дамъ ему волю? мрачно сказалъ онъ.—Нѣтъ, Настя: ревность заставляла меня бѣжать отъ женщинъ не по эгоизму, а изъ сожалѣнія къ женщинѣ.

Анастасія Романовна засмѣялась дѣланнымъ, тревожнымъ смѣшкомъ.

— Этакъ ты и меня, пожалуй, бросишь въ одинъ прекрасный день?

Алябьевъ отвѣтилъ ей серьезнымъ взглядомъ.

— А ты намѣрена подать мнѣ поводъ къ ревности?

— Почемъ знать?! кокетливо усмѣхнулась она.

Алябьевъ задумался.

— Видишь ли, — возразилъ онъ,—любовь—что вѣра. Нельзя «немножко вѣрить» въ Бога: либо всецѣло признавай Его существованіе и Промыселъ, либо отрицай вовсе.. Такъ и въ любви. Или люби безъ сомнѣній, или не люби совсѣмъ. Моя логика: если женщина стоитъ моей любви, она не заставитъ меня ревновать; а если ей

нравится мучить меня ревностью, такъ — извини за выраженіе—чортъ ли въ ней?

— Это и обратно, то есть, со стороны женщинъ къ мужчинамъ, приложимо? не безъ ядовитости спросила княгиня Настя.

— Отчего же нѣтъ?

— Примемъ къ свѣдѣнію.

Но какъ ни старалась княгиня Настя совершенно справиться съ ревностью, не могла,—только выработала для себя, на показъ свѣту, мастерскую маску равнодушія. На самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она сошлась съ Алябьевымъ, на сердцѣ у нея бывало легко—лишь пока она оставалась съ нимъ вдвоемъ, да и то если онъ не хмурился; въ остальное время:

— Розы на ланитахъ, въ очахъ — шиллерова ода «An die Freude», смѣхъ на устахъ и червякъ въ душѣ!

Такъ рисовалъ Анастасію Романовну Владиміръ Павловичъ Реньякъ, одинъ изъ немногихъ, кто видѣлъ ее насквозь, со всею ея фальшью, и напускною, и природною.

Червякъ тихій, медлительный, но неутолимый, исподволь, не переставая, грызущій.

— Боже мой! иногда возмущалась княгиня Настя сама на себя,—и это — безъ тѣни подозрѣнія на Алешу! безъ всякой причины къ ревности! А если бы она была? Что же я тогда натворю? Зубами его загрызу? Съ Ивана Великаго брошусь?

Ревность ея была не совсѣмъ зауряднаго свойства. Она не лгала графинѣ Оберталь, когда увѣряла ее, что не прочь видѣть Алябьева женатымъ или влюбленнымъ. Но она забыла прибавить:

— Съ моего выбора и разрѣшенія.

— Женись, балуйся, дѣлай, что хочешь, но оставайся *мой*. Прежде всего мой, а потомъ уже—любовницы или жены. Ты принадлежишь мнѣ, какъ собственность,

а имъ пусть падаютъ крохи, которыя такъ и быть, изъ жалости, я смахну иной разъ со своего стола.

Она не ревновала Алябьева къ женскому тѣлу. Если бы черноокая Врангель завоевала наконецъ Алексѣя Сергѣевича хотя бы по тактикѣ жены Пентефрія, Анастасія Романовна сумѣла бы faire bonne mine au mauvais jeu, издѣвалась бы дня два-три надъ своимъ «измѣнщикомъ» — и только. Но, если бы той же Врангель Алябьевъ довѣрилъ какой-нибудь свой секретъ, скрытый отъ княгини Насти; если бы, по разстроеннымъ дѣламъ своимъ, онъ обратился къ другому человѣку — не говоря уже къ другой женщинѣ,—за помощью, принять которую онъ съ упорною, брезгливою надменностью отказывалъ своей любовницѣ-милліонершѣ,—Анастасія Романовна пришла бы въ глубокое отчаяніе, въ самомъ дѣлѣ способное на самыя злобныя и бѣшеныя выходки.

Подходя къ сестрѣ, — болѣе обыкновеннаго оживленной въ разговорѣ съ Алябьевымъ, — Анастасія Романовна вспомнила вчерашніе намеки и сомнѣнія графини Оберталь и почувствовала, что они оставили слѣдъ въ ея сердцѣ.

«Слишкомъ сближаются—она права,—думала она,— пора ихъ развести. Таня не Врангель... Въ ней наша, хромовская кровь. Влюбится,—пропадемъ всѣ трое: и не распутать бѣды... Да и его недолго попутать бѣсу. Танька— въ его вкусѣ. Нравлюсь же ему я, а въ Татьянѣ все есть, что во мнѣ хорошаго... да еще она моложе меня, красивѣе, начиталась, сидючи безъ дѣла, книжекъ, умѣетъ разводить философію... Не хорошо! не хорошо!.. И характеры сходные, обоихъ потрепала жизнь, оба разочарованные, оба скучаютъ...»

Мѣняясь съ Танею и Алябьевымъ общими впечатлѣніями концерта, она наблюдала, и оба казались ей подозрительными...

— Ишь, разговорились! Когда порознь,—что изъ нея,

что изъ него,—хоть клещами вытягивай слова, а вдвоемъ такъ и сыпятъ...

Она хорошо сознавала, что подозрѣнія ея безпочвенныя, что сейчасъ между Алябьевымъ и Танею, во всякомъ случаѣ, еще ничего нѣту:

— Но можетъ быть, — грызъ ее червякъ,—легче, чѣмъ съ кѣмъ другою, можетъ... Пламя и солома: и не углядишь, какъ вспыхнетъ.

Подошелъ Реньякъ — толстый, веселый, непринужденный. Онъ острилъ и болталъ пустяки. Анастасія Романовна смѣялась, но на душѣ у нея было нехорошо. Она думала:

— Два существа, дорогихъ мнѣ на свѣтѣ, — онъ и она... И неужели мнѣ суждено потерять ихъ, именно отъ нихъ-то и потерпѣть лютое горе? Нѣтъ, нѣтъ! Не бывать тому: не попущу! Коли не уберегу ее,—будетъ горько, да ужъ куда ни шло! Но съ нимъ разстаться... это—значитъ, въ омутъ! нѣтъ, мнѣ жизнь-то еще не надоѣла!.. Замужъ ее, безъ долгихъ разговоровъ! Замужъ,—и конецъ.

Концертъ кончился, Реньякъ велъ княгиню подъ руку къ выходу. Таня шла впереди съ Алябьевымъ.

— Владиміръ Павловичъ, — не безъ таинственности сказала Латвина своему кавалеру, — если вы свободны завтра и не боитесь проскучать два часа, пріѣзжайте ко мнѣ завтракать...

— О, чудное чудо, о, дивное диво! Что значитъ сей сонъ?

— Чему вы удивляетесь?

— Я знаю, что у васъ обѣдаетъ вся Москва, ужинаетъ — тоже, и даже съ пригородами... Но никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь у васъ завтракалъ.

— Потому я и приглашаю васъ такъ секретно,—засмѣялась Анастасія Романовна.—И предупреждаю: будемъ завтракать à deux...

Реньякъ сдѣлалъ шутовское лицо:

— Одно изъ двухъ: или вы, наконецъ, тронулись моими многолѣтними страданіями... и намѣрены увѣнчать мой пламень; или...

— Что?

— Или хотите открыть фабрику фальшивыхъ бумажекъ и пригласить меня въ пайщики.

— Не совсѣмъ такъ,—хладнокровно возразила Анастасія Романовна,—но второе ваше предположеніе, все-таки, ближе къ истинѣ.

— А для меня и предпочтительнѣе! —съ тою же шутовскою дерзостью оборвалъ ее Реньякъ.

— Ты къ намъ?—шепнула княгиня Алябьеву, когда онъ подавалъ ей ротонду.

Онъ кивнулъ головою.

— Да... только я долженъ сперва зайти въ клубъ... буду черезъ часъ, если не поздно.

— Конечно, нѣтъ. Приходи, если можешь, скорѣе: я буду ждать тебя съ ужиномъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою.

— Очень радъ.

Она вся просіяла отъ его ласковаго взгляда; ревнивый бѣсъ отошелъ отъ нея... полная угрызеній совѣсти за недавнюю подозрительность, она сдѣлалась очень ласкова съ сестрою.

— Представь, Танюша,—говорила она въ каретѣ,— у меня сегодня просили твоей руки.

— А! — вяло отозвалась изъ своего угла полусонная Танюша.

— Очень интересный, красивый, милый молодой человѣкъ...

— Кто такой?—послышался отвѣтъ тѣмъ же дремотнымъ безучастнымъ голосомъ.

— Это я скажу тебѣ завтра... Не сгоришь за ночь отъ любопытства?

— Думаю, что нѣтъ...

— Бѣлуга ты Татьяна! — даже разсердилась Латвина,—рыба! и въ кого ты задалась такая рыба?

— Да что же мнѣ—пламенѣть къ какому-то неизвѣстному?!

Сестры замолчали.

— Вообще-то... ты не раздумала выходить замужъ?— начала Анастасія Романовна, не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

Таня равнодушно возразила:

— И не раздумала, и не надумала.

— То-есть?

— Я тебѣ говорила сто разъ: мнѣ все равно... Если тебѣ надо, чтобы я вышла замужъ, выйду; не надо,—буду сидѣть въ дѣвкахъ... Мнѣ все равно!..

— Нѣтъ,—размышляла княгиня,—въ такую Алексѣй не влюбится, онъ не можетъ любить такую... А, все-таки, лучше сбыть ее съ рукъ—и какъ можно скорѣе!

VII.

На волоскѣ.

Графъ Оберталь метался по Москвѣ, въ безплодной погонѣ за деньгами, уже третьи сутки. Изъ Петербурга летѣли телеграммы все нетерпѣливѣе, все тревожнѣе. Алексѣй Андреевичъ, видимо, струсилъ и потерялъ увѣренность въ племянникѣ... Въ каждой депешѣ онъ непремѣнно упоминалъ о своемъ преемникѣ и заклятомъ врагѣ Липпе и о контролерѣ Алапевскомъ, фанатикѣ казенныхъ интересовъ и потому тоже недоброжелателѣ Долгоспиннаго. Именно его докладъ и отнялъ постъ у Алексѣя Андреевича. Между строками этихъ упоминаній Оберталь ясно читалъ:

— Ты видишь, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Если растрата не будетъ пополнена, меня не пощадятъ. Неужели ты будешь такъ подлъ, что посадишь своего благодѣтеля на скамью подсудимыхъ?

— Неважно, очень неважно ваше положеніе, Евгеній Антоновичъ,—говорилъ Оберталю, возвратясь изъ Петербурга, его повѣренный Бурминъ,—паденіе Алексѣя Андреевича произвело прямо панику. Я, знаете, пощупалъ коекого изъ Петербургскихъ банкировъ...

— Ну?

— Только-что не смѣются въ глаза: «графъ Оберталь? Да чего же онъ теперь стоитъ?» А здѣсь какъ?

Графъ махнулъ рукою.

— То же самое.

— Скверно.

— Но, Вадимъ Прокофьевичъ, я не понимаю: откуда такое недовѣріе! До сихъ поръ мы оправдывали свои документы...

— Блистательно.

— Ну, положимъ, дядя палъ, и даже не безъ скандала. Но дядя—одно, я—другое. Я-то за что терплю въ чужомъ пиру похмелье?

— Есть такая пословица: «лѣсъ рубятъ — щепки летятъ».

— Подрядъ все же остался въ моихъ рукахъ. Его у меня отнять нельзя.

— Никакимъ манеромъ, но — выгодная ли онъ теперь операція, Евгеній Антоновичъ?

— Вадимъ Прокофьевичъ, да не мы ли съ вами считали вотъ въ этомъ самомъ кабинетѣ и досчитались до полумилліона чистой прибыли?

— Те-те-те! батенька! Это было, да прошло. Давайтека считать сызнова. На операціи съ Латвиной вы потеряли тысячъ сто? Больше? Ага! Вѣчная переписка векселей почти вдвое чего-нибудь вамъ стоила? Перевозка брус-

евъ выросла противъ смѣты,—забыли? Нѣтъ, теперь, я—даже при Алексѣѣ Андреевичѣ—не оцѣнилъ бы вашего подряда больше, чѣмъ въ двѣсти тысячъ...

— А безъ Алексѣя Андреевича?

Бурминъ помолчалъ.

— Что же?—возразилъ онъ съ разстановкою,—господа купцы, пожалуй, правы. Дѣло ваше—табакъ. Я бы за него гроша мѣднаго не далъ.

— Да почему, чортъ возьми?

— А потому что, подумайте-ка: кто и какъ будетъ теперь принимать отъ васъ подрядъ? При Алексѣѣ Андреевичѣ вы ставили, что хотѣли,—и хоть съ гнильцой и пыльцой, ничего: казна все вытерпѣла бы, все сошло бы съ рукъ. Еще, пожалуй, орденъ бы получили. А Липпе и Аланевскій... нѣтъ, милый человѣкъ, тутъ не шутки-съ! Они вамъ такую пріемную комиссію назначатъ, что каждую шпалу перенюхаетъ. Тутъ не орденомъ, а Сибирью пахнетъ-съ, мѣстами не столь отдаленными.

— У насъ все, кажется, въ порядкѣ.

— Да вѣдь это—какъ взглянуть. Захочетъ пріемщикъ найти все въ порядкѣ,—ну, и найдетъ,—и ступай, значитъ, господинъ подрядчикъ въ храмъ славы! А захочетъ придираться,—ну, и поздравляю васъ вмѣсто порядка, съ хаосомъ и окружнымъ судомъ. По-вашему, у насъ подрядъ ведется образцово. И я скажу: ничего, живетъ, исполняются подряды и хуже. А все-таки, я, если хотите, сейчасъ вамъ укажу, по крайней мѣрѣ, десять поводовъ отдать васъ подъ судъ.

— Напримѣръ?

— Что далеко ходить?—развѣ годился въ обработку тотъ же латвинскій лѣсъ?

— Да... негодяйка! обобрала меня, да еще наградила гнилью!.. Хоть бы капля совѣсти...

— Совершенно справедливо изволите говорить: ни капельки. Этого лѣса не то, что принять было нельзя, его

прямо надо было везти къ прокурору, какъ вещественное доказательство: вотъ, молъ, г-жа Латвина намѣрена заняться систематическимъ человѣкоубійствомъ, — ставитъ на шпалы мусоръ вмѣсто лѣса... А мы приняли, и шпалы изъ латвинскаго лѣса у насъ—черезъ четыре пятая, на протяженіи трехсотъ семидесяти верстъ-съ.

— Это надо будетъ передѣлать!—сквозь зубы процѣдилъ графъ, глядя въ сторону.

— Въ этомъ-то и штука, ваше сіятельство, что теперь, съ новымъ начальствомъ, придется очень многое передѣлывать, а многое дѣлать иначе, гораздо лучше, чѣмъ раньше. А все сіе стоитъ денегъ и денегъ. Репутація ваша у Липпе и Аланевскаго такова, что, если вы не поставите самаго отличнаго матеріала, къ которому и придраться уже нельзя—недобросовѣстно будетъ,—они скажутъ: поставилъ дрянь. Вонъ—вы, съ помощью дядюшки, произвели краткосрочный заемъ изъ Государственнаго казначейства,—правда, не предупредивъ о томъ контроля,—а Аланевскій кричитъ на весь Питеръ, что Долгоспинный съ племянникомъ обокрали казну и чуть не требуетъ ревизіи... Все зависитъ отъ взгляда на предметъ. И вотъ-съ, я полагаю, что при настоящемъ взглядѣ, то есть при Липпе и Аланевскомъ, вы не только ничего не заработаете на подрядѣ, но еще не потерять бы вамъ тысячъ пятидесяти, а то и всѣхъ ста.

Почти то же самое высказали графу многіе московскіе тузы, къ кому бросился онъ за помощью, и откровеннѣе всѣхъ Артемій Филиппович Козыревъ.

— Значитъ,—горько усмѣхнулся Оберталь,—дѣло стоитъ такъ: пока я могъ,—если бы захотѣлъ—вести подрядъ мошенническимъ манеромъ,—вы считали меня достойнымъ кредита; а, когда я не могу его вести иначе, какъ на честнѣйшей отчетности, я не стою вашего участія? У васъ есть кредитъ мошеннику и нѣтъ—для честнаго человѣка?

— Ну, зачѣмъ такія рѣзкія слова, такія горькія

фразы, графъ? Просто: вамъ вѣрили, пока изъ подряда можно было имѣть выгоду, а сейчасъ нельзя... То есть — вамъ нельзя, а другому — очень даже можно. Если бы вы пожелали передать подрядъ и правительство разрѣшило бы вамъ передачу, даже мы не отказались бы купить его у васъ...

— Никогда! ни за что!..

— Ну, графъ, въ такомъ случаѣ скажу вамъ прямо: лучше и не стучитесь къ солиднымъ фирмамъ, — пріятнаго для себя ничего не услышите.

— Что же? пропадать мнѣ? — почти грозно вскрикнулъ Оберталь, страдальчески хмуря брови.

Козыревъ поглядѣлъ на его желтое, осунувшееся лицо...

— Жаль малаго! — подумалъ онъ, — и уже мягче посовѣтовалъ:

— Зачѣмъ пропадать? попытайте дисконтеровъ. Можетъ быть, и добьетесь какого-нибудь толка. Потому что вѣдь это ихъ прямое ремесло: торговать вексельною бумагою, какъ самостоятельнымъ товаромъ... Конечно, они обдерутъ васъ, какъ липку, но другого исхода я для васъ не вижу...

— Что Оберталь? — спросила въ тотъ же день Латвина своего управляющаго.

— Бьется, какъ рыба объ ледъ... даже жаль смотрѣть. Теперь по дисконтерамъ ударился.

— Вы не знаете, къ кому именно?

— Я его направилъ къ Моргенбаху, Ракіанцу, Халвопуло и Опричникову...

— Вы считаете его дѣло совершенно потеряннымъ?

— То есть — какъ крупное дѣло — конечно, оно не стоитъ ничего; но выбраться изъ него безъ потери, даже съ порядочною прибылью очень можно.

— Даже при новомъ обязательствѣ на эти семьдесятъ пять тысячъ, которыя онъ ищетъ?

— Даже.

Анастасія Романовна закрыла глаза и считала въ умѣ. Потомъ укоризненно посмотрѣла на Козырева.

— Какой же вы чудакъ, Артемій Филипповичъ! Зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, вы послали графа къ этимъ пьявкамъ? Надо было прямо направить его къ Гаутоншѣ...

Артемій Филипповичъ взглянулъ на хозяйку немножко дикими глазами.

— Но, ваше сіятельство, я не смѣлъ...

— Почему?

— Вы изволили распорядиться, чтобы графу былъ прекращенъ кредитъ...

— Ну, да, въ моей конторѣ. А какое мнѣ дѣло до Гаутонши? Надѣюсь, между мною и madame la baronne Эйсъ-Гаутонъ нѣтъ ничего общаго. . При чемъ же тутъ мой кредитъ графу? Я его закрыла, а Эйсъ-Гаутонъ можетъ открыть, и даже, я надѣюсь, навѣрное откроетъ... Ну-съ, а затѣмъ—вашъ докладъ конченъ?

— Исчерпанъ-съ.

— Такъ, до свиданья...

Но отъ дверей Латвина вернула управляющаго, чтобы снова приказать ему:

— Если сумѣете, непремѣнно устройте, чтобы Оберталь нашелъ деньги именно у Гаутонши... Прощайте.

Артемій Филипповичъ покрутилъ головою, щелкнулъ перстами...

— Бисмаркъ, а не баба!!!..

Тѣмъ временемъ графъ, напрасно побывавъ у Моргенбаха, Ракіанца и Халвопуло, маялся, какъ въ застѣнкѣ, въ темномъ чуланчикѣ при мѣняльной лавкѣ дисконтера Опричникова. Чудной это былъ старикъ: маленькій, сѣденькій, желтенькій, опрятненькій, попрыгунъ и непосѣда, точно въ его жилахъ текла ртуть вмѣсто крови; глаза—изжелта-каріе, безъ рѣсницъ, въ красной опухоли—смотрѣли странно, напоминая то хищную птицу, то юро-

диваго. По купечеству Опричниковъ слылъ—немного рехнувшись, но ростовщическія операціи свои обдѣлывалъ артистически, отличаясь памятливостью, скаредностью и жадностью поразительными. Въ ссудахъ былъ тяжелъ и прижимистъ, во взысканіяхъ безжалостенъ; въ дѣловомъ разговорѣ—несносенъ, мѣшая съ серьезными фразами совсѣмъ полоумное шутовство.

— Хи-хи-хи! ха-ха-ха! какъ намъ жалко пѣтуха!—запѣлъ Опричниковъ, едва Оберталь показался въ его лавкѣ: они были нѣсколько знакомы по общимъ собраніямъ общества «Отрада Домовладѣльца». — Милости прошу къ нашему шалашу!

Онъ увелъ Оберталя въ свой «хозяйскій» чуланчикъ, усадилъ его къ столу, подъ огромный, сверкающій золотою ризою и драгоцѣнными камнями образъ и принялся отвѣшивать гостю частые, дурашливые поклоны, приговаривая:

— Се кланяюся ти, Евгеніе, понеже погубленъ еси безвинно.

— Что это значитъ? я не понимаю,—пробормоталъ Оберталь, сразу сбитый съ толку.

— А то и значитъ, что мнѣ, хи-хи-хи, ха-ха-ха! очень жалко пѣтуха.

И, подсѣвъ къ гостю, старикъ прищурилъ на него хитрые глаза:

— Что, братъ, дядюшка-то—того? ау, Матрешка?.. То-то! И сочинитель Сумароковъ когда-то писалъ:

Суетенъ будешь ты, человѣкъ,
Если забудешь краткій свой вѣкъ...

Я вѣдь, братъ, дошлый: все знаю. У меня тутъ другъ-пріятель, по сосѣдству, подъ воротами, букинистъ знакомый: все мнѣ книжки даритъ. Долженъ мнѣ,—ну, и даритъ. Процентъ процентомъ, а книжка книжкою—такое уже положеніе... А ты все-таки носа не вѣшай, отче Евгеніе! что вѣшать? Всякое бываетъ на свѣтѣ: и трынъ-

*

траву козы ѣдятъ. Несостоятельнымъ объявляешься?— неожиданно спросилъ онъ, впиваясь въ Оберталя ястребинымъ окомъ. Тотъ даже отшатнулся.

— Что вы! Богъ съ вами!

— Ну, и молодчага! А то—дуракъ нонѣ народъ пошелъ, охъ, дуракъ. Чуть въ дѣлишкахъ трень-брень, глядь—либо изъ пистолетки себѣ непріятность окажетъ, либо – въ несостоятельные. Вывернуть кафтанъ, баринъ, хорошо тому, у кого денегъ много, а у кого ихъ нѣтъ, это, значитъ,—изъ поля вонъ.

— Вотъ что, Демьянъ Кузьмичъ,—перебилъ Оберталь,—у меня въ эти дни голова кругомъ идетъ, такъ что я обиняки и шутки ваши даже плохо уразумѣваю... Будьте добры—поговоримъ серьезно. Можете?

— Я-то? Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты! Смотри, какъ насупился: могила Бовы Королевича и Еруслана Богатыря!

— Я къ вамъ, конечно, за деньгами.

Старикъ зѣвнулъ.

— Ну, братъ,—равнодушно возразилъ онъ,—ради такой новости и супиться не стоило. Зачѣмъ же къ Демьяну и ѣздятъ люди, какъ не за деньгами?

— Дадите?

— Дамъ. Отчего не дать? Давалкою, сказываютъ, люди сыты бываютъ.

— Мнѣ много надо.

— Все бери!.. Опричниковъ сунулъ руку въ карманъ и вытащилъ горсть серебра,—видишь? Послѣдніе: двугривенный, гривенникъ, четыре пятиалтынныхъ... Все бери! знай Демьянову ласку!

— Да будетъ вамъ дурачиться! – нервно вскрикнулъ Оберталь, вставая съ мѣста.

Опричниковъ притворился смертельно испуганнымъ: заболталъ руками и ногами, затрясъ головою.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!—бормоталъ онъ съ хитрою улыбочкой злого идіота.

Графъ оперся руками на столъ и, тяжело дыша, нагнулся къ старику.

— Мнѣ семьдесятъ пять тысячъ надо,—сказалъ онъ, глядя прямо въ глаза ростовщика.

Тотъ замигалъ вѣками и высунулъ языкъ:

— Вотъ такъ фунтъ! это, что называется, наше вамъ всенижайшее, ходите почаще—безъ васъ веселѣе.

Графъ хмуро и вызывающе смотрѣлъ на него.

— Дадите?

Опричниковъ сорвался со стула, сталъ въ гордую позицію, топнулъ ногою и завизжалъ пронзительнымъ фальцетомъ:

Для тебя, моя душа,
Ничего не жалко:
Вотъ два ломаныхъ гроша,
Вотъ мѣшокъ и палка!

И вотъ вамъ—господинъ Анжело Мазини, десять рублей кресла первый рядъ, у барышниковъ—четвертная. Слыхалъ?

— Что? кого?

— Мазини-то, говорю, слыхалъ?

— Чортъ васъ возьми совсѣмъ!

Оберталь крѣпко стукнулъ по столу кулакомъ. Мускулы смуглыхъ щекъ его дрожали подъ поблѣднѣвшею кожею, глаза сверкали. Опричниковъ пристально посмотрѣлъ на него, смирненько сѣлъ на стулъ и перемѣнилъ тонъ.

У Моргенбаха былъ?

— Нѣтъ, не былъ,—солгалъ графъ и тутъ же спохватился:—а, впрочемъ—чортъ! что вамъ лгать-то? все равно—наведете справку... Конечно, былъ.

— У Ракіанца? Халвопуло?

— У всѣхъ.

— Не дали?

— Если бы дали, зачѣмъ бы мнѣ быть у васъ?

— И я не дамъ,—какъ-то даже успокоительно заключилъ Опричниковъ.

Евгеній Антоновичъ тяжело вздохнулъ и повѣсилъ голову.

— Не потому не дамъ, чтобы я тебѣ не вѣрилъ или боялся за деньги,—продолжалъ Опричниковъ,—а потому: видишь, Богъ-отъ у меня какой?

Онъ торжественно указалъ на икону и перекрестился.

— Кузьма и Даміанъ безсребренники'.. Вотъ, и, стало быть, въ такія большія дѣла мнѣ соваться не резонъ. Вотъ кабы тебѣ тысячку, другую... А то—эку махину выворотилъ: семьдесятъ пять тысячъ! Да я въ жизнь свою не давалъ такой суммы въ однѣ руки. Разъ какъ-то помогъ одному молодцу, ссудилъ пятнадцать тыщъ, соблазнился процентомъ... и процентъ же, душенька ты моя, былъ! люли-малина! Абрикосовъ конфетъ, полтора рубля фунтъ, ананасный ломоть на покрышку задаромъ! вотъ какой процентъ. Такъ, вѣришь ли, и проценту былъ не радъ. Просто изстрадался, пока деньги не пришли домой. Ну, вотъ, точно я свою присягу нарушилъ. Съ той поры — баста: за десятокъ не переваливаю — ни-ни! Пусть Моргенбахи да Халвопулы хапаютъ; большимъ кораблямъ большое и плаваніе, а я человѣкъ маленькій... курочка, знаешь, по зернышку клюетъ, одначе сыта бываетъ... Стой! стой, братишка, куда ты?

Онъ отнялъ у Оберталя шапку.

— Посидимъ, потолкуемъ. Денегъ я тебѣ не дамъ, а добру научу. У тебя чей бланчикъ-то будетъ?

— Реньякъ поставитъ, Бурминъ—адвокатъ, Мѣховщиковъ...

Опричниковъ презрительно пожевалъ губами.

— Не коммерческіе люди.

— Откуда мнѣ взять коммерческихъ? Всѣ отступились.

— Жена не поставитъ?

— Отказала наотрѣзъ.

— Плохо твое дѣло.

Старикъ опять зажевалъ губами и вдругъ сразмаху ударилъ Оберталя по колѣну, такъ что тотъ даже вскрикнулъ отъ неожиданности.

— Латвинскій бланкъ достань, братецъ ты мой! вотъ это—деньги.

— Просилъ,—угрюмо возразилъ Оберталь.

— Ну?

— Говоритъ, будто она никогда не выдавала ни одного векселя, не ставила ни одного бланка и начинать не желаетъ...

— Та-а-къ... Это точно. Слыхалъ и я про нее такую молву, слыхалъ. Однако, что я тебѣ, братецъ ты мой, скажу?

Опричниковъ нагнулся къ самому уху Оберталя.

— Латвинскіе бланки я самъ—вотъ умереть мнѣ на этомъ мѣстѣ—своими глазами видѣлъ... Что почеркъ ея, Латвиной, не поручусь, а бланки ея.

— Но какъ же...

— Да вотъ такъ же. Гаутоншу знаешь?

— Понятія не имѣю.

— А еще дѣлецъ! Есть такая госпожа Фелицата Даниловна Эйсъ-Гаутонъ: изъ хохлушъ, а мужъ у нея былъ—она говоритъ—баронъ ирландскій, а мы такъ скажемъ, машинистъ съ чугунки, изъ аглицкихъ жидовъ... Понимаешь?

— Пока ничего не понимаю.

— Дурашка! Это самая Фелицатка—тоже нашъ братъ Исакій: деньги даетъ—и только подъ самыя крупныя обстоятельства. Хе хе-хе! Сотельница, шельма!

Старикъ осклабился.

— Есть у нея еще одно занятіе, постороннее... Да тебѣ не любопытно: у тебя жена красавица. Ну-съ, такъ у Гаутонши этой векселей съ латвинскими бланками—полна шкатулка...

— Откуда же они взялись?

— Ужъ это надо спросить тѣхъ, чьи векселя.

— Демьянъ Кузьмичъ! я очень невысокаго мнѣнія о Латвиной, но въ этомъ отношеніи увѣренъ, что она меня не обманула: бланковъ она, дѣйствительно, не ставитъ.

— Хе-хе-хе! Я же и говорю тебѣ: за почеркъ не поручусь... Дурашка! Руки-то, чай, у всякаго есть, и грамотѣ тоже иные не попусту обучались. Развѣ трудно написать на оборотѣ векселя: «княгиня Анастасія Романовна Латвина»? Это, на что я простъ, и то сумѣю.

Оберталь дико уставился на ростовщика.

— То-есть... подлогъ?

Опричниковъ равнодушно пожалъ плечами.

— Товарищи прокуроровъ такъ это дѣло ругаютъ, а по-нашему, простецкому, имя ему — двойное обезпеченіе.

— Хорошо обезпеченіе: фальшивый бланкъ!..

— Преотличное, братецъ. Чудакъ! Въ Сибирь-то никому не хочется. Есть межъ нашего брата, купца, мастера по части выворачиванія кафтановъ. Такъ,—вѣришь ли? — самъ былъ свидѣтель: обыкновенному кредитору платитъ по гривеннику за рубль, а Гаутоншѣ—мало, что полнымъ рублемъ, еще съ надбавкою,—только отстань и не погуби!.. Потроха свои въ Охотный рядъ продашь, а по такому векселю заплатишь! Такъ-то, другъ любезный!

— И часто это практикуется?

Опричниковъ только свистнулъ...

Оберталь долго молчалъ, видимо озадаченный.

— Все это такъ невѣроятно, — сказалъ онъ, — но... вы, напримѣръ, Демьянъ Кузьмичъ, рѣшились бы дать денегъ подъ такой вексель?

Опричниковъ зорко взглянулъ на графа и покачалъ головой.

— Я? нѣтъ.

— Почему же даетъ Эйсъ-Гаутонъ?

— Дѣло у нея другое, крупное дѣло. Сказываю тебѣ:

я—курочка, клюю по зернышку. Моего кліента тащить въ судъ — одинъ срамъ. Эка важность: подкатилъ мальчишка дядину подпись на векселѣ въ пятьсотъ цѣлковыхъ! Тутъ, коли попадется бойкій адвокатъ, пожалуй, не онъ, а ты подсудимымъ-то выйдешь. Поднялъ я одинъ разъ дѣло,—самъ не радъ былъ: прокуроръ, братъ, отъ обвиненія отказался; защитникъ битые полчаса пущалъ на меня мораль, ровно бы не подсудимый, а я самъ поддѣлалъ вексель; Ринкъ [1]) такое заключеніе сказалъ, инда у меня уши горѣли; присяжные и минуты не совѣщались—вышли съ чистымъ «не виновенъ»; публика въ ладоши хлопаетъ... благодарю покорно! и денежки мои плакали, и я же оплеванъ... А у Гаутонши— и кліентъ не тотъ, и суммы не тѣ. Одна штука, коли за княгиню Латвину распишется на векселѣ въ пятьсотъ цѣлковыхъ какой-нибудь Мотька Сидоровъ, но совсѣмъ другая модель, коли вексель-то не на пятьсотъ рублей, а на семьдесятъ пять тысячъ, да расписался-то за княгиню Латвину не Мотька Сидоровъ, — а скажемъ къ примѣру—графъ Евгеній Антоновичъ Оберталь...

— Я просилъ бы васъ выбирать примѣры осторожнѣе,—проворчалъ графъ.

Онъ погрузился въ глубокую задумчивость. Опричниковъ лукаво поглядывалъ на него искоса

— Вы, кажется, сказали, — протяжно спросилъ графъ,—что эта Эйсъ-Гаутонъ даетъ деньги только подъ латвинскіе бланки?

— Не «только», но всего охотнѣе подъ латвинскіе.

— Почему это?

— Ну, ужъ Богъ вѣсть, какія межъ ними стасунки...

— Что такое?!

— А это, вишь ты, полячокъ одинъ ко мнѣ ходитъ,

---

[1]) Товарищъ предсѣдателя моск. окр. суда въ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ. Славился замѣчательными и ѣдкоостроумными резюме.

такъ онъ завсегда, вмѣсто «дѣлишки», говоритъ «стасунки», а я у него, по юродству моему, перенялъ... Коли Гаутоншѣ вѣрить, такъ она съ Латвиной и не знакома даже.

Оберталь всталъ и рѣшительно взялся за шапку.

— Прощайте, Демьянъ Кузьмичъ. Поблагодарилъ бы васъ, да, правду сказать, не за что...

— Ну, ничего, Богъ тебя проститъ. Какъ-нибудь въ другой разъ поблагодаришь. Прощай, душа. Заѣзжай на свободѣ, — гость будешь... Да! стой,—совсѣмъ забылъ!.. Можетъ быть, дать тебѣ адресокъ?..

— Какой?..—рѣзко спросилъ графъ.

— Ея... — усмѣхнулся ростовщикъ, — то-есть, гдѣ Гаутонша жительство имѣетъ.

Оберталь побагровѣлъ.

— Вы съ ума сошли!—крикнулъ онъ и, запахнувъ шинель, быстрыми шагами вышелъ отъ мѣнялы.

Опричниковъ долго смотрѣлъ, сквозь зеркальныя окна лавки, вслѣдъ быстрымъ санкамъ графа.

— Врешь, братъ, врешь! — бормоталъ онъ, ухмыляясь,—крикомъ насъ не надуешь... Прямо въ адресный столъ поѣхалъ. Развѣ-развѣ, что сперва заѣдешь, по дорогѣ, посовѣтоваться съ Бурминымъ... Эй, малый!

Онъ нацарапалъ у конторки на двухъ листкахъ синей бумаги кривыя каракули и отдалъ лавочному мальчишкѣ на посылкахъ:

— Ну-ка-ся, неси этотъ лоскутокъ къ Фелицатѣ Даниловнѣ, а энтотъ къ Артемію Филипповичу... Да—живо! чтобы одна нога—здѣсь, другая—тамъ...

А графъ, дѣйствительно, поѣхалъ къ Бурмину. Адвокатъ зналъ Гаутоншу.

— Но это отвратительная женщина, графъ —предупредилъ онъ.—Безпощадная ростовщица, и, говорятъ, у нея на шеѣ не мало сомнительныхъ дѣлъ. При томъ, она даетъ деньги только подъ самое вѣрное обезпеченіе...

— Козыревъ обѣщалъ мнѣ,—сказалъ Оберталь, глядя въ землю,—уговорить Латвину поставить бланкъ на моемъ векселѣ...

Бурминъ воззрился на него съ несовсѣмъ довѣрчивымъ изумленіемъ. Оберталь гордо выдержалъ взглядъ.

— А, это другое дѣло!—возразилъ адвокатъ почтительнымъ тономъ, но тогда, милый другъ, зачѣмъ вамъ эта вѣдьма, Гаутонша? Такую рѣдкость, какъ латвинскій бланкъ, учтутъ вамъ въ любомъ банкѣ al pari...

* * *

Графъ Оберталь долго звонилъ, прежде чѣмъ дверь съ мѣдною дощечкою, обозначавшею, что тутъ живетъ Фелицата Даниловна Эйсъ-Гаутонъ, предъ нимъ отворилась. Горничная, одѣтая, какъ барышня, увидавъ предъ собою незнакомаго мужчину, смѣряла его удивленнымъ взглядомъ:

— Фелицаты Даниловны нѣтъ дома, — сказала она съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ, не впуская графа въ переднюю

— Не можетъ быть!—воскликнулъ графъ,—она сама назначила мнѣ этотъ часъ.

— Ваша фамилія?

— Графъ Оберталь.

— А! это другое дѣло. Велѣно принять.

— Однако, по-министерски ..—думалъ графъ, оправляя передъ зеркаломъ усы и волосы. — Чортъ знаетъ, чѣмъ у нихъ тутъ надушено? Горькій миндаль какой-то... дышать нельзя... Или это отъ этой?

Горничная казалась ему странною. Она не помогла ему снять шубу; смотрѣла холодно и надменно, точно своимъ пріѣздомъ графъ нанесъ ей лично оскорбленіе. Его удивило несоотвѣтствіе почти роскошной фигуры дѣвушки съ тощимъ лицомъ ея, глазами въ синемъ ободкѣ и больными, обметанными розовою сыпью, губами.

— Идите за мною...

Горничная повела Oберталя длиннымъ коридоромъ, застланнымъ мохнатымъ ковромъ. Изъ боковой двери выглянула молодая растрепанная дѣвица, въ разстегнутомъ пеньюарѣ, и ничуть не сконфузилась, когда взглядъ Oберталя встрѣтился съ ея мутнымъ, какъ будто слегка пьянымъ, взглядомъ.

— Wer ist der Herr, Lehnchen?—окликнула она горничную.

— Ein Affairengast zur Frau Baronin.

— Ah, Je!..

Дѣвушка сдѣлала дурашливую гримасу и скрылась.

— Куда это я попалъ?—подумалъ изумленный Oберталь.

— Подождите здѣсь,—отрывисто сказала горничная, отворяя дверь въ маленькую гостиную, причудливо освѣщенную фонарикомъ съ разноцвѣтными стеклами.—Фелицата Даниловна сейчасъ выйдетъ.

— Куда я попалъ?!—вторично воскликнулъ графъ, оглядывая обстановку комнаты: неестественно выгнутыя и покатыя козетки и диванчики, группу трехъ грацій на каминѣ, а на стѣнахъ откровенныхъ дамъ Жмурко и Суховскаго, въ мастерскихъ копіяхъ—едва ли не «повтореніяхъ» отъ руки самихъ художниковъ Откуда-то изъ-за стѣны доносились слабые отголоски многолюднаго разговора, смѣхъ, стукъ ножей и вилокъ, звякъ стакановъ.

— Появилась еще одна дѣвица. Oберталь сразу призналъ ее за сестру растрепы, встрѣченной въ коридорѣ. Эта, однако, была одѣта прилично и даже слишкомъ изысканно для «у себя дома».

— Простите, графъ,—извинилась она,—тетушка заставляетъ васъ ждать; она очень занята; минутъ черезъ пять освободится...

Три женщины, которыхъ Oберталь успѣлъ видѣть въ этомъ таинственномъ домѣ — горничная, растрепа и ея

прилично одѣтая сестра—имѣли типическое сходство между собою: у всѣхъ хриповатые срывчатые голоса, у всѣхъ худыя измятыя лица на статныхъ тѣлахъ, поблекшія щеки, обметанныя губы и темныя поглазицы; у всѣхъ нехорошая, притворная улыбка, и взглядъ вмѣстѣ и скрытный, и нахальный, точно онѣ сообща хорошо спрятали какую-то гадкую, порочную тайну и смѣются надъ тѣми, кто ея ищетъ. Барышня занимала графа съ четверть часа разговоромъ о погодѣ, о Фигнерѣ въ «Онѣгинѣ», о послѣднемъ романѣ Бурже... Говорила, какъ печатала: бойко, складно, толково. Графъ терялся, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— Это не то, что я сперва подумалъ,—соображалъ онъ и невольно покосился на нескромныя картины,—но, въ такомъ случаѣ, что же это?

Барышня поймала его взглядъ:

— Тетушкинъ вкусъ,—разсмѣялась она неестественнымъ смѣхомъ.

Оберталь невольно подумалъ:

— Не твой ли, голубушка?

И, несмотря на свой приличный видъ и пріятный разговоръ, собесѣдница сдѣлалась ему противна. Особенно раздражала его ея некрасивая привычка ежеминутно трогать языкомъ свои больныя губы: точно она дразнилась. Графъ пересталъ смотрѣть на барышню, но узнавалъ каждый разъ, какъ она продѣлывала эту штуку,—по ея произношенію. Онъ молча удивлялся на самого себя, насколько пережитые имъ три тяжелые дня развинтили его нервы:

— Если она еще разъ высунетъ мнѣ языкъ, я, кажется, обругаю ее. Дошелъ же я, однако, до точки: ненавижу женщину, которую впервые вижу, только за то, что у нея есть дурная манера... Это ужъ что-то истерическое...

Къ счастью, Фелицата Даниловна соблаговолила, на-

конецъ, выйти, и барышня скрылась, несказанно облегчивъ душу Оберталя.

Будь г-жа Эйсъ-Гаутонъ повыше ростомъ, она могла бы носить мужское платье, безъ страха выдать свой полъ. Передъ Евгеніемъ Антоновичемъ сидѣла толстая коротенькая дама, съ смуглымъ лицомъ сорокалѣтняго провинціальнаго актера, изъ драматическихъ резонеровъ.

— Кувшинное рыло! — вспомнилъ Евгеній Антоновичъ крѣпкое офицерское словцо.

Приглядываясь къ ростовщицѣ, Оберталь примѣтилъ, что она подбриваетъ волосы на щекахъ, подъ ушами и густо синѣющіе подъ пудрою усики.

— Если ее не подбрить день-два, у нея будетъ видъ переодѣтаго дезертира,—подумалъ онъ.

— Чѣмъ могу служить вашему сіятельству?—начала Фелицата Даниловна.

Голосъ ея, довольно пріятный по тембру, тоже походилъ скорѣе на густой теноръ, чѣмъ на контральто.

— Недурно: хоть бы извинилась, что я, по ея милости, торчу здѣсь чуть не битый часъ!—обидѣлся графъ и самъ проглотилъ приготовленное было извиненіе, что ему пришлось оторвать хозяйку отъ важныхъ занятій... Онъ объяснилъ свою просьбу... Эйсъ-Гаутонъ слушала, внимательно глядя на него—точно экзаменуя—черными, безстрастными глазами.

— Такъ-съ,—сказала она, когда графъ кончилъ и, въ свою очередь, устремилъ на нее выжидательный взглядъ.— Семьдесятъ пять тысячъ рублей подъ простой вексель... У меня нѣтъ...

— Отказъ!—съ замираніемъ сердца подумалъ графъ... и ему захотѣлось даже закрыть глаза, чтобы не видѣть свѣта въ моментъ своего приговора.

— ... Нѣтъ обыкновенія отказывать въ деньгахъ, когда ихъ спрашиваютъ на вѣрное дѣло. Вашъ подрядъ мнѣ

извѣстенъ и кажется мнѣ вѣрнымъ дѣломъ. Я готова ссудить васъ этою суммою.

Графъ отдохнулъ, радостный румянецъ бросился ему въ лицо.

— Но какъ же безъ обезпеченія-то, ваше сіятельство?— продолжала Эйсъ-Гаутонъ.—Я вѣрю вамъ, конечно, безусловно, вы мнѣ прекрасно рекомендованы, но какъ же безъ обезпеченія?

Чутье подсказало Оберталю, что Эйсъ-Гаутонъ расположена дать ему деньги, и онъ рѣшилъ пойти на проломъ.

— Скажу вамъ откровенно, Фелицата Даниловна, единственное обезпеченіе, какое я могу предложить вамъ самостоятельно, это—вѣра въ мое дѣло и въ мою честь.

Онъ подчеркнулъ слово «самостоятельно», и Фелицата Даниловна догадливо кивнула ему головою на томъ же словѣ: знаю, дескать, что хочешь сказать.

— Вы, кажется, имѣете полную довѣренность отъ вашей супруги?

Графа покоробило.

— Да,—глухо возразилъ онъ,—но довѣренностью этою я не могу воспользоваться.

— Гмъ...

— Вамъ, Фелицата Даниловна, покажется, можетъ быть, страннымъ, но никому полная довѣренность не связываетъ рукъ болѣе крѣпкимъ узломъ, чѣмъ мужу богатой женщины, если онъ честный человѣкъ, а не аферистъ, задавшійся цѣлью обобрать свою жену.

— Я понимаю это. Пожалуй, вы правы. Продолжайте.

— Я мужъ Ларисы Дмитріевны, урожденной Карасиковой,—горько усмѣхнулся Оберталь,—но не смѣю назвать себя самымъ близкимъ къ ней человѣкомъ,—разумѣется, я говорю лишь о дѣловыхъ отношеніяхъ. Моя довѣренность—фикція, красивая декорація нашего семейнаго счастія для людскихъ глазъ. Между мною и моею женою

стоитъ множество соглядатаевъ, жадныхъ и гадкихъ людишекъ. Они ненавидятъ меня, потому что всѣ они ютятся около ея капитала, надѣясь что-либо сорвать, и я,—женясь на Ларисѣ,—по ихъ мнѣнію, укралъ ихъ доли... Къ сожалѣнію, Лариса Дмитріевна вѣритъ этой торгашеской шайкѣ,—то есть не ея добросовѣстности, но ея практическому смыслу и опыту; я же, на ея взглядъ, баринъ, дилеттантъ. Мнѣ можно, пожалуй, позволить забавляться комерческими предпріятіями за свой собственный страхъ, но войти въ мое дѣло—никогда, ни за что! Смѣю васъ увѣрить, Фелицата Даниловна, что въ обществѣ Ларисы Дмитріевны, дѣловомъ этомъ,—каждый шагъ мой извѣстенъ, разобранъ, осмѣянъ, выставленъ женѣ моей, какъ вопіющая безсмыслица. Владѣя полною довѣренностью, я не въ правѣ продать лишней коровы изъ имѣнія, не предупредивъ жены, потому что за мною слѣдятъ десятки глазъ; потому что на меня летятъ десятки гадкихъ доносовъ. Если бы я запродалъ или заложилъ своевольно хоть сотню десятинъ ея земли, она на другой же день уничтожитъ довѣренность. А вы сами понимаете, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, я буду покончень: у меня не останется ни денежнаго, ни нравственнаго кредита, и я банкротъ. Судите же сами, могу ли я воспользоваться довѣренностью Ларисы Дмитріевны въ выгодахъ своего личнаго дѣла?.. Завтра же вся Москва будетъ кричать чуть не о растратѣ...

— Чудеса,— засмѣялась Эйсъ-Гаутонъ,—черезъ золото слезы льются. Какъ же вамъ помочь? Я не придумаю...

— Быть можетъ, вы удовлетворитесь хорошимъ бланкомъ,—медленно выговорилъ Оберталь, чувствуя, что у него холодѣютъ руки. Онъ напрягъ всю силу воли, чтобы говорить ровно и спокойно.

— Чьимъ, напримѣръ?

— Я предложу вамъ княгиню Анастасію Романовну Латвину.

Эйсъ-Гаутонъ загадочно улыбнулась.

— Вы хороши съ княгинею?

— Очень.

— Отчего же вы не возьмете денегъ у нея самой?

— Оттого, что она никогда не согласится взять съ меня процентовъ, а дружескихъ услугъ я не хочу: онѣ обязываютъ.

Улыбка Фелицаты Даниловны стала еще шире, обнажая ея зубы, крупные и клыковатые...

— Это уже романтизмъ,—возразила она.—Впрочемъ, вы потомокъ рыцарей, вамъ и книги въ руки...

Оберталь поклонился, съ трудомъ переводя въ улыбку судорогу, которою дернуло его лицо при этихъ словахъ. Сердце его душили какіе-то горячіе тиски, совсѣмъ не позволявшіе ему разжиматься...

— Я, разумѣется, имѣю понятіе о княгинѣ Латвиной,— продолжала Эйсъ-Гаутонъ,—хотя и незнакома съ нею. Подъ ея бланкъ я могу дать деньги.

— Условія?

— Вамъ нужны чистыя семьдесятъ пять тысячъ?

— Да.

— Вексель на сто; полугодовой срокъ.

Оберталь отшатнулся.

— Позвольте, Фелицата Даниловна, это выходитъ...

Онъ запнулся, пораженный громадностью процента. Ростовщица спокойно глядѣла на него, пока онъ считалъ въ умѣ.

— Почти семьдесятъ годовыхъ!

— Шестьдесятъ шесть и двѣ трети,—поправила Эйсъ-Гаутонъ.

— Фелицата Даниловна, это не шутка?

— Помилуйте, графъ: какія же могутъ быть шутки въ денежной сдѣлкѣ?

— Шестьдесятъ семь процентовъ.

— Шестьдесятъ шесть и двѣ трети, графъ.

— Это ужасный, невѣроятный процентъ!

— Я не заставляю васъ принимать его, ваше сіятельство,— холодно возразила Эйсъ Гаутонъ.

— Вы уступите мнѣ, надѣюсь?

— Ни копѣйки. Я не торгуюсь съ кліентами. Я объявляю вамъ мои послѣднія условія.

— За что, главное? за что—недоумѣвалъ Oберталь, разводя руками:—онъ былъ совсѣмъ ошеломленъ; съ такимъ грабежомъ средь бѣла дня ему еще не приходилось встрѣчаться.

— Какъ за что? За рискъ, ваше сіятельство,—выразительно подчеркнула Эйсъ-Гаутонъ.—Я даю вамъ семьдесятъ пять тысячъ рублей въ обмѣнъ за лоскутокъ бумаги, гдѣ вы и княгиня Латвина поставите свои фамиліи. Васъ я вижу впервые въ жизни, княгиню Латвину не имѣю чести знать вовсе. Другая, на моемъ мѣстѣ, потребовала бы отъ васъ, чтобы княгиня сама пожаловала ко мнѣ и на моихъ глазахъ поставила бланкъ.

— Бланкъ будетъ предъявленъ вамъ, если угодно, нотаріально засвидѣтельствованный,—сухо замѣтилъ Oберталь.

— О, графъ! я вовсе не къ тому говорю и вовсе не нуждаюсь въ нотаріальномъ засвидѣтельствованіи. Вексель и безъ него—дѣло крѣпкое. Вы подпишете документъ, княгиня поставитъ фамилію на оборотѣ, съ меня довольно. Ея бланкъ будетъ мнѣ интересенъ лишь полгода спустя, да и то если вы неаккуратно заплатите и придется безпокоить княгиню. Другіе торгуютъ векселями, учитаютъ ихъ—кому пріятно? Огласка, разговоръ, сплетни. А у меня—по старинѣ и простотѣ. Деньги изъ шкатулки, вексель—въ шкатулку и лежитъ тамъ, какъ покойникъ, покуда не придетъ срокъ выкупа... Вотъ за что я беру большой процентъ, ваше сіятельство. Угодно—рада служить, неугодно,—какъ угодно. Поищите въ другомъ мѣстѣ. Но врядъ ли найдете выгоднѣе.

Она встала; Oберталь растерянно взялся за шапку...

Каждое слово Гаутонши жгло его, точно кипяткомъ: «бланкъ... рискъ... рискъ... бланкъ...»—безсмысленно стучало въ его головѣ...

— Какъ же, графъ? Расходимся мы или сойдемся?

Графъ опомнился.

— Надо сойтись,—насильственно улыбнулся онъ,—хотя вы жестоко меня прижимаете. Деньги нужны спѣшно, искать некогда.

— Когда вы желаете получить валюту?

— Если можно, завтра...

— Гм... не знаю, успѣю ли взять изъ банка... развѣ къ вечеру?.. Хорошо-съ, заѣзжайте въ это же время. Будетъ готово... До свиданія. Ленхенъ, проводи графа.

Когда Оберталь спускался съ лѣстницы, на одномъ изъ поворотовъ ему встрѣтились двѣ женщины подъ густыми вуалями; графъ далъ имъ дорогу; онѣ пробѣжали мимо, опустивъ лица въ воротники ротондъ. Онѣ какъ будто знали Оберталя, но не хотѣли быть узнанными. Графу было не до нихъ... Онъ прошелъ, не обративъ на таинственныхъ незнакомокъ никакого вниманія.

— Ah, que le diable m'emporte! — съ облегченіемъ вздохнулъ онъ, садясь въ сани,—точно изъ помойной ямы вырвался...

На завтра—въ условный часъ—онъ привезъ Гаутоншѣ вексель и получилъ деньги. Пока графъ пряталъ пачки кредитокъ и процентныхъ бумагъ въ портфель, Фелицата Даниловна долго и внимательно читала документъ и разглядывала четкую, твердую подпись княгини Латвиной. У графа вздрагивали руки, онъ стоялъ съ опущенными глазами, бѣлый, какъ бумага, но улыбался. Наконецъ, Эйсъ-Гаутонъ сложила документъ пополамъ и спрятала его въ ручную сумочку.

— Въ порядкѣ, надѣюсь?—нашелъ нужнымъ пошутить Евгеній Антоновичъ.

Ростовщица молча наклонила голову.

*

— Отвильнуть отъ уплаты нельзя?

— Да,—сказала Эйсъ-Гаутонъ, неопредѣленно улыбаясь и съ удареніемъ на каждомъ словѣ,—по этому документу вы непремѣнно заплатите...

* *
*

Вечеромъ слѣдующаго дня Оберталь получилъ новую телеграмму отъ дяди—отвѣтную на телеграфированный ему утромъ банковый переводъ...

«Заочно обнимаю тебя и жму твою руку,—писалъ Долгоспинный,—мы спасены; вѣдомство будетъ сдано въ отличномъ порядкѣ; благодарю тебя несчетное число разъ; никогда не сомнѣвался въ твоемъ благородствѣ».

— Никогда не сомнѣвался въ твоемъ благородствѣ!..—вслухъ повторилъ графъ послѣднюю фразу.

Онъ горько засмѣялся и, гнѣвнымъ жестомъ, швырнулъ скомканную телеграму въ корзину подъ письменный столъ.

VIII.

Ледяная Царица.

Отшельничество Ратомскаго и Анны Васильевны продолжалось уже третью недѣлю. На ихъ счастье погода стояла чудеснѣйшая: дни, полные холоднаго, серебрянаго блеска, съ алыми зорями, трепещущими надъ снѣжнымъ горизонтомъ. Ратомскій работалъ запоемъ, вскакивалъ съ постели при первыхъ лучахъ разсвѣта: ясная зима, царившая надъ Котковымъ,—точно вознаграждая художника за неожиданное благонравіе и возвращеніе къ труду,—дарила его освѣщеніями, какъ разъ нужными для его картины. Ратомскаго отгоняли отъ полотна только сумерки. Онъ ѣлъ и пилъ наскоро, стоя—

чашка кофе въ одной рукѣ, кисть въ другой. Анна и Лимпадистъ ходили на цыпочкахъ, счастливые и гордые вдохновенiемъ таланта, предъ которымъ оба преклонялись. Они очень сдружились за это время. Невольно любишь того, кто самъ любитъ человѣка, тобою любимаго, но къ нему не надо ревновать—потому что и любовь его разная, да и ничего онъ не требуетъ въ отвѣтъ на нее, довольный своею наивною привязанностью. Старый натурщикъ боготворилъ художника. Чѣмъ больше «спѣла» картина, тѣмъ шире становилась улыбка, почти не сходившая съ лица старика съ прiѣзда господъ въ Котково. Беззвучно скользя за спиною Ратомскаго, съ какою-нибудь тарелкою или подносомъ, Лимпадистъ хитро подмигивалъ на картину Аннѣ, такъ же беззвучно углубленной въ огромныя кожаныя кресла, и, сложивъ руку трубочкой у рта, шепталъ ей — по десяти разъ на день — одну и ту же фразу, которая — онъ зналъ—полюбилась барынѣ въ первомъ же ихъ разговорѣ:

— Шабашъ! Васнецову крышка и Рѣпину труба!

И—въ отвѣтъ на счастливую улыбку Анны—прыскалъ со смѣху.

— Опять труба затрубила?—полусердито спрашивалъ черезъ плечо, не оборачиваясь, Ратомскiй: онъ зналъ, въ чемъ дѣло, и въ сущности не былъ недоволенъ, хотя ему и «мѣшали»...

Лимпадистъ дѣлалъ испуганные глаза и серьезную рожу.

— Я ничего-съ, Кискенкинъ Владимiрычъ, я ничего... Такъ—промежду прочимъ...

— Ты «промежду прочимъ» лучше бы лошадь въ сани запрегъ, да—пока солнце – барыню прокатилъ бы...

— И то дѣло,—одобрялъ Лимпадистъ.

Между нимъ и Ратомскимъ существовалъ маленькiй заговоръ. Какъ ни благоговѣла Анна Васильевна предъ искусствомъ, какъ ни тонко понимала его потребности, но—болѣзненная ревность къ живой натурѣ всегда была ея

слабою стрункою; очень хорошо понимая, что безъ этого нельзя, она молчала, боролась съ собою, но побѣдить не могла—и одно уже представленіе, что Константинъ Владиміровичъ пишетъ съ нагой красивой женщины, стоящей или лежащей въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него, бросало ее въ мучительную, гнѣвную тоску, разрѣшавшуюся тайными слезами. Явно она крѣпилась, какъ могла. «Ледяная Царица» — съ голыми фигурами снѣжныхъ фей — сразу уколола ее въ сердце.

— Гдѣ это ты добылъ такихъ пышнотѣлыхъ?—спросила она, фальшиво улыбаясь и уже съ адомъ въ душѣ.

— По старымъ этюдамъ, Нини, — мужественно солгалъ Ратомскій, не моргнувъ глазомъ, — гдѣ ужъ тутъ въ Котковѣ искать натуры! Съ нашихъ полушубницъ хорошаго не напишешь...

Она знала, что онъ лжетъ—что безъ натуры такъ писать нельзя,— но понимала также, что лжетъ онъ ради ея спокойствія, и сдѣлала надъ собою геройское усиліе, чтобы тоже явиться великодушною.

— Я потому спрашиваю,—сказала она, глядя въ сторону,—что... ты, пожалуйста, не вздумай стѣсняться... я вѣдь не настолько невѣжественна, чтобы...

— Ладно! слыхали!—подумалъ Ратомскій и съ упорствомъ повторилъ:

— Да нѣтъ же, Нини, говорю тебѣ: теперь это совершенно лишнее...

— Ну, какъ хочешь, твое дѣло, тебѣ лучше знать,— поспѣшила она согласиться съ облегченнымъ сердцемъ. Я только боюсь, что безъ этого тебѣ трудно... и не хотѣла бы, чтобы изъ-за меня проиграла картина.. ..

Ратомскій снова клялся и божился, что картина уже «не въ томъ періодѣ». Анна Васильевна умолкла полууверенная. Гуляя по Коткову, она заприметила два-три личика, которыя какъ будто отразились въ сонмѣ фей Ледяной Царицы.

— Это кто такія? спрашивала она Лимпадиста.

— Энта? неохотно отвѣчалъ онъ, — въ платкѣ-то?

— Ну, да, въ платкѣ... обѣ онѣ въ платкахъ!

— Въ платкѣ это будетъ горбылевская Устя...

— А другая?

— Надежда, сестра ейная.

— Что же—Константинъ Владиміровичъ писалъ съ нихъ?

— Писалъ ли?.. гм... не могу знать — не помню, чтобы писалъ... Да, надо быть, писалъ... Онъ вѣдь лѣтось всею Коткову переписалъ: ребятенковъ, которые, мужичье... всѣхъ!—такъ говорилъ Лимпадистъ.

Когда санки, съ укутанною въ десять шкуръ Анною Васильевной исчезали за околицею, къ Ратомскому являлись его доморощенныя натурщицы, и онъ, съ лихорадочною спѣшностью, набрасывалъ на полотно ихъ запретную красоту. Лимпадистъ тѣмъ временемъ хитрилъ съ Анною Васильевною:

— А никакъ, барыня, давно мы къ попу не бывали? начиналъ онъ,—попъ-то, сказываютъ, вчерась въ Москву ѣздилъ... поди, новостей привезъ?..

— Ну, поѣдемъ къ попу, — улыбалась Анна Васильевна. Она догадывалась, что ее удаляютъ—и зачѣмъ; но ей слишкомъ хотѣлось быть счастливою, и она притворялась, будто ничего не знаетъ. Впрочемъ, въ мужской вѣрности Ратомскаго она, въ данномъ случаѣ, и не сомнѣвалась: какъ ни легкомысленно вѣтренъ былъ молодой художникъ, но у полотна онъ священнодѣйствовалъ, ему было не до глупостей. Анну Васильевну досадовало скорѣе—зачѣмъ нужна ему другая натура, отчего не можетъ она замѣнить ему всякую модель; примѣшивалось сюда и то странное стыдливое отвращеніе, которое женщины, нравственно воспитанныя, очень часто имѣютъ къ тѣлу всѣхъ другихъ женщинъ.

Попъ, — старый, сѣдой, кроткій вдовецъ, въ самомъ

рабскомъ подчиненіи у сестры своей, тоже пожилой вдовицы,—угощалъ Анну Васильевну медомъ съ собственной пасѣки и читалъ ей вслухъ «Русскія Вѣдомости», которыя выписывалъ съ начала изданія и любилъ за то, что у нихъ—три предостереженія.

— Я, матушка, даромъ, что долгогривый, я—старый либералъ, говорилъ онъ, робко оглядываясь, не услыхала бы сестра; она попова вольнодумства терпѣть не могла.

— Вотъ вы какой у насъ, батюшка!—улыбалась Анна Васильевна Старикъ пріосанивался.

— А, вы какъ бы думали? Я съ Благосвѣтловымъ въ одной семинаріи учился... да!..

— Ну, и что же?

— А то, что я архіереемъ теперь могъ бы быть, до философіи шелъ отлично, въ академію мѣтилъ, а въ философіи—тпру!.. Не до того стало!.. Другія мысли въ головѣ заиграли!

— Чѣмъ же вы занялись, батюшка?

— Извѣстно чѣмъ: цѣлый годъ проектъ конституціи сочинялъ.

— Цѣлъ онъ у васъ, батюшка?

— Ну, какъ не цѣлъ! Дуракъ я что ли? Какъ дописалъ до послѣдней строчки, такъ тутъ же въ печкѣ его и сжегъ.

— Зачѣмъ?

— А—не равно кто прочтетъ, да донесетъ? Въ Сибирь-то итти никому не охота.

— Такъ у васъ ничего изъ этого проекта не вышло?

— Нѣтъ, вышло,—что меня изъ перваго разряда въ конецъ второго спихнули. Свѣковалъ вѣкъ сельскимъ попомъ, а архіерейство—моргенъ фри, носъ утри!

Изъ «Ледяной Царицы» у Ратомскаго выходила, дѣйствительно, богатая вещь, и Анна Васильевна не могла не сознавать все растущихъ и растущихъ достоинствъ картины, но, втайнѣ, ее не любила. Сюжетъ казался

ей мрачнымъ и страшнымъ. Злая фея полярной ночи, въ иглистомъ морозномъ свѣтѣ сѣвернаго сіянія, на тронѣ изъ мерцающихъ синими огоньками льдовъ, въ пушистой мантіи, осыпанной брильянтовою пылью снѣжинокъ, сидитъ въ царственномъ величіи, прекрасная, холодная, жестокая. Сидитъ—молчитъ. Вокругъ мечутся хороводами вьюги и мятели, полу-облака, полу-лица мужчинъ и женщинъ, то прекрасныя, то уродливыя, чудовищныя, съ заячьими ушами, длинными носами, какъ у масленичныхъ арлекиновъ, широко-вѣющими по вѣтру лохматыми бородами и космами волосъ, переходящихъ въ крутящійся рой снѣжныхъ мухъ. У ногъ феи—на шкурѣ бѣлаго медвѣдя—лежалъ и застывалъ въ послѣднемъ полуснѣ, юноша поэтъ, восторженный Кай, котораго жажда видѣть красу ледяной феи привела на дальній-дальній сѣверъ,—умереть у ногъ безжалостной царицы... Опершись одною рукою на гусли, другою онъ пытается начертать на снѣгу слово «Вѣчность»—насмѣшливо продиктованное ему феею, увлеченіе которою вѣчности его лишило. Онъ безсиленъ закончить роковое слово, а фея смотритъ холодными, изсѣро-голубыми глазами на его напрасную агонію и зло-зло улыбается. Не нравилось Аннѣ Васильевнѣ, что погибающій мечтатель Кай, такъ прильнувшій къ проклятой очаровательницѣ, удивительно напоминалъ собою самого ея Костю: только усы снять, да волосы убрать въ прямую прическу средневѣкового пажа, а то — вылитый Костя, если взять его лѣтъ пять тому назадъ. Она знала, что сходство это не преднамѣренное, что Ратомскій писалъ Кая съ юноши-племянника своего, красавца-мальчика, только что перескочившаго съ гимназической скамьи на университетскую... и, все-таки, родственныя черты на страшной картинѣ дѣйствовали на нее угнетающе, заставляя сердце ея сжиматься какимъ-то роковымъ, недобрымъ предчувствіемъ. Самое Ледяную Царицу она прямо ненавидѣла.

— Откуда ты взялъ такіе отвратительные глаза?—вырвалось у нея, когда Ратомскій впервые открылъ предъ нею картину. Художникъ удивился:

— Какъ отвратительные? Ты находишь ихъ некрасивыми, Нини?

— Да нѣтъ же!.. Очень красивы... Потому и отвратительны, что красивы...

. . . .
. . . . [1]).

IX.

Расплата.

Дѣловой пріемъ у графа Евгенія Антоновича Oберталя кончился. Графъ отпустилъ секретаря, перешелъ отъ письменнаго стола къ оттоманкѣ и повалился на нее тяжелымъ движеніемъ человѣка, переутомленнаго до отчаянія. Въ тѣлѣ всѣ косточки ныли, а въ душѣ... да, души какъ-будто вовсе не оставалось: вмѣсто сознанія—хаотическій туманъ, ни желаній, ни сочувствій, ни противочувствій—мертвое, неподвижное равнодушіе ко всему на свѣтѣ и безотчетная, инстинктивная тоска... тоска... тоска...

Двери кабинета пріотворилися; камердинеръ, безшумною тѣнью, приблизился къ лежащему барину.

— Что вамъ?—не глядя, спросилъ графъ.

— Желаютъ видѣть ваше сіятельство...

Графъ приподнялся на локтѣ.

— Сколько разъ повторять мнѣ вамъ...—началъ было онъ съ досадою, но взглядъ его упалъ на визитную карточку, которую камердинеръ держалъ на подносикѣ почти

---

[1]) Осталось неоконченнымъ...

въ уровень съ головою графа. Оберталь поблѣднѣлъ, схватилъ карточку трепещущей рукой, быстро всталъ и прошелся изъ угла въ уголъ. Камердинеръ ждалъ.

— Она одна?—спросилъ графъ глухо и отрывисто.

— Точно такъ, однѣ-съ...

— Проси... и—кто бы меня ни спрашивалъ—въ шею!..

Тихо шурша чернымъ шелковымъ платьемъ, въ кабинетъ вошла толстая, коротенькая дама, лѣтъ за сорокъ, со смуглымъ, мужеподобнымъ лицомъ, мужскими манерами и мужскими глазами: черными, но безстрастными и холодными глазами зоркаго дѣльца.

— Простите, графъ, что я васъ безпокою...—произнесла она густымъ голосомъ, скорѣе похожимъ тоже на мужской теноръ, чѣмъ на женскій альтъ.

Оберталь пробормоталъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ и придвинулъ гостьѣ кресло. Она сѣла.

— Я нарочно къ вамъ попозже,—сказала она,—чтобы потолковать съ вами на свободѣ .. До этого часа у васъ, я знаю, всегда толчея, а я не охотница выставлять себя на показъ въ переднихъ моихъ кліентовъ,—оно, знаете, и мнѣ не доставляетъ удовольствія, да и кліентамъ—не выгодно... Когда баронесса Эйсъ-Гаутонъ показывается въ домѣ дѣльца, всѣ знаютъ, что это значитъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я не охотница компрометтировать...

Она засмѣялась, сверкнувъ великолѣпно сохранившимися зубами—крупными, какъ у лошади. Графъ молчалъ, какъ убитый.

— Ну-съ, — продолжала баронесса,—вы, конечно, сами догадываетесь, что привело меня къ вамъ?..

— Догадываюсь, — протяжно сказалъ Оберталь, — только вы торопитесь, Фелицата Даниловна... еще десять дней до срока, а тамъ—столько же граціонныхъ дней.

Гостья вглядывалась въ лицо его своими «колючими» глазами—точно гвоздики вколачивала.

— Это я знаю,—сказала она, кивнувъ головою,—да я

не съ тѣмъ и пріѣхала, чтобы требовать съ васъ. Я сроки знаю. Но, когда человѣкъ долженъ вамъ сто тысячъ рублей, и о немъ идутъ по Москвѣ дурные слухи,—я полагаю, кредиторшѣ можно поинтересоваться его намѣреніями...

Графъ, смущенный, опустилъ голову.

— Извините, баронесса,—возразилъ онъ,—я вовсе не хотѣлъ...

Эйсъ-Гаутонъ прервала его жестомъ.

— Тѣмъ лучше, если не хотѣли; вы напрасно нервничаете: я не обижать васъ пришла, а въ вашихъ же интересахъ... Такъ—черезъ двадцать дней прикажете получить, графъ? Это вѣрно?

Оберталь молчалъ, нервно крутя острый конецъ своей черной, какъ смоль, бородки.

— Что же вы меня спрашиваете?—черезъ силу усмѣхнулся онъ наконецъ,—долженъ заплатить... у васъ вексель... Не заплатить я не могу. Конечно, еслибы вы согласились переписать документъ, я былъ бы очень счастливъ... Дѣла мои сейчасъ отвратительны, это вся Москва знаетъ...

Эйсъ-Гаутонъ слушала его, какъ сфинксъ египетскій, бровью не моргнувъ. Только при словѣ «переписать», въ глубинѣ глазъ ея засвѣтилась искорка страннаго, какъ бы насмѣшливаго любопытства.

— Переписать...—протянула она.—Гм... вотъ ужъ правду-то говоритъ пословица, что только первую пѣсенку, зардѣвшись, спѣть...

Графъ быстро взглянулъ на нее.

— Что вы хотите этимъ сказать?

Эйсъ-Гаутонъ отвѣтила удивленнымъ взглядомъ.

— Рѣшительно ничего... какой вы, однако, нервный!—просто замѣтила, что такъ-то вотъ всегда бываетъ: сперва—векселекъ, потомъ—перепиши векселекъ, потомъ опять перепиши и еще перепиши... я заплелась паутина.

— Черезъ полгода я сдаю въ казну свой подрядъ,—внушительно замѣтилъ графъ,—не забывайте этого...

— Помню, ваше сіятельство, помню и поздравляю. Что жъ! я отъ хорошей сдѣлки не прочь; угодно вамъ переписать документъ, такъ и перепишемъ.

Лицо Обертали прояснилось.

— На тѣхъ же условіяхъ?—уже спокойнѣе спросилъ онъ.

— Конечно... я не гонюсь за многимъ...

— Да!—со злобою подумалъ Оберталь,—если можно назвать малымъ семьдесятъ процентовъ... живодерка!

— Такъ я привезу вамъ вексель,—сказалъ онъ.

Эйсъ Гаутонъ отвѣтила неопредѣленнымъ «гмъ»... Она отвела глаза отъ графа и смотрѣла куда-то въ пространство, мимо Оберталя.

— А поручительство чье будетъ?—металлически рѣзко прозвучалъ ея голосъ.

Графъ склонилъ голову на руку, затѣнивъ все лицо, и задумался.

— Вы вѣдь знаете: безъ поручительства я не могу...

— Знаю...—надтреснутымъ звукомъ, точно вздохомъ, отозвался графъ.

— Такъ — чье же?

— Я полагаю,—нерѣшительно началъ онъ, спотыкаясь на словахъ и по-прежнему прикрывая глаза рукою,—что... что мы могли бы оставить то же самое...

Легкая усмѣшка шевельнула губы кредиторши.

— То-есть—бланкъ княгини Анастасіи Романовны Латвиной?

— Ну, да!—вздохнулъ графъ, точно свалилъ съ плечъ огромную тяжесть.

— Гмъ...

Эйсъ-Гаутонъ улыбнулась еще шире.

— А она дастъ?

— Почему же нѣтъ? — раздражительно отозвался Оберталь.

— Да, конечно... Однако, вотъ что, графъ...

Улыбка сбѣжала съ ея лица, она нахмурилась и, ставъ похожа на безобразную трагическую маску, заговорила сухо и отчетливо.

— Вы, Евгеній Антоновичъ, не можете упрекнуть меня недовѣріемъ къ вамъ. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ вы привезли мнѣ лоскутокъ вексельной бумаги на сто тысячъ рублей валюты, за подписью вашею и княгини Латвиной, а я вамъ отсчитала за этотъ лоскутокъ семьдесятъ пять тысячъ наличными деньгами. Такъ или нѣтъ?.. Ну-съ, приходитъ срокъ платежа—расплатиться вы не можете, желаете переписать документъ, предлагая ту же княгиню Латвину поручительницей. Такъ или нѣтъ?.. Я согласна. Вы напишете новый вексель, на тотъ же срокъ, при тѣхъ же условіяхъ, привезете мнѣ его плюсъ двадцать пять тысячъ за процентъ... такъ вѣдь?

Графъ кивнулъ головою.

— И дѣло будетъ въ шляпѣ. Но, ваше сіятельство,— медленнѣе продолжала она, еще болѣе нахмурясь,—я поставлю вамъ теперь еще одно маленькое условіе.

Оберталь насильственно улыбнулся.

— За исключеніемъ фунта мяса поближе къ сердцу, все—что угодно!—сказалъ онъ.

Ростовщица серьезно на него посмотрѣла:

— Иногда человѣкъ и радъ бы отдать фунтъ мяса,— возразила она,—только бы взяли и отвязались съ взысканіями другого рода,—да не берутъ... Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ фунтъ мяса? Просто—я хочу, чтобы бланкъ княгини Латвиной былъ поставленъ въ моемъ присутствіи...

Оберталь выпрямился, какъ отъ электрическаго удара. Блѣдное лицо его, въ смоляной рамкѣ волосъ, казалось восковымъ... Въ секунды мертваго молчанія, только часы на столѣ тикали, да сквозь темныя окна глухо доносилось тяжелое уханье саней на многоѣзжей улицѣ...

— Вы... вы понимаете, что вы говорите?—пролепеталъ графъ, тщетно стараясь побѣдить судорогу въ горлѣ.

Ростовщица глядѣла на него въ упоръ властнымъ взоромъ укротительницы львовъ.

— Очень понимаю, графъ. Я желаю, чтобы княгиня Латвина поставила бланкъ въ моемъ присутствіи.

— Зачѣмъ вамъ это?

Она пожала плечами.

— Хочу.

— Отчего же вы не хотѣли этого, когда я выдавалъ вамъ вексель?

— Да, какъ вамъ сказать?.. Право, не знаю, что вамъ на это отвѣтить... Просто—я думаю, тогда я не хотѣла этого...

Болѣзненная гримаса притворной ироніи исказила красивыя черты Обертале...

— А теперь, вотъ такъ, ни съ того, ни съ сего, взяли и захотѣли?

— Взяла и захотѣла. Это мой капризъ, и полагаю что, за свои деньги, я имѣю право имѣть капризы...

Графъ угрюмо ходилъ изъ угла въ уголъ—онъ перестал стѣсняться съ ростовщицею... Руки его, закинутыя за спину, примѣтно дрожали... Вдругъ, круто повернувъ, онъ приблизился къ кресламъ Эйсъ-Гаутонъ вплотную и уставился въ глаза ея своими, сверкающими отъ гнѣва и тайной муки, глазами.

— Понимаете ли вы,—произнесъ онъ тихо и раздѣльно, — какъ оскорбительно для меня ваше требованіе?

Эйсъ-Гаутонъ выдержала взглядъ.

— Оскорбительно,—такъ не исполняйте его, ваше дѣло!—холодно усмѣхнулась она,—только я не понимаю: чѣмъ?

— Вы позволяете себѣ сомнѣваться...

— Рѣшительно ни въ чемъ не сомнѣваюсь, графъ. Помилуйте! Чѣмъ я дала поводъ думать? Кажется, съ моей стороны оказано вамъ всяческое довѣріе... Вольно же

вамъ придавать такой дурной смыслъ моимъ словамъ. Я просто хочу познакомиться съ этой знаменитой княгиней, и—вотъ предлогъ...

Oберталь опять зашагалъ по кабинету.

— Она не захочетъ пріѣхать къ вамъ,—проворчалъ онъ на ходу. Если бы онъ обратилъ вниманіе на Эйсъ-Гаутонъ, то увидалъ бы, что глаза ея сузились, а щеки ея надулись отъ трудно сдерживаемаго смѣха.

— Если она такая гордая, я не въ нее,—поѣдемте къ ней мы съ вами.

— Нѣтъ, этого нельзя! этого нельзя!—твердилъ Оберталь,—вы не знаете... я не могу вамъ объяснить, почему, но—этого нельзя!

Эйсъ-Гаутонъ уже справилась со своимъ смѣхомъ.

— Ну, нельзя, такъ нельзя,—сказала она, грузно поднимаясь съ мѣста,—только ужъ тогда и отсрочки нельзя... До свиданія, ваше сіятельство.

Графъ бросился къ ней.

— Да погодите! какъ же можно такъ?—залепеталъ онъ въ страшномъ волненіи.—Дайте же мнѣ обдумать, сообразить... если хотите, я предложу вамъ гораздо лучшія условія, болѣе высокій процентъ...

— Благодарю васъ, графъ: я довольна нашими условіями и не намѣрена ихъ повышать. Я люблю, чтобы мнѣ оказывали именно тѣ любезности, о которыхъ я прошу...

— Да Боже мой! — съ отчаяніемъ воскликнулъ графъ,—когда вы требуете невозможнаго!..

— Почему же, графъ? Я полагаю, княгинѣ нѣтъ никакого позора со мною встрѣтиться,—тѣмъ болѣе, если меня представитъ такой близкій знакомый... я слыхала даже, что когда-то...

Ростовщица засмѣялась. Графъ махнулъ рукою съ откровеннымъ отчаяніемъ.

— Мало ли что было когда-то!.. Не могу я представить васъ княгинѣ!.. Требуйте, чего хотите, не могу...

— Я, ваше сіятельство, ничего требовать не въ правѣ. Да, наконецъ... развѣ вы одинъ можете познакомить меня съ Латвиною? Мнѣ даже и посредника никакого не надо. У нея, какъ у женщины дѣловой, главы огромной фирмы, вѣроятно, есть свои пріемные часы...

Оберталь прервалъ ее движеніемъ, рѣзкимъ и твердымъ. Этими словами она какъ будто вылила ему на голову ушатъ холодной воды и привела его въ чувство.

— Я забылся,—съ досадою подумалъ онъ,—растерялся, какъ мальчишка, и надѣлалъ глупостей...

— Нѣтъ, вы этого не дѣлайте,—произнесъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ.—Дѣйствительно, отчего же не представить васъ Анастасіи Романовнѣ, если ужъ вы непремѣнно того хотите .. Хорошо, я подумаю, какъ это устроить...

Глазки ростовщицы опять сузились, щеки опять надулись,—она даже какъ будто побурѣла отъ усилія остаться серьезною.

— Вотъ и прекрасно, ваше сіятельство. А когда надумаетесь, то будете такъ любезны извѣстить меня—не правда ли?

— Конечно... непремѣнно ..

— Итакъ—дѣло улаживается къ взаимному удовольствію. До скораго свиданья, графъ! не трудитесь провожать меня...

Оставшись одинъ, Оберталь стоялъ нѣсколько секундъ, какъ въ столбнякѣ... Потомъ—подъ внезапною мыслью—бросился къ дверямъ и догналъ ростовщицу, уже спускающуюся по лѣстницѣ.

— Ахъ, графъ, но вѣдь я просила же васъ не безпокоиться...

— Я хотѣлъ васъ спросить,—остановилъ онъ ея извиненія,—вы... встрѣчались когда-нибудь съ княгинею?

— Въ обществѣ? Нѣтъ, графъ. Но въ лицо ее знаю и хотя острымъ зрѣніемъ похвалиться не могу, но, конечно, другую за нее не приму: она такая видная и эффектная... Еще разъ—до свиданья!..

— Тонки дѣла у нашего графа! — сказалъ швейцаръ—малый толстомордый и словоохотливый—своему помощнику, угрюмому, высокому парню въ ливреѣ, когда за Эйсъ-Гаутонъ захлопнулись двери подъѣзда.

— Не похвалишь!—буркнулъ въ отвѣтъ помощникъ,—ишь къ какому дьяволу въ апыл попалъ...

— Именно, что дьяволъ! На что похоже? Баба, а усы и баки брѣетъ. Синѣетъ это подъ пудрой-то,—словно актеръ, либо ксензъ переодѣтый. Я взглянулъ,—даже ужахнулся... .

А Эйсъ-Гаутонъ, ѣдучи на извозчикѣ, дала волю веселости, все время душившей ее въ кабинетѣ графа, и хохотала такъ, что возница неодобрительно поглядывалъ черезъ плечо: иканкъ нелегкая послала ему пьяную пассажирку.

— Нѣтъ, это прелестно!—думала она.—Онъ рѣшился знакомить меня съ княгинею Латвиною... вотъ дуракъ-то!.. Хороша будетъ его изіофномія, когда... Однако, онъ все-таки смѣлѣе, чѣмъ я думала,—посмотримъ, какъ онъ изъ всей этой исторіи выпутается... Но это—театръ, настоящій театръ!

Графу Оберталю, тѣмъ временемъ, было не до смѣха. Онъ лежалъ ничкомъ на оттоманкѣ, уткнувъ утомленную голову подъ кожаную подушку, и, въ безсмысленномъ ужасѣ, твердилъ про себя одно и то же короткое слово:

— Погибъ! погибъ! погибъ!.. . . . .
. . . . *)

*) Осталось неконченнымъ.

Кн-во „ПРОМЕТЕЙ“
СПБ. Пушкинская, 15.

А. АМФИТЕАТРОВЪ.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Времена и нравы.

Предо мною лежитъ номеръ столичной газеты. Четыре страницы. На первой—телеграмма объ изнасилованіи отцомъ дочери въ Варшавѣ. На второй—корреспонденція объ орловскихъ «огаркахъ», обществѣ подростковъ, собиравшихся для свальнаго грѣха. На третьей—восторженная корреспонденція изъ Берлина о пьесѣ Ведекинда, изображающей, какъ мальчикъ 15 лѣтъ сдѣлалъ матерью дѣвочку 13 лѣтъ. На четвертой—замѣтка о пьесѣ Соллогуба, изображающей, какъ отецъ отбилъ жениха у дочери, а сія послѣдняя, въ благодарность родителю, снимаетъ «подъ занавѣсъ» *ветхія одежды словъ* и папашѣ своему отдается: «хочу»!!!.

Живя въ Парижѣ, я очень отсталъ было отъ текущей русской литературы. Итальянская глушь дала досугъ возобновить болѣе или менѣе правильное слѣженіе за перлами и адамантами россійской словесности. Выписалъ кучу книгъ и наслаждаюсь. Предо мною—наиболѣе рекламированныя въ послѣднее время и наиусерднѣйше смакуемыя критикою, повѣсти и стихотворенія русскихъ авторовъ, изъ коихъ многіе не такъ, чтобы очень молоды, но уже съ сѣдыми волосами на главахъ и въ брадахъ своихъ. Не пугайтесь, читатель мой: я не критическое обозрѣніе писать собираюсь, равно какъ не этическую полемику начинаю. Я просто долженъ дать здѣсь кусочекъ патологической статистики, свидѣтельствующей о томъ, чѣмъ сейчасъ

набита голова у русскаго обывателя литераторствующаго, и что, по коварному тяготѣнію къ сообщничеству — «съ міромъ не стыдно»! — вбиваетъ онъ въ голову русскаго обывателя читательствующаго.

Получается что-то въ родѣ секретнаго отдѣленія въ паноптикумѣ. Съ тою разницею, однако, что паноптикумы открываютъ свои секретныя отдѣленія лишь для взрослыхъ, притомъ для каждаго пола порознь; въ новой же русской литературѣ не практикуются ни «входъ малолѣтнимъ воспрещается», ни «по пятницамъ—только для дамъ». Вали, кто хочетъ, когда хочетъ, и—чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

Итакъ, я начинаю.

№ 1. Гдѣ у человѣка растутъ крылья, или англичанинъ, влюбленный въ банщика, и гимназистъ, влюбленный въ англичанина.

№ 2. Семейное счастье двухъ студентовъ, изъ коихъ одинъ былъ мужъ, а другой—жена.

№ 3. Какъ Леля «жила» съ Олею.

№ 4. Какъ Оля «жила» съ Лелею.

№ 5. О крестьянской дѣвицѣ, которая, почитая себя порченною, сожгла своего ребенка, а въ видѣ эпитиміи сошлась въ сожительство съ безносымъ сифилитикомъ, была многажды изнасилована въ розницу и, наконецъ, подверглась насилію оптомъ, каковой марки не выдержала и сладостно скончалась, по смерти же была выброшена въ болото.

№ 6. О братѣ, вожделѣющемъ къ сестрѣ своей и ревнующемъ ее къ офицеру, но тщетно, ибо офицеръ—Гальтиморъ.

№ 7. Какъ нимфы любили сатировъ и пастуховъ, но измѣняли имъ для сатирессъ съ козлиными ногами.

№ 8. Уже упомянутый выше скандалъ въ благородномъ семействѣ: родитель, снимающій съ себя ветхія одежды словъ, чтобы сожительствовать съ дочерью, отбивъ ее у жениха.

№ 9. О дамѣ, которая любила сидѣть голою въ жарко натопленной комнатѣ, и о дуракахъ, которые находили это занятіе геніальнымъ.

№ 10. Летающій сперматозоидъ, или юнкеръ, способный побѣдить четырехъ дѣвицъ въ четыре минуты.

Читатель извинитъ меня, если я, въ данномъ реестрикѣ, ограничусь лишь краткимъ изложеніемъ темъ и сюжетовъ, но не назову ни авторовъ, ни заголовковъ ихъ произведеній. По моему глубокому убѣжденію, это—единственный способъ и порядокъ, въ которыхъ можно и должно обсуждать общественную язву мысленнаго и словеснаго разврата, затянувшаго русскую литературу въ сѣти порнографіи патологической и промышленной. Ибо всѣ негодованія, какъ притворныя, такъ и дѣйствительныя, всѣ полемики, возгоравшіяся вокругъ именъ и господъ, промышляющихъ обращеніемъ литературы въ секретное отдѣленіе паноптикума,—въ концѣ концовъ—не болѣе, какъ рекламы имъ, съ другой стороны: рекламы, умышленно или неумышленно обращаемыя къ той низменной части публики, для которой похабная книжка и картинка дороже всего. До сей поры вся подобная публика изнывала безъ своей «Ванькиной литературы», не зная, гдѣ ее добывать и какія въ ней являются новости. Лѣтъ сто монопольно владѣли вниманіемъ любителей клубнички Барковъ, юношескія прегрѣшенія Пушкина и Лермонтова, да запретныя русскія сказки, заграничный отбросъ знаменитаго Афанасьевскаго сборника. Оно, конечно, забористо, но примелькалось уже нѣсколько, да и грубовато: тамъ свинья — такъ она и есть свинья, и даже не чушка. А мы теперь стали люди просвѣщенные, и, слѣдовательно, подавай намъ свинью не свиньею, но свинкою, чушкою, чушечкою, бѣлымъ поросеночкомъ съ голубою ленточкою на шеѣ и золотымъ бубенчикомъ на хвостикѣ. И вотъ—для спеціальнаго обрѣтенія благопотребныхъ порнографической публикѣ поросятъ типа «si jeunes et si bien decorés!»—завелась въ

періодической печати особая замѣточная критика, каталогъ и указатель поросячьихъ мѣстонахожденій и залежей. Не думайте, чтобы она хвалила ихъ, какъ общественное явленіе,—Боже сохрани! нѣтъ! Да въ этомъ и надобности не имѣется, такъ какъ для обслуживанія идейными похвалами и восторгами декорированное поросячество завело собственные журналы и газеты, весьма къ дѣлу своему ревностные и страстные. Напротивъ, сказанная критика даже поругиваетъ иногда поросячество: что это молъ за безобразіе, право?—ступить стало некуда, все поросята подъ ногами вертятся,—столько въ литературѣ свинства развелось!.. Но, поругивая, никогда не забываетъ выразительно прищуриться однимъ глазкомъ, прищелкнуть языкомъ и заключить:

— Но, по правдѣ молвить, ужъ и поросята! Можно чести приписать! Нигдѣ не найдете подобныхъ! Насквозь саломъ проросли, подлецы... даже смотрѣть противно! Конечно, гадость. Однако, ежели этакого поросенка—на любителя,—пальчики оближетъ. А продается эта гадость такимъ-то и такимъ-то, подъ фирмою такою-то и такою-то.

Что господину такому-то и такому-то, торгующему поросячествомъ подъ фирмою такою-то и такою-то, и требовалось публиковать. На завтра онъ окруженъ Геростратовою славою, и любители поросячества, расхватавъ «литературные» труды его въ книжныхъ лавкахъ, съ любопытствомъ освѣдомляются у продавцовъ:

— А что? Господинъ Пятачковъ не сочиняютъ-ли еще что-нибудь въ семъ-же родѣ? Если какая ихняя книжка выйдетъ, вы, ужъ будьте добры, ее намъ — первымъ долгомъ... непремѣнно!

Замѣточная критика заботливо идетъ навстрѣчу и этимъ запасливымъ интересамъ потребителя. Развивая Геростратову славу своихъ кліентовъ, она заранѣе увѣдомляетъ рынокъ, какое новое поросячество печатается, пишется,

даже замышляется, гдѣ, когда, при чьемъ содѣйствіи, подъ чьимъ покровительствомъ. Оглашаются біографическія мелочи о мастерахъ поросячьихъ дѣлъ, ихъ адреса, ихъ интимности. Словомъ, кимвалы и тимпаны, указательные персты и электричествомъ вспыхивающія, буква за буквою, вывѣски—все пущено въ ходъ для того, чтобы поросячій читатель не сбился съ дороги, но прямо и торжественно прослѣдовалъ къ фирмѣ:

— «И вотъ заведеніе!»

* * *

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ плылъ я изъ Константинополя въ Одессу—городъ, мнѣ незнакомый. Случилось, что одесситовъ на пароходѣ было очень мало. Наконецъ, разговорился я съ какимъ-то жизнерадостнымъ субъектомъ, выдававшимъ себя за пшеничнаго экспортера. И не сказали мы другъ другу двухъ словъ, какъ принялся онъ мнѣ Одессу ругать:

— Гнусный нашъ городъ... безнравственный нашъ городъ!.. У мальчишекъ-гимназистовъ съ тринадцати лѣтъ любовницы объявляются... такъ о взрослыхъ что же говорить! Помилуйте! Ну, гдѣ еще въ Россіи вы найдете такой домъ свиданій, какъ подлѣйшую нашу m-me Гольденбергъ?

Онъ назвалъ фамилію знаменитой въ своемъ родѣ одесской посредницы по амурнымъ дѣламъ и быстро разсказалъ нѣсколько анекдотовъ объ ея пикантной дѣятельности. Надѣюсь, что не согрѣшаю, и никого не введу въ соблазнъ, называя здѣсь эту фамилію en toutes lettres, такъ какъ, по разсказамъ моихъ знакомыхъ одесситовъ, «фирма» уже прекратила свое существованіе, и хозяйка ея умерла.

— Однако, говорятъ, у васъ въ Одессѣ очень развита общественная жизнь?

— Сказки! Никто ничего не дѣлаетъ. Толкутся на

биржѣ, гуляютъ по Дерибасовской, продаютъ пшеницу, а барыши прогуливаютъ съ дѣвками въ грабиловкѣ у m-me Гольденбергъ.

— Дума у васъ очень передовая...

Называю два-три имени...

— Что-о-о? Этотъ-то? Да онъ, безстыжій, дни и ночи проводитъ въ вертепѣ у m-me Гольденбергъ.

— Театръ превосходный... Вотъ я сейчасъ читалъ въ газетѣ: такая-то у васъ служить будетъ... Это — звѣзда!

Ироническая улыбка:

— Какъ же, какъ же!.. Вѣрнѣйшая кліентка этой негодяйки m-me Гольденбергъ.

Упомянешь о какомъ-нибудь фактѣ одесскаго прошлаго,—хронологія:

— Давняя исторія!.. Тогда m-me Гольденбергъ еще только начинала свою отвратительную карьеру!..

Хочу провѣрить адресъ знакомаго,—географія:

— Это, знаете-ли, на углу второго переулка направо отъ m-me Гольденбергъ.

Въ концѣ-концовъ, послѣ почти суточнаго плаванія и непрерывныхъ разговоровъ съ одесситомъ объ Одессѣ, я покинулъ пароходъ, все-таки не зная о городѣ, меня ожидающемъ, рѣшительно ничего новаго и интереснаго, кромѣ того, что имѣется въ немъ нѣкоторая m-me Гольденбергъ: «подлая», «гнусная», «грабительница», «негодяйка», «содержательница вертепа», но—подобной мадамы нѣтъ ни въ какомъ другомъ городѣ Россіи, живой товаръ у нея внѣ конкуренціи, а адресъ ея такой-то, а прейсъ-курантъ ея—этакій-то.

Откровенно говоря, иностранецъ, который сейчасъ задумалъ бы знакомиться съ русскою литературою по вогнутымъ и выгнутымъ зеркаламъ ея рекламной критики, очутился бы въ состояніи не большей и не умнѣйшей освѣдомленности, чѣмъ я—объ Одессѣ, послѣ разъ-

ясненій спутника, пропустившаго свое міровоззрѣніе черезъ розовыя призмы оконъ m-me Гольденбергъ. Онъ спрашиваетъ: гдѣ русская общественная мысль? Ему показываютъ: а вотъ—видите—публичный домъ и около него сорная куча? Это она самая и есть! Онъ ищетъ: чѣмъ отразилось въ художествѣ слова русское освободительное движеніе? Предъ нимъ отдергиваютъ зеленую занавѣску съ непристойной картинки, гдѣ нимфы обнимаются съ сатирами. Онъ проситъ: покажите мнѣ надежды вашей страны, познакомьте меня съ молодежью. Его ведутъ къ—якобы—студентамъ, охваченнымъ однополою любовью, и къ таковымъ-же—якобы—курсисткамъ. Онъ пробуетъ опредѣлиться въ отношеніяхъ между старшимъ поколѣніемъ и младшимъ. Ему рекомендуютъ къ руководству драму, какъ папенька амурится съ дочкою. Онъ испытываетъ: въ чемъ идеалъ русской женщины? Оказывается—сидѣть нагишомъ на соблазнъ идіотическимъ павіанамъ, въ ожиданіи юнкера изъ потомковъ поручика Кувшинникова, который придетъ и скажетъ:

— Ты мнѣ мо-мо-то не разводи, а подавай самое настоящее!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русское общество усталое и отъ реакціонныхъ побоевъ, и отъ революціонныхъ потугъ, переживаетъ сейчасъ полосу патологическую, мало располагающую къ нормальному наблюденію, мышленію, слову. Нѣтъ также никакого сомнѣнія, что патологическое состояніе не погасило еще общественнаго сознанія настолько, чтобы совершенно упразднить стыдъ и совѣсть передъ процессами разнообразнаго оживотнѣнія, исподволь наползающаго со всѣхъ сторонъ жизни,—истоптанной, запуганной, столь нагло и откровенно изнасилованной пестротою произволовъ, что ей ужъ и невозможно скрывать срамы и позоры свои, если бы даже хотѣла. Вѣдь всѣ эти пестрогрязные процессы, всѣ эти компромиссы съ порабощающею дѣйствительностью, всѣ

эти плотскіе капризы и вопли слишкомъ наглядно свидѣтельствуютъ о трусливомъ переутомленіи обывателя энтузіазмомъ недавнихъ освободительныхъ усилій, о бѣгствѣ изъ-подъ знамени, о дезертирствѣ съ поля общественной брани подъ мирный кровъ дома... да, ужъ добро бы, хоть своего, а то—мы видѣли: едва ли не публичнаго! Факты налицо, но—кому же лестно сознавать себя ничтожествомъ, которое—въ то время, какъ «станъ погибающихъ за великое дѣло любви» истребляется вражескими мечами,—мало, что прячется за бабью юбку, но еще художнически любуется ея узорами и восхищается струящимися отъ нея ароматами? И вотъ—является стремленіе подмѣнить обличительныя «низкія истины» утѣшеніями и подлогами «насъ возвышающаго обмана». Созидаются хитрыя и заковыристыя теоріи, чтобы оправдать дезертирства и выдать ихъ за трансформацію служенія свободѣ. Выкрики эгоистическихъ капризовъ и себялюбивой блажи выдаются за борьбу и побѣду индивидуалистическихъ началъ. И, пародируя Магомета, который зеленое знамя Священной войны сдѣлалъ изъ юбки жены своей Айши, дезертиры пытаются увѣрять публику, будто узорчатыя юбки, за которыми они спрятались и красоты которыхъ воспѣваютъ вычурными фіоритурами любострастныхъ темъ, сшиты изъ той же матеріи, что красныя и черныя знамена, а, слѣдовательно, и приходятся знаменамъ этимъ ближайшею роднею. Какое кощунство! Какая недостойная, пошлая, вредная ложь!

Это лицемѣріе, эта масочность, старающаяся возвести скверну въ подвигъ и кощунственно пришивающая къ фригійскому колпаку кокарду съ фаллическимъ значкомъ,—самая опасная и скверная сторона порнографіи, выдающей себя за русскую беллетристику «стиля модернъ». Есть — вѣрнѣе сказать: было — стихотвореніе Валерія Брюсова.

Золотистыя феи
Въ атласномъ саду!
Когда я найду
Ледяныя аллеи?
Влюбленныхъ наядъ
Серебристые всплёски,
Гдѣ ревнивыя доски
Вамъ путь заградятъ.
Непонятныя вазы
Огнемъ озаря,
Застыла заря
Надъ полетомъ фантазій.

Комментируя сіе загадочное произведеніе, Владиміръ Соловьевъ писалъ когда-то съ тою спокойною насмѣшливостью, что была такъ характерна для него и сверкала подъ перомъ его, какъ убійственное орудіе разрушенія.

— Сюжетъ этихъ стиховъ столько же ясенъ сколько и предосудителенъ. Увлекаемый «полетомъ фантазій» авторъ засматривался въ досчатыя купальни, гдѣ купались лица женскаго пола, которыхъ онъ называетъ «феями» и «наядями». Но можно ли пышными словами загладить поступки гнусные? И вотъ къ чему въ заключеніе приводитъ символизмъ! Будемъ надѣятся по крайней мѣрѣ, что и ревнивыя доски оказались на высотѣ своего призванія. Въ противномъ случаѣ, «золотистымъ феямъ» оставалось бы только окатить нескромнаго символиста изъ тѣхъ «непонятныхъ вазъ», которыя въ просторѣчіи называются шайками и употребляются въ купальняхъ для омовенія ногъ.

Изъ попытокъ украшать словами пышными поступки гнусные слагаются въ настоящее время всѣ эти «Лики Творчества», спасающіе вселенную «освобожденіемъ плоти». Въ одномъ изъ очерковъ Щедрина является на сцену дѣйствительная статская совѣтница, которая подъемлетъ благосостояніе цѣлой волости чрезъ то, что носитъ на

поясницѣ брилліантовое солнце. Это смѣшно. Но, когда васъ хотятъ серьезно увѣрить, что кровосмѣситель развратомъ своимъ служитъ прогрессу человѣчества, освобождая плоть отъ ветхой одежды словъ, это уже даже не смѣшно, а просто гадко. Предъ вами невольно встаетъ другой щедринскій персонажъ: поросенокъ, который всячески старался увѣрить публику, что онъ не поросенокъ, а только прыскается поросячьими духами.

Нельзя пѣть марсельезу на мотивъ камаринской безъ пропусковъ. Нельзя «одною рукою крестное знаменіе творить, а другою неистовствовать». И, сколько бы ни лилось пышныхъ словъ къ украшенію гнусныхъ поступковъ, никакимъ «ликамъ творчества» не удастся установить родства между публичнымъ домомъ и баррикадою и рабовъ низменной похоти костюмировать сотрудниками освободительной борьбы. Это—не передовые люди, но—реакція, и реакція скверная, опаснѣе иной политической. Исторія не знаетъ народовъ, которые находили свободу свою чрезъ педерастію и лезбійскія игры, но знаетъ безчисленное множество эпохъ, когда деспотическая или тиранническая власть говорила народамъ своимъ:

— Развратничайте и пьянствуйте, какъ хотите,— только чуръ, не мѣшаться въ мою политику!

Я беру эту формулу готовою изъ автобіографіи А. М. Скабичевскаго, печатающейся въ «Русскомъ Богатствѣ». Именно такимъ назиданіемъ привѣтствовалъ нѣкогда кіевское студенчество генералъ-губернаторъ Бибиковъ. Теперь не столь откровенны, но—къ чему тратить слова? Они—серебро, а краснорѣчивое молчаніе—золото. Публика настолько развилась и преуспѣла, что и безъ многоглаголанія понимаетъ, гдѣ уготованные для нея раки зимуютъ. И, подобно тому, какъ раки ѣдятся и просто вареными, но деликатнѣе ѣсть ихъ подъ соусомъ бордолезъ, такъ и современное распутство рус-

ской жизни и соотвѣтствующая ей порнографія находятъ себѣ соусы «освобожденія плоти», «неисчерпанныхъ возможностей» и прочихъ фразистыхъ оправданьицъ, одѣвающихъ дѣло реакціи въ маски, будто бы, прогресса. И въ оправданьицахъ этихъ—водораздѣлъ похабства: точка, гдѣ цинизмъ доходитъ до граціи. А—махнулъ шибко, перемахнулъ черезъ грацію,—и опять будетъ — «моветонъ» и цинизмъ. По сю сторону будто бы литература: бѣленькое поросячество въ лентахъ и бубенцахъ. По ту сторону—порнографія: откровенная свинья наголо, лубочный рынокъ безграмотнаго сквернословія, громко и безстыже хрюкающій уже безъ всякихъ прикрасъ и обиняковъ:

— Къ намъ пожалуйте. Добросовѣстнѣе нашего свинства найти нигдѣ невозможно. Непристойность всѣхъ сортовъ и на всѣ вкусы! Признано отвратительнымъ во всѣхъ столицахъ Европы! Невозможно читать, не краснѣя! Послѣднее слово порнографіи! Рекордъ всемірнаго безстыдства!

Собственно говоря, при всей гнусности этого второго рынка, обратившаго книгу въ печатную проститутку, за нимъ, сравнительно съ первымъ, имѣются хоть тѣ два преимущества, что 1) циническій торгъ его — гласный, и 2) пробавляется онъ переводнымъ старьемъ. Сразу видать, съ какою птицею имѣешь дѣло, и не ждешь отъ нея ничего добраго. Это — «убогая» порнографія. «Нарядная», выдающая себя за литературу, гораздо опаснѣе. Она скрываетъ свою истинную профессію, оригинальничаетъ каждый день новыми туалетами,—ядовитая, зараженная и заразительная—дама-шикъ въ постоянномъ господскомъ спросѣ.

* * *

Мнѣ, какъ автору «Викторіи Павловны» и «Марьи Лусьевой», никто не сдѣлаетъ упрека въ предвзятой pruderie, а, какъ авторъ «Восьмидесятниковъ», я, надѣюсь.

свободенъ отъ подозрѣній въ наклонности превозвышать прошлое и пѣть хвалы нашему поколѣнію, въ ущербъ современности. Мы развивались въ жалкое, рабское время о которомъ хотѣлось бы забыть. Мы были заражены микробами и міазмами наслѣдственнаго и воспитательнаго рабства въ такой степени, что вспоминать жутко, и во многомъ самихъ себя слѣдовало бы и стараешься изгладить изъ памяти. Было поколѣніе чувственное, эгоистическое, лишенное политическаго аппетита и энтузіазма, равнодушное и бездарное соціально. Но оно не успѣло еще изжить матеріалистическаго наслѣдія шестидесятыхъ годовъ, а потому не умѣло изыскивать, съ подмогами мистики, ни соусовъ бордолезъ для порнографическихъ раковъ, ни голубыхъ ленточекъ и золотыхъ бубенчиковъ — для поросятъ, притворяющихся, будто они не поросята, но только прыскаются поросячьими духами. Время и поколѣніе были безжалостныя, грубыя, циничныя, но еще стояли крѣпкими ногами на твердой землѣ и говорили о земномъ по земному. И кошку называли кошкою, литературу—литературою, а похабщину—похабщиною. И—когда вспомнишь, что къ области послѣдней покойный Н. К. Михайловскій не поколебался отнести такія, по нынѣшнимъ временамъ, невинныя и, по крайней мѣрѣ, ужъ несомнѣнно превосходно написанныя вещи, какъ «Содомъ» и «Аристократію Гостинаго двора», покойнаго Лебедева-Морского, или «Краденое счастье» Василія Ив. Немировича-Данченко! Что же сказалъ бы онъ о цитированныхъ выше десяти номерахъ паноптикума? Ужъ именно, что — «отойди, раба, отъ зла: плюнь и свистни»!..

Воспитанный въ матеріалистическомъ міровоззрѣніи, позитивистъ до мозга костей своихъ, я не только признаю но и проповѣдую широчайшую свободу и власть художественныхъ захватовъ въ реалистическомъ искусствѣ. Нѣтъ рискованныхъ темъ, нѣтъ рискованныхъ сюжетовъ. И, въ совокупности міра, половая сфера—такое же законное

достоянiе искусства, какъ и всякая другая, со всѣми ея радостными красотами и со всѣми мрачными пороками. Вѣкъ, имѣвшiй Бальзака, Флобера, Гонкуровъ, Зола, Мопассана, Достоевскаго, не можетъ быть prude, и нельзя сконфузить его никакимъ половымъ ужасомъ. Если надо,—все достойно художественнаго изображенiя: всѣ излюбленныя темы современной беллетристики—до лезбiйскихъ игръ и взаимно-отроческихъ забавъ, до «посестрiя» и «отцовщины» включительно. Да въ старой русской беллетристикѣ, эпохи «Отечественныхъ Записокъ», даже и былъ такой романъ—«Посестрiе», принадлежащiй перу П. Д. Боборыкина, автора далеко не изъ стыдливыхъ, почитавшагося въ свое время русскимъ намѣстникомъ его натуралистическаго величества Эмиля I. Зола и десятки разъ угрызаемаго критикою за дерзость «человѣческихъ документовъ». И, однако, «Посестрiе» Боборыкина не только не почтено было порнографическимъ, но даже и сомнѣнiй на этотъ счетъ не возбуждало, вопреки всей—казалось бы—рискованности сюжета. Да! Но въ томъ-то и дѣло, что—«если надо», въ томъ-то и дѣло, что—какъ и зачѣмъ! Въ «Подлиповцахъ» Рѣшетникова любовь Пилы къ дочери своей Апроськѣ написана съ грубою силою, которая и не снилась нашимъ Соллогубамъ. Но — кто же осмѣлится сказать, что Рѣшетниковъ ввелъ эту не необходимую подробность въ черную темь «Подлиповцевъ» напрасно, по сладострастному капризу, либо съ злымъ умысломъ доставить любителямъ поросячества порнографическую приманку? И кто, безпристрастный, не скажетъ именно этихъ словъ о блудномъ бредѣ Соллогуба? Порнографiя начинается не тамъ, гдѣ изображается грязь человѣческой жизни, но тамъ, гдѣ она возвеличивается, смакуется, возводится въ идеалъ, рекомендуется подъ соусами «неисчерпанныхъ возможностей», какъ смыслъ и сокъ жизни.

Самодовлѣющаго творчества нѣтъ, всякое творчество

цѣлесообразно и нужно постольку, поскольку оно правдиво. Не надо дидактики ни по ту, ни по сю сторону добра и зла, ибо сознательная дидактика — или педантизмъ программной добродѣтели, или — школа академическаго порока, что одинаково противно и мертво. Истинная, внутренняя дидактика литературнаго произведенія, ради которой оно создается, заключена въ строгой правдѣ изображенія, превращающей слово въ зримость и осязаемость. Дидактическія разсужденія Льва Толстого или Максима Горькаго всегда очень скучны и плохи, но Пьеръ Безуховъ, Анна Каренина, Баронъ, Актеръ, Настя — геніально дидактичны. Антонъ Чеховъ, за всю свою карьеру литературную, не сказалъ ни одного умышленно дидактическаго слова, но полное собраніе его сочиненій—самое совершенное дидактическое резюме эпохи, которую онъ отразилъ и похоронилъ.

Если тяжела и тошнотворна художественная дидактика положительныхъ идеаловъ, опирающихся на историческія заслуги преходящихъ культуръ, то дидактика новыхъ отрицаній, съ навязчивостями своихъ оргіазмовъ Діонисова начала, освобожденія плоти, неисчерпанныхъ возможностей и тому подобныхъ псевдонимовъ озлобленія тѣлеснаго,—еще противнѣе въ однообразномъ круженіи соблазновъ своихъ, потому что правды послѣднихъ, въ концѣ-концовъ, скудны и ограничены. Въ древности Геліогабалъ, въ эпоху Возрожденія—Борджіа, говорятъ, платили бѣшеныя деньги изобрѣтателямъ новыхъ формъ и способовъ физической любви. Наши «многообѣщающіе» и «подаватели надеждъ» стараются на свой собственный рискъ, перевертывая «любви пріятный пантоминъ» уже не среди прекраснѣйшихъ долинъ, какъ рекомендовалъ когда-то у Писемскаго Іона Циникъ, но чортъ знаетъ, гдѣ, какъ, когда и въ какомъ сообществѣ. Мы не дождались свободы печати, но печать дождалась свободы сатиріазиса. И—на что ужъ, казалось бы, богата сладостраст-

ными картинами греческая миѳологія,—нѣтъ: русскимъ литературнымъ фавнамъ и кентаврамъ надо было перещеголять даже и эту не весьма щекотливую музу! Одинъ пишетъ романъ дѣвственной Діаны съ бѣлымъ козломъ, другой — лезбійскія похожденія нимфъ и сатирессъ. Я готовъ предложить премію тому, кто отыщетъ мнѣ въ античной литературѣ темы этихъ миѳологическихъ клеветъ. Грековъ перегречили! Знай нашихъ! Это уже — по эллинскимъ канвамъ пошло вышивать русское распутство. И — канвы мѣняются, но блудъ воображенія неистощимъ. Какая-то сплошная и непрерывная оргія,—съ позволенія вашего сказать,— литературнаго онанизма! И, поверхъ, слова пышныя, украшающія поступки гнусные. Бѣлые поросята красуются голубыми ленточками, звенятъ золотыми бубенчиками и,—притворяясь четвероногими ангелами, лишь въ поросячьихъ духахъ,— даже негодуютъ жестоко, когда кто-либо, не стерпѣвъ аромата ихъ, безцеремонно аттестуетъ сей послѣдній, какъ слѣдуетъ, порнографическимъ. И у нихъ есть защитники. И у нихъ есть свой «другъ-читатель». Впрочемъ, кажется мнѣ, не столько «другъ», сколько, что называется, «амикошонъ»...

Лилитъ и Свинья.

Есть нѣсколько вѣрныхъ средствъ обратиться изъ человѣка въ двуногую свинью, но одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ — это — посвятить жизнь свою инстинкту самосохраненія [1]). И, чѣмъ раньше овладѣетъ человѣкомъ, торжествующій во всеядствѣ, инстинктъ этотъ, тѣмъ успѣшнѣе и великолѣпнѣе вырабатывается изъ него современемъ надежная свинья, броненосная подъ пластами сала, не токмо хрюканьемъ, но уже однимъ видомъ своимъ вызывающая радостныя привѣтствія аматеровъ:

— Однако, и ветчина!

Когда политическія и общественныя боренія утомляютъ такъ называемаго передового человѣка зрѣлыхъ лѣтъ до готовности впредь плюнуть на все и беречь свое здоровье, онъ «идетъ направо», сколько совѣсть не зазритъ. То есть—поскольку онъ въ состояніи обмануть себя, будто не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто, и — нельзя же, господа, все съ краю, да съ краю! Съ краю молъ строятся только избы, въ которыхъ ничего не знаютъ, а надо когда-нибудь двинуться и въ середку. Скàла этихъ середочныхъ компромиссовъ очень велика, ибо въ нихъ—если коготокъ увязъ, то и всей птичкѣ пропасть, и разныя птички увязаютъ въ разной степени, глядя по желанію, совѣсти и сознательности. Г. Милюковъ,

---

[1]) Салтыковъ.

который лично совсѣмъ не желаетъ вязнуть и весьма совѣстливо барахтается, но подчиняется общему роковому процессу кадетскаго увязанія, погрузъ въ трясину всего по пяточку. Г. Стаховичъ, въ добродушно-маниловскомъ невѣдѣніи добра и зла, увязъ по колѣнце. Г. Струве, какъ будущій министръ внутреннихъ дѣлъ на лунѣ, застрялъ по пупикъ. А вонъ г. Гурляндъ,—когда-то Арсеній Г., чаявшій русскимъ Лассалемъ быти, а нынѣ оберъ-доброволецъ печатной жандармеріи,—такъ хорошо и глубоко опустился, что надъ нимъ уже даже и пузырей не проступаетъ. Сплошная черная трясина, и изъ трясины, какъ оракулъ подземный, хрюкающій гласъ:

— Насъ было трое: Гурьевъ, я
И еще одинъ околоточный надзиратель!

Ниже или выше гг. Гурлянда, Гурьева и К-о лежитъ ликующее ветчинное царство?—сей геологическій вопросъ остается спорнымъ. Люди сострадательные, желающіе жить и мыслить по наставленію Давидову, что «блаженъ мужъ, иже и скоты милуетъ», думаютъ, будто остались еще степени совершенства въ позорѣ, которыхъ эти господа не достигли. Люди, не столько сострадательные, сколько справедливые, полагаютъ напротивъ, что гг. Гурляндъ и Гурьевъ уже всякое совершенство лбами своими протаранили и насквозь, какъ вьюны, проскочили. Такъ что дальше идти имъ некуда, покуда посты Ѳомы Сейна и М. О. Меньшикова находятся въ сихъ рукахъ, прочныхъ и надежныхъ, а новыхъ равносильныхъ постовъ съ соотвѣтствующими штатами еще не учреждено.

Когда инстинктъ политическаго и общественнаго самосохраненія заговариваетъ въ человѣкѣ не конченномъ, но молодомъ, едва вступающемъ въ жизнь, то совѣсть, по свѣжести и наивности своей, протестуетъ противъ дезертирства изъ-подъ гражданскаго знамени, оппонируя вкрадчивой кандидатурѣ на будущую свинью весьма энергично и краснорѣчиво. Настолько, что, въ собствен-

номъ своемъ видѣ, означенной кандидатурѣ удается завоевать и покорить себѣ молодыя души лишь въ томъ блистательно-омерзительномъ и привилегированно-подломъ обществѣ, которое теперь, съ легкой руки С. Я. Елпатьевскаго, слыветъ между россіянами подъ выразительною кличкою—«люди нашего круга». Къ другимъ слоямъ юношества свиному идеалу удается подбираться не иначе, какъ весьма окольными тропами, по длиннымъ гатямъ и хрупкимъ мостикамъ. Но надо признать грустный фактъ, что, въ кружномъ, долгомъ путешествіи своемъ, свиной идеалъ очень часто успѣваетъ настолько умыться, почиститься, принарядиться, позаимствоваться благопристойными псевдонимами, что, при встрѣчѣ съ молодою душою, самъ оказывается душка душкою,—и нужна не малая проницательность, чтобы сразу разглядѣтъ въ семъ ангелѣ свѣта маскированнаго аггела тьмы.

Есть пословица, что, куда чортъ самъ не поспѣетъ, туда онъ свою бабу пошлетъ. У чорта въ Россіи теперь такъ много дѣла, что лично ему совершенно некогда возиться съ молодежью. Да онъ же встрѣчи съ Карломъ Марксомъ пуще, чѣмъ ладона, боится, ибо Марксъ его безжалостно отрицаетъ и расточаетъ. Поэтому съ тою,—жалкою и не думаю, чтобы значительною,—частью русской молодежи, въ которой чортъ чувствуетъ тайную тенденцію удрать въ благополучный свинарникъ и промѣнять всѣхъ Марксовъ и Энгельсовъ на любезно вѣрное, самоохранительное житіе, поощряемою улыбкою жандарма и обезпечиваемое поклономъ частнаго пристава,—чортъ предоставляетъ видаться именно своей бабѣ. Самой могучей и старой изъ бабъ,—той предвѣчной Лилитъ, которую Талмудъ почитаетъ первою женою Адама, которою любовался Фаустъ на шабашѣ Вальпургіевой ночи и въ которой рядъ древнихъ религій и обществъ воплощалъ половой вопросъ. Кружа вокругъ душъ молодежи, Лилитъ встрѣтилась съ маскированною свиньею, les beaux esprits

сразу поняли другъ друга и заключили союзъ оборонительный и наступательный. Верхомъ на свиньѣ Лилитъ въѣхала въ русское общество. И такая она, Лилитъ, вкусная, да сдобная, что, глазѣя на тѣлеса ея, общество и совсѣмъ вниманія не обратило, какъ, вмѣстѣ съ Лилитъ, приняло въ нѣдра свои, ее привезшую, свинью.

Въ Германіи, въ лечебницѣ для душевнобольныхъ, скончался необыкновенно талантливый человѣкъ, бывшій философомъ, то есть профессіональнымъ мыслителемъ, до тѣхъ поръ, пока размягченіе мозга не сдѣлало его идіотомъ. Человѣкъ этотъ написалъ много сочиненій, полныхъ огнемъ генія, вперемежку съ безуміемъ. Они имѣютъ одинъ недостатокъ: такъ какъ никому не извѣстно въ точности, когда именно великій философъ началъ сходить съ ума, то очень трудно разбираться: гдѣ, въ его парадоксахъ, говоритъ его истинная личность, вооруженная логикою здраваго смысла, и гдѣ дурачитъ публику лукавая, злая, софистически ловкая и привычно изворотливая folie raisonnante. Никто и никогда еще не проповѣдывалъ человѣчеству гедоническаго эгоизма съ бо̀льшею красотою, возвышенностью, убѣжденною силою. Философъ сдѣлалъ манію величія религіей своего поколѣнія. Онъ объявилъ культъ сверхчеловѣка: eritis sicut Deus scientes bonum et malum. Извѣстно, однако, что дебютъ Адама и Евы въ направленіи къ соблазну возвыситься на степень божества чрезъ познаніе добра и зла— былъ не весьма успѣшенъ. Философъ воспользовался историческимъ предостереженіемъ и, проводя человѣка въ боги, преловко шмыгнулъ, вмѣстѣ со своимъ протеже, мимо роковой яблони и очутился въ нейтральномъ хаосѣ— прямо по ту сторону добра и зла.

Логика и этика могучаго Заратустры достигла ушей русскаго общества въ переводахъ «на языкъ родныхъ осинъ»: обрубленными, выпустошенными и, по несовершенству русскаго философскаго языка, почти

*

затерявшими тѣ увертливыя грани между геніемъ и безуміемъ, которыя хранитъ въ своихъ глубинахъ нѣмецкій текстъ. Если бы Нитцше воскресъ и видѣлъ, что сдѣлали и еще дѣлаютъ съ нимъ русскіе переводчики «по словарю Павловскаго», онъ во второй разъ сошелъ бы съ ума отъ усилій понять себя самого въ неожиданностяхъ, навязываемыхъ ему, положеній. Изъ всего Нитцше русское общество усвоило и запомнило какъ разъ то, чего у него нѣтъ. Изъ красоты гедоническаго эгоизма, мощнаго самопровѣркою нравственныхъ силъ, создалась упоительная амальгама самозабвеннаго свинства. Повторилось то, что въ античномъ мірѣ было съ Эпикуромъ: самый чистый и возвышенный изъ мыслителей и моралистовъ древности, по милости аѳинскихъ и римскихъ Кифъ Мокіевичей, превратился въ учителя распутства и грязи; христіанскіе отцы церкви, безъ церемоніи, титуловали его «свинья Эпикуръ», а старозавѣтные евреи и до сихъ поръ ругаютъ виверовъ своихъ «апикорейсами». Такъ вотъ и изъ Нитцше, ни въ чемъ томъ неповиннаго, на русской почвѣ совсѣмъ неожиданно выросла какая-то разбойничья жестокость, вторглось въ обиходъ кулачное право, процвѣла карамазовская вседозволенность, воцарилось безпардонное яканье и получилъ благословеніе нововременскій «жеманфишизмъ». Вообще, бытіе по ту сторону добра и зла истолковалось въ такомъ специальномъ преображеніи, что получалось даже мистическое что-то. Въ родѣ Boz, котораго по-англійски надо читать Диккенсъ: написано Нитцше, а выходитъ Сигма. Такъ говорилъ Заратустра, а контрассигнировалъ, будто, Гурляндъ. Нитцше настоящаго Россія и посейчасъ почти что въ глаза не видала. Но Нитцше аплике, изобрѣтенный,—надо думать, ибо похоже на то,— Ванькою Каиномъ отъ безсонницы на ночлегѣ въ волчьей берлогѣ, — Нитцше, «перепертый на языкъ родныхъ осинъ»,—въ такой модѣ на Руси, что, я увѣренъ, даже

гг. Гурко, Лидваль, Фредериксъ и m-me Эстеръ, когда играли въ винтъ на крупу продовольственную, то переговаривались между собою:

— Семь безъ козырей!.. Такъ говорилъ Заратустра!

Нашъ доморощенный, поддѣльный, обезсмысленный, аляповатый лже-нитцшеанизмъ упалъ на благодарную почву глубокаго общественнаго разочарованія во Львѣ Толстомъ, подъ чью сѣнь ранѣе прятались тѣ интеллигентные дезертиры, которымъ не по характеру оказался соціализмъ уже въ теоретическомъ, первомъ, марксистскомъ его пришествіи,—а, слѣдовательно, предчувствовали они, что окажутся совсѣмъ плохи и жидки на расправу, когда соціализмъ перейдетъ въ агитацію дѣйствіемъ. Слишкомъ десять лѣтъ Толстой держалъ зыбкую русскую интеллигенцію — обаяніемъ своего колоссальнаго художественнаго таланта и обоснованнаго на немъ авторитета—въ гипнозѣ очень жиденькой по существу, пассивной и перепѣвной, нео-христіанской теоріи опрощенія, непротивленія, воздержанія, неимѣнія и всякаго прочаго Новаго Іерусалима, воплощеннаго въ пресловутомъ юродивомъ Иванъ-дураковомъ царствѣ. Однако, толстовское очарованіе не могло долго умиротворять совѣсть, хотя робкую, но встревоженную [1]). Укоряющее сосѣдство самоотверженной соціальной дѣятельности, работающей простыми и прямолинейными средствами на естественной почвѣ, скоро старитъ искусственные суррогаты, которыми молодежь, остающаяся внѣ ея, пробуетъ, обманывая и утѣшая себя, ее подмѣнить. Толстовщина выдохлась, надоѣла, опошлилась. Изъ благочестиво-сектантской маски ея насмѣшливо высунулись длинный носъ и красный языкъ разсчетливаго мѣщанскаго эгоизма, который, уставъ грѣшить, прилаживается на старости лѣтъ—и душу спасти,

[1]) См. мои статьи о Толстомъ въ моемъ сборникѣ «Современники» (въ Москвѣ, изд. Д. П. Ефимова).

и тѣло благоустроить, и невинность сохранить, и капиталъ пріобрѣсти. Потребовались, значитъ, новые суррогаты, поядренѣе. Лженитцшеанизмъ упалъ къ недавнимъ толстовцамъ, какъ разговѣнье невзначай и не въ урокъ святцамъ, посреди великаго поста. То—ничего не было позволено, а то, вдругъ,—стало все позволено. То—воздержаніе отъ вина и елея, некуреніе, непрелюбысотвореніе, а то—гуляй, душа, безъ кунтуша! Вчера—непротивленіе, а сегодня—падающаго толкни! Недѣлю назадъ—Христосъ да Евангеліе, да притча, да «не убій!» и пр., и пр. А тутъ вдругъ—начало Діониса, начало Аполлона, сверхчеловѣчество, будьте красивы, какъ боги, Астарта, Антихристъ и т. д., и т. д. Мода переставила идеи, какъ objets d'art въ витринѣ магазина. Извѣстно, что, при разговѣньяхъ, никто не объѣдается и не опивается такъ жестоко, какъ перепостившіе люди. Зналъ я въ Москвѣ купчиху, у которой мужъ любилъ кутнуть. Пріѣзжаю къ ней какъ-то разъ: сидитъ баба одна—и плачетъ.

— Что съ вами?

Всхлипываетъ:

— Ферапонтъ Ильичъ далъ зарокъ не пить.

— Такъ что же?

— Да вы подумайте, какое же изъ этого пьянство выйдетъ!

Въ Портъ-Саидѣ, этомъ Содомѣ и Гоморрѣ международнаго мореплаванія,—два типа проститутокъ: для моряковъ, идущихъ изъ Средиземнаго моря въ океанъ, и для моряковъ, возвращающихся изъ океана въ Средиземное море. Первыя—хотя сколько-нибудь на женщинъ похожи, болѣе или менѣе молоды, недурны собою, разговорчивы, принаряжены: ихъ покупатель еще недавно разстался съ европейскими женщинами и требуетъ для чувственности хоть какихъ-нибудь эстетическихъ иллюзій. Вторыя—отребье разврата, выброшенное изъ всѣхъ вертеповъ Европы и Египта, за даль-

нѣйшею неработоспособностью: ихъ портъ-саидскій покупатель пробылъ на пароходѣ, въ палящемъ климатѣ Индійскаго океана и Краснаго моря,—самое меньшее—мѣсяцъ и беретъ первую предлагаемую, безъ всякаго эстетическаго разбора.

Думаю, что всѣ озлобленія тѣлесныя, вызываемыя постомъ, должны быть особо свирѣпы, когда постящійся вдругъ догадается, что постился напрасно, и его обязанностью поста поднадули. Въ сибирскомъ городкѣ, гдѣ пришлось мнѣ жить одно время, врачъ побился объ закладъ, что заставитъ одного интеллигента, человѣка очень подвижного, высидѣть цѣлый мѣсяцъ дома—подъ предлогомъ, будто у него начинается angina. Врачъ пари выигралъ, но обманутый паціентъ его такъ разсвирѣпѣлъ на мистификацію, что, выходя, «на зло» бросилъ всякую осторожность, сталъ, какъ говорится, бравировать и, въ ту же зиму, схватилъ уже самый настоящій дифтеритъ, отъ котораго и померъ. Мистификація толстовщины, понапрасну постившая русское общество,—когда миражъ ея кончился, и обнаружилась ея полнѣйшая прикладная безрезультатность и несостоятельность, — разрѣшилась тройною нравственною реакціей изъ крайности въ крайность: разговѣньемъ купца, прорвавшагося въ зарокѣ не пить, океанскаго моряка, добравшагося въ Портъ-Саидъ, и интеллигента, который, со-зла, что его одурачили ангиною, готовъ схватить дифтеритъ.

Явился Пшибышевскій и привелъ въ русское общество Фалька, пьянаго двадцать четыре часа въ сутки и въ пьяномъ видѣ совершающаго весьма скверныя дѣянія алкоголическаго блуда, подъ высокопарную декламацію громкихъ, пьяныхъ же фразъ, которыя общество, взаправду изучавшее Нитцше, приняло бы за пародію, но наше русское Панургово стадо съ благоговѣніемъ воспріяло, какъ самый чистый ницшеанизмъ. Къ тому же, русское общество всегда любило философствующихъ пьяницъ.

Любимъ Торцовъ — нашъ національный типъ. Пьянъ, да уменъ—два угодья въ немъ, говоритъ пословица. Но «уменъ» въ ней значитъ — не теряетъ этическаго самообладанія, остается порядочнымъ человѣкомъ, не опускается ниже собственнаго достоинства и уровня другихъ людей. Пьянъ да уменъ—это Ломоносовъ, Помяловскій, Глѣбъ Успенскій и т. д. Фалькъ реформировалъ старую алкоголическую мораль, возведя въ апофеозъ пьяную безстыжесть, распущенную безудержность алкоголическаго неврастеника. И—народилось же у насъ Фальковъ этихъ... Господи ты Боже мой! И — какихъ Фальковъ! Знаете ли вы, гдѣ являются на свѣтъ самыя послѣднія, удивительныя и типическія моды мужскихъ костюмовъ и дамскихъ туалетовъ? Въ Парижѣ? въ Лондонѣ? въ Вѣнѣ? Нѣтъ, въ маленькихъ, захолустныхъ мѣстечкахъ Кіевской и Херсонской губерній, въ Смѣлѣ, Шполѣ, Бѣлой Церкви, Умани. Потому что онѣ регулируютъ свои моды по Кіеву и Одессѣ, а Кіеву и Одессѣ надо на пять минутъ опередить Петербургъ, а Петербургу перехватить финишъ у Парижа и Лондона. Если парижанка укоротила юбку на четверть вершка, то петербургская дама укоротитъ свою юбку, дабы подчеркнуть dernier cri de Paris, уже на полвершка, одесситка—на вершокъ, а смѣлянка либо шполянка вдохновится къ укороченію выше щиколки И такъ — не только съ юбками и панталонами, но и съ Фальками. Еще въ иностранныхъ Фалькахъ возможно, скрѣпя сердце, разсмотрѣть иной разъ нѣкоторое, хотя страшно смутное и безпросыпно алкоголическое, гамлетство. Фальку же россійскаго производства, made in Russia, всегда—одно резюме:

— Образованный господинъ, а, между прочимъ, какъ много безобразите!

У насъ есть добрые сосѣди—датчане, норвежцы, шведы. Всѣ они давно уже добыли себѣ лучшій даръ человѣческихъ обществъ—политическую свободу. Поль-

зуются они ею весьма умѣренно и аккуратно: Молчалины конституцій. Данія, Швеція, Норвегія—самыя мѣщанскія страны Европы, ихъ демократія успѣла густо заплѣснеѣть въ косной буржуазности. Такъ какъ первымъ орудіемъ скандинавскаго освобожденія и демократіи былъ протестантизмъ, то религіей въ этихъ странахъ дорожатъ. А потому она очень сильна, этически придирчива, взыскательна, держитъ народъ на строгомъ отчетѣ. Пожалуй, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже покрѣпче католической, потому что ксендзъ строитъ свое могущество на торгѣ съ переторжкою—на разрѣшаемости моральныхъ компромиссовъ; пасторъ же стоитъ на непреложности буквъ этическаго закона своего. изъ Библіи черпаемаго, грозно и непоколебимо. Пасторы и ректоры Ибсена — крѣпкая власть. Это настоящая цензура или полиція нравовъ [1]). Передовые умы скандинавскихъ странъ, утомленные одряхлѣвшимъ давленіемъ этической инквизиціи, которая, утративъ историческій смыслъ, властвуетъ и повелѣваетъ формами, начали могучую революцію духа. Явились Ибсенъ, Бьернсонъ. Это тоже было, въ своемъ родѣ, разрѣшеніемъ долгаго и суроваго поста. Утомленные говѣльщики, какъ и у насъ, бросились разговляться—и тоже нельзя сказать, чтобы съ выдержкою и безъ жадности. Къ тому же и таланты, шедшіе на смѣну старымъ богатырямъ, были уже иной силы и иного духа. Революція духа сползла къ революціи плоти: «аморальный» Стриндбергъ, Кнутъ Гамсунъ и т. д. «Панъ» Кнута Гамсуна имѣлъ успѣхъ въ Германіи, никакого — въ романскихъ земляхъ и колоссальный—въ Россіи. Въ Европѣ успѣхъ «Пана» создался декоративною красотою романа, чудесными описаніями, способностью автора сливаться во-едино съ природою,—

---

[1]) См. мои статьи объ Ибсенѣ во 2-мъ изданіи моихъ «Кургановъ».

тѣми трепетами весенняго лѣса, которыми чаровалъ когда-то отцовъ нашихъ молодой Тургеневъ. Въ Россіи — напостившаяся въ толстизмѣ, публика приняла за откровеніе фигуру самого героя: чувственнаго самца со звѣриными глазами, который, забравшись въ лѣсную нору, подманиваетъ къ себѣ проходящихъ мимо самокъ. Кромѣ женщинъ, онъ ни о чемъ не умѣетъ ни говорить, ни думать. Каждая мысль его проходитъ сквозь половое желаніе, а потому однообразно тупа и мутна, какъ постоянная идея маньяка, и точно такъ же ведетъ къ дѣйствіямъ ненужной механической жестокости, глупымъ, мелочнымъ, злымъ. Когда я впервые прочиталъ «Пана», я положилъ книгу съ твердымъ убѣжденіемъ, что это — лукавая сатира. Послѣ «Нови», «Редактора Линге» и «Мистерій» — яркихъ реалистическихъ выпадовъ противъ мерзостей промысла литературнымъ модернизмомъ—увѣренность моя укрѣпляется. «Панъ»—книга лукавая, двусмысленная и втайнѣ сатирическая. Ея обаянія захватываютъ шире, чѣмъ задуманы, но задуманы они насмѣшливо и расчитаны — какъ геніально злая мистификація—на довѣрчивыхъ дураковъ. У насъ мороку приняли за дѣйствительность, сатиру—за эпопею. Лейтенанта возвели въ идеалъ. Компанія россійскихъ Фальковъ оживилась новымъ элементомъ: ихняго полку прибыло. Народился, изволите ли видѣть, «кентавръ», сліяніе скота и человѣка, безсердечное, какъ природа, и увлекательно страстное, какъ она. И такъ всѣ обрадовались счастью чувствовать себя на-половину лошадью, что, боюсь, даже лошадей-то сконфузили этою честью. По крайней мѣрѣ, тѣ благородные Гуингмы, которыхъ, въ укоръ человѣчеству, описалъ въ знаменитой сатирѣ своей Джонатанъ Свифтъ, ни за что не согласились бы признать роднею себѣ современнаго кентавра, что нынѣ на лугахъ россійской изящной словесности «скачетъ, веселъ и игривъ, хвостъ по вѣтру распустивъ».

— Не знаемъ, — сказали бы они, — откуда и какъ это чудовище прилѣпило себѣ лошадиное туловище, четыре ноги и хвостъ благороднаго гуингма. По образу мыслей, по прихотямъ и похотямъ, по безхарактерной распущенности, по хвастовству и нечистоплотности, оно — типичное іэху, грязное, распутное, злое двуногое іэху...

Въ «Тинѣ» Антона Чехова поручикъ Сокольскій, подъ обаяніемъ развратной бабы, позволилъ ограбить себя на большую сумму чужихъ денегъ. Онъ оправдывается:

— Первый разъ въ жизни наскочилъ на такое чудовище! Не красотой беретъ, не умомъ, а этой, понимаешь, наглостью, цинизмомъ...

Братъ обрываетъ его:

— Ужъ если такъ тебѣ захотѣлось наглости и цинизма, то взялъ бы свинью изъ грязи и съѣлъ бы ее живьемъ! По крайней мѣрѣ дешево, а то — двѣ тысячи триста...

Нельзя не сознаться, что россійская изящная словесность послѣдняго времени, за рѣдкими исключеніями, совершенно уподобилась героинѣ «Тины», этой идеальной самкѣ свифтовыхъ іэху. Признаюсь, что, читая нѣкоторые современные дифирамбы однополой любви, я находилъ, предложенный Сокольскому братомъ, коррективъ со свиньею, въ самомъ дѣлѣ, едва ли не предпочтительнымъ. Самка іэху, героиня «Тины» и современная изящная (sit venia verbo!) словесность, всѣ три, берутъ не красотою, не умомъ, но наглостью и цинизмомъ. И прибавилъ бы я — спеціально для словесности: громкимъ звукомъ. Любитъ русскій человѣкъ громкій звукъ, и это одно изъ величайшихъ его несчастій. Если Тургеневу будетъ когда-нибудь воздвигнутъ всенародный памятникъ, на одной изъ стѣнокъ пьедестала непремѣнно должно быть вырѣзано огромными, предостерегающими буквами базаровское завѣщаніе: «О, другъ мой Аркадій Николаевичъ! не говори красиво!» Потому что предвидѣніе, что

красивое говореніе и громкій звукъ станутъ нашимъ національнымъ бѣдствіемъ,—одно изъ геніальнѣйшихъ у Тургенева.

Протесты противъ тиннаго цинизма и наглости заглушаются громкимъ звукомъ, какъ вопли младенцевъ, приносимыхъ въ жертву Молоху, заглушались громомъ жреческихъ трубъ. Лилитъ ѣдетъ верхомъ на разукрашенной свиньѣ... Ахъ, какой символъ! какъ интересно и глубоко! Фелисьенъ Ропсъ нарисовалъ бы на эту тему что-нибудь въ родѣ второй «Порнократіи!» Кентавры и Паны скачутъ вокругъ, Фальки кувыркаются, Каины аплодируютъ.

Тинный цинизмъ, наглость и—тинный разсчетъ. Я никогда не былъ ни prude, ни защитникомъ, ни даже извинителемъ pruderie, я не боюсь ни факта, ни слова, меня не смутятъ никакая унизительная картина, никакой человѣческій документъ, разъ ихъ требуетъ реальность, которою должна облечься творческая идея. Стендаль, Бальзакъ, Флоберъ, Зола, Мопассанъ, Достоевскій, когда надо было, смѣлою рукою писали изнасилователей, растлителей, кровосмѣсителей, педерастовъ, скотоложцевъ, сквернослововъ. И послѣдователи ихъ будутъ дѣлать то же самое, когда надо будетъ, и это не только не худо, но хорошо, необходимо, по праву. Больше того: они были бы не правы, перестали бы быть реалистами, если бы, встрѣтя на пути своемъ фактъ этой категоріи, замолчали и обошли его, какъ не существующій. Глупо и пошло требовать отъ писателя той невинности, которая краснѣетъ при видѣ жаренаго каплуна. Но и обратно—что же это за литература, если ею можно жаренаго каплуна вогнать въ краску?

Оставимъ, значитъ, въ сторонѣ реалистовъ, для которыхъ чувственность—такой же правоспособный объектъ къ физіологическому и психологическому изображенію, какъ всякое другое наблюденіе надъ человѣкомъ. Лилитъ,

ѣдущая верхомъ на свиньѣ, ненавидитъ правду ихъ, какъ злѣйшихъ своихъ враговъ — изобличителей, и отводитъ ихъ изъ состава присяжныхъ засѣдателей. Но бывали и еще изрѣдка бываютъ въ литературѣ чувственные вопли, которые вызываются совсѣмъ не цѣлями реалистическаго изображенія,—однако, необходимы и получаютъ право гражданства въ ней, потому что ими кричитъ преувеличенная страстность самихъ авторовъ, субъективная чувственность самого поэта превращается въ человѣческій документъ. Таковы Мюссе, Бодлэръ, Верлэнъ, Суинбернъ, нашъ Бальмонтъ, отчасти Леонидъ Андреевъ. Всѣхъ этихъ симпатичныхъ грѣшниковъ можно обвинять, въ чемъ хотите, только не въ тинномъ разсчетѣ потрафить на публику наглостью и цинизмомъ, портновски одѣтыми по модѣ въ красивый звукъ. Бальмонтовъ ли гимнъ торжествующей чувственности, андреевскій ли вопль чувственности страдающей,—они оправдываютъ себя тою искренностью красоты, которая дѣлаетъ цѣломудренною наготу мраморныхъ Венеръ, и при отсутствіи которой рисунокъ или статуэтка какой-нибудь амазонки, наглухо застегнутой и съ длиннѣйшимъ подоломъ, тѣмъ не менѣе, могутъ оказаться поганѣйшею порнографіей. Вспомните хотя бы поэта Бенедиктова, который умѣлъ такъ жестоко возмутить Бѣлинскаго своею «Матильдою съ плотнымъ усѣстомъ». У меня въ «Викторіи Павловнѣ» описанъ съ натуры фотографическій портретъ одной амазонки, внѣшне приличной съ маковки до пятъ. И — однако — смѣю увѣрить: никогда не видалъ я женскаго образа, болѣе выразительно расчитаннаго на то, чтобы всѣми линіями своими быть непристойнымъ и возбуждающимъ. Съ одной изъ московскихъ художественныхъ выставокъ былъ убранъ этюдъ «Кошка». Однако, эта небольшая картина, признанная порнографическою, производила, на первый взглядъ, впечатлѣніе очень скромнаго портрета: молодая женщина, а на плечѣ у нея сидитъ кошка. Но авторъ вложилъ въ

глаза обѣихъ такую выразительную одинаковость безстыдства, что картина, несомнѣнно, дѣйствовала на грубѣйшіе инстинкты зрителя и развращала глазѣющую толпу вреднѣе всякой nudité.

Нѣтъ, современная русская беллетристика, расторговывающаяся картинами чувственности, страдаетъ отнюдь не избыткомъ реализма, какъ стараются увѣрить, играя на оптическій обманъ показной и нарочной видимости, нѣкоторые критики-покровители. Напротивъ, именно реализма-то въ ней ни капли нѣтъ,—сплошная отсебятина и выдумка! И также больна эта беллетристика не чрезмѣрною страстностью изступленныхъ поэтовъ, а вотъ именно — бенедиктовскимъ холодомъ, разсчетливо подготовляющимъ тинныя снадобья для впавшихъ въ дѣтство старичковъ и для играющихъ въ старички младенцевъ. Сейчасъ, напримѣръ, въ модѣ миѳологическіе стихи. Бальмонтъ издалъ ихъ цѣлую книгу—«Жаръ-Птица»,—серьезный, талантливый трудъ, заслуживающій глубокаго вниманія, вызывающій на долгую и вглядчивую критику. Но Бальмонтъ не одинъ. Изъ-за спины его уже выглядываютъ миѳологи-стихотворцы съ какими-то, воистину фаллическими мозгами. Я прочиталъ два сборника поэта, который, кажется, въ модѣ, потому что даже вышла какая-то декадентская критика, отмѣривающая отъ Чехова (excusez du peu!) до появленія этого поэта цѣлый литературный періодъ. Именъ я далъ себѣ слово не называть, потому что изобличать порнографа, съ указаніемъ имени и произведенія, въ наше время значитъ доставлять ему Геростратову славу и рыночный хабаръ. Стихи лишены всякой оригинальности, потому что формы заимствованы у Бальмонта, а содержаніе рабски передаетъ, въ ритмѣ и рифмахъ, цитаты изъ знаменитыхъ когда-то, но тяжеловѣсныхъ, отсталыхъ, устарѣлыхъ и уже разрушенныхъ научною критикою, «Поэтическихъ воззрѣній

славянъ на природу» А. Н. Афанасьева [1]). Выборъ же повѣрій, обращенныхъ симъ «ликомъ творчества» въ стихи,—сплошь кентаврскій. Все, что бродило чувственными намеками въ темныхъ сказкахъ той многоземельной старины, когда у мужика-пахаря были еще зимній отдыхъ и досугъ, чтобы фантазировать, лежа съ бабой на палатяхъ, растолковано съ грубостью, захлебывающагося сладострастными представленіями, подростка, да еще съ прибавленіями отъ себя, не лестно рекомендующими воображеніе поэта. Мужикъ выдумалъ сальность, сказалъ ее коротко и грубо, словно плюнулъ, а интеллигентъ подсѣлъ къ плевку, размазалъ его, да еще своего подплевалъ. Нечистота вышла страшная, но отвѣтственнымъ родителемъ оной остается, по несправедливости поэтическаго подлога, какъ будто, все же не интеллигентъ, а мужикъ. Интеллигентъ мысленно онанируетъ, а выходитъ клевета на воображеніе народа. Другому «лику творчества», ударившемуся въ легенды античнаго міра, мало похабныхъ сказокъ Овидія, Апулея, александрійцевъ. Онъ совершенствуетъ ихъ по нравамъ и разговорамъ петербургскаго литературнаго трактира «Вѣна» или декадентскихъ редакцій, поетъ доисторическія противоестественности допотопныхъ мазохистокъ и ископаемый сафизмъ. Судите сами: въ какомъ состояніи мозги прекраснаго молодого человѣка, если, въ музеѣ мраморныхъ нимфъ, онъ блудливо припоминаетъ секретные французскіе романишки, чтобы потомъ подмѣнить въ своемъ воображеніи этими самыми, ничего подобнаго и не чаявшими никогда, нимфами «Дѣвицу Жиро и ея супругу».

Это уже не миѳологія, но миѳоложство.

Это—поэзія Лазаря изъ Joie de vivre, запирающагося

---

[1]) См. мой сборникъ «Современники», статья «К. Д. Бальмонтъ» (Москва, издательство Д. П. Ефимова).

въ своей комнатѣ, чтобы нюхать перчатку своей кузины и наслаждаться до самозабвенія головнымъ блудомъ, воображая себя въ разнообразнѣйшихъ любовныхъ отношеніяхъ, которыхъ дѣйствительность не можетъ ни доставить ему, ни даже вообще-то для кого-либо столь разнообразно осуществить. Это мысленный полетъ Моны Кассандры на брокенскій шабашъ, съ такимъ преувеличеннымъ тщаніемъ описанный въ интересномъ, хотя холодномъ и искусственномъ, романѣ Мережковскаго. Разница съ Кассандрами и Лазарями — не къ выгодѣ нашего вѣка — та, что тѣ злополучные отстрадывали болѣзни своей грязной мечтательности тайкомъ и взаперти, а современные кентавры и сатирессы выносятъ ихъ на торжище и, что позорнѣе всего, результаты эротическихъ бредовъ своихъ предлагаютъ прохожимъ по сходной цѣнѣ, какъ рыночный товаръ въ спросѣ. Сохраненіе невинности получается слабое, но капиталъ пріобрѣсти возможно. И пріобрѣтаютъ. И даже весьма. И Лилитъ хохочетъ, а свинья визжитъ, счастливая, что сбитые съ толка людишки, которые могли бы дѣло дѣлать и обществу полезнымъ быть, вмѣсто того, усиленно и самодовольно занимаются мозговою проституціей.

Минуты.

I.

— Не разберу я, Ліонель: то-ли народился новый вѣкъ, то-ли старый вѣкъ выжилъ изъ ума и впалъ въ младенчество?

Такъ говоритъ великій Андреа дель-Сарто въ чудесной драмѣ Альфреда де-Мюссе, когда нѣкто Чезаріо развязно намекаетъ ему:

— Маэстро, вы бы немножко модернировались?

Оторванный отъ зрѣлищъ русскаго искусства, я въ состояніи слѣдить за ними только литературнымъ путемъ. Книга за книгою, журналъ за журналомъ, статья за статьею, полемика за полемикою приходятъ ко мнѣ съ родины и—увы!—все сгущаютъ и сгущаютъ общее нерадостное впечатлѣніе:

— Или народился новый вѣкъ, или старый выжилъ изъ ума и впалъ въ младенчество!

И, признаюсь, вторая возможность горестно вѣроятнѣе къ выбору, чѣмъ первая. Новорожденность болѣе, чѣмъ сомнительна, младенчество—налично и упорно. Оно не обѣщаетъ ни отрочества, ни юности, ни зрѣлости. Это—статическое младенчество. Ребячество выжившей изъ ума старости, размягченіе общественнаго мозга, прогрессивный параличъ организма, необычайно счастливаго перспективою вернуться въ колыбель и, съ гремушкою въ рукахъ, издавать крики и лепеты, вмѣсто словъ, возвратить себѣ

райское упраздненіе стыда и, благословляя рецидивъ безграмотности, замѣнить чистописаніе мараніемъ пеленокъ. Этотъ странный вѣкъ-младенецъ—въ родѣ больного въ слѣпцовскомъ разсказѣ:

«Врачъ. Болѣзнь-то неинтересная!

«Жена больного. Ахъ, что вы говорите? Какого же вамъ еще интересу? Да вы поглядите на него, что онъ дѣлаетъ, такъ вы съ нимъ не разстанетесь.

«— Что̀ же онъ дѣлаетъ?

«Жена больного стала шептать что̀-то на ухо врачу; можно было разслушать только: «Сидитъ и размазываетъ... весь выпачкается»... Больной глядѣлъ на врача и самодовольно улыбался, какъ будто желая спросить: «Что, братъ? А ты какъ обо мнѣ думалъ?» Такъ что даже врачъ смутился»...

Смутиться есть отъ чего, ибо зрѣлище существа, счастливаго тѣмъ, что оно «выпачкалось», не весьма постижимо и еще менѣе лестно для человѣка въ трезвомъ умѣ и твердой памяти. И, въ такихъ плачевныхъ случаяхъ, разница между младенчествомъ натуральнымъ, по новорожденности, и младенчествомъ благопріобрѣтеннымъ, по прогрессивному параличу или размягченію мозга, характерно опредѣляется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящій младенецъ, выпачкавшись, плачетъ, покуда его не вымоютъ и не облекутъ въ чистыя пеленки, а младенчествующій идіотъ чрезвычайно собою доволенъ и ухмыляется:

— Что, братъ? А ты какъ обо мнѣ думалъ?

Манія нечистоплотности переплетается въ извѣстныхъ стадіяхъ старческаго слабоумія и прогрессивнаго паралича съ маніей величія. В. М. Дорошевичъ разсказывалъ мнѣ однажды, какъ умиралъ при немъ одинъ товарищъ-литераторъ, въ прогрессивномъ параличѣ. Въ болѣзненномъ, свинскомъ неряшествѣ, несчастный воображалъ себя, тѣмъ не менѣе, Богомъ, сотворшимъ небо и землю. И кон-

трасты воображенія съ дѣйствительностью надрывали сердце злыми насмѣшками. Потому что трагедія смѣшивалась съ карикатурою: и плакать хотѣлось около этого человѣка, и поминутно смѣшилъ онъ противъ воли Послѣднимъ житейскимъ актомъ несчастнаго было—что онъ плюнулъ на одѣяло, гордо посмотрѣлъ на окружающихъ, похвастался:

— Плюю виноградомъ!

И померъ...

Читая добрыя девять десятыхъ того матеріала, что доноситъ до меня—чернымъ по бѣлому—дыханіе русскаго литературнаго повѣтрія, я неизмѣнно чувствую себя у одра больныхъ, гордо увѣренныхъ, что они—боги, плюющіе виноградомъ, и вполнѣ тѣмъ счастливыхъ:

— Что, братъ? А ты какъ о насъ понималъ?

Я думаю, что ни одинъ вѣкъ не толковалъ такъ много о молодомъ искусствѣ, о новыхъ формахъ, о модернизаціи творчества, о художественныхъ реформахъ и «тому подобное», какъ приговариваетъ какой-то безразличный старичокъ въ какомъ-то безразличномъ водевилѣ. Никогда не было столь усерднаго и затѣйливаго фехтованія словами,—«passado! punto riverso! hai!»—безъ ударныхъ результатовъ. Никогда не устремлялось столько фантастическихъ экспедицій въ полярныя страны, въ центральную Африку и даже на луну и на Марсъ святого искусства, и никогда искусство не сидѣло такъ прочно на мели, лишь мѣняя на себѣ Лейфертовы костюмы да приговаривая:

— Ежели человѣкъ съ воображеніемъ, то и Седьмая Рождественская за полюсъ сойдетъ!

Седьмая Рождественская—за полюсъ, паралечная слюна—за виноградъ, размазываніе оной—за творчество.

Изъ искусства русскаго исчезли слова. Ихъ замѣнили лепеты и бормоты. Мысль ищетъ для выраженія своего нечленораздѣльныхъ звуковъ и хаотической безфор-

менности. Недавно, въ русскомъ отдѣлѣ венеціанской международной художественной выставки, я видѣлъ картину, называемую «Благовѣщеніе». Откуда-то сверху изъ-подъ рамы сыплется жидкимъ столбомъ блестящій канареечный дождь, а внизу у рамы же расплылось кругами лужистое пятно страннаго вишневаго цвѣта. Ни лицъ, ни фигуръ, ни линій,— непроизвольная пляска ошалѣвшихъ точекъ. Сихъ дѣлъ мастера увѣряютъ, однако, будто канареечный дождь— это архангелъ, а вишневое пятно—Богородица. Итальянцы хохочутъ, а русскіе туристы стыдливо потупляютъ очи свои: все-таки, компатріотъ... Но я увѣренъ: авторъ этого изумительнаго юродства въ краскахъ твердо убѣжденъ, что онъ «плюнулъ виноградомъ!» И видитъ злѣйшаго врага своего, злонамѣреннаго, даже подкупленнаго, въ фельдшерѣ или сидѣлкѣ, которые ворчатъ на божественный плевокъ, зачѣмъ портитъ хорошее одѣяло.

Читатель извинитъ меня, если я не назову имени господина, отличившагося этою странною мазнею. Вообще, съ нѣкотораго времени, я пришелъ къ твердому рѣшенію: сталкиваясь съ вызывающими, намѣренно разсчитанными на скандалъ и шумъ, безобразіями безконечно расплодившихся россійскихъ Геростратовъ, не давать имъ удовольствія полемической огласки и замалчивать ихъ имена. А то вѣдь вся подобная живопись, скульптура, литература сейчасъ именно тѣмъ разсчетцомъ и существуетъ:

— Удивлю критику свинствомъ своимъ, и сейчасъ же на меня сто перстовъ укажутъ: вотъ свинья! нѣтъ, вы посмотрите, какая свинья! И общество, волею неволею, должно будетъ посмотрѣть, гдѣ обрѣтается такая рѣдкостная свинья, и узнаетъ мѣстопребываніе мое и, по тайному свинству своему, раскупитъ мое явное свинство. И буду я свинья славная и богатая, и тогда мнѣ на всѣхъ и вся—въ высокой степени наплевать... даже не виноградомъ!

Думаю, что, если бы русскіе критики, публицисты,

фельетонисты согласились бичевать порнографическое направленіе, а не имена, имъ выдвинутыя, если бы они менѣе носились съ фамиліями авторовъ и названіями книгъ, посвященныхъ апоѳеозамъ однополой любви и прочихъ чувственныхъ «оргіазмовъ» времени нашего,— то постыдный рынокъ этотъ былъ бы гораздо бѣднѣе и средствами, и личностями, въ плутоватомъ юродствѣ или до жалости наивномъ самообольщеніи, гордящимися «любвей своихъ позоромъ».

— Что, братъ? А ты какъ о насъ понималъ?

Русская публика не успѣла еще башмаковъ износить съ тѣхъ поръ, какъ Аркашка Счастливцевъ заставлялъ ее заливаться хохотомъ какъ будто нравственнаго надъ нимъ превосходства.

— Да ты пьянъ, Аркашка?

— Что жъ, что пьянъ? Пьянъ и горжусь этимъ!

Еще бы не смѣшно! Этакое аморальное животное! Этакая безсознательность по обѣ стороны добра и зла!

Но—осмѣянный Аркашка не успѣлъ еще выйти за наши двери, а мы уже почтительно расшаркиваемся и сочувственно жмемъ руку: предъ нами едва стоитъ на ногахъ,—пьянѣе всѣхъ Аркашекъ вмѣстѣ взятыхъ,—идеальный г. Фалькъ идеальнаго г. Пшибышевскаго и трагически декламируетъ о своей роковой готовности на всевозможныя мерзости, какія только подскажетъ ему, залитой коньякомъ, тронутый бѣлою горячкою, мозгъ *). Мы брезгливо хохотали надъ мелкою пьяною подлостью безвреднаго Аркашки, но настоящій пьяный нахалъ и откровенно-циническій мерзавецъ сдѣлался идеаломъ и предметомъ восторженнаго подражанія. Фалькъ расползся въ русскомъ обществѣ сотнями, какъ удачно выразился недавно одинъ одесскій журналистъ, «фалькоидовъ». Трагическій Аркашка, Фалькъ—пьянъ и гордится этимъ,

*) См. *ниже* статью „Homo Sapiens“.

развратитель дѣвушекъ—и гордится этимъ. Но онъ вѣдь лишь первая пѣсенка, которую Герострати, плюющіе виноградомъ, зардѣвшись, пѣли. Съ тѣхъ поръ—какихъ только, какихъ Фальковъ мужского и женскаго пола мы не насмотрѣлись и какихъ гордыхъ признаній отъ нихъ не наслушались! Тысяча девятьсотъ седьмой годъ останется незабвеннымъ въ исторіи россійскаго безстыдства... Только и слышалось со страницъ эстетическихъ журналовъ:

— Да! Я—педерастъ и горжусь этимъ!

— Да! Я—лезбіянка! А вы какъ обо мнѣ думали?

Молодые, начинающіе писатели дѣлали «карьеру и фортуну» восторженными гимнами мерзостямъ, которыя не всякая хозяйка веселаго дома потерпитъ въ нѣдрахъ притона своего. Возвели на пьедесталъ дурака, одареннаго сверхъ-человѣческимъ половымъ могуществомъ. Неудержимый и безжалостный самецъ-насильникъ провозглашенъ былъ владыкою думъ. Дамы описывали, какъ онѣ исполнялись вожделѣній чуть ли не съ пятилѣтняго возраста, и признавались въ способности сладострастно трепетать даже при доеніи коровы, отъ прикосновенія къ вымени и сосцамъ... Воспѣвалось взапуски «обнаженіе» общества... Увы! увы! энтузіасты «обнаженія» не замѣчали, что, подъ видомъ «обнаженія», они достигаютъ совсѣмъ не истины, красиво выходящей изъ колодца, но лишь пакостничества, которое судебная медицина называетъ «экзибиціонизмомъ». Глупенькіе энтузіасты не замѣчали, а плуты—на то именно били.

Вчера я заглянулъ въ одинъ старый свой фельетонъ, напечатанный зимою 1906 года въ «Руси», съ которою я вскорѣ затѣмъ разстался. Въ фельетонѣ этомъ, высмѣивая порнографическій наплывъ, я далъ примѣрную программу пародіи для фантастическаго журнала «Тайны Алькова». Я помѣстилъ въ нее рядъ именъ и книгъ брюссельскаго рынка, которыя, какъ и самое названіе журнала-паро-

дiи, я почиталъ совершенно невозможными къ появленiю въ Россiи, потому что, и въ Парижѣ-то, вся эта пряная литература продается изъ-подъ полы, съ оглядкою, нѣтъ ли поблизости полицейскаго агента. Но—тогда цвѣли цвѣточки, а теперь вызрѣли ягодки. Вчера же въ рядѣ русскихъ газетъ нашелъ я объявленiя двухъ новыхъ журналовъ, обѣщающихъ будущимъ подписчикамъ своимъ такiя приманки, что моя «невозможная пародiя» оказалась предъ этою современностью—съ прилипшимъ къ гортани языкомъ, пристыженная бѣдностью воображенiя, оставленная далеко за флагомъ. Какiя ужъ тамъ «Тайны Алькова!» Все—наголо! Это ли еще не прогрессъ?

Какiе-то остатки тайной совѣсти не позволяютъ, покуда, русскимъ порнографамъ щеголять свинствомъ au naturel, какъ является литература эта на извѣстной гравюрѣ Фелисьена Ропса. Свинью облекаютъ въ мистическiя одежды, заволакиваютъ символическимъ туманомъ— и восторженно вопiютъ предъ нею:

— Глубоко! Глубоко!

Словно и не вѣсть какое счастье людямъ, что, на какую глубину ни запусти они руку внутрь себя, на всякой глубинѣ свинья въ нихъ обрящется: всегда, молъ, мы похрюкивали, въ какомъ возрастѣ себя ни припомнимъ!

Во всѣхъ перiодахъ и во всѣхъ краяхъ цивилизацiи мистицизмъ и распутство, половая прихоть и символическая вычурность шли рука объ руку. Изображать и воспѣвать добродѣтель символистъ умѣетъ, только побѣдоносно проведя ее чрезъ обстановку такихъ выдуманныхъ и противоестественныхъ мытарствъ порока, которыхъ реальная жизнь никогда не въ состоянiи соединить вмѣстѣ. Художники XV, XVI вѣка были люди очень благочестивые и почти сплошь мистическаго образа мыслей. Однако, когда она изображали искушенiя какихъ-нибудь святыхъ, то окружали этихъ несчастныхъ такою, съ позволенiя вашего сказать, похабщиною, что чорту, глядя, оставалось

только горевать заднимъ умомъ: жаль, я тогда не догадался! То же самое и теперь. Я очень счастливъ, когда въ мистической пьесѣ добродѣтель достигаетъ уготованнаго ей вѣнца,—именно потому, что даже опытность Вельзевула пасуетъ предъ арсеналомъ и комбинаціями порока, которыми хорошо начитанный символистъ атакуетъ, долженствующую торжествовать, добродѣтель. Ибо нѣтъ такого похабнаго средневѣковаго анекдота, выношеннаго озлобленіемъ плоти монашеской въ келейномъ одиночествѣ, который символисты не почли бы долгомъ своимъ разсказать публикѣ, со святошескими масками на лицахъ:

— Глубоко! Глубоко!

Для совершенной иллюзіи, болтовня эта прикрывается несноснымъ стилистическимъ кривляньемъ, искусственною простотою, хуже воровства, сюсюканьемъ и косноязычіемъ въ тонѣ тѣхъ временъ, когда языки западныхъ народовъ находились еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Рубленныя фразы, натянутые архаизмы. Когда изъ себя строитъ средневѣковаго ребеночка какой-нибудь Метерлинкъ, это еще куда ни шло. Во-первыхъ, онъ человѣкъ очень большого таланта и, хотя маскарадная, борьба его съ языкомъ, который онъ знаетъ въ совершенствѣ,—зрѣлище, чрезвычайно интересное для любителя. Во-вторыхъ, нѣтъ ничего противоестественнаго и никакой натяжки въ томъ, чтобы средневѣковая латинская, провансальская, фламандская сказка и разсказывалась публикѣ именно языкомъ средневѣковой латинской, провансальской, фламандской сказки. Но вѣдь у насъ-то такого языка нѣтъ. То есть, если хотите, онъ есть, но — кто же въ театрѣ не расхохотался бы, если бы въ какой-нибудь «Беатрисѣ» актеры вдругъ возглаголали слогомъ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ или Соломоніи Бѣсноватой? Между тѣмъ, по настоящему-то, если уже быть послѣдовательнымъ до конца, то мистическія пьесы Метерлинка, Д'Аннунціо, столь родственныя и подражательныя стилю

старыхъ романскихъ fabliaux, надо передавать, именно соотвѣтствующими хронологически и культурно, средствами русскихъ повѣстей XVI и XVII вѣка. Но, такъ какъ я не знаю болѣе вѣрнаго средства обратить пьесу въ пародію, то пришлось выдумать для мистической драматургіи новый, особый русскій языкъ, которымъ, кромѣ театровъ-модернъ, нигдѣ никто никогда не говорилъ, да, будемъ надѣяться, и не будетъ говорить. Настолько рѣшительнымъ и несимпатичнымъ шагомъ назадъ въ развитіи языка является эта блѣдная, анемичная, скудная проза рубленыхъ куцыхъ фразокъ, манерно претендующихъ на лаконизмъ, естественно необходимый состарѣвшимся языкамъ латинскаго корня, но до противности искусственный, вымученный и безцвѣтный въ русской рѣчи, съ ея молодыми богатствами, съ ея еще нетронутыми запасами этимологическихъ возможностей, съ ея почти неразработаннымъ синтаксисомъ. Отъ Тургенева, Толстого и Чехова русскій языкъ пятятъ къ упражненіямъ въ нѣмецкихъ переводахъ по системѣ Оллендорфа! Это все равно, что Мѣднаго Всадника пересадить съ звонкоскачущаго коня на щапинскую клячу. И вы думаете: эта мода—безъ послѣдствій? Загляните-ка уже не въ переводъ, а въ «Жизнь Человѣка» Леонида Андреева. Кажется, хорошо пишетъ авторъ «Губернатора», и нельзя упрекнуть его въ незнаніи русскаго языка? Ну, а гдѣ же, когда и кто говорилъ по-русски такимъ неестественно-тусклымъ, именно переводнымъ, «подъ иностранное» придуманнымъ, книжно-натянутымъ, словеснымъ лаемъ, какъ Старухи, Пьяницы, Гости и прочіе символическіе персонажи въ «Жизни Человѣка»? Я не говорю уже о десяткахъ мелкихъ подражателей, схватившихся за эту легкую литературную моду. Потому что — нельзя же: «можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ земля россійская рождать»! Какъ можетъ обойтись русскій литературный геній безъ своихъ собственныхъ Метерлинковъ, если ни одинъ русскій го-

родъ не стоитъ безъ «иностранца Федора Савельева, портного изъ Парижа, онъ же мадамъ»? Во всякой модѣ есть своя фальшь, но въ этомъ искаженіи и оглупленіи языка она особенно противна. Представьте себѣ богача, который, по модѣ, одѣвался бы опернымъ нищимъ, либо толстую, здоровенную бабищу, лѣтъ сорока пяти, которая носитъ платье по покрою пятилѣтняго bébé, сюсюкаетъ, картавитъ,—«она пошла», «Юля хочетъ», «Юля будетъ плакать». Такъ же досадны и постыдны всѣ эти недомолвочные лепеты и сюсюканья крашеныхъ наивностей россійскаго модернизма.

Въ книгѣ—искусственное дѣтство языка, подмѣнъ Тургенева, Чехова, Толстого переводами по методу Оллендорфа. Въ театрѣ—искусственное дѣтство тона, жеста, декорацій. Подмѣна Венеры Милосской размалеванною каменною куклою. Живопись—такъ чуть не раньше Джіотто. Скульптура—такъ до Николо Пизано. Читаю рецензіи о русскомъ театрѣ—и только диву даюсь могуществу моды, широкому ея захвату и торжеству. Старая, умная актриса, заслуженная представительница идеологической сцены, создавшая цѣлый рядъ почти публицистическихъ ролей, вдругъ, на пятомъ десяткѣ лѣтъ открываетъ, что она была рождена для кукольнаго театра, и весь недюжинный талантъ свой укладываетъ въ задачу—какъ можно болѣе походить на маріонетку. Декоративный мотивъ никуда не годится и бракуется, если онъ не взятъ съ лубочной картинки. Режиссеры изъ нестроевой театральной роты, одною фигурою своею наводящіе уныніе на фронтъ, какимъ-то гипнозомъ становятся владыками сцены, водятъ за носъ артистовъ и дурачатъ публику таинствами «стилизаціи». Все по-дѣтски и... все «о дѣточкахъ-съ!!!» Дѣтскія пьесы въ стилизованномъ дѣтскомъ исполненіи... Но, когда старческое младенчество воображаетъ себѣ дѣтство, то вдругъ какъ-то оказывается, что главная суть дѣтства заключается въ «пробужденіи пола»: когда въ человѣкѣ

впервые хрюкнула свинья. Мальчикъ интересенъ, поскольку онъ преданъ тайнымъ порокамъ и «пристаетъ» къ дѣвочкѣ, дѣвочка—поскольку она способна забеременѣть въ 13 лѣтъ... «Дѣтство» изъ секретныхъ отдѣленій паноптикума! Ужъ именно, что:

— Какого же вамъ еще интересу? Да вы поглядите на него, что онъ дѣлаетъ, такъ вы съ нимъ не разстанетесь...

Ну—и не разстаются!

Я увѣренъ, что Федоръ Павловичъ Карамазовъ въ настоящее время сдѣлался неутомимымъ театраломъ, и Аркадій Ивановичъ Свидригайловъ также перекочевали изъ оперетки въ драму и «изволили» взять абонементъ...

II.

Пресловутая пьеса Ѳ. Соллогуба о романѣ папеньки съ дочкою напомнила мнѣ старину, не очень давнюю.

Молодому поколѣнію литераторовъ и артистовъ античное имя московскаго Артистическаго Кружка не говоритъ ничего. А, между тѣмъ, отсюда нѣкогда вышла свобода частной антрепризы въ столицахъ, тамъ зачалось общество русскихъ драматическихъ писателей и композиторовъ и возросло цѣлое поколѣніе передовыхъ сценическихъ дѣятелей, теперь въ большинствѣ уже сошедшихъ въ могилы. Періодъ славы и процвѣтанія Артистическаго Кружка падаетъ на семидесятые годы прошлаго вѣка. Мы, восьмидесятники, застали уже его упадокъ, вѣрнѣе даже—агонію. Когда-то славный Кружокъ былъ вытѣсненъ изъ своего прежняго роскошнаго помѣщенія на Театральной площади (теперь на этомъ мѣстѣ Новый Театръ) куда-то въ Каретный рядъ и влачилъ жалкое захолустное существованіе. Самыми частыми гостями Кружка были теперь судебные пристава съ исполнительными листами. Чтобы

какъ-нибудь оправдывать расходы. Кружокъ махнувъ рукою на славныя традиціи, сдавалъ спектакли свои любому, кто набѣжитъ.

И вотъ однажды, какимъ-то чудомъ попавъ въ это унылое учрежденіе,—туда попадали уже не иначе, какъ чудомъ,—я былъ свидѣтелемъ, какъ нѣкто Эльснеръ изображалъ Гамлета.

Л. Н. Толстой можетъ, сколько ему угодно, «развѣнчивать» Шекспира, но,—уже въ нѣкоторомъ родѣ спускаясь въ долину дней и оглядываясь на добрыя тридцать лѣтъ общенія съ искусствомъ и людьми его,—я могу съ убѣжденіемъ сказать одно: нѣтъ въ литературѣ подлуннаго міра другого автора, который былъ бы способенъ, не то, что въ равной съ Шекспиромъ, но даже въ близкой къ нему степени, сдѣлаться страстью человѣка, его болѣзнью, его маніей. Въ Россіи эпидемія шекспироманіи особенно сильна и прочна. Обыкновенно говорятъ, что виноваты въ томъ тѣнь Мочалова и статьи Бѣлинскаго. Но это невѣрно. Одинъ изъ первыхъ шекспирómановъ, изображенныхъ въ русской художественной литературѣ, студентъ Иволгинъ въ «Тысячѣ Душъ» Писемскаго, даже не видалъ никогда Мочалова и дурного о немъ мнѣнія по слухамъ,—стало быть, Бѣлинскому не повѣрилъ. И —однако:

— Пускай отецъ, какъ говоритъ, лишитъ меня благословенія и стотысячнаго наслѣдства: меня это не остановитъ, если только мнѣ удастся сдѣлать изъ Гамлета то, что̀ я думаю.

Иволгинъ остался вѣчнымъ типомъ въ русскомъ искусствѣ. Давалъ онъ удачниковъ, давалъ, конечно, еще больше неудачниковъ. Но безъ мѣстнаго Иволгина у насъ въ Россіи рѣдкій городъ стоитъ, и врядъ ли есть театръ, въ лѣтописяхъ котораго не осталось бы такого Иволгина или нѣтъ его на-лицо. Нѣкоторые изъ русскихъ Иволгиныхъ современемъ отстаютъ отъ актер-

ской карьеры, но благородная страсть къ Шекспиру неистребима въ нихъ, какъ Зничъ какой-то, и связываетъ ихъ съ искусствомъ узами неразрывными. Какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ русскаго фанатизма къ Шекспиру, я назову А. Н. Кремлева. Надѣюсь за это упоминаніе А. Н. на меня не посѣтуетъ, ибо въ томъ, какъ фабричные говорятъ, «нѣтъ ничего дурного, окромя хорошаго». Этотъ талантливый человѣкъ пожертвовалъ Шекспиру всѣми карьерами буржуазнаго жизнеустройства, на которыя давали ему право фамильная традиція и разностороннее образованіе, прошелъ къ Шекспиру— и впрямь только что не иволгинскимъ путемъ, десятилѣтіями претерпѣвалъ изъ-за Шекспира безжалостные бичи и скорпіоны, мучительно слушалъ «судъ глупца и смѣхъ толпы холодной», перенесъ несчетныя пытки оскорбительныхъ препонъ и разочарованій, въ томъ числѣ даже долженъ былъ лишиться счастья сцены. И, однако, пятый десятокъ лѣтъ своихъ Кремлевъ кончаетъ, столько же вѣрный и пламенный къ богу своему, какъ четверть вѣка назадъ, когда своимъ культомъ Шекспира онъ приводилъ въ отчаяніе казанскихъ интеллигентныхъ буржуа и проповѣдовалъ лѣтосчисленіе отъ рожденія великаго Вильяма. Другой типическій Иволгинъ русскаго театра, еще болѣе Кремлева упорный въ томъ отношеніи, что выдержалъ-таки характеръ остаться шекспировскимъ актеромъ,— Н. П. Россовъ, въ послѣдніе годы начавшій писать о театрѣ. И нельзя не признать, что статьи природныхъ шекспиристовъ объ искусствѣ всегда бываютъ изъ интереснѣйшихъ въ этой области, потому что ихъ вдохновляетъ настоящая страсть, искренняя ревность о богѣ своемъ. Кромѣ того, никто, болѣе Шекспира, не развиваетъ художественнаго интеллекта, не заставляетъ, ради эстетической и психологической комментировки, столько читать и видѣть, не толкаетъ такъ энергически къ самообразованію и самовниканію. Да! Л. Н. Толстой — великій пи-

сатель, но на Шекспира онъ набросился совсѣмъ не по великому и недаромъ потерпѣлъ въ напрасномъ бою такой жестокій уронъ и фiаско. Когда я услышу, что какая-нибудь роль другого автора стала для юноши вопросомъ жизни и смерти, какъ роль Гамлета для Россова, или что мировой судья вышелъ въ отставку, потому что ему не позволили держать въ камерѣ портретъ другого поэта, какъ, говорятъ, вышелъ въ отставку изъ-за подобнаго случая съ портретомъ Шекспира Кремлевъ,— лишь тогда я повѣрю, что у Шекспира есть соперникъ въ обаяніи человѣчества и уловленіи душъ. А въ юности своей зналъ я поэтическаго тульскаго попа, котораго мужики дразнили «Попъ Якуба», хотя онъ былъ отецъ Мелетій *). Подвыпивъ, онъ чудесно игралъ на скрипкѣ старинные полонезы Огинскаго, а, достаточно взвинтивъ себя ихъ меланхолическими звуками, усаживался на крыльцо своего домика и взывалъ на все село:

Изъ-за Гекубы!
Что ему Гекуба?
Что онъ Гекубѣ?

У этого чудака-попа въ поминаньѣ были записаны бояринъ Георгій Гордѣй (Байронъ) и бояринъ Александръ (Пушкинъ) въ дни трагическихъ кончинъ своихъ, а «иновѣрецъ агличинъ Василій» предназначался къ поминовенію во всѣ дни. Попа Якубу, по доносу, таскали за то въ консисторію, но онъ право свое молиться за упокой шекспировой души отстоялъ геройски.

— Ну, а если бы запретили?

— Не уступилъ бы,—хоть рясу снять!

Гдѣ-то онъ теперь, милѣйшій Якуба? Пожалуй, что

---

*) См. въ 3-мъ изданіи моего сборника „Сказочныя Были" разсказъ „Деревенскій Гипнотизмъ". Тамъ о. Мелетій выведенъ подъ именемъ о. Аркадія. (СПБ., изд. товарищества „Общественная Польза").

ужъ и въ могилкѣ, потому что и тогда былъ не молодъ, да и жестоко запивалъ...

Такъ вотъ что значитъ Шекспиръ у насъ, въ интеллигенціи русской. И вотъ ты съ нимъ тутъ и состязайся...

А прочтите въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» лѣтопись покойнаго «Шекспировскаго кружка», написанную Венкстерномъ, котораго когда-то первопрестольная не только противопоставляла Росси, Поссарту, Барнаю, А. П. Ленскому, но даже находила, что «Венкстернъ умѣетъ всѣхъ лучше». Вы увидите, что Кремлевъ, Россовъ — не случайности на Руси, что шекспироманія—у русской интеллигенціи въ крови, это—ея эндемія. Фигуры С. А. Юрьева, Л. И. Поливанова, Венкстерна, И. И. Лаврова, Лопатиныхъ, Стороженко и т. д.—не только типическія для нея, онѣ — національны. Простите за вульгарное сравненіе, но, какъ альпійскому мужику въ Оберландѣ природа привязываетъ зобъ на шею, такъ—въ дореволюціонной Россіи, до Маркса и Нитцше, культура привязывала интеллигенту либо шекспиризмъ, либо дарвинизмъ. То и другое—въ большей или меньшей степени, глядя по темпераменту, но—безъ сильныхъ или слабыхъ признаковъ одного изъ двухъ, либо безъ ихъ промежуточнаго и примирительнаго компромисса,—интеллигентовъ было мало.

Кремлевъ, Россовъ—это сливки шекспироманіи, это ея удачники,—тѣ, кому путемъ ея удалось пройти къ культурному дѣлу, кто успѣлъ ею стать полезенъ и себѣ, и людямъ. Но въ нѣдрахъ и низшихъ слояхъ этой эндеміи что́ погибло Иволгиныхъ, неудачниковъ, «шекспировъ несчастныхъ», какъ звалъ ихъ, съ маленькою буквою, покойный актеръ и антрепенеръ, циникъ Форкатти! Тотъ Эльснеръ, котораго назвалъ я выше, принадлежалъ къ этому, гибели обреченному, Панургову стаду. Былъ онъ, какъ водится, изъ хорошаго общества, офицеръ, бѣднякъ — и всѣмъ су-

ществомъ своимъ—«шекспиръ несчастный». Сколькихъ мученій и испытаній стоила Эльснеру его шекспироманія, достаточно обличаетъ уже тотъ фактъ, что, въ концѣ концовъ, очутился онъ съ «Гамлетомъ» своимъ въ такой дырѣ, какъ умирающій Артистическій Кружокъ. Пришлось ему играть, принявъ, конечно, спектакль на свой счетъ, предъ шестидесятью зрителями, въ возмутительнѣйшей обстановкѣ, собранной съ бора до сосенки, окруженному случайными любителями или статистами за актеровъ, нанятыми въ трактирѣ «Ливорно», въ костюмахъ изъ табачной лавочки пополамъ съ бюро похоронныхъ процессій. Надо фанатически вѣрить въ могущество своего призванія и въ необходимость своего исполненія, надо въ самомъ дѣлѣ чувствовать внутри себя какое-то новое слово, которое жжетъ и мучительно рвется наружу, безъ вопля которымъ жить нельзя,—чтобы пойти на рискъ—выступить, при подобныхъ условіяхъ, на сценическихъ подмосткахъ, да еще въ «Гамлетѣ». Эльснеръ походилъ на Гамлета не больше, чѣмъ самъ Гамлетъ на Геркулеса, однако, читалъ, хотя диллетантски, но очень неглупо, чувствовалъ мысль и фразу, любилъ роль всею душою и всѣмъ тѣломъ своимъ. Словомъ, въ другой обстановкѣ, онъ былъ бы не хуже, если не лучше, многихъ присяжныхъ актеровъ, хвастающихъ о Гамлетѣ:

— Моя коронная роль.

Но—кто бы ни появлялся на сценѣ: Гораціо, Марцелло, король, королева, Полоній,—публика умирала со смѣха: такой это былъ сбродъ! А въ чужомъ пиру похмѣлье принималъ на себя злополучный Гамлетъ. И, какъ бываетъ среди недобросовѣстныхъ и равнодушныхъ комедіантовъ-наемниковъ, они, замѣтивъ, что безстыжее несоотвѣтствіе ихъ ролямъ смѣшитъ добродушно настроенную публику, принялись безобразничать уже нарочно, откалывая гадкія водевильныя колѣнца. Гамлетъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, кусалъ губы, сжималъ кулаки, но—

игралъ. Однако, приспѣлъ часъ лопнуть и его долготерпѣнію.

Вышла на сцену Тѣнь. Я не могу описать вамъ этой Тѣни, потому что—смѣю сказать: я, хотя видѣлъ, но не видалъ ея. Я не знаю даже, что именно было такъ позорно въ ея костюмѣ и гримѣ. Но—едва она мелькнула передъ глазами моими, я уже лежалъ лицомъ на спинкѣ стула въ переднемъ ряду и колотился лбомъ, потрясаемый самымъ дикимъ и властнымъ смѣхомъ, какой когда-либо посылала мнѣ судьба,—въ сознаніи, что ничего глупѣе, пошлѣе, наглѣе, подлѣе, гнуснѣе, нелѣпѣе я никогда еще не видалъ и врядъ ли когда-либо что увижу. По задыхающемуся реву хохота въ залѣ, я слышалъ, что немногочисленные сосѣди мои переживаютъ тѣ же впечатлѣнія. А затѣмъ со сцены зазвучалъ нижеслѣдующій разговоръ, не предвидѣнный Шекспиромъ:

Гамлетъ. Уйдите!

Тѣнь. Чего?

Гамлетъ. Я приказываю вамъ: уйдите.

Тѣнь. Зачѣмъ?

Гамлетъ. Я не могу съ вами играть. (*Къ публикѣ*). Господа. Извините, но вы сами видите, что я не могу играть съ такою Тѣнью. (*Къ Тѣни*) Вы... вы не Тѣнь, а чучело!

Тѣнь. Сами-то вы чучело!!!...

Занавѣсъ не упалъ, а рухнулъ, и спектакль кончился.

Эльснеръ нѣсколько дней былъ притчею во языцѣхъ Москвы. Я увѣренъ, что, если бы онъ повторилъ «Гамлета», то сдѣлалъ бы рядъ полныхъ сборовъ. Но «шекспиръ несчастный» былъ закваски Геннадія Демьяновича Несчастливцева:

— Забавлять-то тебя? Шутовъ заведи!

Кажется, тѣмъ и «свершился путь Отелло»: по крайней мѣрѣ, я больше никогда уже не слыхалъ объ Эльснерѣ, какъ объ актерѣ.

Но онъ писалъ пьесы. И престранныя. Одна изъ нихъ, не помню, или была въ моихъ рукахъ, или читалъ мнѣ ее кто-то изъ товарищей-журналистовъ: вѣдь, слишкомъ двадцать лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ времени, о которомъ я разсказываю. Но пьесу я — какъ будто только вчера читалъ, настолько, въ несложности своей, она ярка и незабвенна.

Начать съ того, что въ ней было 24 дѣйствія. Уже это обстоятельство не совсѣмъ обыкновенно.

* * *

Дѣйствіе I. Номеръ гостиницы въ губернскомъ городѣ. Входитъ проѣзжающій, за нимъ корридорный съ вещами.

Проѣзжающій. Этотъ номеръ мнѣ нравится. Я остаюсь здѣсь.

Корридорный. Слушаю-съ. Долго изволите пробыть?

Проѣзжающій. Я пріѣхалъ, чтобы присутствовать на торжественномъ актѣ въ институтѣ, гдѣ воспитывается моя дочь, которой я никогда не видалъ.

Корридорный. Это, стало быть, завтра-съ. Доброе дѣло. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Проѣзжающій. Скучно... Чѣмъ бы заняться? Га! (*звонитъ. Входящему корридорному*). Человѣкъ... есть у васъ дѣвки?

Корридорный. Сколько угодно-съ.

Пріѣзжающій. Приведи мнѣ дѣвку.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе II. Тотъ же номеръ. Въ выходной двери исчезаетъ юбка поспѣшно скрывающейся женщины.

Проѣзжающій. Однако, она была дѣвушка. Она оставила мнѣ на память свою сорочку. Спрячу. Въ сущности, гнусно съ моей стороны. Какіе подлецы всѣ мы, мужчины.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе III. Торжественный актъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Много публики. Проѣзжающій во фракѣ и при орденахъ.

Директрисса института. Золотой медали удостоена воспитанница...

Проѣзжающій. Что я вижу?! Она!

Директрисса института. Дѣвица Имярекова.

Проѣзжающій. Какъ?

Сосѣдъ. Дѣвица Имярекова.

Проѣзжающій. Что? Имярекова? Не можетъ быть! (*дико хохочетъ*). Моя дочь.

Дѣвица Имярекова вглядѣлась въ Проѣзжающаго, узнала... вскрикнула... упала въ обморокъ...

Всѣ. Успокойтесь! Успокойтесь!

Проѣзжающій. Молчите! Вы всѣ ничего не понимаете! Одинъ я понимаю! Это моя дочь! Ха-ха-ха! Это—моя дочь! (*Вынимаетъ изъ кармана женскую сорочку и машетъ ею, среди всеобщаго ужаса и недоумѣнія*).

Занавѣсъ.

Отъ передачи дальнѣйшихъ актовъ избавляю читателя, такъ какъ четвертый происходитъ уже въ домѣ для умалишенныхъ.

Такъ что—видите ли: ничто не ново подъ луною! Америку до Колумба открыли какіе-то норвежскіе викинги, а любовною драмою между родителемъ и дщерью Ѳ. Соллогуба упредилъ Эльснеръ. Впрочемъ, и Писемскій въ «Бывыхъ Соколахъ». Впрочемъ, и какой-то предшественникъ Шекспира въ «Периклѣ», и Альфіери въ

«Миррѣ», и Шелли въ «Беатриче Ченчи»... Разница предшественниковъ г. Соллогуба съ самимъ г. Соллогубомъ сводится лишь къ тому незначительному условію, что тѣ порицали, а онъ одобряетъ. Анекдотъ наоборотъ: маленькую ошибку давалъ—вмѣсто караула, ура кричалъ!

А читалъ я недавно «Тяжелые Сны» и «Мелкаго Бѣса» того же самаго г. Соллогуба. Какой большой беллетристическій талантъ заключенъ въ этомъ писателѣ, когда онъ работаетъ безъ стремленія вящше изломиться во имя вкуса модернъ, и какъ хорошо и глубоко знаетъ онъ провинцію, въ которой развиваетъ дѣйствіе своихъ романовъ! Вотъ все говорятъ: бытъ умеръ. Фраза — логически безсмысленная, потому что бытъ не можетъ умереть, покуда существуетъ хоть какая-нибудь форма общества человѣческаго. А—что театральный интересъ къ русскому быту временно заслонился нѣкоторыми теченіями индивидуалистической моды, это—облако на лунѣ. Облака пройдутъ, но луны отъ земли никуда не отставишь, она вѣчно будетъ кружиться въ компаніи съ планетою нашею. Какой символизмъ и индивидуализмъ ни разводи, но — разъ хочешь остаться во времени и пространствѣ, бытовой фонъ-то написать надо. Правда, пишутся теперь пьесы, повѣшенныя въ воздухѣ, безъ всякаго реальнаго гвоздика («Жизнь Человѣка») *).За то

*) Съ тѣхъ поръ, какъ писана была и печаталась эта статья, появился на свѣтъ еще болѣе плачевный примѣръ такихъ пьесъ,—къ сожалѣнію, той же талантливой руки: «Царь-Голодъ». Л. Н. Андреевъ—очень большой природный талантъ. Но я никакъ не могу понять, что за охота этой крупной силѣ размѣнивать богатства свои на вторичныя, третичныя и т. д. открытія Америкъ, изобрѣтенія пороха, компаса, солнечныхъ часовъ и прочихъ небезызвѣстныхъ человѣчеству предметовъ? Почему бы, взамѣнъ всѣхъ этихъ трудныхъ и напрасныхъ упражненій,—просто—не почитать кое-чего, заготовленнаго, въ цѣляхъ самообразованія, предшествующими поколѣніями для настоящихъ и послѣдующихъ? Вѣдь, право же, не лишнее знать исторію, когда говоришь о фактахъ, географію, когда претендуешь на землеописаніе, карту звѣзднаго неба, когда толкуешь объ астрономіи. Андреевъ же, въ произведеніяхъ своихъ, то и дѣло сбивается на

онѣ и живутъ не сами собою, но эпохою романтическихъ восклицаній, и творчество ихъ не живая образность, но лишь упражненія въ восклицаніяхъ. Совсѣмъ не умеръ бытъ, а развѣ что—географически перемѣстился. У насъ исторически сужено представленіе о бытовомъ творчествѣ, оттого и говорятъ о мнимой его смерти. Какъ бытъ, то, значитъ,—Островскій, Писемскій, Потѣхинъ, народники, «Власть тьмы» и т. д. Великорусскій бытъ сейчасъ, дѣйствительно, обрѣтается въ большомъ умаленіи, потому что интеллигентный обыватель великорусской провинціи дѣлаетъ политику, а не пишетъ. Если же и пишетъ, то не бытовыя обобщенія, но письма въ редакцію: «и вотъ еще примѣръ турецкаго звѣрства!» Пишутъ сейчасъ Петербургъ и югъ. Понятно, что тутъ неоткуда взяться великорусскому быту. Но развѣ у Айзмана, Юшкевича, Шолома Аша и др. нѣтъ своего быта? Тогда ихъ прекрасныя, всѣхъ интересующія, пьесы обратились бы въ сплошную публицистику à la Бріэ, любопытную лишь для тѣхъ, кого волнуетъ и жжетъ еврейскій вопросъ. Безъ бытовыхъ фигуръ, ихъ художеству было бы мѣсто не на сценѣ, а на трибунѣ. Нѣтъ, не умеръ бытъ, а, просто, каждый пишетъ то бытовое, что онъ знаетъ и что близко ему, и у новаго писательства—новый и бытъ. Бытъ же великорусской провинціи использованъ большими мастерами настолько глубоко, что поверхностное наблюденіе слабаго таланта уже не можетъ сказать много новаго. Въ особенности—послѣ чеховской детальной разработки. Совершенно непочатый уголъ—духовенство, но между нимъ и сценою стоитъ стѣною цензура. Такъ

щедринскаго Пафнутьева, который—„по незнанію географіи и исторіи"—чуть было не усналъ „къ чортовой матери" даже Ноя съ птицами и звѣрьми его. Оттого именно—нельзя не сознаться съ грустью—соціальныя трагедіи г. Андреева такъ часто и непроизвольно сбиваются на трагикомедіи и такъ легко поддаются пародіи.

Ал. Ам—въ.

что драматургъ-бытовичекъ великорусскій непремѣнно тянется по слѣдамъ Островскаго, Писемскаго, Потѣхина, Льва Толстого, въ скучномъ и утомительномъ ученичествѣ. Онъ не можетъ иначе, потому что плохо знаетъ и поверхностно понимаетъ бытъ. А вотъ — если бы г. Соллогубъ, вмѣсто неистово кровосмѣсительныхъ курьезовъ и небылицъ въ лицахъ, написалъ для сцены жизнь уѣзднаго города, какъ она изображена въ «Мелкомъ Бѣсѣ», то мы получили бы бытовую пьесу, способную сдѣлать эпоху въ русскомъ театрѣ. Потому что въ этомъ великолѣпномъ романѣ,—за исключеніемъ невѣроятныхъ и съ начала до конца придуманныхъ въ угоду блудному воображенію взяточника-модернизма, декадентскихъ дѣвицъ, — что ни фигура, то дышитъ жизнью, достойною красокъ Гоголя и лѣпки Достоевскаго. И—всѣхъ хоть цѣликомъ бери на сцену. Кончая читать романъ Соллогуба, я даже искренне сожалѣлъ автора, по предчувствію:

— Охъ, не извиться этому «Мелкому Бѣсу» настолько счастливо, чтобы какой-нибудь досужій мастакъ не передѣлалъ его въ представленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ очень великъ соблазнъ для драматургическихъ дѣлъ закройщика: и бытъ, и настроеніе, и мистика, и сладострастіе, и—кого изъ дѣйствующихъ лицъ ни возьми,— «ролька-съ». И еще какія рольки-то-съ! За Людмилу въ кровь передерутся всѣ сорокалѣтнія ingénues со стилизаціей. За Марту—инженюшки безъ стилизаціи. Да ежели изъ гимназиста Саши сдѣлать этакую фигурку-травести, да Варвару оставить во всей ея неприкосновенности бытовой халды, да Ежиха—Стрѣльская, да Овечкинъ—Кондратій Яковлевъ... ай ай-ай, какъ пьеска-то расходится! самое меньшее—на десять полныхъ сборовъ! А въ центрѣ, какъ дубъ опорный и корень успѣха, — психопатъ Передоновъ... настоящій, гастрольный психопатъ!—всю Россію съ нимъ можно объѣхать и даже въ Европу и въ Америку заглянуть по

орленевскимъ слѣдамъ. Эффектамъ конца нѣтъ: и нагишомъ раздѣваются для діонисовыхъ игръ, и галлюцинаціи, и маскарадъ, и пожаръ въ клубѣ, и убійство для финала... Нѣтъ, десяти сборовъ мало: накинь до двадцати, а то и всѣ три десятка!

Отъ души желаю г. Соллогубу избѣжать перелицовочнаго застѣнка, потому что написалъ онъ вещь крупную, полную глубокой правды и сильной мысли. Въ высшей степени было бы жаль, если бы стройная причудливость «Мелкаго Бѣса» должна была съежиться въ діалогическія схемы, въ родѣ хотя бы тѣхъ, которыя теперь завладѣли вниманіемъ русской театральной публики, подъ именемъ четырехъ главныхъ романовъ Достоевскаго: «Преступленіе и Наказаніе», «Идіотъ», «Братья Карамазовы», «Бѣсы». Какое несчастіе и позоръ для театра русскаго эта передѣлочная манія! какое униженіе интеллекта публики! какой жалкій и оскорбительный подмѣнъ художественно-философской мысли внѣшнею зрѣлищною схемою!

Homo Sapiens.

Г. Пшибышевскій для значительной части русской и польской молодежи—имя очень большое и авторитетное. Это не удивительно, потому что онъ несомнѣнно талантливъ и умѣетъ хорошо и красиво говорить слова громкія и страстныя, стоя въ позахъ эффектныхъ и грозно-романтическихъ. «Homo Sapiens», по отзывамъ поклонниковъ г. Пшибышевскаго, есть какъ бы его евангеліе жизни, а герой его, пресловутый Фалькъ,— геніальный сверхчеловѣкъ, идеалъ къ достиженію, предложенный слабымъ смертнымъ: могій вмѣстити да вмѣститъ... Съ другой стороны, у г. Пшибышевскаго имѣются антагонисты, утверждающіе, будто «Homo Sapiens» — произведеніе глубоко безнравственное, а Фалькъ—просто мерзавецъ, одержимый сатиріазисомъ въ острой формѣ и насилующій женщинъ при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ. Авторъ же—человѣкъ дурной морали, ибо очень доволенъ своимъ героемъ и пытается его поступки гнусные оправдать своими рѣчами искусными.

Я долженъ сознаться искренно, что не могу раздѣлить ни перваго взгляда, ни второго. О г. Фалькѣ, требующемъ серьезнаго вниманія, потому что подражать ему нравится многимъ, я скажу два слова ниже. А покуда—о безнравственности романа. Это послѣднее обвиненіе—совершеннѣйшая клевета. Напротивъ, мое конечное впечатлѣніе—что г. Пшибышевскому удалось создать,—хотя бы и нечаянно,—одинъ изъ самыхъ высоконравственныхъ образцовъ дидактической беллетристики. И настолько въ

совершенствѣ, что «Homo Sapiens» слѣдовало бы включить въ библіотеки обществъ трезвости и продавать на ларяхъ вмѣстѣ съ поучительными брошюрами о «Первомъ Винокурѣ» и— «Сердце пьяницы есть жилище сатаны». Оставимъ ницщеанцамъ доказывать, что «Homo Sapiens» есть евангеліе сверхчеловѣчества, оставимъ пуристамъ-староверамъ вопіять, что «Homo Sapiens» есть апоѳеозъ бездѣльничества и обнаглѣвшаго въ лѣни свинства. И въ ту, и въ другую сторону можно построить много болѣе или менѣе убѣдительныхъ силлогизмовъ. Но не будемъ состязаться о спорномъ, остановимся на несомнѣнномъ: оснуемся на предлагаемой романомъ почвѣ осязательной, твердой и практической, станемъ на точку здраваго смысла. Тогда, равно отрѣшившись отъ миражей сверхчеловѣчества и отъ миражей торжествующаго свинства, мы сразу увидимъ, скрытую авторомъ въ символическихъ цвѣтахъ краснорѣчія, прикладную цѣль романа. «Homo Sapiens» г. Станислава Пшибышевскаго есть произведеніе антиалкоголическое и преслѣдуетъ совершенно тѣ же задачи и по тому же воспитательному методу, какъ спартанскіе педагоги показывали юношеству пьяныхъ илотовъ:

— Другой мой! удивляйся, но не подражай!

Можетъ показаться легкомысленнымъ и самонадѣяннымъ мое обѣщаніе отдѣлаться отъ сложной натуры Фалька «двумя словами ниже». Но дѣло въ томъ, что г. Фалькъ поставленъ авторомъ въ романѣ такъ странно, что не можетъ быть характеризованъ ни въ качествѣ сложной, ни въ качествѣ простой натуры. Всякая характеристика Фалька по роману «Homo Sapiens» незаконна и подлежитъ опротестованію. Несправедливо судить Фалька въ совершаемыхъ имъ дѣяніяхъ и произносимыхъ словахъ, ибо на 416 страницахъ романа онъ ни разу не является читателю въ состояніи полной вмѣняемости. Вся жизнь его въ романѣ разлагается на три фазиса: или онъ напивается, или онъ пьянъ, или, протрезвясь, страдаетъ тяжелымъ по-

хмѣльемъ и желаетъ повторно напиться. Какое же право имѣемъ мы составлять психологическія заключенія о г. Фалькѣ, никогда не видавъ его въ своемъ видѣ? Единственное вполнѣ логическое заключеніе, которое читатель можетъ сдѣлать о Фалькѣ, по даннымъ Пшибышевскаго, съ полнымъ основаніемъ, это—что—Фалькъ «мужчина пьющій» (вотъ они и пришли «два слова ниже»!). А эта характеристика естественно отнимаетъ у Фалька его индивидуальность и отвѣтственность за оную, потому что—кому же неизвѣстно, что «сердце пьяницы есть жилище сатаны», а въ домахъ своихъ сатана распоряжается по шаблонамъ, весьма общимъ и хорошо изученнымъ—не только психіатрами, но даже батюшками, лечащими отъ запоя.

Дабы не остаться голословнымъ, прошу позволенія сдѣлать точный подсчетъ горячимъ напиткамъ, поглощеннымъ г.励 Фалькомъ на 416 страницахъ романа. Запилъ онъ на

Стр. 11. Чего ты хочешь? Пива? водки? Постой—мысль! У меня есть превосходное токайское.

Стр. 13. За здоровье твоей невѣсты! Осушили бутылку...

NB. Въ токайскомъ 16 проц. алкоголя!

Стр. 15. Вы всегда пьете коньякъ. Налить вамъ? Вѣдь у васъ, говорятъ, обычай пить коньякъ литрами...

NB. Въ коньякѣ, самомъ скверномъ, 60 проц. алкоголя!

Стр. 16. Фалькъ занимаетъ даму, которой только-что представленъ, повѣстью, какъ «мы пропьянствовали цѣлую ночь».

Стр. 17. Фалькъ констатируетъ фактъ, что — «публика даже не можетъ представить себѣ, какъ это (всенощное пьянство) часто случается съ жрецами искусства».

Стр. 20. «А не отправиться ли намъ, Микита, въ ресторанъ «Зеленаго Соловья»?

Стр. 21 Фалькъ въ сомнѣніи: влюбленъ онъ въ Изу или просто много выпилъ?

Стр. 21—31. Пивопитіе въ «Зеленомъ Соловьѣ» съ четырьмя отмѣченными авторомъ чоканьями.

NB. Въ пивѣ отъ 8 — 12 проц. алкоголя!

Стр. 31 — 45. Нервное разстройство, половое раздраженіе и влеченіе къ Янинѣ; затѣмъ—реакція, путаница въ мысляхъ, глупые анекдоты...

Опытные питухи увѣряютъ, что именно таковы послѣдствія смѣшенія напитковъ, а Фалькъ, начавъ свой день токайскимъ, кончилъ пивомъ.

Стр. 45—51. Фалькъ не участвуетъ, и, гдѣ и сколько пьетъ,—поэтому,—неизвѣстно.

Стр. 53. Фалькъ пьетъ пиво. И, такъ какъ дѣйствіе происходитъ на танцовальномъ вечерѣ, то, конечно, не одинъ стаканъ — до

Стр. 63, когда онъ сидитъ съ Изою въ ресторанѣ и пьетъ бургундское на трехъ страницахъ!

NB. Въ бургундскихъ винахъ 16 проц. алкоголя!

Стр. 67 — 76. Фалькъ блуждаетъ по городу и бредитъ, потому что «ничего не ѣлъ, только пилъ и пилъ»... Сомнѣнія Фалька, вовсе онъ пьянъ или еще нѣкоторая искра живая въ немъ теплится, разрѣшаются тѣмъ, что на стр. 76 его выводятъ изъ кафе «за неприличное поведеніе».

Стр. 76—90. Фалька нѣтъ. Антрактъ, чтобы проспаться и вытрезвиться.

Стр. 90—96. Фалькъ и Иза пьютъ вино въ ресторанѣ. Марка неизвѣстна. Отмѣтки автора: «жадно выпилъ», «жадно выпилъ». Трогательное воспоминаніе Фалька, какъ однажды онъ напоилъ жениха знакомой дѣвушки.

Стр. 96—105. Фалькъ съ Микитою въ ресторанѣ. Микита «дуетъ» абсентъ; что̀ вливаетъ въ себя Фалькъ—не указано, но затѣмъ онъ опять блуждаетъ по городу, не отдавая себѣ отчета, «гдѣ онъ собственно находится»?

Стр. 106. «Онъ выпилъ бы пива».

Стр. 107. Онъ выпилъ пива.

Стр. 111. Опять потребность освѣдомиться, «гдѣ онъ собственно находится и не сошелъ ли онъ съ ума».

Стр. 112—122. Фалька нѣтъ.

Стр. 122. Фалькъ даже во снѣ видитъ, что они пьютъ съ Микитою!

Стр. 127 — 133. Фалька нѣтъ. О причинахъ смотри ниже, стр. 149.

Стр. 142. Подали вино. Марка опять неизвѣстна, но Фалькъ «выпилъ всю бутылку» уже къ—

Стр. 148. !!!...

Стр. 149. Фалькъ объясняетъ Маритъ, что вчера былъ пьянъ до безчувствія и не помнитъ, что̀ говорилъ.

Стр. 150—164. Фалька мутитъ со вчерашняго, и— о чемъ бы онъ ни начиналъ говорить, все свернетъ на какой-нибудь пьяный скандалъ: исторія о пьяномъ въ гробу, исторія объ истребленіи портера (NB. 15 проц. алкоголя!), «какъ умѣемъ пить только мы, европейцы!»

Стр. 165. «Послушай, мама, есть у тебя коньякъ?»... Мать разсудительно напоминаетъ Фальку о скотницѣ, которая допилась до бѣлой горячки... Фалькъ, смѣясь, «выпилъ стаканъ коньяку», чего, конечно, совершенно достаточно для галлюцинацій на яву, которыя затѣмъ мучатъ его до—

Стр. 174. На этой же страницѣ онъ опять выпилъ коньяку, сталъ сладострастно мечтать о Маритъ, «пилъ и становился все сантиментальнѣе».

Стр. 175—176. Забылъ, какъ зовутъ его жену!!!

Стр. 177. Заснулъ, сидя за коньякомъ.

Стр. 188—199. Фалька нѣтъ.

Стр. 200. Отецъ Маритъ сожалѣетъ, что Фалькъ «эти дни страшно пьетъ. Будетъ жаль, если онъ погубитъ себя этимъ пьянствомъ».

Стр. 201—219. Обѣдъ у ландрата, послѣ котораго (обѣда) «Фалькъ былъ немного возбужденъ» и находился

подъ давленіемъ «напряженной чувственной атмосферы»... Поцѣлуи съ Маритъ...

Стр. 224—229. Чувственный бредъ того же вечера.

Стр. 230. «Не выпить ли еще стаканчикъ пунша у Флаума?»

Стр. 231—237. Пьянство на цѣлую ночь! «Пили очень много».

Стр. 238. «Маритъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь выпить?».

Стр. 239—249. Напился, обезчестилъ Маритъ, шлялся подъ бурею...

Стр. 250. «Жадно выпилъ большой стаканъ коньяку».

Стр. 251. «Налей мнѣ еще коньяку!»

Стр. 251—260. Фалька нѣтъ.

Стр. 261. «Тебѣ нельзя пить такъ много грога, Эрикъ!»

Стр. 262. «Такъ хорошо сидѣть и пить одинъ стаканъ за другимъ...»

Довольно продолжительный антрактъ въ спиртныхъ напиткахъ, вызываемый присутствіемъ анархиста Черскаго, который, повидимому, человѣкъ серьезный и «не потребляетъ...» Но уже на—

Стр. 288. «Налилъ себѣ большой стаканъ коньяку и выпилъ его залпомъ».

Стр. 290. «Позвольте мнѣ освѣжить свое горло коньякомъ!»

Стр. 292. «Снова выпилъ полный стаканъ».

Стр. 293. «Можетъ быть, стаканъ коньяку?»

Стр. 295. «Неужели вы серьезно не хотите коньяку?»

Стр. 296. «Не выношу людей, которые не пьютъ!»

Стр. 296—300. Бредъ послѣ коньяку.

Стр. 306—314. Фалька нѣтъ.

Затѣмъ, какъ опредѣляетъ г. Пшибышевскій, для Фалька начинается «Мальстремъ» — водоворотъ «безстыднаго мозга...» «Мальстремъ»—это слова искусныя,

которыя призываются покрывать факты гнусные: въ общежитіи состояніе Фалька называется гораздо проще,— по-русски — бѣлою горячкою, а по-латыни — delirium tremens. Сознавая себя полубезумнымъ, Фалькъ, все-таки, на—

Стр. 338. Пьетъ пиво.

Стр. 342. «Принеси бутылку коньяку»!.

Стр. 343. «Мы предавались ужасному распутству и много пили».

Стр. 346. «Мы сидѣли совсѣмъ тихо и пили».

Стр. 351. «Фалькъ заказалъ вина».

Стр. 357. «У него ежеминутно темнѣло въ глазахъ, и онъ каждый разъ хватался за стаканъ съ виномъ».

Стр. 378—379. Пьютъ вино съ Изой...

Всѣхъ страницъ въ романѣ, повторяю, 416... Sapienti sat! Пропьянствовавъ 380 страницъ, мудрено дѣйствовать трезво на остальныхъ 36!

Если прибавить къ этому, что Фальку всего 26 лѣтъ, то, я полагаю, читателю будетъ вполнѣ ясно, почему я отказываюсь видѣть въ Фалькѣ «характеръ», обреченный восторгамъ ли, поношенію ли. Въ такіе молодые годы и при такомъ страшномъ количествѣ поглощаемаго алкоголя, могутъ ли быть рѣчи о вмѣняемости поступковъ Фалька? Предъ нами просто спившійся съ круга мальчикъ, у котораго непробудное пьянство отнимаетъ способность владѣть своими мыслями, своею волею, своими нервами, своею половою системою... Состояніе Фалька патологическое и опредѣляется очень точно «алкоголическою неврастеніей», которой результатами весьма часто бываютъ именно тѣ «необъяснимые» капризы и бѣшеные порывы скоро преходящаго полового неистовства, въ какихъ проводитъ свое «поэтическое», но пьяное существованіе г. Фалькъ.

Состояніе этихъ порывовъ и капризовъ описано г. Пшибышевскимъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ

дѣла, такъ что впечатлѣніе получается потрясающее: пьяный илотъ выростаетъ огромнымъ призракомъ, и сквозь покровы его тѣла испуганный читатель ясно видитъ страшно раздутую печень (есть такая картинка для народа — «Внутренности пьяницы!») и бычье, пивное сердце, которое есть жилище сатаны.

Откровенно говорю, я не совсѣмъ вѣрю въ амурныя преступленія г. Фалька. По тремъ причинамъ:

Первая: на страницѣ 155—онъ самъ предупреждаетъ:

— Вы не должны придавать значенія абсолютно ничему, что я говорю въ пьяномъ видѣ; тогда именно я имѣю обыкновеніе сочинять.

Существуетъ такой спеціальный типъ пьяницъ съ половымъ бредомъ самообвиненія. Вдругъ человѣкъ ни съ того, ни съ сего сплететъ вамъ коснѣющимъ языкомъ, что онъ изнасиловалъ малолѣтнюю нищую, живетъ съ родною сестрою, обольстилъ невѣсту друга, у котораго былъ шаферомъ... А по точномъ изслѣдованіи оказывается, что малолѣтней нищей лѣтъ 35, и совсѣмъ она не нищая, а собственная экономка разсказчика на ежемѣсячномъ его иждивеніи и съ ключами по хозяйству, насиловать которую для него — все равно, что ломиться въ открытую дверь своей квартиры; что сестеръ у разсказчика никогда не бывало, а это у персидскаго царя Камбиза была сестра, въ которую тотъ, дѣйствительно, влюбился, тоже съ большого перепоя; и что, наконецъ, мнимая невѣста друга fait la noce только въ спеціальномъ парижскомъ смыслѣ слова, ибо спокойно жительствуетъ въ «пансіонѣ безъ древнихъ языковъ»... Любопытно, что психіатры, какъ Крафтъ-Эбингъ, видятъ въ этой самообвиняющей болтовнѣ результаты... слабой половой дѣятельности пьющихъ людей! Фантазія пополняетъ ихъ жизнь воображаемыми пороками, на которые неспособно тѣло. Сильно сомнѣваюсь я, не того ли же фантастическаго происхожденія криминальныя побѣды

Фалька? Есть одна маленькая физіологическая черточка, которая укрѣпляетъ мой скептицизмъ, и это—причина вторая.

Мужчины, пьющіе коньякъ и пиво въ столь неограниченномъ количествѣ, какъ уничтожаетъ ихъ Фалькъ, обыкновенно въ самомъ скоромъ времени пропитываются спиртнымъ запахомъ настолько, что дамѣ, которая сама не дура выпить, какъ Иза, они,—пожалуй, еще куда ни шло,—могутъ быть иногда не противны. Но къ дѣвицамъ, столь чистымъ и благоуханнымъ, какъ Маритъ, имъ лучше не приближаться: «винищемъ отшибаетъ!» Барышни рѣдко любятъ, чтобы въ лицо имъ дышали перегорѣлымъ спиртомъ.

Причина третья.

Съ Фалькомъ ли было все, что о немъ разсказывается? Дѣло въ томъ, что у Фалька, какъ у многихъ образованныхъ пьяницъ, сильно обострена литературная память. Поэтому онъ постоянно видитъ себя въ позиціяхъ разныхъ героевъ старой беллетристики, хотя г. Пшибышевскій и забываетъ назвать ихъ по имени. Особенно богато начитался Фалькъ «Бѣсовъ», «Преступленія и наказанія» и «Братьевъ Карамазовыхъ»... Ставрогинская дуэль, знаменитая подпись самоубійцы-Кириллова «un citoyen cosmopolite, un citoyen du monde entier», ожиданіе Верховенскимъ, какъ застрѣлится Кирилловъ, діалоги Раскольникова съ Свидригайловымъ, Ивана Карамазова съ чортомъ, сцена Раскольникова, когда внезапно вырастаетъ передъ нимъ пришедшій просить прощенія обличитель-мѣщанинъ, Смердяковщина и пр.—продѣлываются Фалькомъ и сопутствующими ему Гродскими, Черскими, Незнакомцами съ замѣчательно добросовѣстною начитанностью, съ почти рабскою точностью. Иногда кажется, будто читаешь не оригинальный романъ г-на Пшибышевскаго, но просто изложенный короткими, обрывистыми фразами стенографическій compendium трехъ знаменитыхъ романовъ

Достоевскаго. Впрочемъ, это роковое и невыгодное для автора сходство выступаетъ ярко только въ третьей части (Мальстремъ). Ею, судя по предисловію, г. Пшибышевскій остался самъ недоволенъ и сократилъ ее для польскаго изданія противъ первоначальнаго нѣмецкаго оригинала.

Но, будучи послушнымъ подражателемъ Достоевскаго въ анализѣ психическихъ аномалій, Станиславъ Пшибышевскій упустилъ изъ виду, что каждая изъ аномалій, изображенныхъ Достоевскимъ, имѣетъ естественный интересъ общественной загадки, происхожденіе которой долженъ найти читатель по даннымъ и намекамъ автора, въ самой природѣ больного и окружающей его средѣ. Аномаліи-же Фалька проявляются въ печальномъ и искусственномъ состояніи, дающемъ, уже само-по-себѣ, полнѣйшую ихъ физическую разгадку. Герои Достоевскаго— люди больной, но трезвой мысли, отравленной жизнью. Фалькъ—человѣкъ жизни, больной пьянствомъ, органически «отравленной алкоголемъ», какъ говоритъ Актеръ въ «На днѣ» Горькаго. Не «организмъ», но «органонъ» веселаго Сатина. «Homo Sapiens»—патологическій этюдъ изъ нравовъ лечебницы для алкоголиковъ. Продолживъ нѣсколько черты рисунка, насмѣшливая рука карикатуриста или пародиста, въ самомъ дѣлѣ, можетъ очень легко превратить романъ Пшибышевскаго въ нравоученіе о жилищѣ сатаны. Въ одномъ мѣстѣ самъ Пшибышевскій подчеркиваетъ саркастическій смыслъ заголовка «Homo Sapiens», что и естественно: какъ художникъ по натурѣ, авторъ не можетъ не замѣчать фальши въ романтическомъ ореолѣ, какимъ онъ окружилъ было эксцессы своего героя, и не понимать истиннаго ихъ происхожденія. «Homo Sapiens» — кличка ироническая. Положительнымъ же заголовкомъ, обстоятельно выражающимъ содержаніе и смыслъ этого произведенія, могъ бы явиться

такой титулъ, во вкусѣ англійскихъ сатирическихъ романовъ XVIII вѣка:

Жизнь и похожденія по пьяному дѣлу дворянина Эрика Фалька,

съ присовокупленіемъ точнѣйшаго прейсъ-куранта поглощенныхъ имъ напитковъ, съ описаніемъ всѣхъ его излишествъ и скандаловъ и,

н а к о н е ц ъ,

печальнаго умственнаго разслабленія подъ вліяніемъ алкоголя.

Таковъ психологическій капиталъ романа. Что касается приписываемаго ему общественнаго значенія, то—какую же общественную идею можно построить на почвѣ столь ярко и опредѣленно выраженнаго патологическаго состоянія? Единственнымъ общественнымъ указаніемъ, которое фигура Фалька даетъ читателю, становится вполнѣ справедливая рекомендація, принятая, какъ девизъ, всѣми обществами трезвости:

— Братіе, не упивайтесь виномъ, въ немъ-бо есть блудъ!

Но это воззваніе много раньше г. Пшибышевскаго уже обратилъ къ обществу апостолъ Павелъ. И гораздо короче и выразительнѣе!

Протестъ В. П. Санина.

Читалъ романъ, написанный обо мнѣ г. Арцыбашевымъ. Много неточностей.

На первой же страницѣ г. Арцыбашевъ увѣряетъ, будто у меня—«свѣтловолосая фигура, съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица».

О насмѣшливомъ выраженіи лица не спорю, но откуда г. Арцыбашеву извѣстно, что у меня свѣтловолосая фигура?

Я съ г. Арцыбашевымъ вмѣстѣ не купался. Какіе волосы на моей фигурѣ—этого онъ знать не можетъ. Да и не въ правѣ разсказывать. Да и никому нѣтъ дѣла до этого. Можетъ, и вовсе никакихъ волосъ нѣтъ.

Сестра Лида (она, конечно, вышла замужъ за Новикова, но попрежнему вѣшается на шею каждому встрѣчному) защищаетъ г. Арцыбашева, будто онъ употребилъ здѣсь слово «фигура» въ смыслѣ французскаго «figure», т. е. хочетъ сказать, что у меня лицо обросло свѣтлыми волосами.

Да—что я, мальчикъ-левъ изъ паноптикума, что ли?

И, при томъ, въ одной критической статьѣ я читалъ, будто г. Арцыбашевъ—литературная сила, Льву Толстому равная. Развѣ Львы Толстые пишутъ такъ по русски:

— Лицо съ выраженіемъ лица?

Невѣроятно. Правда, г. Арцыбашевъ пишетъ: «Она

не хотѣла презираться», «земля зарылась» и пр. Но все же не до «лица съ выраженіемъ лица».

Лидка вретъ, по своей преступной слабости къ новому мужчинѣ.

А г. Арцыбашеву стыдно. Если даже и подглядѣлъ, то зачѣмъ диффамировать?

Я очень извиняюсь предъ урожденною дѣвицей Карсавиной (нынѣ моею законною супругой), что въ романѣ «Санинъ» появилось подробное описаніе тѣлесъ ея въ полномъ обнаженіи. Но, право же, г. Арцыбашевъ наклеветалъ на меня, будто это я ему съ Ивановымъ показывалъ.

Согласитесь, что показывать пріятелямъ любимую дѣвушку въ голомъ видѣ, да еще комментировать ея тѣлосложеніе, въ состояніи только совершеннѣйшая двуногая свинья.

Между тѣмъ, самъ же г. Арцыбашевъ, хотя и взводитъ на меня съ непонятными цѣлями рядъ весьма гнусныхъ поступковъ, не только не почитаетъ меня свиньею, но даже предлагаетъ почтеннѣйшей публикѣ принять меня въ нѣкоторомъ родѣ за идеалъ, видѣть во мнѣ настоящаго нормальнаго человѣка здороваго будущаго. Самъ же Арцыбашевъ увѣряетъ, будто «Санинъ идетъ на встрѣчу солнцу».

«Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце» — а, вмѣсто того, подглядываю купающихся барышенъ? Да еще, если бы только подглядывалъ, а то и примѣты ихъ потомъ разсказываю.

Недоставало только, чтобы г. Арцыбашевъ снабдилъ меня фотографическимъ аппаратомъ.

Самъ подглядитъ, а на меня сваливаетъ!

И мою свѣтловолосую фигуру—онъ!

И Карсавину—онъ!

А меня въ то время даже и на рѣкѣ-то не было.

Я спокойно сидѣлъ дома и училъ фоксъ-террьера Милля служить на заднихъ лапкахъ.

Милль — странное имя для собаки. Думаю, что г. Арцыбашевъ далъ его нашему фоксъ-террьеру въ утѣшительное напоминаніе нашей романической компаніи, что не всегда же одни дураки на землѣ были, живали на ней временами и умные люди. Но все же грустенъ мнѣ этотъ Милль. И даже обиденъ нѣсколько.

Одинъ порядочный человѣкъ во всемъ романѣ, да и тотъ фоксъ-террьеръ!

Распустилъ г. Арцыбашевъ обо мнѣ сквернѣйшій слухъ, будто я угрызался озлобленіемъ тѣлеснымъ по адресу родной моей сестры Лидіи Петровой дочери, урожденной Саниной, а нынѣ, въ замужествѣ, Новиковой.

Ложь и клевета.

Если бы что-нибудь подобное было, ужели я позволилъ бы себѣ обзывать сестру мою «кобылою»? Развѣ это—средство понравиться женщинѣ? Говорятъ, будто подлиповцы ухаживаютъ за своими Апроськами въ такомъ именно непринужденномъ тонѣ. Но вѣдь я же не подлиповецъ, чортъ возьми. Я пришелъ въ этотъ міръ, чтобы видѣть солнце!

Кобыла!.. Если сестра моя кобыла, то кѣмъ же я-то выхожу по конской табели о рангахъ,—позвольте спросить? Амплуа «жеребца» занято Зарудинымъ, амплуа мерина—Сварожичемъ, который «лѣзъ, но не могъ»... По закону исключенія третьяго, прикажете мнѣ, что ли, расписаться осломъ? Не желаю!

Лида влюблена въ г. Арцыбашева. Но и она непріятно смущена отмѣткою г. Арцыбашева, будто «отъ нея пахло запахомъ женщины, возбужденной до крайняго напряженія».

— Это ужасно! — плачетъ она, — неужели такъ слышно? И никто изъ близкихъ не скажетъ... Осрамилась передъ чужимъ человѣкомъ... Какъ хотите, мамаша, но

пожалуйте мнѣ, въ счетъ невыплаченнаго приданаго, три рубля на цвѣточный одеколонъ.

У мужа спросить не рѣшается. Скупой.

Мамаша, изъ экономіи, тоже божится, что ничего не слышно, и г. Арцыбашевъ просто наклеветалъ на Лиду по ревности къ Зарудину. Но та не вѣритъ.

— Нѣтъ, говоритъ, не можетъ того быть. Еще—если бы онъ написалъ только «пахло», куда бы ни шло. А то, вѣдь,—«пахло запахомъ». Значитъ, настолько я его ошибла, что до плеоназма растерялся... Пожалуйте три рубля на цвѣточный одеколонъ.

И чорту Лида не собиралась отдаваться. Зачѣмъ? На ея вѣкъ мужчинъ хватитъ! Да еще и возьметъ ли чортъ-то? Не того поля ягода.

Сплетни г. Арцыбашева относительно моего, будто бы, любовнаго влеченія къ сестрѣ Лидѣ мнѣ тѣмъ непріятнѣе, что въ настоящее время я вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Карсавиною (надо быть великодушнымъ!) и занимаю весьма хорошее мѣсто въ страховомъ обществѣ «Надежда». Супруга моя весьма ревнива. Читатель самъ можетъ судить, въ какой адъ обращаетъ г. Арцыбашевъ мой семейный очагъ своими коварными инсинуаціями. Зять мой Новиковъ холоденъ со мною, какъ зима сибирская. Ворчитъ:

— Ты, братъ, на Зарудина только валилъ съ больной головы на здоровую. Теперь я понимаю, зачѣмъ ты сводилъ меня съ Лидкою и уговаривалъ жениться на ней... Арцыбашевъ, спасибо ему, открылъ мнѣ глаза, въ доскональности знаемъ мы, гдѣ раки зимуютъ. Ты и Зарудина-то затѣмъ убилъ, чтобы концы въ воду... И совсѣмъ я не желаю того, чтобы у меня, вмѣсто сыновей, раждались какіе-то племянники.

Вообще, г. Арцыбашевъ какъ будто задался нарочною цѣлью устроить вокругъ меня пустыню. Со студенчествомъ онъ поссорилъ меня на похоронахъ Сварожича.

За что? Положимъ, что на похоронахъ я велъ себя, дѣйствительно, по-свински. Но могъ бы, кажется, г. Арцыбашевъ понять, что все это вышло по пьяному дѣлу. Мы съ Ивановымъ тогда на могилѣ, по любезному приглашенію г. Арцыбашева, такъ надрызгались пивомъ, что перестали выговаривать папу-маму. А передъ тѣмъ— въ монастырѣ. А передъ тѣмъ—на рѣкѣ. А передъ тѣмъ — у Зарудина. А передъ тѣмъ еще у кого-то. Если человѣкъ хлещетъ водку и пиво 333 страницы, понятное дѣло, что къ 334-й у него на языкѣ не останется другихъ словъ, кромѣ ругательныхъ. Еще хорошо, что я покойника только дуракомъ обругалъ, могъ бы пустить и по всѣмъ тремъ этажамъ.

— Пьянаго поддержи! сказалъ Заратустра, а г. Арцыбашевъ, взамѣнъ того, толкаетъ меня въ бездну. Что хорошаго? Госпожа Дубова и студенчество говорятъ, что я подлецъ. А Карсавина, хоть и вышла за меня замужъ, но, право, кажется, только затѣмъ, чтобы точить меня и укорять достоинствами покойнаго Сварожича, котораго-де я мизинца не стою. И, если я, въ самозащиту, осмѣлюсь напомнить ей, какъ Сварожичъ «лѣзъ, но не могъ», она зычно вопитъ на меня богатымъ своимъ голосомъ:

— А у васъ съ родной сестрой шуры-муры были!.. Сварожичъ-то свою сестру даже отъ Рязанцева оберегалъ, а вы... у-у-у! господину Арцыбашеву о васъ все извѣстно.

И она... ужасно сильная. Разойдется,—не унять.

И зачѣмъ только я женился на такой Бобелинѣ? Проклятое великодушіе! Ужъ лучше бы на Лялѣ Сварожичъ жениться... по крайней мѣрѣ, маленькая... я бы ее дулъ, а не она меня.

Да! Студенчество—ау! Со службы, того гляди, выгонятъ за скверную репутацію. Съ офицерствомъ нелады опаснѣйшіе. Потому что г. Арцыбашевъ совсѣмъ

ни съ чѣмъ не сообразно пропечаталъ нашу исторію съ покойнымъ Зарудинымъ. Помилуйте, гдѣ же это — въ какой странѣ, въ какой державѣ—было слыхано и видано, чтобы офицера публично избили и до самоубійства довели, а товарищамъ офицера оно—какъ съ гуся вода? Даже злорадствуютъ и смакуютъ подробности... Такое всепрощающее офицерство давно раскассировали бы по полкамъ. А, при офицерствѣ, какъ оно есть, мнѣ бы и трехъ дней живымъ не быть. Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ романъ «Санинъ», я пребываю въ непрерывномъ страхѣ, живу, стенаяй и трясыйся, яко Каинъ, и на улицѣ, чуть завижу издали офицерскую фуражку, спѣшу свернуть въ переулокъ или проходной дворъ. Ну, за что г. Арцыбашевъ создалъ мнѣ такое несчастье? Вѣдь ему же очень хорошо извѣстно, что Зарудинъ былъ совсѣмъ не офицеръ, а только околоточный надзиратель Такъ, нѣтъ, не изящно, видите ли, нуженъ офицеръ. А изящно будетъ, какъ меня—за честь мундира—станутъ бить смертнымъ боемъ? Съ околоточнымъ-то—что? Не великъ панъ: онъ меня въ ухо, я его въ рыло, и квиты, пошли вмѣстѣ водку пить. И совсѣмъ не изъ-за меня застрѣлился Зарудинъ, а у него политическій подконвойный сбѣжалъ. Да и застрѣлился-то онъ не пулею, но клюквою, чтобы только начальству видъ зримости показать. Да и не умеръ, а въ Питерѣ живетъ и въ газету «Россія» передовыя статьи пишетъ, а въ «Новомъ Времени» редактируетъ отдѣлъ конскаго спорта. Да и не Зарудинъ онъ, а Сыромятниковъ. Вотъ какъ г. Арцыбашевъ пишетъ исторію! А я—страдай!

И никакой Волошинъ къ намъ не пріѣзжалъ. То есть, пріѣзжать-то онъ пріѣзжалъ, но былъ онъ не Волошинъ, но Арцыбашевъ. Волошинымъ же назвался только ради псевдонима, чтобы блеснуть очаровательнѣе. Обрадовался случаю, что завелся на Руси г. Максиміанъ Волошинъ, поэтъ и критикъ, съ направленіемъ

мыслей, коего я,—какъ сказалъ бы тургеневскій помѣщикъ Алупкинъ, своей бурой кобылѣ не пожелаю. И произвелъ подлогъ личности, чтобы самому остаться въ сторонѣ. Небось, меня, бѣднаго Санина, такъ Санинымъ и вывелъ, а самъ за Волошина спрятался. Вотъ онъ какой! Не позволю и разоблачу.

Установлю единство міровоззрѣнія!

Волошинъ: «Неизмѣнно голая, неизмѣнно возможная, женщина стояла передъ Волошинымъ во всѣ мгновенія его жизни, и каждое женское платье, обтянутое на гибкомъ, кругло полномъ тѣлѣ самки, возбуждало его до болѣзненной дрожи въ колѣнахъ. Когда онъ ѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ оставилъ множество роскошныхъ и холеныхъ женщинъ, еженощно мучившихъ его тѣло изступленными нагими (?) ласками, и впереди вставало передъ нимъ сложное и большое дѣло, отъ котораго зависѣла жизнь множества людей, Волошину прежде всего и ярче всего была (что, чѣмъ была?) откровенная мечта о молоденькихъ, свѣжихъ самочкахъ провинціальной глуши».

Не чувствуется ли вамъ въ семъ міровоззрѣніи весь романъ г. Арцыбашева?

Писателя сейчасъ ждетъ къ себѣ Россія именно для того, чтобы слышать отъ него о «сложномъ и большомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ жизнь множества людей». А г. Арцыбашевъ приходитъ къ Россіи, чтобы поговорить съ нею о «молоденькихъ, свѣжихъ самочкахъ провинціальной глуши».

Самочка Лида.

Самочка Ляля.

Самочка Карсавина.

Безыменная самочка, внучка старичка-бахчевника. «Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ!»—восхищался нѣкогда досужествами нѣкоего поручика Кувшинникова нѣкто, по фамиліи Ноздревъ.

Марья Ивановна (мамаша моя съ Лидою)—не токмо самка, но даже—«вотъ животное»!

И—кромѣ «самочекъ», нѣтъ женщинъ, кромѣ самочьяго, нѣтъ другого женскаго интереса во всемъ романѣ г. Арцыбашева. Правда, одна женщина нашла моментъ, чтобы крикнуть идеальному герою г. Арцыбашева:

— Это подло!

Но вѣдь г. Арцыбашевъ не замедлилъ показать намъ, что кричать «это подло» было со стороны женщины глупо.

Съ волошинской точки зрѣнія, то есть, какъ «самочку», разсматриваютъ женщину рѣшительно всѣ интересные мужчины, о которыхъ повѣствуетъ г. Арцыбашевъ.

У Новикова—«отъ головы до пятъ такъ и написано одно желаніе—взять Лиду».

Зарудинъ—мечтаетъ, какъ «эта гордая, умная, чистая и начитанная дѣвушка будетъ лежать подъ нимъ», а потомъ онъ отдеретъ ее хлыстомъ.

Рязанцевъ—будучи женихомъ цѣломудренной Ляли, приглашаетъ брата ея отправиться совмѣстно въ публичный домъ.

Сварожичъ:—«Съ перваго же вечера въ немъ выросла жестокая жажда лишить Карсавину чистоты и невинности, какъ выростала эта неумолимая жажда при видѣ *всѣхъ* красивыхъ женщинъ».

«Ночью ему снились сладострастныя и солнечныя картины, молодыя и красивыя женщины».

«Невысокія груди, круглыя плечи, гибкія бедра мелькали предъ его глазами, и голова его *сладко* закружилась въ *сладострастномъ* восторгѣ».

NB. Сладко... сладострастно... не слогъ, а кондитерская!

Сварожича г. Арцыбашевъ не полюбилъ и даже «остерегается называть его человѣкомъ». Сварожичъ виноватъ въ томъ, что сохранилъ устарѣлый предразсудокъ,

будто «изнасиловать женщину—отвратительно». Тѣмъ не менѣе находитъ «интереснымъ психологическимъ вопросомъ», какъ это дѣвушка рѣшилась остаться съ нимъ наединѣ. Дѣвушка говоритъ: «Да вѣдь вы же порядочный человѣкъ?»—Сварожичъ возражаетъ: «Напрасно вы такъ думали»... А, нѣсколькими часами позже, онъ уже «лѣзетъ, но не можетъ». Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas!

Ивановъ (любимецъ г. Арцыбашева, — устами его ipse dicit):

«Женщина—самка, и это прежде всего! Среди мужчинъ хоть одного на тысячу еще можно найти такого, который заслужилъ названіе человѣка, а женщины... ни одной между ними!.. Голыя, розовыя, жирныя, безхвостыя обезьяны, вотъ и все!»

Справедливость требуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что впослѣдствіи сей Ивановъ, все-таки, упирался и стѣснялся подглядывать купающихся барышенъ, но г. Арцыбашевъ,—какъ я говорилъ уже выше,—обманно дѣйствуя отъ моего имени, и его вовлекъ въ сей соблазнъ.

И, наконецъ, самъ богъ изъ боговъ, самъ Санинъ... Не я, Владимиръ Санинъ, а тотъ лже-Санинъ, котораго г. Арцыбашевъ сдѣлалъ моимъ двойникомъ, какъ нѣкогда Достоевскій подарилъ господину Голядкину старшему господина Голядкина младшаго..

Родная сестра для Санина—«кобыла».

Прогулка съ родною сестрою для Санина—безцѣльна, такъ какъ Лида не хочетъ забыть, что Санинъ—ея братъ и, слѣдовательно, для насъ—«не мужчина».

Самое любимое занятіе Санина—уговаривать когонибудь, чтобы тотъ спутался съ его сестрою, а ему, Санину, было бы на что посмотрѣть. Уговариваетъ сестру идти на сцену—не потому, что талантъ и голосъ есть, а потому, что «*каждой* женщинѣ пріятно, чтобы любовались ея тѣломъ *прежде всего*».

Увѣренъ, что *каждому* человѣку, опять *прежде всего*, хочется «сотворить прелюбы».

Бѣднякъ, будь честенъ и трудись,
Трудись прежде всего,—

училъ когда-то великій поэтъ изъ народа, шотландскій Кольцовъ, Робертъ Бёрнъ.

Мы съ г. Арцыбашевымъ — nous avons changé tout cela!—и проповѣдуемъ:

Смакуй клубнику и ярись,
Ярись прежде всего!

Ярись на каждую мимо мелькающую юбку, не разбирая ни возраста, ни родства, свойства. И—да будетъ надъ тобою благословеніе поручика Кувшинникова, пишущаго нынѣ подъ псевдонимомъ г. Арцыбашева, и одобряемаго Ноздревымъ, и перевоплотившимся въ псевдо-Санина.

Таковъ положительный кодексъ героевъ г. Арцыбашева. Вы видите, что онъ напрасно прятался за псевдонимомъ какого-то пріѣзжаго Волошина. Всѣмъ мужчинамъ, родившимся въ воображеніи г. Арцыбашева,—Санину, Иванову, Рязанцеву, Зарудину, Волошину, Сварожичу, всѣмъ одинаково «мо-мо не разводи, а подавай самое настоящее!» И, кромѣ «самаго настоящаго», никто изъ нихъ ни о чемъ въ жизни не заботится и ничего понимать не хочетъ!

Посмотримъ теперь, что отрицаютъ эти господа и что относятъ они къ презрѣнной области отвергаемаго мо-мо.

Санинъ: «Если бы тебѣ всю жизнь такъ упорно лѣзли подъ ноги эти *вольнолюбивые* молодые люди, такъ ты бы и не такъ ихъ пугнулъ».

NB. Нѣсколькими строками выше тѣ же вольнолюбивые молодые люди именуются «глупыми и сантиментальными мальчишками».

Ивановъ: «Что хочу, что могу, то и дѣлаю. Счастье не въ томъ, чтобы на каждомъ шагу спрашивать себя: хорошо ли я сдѣлалъ? нѣтъ ли отъ этого кому-нибудь вреда?»

Господа Кувшинниковы—на собраніи, изыскивающемъ средства «культурной пропаганды»:

Санинъ: «Я-то не знаю, зачѣмъ сюда забрался. Говорили, тутъ пиво будетъ?»

Встрѣча съ крестьянами: «Санинъ зналъ этихъ людей, живущихъ какъ скоты и не истребившихъ до сихъ поръ ни себя, ни другихъ, а продолжающихъ влачить скотское существованіе въ смутной надеждѣ на какое-то чудо, въ ожиданіи котораго умерли уже милліарды имъ подобныхъ». И, когда рядомъ стонетъ о горѣ своемъ мужикъ, *знающій* Санинъ—«всталъ и ушелъ на другое мѣсто».

Санинъ: «Тѣмъ фактомъ, что мы живемъ, исполняемъ наше назначеніе».

Семеновъ: «Что мнѣ Бебель, Толстой и милліоны другихъ, кривляющихся ословъ?»

Санинъ: «Хотѣлъ читать Нитцше, но съ первыхъ страницъ ему стало досадно и скучно.

Онъ плюнулъ и, бросивъ книгу, моментально заснулъ».

Санинъ: «Я мерзавцу съ особеннымъ удовольствіемъ пожму руку».

Санинъ: «Смотрю я на тебя и думаю: вотъ человѣкъ, который, при случаѣ, способенъ за какую-нибудь конституцію въ россійской имперіи сѣсть на всю жизнь въ Шлиссельбургъ, лишиться всѣхъ правъ, свободы, всего... А казалось бы, что ему конституція?»

Санинъ: «Мнѣ до другихъ, право, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Это самая хорошая правда, которую я знаю».

И такъ далѣе.

Въ юношѣ, съ испорченнымъ воображеніемъ, сохра

нилось, однако, настолько порядочности, что, чувствуя себя безсильнымъ бороться противъ скверныхъ инстинктовъ, онъ предпочитаетъ роковому превращенію въ двуногую свинью—казнить себя самоубійствомъ.

Санинское резюме: «Однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше стало».

Молодой еврей, идеалистъ, изстрадавшійся хорошею, честною душою въ сомнѣніяхъ и мукахъ любвеобильной скорби по человѣчеству, ждетъ слова участія, поддержки, луча новыхъ надеждъ. Отвѣтъ: «Вы мертвый человѣкъ, а мертвецу мѣсто въ могилѣ». Еврей послушался и повѣсился. Эпитафія: «Слякоть—больше ничего!»

Словомъ, кромѣ «самочки», нѣтъ ни единаго устоя и ни единаго серьезнаго интереса въ жизни, ради котораго стоило бы человѣку влачить свое существованіе. Любовь къ свободѣ—ерунда; состраданіе и осторожность въ отношеніяхъ къ ближнему—пошлость; соціализмъ—кривляніе, геній—плевка стоитъ, классовая борьба—чепуха; политическое движеніе—безсмыслица; міровая скорбь—слякоть; мужикъ—скотъ... Все на свѣтѣ—момо, которое не стоитъ разводить, а самое настоящее—лишь одно: посмотрѣть на голую женщину и, по возможности, какъ въ старину Іона Циникъ выражался, «среди прелестнѣйшихъ долинъ сыграть любви съ ней пантоминъ».

Такого рода отрицанія мы слыхивали, конечно, и раньше, но не со страницъ передовыхъ журналовъ и не изъ устъ молодыхъ писателей. Раньше этика санинская проповѣдывалась преимущественно въ томъ избранномъ и высоко идейномъ кругу общества, который какой-то анекдотическій Санинъ-senior характеризовалъ: «Не величка, але честна компанія: жандармъ, участковый приставъ, двѣ дѣвки и я». Но вѣдь невеличка, але честна компанія, по крайней мѣрѣ, просто пьянствовала и развратничала, не увѣряя, будто она идетъ навстрѣчу солнцу.

Ради Бога, г. Арцыбашевъ, отговорите своего лже-Санина идти навстрѣчу солнцу. А то солнце еще свернетъ съ пути по нежеланію съ г. Санинымъ встрѣтиться, и выйдетъ астрономическій кавардакъ хуже, чѣмъ въ «Апокалипсисѣ» Н. А. Морозова.

Лже-Санинъ у г. Арцыбашева заявляетъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ подастъ руку мерзавцамъ.

Это величественно. Но вотъ вопросъ: кто арцыбашевскому лже-Санину-то способенъ съ удовольствіемъ подать руку?

Меня этотъ вопросъ болѣзненно интересуетъ, такъ какъ г. Арцыбашевъ увѣряетъ, будто его лже-Санинъ портретно списанъ съ меня, Владимира Петрова Санина, младшаго бухгалтера N-ской конторы страхового общества «Надежда».

Не вѣрьте, добрые люди. Все клевета и напраслина по злобѣ враговъ моихъ.

Усиленно смотрюсь въ зеркало: ничуть не похожъ.

Знаю одно: если бы я, настоящій В. П. Санинъ, былъ хоть сколько-нибудь подобенъ въ мысляхъ своихъ и поведеніи своемъ арцыбашевскому лже-Санину, то я самъ себѣ руки не подалъ бы. И ужъ, конечно, не къ солнцу бы мнѣ идти, а куда-нибудь поглубже въ потемки спрятаться.

Примите и пр.

Владимиръ Санинъ.

Карьера литератора Вьенпупульскаго.

Шаржъ.

Motto: Viens, poupoule
Viens, poupoule,
Viens!

I.

ДЕБЮТЪ.

Когда Мишенькѣ Вьенпупульскому исполнилось семнадцать лѣтъ, онъ принялъ два важныхъ рѣшенія:

Во-первыхъ — сдѣлаться литераторомъ. Во-вторыхъ — прославиться.

Пользуясь выносливостью молодой поясницы и новорожденною гимназическою грамотностью, Мишенька въ теченіе двухъ лѣтъ заваливалъ редакціи Петербурга рукописями, высиженными съ добросовѣстнымъ усердіемъ и во множествѣ. Онъ сочинилъ романъ, двѣ драмы, повѣсть, комедію, три дюжины разсказовъ съ настроеніемъ, шесть дюжинъ разсказовъ безъ настроенія и около тысячи мелкихъ набросковъ, этюдовъ, эскизовъ, кляксовъ и пр., и пр. О стихахъ умалчиваю, ибо статистика ихъ чудовищнаго изліянія мнѣ не подъ силу.

И, тѣмъ не менѣе, все напрасно. Литераторомъ сдѣлаться Мишенькѣ не удалось. Рукописи его вѣжливыми

(тремя) редакціями возвращались автору нечитанныя, невѣжливыми (девяносто семью)—нечитанныя же спускались въ редакціонныя корзины. За два года подпись «Михаилъ Вьенпупульскій» не украсила собою вожделѣнныхъ страницъ ни единаго ежедневника, еженедѣльника, ежемѣсячника. Понятное дѣло, что—въ такихъ грустныхъ условіяхъ — и второе рѣшеніе Мишеньки — «прославиться» — не обѣщало подвинуться къ счастливому исходу. Мишенька унывалъ, худѣлъ, желтѣлъ. Онъ пріобрѣлъ parabellum и въ мрачныя минуты размышлялъ: чѣмъ ему лучше заняться — самоубійствомъ или экспропріаціей?

Наконецъ, Мишенькѣ улыбнулось счастье.

Когда онъ, еще разъ неблагодарно отвергнутый въ поэтическихъ трудахъ своихъ, съ мукою на лицѣ покидалъ угрюмый храмъ сто первой жестокой редакціи, швейцаръ послѣдней тронулся отчаяннымъ выраженіемъ Мишенькиныхъ очей и, подавая пальто, шепнулъ молодому человѣку:

— Эхъ, баринъ, не туда вы ходите!

— Не понимаю васъ...—изумился Мишенька Вьенпупульскій.

А швейцаръ продолжалъ:

— Да вамъ чего надыть? О чемъ вы просите? Чего ищете?

Вьенпупульскій отвѣчалъ съ твердостью:

— Ищу сдѣлаться литераторомъ и быть знаменитымъ.

Швейцаръ одобрительно кивнулъ головою:

— Вотъ-вотъ... Такъ нешто вы можете достигнуть того, скитаясь по редакціямъ? Самое праздное занятіе. Нешто литераторы дѣлаются въ редакціяхъ? Эта манера нонѣ довольно даже оставлена всѣми. Коли, въ самомъ дѣлѣ, хотите выйти въ литераторы, ступайте вы, баринъ, въ трактиръ «Вѣна».

И, подумавъ, прибавилъ:

— Тоже, случается, и въ Воронинскихъ баняхъ...

Ну, да этого—младой вы еще вьюношъ—вамъ, пожалуй, до времени не вмѣстить.

Мишенька недоумѣвалъ:

— Странно... Какъ же, однако? Вдругъ въ трактиръ—и съ рукописями?

Благодѣтельный швейцаръ быстро остановилъ его:

— А ни-ни... Это—нѣтъ! Боже избави! Какія рукописи? Эта мода теперь тоже брошена, чтобы литераторъ рукописи писалъ... Вы такъ потрафляйте, чтобы воображеніемъ изумить... будто только намѣряетесь еще написать для удивленія Европы! А въ самомъ дѣлѣ писать—Боже васъ сохрани! Кто теперь пишетъ? Развѣ самый который разнесчастный, кому жрать нечего. Настоящему литератору—что-нибудь одно: либо писать, либо авансы получать, а два дѣла принять на себя ему будетъ уже натужно...

Мишенька Вьенпупульскій, сколь ни былъ изумленъ неожиданными откровеніями филантропическаго швейцара, рѣшилъ ввѣрить имъ свою судьбу. Вечеромъ того же дня онъ былъ въ трактирѣ «Вѣна» и у буфетной стойки пилъ водку, жевалъ закуску и бесѣдовалъ съ тоже пьющимъ и закусывающимъ незнакомцемъ,—блѣднолицымъ, съ нервными подергиваніями щекъ, и, какъ старинный портретъ какой-нибудь, въ рамѣ черныхъ, жесткихъ, прямо и длинно висящихъ, не совсѣмъ опрятныхъ волосъ. Незнакомецъ жевалъ бѣлорыбицу и строго спрашивалъ Мишеньку:

— Творите лики?

— Какъ-съ?

— Лики, говорю, творите?

Мишенька слыхалъ, что на сибирскомъ каторжномъ жаргонѣ дѣлать лики—значитъ фабриковать фальшивую монету, и, не понимая, недоумѣвалъ.

— Помилуйте. Зачѣмъ же-съ? Я, слава Богу, жалованье получаю, въ банкирской конторѣ служу.

— М... м... м... и это иногда полезно!..—промычалъ

незнакомецъ и, повинуясь дергающему его тику, состроилъ такую странную рожу, что Мишенька, въ невинности своей, невольно подумалъ:

— Можетъ-быть, это-то и называется у нихъ творить лики? Что же? Это я сумѣю! Не хитро.

Незнакомецъ же, наконецъ, сжевалъ свою бѣлорыбицу и объяснилъ:

— Я спрашиваю васъ: пишете-ли вы?—сочиняете-ли?

— А какъ же, какъ же!.. — обрадовался Мишенька Вьенпупульскій. — Даже до чрезвычайности какъ много пишу-съ!

И немедленно распорядился, чтобы буфетчица налила имъ обоимъ еще по рюмкѣ водки.

— Печатались?

— М-м-м... не такъ, чтобы много... Больше въ «Туркестанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ»,—солгалъ Мишенька, изъ предосторожности выбирая органъ возможно большей отдаленности.

— Ага!—съ уваженіемъ сказалъ незнакомецъ.—Да, теперь почти всѣ наши новыя силы являются изъ глухой провинціи... Здѣшніе-то стали швахъ... совсѣмъ, совсѣмъ швахъ... Только провинціальный черноземъ и выручаетъ еще мать-литературу! Я самъ начиналъ въ «Тургайскомъ Буревѣстникѣ».

И, проглотивъ рюмку предложенной водки, окончилъ:

— Очень интересуюсь ознакомиться съ ликомъ вашего творчества! Закусимъ колбасой... Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Мишенька отрекомендовался.

— Вьенпупульскій,—произнесъ незнакомецъ голосомъ симпатическимъ и даже какъ бы уважительнымъ,—славная, многообѣщающая фамилія!.. Въ ней мигаютъ рѣсницы будущаго, чешется спиною о заборъ какая-то вѣчность... Не знавали ли мы съ вами другъ друга въ Мемфисѣ?

*

— Я, знаете ли, петербуржецъ и никогда никуда не выѣзжалъ...— не безъ робости возразилъ Мишенька.—А это какой губерніи—Мемфисъ?

— Откровенно скажу вамъ,— задумчиво возразилъ незнакомецъ,— не знаю я, какой онъ, къ чорту, губерніи, и гдѣ, собственно, лежитъ... Да это наплевать: какой бы ни былъ, все равно, и тамъ, навѣрное, недородъ. Если есть губернія, то, значитъ, есть и недородъ. Это—фактъ. Но согласитесь, что городъ со звукомъ? Жить въ Мемфисѣ—это звучно. Давайте думать, что мы встрѣчались въ Мемфисѣ. Да, теперь я живо вспоминаю. Вы были молодымъ фавномъ, а я поселянкою. И когда я несъ на базаръ сочныя, спѣлыя фиги, вы настигли меня въ лѣсу мимозъ. И я, и мимозы кричали вамъ: не тронь меня! Но вы не послушались... Восторженный, неукротимый фавнъ обратитъ ли вниманіе на вопли испуганныхъ условностей? И я пересталъ быть дѣвушкою... И я растерялъ всѣ свои фиги... Тогда я много плакалъ, но теперь не сержусь на васъ, Вьенпупульскій. Напротивъ—merçi!.. Очень радъ возобновить знакомство. Меня теперь зовутъ—Звѣзда.

— Какая звучная фамилія! — восхитился Вьенпупульскій.

— Собственно говоря — псевдонимъ,— скромно сознался г. Звѣзда.—Это я—Звѣзда, а родители мои—Которыловы, купцы второй гильдіи... Держатъ лабазъ на Калашниковской пристани... Но вы сами понимаете: въ правѣ ли называться Которыловымъ поэтъ, который помнитъ, какъ онъ былъ поселянкою въ Мемфисѣ и обнимался съ фавнами среди мимозъ? Да, Звѣзда—красиво. Увлекаетъ мысль по мозговымъ извилинамъ къ волнистому простору трепещущихъ риѳмъ... Звѣзда... узда... ѣзда... борозда... два дрозда... Хорошо быть звѣздою, Вьенпупульскій! Не правда-ли? Въ этомъ есть что-то экзотическое... Однако, сядемъ къ столу, выпьемъ пива. Да, да,

мой милый фавнъ! Я теперь Звѣзда. Вамъ мое имя, конечно, уже знакомо по литературѣ?

— Къ сожалѣнію...—замялся Мишенька,—н-не... н-не очень... Вы гдѣ изволите сотрудничать, г. Звѣзда?

Звѣзда наморщился:

— Только, ради всего святого, не «господинъ»... Коллега... собратъ... другъ... братъ... конфреръ... Даже товарищъ, хотя я ненавижу соціализмъ... Лучше всего, зовите меня—«сестра Звѣзда»... Но только не господинъ! «Господинъ»—звучитъ буржуазно и пошло.

— Но,—смутился Мишенька,—мнѣ кажется, что для сестры вы нѣсколько черезчуръ мужского пола?

Звѣзда снисходительно улыбнулся:

— Ошибаетесь, Вьенпупульскій. Вы утратили ясновидѣніе памяти. Вы позабыли, какъ вы были фавномъ, а я поселянкою. Самъ же я чувствую въ себѣ еще настолько много женственнаго... das Ewigweibliche... что на-дняхъ даже вышелъ замужъ... Понимаете?

Мишенька густо покраснѣлъ.

— То-есть... Не то, чтобы я вовсе не понималъ... Бываетъ... Но... однако...

Г. Звѣзда авторитетно остановилъ его.

— Ну да, ну да... Это естественно... Вы недоумѣваете, боитесь и конфузитесь, потому что ползаете по землѣ, а ползаете по землѣ потому, что у васъ нѣтъ крыльевъ. Когда у васъ отрастутъ крылья,—онъ зачѣмъ-то хлопнулъ себя ладонями по обѣимъ ляжкамъ,—вы полетите въ небо и перестанете ползать по землѣ, а, переставъ ползать по землѣ, перестанете бояться и конфузиться своего физическаго пола... Что такое физическій полъ? Условность, насиліе природы. Истинный полъ—въ душѣ, въ сознаніи человѣка. Надо быть сильнѣе и выше природы. Надо повелѣвать. Какое право имѣла природа создавать меня мужчиною, если я сознаю себя и желаю быть женщиною? Я бунтую противъ

всякаго насилія. Я возстаю противъ повелительной природы,—я отрастилъ себѣ крылья и взлетѣлъ выше ея... Я—женщина! Не смотрите на мои брюки: онѣ—условность... Все, что вы можете найти во мнѣ мужского, не болѣе, какъ условности. Невѣжественные родители назвали меня и попъ окрестилъ—Пахомомъ. Судите сами: съ чѣмъ сообразна подобная условность? Я—Пахомъ! Звѣзда Пахомъ! И еще—по батюшкѣ—Тарасовичъ. О, не ясно ли звучитъ вамъ въ этомъ глупомъ Пахомѣ насмѣшливая попытка случая изнасиловать красоту вѣчности?! Могу ли я дозволить, чтобы случайное торжествовало надъ вѣчнымъ? Въ Мемфисѣ меня звали Аврою... вы помните?.. А здѣсь я Лаиса Ирисовна... Вы тоже можете называть меня Лаисою Ирисовною, Лаисою, Лаичкою... какъ хотите. И вамъ тоже необходимо отрастить крылья. Литератору стыдно оставаться безкрылымъ bébé... Я познакомлю васъ съ моимъ мужемъ. Онъ, собственно говоря, кентавръ, но, въ настоящее время, служитъ въ государственномъ контролѣ. Играетъ на тромбонѣ и сочиняетъ музыку къ моимъ стихамъ. Очень хорошъ собою... Если бы вы были нимфою, я не познакомилъ бы васъ. Я ревнивъ. Но вы—фавнъ... Вотъ онъ подходитъ. Кентавръ, протяни фавну твою братскую лапу...

Кентавръ изъ государственнаго контроля—мужчина дюжій, краснолицый и весьма прыщеватый—пожалъ руку Мишеньки Вьенпупульскаго ладонью—нельзя сказать, чтобы изъ пріятныхъ: потною и мокрою.

— Помнится, видались въ Ѳиваидѣ?—произнесъ онъ снисходительнымъ басомъ. — Н-да... подурачились-таки мы надъ отшельниками... веселая собралась компанія! Я, два кинокефала и вы...

— Представь, Кентавръ, — кокетливо жаловался Звѣзда,—конфреръ совершенно незнакомъ съ моими произведеніями...

— Гм...—укоризненно промычалъ Кентавръ,—какъ же это вы, Вьенпупульскій? За литературою не слѣдите? Нехорошо. Для художника мысли даже неприлично. Положимъ, Звѣзда, ты сама виновата. Уже который мѣсяцъ ничего не печатаешь.

— Да,—взволновался Звѣзда,—но, зато, сколько же обо мнѣ печатаютъ... Вы, Вьенпупульскій, очевидно, даже не заглядываете въ петербургскія газеты... Между тѣмъ о насъ теперь—каждый день... Мы настолько въ модѣ, что намъ посвящаются даже цѣлые отдѣлы...

— «Фиги и ихъ описатели»!—съ удовольствіемъ продекламировалъ Кентавръ.

— Какой странный заголовокъ?!—позволилъ себѣ удивиться Мишенька Вьенпупульскій.

— «Фиги и ихъ описатели»? Вамъ не нравится? А, по-моему, превосходно. Цѣликомъ укладывается мысль современной беллетристики. Ея прямая цѣль—чтобы читатель смотрѣлъ въ книгу, а видѣлъ фигу... Понимаете? И, слѣдовательно, кто изъ насъ наилучше опишетъ фигу, тотъ и maître. Жизнь стыдливо спряталась отъ насъ подъ фиговый листъ. Мы стремимся къ жизни. Не ясно ли, что въ своемъ стремленіи мы должны нарушить тайну фиговаго листа? Не чувствуете ли вы, что на каждомъ изъ насъ, поэтовъ, художниковъ, беллетристовъ, лежитъ обязанность проникать за фиговый листъ какъ можно вдумчивѣе и разнообразнѣе? И вотъ—результаты: посмотрите, какъ цѣнитъ насъ общественное вниманіе...

Звѣзда извлекъ изъ бумажника своего пачку мелкихъ газетныхъ вырѣзокъ и, торжествуя, разложилъ предъ заинтересованнымъ Вьенпупульскимъ.

Тотъ прочелъ напечатанный жирнымъ шрифтомъ заголовокъ:

«ФИГИ И ИХЪ ОПИСАТЕЛИ».

И ниже:

«Мы слышали, что г. Звѣзда замышляетъ произведеніе, въ которомъ намѣренъ съ подчеркнутою силою изложить новыя положенія соціальной морали, которыя предполагались имъ къ развитію въ повѣсти «Восемь дѣвокъ—одинъ я»—къ сожалѣнію, оставшейся ненаписанною. Приметъ ли новое произведеніе г. Звѣзды форму разсказа или драмы,—покуда, глубокая авторская тайна. Удовольствіе читателей обезпечено во всякомъ случаѣ, такъ какъ г. Звѣзда властно владѣетъ всѣми существующими литературными формами и даже еще нѣсколькими».

— Не правда ли, мило?—вздохнулъ скромно улыбающійся Звѣзда.

— Чрезвычайно!—сознался Мишенька Вьенпупульскій не безъ зависти.—И подумалъ:

— Вотъ, если обо мнѣ такъ!

«ФИГИ И ИХЪ ОПИСАТЕЛИ».

«Насколько намъ извѣстно, г. Звѣзда съ «другомъ своимъ» г. Кентавромъ намѣрены поселиться, съ ближайшей осени, въ маленькомъ, но аристократическомъ особнякѣ на Сергіевской улицѣ. Bonne chance en tout!»

— И откуда только они пронюхали?—самодовольно ухмыльнулся Кентавръ.

Но правдивый Звѣзда сейчасъ же замѣтилъ:

— Я самъ сказалъ. Ахъ, все, что касается насъ, они ловятъ на лету. Даже неловко иногда... иной подумаетъ, что мы платимъ за это деньги!

«ФИГИ И ИХЪ ОПИСАТЕЛИ».

«Вчерашнее наше извѣстіе о намѣреніи гг. Звѣзды и Кентавра поселиться на Сергіевской требуетъ серьез-

ныхъ подтвержденій. Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ встрѣтилъ вчера г. Звѣзду на 7-ой Рождественской. Вниманіе, съ которымъ г. Звѣзда разсматривалъ квартирныя объявленія на воротахъ, заставляетъ насъ сомнѣваться въ томъ, чтобы вопросъ о перемѣщеніи на Сергіевскую былъ рѣшенъ окончательно».

«ФИГИ И ИХЪ ОПИСАТЕЛИ».

«Съ цѣлью изученія нравовъ на мѣстѣ, авторъ будущей трагедіи «Кастратъ», всегда добросовѣстный наблюдатель, г. Звѣзда ѣдетъ на-дняхъ въ Римъ, чтобы опредѣлиться въ пѣвцы Сикстинской капеллы. Еще одна великая жертва на алтарь искусства».

«ФИГИ И ИХЪ ОПИСАТЕЛИ».

«Мы получили отъ г. Звѣзды письмо, въ которомъ уважаемый maître категорически отрицаетъ свое намѣреніе ѣхать въ Римъ для изученія кастратскихъ настроеній. Напротивъ, въ будущемъ мѣсяцѣ г. Звѣзда намѣренъ выступить въ «Кружкѣ Удалыхъ» съ ненапечатаннымъ еще, но уже знаменитымъ цикломъ стихотвореній—«Кабинетъ Уединенья». Симфонія Щ-моль. Въ стихахъ и звукахъ». Два изъ этихъ перловъ мелодекламаціи (музыку написалъ, конечно, г. Кентавръ) были исполнены съ огромнымъ успѣхомъ извѣстнымъ артистомъ г. Сырголанскимъ въ недавнемъ концертѣ въ пользу Недостаточныхъ Явныхъ Прелюбодѣевъ. А именно—andante amoroso:

Въ кабинетъ уединенья
Мы запремся, милый другъ...

«И граціозное scherzo:

Я цѣлую твои сапоги,
Сохранившіе запахъ ноги,—
О, скажи, не молчи, не таи,
Что прекрасны подтяжки мои...»

— Ну, и такъ далѣе,—прервалъ г. Звѣзда.—Каждый день что-нибудь... Да, смѣю сказать: общество нами заинтересовано... И вы видите, что здѣсь нѣтъ никакой рекламы, но лишь одно освѣдомленіе публики о ея любимцахъ. Мы прогрессируемъ. Печать идетъ впередъ. Прежде такихъ свѣдѣній о себѣ нельзя было помѣстить даже за деньги, въ отдѣлѣ объявленій. Теперь — въ текстѣ газеты и не только даромъ, но даже—завѣдующій отдѣломъ получаетъ за наши «фиги» пристойное вознагражденіе. Достаточно быть фигоописателемъ, чтобы публика освѣдомлялась изо дня въ день, гдѣ ты живешь, какъ сморкаешься, какая у тебя прислуга, что ты писалъ, пишешь и напишешь, гдѣ живешь на дачѣ, за какимъ столикомъ и съ кѣмъ вчера пилъ пиво въ «Вѣнѣ» и какой оффиціантъ тебѣ прислуживалъ... И смѣю похвалиться: въ «фигахъ и ихъ описателяхъ» я иду въ первую голову. Развѣ вотъ сестра Фрина въ состояніи поспорить со мною,—указалъ онъ на даму, не столь пожилую, сколь заношенную, въ компаніи за ближайшимъ столикомъ, усердно уничтожавшую, рюмка за рюмкою, зеленый шартрезъ. Но... вниманіе. Я слышу: Фрина декламируетъ... Придвинемъ наши стулья. Слушайте, слушайте.

Мишенька напрягъ ухо. Сестра Фрина читала:

Я—молодая сатиресса,
  Я—бѣсъ.
Я вся живу для интереса
  Тѣлесъ.
Таю подъ юбками копыта
  И хвостъ.
Кто поглядитъ на нихъ сердито—
  Прохвостъ.
Скажите: кто я? Дама или
  Коза?
Естествъ обоихъ въ полной силѣ
  Гроза.

Мои желанья двусоставны,
    Какъ я:
Меня къ козламъ ревнуютъ фавны,
    Блея.
И—безразличная къ объятьямъ—
    Причинъ
Не вижу я предпочитать имъ
    Мужчинъ...
Мужчины рождены рабами
    И злы...
Пусть за меня дерутся лбами
    Козлы!

Декламація Фрины неоднократно прерывалась ропотомъ восторга, и погасла въ рукоплесканіяхъ. Подъ шумокъ, Звѣзда и Кентавръ улучили минуту, чтобы представить Мишеньку Вьенпупульскаго знаменитой поэтессѣ... Она устремила на юношу мечтательный взглядъ и произнесла голосомъ тихимъ, но воющимъ, какъ легкая вьюга въ трубѣ:

— Вы похожи на моего покойнаго брата... Онъ былъ первымъ мужчиною, который открылъ мнѣ таинство пола... Вы мнѣ нравитесь... Вы скромны на видъ, но въ васъ должно таиться безумство желаній... Разскажите мнѣ о женщинѣ, которая первая открыла вамъ таинство пола... Это ваша сестра? Я угадала — не правда ли? Похожа она на меня?.. О, не смотрите такъ,—иначе завтра въ «Фигахъ и ихъ описателяхъ» появится замѣтка, что мы съ вами вмѣстѣ летаемъ на Брокенъ... Тсс... тише... садитесь рядомъ со мною... Мы поговоримъ послѣ... Теперь я хочу слушать... Товарищъ Растопыря разсказываетъ что-то интересное... Я люблю внимательно спать подъ звуки его голоса...

Оглушенный потокомъ отрывистыхъ фразъ, среди которыхъ онъ не могъ вставить ни единаго словечка, Мишенька машинально опустился на стулъ рядомъ съ интересною особою, сама о себѣ недоумѣвающею: коза

она или дама?.. Товарищъ Растопыря, длинный, испитой молодой человѣкъ, съ глазами, странно смѣшавшими въ себѣ хитренькую плутоватость гостиннодворца съ тупою скрытностью гимназиста, котораго родители тщетно стараются отучить отъ уединенныхъ мечтаній и привычки спать съ руками подъ одѣяломъ,—повѣствовалъ трепетно и гордо:

— Я вошелъ къ Навзикаѣ и остолбенѣлъ. Она сидѣла предо мною совершенно нагая. На правомъ колѣнѣ она имѣла пламенный ломоть разрѣзаннаго арбуза, на лѣвомъ—едва початую дыню. Сокъ фруктовъ струился по ея золотистой кожѣ, и нога подъ арбузомъ казалась красною, а нога подъ дынею—желтою.—Хотите арбуза или дыню?—спросила меня Навзикая, и въ ея голосѣ прозвучала гармонія эоловыхъ арфъ... Вопросъ засталъ меня врасплохъ... Я не зналъ, чего хочу, я колебался...— Не бойтесь, возьмите,—ободряла Навзикая,—я сегодня была въ банѣ... Чудная женщина! Она догадалась, что я, несмѣлый и жалкій, еще смущаюсь условностью чистоплотности... И я завылъ отъ стыда за себя и отъ восторга предъ нею и, опустившись на колѣна, поклонился Навзикаѣ въ землю, какъ Раскольниковъ – Сонѣ:

— Не тебѣ, безстыдству твоему кланяюсь! сказалъ я и поднялся, шатаясь... А она, невозмутимая, нагая и гордая, глядѣла на меня фіолетовыми глазами, жевала сразу—за одну щеку—арбузъ, за другую дыню—и сорила арбузными сѣмечками по ковру...

— Долго же этой Навзикаѣ сорить пришлось!—мрачно замѣтилъ кто-то, въ синтаксическомъ недоразумѣніи.—Пока вы врете, можно не только съѣсть арбузъ, но даже вырастить цѣлую бахчу ихъ.

— Такъ каламбурятъ только въ приготовительныхъ классахъ гимназіи!—презрительно и справедливо возразилъ Растопыря, но тѣмъ не менѣе обидѣлся и разска-

зывать прекратилъ. И, когда къ нему приставали съ просьбами продолжать, онъ томно отнѣкивался:

— Право, не могу... не въ ударѣ... усталъ... Переутомленіе... Подумайте... Вѣдь у меня ихъ двадцать четыре... Двадцать четыре... По одной на каждый часъ сутокъ... Страшное разнообразіе. Геркулесова работа... Да еще надо выбрать время, чтобы описать все это въ повѣсти или разсказѣ... Да, жизнь и слава не даются человѣку даромъ... Работать надо, трудиться, терпѣть... Но уже одно сознаніе, что у насъ появились такія женщины, какъ Навзикая, вознаграждаетъ за все. Представьте: когда она нагая,—она звенитъ... Я вообще замѣтилъ, что нагія женщины звенятъ... Въ наготѣ мужчины—звукъ віолончели, а женская нагота—радостный звонъ... Неправда ли, Вьенпупульскій? Вы тоже согласны со мною, что тѣло нагой женщины звенитъ?

— Право затрудняюсь вамъ отвѣчать...—пролепеталъ сконфуженный новичекъ.

— Не наблюдали? — нахмурился Растопыря. — Странно.

— Нѣтъ-съ, не то, чтобы я смѣлъ спорить... Но, съ позволенія вашего сказать, единственная женщина, которую я видѣлъ нагою, была моя родная бабушка... помню, мыла меня, семилѣтняго, въ банѣ:

— И... не звенѣла?

Мишенька подумалъ и съ добросовѣстностью припомнилъ.

— Тазомъ мѣднымъ, конечно, звенѣла—даже очень... Но—чтобы тѣломъ—гдѣ же-съ? Помилуйте! Старушка, за семьдесятъ лѣтъ...

— Что? что? что?—ворвалась въ ихъ діалогъ Фрина.— Баня? Бабушка? Семьдесятъ лѣтъ?.. Какъ, Вьенпупульскій? Вы познали таинство пола отъ своей бабушки? Возможно ли? Ахъ, какъ интересно! Но это—восхитительно, что-то во вкусѣ Нинонъ де Ланкло, это рекордъ... Вы

побили рекордъ, Вьенпупульскій. Въ нашемъ аккордѣ еще не звучала эта нота... Бабушка семидесяти лѣтъ! Рѣшительно, вы много обѣщаете... Я привѣтствую въ васъ будущаго maître'a! И надѣюсь, вы напишете намъ вашу идиллію съ бабушкою?..

Мишенька какъ-то сразу смекнулъ, что приспѣлъ его часъ. Онъ пріосанился и сказалъ басомъ:

— Да, только не знаю еще, что у меня—вылѣпится барельефъ или вычернится силуэтъ?

Но она уже не слушала и трещала:

— Объ этомъ непремѣнно, непремѣнно, завтра же должна появиться хорошая замѣтка въ «Фигахъ и ихъ описателяхъ»... Вы побили рекордъ... И—кажется—я, въ самомъ дѣлѣ, полечу съ вами на Брокенъ...

— Вы не раскаетесь, Фрина,— томно произнесъ Звѣзда.—Я помню его, когда онъ былъ фавномъ, а я поселянкою вблизи Мемфиса. Délicieux!

Поэтесса продолжала ликуя:

— И вы должны участвовать въ нашемъ сборникѣ... Вы знаете, конечно, что мы издаемъ сборникъ? Кто же теперь не издаетъ сборника? То есть, собственно говоря, издаемъ, конечно, не мы, а купецъ, но—кто же теперь не имѣетъ купца, на счетъ котораго не издавался бы сборникъ?.. Мы назовемъ нашъ сборникъ «Поры». Понимаете? Это символическое. Сквозь наши поры мы изольемъ въ публику ароматы нашего тѣла. Вы—нашъ! Милый Кентавръ, внесите въ содержаніе нашего будущаго сборника пьесу Вьенпупульскаго—«Бабушка и внучекъ. Банная идиллія»!.. Посвящается, конечно, мнѣ... Не правда ли, Вьенпупульскій, вы посвящаете вашъ chef d'oeuvre, конечно, мнѣ? Ахъ, милый!.. Завтра объ этомъ будетъ замѣтка въ «Фигахъ и ихъ описателяхъ». Какъ видно, какъ сразу замѣтно, что вы были фавномъ въ Мемфисѣ!.. Выпьемъ шартрезу. Вы любите зеленый шартрезъ? Ахъ, пожалуйста, для меня, всегда, всегда, пейте зеленый

шартрезъ! Это мой напитокъ. Онъ зеленъ, какъ земля... Вы знаете, что земля—астрономически зеленая? La terre est verte et l'amour est rouge... Я объ этомъ статью... три статьи... и, кромѣ того стиво... ститво... стихотвореніе... Завтра объ этомъ будетъ замѣтка въ «Фигахъ и ихъ описателяхъ»!.. Анъ вотъ, и врешь, Кентавръ,—ничуть не пьяна!.. самъ пьянъ!.. И... и господа никогда не бываютъ пьяны, но бываютъ нездоровы... И... и желаю летѣть на Брокенъ!.. И... и завтра объ этомъ будетъ замѣтка въ «Фигахъ и ихъ описателяхъ»!..

II.

ИНТЕРВЬЮ.

На утро послѣ посѣщенія литературнаго клуба въ «Вѣнѣ» и полета на Брокенъ въ компаніи съ сестрой Фриною, Мишенька Вьенпупульскій проснулся очень поздно, и то лишь—благодаря неистовымъ воплямъ и чуть не плачу надъ ухомъ его номерной прислуги Афросиньи—новогородки добродушной и жалостливой, всѣмъ разсыпчатымъ существомъ своимъ вникавшей въ интересы жильцовъ—особенно, которые помоложе и недурны изъ себя.

— Вставай, оглашенный!—причитала Афросинья,—проснись ты, погубитель души своей, каторжный! Вѣдь тебя со службы погонятъ... Швейцаръ изъ конторы два раза приходилъ спрашивать, гдѣ ты еси. Ужъ я ему врала-врала. Сказываетъ: хозяинъ-то, банкиръ-то вашъ, аки левъ какой, на тебя свирѣпствуетъ.

Мишенька съ трудомъ отлѣпилъ отъ подушки свинцомъ налитую голову, окинулъ Афросинью мутнымъ взглядомъ и пробормоталъ:

— Отойди, Мелизанда... и дай мнѣ зельтерской: у меня... ы-ы-ыкъ... оргіазмъ!

Тогда Афросинья обидѣлась.

— А ежели ты мнѣ, за добродѣтель мою, такія слова,—съ азартомъ возразила она,—то я и—тьфу на

тебя за подобныя твои слова! Въ самъ-дѣлѣ лучше уйтить... Прахъ тебя побери! Дрыхни хоть до вечера! Я за тебя передъ швейцаромъ мелкимъ бѣсомъ разсыпалась, а ты, взамѣнъ того, хорошую такую женщину Мелизадою обзывать? У, безстыдникъ! Самъ-то мелешь чѣмъ ни попадя.

— Дура! Мелизанда была принцесса.

— Да ужъ извѣстно что не честная, ежели польстилась на подобное времяпровожденіе. Эхъ ты! Стыдился бы признаваться! Совсѣмъ молоденькій мальчишка, а уже шематонишь по прынцессамъ.

— Афросинья! Ты сверхъестественно невѣжественна. Говорю тебѣ: принцесса, далекая принцесса.

— Извѣстно, что не близкая, ежели теперича начальство выселило ихнюю сестру на край города, чтобы стало быть, безъ безобразія обывателямъ... Тоже не махонькія, знаемъ мы!.. Но—коль скоро ты теперича по прынцессамъ устремился, то вотъ тебѣ, Михаилъ, мое послѣднее слово: отъ меня играй назадъ, нѣтъ тебѣ больше ко мнѣ хода. Потому что прынцессы эти—довольно мнѣ извѣстныя, и, вдовѣя въ полномъ моемъ здравіи до тридцати пяти годовъ, я страдать, черезъ Мелизадъ твоихъ, въ Калинкинской больницѣ не согласна... Тьфу!

Афросинья ушла, хлопнувъ дверью.

Мишенька Вьенпупульскій, внявъ, наконецъ, голосамъ пробужденнаго разсудка и вопіющей совѣсти, съ трудомъ поднялся и сѣлъ на постели. Въ головѣ его черти играли въ чехарду, въ вискахъ стучали кузнечные молоты, въ ушахъ звонили колоколами нелѣпыя риѳмы: тузъ... картузъ... паспарту-съ... паспарту-съ... тузъ... картузъ... Икалось пивомъ, коньякомъ, шартрезомъ, въ глаза то и дѣло вступалъ зеленый туманъ, въ которомъ дико крутились фавны съ Рождественской и сатирессы отъ Пяти Угловъ...

Мачичъ—веселый танецъ
И очень жгучій,
Привезъ его испанецъ,
Брюнетъ могучій...

Вспоминались незаплаченный счетъ въ трактирѣ и Францискъ Ассизскій, столкновеніе съ городовымъ на углу Чубарова переулка и цитата изъ В. В. Розанова, чья-то розовая персь съ родинкою и угрюмый Скиталецъ, анекдотъ объ устрицѣ, которую четверо глотали, но не могли удержать, и актеръ Сырголанскій, ухарски заливающійся подъ гитару:

Й-эхъ, ды понапрасну ты, мальчикъ сюды ходишь,
Й-эхъ, ды понапрасну ты слезы льешь,
Й-эхъ, ды ничего ты, мальчикъ, не получишь,
Дуракомъ домой пойдешь!

Опять вошла Афросинья—мрачная, сердитая.

— Спрашиваетъ тамъ тебя какой-то...—буркнула она съ враждебностью.

Мишенька сконфузился и струсилъ.

— Можетъ... опять швейцаръ изъ конторы?—пролепеталъ онъ сухимъ мятымъ языкомъ.

— Нѣтъ... кое—швейцаръ! Швейцаръ — мужчина солидный, а энтотъ—такъ... одно пуховѣтріе!... Карточку далъ... на, держи...

Мишенька прочелъ:

Князь

Святославъ Петанлеровичъ

Омонъ-Кшепшицюльскій-Вадбольскій-Одоевскій.

Сверхъ-интервьюеръ

газеты

«С В А Л К А».

Вверху красовалась княжеская корона, внизу обозначенъ былъ адресъ. Сонъ съ Мишеньки—какъ рукою сняло.

— Гдѣ же онъ? —возопилъ онъ, заметавшись по комнатѣ и безтолково хватая то ту, то другую принадлежность своего туалета.

— Гдѣ-жъ ему еще быть... велѣла въ колидорѣ сидѣть...

Мишенька только руками всплеснулъ.

— Въ коридорѣ?! Дура! Зарѣзала ты меня... Вѣдь это князь!

Въ оловянныхъ глазахъ Афросиньи зажглась искорка любопытствующаго сомнѣнія:

— Ужъ и князь... станутъ къ тебѣ, куцому, князья ѣздить!

— Князь, говорю тебѣ — князь... настоящій... видишь: корона?.. Ай-ай-ай... А я не одѣтъ... И онъ ждетъ... И въ коридорѣ воняетъ лукомъ и капустою, и чортъ знаетъ, чѣмъ...

— Можно?

Въ дверь просунулась чернявая мордочка еще очень юнаго, но необычайно дѣловитаго и желтолицаго, маленькаго господина въ pince-nez. Не ожидая отвѣта, господинъ быстро подошелъ къ одру оцѣпенѣвшаго Мишеньки Вьенпупульскаго и потрясъ его за руку.

— Вадбольскій-Кшепшицюльскій... Являюсь къ вамъ по порученію газеты «Свалка»... Газета политическая, общественная, литературная и даже иногда уплачиваетъ сотрудникамъ гонораръ...

Мишенька лепеталъ.

— Чрезвычай... чайно... радъ... кн... такая честь... чѣмъ могу служить? Извините, вы застали меня въ такомъ безпорядкѣ...

— Ничего,— снисходительно сказалъ князь Вадбольскій-Кшепшицюльскій, опускаясь легонькимъ тѣльцемъ своимъ на диванъ и измѣряя измятый ликъ Мишенькинъ критическимъ взглядомъ человѣка опытнаго и много искушеннаго.—Ничего, я вижу: вы въ оргіазмѣ... Я привыкъ:

поэты по утрамъ всегда въ оргiазмѣ... Нѣкоторые — въ участкѣ, другiе — въ оргiазмѣ. Иныхъ даже, passez le mot, рветъ, но у васъ, очевидно, крѣпкая натура. Пожалуйста, не стѣсняйтесь меня и... извините, но этакъ вы никогда не надѣнете штановъ, надо перевернуть, штаны надѣваются совсѣмъ съ другой стороны. Да! Ужъ на что Пшибышевскiй, но и тотъ надѣваетъ штаны сверху внизъ—отъ пуговицъ къ штанинамъ, а не отъ штанинъ — къ пуговицамъ,

— Чортъ возьми!

Мишенька сгорѣлъ со стыда. Князь же, все такъ же опытно, пощупалъ матерiю брюкъ, которые натягивалъ Вьенпупульскiй на ноги свои, и продолжалъ:

— Хорошая вещь... Гдѣ прiобрѣли? сколько платили?

— Въ Гостиномъ... четырнадцать съ полтиною...

Князь презрительно оттопырилъ нижнюю губу.

— Боже-жь мой! это — дневной грабежъ... Приходите къ намъ въ магазинъ въ Александровскомъ рынкѣ... мы вамъ дадимъ такiя за шесть рублей... Это же грабежъ!..

— Магазинъ князя Вадбольскаго въ Александровскомъ рынкѣ?—нѣсколько изумился Мишенька.

Князь хладнокровно поправилъ:

— Нѣтъ, не князя Вадбольскаго, князья Вадбольскiе готовымъ платьемъ покуда еще не торгуютъ, но Омона-Кшепшицюльскаго. А, собственно-то говоря, и не Омона Кшепшицюльскаго, но Абрума Iогихеса... Знаете, бѣдный еврей, права жительства въ столицахъ не имѣетъ... ну, такъ на мое имя магазинъ держитъ и за это обязанъ мнѣ платить двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Э! Дешево! Честное слово Омона-Кшепшицюльскаго, дешево. Но — что дѣлать? Люблю дѣлать добро людямъ. Отличный старикъ, только сiонистъ ужасный. Въ Владимiра Жаботинскаго до страсти влюбленъ.

— Гмъ... да, вы — въ самомъ дѣлѣ — князь?—спросилъ Мишенька, разочарованный и уже не безъ сердца.

Молодой человѣкъ отвѣчалъ хладнокровно, почему-то

по-польски, но съ ужаснѣйшимъ произношеніемъ, въ которомъ не было слышно рѣшительно ничего польскаго:

— Жебы барзо, то не, але овшемъ.

— Какъ-съ?

— Не то, чтобы очень — князь, но — въ нѣкоторомъ родѣ.

— Однако, въ какомъ именно родѣ?

— Говорю же вамъ: въ нѣкоторомъ.

— Чортъ знаетъ что. Да вы какъ—князь-то? По грамотѣ или по родословію?

— И не по грамотѣ, и не по родословію, а — по самочувствію.

— Не понимаю!

— А очень просто. Чувствую себя княземъ Вадбольскимъ-Одоевскимъ — и шабашъ.

— И именно Вадбольскимъ-Одоевскимъ?

— Да вѣдь князья Вадбольскіе и Одоевскіе давнымъ давно всѣ умерли... кому же мое княжество будетъ обидно? Мертвымъ тѣломъ — хоть заборъ подпирай. Я нарочно по всему гербовнику такихъ князей искалъ, чтобы отъ нихъ ни синь-пороха не осталось. А мнѣ оно для визитной карточки хорошо. Другихъ репортеровъ и интервьюеровъ великіе міра сего держатъ въ переднихъ и даже на подъѣздахъ, какъ лакеевъ какихъ-нибудь, а предо мною — съ тѣхъ поръ, какъ я завелъ себѣ эти карточки, всѣ двери настежь...

— Однако, моя дура Афросинья...—смущенно возобновилъ было извиненія Мишенька. Но юноша великодушно отмахнулся рукою.

— Ну, что!.. стоитъ ли обращать вниманіе?.. Чего же ждать отъ безграмотнаго невѣжества?.. Она не только, что князя Вадбольскаго-Одоевскаго, она — самому Юпитеру ведро съ помоями на голову выльетъ... Итакъ, любезнѣйшій поэтъ, дорогой maître, милый monsieur Вьенпупульскій, я имѣю порученіе отъ газеты «Свалка» интервьюи-

ровать васъ, какъ вновь выходящую звѣзду русской литературы.

— Очень пріятно,—пробормоталъ Мишенька радостно сконфуженный и пылающій румянцемъ.—«Свалка» — вѣдь это то же самое, что «Отбросы»?

— А, нѣтъ! Помилуйте, какъ можно! Въ «Свалкѣ» издатель Эммануилъ Захаровичъ, а въ «Отбросахъ» Захаръ Эммануиловичъ... Мы же—направо, а «Отбросы» же—налѣво.

— Но меня увѣряли, будто существуетъ общность кассъ?

— Что вамъ до общности кассъ? Вы смотрите на направленіе! Общность кассъ, общность квартиры, общность типографіи, общность бумаги—все это пустяки... условности... Поневолѣ заведешь общность кассъ, когда, по нынѣшнему времени, не знаешь, гдѣ сказать—да, гдѣ—нѣтъ... Ну, и, значитъ, надо такъ устраиваться, чтобы—въ двухъ направленіяхъ. Сказалъ: да,—хлопнули. Наплевать. Есть другой органъ, который говорилъ: нѣтъ. Сказалъ: нѣтъ,—конфисковали. Наплевать. Въ продажѣ другой органъ, который говорилъ: да... Необходимая самооборона-съ—въ борьбѣ за идею, по законамъ сего времени. Вотъ она откуда—общность-то кассъ получается! А то—мы направо, а «Отбросы»—налѣво. Итакъ, я васъ интервьюирую...

— Но я, право, еще не заслуживаю... И откуда вы узнали, что я—восхожу?

— А это издателю «Свалки» сестра Фрина внушала,—обстоятельно разъяснилъ интервьюеръ.—Прискакала къ нему ни свѣтъ, ни заря... И—когда только выспалась! Разбудила... по спальнѣ ходитъ, по кабинету ходитъ... хвостомъ вертитъ... чернильницу на письменномъ столѣ перевернула... съ камина двѣ статуэтки уронила... «Талантъ... Вьенпупульскій... фавнъ... Александрія... тайна пола... бабушка со звономъ»... Никто

ничего не понимаетъ. Ну, вы сами хорошо понимаете, что, когда никто ничего не понимаетъ, то современный издатель понимаетъ, что это, значитъ, очень хорошо. И нашъ издатель сейчасъ же командировалъ меня къ вамъ для интервью. Могу я предлагать вамъ вопросы?

— Пожалуйста...

— Во-первыхъ, вотъ объ этой самой вашей бабушкѣ... Вы вчера всѣхъ ею заинтересовали. Итакъ, вы признаетесь, что тайну пола открыла вамъ въ банѣ ваша собственная бабушка?

— Это не совсѣмъ вѣрно,—сконфузился Мишенька.— Напротивъ, сколько помню, она тщательно отъ меня закрывалась.

— Но—звенѣла же? Вѣдь вы вчера сами разсказывали, что звенѣла?

— Ну, да... я не отрицаю... тазомъ звенѣла.

— У вашей бабушки звенѣлъ тазъ?

— Конечно... Почему же ему не звенѣть?

— Гм... мы, интервьюеры, ничему не удивляемся,— это нашъ принципъ. Однако, на этотъ разъ, я, напротивъ, позволю себѣ спросить: почему же тазу вашей бабушки было звенѣть?

— Но—потому что онъ былъ мѣдный!

— Символически?

— Вовсе нѣтъ. Безъ всякихъ символовъ. Обыкновенный мѣдный тазъ тульской работы.

— Удивительная игра природы!—воскликнулъ князь-интервьюеръ, записывая въ книжку стенографическими знаками:

«Бабушка г. Вьенпупульскаго, по всей вѣроятности, представляла собою почтенный и прекрасный пережитокъ бронзоваго вѣка, такъ какъ имѣла мѣдный тазъ тульской работы. Талантливый внукъ, которому она открыла тайну пола, со свойственною ему поэтическою оригинальностью,

находитъ это чудо тѣлосложенія обыкновеннымъ. Excusez du peu!».

Записавъ, онъ вздохнулъ и устремилъ на Мишеньку мечтательный взглядъ:

— Отчего вы не показывали вашу бабушку въ паноптикумѣ? Могли нажить хорошій капиталъ. Поэту нуженъ капиталъ. Безъ капитала—какая же свобода творчества?

— Я полагалъ... наоборотъ...—пролепеталъ Мишенька,—поэтъ... мансарда... гризетка...

— Старина. Какой же поэтъ въ наше время живетъ въ мансардѣ и съ гризеткой!—остановилъ его интервьюеръ.—Поэтъ, ежели настоящій, онъ, по нынѣшнему времени, на купчихѣ женится и тысячъ двѣсти либо триста въ приданое беретъ.

— Да что вы?—пріятно изумился Мишенька и даже облизнулся, впервые ощутивъ во всю глубину самочувствія: однако, пріятно быть поэтомъ!

— Вѣрно, говорю вамъ. Купчиха сейчасъ на поэта падка. Былъ въ модѣ офицеръ, былъ въ модѣ адвокатъ, потомъ пошелъ врачъ женскихъ болѣзней, потомъ актеръ, потомъ велосипедистъ, а въ настоящее время—поэту лафа... Всѣхъ прочнѣе въ купчихиномъ сердцѣ, конечно, всегда и все-таки кучеръ. Но это уже, такъ сказать, расовая эндемія. Эпидемически же сейчасъ торжествуетъ поэтъ. Вы-то женаты?

— Нѣтъ.

— Такъ, торопитесь, почтеннѣйшій, пользуйтесь моментомъ. Сами не замѣтите, какъ полъ-милліончика слизнете, покуда вамъ эта ваша мѣднотазая бабушка ворожитъ. Н-да-съ... Пойдемъ, однако, дальше! Вашъ любимый писатель?

— Пушкинъ.

— Пушкинъ?—съ недоумѣніемъ повторилъ интервьюеръ.—Не слыхалъ! Онъ гдѣ же печатается?

— Какъ—гдѣ?!—изумился Мишенька. —Пушкинъ? Вы, вѣроятно, не разслышали: я сказалъ — Пушкинъ.

— Ну-да, — гдѣ? Въ «Вѣсахъ»? Въ «Золотомъ Рунѣ»? Въ «Перевалѣ»? Въ «Грифѣ»? Въ «Скорпіонѣ»?.. Предупреждаю васъ, что, если въ «Вѣсахъ» или «Скорпіонѣ», то это уже старо... декадентская академія! Выберите что нибудь plus moderne.

— Послушайте, князь, вы просто смѣетесь надо мною. Не можетъ же быть, чтобы вы не знали пушкинскихъ стиховъ.

— Pardon, почему же, однако, я долженъ знать всякіе стихи? Мало ли кто, гдѣ и что пишетъ? Я знаю Пушкинскую улицу, Пушкинскій скверъ, Пушкинскій монументъ, но откуда же я буду знать пушкинскіе стихи, — тѣмъ болѣе, если ихъ, какъ я могу заключить изъ вашихъ словъ, нигдѣ не печатаютъ?.. Ба! ба! ба!.. позвольте, позвольте... Припоминаю немножко... Пушкинъ, Пушкинъ... Это — тотъ самый, котораго гг. Брокгаузъ и Эфронъ издаютъ съ картинками?

— Кажется.

— Такъ бы вы и сказали... Блокированный!

— То-есть?

— Очень просто: онъ былъ Пушкинъ, а теперь его проредактировалъ Блокъ, и сталъ онъ — Блокированный? Вѣдь г. Блокъ—что съ Пушкинымъ сдѣлалъ-то! Подсчиталъ, сколько разъ Пушкинъ букву «а» въ стихахъ своихъ употребилъ. Вы только поймите, какая это великая статистическая работа! Сколько пользы для отечества, вселенной и еще нѣсколькихъ мѣстъ! И — какое самопожертвованіе! Кому нужно отъ Пушкина — «Я помню чудное мгновенье», кому — «Для береговъ отчизны дальней», тому — «Онѣгинъ», этому — «Борисъ Годуновъ», а г. Блокъ, знай, сидитъ, да подсчитываетъ: а-а, а-а, а-а... Вотъ что у него изъ Пушкина-то выходитъ! Знаете: не умалясь, яко дѣти, не войдете въ царствіе небесное. Пре-

восходное, скажу вамъ, занятіе для молодыхъ талантовъ: одинъ считаетъ «азы» въ Пушкинѣ, другой «буки» въ Лермонтовѣ, третій «покои» у Гоголя... Ежели этакъ азбуку раздѣлить между молодыми талантами, — по буквѣ на физіономію, — то каждымъ писателемъ 36 талантовъ занять возможно. Сиди да редактируй: а-а, бе-бе, ве-ве... глаголей — 146, добра — 284, како — 80, ѳита — 1... Я не понимаю, чего «правая» зѣваетъ? На эту штуку надо капиталъ отсыпать, большую субсидію дать.

— За что же?

— Какъ за что? Помилуйте! «Правую» все упрекаютъ, что она стремится объидіотить молодежь. Согласитесь, что непріятно слушать.

— Конечно, но...

— Позвольте теперь. Если правая субсидируетъ молодежь для занятій Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, и пр., и пр.,—хотя бы до Кирилла Туровскаго включительно, то не опровергнетъ ли она тѣмъ злокачественную клевету и не докажетъ ли, что не только не гонитъ науки и литературу, но даже имъ покровительствуетъ?

— Докажетъ, но...

— Позвольте теперь. Но ежели занятія Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ и т. д. сведены будутъ къ тому, чтобы считать а-а, бе-бе, ве-ве, число запятыхъ, тире и двоеточій, то, — хотя Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь суть Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, — не обратятся ли изучающіе Пушкина, Лермонтова и Гоголя молодые люди, въ самомъ непродолжительномъ времени, въ совершеннѣйшихъ идіотовъ?

— Думаю, что средство — безошибочно надежное.

— Итакъ: клевета опровергнута, ибо занятіе молодежи дано само интеллигентное, а, между тѣмъ, благая цѣль достигнута, ибо отъ интеллигентнаго занятія этого расплодится на Руси, въ самое короткое время, по крайней мѣрѣ, 36.000 идіотовъ. Вѣдь не меньше же тысячи

у насъ на Руси писателей-то было, начиная съ Кирилла Туровскаго! Какъ же не субсидировать? Вѣдь это, батюшка, панацея. Насчитавшись азовъ до глаголей, уже не до революціевъ да мечтаніевъ. Мозгъ-то нирванистый сдѣлается: словно промоклая вата. Не то, что Пушкина, а хоть всѣхъ Марксовъ-Лассалей такимъ манеромъ прочитай — мыслишка-то въ головѣ даже не шевельнется.

— Вы совершенно правы, князь. Но, мнѣ кажется, вы упускаете изъ вида то серьезное неудобство, что оглупленіе юношества будетъ производиться крайне неравномѣрно. Потому что однѣ буквы употребляются въ русскомъ языкѣ очень часто, другія же, наоборотъ, почти никогда не употребляются. Поэтому — нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что счетчикъ, получившій на свою долю букву «п», не замедлитъ утѣшить ваши ожиданія образцовымъ идіотизмомъ. Но, напримѣръ, у попавшаго на «ѳиту» — уже останется много свободнаго времени, чтобы бѣгать глазами по строкамъ и задумываться о междустрочіяхъ. Не говорю уже объ ѵжицѣ, съ которою теперь пишутся только ѵподіаконъ, ѵсопъ и мѵро, потому что синодъ уже зазнался и требуетъ себѣ «и» восьмеричнаго. Вѣдь попасть на ѵжицу — это синекура. Тутъ досуга столько, что человѣкъ и самъ не замѣтитъ, какъ, шмыгая глазами по тексту, сдѣлается хорошо еще, если только кадетомъ, а то даже и эсъ-эромъ.

— А тогда вотъ ему покажутъ, какъ прописывается ѵжица! — спокойно возразилъ интервьюеръ. — Что же касается менѣе рѣзкихъ оттѣнковъ, то — помилуйте! — должны же и въ идіотизмѣ быть свой центръ, правая, лѣвая, крайняя правая, крайняя лѣвая. Слава Богу, въ конституціонной странѣ живемъ. Напротивъ, ваше возраженіе открываетъ лишь новое удобство въ томъ отношеніи, что, зная, какая буква встрѣчается чаще другихъ, можно будетъ всегда подготовлять почти навѣрняка именно ту степень притупленія мозговъ, какая по обстоятель-

ствамъ требуется. Хотите вы, скажемъ, чтобы изъ молодого человѣка вышелъ Пуришкевичъ,—сажаете его на «покой». Чтобы сфабриковать Гучкова или Плеваку, «покой» уже слишкомъ сильное средство, достаточно «рцы», «слово», «твердо». А, ежели долженъ получиться только Маклаковъ, то дальше, чѣмъ «живете» и «землею», его и тиранить грѣхъ. Нельзя же вовсе безъ оппозиціи. Даже на правой ногѣ—и то большой палецъ лѣвѣе мизинца... Однако, позвольте, я увлекся, и выходитъ какъ-то у насъ, что уже не я васъ, а вы меня интервьюируете.

— Откровенно говоря,—пробормоталъ, держась рукою за голову, Мишенька Вьенпупульскій,—я очень тому радъ, такъ какъ мнѣ ужасно скверно... ой, какъ скверно!.. ой! и... и извините, князь, я долженъ... ой! ой!

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь въ вашемъ оргіазмѣ. Дѣло привычное.

Когда Мишенька отдышался, у него глаза полны были слезъ и на лбу густо выступила роса холоднаго пота. Интервьюеръ же смотрѣлъ на него съ участіемъ и говорилъ:

— Утренняя борьба дворянина съ умывальникомъ. Бываетъ. Не стѣсняйтесь. Это даже очень кстати для вашей характеристики. Новый человѣческій документъ!

III.

ВЬЕНПУПУЛЬСКІЙ ВЪ КІЕВѢ.

Мишенька Вьенпупульскій прославился. Газеты, въ отдѣлѣ «Фиги и ихъ описатели», печатали его фамилію съ почтительной прибавкой maître. Въ трактирѣ «Вѣна» буфетчикъ открылъ ему кредитъ до трехъ съ полтиною. Больше того: за свой разсказъ «Бабушка безъ юбки и внучекъ безъ штановъ» Мишенька даже получилъ изъ редакціи «Отбросовъ» гонораръ въ размѣрѣ цѣлыхъ десяти рублей и—немедленно совралъ, будто «сорвалъ тысячу». Чтобы сдѣлаться окончательно великимъ человѣкомъ, Мишенькѣ недоставало теперь только подраться въ ватеръ-клозетѣ съ инженеромъ путей сообщенія, выдержать курсъ водолеченія отъ бѣлой горячки и быть приглашеннымъ на литературныя гастроли. Но все это онъ уповалъ, съ Божіей помощью, въ скоромъ времени наверстать.

И вотъ—свершилось. Пришла телеграмма:

«Вьенпупульскому.

Просимъ принять участіе въ очередномъ увеселительномъ вечерѣ кіевскаго общества Скукоотчаянія, дорога наша, бутерброды ваши, крѣпкіе напитки пополамъ.

Директоръ-распорядитель

Звѣвай-Курослѣповъ».

Похваставшись телеграммою общества Скукоотчаянія въ трактирѣ «Вѣна» (буфетчикъ увеличилъ кредитъ до 4 рублей!), уморивъ завистью добрый десятокъ начинающихъ поэтовъ и прозаиковъ и покоривъ подъ нозѣ своя сердца, по крайней мѣрѣ, дюжины молодыхъ поэтессъ, въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ и вѣсомъ около 8 пудовъ и выше, Мишенька, наконецъ, отбылъ въ Кіевъ и, двое сутокъ спустя, достигъ его безъ всякихъ приключеній. Даже ни разу не былъ зарѣзанъ и ограбленъ!

Ѣдучи въ саняхъ съ вокзала въ городъ, Мишенька Вьенпупульскій былъ обрадованъ оживленнымъ движеніемъ публики по кіевскимъ тротуарамъ.

— Встрѣчаютъ!—самодовольно думалъ онъ и, къ удивленію прохожихъ, любезно раскланивался направо и налѣво.

Какъ разъ въ это время, въ безчисленныхъ кіевскихъ церквахъ заблаговѣстили къ вечернѣ.

— Даже съ колокольнымъ звономъ!—рѣшилъ Мишенька Вьенпупульскій,—и слеза благодарности повисла на его густой рѣсницѣ. Онъ былъ тронутъ. О, если бы товарищи изъ «Вѣны» видѣли его въ сей высокоторжественный мигъ!

Ѣдучи мимо монумента Бобринскаго, Мишенька спросилъ возницу:

— Кто такой?

— Бобринскій.

— Участвовалъ въ сборникахъ?

— Сахаръ дѣлалъ.

Мишенька сказалъ себѣ:

— Его труды были сладки, какъ сахаръ... Очевидно, нашъ братъ—декадентъ!

И снялъ картузъ.

Доползли до Золотыхъ Воротъ.

— Каково?—воскликнулъ Мишенька,—добрые кіевляне уже строятъ для меня Тріумфальную арку!

— Это-съ Золотыя Ворота,—указалъ возница.

Мишенька скромно потупилъ глаза.

— Ну, зачѣмъ же Золотыя? Это слишкомъ — такъ тратиться. Достаточно было бы каменныхъ.

Наконецъ, Мишенька, слава Богу, былъ благополучно внѣдренъ въ меблированныя комнаты «Санъ-Ремо». А, когда онъ внѣдрился въ меблированныя комнаты «Санъ-Ремо», то, прежде всего, пришелъ къ нему интервьюеръ Душа Тряпичкинъ, и произошло между Мишенькою Вьенпупульскимъ и Душою Тряпичкинымъ нижеслѣдующее собесѣдованіе.

* *
*

Мишенька Вьенпупульскій. А Кіевъ вашъ—недурной городишко. Право. Или, какъ Максимиліанъ Волошинъ говоритъ, ма фуа. Довольно стильный. Странно, что его никто не знаетъ.

Душа Тряпичкинъ. То есть, какъ же это никто не знаетъ, Михаилъ... Михаилъ...

Мишенька Вьенпупульскій. Зовите меня просто—maître!

Душа Тряпичкинъ. Просто?

Мишенька Вьенпупульскій. Просто. Ничего, я невзыскателенъ.

Душа Тряпичкинъ. Какъ же это, просто мэтръ, нашего Кіева никто не знаетъ? Еще Несторъ...

Мишенька Вьенпупульскій. Академикъ. Не читаю. Не признаю. Вы бы еще на Кони сослались, либо на Арсеньева.

Душа Тряпичкинъ. Позвольте, просто мэтръ. Почему же, однако, Несторъ—академикъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Потому что его въ академію членомъ выбрали. Я самъ читалъ телеграмму въ газетахъ. Гдѣ вы живете, если даже такихъ вещей не знаете?

Душа Тряпичкинъ. Виноватъ, просто мэтръ, но телеграмма была о Несторѣ Котляревскомъ!

Мишенька Вьенпупульскій. А развѣ есть другой?

Душа Тряпичкинъ. Какъ же-съ! Лѣтописецъ Несторъ.

Мишенька Вьенпупульскій. Незнакомъ.

Душа Тряпичкинъ. Жилъ девятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Нынѣ же здѣсь, въ Печерской лаврѣ, подъ спудомъ почиваетъ.

Мишенька Вьенпупульскій. Ну, это какой-то тамъ вашъ мѣстный Несторъ. Не могу же я знать всѣхъ провинціальныхъ литераторовъ! И, при томъ, девятьсотъ лѣтъ тому назадъ... Вы называете это—moderne?

Душа Тряпичкинъ. Осмѣлюсь замѣтить,—тѣмъ не менѣе, сочинялъ не безъ таланта-съ.

Мишенька Вьенпупульскій. Почтеннѣйшій! Зарубите себѣ на носу: настоящихъ талантовъ въ Россіи только два. Одинъ,—я. Другой, поменьше,—Строѳокамилъ Подрубашевъ. Поняли?

Душа Тряпичкинъ. Понялъ-съ. Слушаю-съ. Точно такъ-съ.

Мишенька Вьенпупульскій. Подрубашевъ русскій Золя, а я—Мопассанъ. Да. Запишите, а то переврете. Фамиліи иностранныя.

Душа Тряпичкинъ. Не переврусъ. Вы—русскій Золя, а Строѳокамилъ Подрубашевъ—Мопассанъ...

Мишенька Вьенпупульскій. Ну, вотъ уже и переврали. Дуракъ!

Душа Тряпичкинъ. Помилуйте! За что же?

Мишенька Вьенпупульскій. Еще обижается!..

Душа Тряпичкинъ. Вѣдь, ежели на то пойдетъ, я тоже могу сказать: отъ дурака слышу.

Мишенька Вьенпупульскій. Нѣтъ, не можете.

Душа Тряпичкинъ. Почему же-съ?

Мишенька Вьенпупульскій. Потому что въ вашихъ устахъ дуракъ—ругательство и дерзость, а въ моихъ—литературный пріемъ.

Душа Тряпичкинъ. Однако, въ разсужденіи гражданскаго равноправія...

Мишенька Вьенпупульскій. Ахъ, не начинайте, пожалуйста, про эту мѣщанскую пошлость... Равноправіе! Равноправіе!.. Что мы? Въ 1905-мъ году, что-ли?..

Душа Тряпичкинъ. А вы этотъ годъ не любите?

Мишенька Вьенпупульскій. Хорошъ былъ, нечего сказать! Мы съ Подрубашевымъ тогда чуть зубы на полку не положили. Мы! Золя и Мопассанъ! Горькій, да Горькій! да—безумство храбрыхъ! да вставай, подымайся, рабочій народъ! да—вы жертвою пали въ борьбѣ роковой! А голыхъ бабъ хоть и на рынокъ не носи: никто не спрашивалъ, не то, чтобы покупать... Зато теперь уже, благодареніе цензору, на нашей улицѣ праздникъ.

Душа Тряпичкинъ. Благодареніе—Дмитрію Цензору?

Мишенька Вьенпупульскій. Нѣтъ, просто цензору, всякому цензору. Потому что теперь—революціевъ-то,—братъ,—ни-ни! дудки! разводить не велѣно! Кто идеи въ головѣ имѣетъ, — того не по 129-й, такъ по 74-й!.. Ха-ха-ха!

Душа Тряпичкинъ. Чему же вы, собственно, радуетесь, просто мэтръ?

Мишенька Вьенпупульскій. Какъ — чему? Лавка шибко торгуетъ, выручка хороша, вотъ чему радуюсь... А Горькій-то — тю-тю! «Знаніе»-то — на сухоядѣніи!

Душа Тряпичкинъ. Позвольте, просто мэтръ. Я долженъ сознаться, что ваши слова производятъ на меня

странное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ подобные восторги мы слыхали только отъ черносотенцевъ...

Мишенька Вьенпупульскій. Я —черносотенецъ? Мы—черносотенцы? Никогда! Мы—революціонеры духа! Мы лѣвѣе всѣхъ лѣвыхъ! Мы у лѣва влѣвѣ остались.

Душа Тряпичкинъ. Не понимаю!

Мишенька Вьенпупульскій. Мы такъ послѣдовательно шли налѣво, что обогнули весь земной шаръ и—уткнулись вправо. Понимаете? Теперь, что право, то лѣво, а, что лѣво, то право.

Душа Тряпичкинъ. Такъ что, напримѣръ, Максимъ Горькій...

Мишенька Вьенпупульскій. Реакціонеръ.

Душа Тряпичкинъ. Плехановъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Буржуа!

Душа Тряпичкинъ. Кропоткинъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Старый бормотунъ!..

Душа Тряпичкинъ. Но, въ такомъ случаѣ, кто же? кто же?

Мишенька Вьенпупульскій. Какъ — кто? Вотъ—я и Строѳокамилъ Подрубашевъ.

Душа Тряпичкинъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, вы, просто мэтръ, никогда и рѣшительно ничѣмъ не проявили...

Мишенька Вьенпупульскій. И не надо проявлять. Старомодно и безвыгодно. Зачѣмъ? Однѣ непріятности—и никакого гонорара.

Душа Тряпичкинъ. Но...

Мишенька Вьенпупульскій. Знаете ли вы, что значитъ быть революціонеромъ?

Душа Тряпичкинъ. Кажется, видалъ примѣры.

Мишенька Вьенпупульскій. Неправда, не знаете. Я вижу: у васъ въ головѣ Бакунины прыгаютъ.

Ерунда! Быть революціонеромъ, батенька, значитъ—ночевать въ публичномъ домѣ, напиться до краснорѣчія и устроить скандалъ съ проституткою.

Душа Тряпичкинъ. Не можетъ быть?!

Мишенька Вьенпупульскій. Такъ говоритъ Андреюстра!.. Вы блѣднѣете?

Душа Тряпичкинъ. Отъ ужаса. Вѣдь въ такомъ случаѣ Кіевъ—въ страшной опасности. Подобныхъ революціонеровъ у насъ, я думаю, наберется тысячъ двадцать пять.

Мишенька Вьенпупульскій. Да? Скажите, какой передовой городъ! Повторяю: странно, что его никто не знаетъ.

Душа Тряпичкинъ. Помилуйте, просто мэтръ, вы, наконецъ, меня обижаете. Говорю же вамъ, что еще Несторъ...

Мишенька Вьенпупульскій. Ахъ, опять Несторъ! Вотъ присталъ! Ну, что вашъ Несторъ?

Душа Тряпичкинъ. Говорилъ, что Кіевъ есть мать городовъ русскихъ.

Мишенька Вьенпупульскій. А знаете? Вашъ Несторъ, въ самомъ дѣлѣ, не такъ плохъ, какъ я думалъ! Кіевъ—мать! Это—moderne! Это—сильно. Это—изъ Кузьмина. Слушайте! Играетъ вдохновеніе! Я напишу разсказъ. Кіевъ лежитъ на горахъ и рожаетъ... городъ за городомъ... и въ каждомъ городѣ отдѣленіе союза истинно-русскихъ людей... Да! Рожаетъ... Но—вотъ только—отъ кого? Да! Отъ кого?

Душа Тряпичкинъ. Если позволите предложить, у насъ есть нѣкто Юзефовичъ.

Мишенька Вьенпупульскій. Способенъ?

Душа Тряпичкинъ. То-есть—какъ вамъ сказать? Для продолженія рода человѣческаго—не посовѣтую, ну, а для скотнаго двора—ничего.

Мишенька Вьепупульскій. Юзефовичъ, Юзе-

фовичъ... Надо запомнить на всякій случай. Позвольте: это не то же самое, что Пихно?

Душа Тряпичкинъ. Нѣтъ, Пихно—совсѣмъ другое.

Мишенька Вьенпупульскій. Н-да-съ. Пихно у васъ есть, Юзефовичъ есть, а все-таки—повторяю—никто васъ не знаетъ. Кіевъ? Что такое Кіевъ? Обойдите весь Петербургъ, вы не найдете ни одного порядочнаго трактира, который бы назывался «Кіевъ». Есть «Вѣна», есть «Афганистанъ», есть «Нѣменчинскій», есть «Городъ Хорьки»...

Душа Тряпичкинъ. Виноватъ, просто мэтръ, такого города не существуетъ, есть Харьковъ...

Мишенька Вьенпупульскій. Хорьки!

Душа Тряпичкинъ. Харьковъ-съ.

Мишенка Вьенпупульскій. А я вамъ говорю: Хорьки!.. Съ кѣмъ вы спорите?!

Душа Тряпичкинъ. Виноватъ-съ, но это противъ географіи!

Мишенька Вьенпупульскій. И совсѣмъ не противъ. Географія отъ Хорьковъ этакъ влѣвѣ, наискосокъ остается. Кому же знать, если не мнѣ? Я въ Хорькахъ, можно сказать, воспитаніе получилъ и большой выросъ.

Душа Тряпичкинъ. Г. Максимиліанъ Волошинъ подобныя подробности, кажется, не о васъ сообщаетъ, но о г. Брюсовѣ?

Мишенька Вьенпупульскій. Что Брюсовъ! Онъ въ парнасцы лѣзетъ. Буржуа! Обидѣлся, что товарищъ назвалъ его воспитанникомъ публичнаго дома. Эка невидаль! Меня—съ тѣмъ и возьмите!

Душа Тряпичкинъ. Итакъ, ваше образованіе...

Мишенька Вьенпупульскій. И низшее, и среднее, и высшее—все тамъ... Ужо махнемъ, что-ли, коллега?

Душа Тряпичкинъ. Помилуйте! Мнѣ неловко... Я человѣкъ женатый.

Мишенька Вьенпупульскій. Это ничего не значитъ. Я тоже очень люблю свою законную жену.

Душа Тряпичкинъ. Какъ же-съ, читали: вы уже разъ десять о томъ публиковали. Мы даже недоумѣвали нѣсколько: зачѣмъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Для полемики. Ждалъ, что въ полемику кто-нибудь со мною по этому поводу вступитъ.

Душа Тряпичкинъ. Но какая же тутъ возможна полемика? Кажется, ваше личное дѣло?

Мишенька Вьенпупульскій. Какъ—какая? А кто-нибудь возьметъ, да напишетъ: врете, совсѣмъ не любите... А я отвѣчу: нѣтъ, люблю. А мнѣ отвѣтятъ: а имѣете ли вы, въ качествѣ мэтра, право любить свою жену?.. Да—что есть бракъ, да—что есть безбрачіе, да—что есть жена, да—что есть не жена... Мѣсяца на полтора канитель-то можно затянуть только однѣми литературными силами—до гимназистовъ!

Душа Тряпичкинъ. До какихъ гимназистовъ-съ?

Мишенька Вьенпупульскій. До понедѣльничныхъ гимназистовъ. Теперь у насъ въ Петербургѣ такое обыкновеніе. Когда литераторамъ какая-нибудь порнографическая тема начинаетъ пріѣдаться, ее отдаютъ гимназистамъ, чтобы жевали, вмѣсто резины, въ понедѣльничныхъ номерахъ газетъ. Да! Жаль, не удалось довести полемику до гимназистовъ. Гимназисты мою жену года два жевали бы.

Душа Тряпичкинъ. Но какая же вамъ польза въ томъ, чтобы гимназисты два года жевали супругу вашу? На что вамъ необходима жена, столь тщательно прожеванная?

Мишенька Вьенпупульскій. Эхъ, вы, провинція! А реклама-то? Два года имя ваше съ газетныхъ

столбцовъ не сойдетъ,—такъ поневолѣ всякій дуракъ его запомнитъ. Вьенпупульскій? это который?—А! еще его жену намедни въ газетахъ жевали!.. Когда литературную жену жуютъ,—мужу польза... Эхъ! Душа на распашку! Хотите,—скажу вамъ всю правду?

Душа Тряпичкинъ. Обяжете.

Мишенька Вьенпупульскій. Такъ знайте же: никакой жены у меня нѣтъ. Ни законной, ни незаконной. Я жену для рекламы выдумалъ.

Душа Тряпичкинъ. Хорошо хоть, что дѣтей нѣтъ!

Мишенька Вeнпупульскій. Надо будетъ для рекламы,—и про дѣтей навру. Ничего не жаль для литературы!

Душа Тряпичкинъ. Извините, просто мэтръ, но мнѣ кажется, что предлогъ для полемической рекламы вы выбрали, все-таки, не совсѣмъ удачный. Любить свою жену—что же тутъ необыкновеннаго?

Мишенька Вьенпупульскій. Пожалуй, для буржуа, какъ вы. Но для русскаго Золя...

Душа Тряпичкинъ. Позвольте, просто мэтръ: прошлый разъ вы изволили сказать, что изволите быть Мопассаномъ.

Мишенька Вьенпупульскій. Врете! Я—Золя. Мопассанъ—Подрубашевъ.

Душа Тряпичкинъ. Ну, право же, вы изволили утверждать, что, наоборотъ: вы—Мопассанъ, а Золя—г. Подрубашевъ.

Мишенька Вьенпупульскій. Врете!.. Не могъ я... У меня записано, кто онъ, кто я... Нарочно у Аничкова спрашивалъ... Тотъ знаетъ!

Душа Тряпичкинъ. Даже дуракомъ изволили обругать меня за то, что я смѣшать осмѣлился.

Мишенька Вьенпупульскій. Ну, можетъ быть... если ужъ вы такъ твердо настаиваете... Да—соб-

ственно говоря,—не все ли мнѣ равно, кѣмъ быть— Золя или Мопассаномъ? Золя, такъ Золя! Мопассанъ, такъ Мопассанъ! Отъ слова не станется.

Душа Тряпичкинъ. Это—что и говорить!

Мишенька Вьенпупульскій. Откровенно говоря, я ни Золя, ни Мопассана вашего даже и не читалъ никогда... чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ ковыряли! Читать глупо. Ужъ если читать, то развѣ свои собственныя сочиненія. Надо, не тратя времени, писать, писать, писать—вотъ, какъ я.

Душа Тряпичкинъ. И преимущественно о голыхъ бабахъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Не преимущественно, а исключительно. Голая баба—это, я вамъ скажу,—сюжетъ: отъ Адама и на десять тысячъ лѣтъ впередъ! Авансомъ!

Душа Тряпичкинъ. Изволите готовить новые шедевры?

Мишенька Вьенпупульскій. Какъ же! «Она въ предбанникѣ»... «Между тѣломъ и мочалкою»... «Взопрѣла»... «Санина» читали?—тоже мое сочиненіе!

Душа Тряпичкинъ. Виноватъ: на книжкѣ написано, будто г. Арцыбашева?

Мишенька Вьенпупульскій. А, да! Есть два «Санина». Одинъ,—точно,—г. Арцыбашева, а другой, позабористѣе,—такъ тотъ ужъ мой.

Душа Тряпичкинъ. Ну, такъ, вѣрно, мы вашего «Санина» читали: ужъ такъ намъ понравилось! пріятное сочиненіе!

Мишенька Вьенпупульскій. Да, я могу! Въ «Новомъ Времени» даже объявленія амурныя вдовицы какія-то, плотью озлобленныя, печатаютъ: «Санина» на свиданія вызываютъ... Ха-ха-ха!

Душа Тряпичкинъ. А скажите, пожалуйста, просто мэтръ, какъ вы относитесь къ тому, что критика

почитаетъ васъ, извините за выраженіе, порнографомъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Да вѣдь какая критика! Газетная! Тьфу, а не критика!

Душа Тряпичкинъ. Не любите газетъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Кто ихъ любитъ? Городничій Сквозникъ-Дмухановскій и депутатъ Шубинскій правы: щелкоперы проклятые!.. То ли дѣло критика настоящая, серьезная, почтенная, солидная...

Душа Тряпичкинъ. А она что говоритъ о васъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Ничего не говоритъ.

Душа Тряпичкинъ. Почему же?

Мишенька Вьенпупульскій. Растерялась.

Душа Тряпичкинъ. То-есть, какъ же это, однако, просто мэтръ?

Мишенька Вьенпупульскій. Такъ. Растерялась. Очень просто. Увидала меня и растерялась. Развѣ долго? Женщина!

Душа Тряпичкинъ. Кто?

Мишенька Вьенпупульскій. Критика-то — женщина, говорю. Увидала, обомлѣла, растерялась, онѣмѣла. Ну, и молчитъ.

Душа Тряпичкинъ. Скажите!

Мишенька Вьенпупульскій. Влюблена очень. Сама не знаетъ, какъ меня опредѣлить, куда меня посадить.

Душа Тряпичкинъ. Быть можетъ, если посовѣтоваться съ профессоромъ Сикорскимъ...

Мишенька Вьенпупульскій. Какой тамъ, къ чорту, Сикорскій! Обо мнѣ Бѣлинскій долженъ писать!

Душа Тряпичкинъ. Но они, кажется, померли?

Мишенька Вьенпупульскій. Мертвый пиши! Генія видишь,—такъ нечего по пустякамъ отлынивать... Который часъ?

Душа Тряпичкинъ. Седьмой въ началѣ. Не от-

нимаю ли я у васъ драгоцѣннаго времени? Быть можетъ вамъ надо приготовиться къ вашему завтрашнему чтенію?

Мишенька Вьенпупульскій. Не безпокойтесь, я всегда безъ этого... Вѣдьмы будутъ?

Душа Тряпичкинъ. Какъ-съ?

Мишенька Вьенпупульскій. Будутъ голыя вѣдьмы?—говорю.

Душа Тряпичкинъ. Гдѣ?

Мишенька Вьенпупульскій. Вотъ идіотъ! На чтеніи моемъ—завтра—голыя вѣдьмы—вѣдьмы голыя—будутъ?

Душа Тряпичкинъ. Помилуйте! Что вы? Напротивъ, весь beau monde...

Мишенька Вьенпупульскій. Жаль. Хорошо бы написать съ натуры настоящую голую кіевскую вѣдьму! А я, было, слыхалъ, что у васъ тутъ гдѣ-то Лысая Гора есть. Сильно на вашу Лысую Гору разсчитывалъ.

Душа Тряпичкинъ. Къ сожалѣнію, упразднена-съ. Вообще, изъ легендарныхъ кіевскихъ урочищъ сейчасъ успѣшно функціонируетъ только одна Аскольдова могила-съ.

Мишенька Вьенпупульскій. М-м-м... Это что-то, знаете, не moderne... При томъ, въ разгарѣ успѣха... Ахъ, милый мой! Какой я имѣю успѣхъ! Какой небывалый, грандіозный, дьявольскій успѣхъ! Особенно у женщинъ... Ручаюсь вамъ: четыре!

Душа Тряпичкинъ. Чего-съ?

Мишенька Вьенпупульскій. По крайней мѣрѣ, четыре кіевлянки погибнутъ завтра, когда я обнаружу предъ ними свою обольстительность! Вы говорите: вы женаты? Не отпускайте вашу жену на мое чтеніе. По-товарищески предупреждаю. Влюбится. Не выдерживаютъ меня женщины. Ужъ очень хорошъ.

Душа Тряпичкинъ. Слушаю-съ. Очень вамъ благодаренъ. Не пущу-съ. Конечно, ужъ если даже критика...

Мишенька Вьенпупульскій. Растерялась... Совершенно растерялась! Сидитъ, смотритъ, глазами хлопаетъ и молчитъ... Даже жаль стало. Того гляди, въ рѣку бросится...

Душа Тряпичкинъ. Не пущу-съ и другимъ скажу, чтобы не пускали.

Мишенька Вьенпупульскій. Нѣтъ, ужъ другимъ—это напрасно. Вы этакъ у меня публику разгоните. Свою не пускайте, а другія—пусть!

Душа Тряпичкинъ. Не смѣя болѣе отнимать минутъ, посвященныхъ занятіямъ государственнымъ...

Мишенька Вьенпупульскій. До свиданья. Все записали? Чуръ, уговоръ,—не перевирать!

Душа Тряпичкинъ.. Кажется, все въ порядкѣ... Вотъ только...

Мишенька Вьенпупульскій. Спрашивайте.

Душа Тряпичкинъ. Извините, опять позабылъ: кто вы, кто г. Подрубашевъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Онъ — Золя, а я—Мопассанъ... Или - чортъ! —я—Золя, а онъ—Мопассанъ?.. Гдѣ-бишь эта аничковская записка?... А! Да что мнѣ съ Подрубашевымъ—дѣтей крестить, что ли? Пишите: я—оба!

Душа Тряпичкинъ. Оба?!

Мишенька Вьенпупульскій. Ну, да! Оба! Я—одинъ—оба: и Золя, и Мопассанъ. Оптомъ. Оба!.. Безъ лицъ—въ двухъ лицахъ божество!

Душа Тряпичкинъ. А Подрубашевъ?

Мишенька Вьенпупульскій. Подрубашевъ—ничтожество! Нуль! Шишъ! Къ чорту Подрубашева! Я—оба!!!

Молчаніе.

Ну? Что же вы на меня глаза-то выпучили?

Душа Тряпичкинъ. Выпучишь!..

Боязливо пятится и исчезаетъ въ дверяхъ.

Занавѣсъ.

Записная книжка.

* * *

Хочу издать сборникъ «Модныхъ сюжетовъ, исправленныхъ и дополненныхъ по закону сего времени». Навели меня на эту мысль нѣкоторыя рецензіи о «Богѣ мести».

Многіе критики прекрасной пьесы талантливаго г. Шоломъ Аша недовольны въ ней одною подробностью: зачѣмъ мѣстомъ дѣйствія избранъ домъ терпимости, и между дѣйствующими лицами—столько проститутокъ. Fi donc!.. Уважая цѣломудріе, но любя пьесу Шоломъ Аша, я долго думалъ, какъ-бы то же самое слово, да иначе молвить: чтобы идея и реалистическая оболочка пьесы не ослабѣли, а институткамъ, буде таковыя окажутся въ театрѣ, было-бы не отъ чего краснѣть? Въ концѣ концовъ, кажется, мнѣ удалось найти, для инкриминируемыхъ подробностей «Бога мести», совершенно невинное, но достаточно выразительное, сильное и въ то же время справедливое замѣстительство.

„БОГЪ МЕСТИ“.

Жилъ-былъ еврей Янкель.

Онъ былъ честный еврей, но профессію имѣлъ скверную.

А именно: издавалъ литературные сборники, въ которыхъ самымъ цѣломудреннымъ писателемъ былъ г. Арцыбашевъ.

У Янкеля была дочь, Ривкеле, хорошая, чистая дѣвушка.

Янкель охранялъ ея цѣломудріе паче зѣницы ока.

Пуще всего боялся Янкель, какъ-бы дочь его, въ одинъ печальный день, не узнала, что родитель издаетъ литературные сборники, и не прочла-бы, что въ нихъ печатаетъ г. Арцыбашевъ. Поэтому Янкель держалъ дочь взаперти и не давалъ ей читать ничего, кромѣ «Нивы» и «Вѣстника Европы».

Ни даже—«Русскаго Богатства»!!! По крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ оно начало печатать романы Рашильдъ!

Жилъ-былъ другой еврей Хаимъ.

Онъ былъ тоже честный еврей, но профессію тоже имѣлъ скверную.

А именно: издавалъ литературные сборники, въ которыхъ самымъ невиннымъ писателемъ былъ г. Кузьминъ.

Оба издателя пылали взаимною ненавистью и старались насолить другъ-другу по возможности больше и ядовитѣе.

Въ одинъ печальный день Ривкеле познакомилась съ поэтессою Манькою, которая сотрудничала въ литературныхъ сборникахъ Хаима, помѣщая въ нихъ стихи о лезбійской лобви.

— А что это такое?—спросила невинная Ривкеле.

— Какъ, душечка?—Вы не знаете?—воскликнула изумленная Манька.—Да гдѣ же вы воспитывались? Я вамъ сейчасъ покажу.

И показала.

А затѣмъ увезла Ривкеле въ литературный трактиръ «Вѣна».

Тамъ Ривкеле увидала много-много дамъ. Многія изъ нихъ были до того пьяны, что, когда обливались пивомъ, то воображали, будто на нихъ падаетъ весенній дождь.

Бѣдная Ривкеле тоже захмѣлѣла. Она тоже обли-

валась пивомъ и тоже воображала, будто на нее падаетъ весенній дождь.

Тогда подошелъ къ ней вкрадчивый Хаимъ и сказалъ:

— Ревекка Янкелевна, будьте такъ добры, примите и вы участіе въ моемъ литературномъ сборникѣ.

Ривкеле возразила:

— А что это такое—литературный сборникъ?

Хаимъ отвѣчалъ:

— А видите ли—когда нѣсколько человѣкъ придумаютъ каждый по пакости, которую совѣстно произнести вслухъ, они пишутъ свои пакости на бумагѣ, а я все написанное соединяю въ книгу, печатаю и продаю.

Ривкеле сказала:

— Мнѣ кажется, это очень нехорошее дѣло—писать пакости?

Хаимъ сказалъ:

— Нѣтъ, когда въ модѣ, ничего. Вашъ папаша промышляетъ тѣмъ же самымъ,—и ничего.

— Конечно, ничего,—подтвердила Манька.—Я же пишу! И ты должна писать. Ну, пожалуйста! Ну, для меня! Ma petite soeur! Напиши, душка!

— Ужъ развѣ для тебя!—вздохнула Ривкеле и—будучи талантлива—написала такую всесовершенную пакость, что даже извѣстный издатель Аскархановъ, читая, только краснѣлъ да крякалъ.

Торжествующій Хаимъ хохоталъ.

Когда вышелъ въ свѣтъ сборникъ Хаима, и Янкель увидалъ въ немъ имя своей дочери въ промежуткѣ г. Кузьмина и С. Городецкаго, онъ схватился за волосы и проклялъ «Ниву» и «Вѣстникъ Европы»:

— Стоило подписываться на труху!

Затѣмъ сказалъ дочери:

— Ужъ если ты пала въ литературный сборникъ, то, по крайней мѣрѣ, поддержи родственную коммерцію: печатай свои пакости не у Хаима, но у меня.

Но Ривкеле отвѣчала:

— Помилуйте, папаша, какой же мнѣ разсчетъ? Вы платите полтинникъ за стихъ, а Хаимъ—рубль. И у Хаима есть Кузьминъ и Манька, а у васъ одинъ г. Арцыбашевъ. Да и тотъ—только «лѣзетъ, но не можетъ».

Такъ Ривкеле и осталась у Хаима.

Ея пакости имѣли огромный успѣхъ. Сборники Хаима, благодаря сотрудничеству Ривкеле, процвѣли, а сборники Янкеля, въ которыхъ продолжалъ лѣзть, но не мочь г. Арцыбашевъ, захирѣли.

Янкель разорился и ликвидировалъ дѣло.

«Нива» и «Вѣстникъ Европы» потеряли подписчика.

Г. Арцыбашевъ долженъ былъ основать собственное сборнико-издательство.

Ривкеле и Манька совершенно спились съ круга и столь безразсудно задолжали въ ресторанѣ «Вѣна», что хозяинъ не разрѣшаетъ имъ кредита больше, чѣмъ—по шнитту пильзенскаго.

Янкель служитъ корректоромъ въ типографіи торжествующаго Хаима. Въ «Вѣну» не ходитъ вовсе, ибо—не по чину, но пьянствуетъ въ «Афганистанѣ», либо у Нѣменчинскаго.

Такъ Богъ отомстилъ Янкелю за то, что Янкель издавалъ литературные сборники.

Погодите! И Хаиму то же будетъ!

* * *

ПРОДОЛЖЕНІЕ „ПРОБУЖДЕНІЯ ВЕСНЫ“.

Когда незнакомецъ въ маскѣ увелъ Мельхіора съ кладбища, Морицъ легъ въ могилу и, какъ обѣщалъ Фр. Ведекинду, долго и много смѣялся.

Онъ говорилъ:

— Какой идіотъ этотъ Мельхіоръ! А Незнакомецъ въ маскѣ... Ну, и бестія же Незнакомецъ!

Морицъ зналъ, чему онъ смѣялся.

Мельхіоръ спросилъ Незнакомца:

— Куда мы идемъ?

Незнакомецъ отвѣчалъ:

— Къ справедливости.

— Гм...—промычалъ Мельхіоръ довольно кисло, такъ какъ чувствовалъ, что, по справедливости, ему давно пора быть высѣченнымъ.

— О, не бойтесь!—возразилъ Незнакомецъ, читая его мысли.—У насъ это не принято. Мы убѣдились, что человѣчество нельзя исправить розгами и возвратились къ старинкѣ.

— То-есть?

— Око за око и зубъ за зубъ. Какою мѣрою вы мѣрили, тою и отмѣрится вамъ.

Мельхіоръ вспомнилъ мѣру, какую онъ отмѣрялъ въ приключеніи съ злополучною Вендлою, и страшно испугался. Онъ сѣлъ на землю и старался сидѣть какъ можно крѣпче.

— Не пойду,—сказалъ онъ.—Не на дурака напали. Теперь я знаю, кто вы. Можете снять вашу маску, графъ Эйленбургъ.

— Положимъ, не совсѣмъ... я только Кузьминъ!—скромно произнесъ Незнакомецъ, снимая маску и обнаруживая ликъ творчества, которымъ, по увѣренію М. А. Волошина, сей послѣдній любовался еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ Александріи Египетской.

— Тѣмъ хуже!—возразилъ Мельхіоръ.—Слыхали мы о васъ! Тоже—хорошъ дядя!

И усѣлся еще плотнѣе. Но Незнакомецъ склонился къ ногамъ Мельхіора, облобызалъ его сапоги и воскликнулъ:

— «Благодарю иконы моего дома, приведшія васъ сюда для моего удовольствія»!

Полчаса спустя, Мельхіоръ сидѣлъ одинъ на придорожномъ камнѣ и горько плакалъ.

Онъ думалъ:

— Вендла была дѣвочка—и то умерла, а что же теперь будетъ со мною?!.

Морицъ лежалъ въ могилѣ и весело смѣялся.

Онъ зналъ, чему онъ смѣялся!

* *
*

Видѣлъ въ «Театрѣ и Искусствѣ» декоративный мотивъ изъ «Пелеаса и Мелисанды» съ основательнымъ предостереженіемъ: «Не карикатура». Право, даже трогательно искреннѣйшее довѣріе къ лубку и тмутараканскому болвану, которымъ проникнуто, въ археологическихъ поползновеніяхъ своихъ, стилизованное театральное дѣло.

Лубокъ дѣлался потому, что художество еще не въ состояніи было создать жанровую живопись. Тмутараканскій болванъ вырубался потому, что ваяніе не могло еще высѣчь статую. И лубокъ, и тмутараканскій болванъ лгали на современную имъ жизнь съ наивностью чеховскаго ребенка, который отказывается рисовать часового маленькимъ, а будку большою, потому что—если часовой будетъ маленькимъ, то у него не будетъ видно глазъ. Таковы и живопись, и скульптура средневѣковой готики, на которой помѣшался современный театръ. Нѣтъ образа, но есть примѣта. Нѣтъ общаго впечатлѣнія, но рабски схвачена какая-нибудь, гипнотизировавшая мастера, частность. Нѣтъ тѣла, нѣтъ жеста, нѣтъ движенія, но съ тщаніемъ выписанъ или вырубленъ узоръ на подолѣ кафтана.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ лгали невольно, по «незнанья жалкаго винѣ». Теперь эту ложь воскрешаютъ

совершенно сознательно и пытаются выдать за историческую правду.

Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что если-бы средневѣковый рисунокъ или тмутараканскій болванъ могли заговорить, то рѣчи ихъ были бы очень похожи на лепеты героевъ Метерлинка. «Бельгійскій Шекспиръ» хорошо понялъ кукольный типъ этихъ зачаточныхъ изображеній. Нельзя лучше играть въ средневѣковыя куклы, чѣмъ играетъ Метерлинкъ.

Но людей-то такихъ не было и быть, въ то время, не могло. Это—тѣни, отброшенныя при свѣтѣ едва восходящаго солнца, а ихъ выдаютъ намъ за людей.

Средневѣковыя драмы нашего времени—всегда романъ рисунка съ рисункомъ, тмутараканскаго болвана съ соотвѣтственной болваницей, тѣни съ тѣнью, сновидѣнія со сновидѣніемъ. Плоти и крови въ нихъ нѣту. Оттого имъ и возможно навязать какую угодно чепуху поступковъ, невозможность ситуаціи, белиберду бредовой мысли. Сны не стѣсняются логикою трехъ измѣреній. А пьесы эти—сны, при томъ, не о людяхъ, но о куклахъ.

XX вѣкъ не только лжетъ на средніе вѣка, принимая за историческую правду ихъ художественную ложь о самихъ себѣ, но еще и отъ себя подвираетъ, втискивая въ рамки средневѣковой жизни свои новыя идеи и представленія, и искажая, сообразно имъ, даже и тѣ-то линялыя средневѣковыя тѣни, которыя намъ достались, какъ реальное наслѣдіе эпохи. Подобно тому, какъ XVII и XVIII вѣка сочиняли, въ псевдо-классицизмѣ, свой Римъ и свою Элладу во французскихъ кафтанахъ и парикахъ, конецъ XIX и XX вѣкъ упражняются въ лжеромантизмѣ. Средніе вѣка и эпоха возрожденія у Метерлинка—такая же неправда тенденціозной идеализаціи, какъ Римъ, Эллада, библейскія фигуры Корнеля, Расина и т. д.—включительно до нѣмца Виланда, котораго такъ

зло высмѣялъ, въ молодости своей, великій реалистъ— Гете.

Сатира Гете на Виланда («Боги, герои и Виландъ») отлично подошла бы къ современной лже-романтической школѣ, только съ подстановкою, вмѣсто именъ классической древности, фигуръ Средневѣковья и Возрожденія. Гете издѣвался надъ сантиментальнымъ преображеніемъ античныхъ Геркулесовъ въ героевъ чахоточной добродѣтели, выношенной протестантскимъ гуманизмомъ. Эту сентиментальную чахоточность XX вѣкъ навязалъ теперь, съ легкой руки Метерлинка, и среднимъ вѣкамъ. Тмутараканскіе болваны, желѣзные бароны и соотвѣтственныя имъ дамы выходятъ у Метерлинка подобными пирожному «испанскіе вѣтры»: эфиръ! дунь, и улетитъ!

Я, въ молодости, много занимался фольклоромъ, между прочимъ, и фламандскимъ. Онъ поразительно рѣзокъ, грубъ, мраченъ и суевѣренъ *). Слова мужчинъ рушатся, какъ булыжники, а стыдливыя дамы отпускаютъ, ради милой шутки, такія словечки, что въ настоящее время произносить ихъ вслухъ не конфузится лишь знаменитая нижегородская рѣчная полиція. Когда я издалъ свою «Святочную книжку», одинъ критикъ упрекнулъ меня, именно за фламандскія легенды, въ грубости. Я, вмѣсто отвѣта, послалъ ему сборникъ Berthoud. Съ тѣхъ поръ критикъ укорялъ меня, что я, обрабатывая легенды, ужъ слишкомъ сокращалъ и умягчалъ ихъ. Гейне когда-то справедливо характеризовалъ «Das Nibelungenlied» фантастическою картиною, будто всѣ готическіе соборы окружили «Notre-Dame de Paris» и соперничаютъ, ухаживая за нею, а она, въ ужасѣ отъ ихъ варварскаго натиска, простираетъ къ небу свои башни-руки, и наконецъ, въ отчаяніи, хватаетъ гигантскій мечъ и сноситъ голову самому огромному собору. Но нѣтъ! восклицаетъ Гейне,

*) См. мой сборникъ «Красивыя сказки».

никакой камень не можетъ быть твердымъ настолько, какъ жестокъ Хагенъ и мстительна Кримгильда. А изъ этихъ людей мастерятъ сентиментальныхъ фразеровъ и нервничающихъ дѣвицъ. Одинъ impressario, которому лавры московскаго Художественнаго театра не даютъ спать, мечталъ поставить «Монну Ванну» съ детальною правдивостью и прислалъ мнѣ письмо съ запросомъ: какова должна быть Монна Ванна въ знаменитой сценѣ оголенія, чтобы, такъ сказать, даже лишь на минуту блеснувъ тѣломъ своимъ, уже оставить въ публикѣ ликующее впечатлѣніе Ренессанса? Я отвѣчалъ, что—если типическую женщину XV—XVI вѣка вывести голою въ «Моннѣ Ваннѣ», то публика подумаетъ, что это на смѣхъ, и расхохочется, пьеса-же обезсмыслится и провалится, потому что она совсѣмъ не разсчитана авторомъ на настоящую женщину XV вѣка, а на современный типъ женскій,—нервный и выродившійся, ничего общаго съ тою женщиною не имѣющій. Впрочемъ, подобралъ нѣсколько рисунковъ и послалъ. Impressario отвѣчалъ съ негодованіемъ:

— Къ чорту вашу историческую правду! У насъ въ труппѣ къ этому типу подходитъ одна Н. Не могу же я отдать Монну Ванну—комической старухѣ!

* *
*

Когда братья-писатели, въ справедливомъ негодованіи, бичуютъ поименно порнографовъ, расплодившихся въ русской литературѣ, мнѣ всегда вспоминается визитная карточка, которую я видѣлъ въ болгарской Софіи:

N... N... N...
Директоръ на публичный домъ.
Адресъ.

Спрашиваю владѣльца:

—Какъ же вамъ не совѣстно расписываться на визитной карточкѣ хозяиномъ публичнаго дома?

А онъ отвѣчаетъ совершенно резонно и справедливо:

— А если я не распишусь, то откуда же люди будутъ знать, что у меня есть публичный домъ?

Россійскіе порнографы нашли въ негодующей и клеймящей имена ихъ критикѣ необычайно услужливую визитную карточку, спѣшно и обстоятельно оповѣщающую, гдѣ, кто и какой «литераторъ» публичный домъ устроилъ и какими спеціальными мерзостями публика тамъ можетъ насладиться. Единственный видъ плодотворной борьбы съ этими господами—глубокое молчаніе объ ихъ именахъ и произведеніяхъ, система апостола Павла, который «не совѣтовалъ и думать о сихъ мерзостяхъ». Всякая огласка скандала—ему только реклама, на выгоду—и для неразборчивой Геростратовой славы, и въ еще болѣе неразборчивый карманъ.

Одинъ критикъ, которому я высказалъ эти соображенія, возразилъ мнѣ обидчиво и насмѣшливо:

— Не платятъ ли еще намъ эти господа за ихъ, какъ вы изволите выражаться, рекламу?

Друзья мои, не утѣшайтесь безкорыстіемъ,—что вы указываете дорогу въ публичный домъ даромъ. Вспомните Альфонса Карра:

La plus grande infamie, c'est être infâme gratis!

* * *

Самое отвратительное и кощунственное зрѣлище—когда новоявленная русская порнографія осмѣливается примѣривать на себя клочки и лохмотья несчастной русской свободы и самозванно выдавать себя за какую-то «революцію духа». Ибо нѣтъ реакціи, вящшей, чѣмъ эта порнографія,—реакціи она нужна, реакціей поощряется, реакціей потребляется и на реакцію служитъ.

Вѣнскій корреспондентъ «Одесскихъ Новостей» сообщаетъ, что героиня пресловутаго венеціанскаго убійства, г-жа Тарновская, въ вѣнской тюрьмѣ неутомимо писала

письма о защитѣ въ союзъ русскаго народа и читала порнографическія книжки русскихъ «модернистовъ».

Вотъ это—такъ, это—компанія настоящая. Золото, кровь и блудъ воображенія. «Полны руки золота, розъ и крови!»—кажется, такъ назывался какой-то старый, старый романъ совершенно и всюду забытаго Арсена Уссэ.

Замѣчательная вещь! Еще Паранъ Дюшатле отмѣтилъ, что проститутки никогда не читаютъ порнографическихъ книгъ и прямо-таки брезгуютъ ими. Этотъ рынокъ держится и процвѣтаетъ вкусами исключительно «порядочнаго общества».

Самая развратная женщина, которую я зналъ въ жизни своей, любила читать только сентиментальные романы самаго возвышеннаго тона и идеалистическаго содержанія: англичанъ, нѣмцевъ, старыхъ французовъ до Флобера. Золя ее возмущалъ. Въ Мопассанѣ она признавала талантъ, но...

— Эхъ, милый другъ,—говорила она,—что новаго о мужчинѣ можетъ сказать мнѣ книга? У меня было любовниковъ больше, чѣмъ въ бочкѣ огурцовъ!

* * *

Къ глубочайшему моему сожалѣнію, я не читалъ пьесы Шолома Аша «Богъ мести», о которой теперь такъ много пишутъ въ русскихъ газетахъ. Но я прочиталъ десятки рецензій, изъ которыхъ вполнѣ ясно, что въ выдающемся успѣхѣ пьесы этой мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ явленіемъ, что «Богъ мести»—произведеніе настоящаго художественнаго таланта и полно глубокой, трагической общественности.

Въ виду этого я хочу остановиться на одномъ важномъ моментѣ, который отмѣчается рецензентами, какъ пружина, движущая механизмъ пьесы къ ея фатальной развязкѣ: на любви Манки и Ривки. Такъ какъ всѣ ре-

цензенты характеризуютъ ихъ отношенія «сафическими», то, очевидно, авторъ приложилъ достаточно старанія, чтобы не оставить на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній *). Надо ли, кстати ли это?

Я не принадлежу къ числу ханжей, способныхъ укорять талантливаго драматурга за смѣлость, съ которою онъ выдвинулъ на сцену новый для театра мотивъ взаимно-женской любви. Напротивъ, я утверждаю и буду крѣпко стоять на томъ, что искусство, какъ зеркало жизни, не въ правѣ потуплять глаза свои, подобно цѣломудренной Агнессѣ изъ французскаго водевиля, предъ психо-физіологическими странностями современности, какъ бы щекотливы онѣ ни были. Реальность жизни должна быть реально же воспроизведена и объяснена, со всею безстрашною простотою, со всею откровенною научностью фактовъ, ее слагающихъ. И, къ слову сказать, такое реалистическое творчество по человѣческимъ документамъ,—творчество физіологовъ общества, какъ Бальзакъ, Стендаль, Флоберъ, Зола,—наилучшій и наиуспѣшнѣйшій, въ смыслѣ оздоровленія нравовъ, противовѣсъ той мистической порнографіи, которая, въ послѣднее время, такъ неутомимо просачивается въ русскую поэзію и беллетристику, созидая демоническіе апоѳеозы всевозможныхъ половыхъ извращеній. Со временъ пресловутаго лейпцигскаго совѣтника Ульрикса, убѣждавшаго свое правительство разрѣшить браки между лицами одного пола, не появлялось болѣе пылкой печатной проповѣди «урнингизма», чѣмъ романъ «Крылья» г. Кузьмина, пропаганду котораго «Вѣсы» сочли настолько важною, что отдали этому роману даже цѣлый отдѣльный выпускъ

*) Теперь, зная и изучивъ пьесу, я остаюсь при тѣхъ же впечатлѣніяхъ, что вынесъ изъ рецензій. «Богъ мести»—превосходная вещь, особенно въ бытовой его части. Но подчеркнутый «садизмъ» Манки и Ривки—грубая и совершенно ненужная приклейка къ драмѣ, въ угоду пошлой модѣ «модернизма».

Ал. А—въ. 1908.

журнала. А, слѣдя за восторженными до захлебыванія «Ликами Творчества» г. Максимиліана Волошина-Киріенко, придворнаго одописца безконечно нарождающихся декадентскихъ величествъ, нельзя не убѣдиться, что г. Кузьминъ—не болѣе, какъ лишь одинъ изъ малыхъ сихъ, и идутъ по немъ нѣціи, у коихъ онъ не достоинъ развязать даже ремень сапога.

Итакъ, мотивъ, введенный Шоломомъ Ашемъ въ драму свою,—законное пріобрѣтеніе театра. И реалистическое освѣщеніе его даже желательно, если не необходимо,—въ виду все болѣе и болѣе широкаго распространенія «сафическихъ» уклоненій полового инстинкта среди женщинъ городской цивилизаціи.

Но, тѣмъ не менѣе, проявленіе этого мотива именно въ «Богѣ мести» возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторыя недоумѣнія. Естественно-ли? Не выбралъ-ли «Богъ мести», руководимый молодымъ драматургомъ, — чтобы наказать стараго грѣшнаго торговца живымъ товаромъ,—средства, ужъ слишкомъ исключительнаго, рѣдкаго и, потому, анекдотическаго?

Я не сказалъ бы ни слова противъ, если бы авторъ пьесы былъ не еврей, и если бы самая пьеса не признавалась единогласно типически еврейскою, расовою пьесою. Но въ расовой пьесѣ и соблазнъ, рѣшающій судьбы ея героевъ, долженъ быть расовымъ. Если въ немъ не дышитъ обобщающій фатумъ націи, онъ обращается просто въ печальную случайность, то есть именно въ прискорбный анекдотъ.

Не иначе, какъ къ этому разряду непріятныхъ исключеній приходится отнести и сафическій романъ Манки и Ривки. Евреи — не ангелы безпорочные, и спеціальныхъ грѣховъ союза расоваго, соціальнаго, религіознаго у нихъ имѣется достаточно, какъ во всякой народной группѣ. Но вотъ именно этого-то грѣха—увлеченій Манки и Ривки—въ еврействѣ, какъ будто, не замѣчается?

По крайней мѣрѣ, всеевропейская казуистика половой психопатіи—прямое противопоказаніе тому, чтобы принять романъ этотъ за явленіе типическое и постоянное для еврейской среды, въ особенности же, за расовое.

Показанія Каспера, Лемана, Крафтъ-Эбинга, Маньяна. Тарновскаго, Ломброзо, Ферреро, Мартино — налицо, Ихъ можетъ провѣрить каждый по общеизвѣстнымъ произведеніямъ этихъ знаменитостей. Но у меня, уже лѣтъ восемь, если не больше, хранится рукопись московскаго врача Т.,—результатъ его двадцатилѣтнихъ наблюденій за порокомъ, на который даетъ намеки Шоломъ-Ашъ.

Въ 149 наблюденіяхъ д-ра Т. еврейки занимаютъ послѣднее мѣсто: за 20 лѣтъ,—лишь семь случаевъ... притомъ, четыре изъ нихъ были—еврейки лишь по національности: крещеныя. И только двѣ изъ семи—не проститутки.

149 наблюденій д-ра Т. распредѣляются національно въ такомъ порядкѣ:

Русскія	66
Нѣмки.	27
Польки и др. славянки . . .	19
Француженки	17
Армянки	12
Другія восточныя народности .	11
Еврейки	7
	149

Конечно, это распредѣленіе неспособно установить критерія международной нравственности. Такъ, напримѣръ. ясно, что огромный процентъ русскихъ, стоящихъ во главѣ печальнаго списка, зависитъ просто отъ того, что д-ръ Т. практиковалъ въ Москвѣ и, слѣдовательно, имѣлъ дѣло, по преимуществу, съ русскими паціентками. Въ амбулаторномъ спискѣ порока этотъ процентъ огроменъ, но, растворяясь въ массѣ населенія, настолько ничтоженъ,

что даже трудно уловить. Это—отношеніе единицъ къ сотнямъ тысячъ. Наоборотъ, процентное отношеніе прочихъ паціентокъ съ наличною численностью ихъ національныхъ колоній въ Москвѣ было бы ужасно обличительно, если бы не имѣло специфической причины: до 60% этихъ иностранокъ—наѣзжія или привозныя, явныя или тайныя проститутки. А въ этомъ классѣ «сафизмъ» — профессіональный недугъ—порокъ, поражающій отъ 20 до 35 проц. всѣхъ, занимающихся проституціей, женщинъ. По Бебелю—для Берлина—даже до 50%! Изъ 17 француженокъ, обращавшихся къ д-ру Т. за совѣтами, подъ категорію тайной или явной проституціи не подходили всего лишь четыре. Вообще, изъ 149 паціентокъ списка, профессіональность располагалась въ такомъ порядкѣ: 1) проститутки—42 проц., 2) артистки сцены, цирковъ, хоровъ, кафешантановъ и пр.—28 проц., 3) женская прислуга—16 проц., 4) женщинъ изъ интеллигенціи—14 проц. Такъ что, какъ профессіональный типъ, Манка въ пьесѣ г. Шолома Аша вполнѣ оправдана статистически. Но, что касается національности, статистика, къ счастью еврейской расы, не на сторонѣ г. Шолома Аша. Опять-таки напоминаю данныя Ломброзо, Ферреро, Мартино. Въ спискѣ д-ра Т. еврейкамъ отведено менѣе 5 проц. И—это накопленіе порока за 20 лѣтъ! И—при томъ печальномъ изобиліи, съ которымъ эксплоатація общественнаго темперамента выбрасываетъ на рынки живого товара несчастныхъ дѣвушекъ еврейской темноты и бѣдности!

Словомъ, въ виду рѣдкости этого извращенія среди еврейскихъ женщинъ,—съ чѣмъ, конечно, остается лишь отъ души ихъ поздравить,—приключеніе Ривки, которымъ «Богъ мести» караетъ преступнаго Янкеля,—обрушивается на послѣдняго не фатально, но катастрофически, «не въ счетъ абонемента». Это—въ своемъ родѣ—черепаха, упавшая съ неба на лысину Эсхила, ударъ мол-

ніи среди яснаго дня, Кюри, растоптанный копытомъ ломового першерона. Скверная случайность безъ логической посылки и неспособная къ логическому выводу.

Конечно, «бываетъ». Но въ пьесѣ, столь опредѣленно дидактической и полезно морализирующей, какъ красивое произведеніе г. Шолома Аша, хотѣлось бы исхода болѣе послѣдовательнаго, простого и, потому, житейски необходимаго, чѣмъ путь описаннаго имъ чрезвычайнаго исключенія. Въ пьесахъ старинной морали на главу торжествующаго взяточника, въ послѣднемъ актѣ, опускалась съ колосниковъ «Рука Провидѣнія», поднимала негодяя за волосы и уносила въ невѣдомое. «Богъ мести», въ случаѣ Янкеля, распорядился немножко по рецепту этой чудодѣйствующей руки, то есть—выбралъ въ своемъ мстительномъ арсеналѣ самую рѣдкостную и невѣроятную молнію, какую только могъ выбрать...

* *
*

Что, въ человѣческихъ отношеніяхъ, оскорбляетъ больше и глубже всего на свѣтѣ?

Говорятъ: внезапное предательство со стороны друга Когда-то я самъ былъ того же мнѣнія. Но дружескія предательства — такое обычное и частое зло, что, въ концѣ-концовъ, отъ нихъ нарастаетъ мозоль на сердцѣ, и боль притупляетъ свою остроту. Съ годами я, по горькому опыту, убѣдился, что кое-что жалитъ и жжетъ больнѣе. Напримѣръ:

Предательскій ударъ врага, въ которомъ ты имѣлъ глупость уважать честнаго человѣка, а потому и церемонился съ нимъ, какъ съ «рыцаремъ».

Не вѣрьте во враговъ-рыцарей. Это—химера: звѣрь, который выставляетъ впередъ львиную голову, чтобы вы не замѣтили зажатаго между ногъ хвоста съ змѣинымъ жаломъ на концѣ.

Когда васъ предаетъ другъ, вы, по крайней мѣрѣ, имѣете утѣшеніе сказать ему:

— Іуда!

Когда васъ предаетъ врагъ-«рыцарь», вамъ некому и нечего сказать, кромѣ, какъ самому себѣ:

— Дуракъ!

Жаль человѣка, который, опустивъ руку въ цвѣты, неожиданно встрѣчаетъ подъ ними ядовитые зубы скрытой змѣи. Но если человѣкъ, зная, что въ цвѣточной корзинѣ сидитъ змѣя, не только не убиваетъ ея, но еще суетъ въ цвѣты голую руку, въ глупой вѣрѣ, что змѣя, по благородству своему, его пощадитъ,—такъ и надо человѣку тому, чтобы хорошо укусила его змѣя... Туда ему и дорога!

* * *

Моя молодость прошла въ восьмидесятыхъ годахъ. Ненавижу я это поганое время. Если бы можно было, подобно доктору Фаусту, выпить чашу Мефистофеля и вернуться—на сколько хочешь лѣтъ назадъ, ни за что такъ далеко не возвратился бы...

Но... вотъ что, милостивые государи мои!

Вѣдь все то, что мы, восьмидесятники, имѣли въ себѣ постыднаго, на что такъ нелѣпо, грѣшно и безтолково промѣняли и размѣняли мы свои зачатки гражданственности, за что презирали насъ старшіе братья наши, граждане семидесятыхъ годовъ, и въ чемъ сами мы лишь черезъ презрѣніе къ себѣ барахтались, все это—сейчасъ чуть не въ апофеозѣ!.. Это—«Діонисово торжество»... это—«оргіазмъ»... это—«революція духа» и «воскресеніе плоти» или воскресеніе духа и революція плоти... все равно: отъ слова не станется! Сколько звонкихъ словъ для покрытія дряблой, пустой и грязной суетни, полной красивенькаго переливанія изъ пустого въ порожнее, утробныхъ восторговъ и фаллическихъ упованій! И, наоборотъ,

единственное хорошее, что оставалось въ нашемъ поколѣніи и что, въ концѣ-концовъ, кое-какимъ обломкамъ его помогло уцѣлѣть и ожить въ дѣйствительность,—сознаніе оскорбительныхъ правдъ жизни и способность къ мрачному стыду за рабское и развратное существованіе, которое мы имѣли низость трусливо влачить,—сейчасъ все это ужъ куда не въ авантажѣ и не въ фаворѣ обрѣтается.

Среди восьмидесятнаго поколѣнія торжествующая свинья торжествовала, но, по крайней мѣрѣ, въ хлѣвѣ, а не въ храмѣ, и твердо знала, что она, свинья,—только свинья, а не богъ. Сейчасъ она, красавица, на пьедесталѣ и, самодовольно кобенясь, хрюкаетъ къ толпѣ:

— Нѣтъ, вы еще докажите мнѣ, что я — свинья... Я, можетъ быть, совсѣмъ не свинья, но аватаръ Адониса!

Меня въ ужасъ привело письмо въ «Руси», что цѣлая комиссія молодежи занималась, какъ серьезнымъ дѣломъ, разбирательствомъ «вопроса чести»: можетъ ли оставаться въ студенческой средѣ товарищъ, откровенно сдѣлавшійся проститутомъ и поступившій на содержаніе къ какому-то богатому старику?

И мнѣнія раздѣлились! И обвиняемый, съ наивностью Агнессы, вопрошаетъ:

— Да почему же это, собственно говоря, безнравственно?

И летятъ со всѣхъ сторонъ, и печатаются праздныя письма непутевой обывательщины, которая поддакиваетъ:

— Да, да, конечно, оно, дѣйствительно, какъ будто того... попахиваетъ... Но, въ самомъ дѣлѣ, почему же это безнравственно?

Въ томъ же номерѣ газеты какой-то возмущенный корреспондентъ цитируетъ объявленіе:

«За деньги на все способенъ»,—и адресъ.

Не то, что въ восьмидесятыхъ или девяностыхъ годахъ, но еще три года назадъ подобное объявленіе было

бы принято, какъ злая иронія, вызывающій щедринскій фарсъ какого-либо циническаго шутника. Сейчасъ это—«въ самомъ дѣлѣ» и «очень просто».

Да и, дѣйствительно, какой же смыслъ и резонъ человѣку, чувствующему себя «за деньги на все способнымъ», стыдливо прятаться въ тѣни, когда общество оставляетъ вопросомъ еще спорнымъ — даже мораль прекраснаго молодого человѣка, торгующаго среди мужчинъ тѣломъ своимъ?

Долго не видать вамъ свободы, господа. Не добыть ея вѣку людей, «за деньги на все способныхъ»,—какъ продавать, такъ и покупать.

* * *

Есть у меня пріятель-эмигрантъ. Три года тому назадъ онъ уложилъ чемоданы свои, чтобы при первой возможности ѣхать въ Россію. Бѣжали дни... недѣли... мѣсяцы... Эмигрантъ мой, вмѣсто Россіи, поѣхалъ съ чемоданами своими погостить въ глухую французскую провинцію. Не все ли равно, впрочемъ, откуда ни ѣхать въ Россію, при первой возможности,—изъ Парижа или изъ захолустья? Прошло еще полгода. Пріятель мой—агрономъ. Слышу, что онъ въ захолустьѣ уже не гоститъ, но арендовалъ дикій клочокъ земли и чемоданы разложилъ, а землю принялся воздѣлывать. Я написалъ ему: — Охота вамъ платить довольно дорогую аренду, не лучше ли купить?—Онъ отвѣчалъ: «Что вы! Какъ можно! Вы же знаете, что я при первой возможности ѣду въ Россію! Аренду передать всегда легко, а собственность меня свяжетъ». Прошло еще полгода,—бѣдняга пишетъ: «Вы были правы, я тоже пришелъ къ убѣжденію, что выгоднѣе пріобрѣсти землю въ собственность. Тѣмъ болѣе, что, какъ только я получу возможность поѣхать въ Россію, пропріэтеръ обѣщаетъ взять мой участокъ обратно за $^2/_3$ стоимости». Потомъ опять пишетъ: «Хозяйство идетъ

отлично; но изъ осторожности, чтобы быть всегда наготовѣ къ отъѣзду, не сажаю даже двухлѣтнихъ растеній, однѣ скороспѣлки... Что же на чужихъ-то работать? Не разсчетъ!»

Сейчасъ получилъ письмо отъ него, послѣ годового слишкомъ антракта. Пишетъ, что только что прикупилъ еще два акра и хочетъ разбить на нихъ... плодовый садъ!..

«Если когда-нибудь явится возможность поѣхать въ Россію, повезу роднымъ яблоки изъ своего собственнаго сада» и т. д., и т. д.

Яблоня даетъ первый свой плодъ на шестой годъ посадки...

А во сколько лѣтъ увядаетъ человѣческая надежда?

* * *

Когда при мнѣ говорятъ общія оптимистическія фразы, въ родѣ—«надо уважать человѣчество!»—мнѣ всегда хочется спросить:

— Съ кого прикажете начать?

Когда-то давно, въ очень серьезномъ разговорѣ, Д. В. Григоровичъ сказалъ мнѣ:

— Какъ хотите, душа моя (это у него была поговорка), но въ нашъ вѣкъ между людьми еще не было такого поголовнаго взаимонеуваженія, какъ теперь. Въ настоящее время, если одинъ человѣкъ говоритъ вамъ о другомъ, —изъ ста въ девяносто девяти случаяхъ, онъ того человѣка нисколько не уважаетъ. Если вы видите двоихъ за столомъ, пари можете держать, что они оба другъ друга въ тайнѣ не уважаютъ, ненавидятъ, презираютъ... Откуда это взялось? Какъ началось? Почему?

Я отвѣчалъ:

— Вѣроятно, потому, что каждому самого-то себя не за что уважать... А за что же онъ будетъ другого считать лучше себя? Когда не уважаешь себя, уважать сосѣда—обидно...

Со времени этого разговора прошло одиннадцать лѣтъ. Процессъ взаимонеуваженія, о которомъ говорилъ Григоровичъ, разросся съ тѣхъ поръ, какъ баобабъ африканскій... И не могу сказать, чтобы время заставило меня перемѣнить мысли о коренной причинѣ взаимонеуваженія. Напротивъ, укрѣпило...

Не за что, не за что людямъ эпохи уважать самихъ себя,—ну, и другъ друга не уважаютъ.

* * *

Спрашиваютъ меня:

— Читали вы «Комедію о Евдокіи изъ Геліополя, или Обращенную Куртизанку»? Авторъ — г. Михаилъ Кузьминъ.

— Къ сожалѣнію, читалъ. Комедія заинтересовала меня на третьей страницѣ необыкновенно сильнымъ сравненіемъ:

«Не находите-ли вы ея щеки напоминающими чайныя розы, освѣщенныя зарей»?

Чайныя розы въ Геліополѣ Сѵрскомъ (ради стиля, даже черезъ ѵжицу!) достаточно выразительны, чтобы, встрѣтивъ ихъ на третьей страницѣ, уповать, что на дальнѣйшихъ найдешь добрыхъ геліопольцевъ за кипящимъ самоварчикомъ, пьющими «ханскій цвѣтокъ» или «лянсинъ». Надежды мои, однако, не сбылись. Вѣрнѣе, сбылись лишь на-половину. Ни самовара, ни магазина китайскихъ чаевъ въ Геліополѣ, по хитрому умолчанію автора, будто бы, не оказалось. Я совсѣмъ уже готовъ былъ повѣрить, что въ самомъ дѣлѣ г. Кузьминъ завелъ насъ куда-то въ глубь вѣковъ по сосѣдству съ античнымъ міромъ, какъ вдругъ Евдокія изъ Геліополя проговорилась:

— Къ завтрему приготовить мнѣ зеленое платье съ розами и сафирныя серьги!

Слыша, что геліопольская Евдокія столь отчетливо выражается на чистомъ таганскомъ нарѣчіи, я воскре-

силъ надежды угоститься античнымъ чайкомъ—и даже не въ накладку, а въ прикуску, по старинному, по Островскому. Чтобы приказывать «къ завтрему» зеленое платье съ розами (по купечеству это называется—«пукетами») при сафирныхъ серьгахъ, Евдокія должна была съ малолѣтства «парить брюхо китайскою травкою».

Вообще, эта Евдокія объясняется языкомъ столь сверхъестественнымъ, что — такъ и хочется сказать ей изъ «Безплодныхъ Усилій Любви»:

— О, Господи, какое бы это было несчастіе, если бы вамъ пришлось добывать себѣ хлѣбъ насущный преподаваніемъ грамматики!

Евдокія утѣшаетъ влюбленнаго въ нее Филострата:

— Когда взойдетъ одна и та же (!) одинокая вечерняя звѣзда, я буду молиться о васъ, который будетъ думать обо мнѣ.

«О васъ, который будетъ»... Вы, который онъ. Это что-то въ родѣ знаменитой жалобы одесскихъ грековъ на вора-матроса:

— Мы купили рыбу для мы, а онъ скушалъ для я.

Положимъ, что и Евдокія тоже предполагается гречанкою.

Евдокія пишетъ стихи, очень полезные для экзаменовъ декламаціи—косноязычнымъ, ищущимъ избавиться отъ своего порока. Ежели такую штуку можешь выговорить вслухъ и не запнувшись,—значитъ, возблагодари Господа Бога твоего: ты болѣе не заика и никогда уже онымъ не будешь! Напримѣръ:

Магдалина, ты пророчицею
Не была,
А Христа, какъ вертоградаря, ты
Обрѣла.

Размѣръ этихъ стиховъ,—въ особенности, третьяго съ протяженносложеннымъ «вертоградаремъ»—просодическая тайна. Впрочемъ, по части стиховъ, у Евдокіи

въ «Комедіи» есть побѣдоносный конкурентъ, въ лицѣ Ангела, декламирующаго, между многими подобными же, и такія вирши:

Одна рѣка стремитъ стрѣлой,
Другая крутитъ вправо, влѣво;
Кто святъ вдовою пожилой,
Кто святъ, какъ молодая дѣва.

По-ангельски, должно быть, хорошо, но по-русски непонятно и малограмотно.

Мѣсяца три тому назадъ въ сатирическомъ фельетонѣ «Карьера литератора Вьенпупульскаго» я заставилъ одного молодого поэта произнести слѣдующій, какъ я полагалъ, «шаржированный» монологъ:

— Что такое физическій полъ? Условность, насиліе природы. Истинный полъ—въ душѣ, въ сознаніи человѣка. Надо быть сильнѣе и выше природы. Надо повелѣвать. Какое право природа имѣла создавать меня мужчиною, если я сознаю себя и желаю быть женщиною? Я—женщина. Не смотрите на мои брюки: это условность... все, что вы видите во мнѣ мужского, не болѣе, какъ условности.

Каково же было мое изумленіе, когда въ пьесѣ «Опасная Предосторожность» г. М. Кузьмина я обрѣлъ идеи моего «шаржа» выраженными не только полностью, но даже еще и въ стихахъ:

Между женщиной и молодымъ мужчиной
Разница совсѣмъ не такъ ужъ велика,
Какъ между холмомъ и низкою равниной
Или какъ отъ уха разнится рука:
Все только мелочи,
Все только мелочи;
Узкія бедра да гибкій станъ
Юношѣ отъ неба, отъ неба данъ,
Въ женщинѣ цѣнится округлость полноты—
Вотъ и вся разница—видишь ты?
Орелъ или рѣшка, верхушка иль дно,
Для игрока это—все одно.

Ну, и тѣмъ лучше для г. Кузьмина. Жаль только, что стихи-то—опять-таки ангельскіе:

Узкія бедра да гибкій станъ
Юношѣ отъ неба, отъ неба данъ...

Невольно хочется исправить въ томъ же поучительномъ размѣрѣ:

Бедра бываютъ не данъ, а даны,
Ибо на нихъ укрѣпляютъ штаны.

И все это безграмотное риѳмачество, и вся эта якиманско-таганская проза выдаютъ себя за проповѣдь и утвержденія «стиля»!

* * *

Завѣтная мечта и задача каждаго русскаго декадента-порнографа—ставить точку на і даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ поставлены. На нѣкоторыхъ і выросли уже цѣлыя шапки точекъ, но ненасытнымъ труженикамъ словоблудія все мало. Я уже говорилъ въ «Временахъ и Нравахъ», что русскій декадансъ не удовлетворился непристойностями ни потайныхъ русскихъ сказокъ, ни греческой миѳологіи. Надо было «перепохабить» и—чортъ знаетъ, какихъ только новыхъ пороковъ и прегрѣшеній не взвели усердствующіе россіяне на сконфуженный Олимпъ! Брантомъ, съ его придворною хроникою XVI вѣка, казалось бы, тоже писатель не для дѣтскаго возраста. Но художники русской порнографіи находятъ: мало! не договорилъ! Сочиняются «Приключенія», страницы которыхъ, лѣтъ триста пятьдесятъ тому назадъ, съ удовольствіемъ прочитала бы Екатерина Медичи. Шекспиръ, чтобы характеризовать «странности любви», заставилъ прекрасную Титанію влюбиться въ мастерового съ ослиною головою. Русскому декадансу опять мало. Является мистерія, гдѣ уже настоящій четвероногій оселъ-оборотень оказывается любовникомъ... Оберона!

Вообще, вся эта пародія на «Сонъ въ Иванову ночь»—сплошной лепетъ безстыдничающей импотенціи. Ужъ стараются, стараются разжечь свое воображеніе милые человѣки, а нѣтъ огня, только зловонный чадъ курится. Оберона влюбили въ осла, невинныхъ Елену и Гермію обратили въ безпутныхъ бабъ и бросили на изнасилованіе шайкѣ бродягъ... вертятъ предъ глазами циническій стереоскопъ и такъ, и этакъ... нѣтъ, не помогаетъ!

Когда-то «Сонъ въ лѣтнюю ночь» пытался покончить мистеріей («Духи Шекспира») В. К. Кюхельбекеръ—тотъ самый, о которомъ Пушкинъ острилъ:

Такъ было мнѣ, мои друзья,
И Кюхельбекерно, и тошно...

Везетъ же Шекспиру на русскихъ преемниковъ!

* *
*

О порнографичности пресловутыхъ «Тридцати трехъ уродовъ» накричали слишкомъ много. Несмотря на острую щекотливость темы этого разсказа, онъ, все-таки, долженъ быть выдѣленъ изъ вонючей груды ремесленныхъ писаній декадентскаго рынка, удовлетворяющаго неврастеническій безпутный спросъ порнографическихъ предложеній.

Если бы эта вещь—«Тридцать три урода»—не была напечатана, а осталась въ рукописи, наука лишилась бы очень важнаго «человѣческаго документа», мимо котораго впредь не имѣютъ права пройти безъ вниманія ни художникъ, ни беллетристъ, ни психіатръ, ни физіологъ. Я совершенно перемѣнилъ свое предубѣжденіе противъ «Уродовъ», какъ скоро познакомился съ ними не по выпискамъ въ рецензіяхъ и перепечаткамъ въ газетахъ, а цѣликомъ, по оригиналу. Это—«никакая литература», жалкое, ребяческое письмо, но—какъ «человѣческій документъ»,—повторяю, памятникъ первостепенной важности.

*

Въ рукахъ моихъ находится рукопись одного московскаго врача-невропатолога, посвященная опытному изслѣдованію того самаго недуга «однополой любви», которымъ дышатъ «Тридцать три урода». Мнѣ уже пришлось однажды говорить объ этой рукописи по поводу любви Манки и Ривкеле въ «Богѣ мести» г. Шоломъ Аша. Теперь мнѣ приходится упомянуть ту же рукопись по поводу «Тридцати трехъ уродовъ». Интереснѣйшую часть ея составляютъ письма и дневники взаимно-влюбленныхъ женщинъ. Подобныя письма и дневники имѣются также у Дю-Комманжа, Парана-Дюшатле, Ломброзо и Ферреро и т. д. Письма и дневники рукописи доктора Т. интереснѣе для русскаго читателя тѣмъ, что ихъ писали русскія же больныя (по преимуществу). Какъ и ранѣе оглашавшіеся документы однополой любви, эти письма и дневники дѣлятся на двѣ категоріи. Или они возмутительно грубы, циничны, непристойны, какъ по мыслямъ, такъ и по выраженіямъ; или, наоборотъ, необычайно сантиментальны, полны самой возвышенной декламаціи о самыхъ утонченныхъ и эфирныхъ чувствахъ, пылко и поэтически страстны, бурно и отвлеченно ревнивы. Середины не бываютъ. Или первое, или второе. Притомъ, первое встрѣчается рѣдко, въ почти ничтожномъ меньшинствѣ, а второе— въ подавляющемъ большинствѣ заурядъ.

Читая «Тридцать три урода», я убѣждался каждою страницею, что вижу передъ собою художественную обработку одного изъ такихъ дневниковъ — второй, сантиментальной категоріи. Законный вопросъ: не лишняя ли здѣсь какая бы то ни было художественная обработка? Не лучше ли было бы оставить натуру въ натурѣ? Но наличность и подлинность человѣческаго документа несомнѣнна. Покойная Аннибалъ-Зиновьева менѣе всего думала о реализмѣ, какъ въ жизни, такъ и въ писательствѣ своемъ, воевала съ нимъ не на животъ, а на смерть, но нечаянно написала

брошюру, которая останется драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ не только для реалистическаго, но даже и для натуралистическаго творчества. Въ вопросѣ извращенія половой морали, котораго изображеніемъ занялась Аннибалъ-Зиновьева, повѣсть ея можетъ быть цитирована, какъ точное медицинское наблюденіе. Это —книга полового ужаса, но не порнографія. Это — рисунокъ изъ анатомическаго атласа, который совершенно напрасно и ошибочно выдается публикѣ за художественное произведеніе, но не картинка для стереоскопа молодыхъ старичковъ и мышиныхъ жаребчиковъ. Это — слово искреннее и безъ разсчета потрафлять на сладострастный спросъ рынка. Чувствуется крикъ страданія, желающаго высказаться, ищущаго, чтобы его поняли и пожалѣли. Но, опять-таки, совсѣмъ особымъ вопросомъ становится: стоитъ ли жалѣть-то?

Жалѣть героинь «Тридцать трехъ уродовъ», конечно, не за что и не стоитъ. Все ихъ напускное несчастіе выросло и развилось на почвѣ аристократическаго вырожденія, въ средѣ рѣдкостной сытости и праздности матеріальной. Видѣть въ немъ страданіе, обобщающее человѣчество,—а только такія страданія и заслуживаютъ участія,— невозможно, какими пышными словами ни украшай и ни заслоняй некрасивую суть болѣзни. Она эгоистически грязна, противообщественна, и на судѣ общества состраданія не встрѣтитъ. Но врачъ—не судья. Изслѣдуя больного, онъ обязанъ помочь его страданіямъ, не считаясь съ тѣмъ, поскольку почтенны или презрѣнны причины недуга. Онъ равно обязанъ — перевязать честную боевую рану воина за свободу и чистить промывательнымъ засоренный желудокъ обожравшагося вивера. И долженъ одинаково умѣть и то, и другое. Ибо онъ борется съ властью смерти въ мірѣ семъ, а умереть возможно одинаково — что отъ боевой раны, что отъ засоренія желудка.

Гастонъ Дюбуа Десолль, — ученый морякъ, когда-то

вызвавшій своими разоблаченіями ревизію французскихъ дисциплинарныхъ батальоновъ и преждевременно погибшій въ 1903 году въ Абиссиніи отъ руки убійцы,— оставилъ огромный посмертный трудъ: «Etude sur la Bestialité au point de vue Historique, Médical et Juridique». Онъ былъ обнародованъ въ 1905 году всего въ 500 экземплярахъ, пущенныхъ по очень высокой цѣнѣ. Это замѣчательная работа объ извращеніи инстинкта, еще болѣе мрачномъ, чѣмъ то, съ которымъ мы встрѣчаемся въ повѣсти Аннибалъ-Зиновьевой. Въ числѣ многихъ своихъ отдѣловъ, она имѣетъ отдѣлъ «литературныхъ документовъ», «La Bestialité dans la Litérature»: сводъ обширныхъ выписокъ, показывающихъ, какъ понимали психологію общенія съ животнымъ народныя сказки, Бальзакъ, Рашильдъ и т. д. Вотъ, если однополая любовь дождется въ Россіи не только сладострастно-сантиментальныхъ декадентскихъ вздоховъ и брезгливыхъ пуританскихъ плевковъ, но и серьезнаго научнаго изслѣдованія, то тамъ, среди «литературныхъ документовъ», книга Аннибалъ-Зиновьевой будетъ на своемъ мѣстѣ — въ высшей степени полезна и выразительна.

Я нѣсколько разъ убѣждалъ д-ра Т. опубликовать свою рукопись, но всегда имѣлъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Послѣ моей смерти.

Человѣкъ не хотѣлъ, чтобы о немъ шла молва,— какъ то было о Крафтъ-Эбингѣ послѣ «Psicopatia Sexualis»,— что онъ, ради наживы, бросилъ въ общественное море рѣку грязной казуистики. Дюбуа Десолль тоже не хотѣлъ печатать «La Bestialité» при жизни своей. Вотъ тактика, которой я рѣшительно не понимаю. Пьяные и безумные бредятъ, кричатъ и дѣлаютъ гадости, а трезвые и знающіе зашиваютъ себѣ ротъ цѣломудренными страхами и щекотливыми опасеніями, не причислиться бы невзначай къ вороватымъ и обреченнымъ казни воробьямъ, будучи добродѣтельною овсянкою. Больные сладострастнымъ одурѣ-

ніемъ овладѣли печатными станками и, чрезъ нихъ, заражаютъ здоровыхъ, а врачи—скрывай свои наблюденія и лекарства подъ спудомъ и цѣломудренно молчи?

О литературномъ значеніи «33 уродовъ», конечно, не стоитъ говорить... Повѣсть хороша только тамъ, гдѣ она — исповѣдь безыскусственной искренности. Чуть отвлеченіе,—пошли шумѣть жиденькія, избитыя, условно-лживыя идейки, облеченныя въ огромно-раздуваемыя, звонкія, пустыя слова. Тема—что называется на конкурсныхъ экзаменахъ—по самозаданію и куцая. Красота, созданная и обожествленная больнымъ воображеніемъ двухъ взаимно-влюбленныхъ психопатокъ, умираетъ для нихъ,—видите ли,—какъ скоро 33 художника, каждый по-своему, изобразили ее въ рисункахъ своихъ. Ахъ, это не та, это не Вѣрина красота! Ахъ, значитъ, той, Вѣриной красоты нѣтъ? Ахъ!.. И все это столь огорчительно, что Вѣра отравилась... Туда и дорога!

Любопытно, что Аннибалъ-Зиновьева даже и не подозрѣвала, какое торжество ненавистнаго ей реализма разсказала она въ своей повѣсти. Каждая правда жизни — такая огромная штука, что разсматривать и изображать ее реалистически можно не только съ 33 точекъ зрѣнія, но и съ 333-хъ, и болѣе. Но каждымъ реалистическимъ изображеніемъ запечатлѣвается и утверждается какая-нибудь наблюденная сторона правды и разрушается, окружавшій ее, бредъ мечтательнаго миѳа. И, когда реализмъ дѣлаетъ подсчетъ своимъ наблюденіямъ и сводитъ ихъ вмѣстѣ,—миѳъ улетучивается незримымъ газомъ, и, вмѣсто фантасмагоріи, открывается жизнь; вмѣсто призраковъ, инкубовъ и суккубовъ, требуетъ къ себѣ вниманія зримый, чувствуемый, осязаемый человѣкъ. И — кто, въ эгоистическихъ кривляніяхъ извращеннаго аристократизма, не согласенъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, но требуетъ среды миѳа, общества призраковъ, сладострастія инкубовъ и суккубовъ, питанія лжами феерической мистики, — того

жизнь безжалостно и справедливо выметаетъ за порогъ свой, какъ ненужный соръ. Потому что слишкомъ много въ ней настоящихъ страданій, чтобы сберегать и утѣшать напускныя коверканія — самозванныя маски страданія — какихъ-то съ жиру взбѣсившихся Вѣръ. Единственное, что можетъ жизнь сдѣлать въ ихъ пользу, — своевременно отдать ихъ въ руки невропатолога или психіатра. Не выпользуютъ эти, — значитъ, обреченное гибели должно погибнуть. И нисколько не жаль.

* * *

Салтыковъ говорилъ:

— Есть господа, которые догадываются о томъ, что они, должно быть, сдѣлали подлость, только, когда ихъ бьютъ по рожѣ, и начинаютъ подозрѣвать, что они — свиньи, только, когда имъ наплюютъ въ «лахань».

Наивный Михаилъ Евграфовичъ! Онъ еще воображалъ, будто для «господина» заподозрить въ себѣ свинью — своего рода познай самого себя, и, слѣдовательно, шагъ къ самоисправленію. Могъ ли онъ подозрѣвать, что не пройдетъ даже 20 лѣтъ со смерти его, а сознаніе себя свиньею сдѣлается уже самоуслажденіемъ — да не какихъ-нибудь Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, но литераторовъ, интеллигентовъ, въ нѣкоторомъ родѣ соли земли русской?

Сейчасъ я получилъ изъ Москвы номеръ юмористическаго журнала, сплошь глупый, пошлый, порнографическій, съ ярко выраженнымъ тяготѣніемъ къ чернымъ сотнямъ. Редакторъ подписывается Геростратикъ, уже много лѣтъ тому назадъ старавшійся обратить на себя общественное вниманіе литературными скандалами, но, при всемъ томъ, сыгравшій нѣкоторую роль въ русскомъ декадентствѣ и бывшій одною изъ первыхъ его ласточекъ. О дрянномъ московскомъ изданіи не стоило бы и поминать, если бы оно не поражало именно восторгомъ свинорадости, именно гордою полнотою свиного самосо-

знанія. Двѣ страницы номера заняты четырьмя рисунками, изображающими торжествующихъ свиней, —два борова и двѣ чушки,—во всемъ ихъ вестфальскомъ великолѣпіи... Подпись: «Редакція журнала такого-то въ полномъ составѣ»... Думаю, что до подобныхъ автохарактеристикъ не унижался еще ни одинъ печатный органъ, ни въ какой странѣ, ни въ какую эпоху. Это даже не цинизмъ. Это—сусизмъ!

Гамлету за человѣка страшно было. Но, если такъ дальше пойдетъ, то—что ужъ о человѣкѣ! Даже за свинью страшно становится. И даже за свиную репутацію вступиться придется. Клевещутъ на бѣдную хавронью новые всеядные самозванцы... куда же ей, глупой, до нихъ!

Vies imaginaires

Въ безсонную ночь взялъ я съ полки первую книгу, какая подъ руку попала, развернулъ тоже, гдѣ попало, и началъ читать съ первой открывшейся строки:

«Полуляховъ учился недолго въ школѣ, но настоящее воспитаніе получилъ въ публичномъ домѣ».

Книга была—«Сахалинъ» В. М. Дорошевича. Полуляховъ—герой знаменитаго въ свое время преступленія, убійца семьи Арцимовичей, въ г. Луганскѣ. Тутъ же портретъ Полуляхова приложенъ. Красивый, привлекательный молодой человѣкъ.

Я вполнѣ увѣренъ, что не читалъ «Сахалинъ» уже года четыре, и Полуляхова забылъ совершенно. Между тѣмъ, угрюмая начальная фраза его характеристики прозвучала въ моей памяти свѣжо до недоумѣнія, словно я ее только сегодня или вчера видѣлъ или слышалъ. Гдѣ же?

Вспомнилъ. Въ фельетонѣ «Руси». Г. Максимиліанъ Волошинъ писалъ о поэтѣ Валеріи Брюсовѣ и оповѣщалъ почтеннѣйшую публику:

— Дѣтство Валерія Брюсова прошло у дверей публичнаго дома.

И такъ радостно оповѣщалъ, словно онъ тѣмъ г. Валерію Брюсову, по меньшей мѣрѣ, Бѣлаго Орла жаловалъ. Дальше сообщалось съ неменьшимъ упоеніемъ, что, выростая у дверей публичнаго дома, г. Валерій Брюсовъ не умѣетъ смотрѣть на женщину иначе, какъ

на проститутку, и что, въ глуби вѣковъ и въ отдаленіи странъ, онъ, по женской части, кромѣ проституціи, ничего не хочетъ или не можетъ видѣть. Сіи черты изъ жизни г. Валерія Брюсова повергли меня въ новое смущеніе: какъ разъ то же самое сообщаетъ В. М. Дорошевичъ и о Полуляховѣ. Унылая параллельность прецедентовъ внушала невольное опасеніе за дальнѣйшія открытія г. Максимиліана Волошина: ну-ка, вдругъ, и въ чертахъ жизни г. Валерія Брюсова отыщется какая-нибудь семья Арцимовичей? Увѣрялъ же самъ г. Брюсовъ когда то,—и даже стихотворно,—будто у К. Д. Бальмонта—«каторжника взглядъ». Но, къ душевному облегченію читателя, г. Волошинъ никакой кровавой уголовщины на г. Валерія Брюсова, покуда, не взвелъ, а только произвелъ героя своего въ всесвѣтные завоеватели и императоры. Почти изъ Гаршина:

— По указу императора Петра Перваго, объявляю ревизію сему сумасшедшему дому...

Не знаю, какъ откровенія г. Максимиліана Волошина нравятся самому г. Валерію Брюсову, но «вообще» полагаю, что тріумфаторомъ изъ-за этакихъ похвалъ человѣку почувствовать себя мудрено. Валерій Брюсовъ—величина опредѣлившаяся и солидная: не молоденькій начинающій, не мальчишка, балующійся отъ нечего дѣлать риѳмованнымъ сквернословіемъ и рѣшительно никому не нужнымъ хвастовствомъ, какъ евреи говорятъ, «схватить Бога за бороду». Періодъ декадентскихъ дурачествъ, творившихся pour épater le bourgeois, остался въ творчествѣ Валерія Брюсова настолько далеко позади, что, переиздавая стихи своей молодости, онъ, какъ пишетъ г. Волошинъ, выметаетъ добрую треть ихъ безпощадною метлою придирчивой авто-редакціи. Я не принадлежу къ страстнымъ поклонникамъ поэтическаго дарованія г. Валерія Брюсова: отъ застылой красоты его, можетъ быть, и «бронзовыхъ», но холодныхъ, трудно сдѣланныхъ, стиховъ

слишкомъ пахнетъ масломъ лампы. Бальмонтъ, при всей своей хаотичности, говоритъ мнѣ много больше и теплѣе. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Брюсовѣ мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ и яркимъ литературнымъ характеромъ, сломавшимъ, въ любви къ искусству, тысячи естественныхъ преградъ между собою и публикою, заставившимъ и научившимъ слушать себя, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», и наложившимъ властную печать на стихотворство своей эпохи. Какъ выразитель и катехизаторъ школы, онъ самый представительный и самый отвѣтственный поэтъ русскаго декаданса. Въ Брюсовѣ нельзя не уважать человѣка очень умнаго, въ высшей степени трудолюбиваго, образованнаго, начитаннаго, съ развитымъ художественнымъ вкусомъ, можетъ быть, нѣсколько узкимъ, но строго послѣдовательнымъ и вооруженнымъ доказательствами. Съ Брюсовымъ легко, а во множествѣ случаевъ и должно не соглашаться, но очень трудно съ Брюсовымъ не считаться и совершенно безсмысленно Брюсова «не признавать». Политическая неподвижность Валерія Брюсова, его способность вмѣщаться въ дряхлыя славянофильскія рамки, его циническія примиренія съ царствіями силы, его оторванность отъ соціальныхъ вопросовъ и лишь книжное къ нимъ любопытство—для меня лично, напримѣръ,—не симпатичны, часто враждебны. Но, когда я читаю Брюсова, я заранѣе увѣренъ, что не прочту ни одной строки, съ вѣтра надутой, что человѣкъ такъ и думалъ, какъ писалъ, а сѣлъ писать послѣ долгой умственной работы, въ которой трудилась не одна «своя» голова, но еще и много головъ позвано было на совѣтъ изъ шкафовъ библіотечныхъ. Брюсовъ—фигура настояще-литературная и настояще-интеллигентская. Даже слишкомъ интеллигентская, старомодно-интеллигентская по нынѣшнимъ малограмотнымъ временамъ. И потому-то вчужѣ обидно видѣть его въ полуляховской машкерѣ, которую,

въ любезно блаженномъ невѣдѣніи своемъ, предложилъ ему г. Максимиліанъ Волошинъ своею странною статьею.

Покуда я писалъ все это, пришла «Русь» съ отвѣтнымъ письмомъ г. Валерія Брюсова. Онъ, дѣйствительно, не восторгнулся, но, повидимому, серьезно обидѣлся, — да и правъ! — легендами г. Максимиліана Волошина и отчиталъ своего неудачнаго воспѣвателя жестоко. Слабыя возраженія г. Максимиліана Волошина, что онъ, дескать, пишетъ не критику, но vies imaginaires, и потому воленъ изображать каждаго писателя такимъ, какъ тотъ ему «субъективно» представляется—или ужъ очень наивны, или ужъ очень увертливы. Не говоря о томъ, что не существуетъ болѣе фальшиваго и нелѣпаго типа литературы, чѣмъ искаженіе исторіи посредствомъ vies imaginaires, и взрослымъ, какъ Пушкинъ говорилъ, «мужикамъ лѣтъ 30» и выше, заниматься подобными благоглупостями, пожалуй, ужъ и стыдненько,— г. Максимиліанъ Волошинъ напрасно ссылается на Марселя Швоба, какъ на образецъ свой. Vies imaginaires Марселя Швоба—историческая фантастика: рядъ характеровъ, взятыхъ изъ лѣтописей и мемуаровъ давно прошедшихъ временъ, обработанныхъ въ беллетристической манерѣ и умышленно написанныхъ съ подмѣною вѣдѣнія фантазіей,—такъ, какъ если бы авторъ не зналъ о герояхъ своихъ ничего, кромѣ ихъ имени и смутныхъ отрывковъ ихъ легенды. Большой талантъ и серьезное историческое знаніе, прорывающееся въ изящныхъ подѣлкахъ Марселя Швоба, спасаютъ интересъ его труда и придаютъ ему литературное значеніе. Но сочинять апокрифы о живыхъ лицахъ? Извините, какими красивыми словами и цитатами ни облекайте вы это «рукомесло», но въ концѣ-то концовъ оно сведется просто на просто къ литературной сплетнѣ. Г. Максимиліанъ Волошинъ, конечно, неспособенъ посвятить себя этому милому занятію сознательно, но безсознательно наговорилъ

же онъ о г. Валеріи Брюсовѣ небылицъ и непристойностей, противъ которыхъ тотъ вынужденъ энергически протестовать. А найдутся теплые ребята—пустятся сочинять vies imaginaires и съ совершенною сознательностью, и съ скандальныхъ разсчетомъ. Если о поэтѣ дозволительно сообщать, какъ фактъ, воображаемую небылицу, что его дѣтство прошло въ публичномъ домѣ и каждая женщина для него—проститутка, то почему же завтра не написать о какой-нибудь поэтессѣ: она развратна съ семилѣтняго возраста и занимается тайною проституціей? А вонъ этотъ беллетристъ отравилъ родного дядю и сожительствуетъ съ бабушкою, а вонъ тотъ критикъ—убійца и растлитель малолѣтнихъ. Васъ одернутъ:

— Послушайте, ну, что вы врете? Вѣдь это же клевета, никогда ничего подобнаго не было... Марья Ивановна—почтенная мать семейства. Бабушка Ивана Ивановича умерла десять лѣтъ тому назадъ, а дядя вчера былъ у него въ гостяхъ и игралъ въ винтъ. Сидоръ же Сидоровичъ—не то что убивать и насиловать,—плачетъ, когда извозчикъ хлещетъ клячу свою...

А вы отвѣтите съ безмятежностью:

— Я и не утверждаю, чтобы что-либо подобное было въ объэктивной дѣйствительности. Но таково мое субъективное представленіе о Марьѣ Ивановнѣ, Сидорѣ Сидоровичѣ и Иванѣ Ивановичѣ. Это ихъ vies imaginaires.

У Чехова есть разсказъ «Первый Любовникъ»: тамъ Евгеній Алексѣевичъ Поджаровъ все разсказывалъ, да разсказывалъ vies imaginaires о знакомыхъ барышняхъ, да и наткнулся, наконецъ, на «тульскаго дядю», и нехорошо вышло. И въ жизни реальной vies imaginaires всегда нехорошо кончаются. Какой же резонъ наполнять ими литературу? Вѣдь «тульскіе дяди» и въ литературѣ водятся. Не думаю, чтобы г. Максимиліанъ Волошинъ чувствовалъ себя очень ловко, читая брюсовскую отповѣдь.

Всѣ эти искусственныя «субъективности» и выдуманныя лже-искренности—скверная мода богемы парижскихъ модернистовъ, изнывающихъ въ погонѣ за la gloriole и, чтобы добиться крика о себѣ, готовыхъ, въ самомъ дѣлѣ, хоть въ палачи пойти: лишь бы публика заговорила. Въ Парижѣ vies imaginaires—не Швобовы, а въ родѣ тѣхъ, что преподноситъ г. Максимиліанъ Волошинъ, подъ именемъ «Ликовъ Творчества»,—откровенная кружковая реклама, афишный «бумъ», самооклеветаніе Ивановъ Ивановичей Марьями Ивановными и обратно, по взаимному товарищескому соглашенію, опять-таки pour épater le bourgeois... Парижскій книжный рынокъ очень труденъ, буржуа любитъ острыя ощущенія, и прочитать стихи Ласенера для него много любопытнѣе, чѣмъ стихи Маллармэ. Отсюда проистекла и накопилась та «ласенеризація» литературныхъ біографій и легендъ, которой съ такой добродушною дѣловитостью предаются нѣкоторые парижскіе кружки модернистовъ и поддерживающая ихъ часть «молодой» критики (этакъ лѣтъ отъ 40 до 50 и выше). У насъ, россіянъ, при пересадкѣ парижскаго модернизма на петербургское болото, наивный и, по существу, довольно противный рыночный пріемъ этотъ былъ съ благоговѣніемъ понятъ въ-серьезъ. И, какъ водится, парижская мода взята была на Руси нотою выше. Вѣдь мы же не можемъ не хватить черезъ бортъ. И—пошла писать губернія! Нашли, что необыкновенно лестно обзывать другъ друга сатирами, фавнами, центаврами, каторжниками, воспитанниками публичныхъ домовъ, грѣшниками по Оскару Уайльду, грѣшницами по Сафо. Загуляли такіе «лики творчества», что и въ масляничное заговѣнье взглянуть страшно. Сплелись такія vies imaginaires, что дѣйствительность, имъ соотвѣтствующая,—мы только что слышали,—аукается имъ съ Сахалина! Человѣкъ разсказываетъ біографію Полуляхова, а увѣряетъ: предъ вами—Валерій Брюсовъ, и самъ убѣжденъ, что

польстилъ. «Ласенеризація» слѣпитъ глаза настолько, что съ, дѣйствительно, очень умнымъ и образованнымъ разговорщикомъ-эстетомъ, эффектнымъ острякомъ, но посредственнымъ романистомъ и совсѣмъ уже слабымъ драматургомъ, Оскаромъ Уайльдомъ, въ Россіи нѣсколько лѣтъ подрядъ носились, какъ съ богомъ-вдохновителемъ и геніемъ первой величины. Только теперь, съ прошлаго 1907 года, журналистика осмѣлѣла до критическаго къ нему отношенія. Раньше между Оскаромъ Уайльдомъ и критикою непоколебимою стѣною стояло романтически увеличительное стекло Рэдингской тюрьмы.

Въ старинной «Монастыркѣ» Погорѣльскаго двѣ захолустныя дѣвицы «французскаго воспитанія» ищутъ грибовъ, и Любочка спрашиваетъ Вѣрочку:

— Фуа, Фуа, ке се ля?

А Вѣрочка отвѣчаетъ:

— Ахъ, Амуръ, се подосиновикъ!

Откровенно говоря, когда нырнешь въ глубь новѣйшей «стилизованной» литературы, только и слышишь теперь вокругъ себя, какъ Фуа съ Амуромъ, на чистѣйшемъ французско - нижегородскомъ нарѣчіи, стараются извернуться, чтобы у петербургскихъ Пяти Угловъ было тоть въ точь, какъ «у насъ на Монмартрѣ», и чтобы московская Вшивая горка стала «двѣ капли воды—Монпарнасъ». Но, какъ водится, даже и тутъ, въ подражаніи-то французско-нижегородскомъ, все начинается съ конца. Сперва словятъ собаку и отрубятъ ей понапрасну хвостъ, а потомъ уже вспомнятъ: ахъ, чортъ возьми! да вѣдь — для безхвостой собаки — у насъ еще нѣтъ Алкивіада!... И, въ концѣ концовъ, собакъ безхвостыхъ— бѣгаетъ сколько угодно, Алкивіадовъ же къ нимъ хоть газетными объявленіями вызывай: «Ищутъ Алкивіада, въ стихахъ и прозѣ, средне порочныхъ нравовъ, но возможно трезваго поведенія. Безъ аттестатовъ не являться и своихъ собакъ не приводить. Знакомому съ право-

писаніемъ дано будетъ предпочтеніе». На безалкивіадии стараются назначать въ Алкивіады даже насильно, какъ попробовалъ г. Волошинъ опредѣлить г. Брюсова, но,— мы видѣли,—кандидатъ забрыкался. Да и есть отъ чего! Что за охота умному человѣку застрять между французско-нижегородскими Фуа и Амуромъ, — пусть ихъ спорятъ себѣ о «се подосиновикахъ»!

Вопія и стеная противу «мѣщанства», когда только Максимиліаны Волошины и прочіе тридцатилѣтніе младенцы діони́совы догадаются, наконецъ, и уразумѣютъ, что на свѣтѣ нѣтъ, вотъ именно, ничего болѣе пошлаго и мѣщанскаго, какъ ихъ трафаретное оригинальничанье безъ оригинальности, наивно перебалтывающее дѣтскимъ языкомъ старые-старые монмартрскіе и монпарнасскіе рецепты, како «огорошивать мѣщанъ»? И пошло оно, да и безплодно. Увы! Мѣщанства русскаго давнымъ давно уже ничѣмъ нельзя огорошить. Въ странѣ, гдѣ Wahrheit послѣдовательно находится въ рукахъ С. Ю. Витте, П. Н. Дурново и П. А. Столыпина, какое Dichtung удивитъ обывательство? Теофиль Готье когда-то на всю Европу прогремѣлъ тѣмъ ужаснымъ обстоятельствомъ, что на какой-то парадный спектакль явился, къ ужасу мѣщанъ, въ принципіально красномъ жилетѣ. Сейчасъ, я такъ полагаю, г. Максимиліанъ Волошинъ — хоть принципіальныя юбки надѣнь, вмѣсто мѣщанскихъ штановъ, и то никому до того дѣла не будетъ: штаны, такъ штаны, юбка, такъ юбка... эка не́видаль! Потому что, когда чуть не половина интеллигенціи одѣта въ арестантскіе халаты, то другую половину уже никакимъ экстреннымъ костюмомъ не озадачишь. Мысль русская сейчасъ переживаетъ что-то въ родѣ Наполеонова отступленія изъ Москвы къ Березинѣ. Трещатъ морозы, люди гибнутъ, а изъ уцѣлѣвшихъ — никому никто не интересенъ, чѣмъ онъ грѣется. Кто въ бабьей душегрѣйкѣ, кто въ чиновничьей шинели, кто въ поповской парчевой ризѣ, кто въ двор-

ницкомъ тулупѣ, кто въ персидскомъ архалукѣ. Все равно!

Въ злоупотребленіяхъ «субъективнымъ» вымысломъ, который примѣняетъ къ критикѣ и рекомендуетъ г. Максиміліанъ Волошинъ, есть еще одна очень печальная сторона. Vies imaginaires вредятъ жертвѣ своей не только въ настоящемъ, но и въ далекомъ будущемъ. Англійскіе мѣщане сочинили для Байрона такую пакостную vie imaginaire, что настоящаго Байрона надо теперь откапывать изъ-подъ наслоеній ея словно какой-нибудь ассирійскій идолъ. У французовъ темныя легенды густо клубятся вокругъ образовъ Альфреда де Мюссе, Бодлэра, Верлэна. У насъ полумиѳы—Пушкинъ, который и умеръ-то оттого, что компанія великосвѣтскихъ мѣщанъ «субъективно вообразила» его семейную жизнь и сплетнями довела до дуэли, Лермонтовъ, Некрасовъ. Vies imaginaires очень прочны,—точно кровавыя пятна на мраморѣ. Бываетъ, что въ десятилѣтіяхъ до чиста стирается все творчество писателя, и самое имя его едва живетъ еще, но въ анекдотическихъ клоакахъ мѣщанской памяти продолжаютъ звучать скабрезныя «черты изъ жизни»: картежникъ, пьяница, опіофагъ, державъ гаремъ и т. д. А когда историкъ приближается къ легендамъ этимъ съ серьезнымъ изслѣдованіемъ, почти всегда оказывается, что никогда ничего подобнаго не было, но пьянствомъ, картежничествомъ, гаремомъ репутацію покойника обременили современные ему любители «субъективнаго воображенія». Все — для «интересности», все — для удовольствія той великой Липочки Большовой, что зовется мѣщанскою публикой. Помните, какъ Липочка Большова, не довольствуясь громыханіемъ офицерскихъ шпоръ, сожалѣла еще:

— И зачѣмъ это они, когда танцуютъ, саблю отвязываютъ? Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе!

И вотъ, потрафляя на Липочкины вкусы, субъективные вообразители, сочиняющіе писательскіе vies imaginaires, заставляютъ своихъ героевъ, такъ сказать, танцовать при саблѣ. Эксцентричности хочешь? Ласенеризаціи? На-жъ тебѣ — острогъ! публичный домъ! Содомъ и Гоморра! Съ родною сестрою живетъ! Въ семи душахъ повинился! Липочка Большова содрагается въ сладострастномъ ужасѣ и говоритъ:

— Батюшки!... Надо почитать... Да неужто въ семи?

— Честное слово!

Такъ-то и оказывается вотъ, что, хотя выходятъ россійскія vies imaginaires изъ среды, мѣщанство будто бы ненавидящей, но—повторяю—дѣлаютъ онѣ воистину мѣщанское дѣло и безсознательно потрафляютъ, аккуратъ и въ точку, на самыя низменныя и, что ни есть, мѣщанскія любопытства сплетничающей праздности.

Надо уняться[1].

Надо уняться.

Не то, чтобы по собственному хотѣнію и разуму, но съ редакціей у меня контры. Что пишетъ, что телеграфируетъ, — все одно. Только и слышу:

— Уймись, братецъ!

Отвѣчаю:

— Не могу, братецъ!

Отвѣчаетъ:

— Смоги, братецъ!

Отвѣчаю:

— Не хочу, братецъ!

Отвѣчаетъ:

— Захоти, братецъ!

Отвѣчаю:

— Но—мои убѣжденія, братецъ?

Отвѣчаетъ:

— А что будешь жрать, братецъ?

Какъ говоритъ донъ-Базиліо — «у графа есть такіе

---

[1]) Сохраняю и помѣщаю здѣсь этотъ фельетонъ (въ сокращеніи) только затѣмъ, что онъ можетъ быть любопытнымъ показателемъ быстроты, съ какою свершилась порнографическая эволюція русской беллетристики. Онъ написанъ въ началѣ 1907 г.—и оказался въ пародіяхъ своихъ не только пророческимъ, но даже слишкомъ слабымъ и наивнымъ въ пророчествѣ!

Ал. Ам—въ. 1908.

аргументы», что противъ нихъ не устоитъ никакая логика и ничья воля — хотя бы даже самая закоренѣлая въ порокѣ безсмысленнаго мечтанія и праздныхъ упованій. «Жрать»... короткое оно слово, а сколько въ немъ выразительности!.. Я не спорю болѣе...

Надо уняться!

Довольно посѣяно плевеловъ! Тѣмъ паче, что права редакція — съ плевела сытъ не будешь, хотя господа Гурко и Лидваль пытались недавно убѣдить русскаго мужика въ противномъ. Но къ чему же сіе привело?!

Довольно посѣяно плевеловъ! Доздѣ я сѣялъ плевелы, отздѣ буду ихъ полоть и насаждать цвѣты невинности. И, когда изъ оныхъ цвѣтовъ будутъ ягоды—сожру! И благо мнѣ будетъ, и долголѣтенъ буду на землѣ!

Еще вчера у меня на письменномъ столѣ красовался портретъ Бакунина. Ni plus, ni moins!..

Сегодня онъ исчезъ. Когда? какъ? Не помню. Должно быть, я истребилъ его въ экстазѣ поворота отъ плевеловъ къ цвѣтамъ невинности. А, можетъ быть, старикъ и самъ расточился? Потому что—цвѣтъ невинности... вѣдь это въ своемъ родѣ... зрѣлище! Не всякій эту марку выдержитъ... Тѣмъ болѣе, что портретъ Бакунина, въ качествѣ предмета неодушевленнаго, не можетъ быть переубѣжденъ въ пользу цвѣтовъ невинности потребностью жрать, ибо таковой потребности не ощущаетъ.

Какъ бы то ни было, Бакунина больше нѣтъ. И—такъ какъ освобожденное отъ портрета мѣсто портитъ симметрію моего рабочаго святилища, то я колеблюсь, кѣмъ и чѣмъ заполнить мнѣ упрекающую пустоту? Какой именно цвѣтъ невинности водрузить на сію опустошенную клумбу, чтобы въ ароматѣ его погасла и самая память объ исторгнутомъ плевелѣ?

О, если бы у меня былъ портретъ г-жи Эстеръ! Третьей великой Эстеръ, прославленной въ исторіи.

Эстеръ персидскаго царя Ахверуша.

Эстеръ Казиміра Великаго.

Эстеръ — Гурко-Лидваль. Эстеръ — изъ артистическаго тріо подъ фирмою: «Небольшая, но честная компанія».

Откровенно говоря—съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшилъ питаться цвѣтами невинности — третья Эстеръ нравится мнѣ гораздо больше двухъ первыхъ. Относительно Эстеръ персидскаго царя Ахверуша еще г. Шмаковъ доказалъ обстоятельно, что она была отъявленная мерзавка, такъ какъ вела въ персидскомъ столичномъ городѣ Сузахъ еврейскую интригу и очень хитро воспрепятствовала погрому, который онъ, г. Шмаковъ, подъ псевдонимомъ Амана, наладилъ было во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ персидской монархіи.

Найдутся скептики, способные усомниться въ столь глубокой древности г. Шмакова, а, слѣдовательно, и въ справедливости его показаній. Но, въ доказательство, я сошлюсь на моего поэтическаго друга Максимиліана Волошина; онъ еще недавно свидѣтельствовалъ печатно, что зналъ нѣкоего господина Кузьмина за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ Александріи. Если господинъ Кузьминъ жилъ и писалъ стихи и прозу въ Александріи двадцать вѣковъ назадъ, то я не вижу причины, почему не признать и г. Шмакова персидскимъ фруктомъ тридцативѣковой давности. Да! г-нъ Шмаковъ жилъ въ Сузахъ, его звали Аманомъ, и онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Вотъ какъ тогда цѣнились таланты! Эхъ!

Въ старину живали дѣды,
Веселѣй своихъ внучатъ...

Объ Эстеръ Казиміра Великаго я конфужусь даже и распространяться. Достаточно сказать, что именно эта черная женщина—виновница поселенія евреевъ въ При-

вислянскомъ краѣ (въ то время крамольно называвшемся Польшею), откуда разселились они въ Литву и Украйну. Къ счастію для Россіи, усиліями опомнившейся администраціи зловредныя чары прекрасной Эстеръ были парализованы чрезъ благодѣтельное учрежденіе «черты осѣдлости», а также чрезъ назначеніе г. Курлова губернаторомъ въ Минскъ.

Вы ясно видите, что обѣ эти Эстеръ принадлежали къ разряду несомнѣнныхъ плевеловъ. Если возсіяла міру третья Эстеръ, то не иначе, какъ для спеціально высшей—мистической цѣли, чтобы искупить вину бытія первыхъ двухъ. Подобно щедринской дѣвицѣ Волшебновой, г-жѣ Эстеръ по всѣмъ правамъ и видимостямъ суждено осуществить петербургскую Жанну д'Аркъ, съ распубликованіемъ о томъ на послѣдней страницѣ «Новаго Времени» и «Петербургской Газеты», чрезъ извѣстнаго контръ-агента «посредническихъ» и брачныхъ дѣлъ, губернскаго секретаря Томилина.

Хорошо-съ. Я отказался отъ плевеловъ и сѣю цвѣты невинности. Я признаю г-жу Эстеръ русскою Жанною д'Аркъ (по силѣ извѣстной резолюціи сороковыхъ годовъ: «Возвратить оную въ первобытное состояніе и считать попрежнему дѣвицей»). Я согласенъ водрузить ея портретъ на мѣстѣ исчезнувшаго (или сбѣжавшаго) Бакунина. Но дальше-то что же? Прекрасно сѣятъ цвѣты невинности, но гдѣ же сѣмена? Безъ сѣмянъ не разсѣешься...

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное»... Бывало двѣнадцатаго января, на Татьяну, «всякій дуракъ» умѣлъ сѣять. А нынѣ—ау! Гдѣ она и сама Татьяна-то? -не говоря уже о сѣющемъ «всякомъ дуракѣ»!.. А вольтеріанцы утверждаютъ, будто въ благополучно текущемъ году двѣнадцатаго января-то даже и совсѣмъ не было. Было одиннадцатое, потомъ сразу стало тринадцатое, а

двѣнадцатаго не было. Куда оно дѣвалось? Неизвѣстно. Можетъ быть, само ушло изъ календаря, убоясь — подобно моему Бакунину — слишкомъ пышнаго расцвѣта всероссійской невинности. А, можетъ быть, просто конфисковано начальствомъ, въ качествѣ календарнаго оберъплевела, подобно тому, какъ конфискуются наполненные плевелами номера ежедневныхъ газетъ. И тогда злые и порочные трепещутъ и унываютъ, а невинные испытываютъ «радость вѣрныхъ о Господѣ».

Сегодня сбѣжитъ изъ календаря 12 января... потомъ 8 февраля... потомъ девятнадцатое... Оно, конечно, сѣятелю цвѣтовъ невинности—въ сущности, наплевать: ну, сбѣжали крамольныя числа, стало быть, въ календарѣ просторнѣе стало! Но все-таки дальше-то что же? Дальше-то что? Гдѣ сѣмена? Сѣмянъ, сѣмянъ мнѣ дайте! Безъ сѣмянъ не разсѣешься!

Плохо вѣрятъ въ сѣятельныя способности нашего брата блюстители невинныхъ сѣяній! Хорошо Александру Аркадьевичу Столыпину, когда онъ отъ сомнѣній застрахованъ—по родственному довѣрію съ передовѣріемъ! А то, вонъ, даже о Сигмѣ—да! о Сигмѣ!!!—въ «сферахъ» разговариваютъ: «И лучшая изъ змѣй есть все-таки змѣя»! Какимъ—послѣ того—усердіемъ человѣкъ себя оправдать можетъ? Развѣ ужъ, что пойдетъ на крайности: напримѣръ, объяснится въ любви г-жѣ Смирновой, проглотитъ живого Винавера или—еще градусомъ выше—изъявитъ готовность стать четвертымъ «г» въ союзѣ гг. Гурлянда, Гурьева и Грингмута. Но, вѣдь, сіе уже, что называется, «отрекшись отъ отца-матери»...

Въ старину, говорятъ, въ подобныхъ случаяхъ выручало «пѣнкоснимательство». Но возможны ли нынѣ усилія его—столь успѣшныя и благопріемлемыя лѣтъ еще пятнадцать, двадцать тому назадъ, когда оно владычествовало и давало тонъ русской журналистикѣ, литературѣ, наукѣ? Увы! Увѣренъ ли я, напримѣръ, что, начавъ уче-

ный трудъ хотя бы «О древности происхожденія сокровищъ Оружейной палаты вообще, и такъ называемой Шапки Мономаха въ особенности», я благополучно доведу его дальше эпиграфа—«Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!» Гдѣ гарантіи, что въ семъ самомъ мѣстѣ я не подвергнусь подозрѣніямъ въ намѣреніи перешить сказанную шапку на европейскій фасонъ и не поѣду за то въ Суздаль-монастырь дѣлить компанію съ Григоріемъ Спиридоновичемъ Петровымъ? Дайте мнѣ сѣмена, которыя не сожигаютъ руки, ихъ разсѣевающей! Дайте мнѣ безопасноневинныя темы, ведущія не въ умертвіе, но—если не въ храмъ славы, то хотя бы, съ позволенія сказать, въ академію наукъ по отдѣленію изящной словесности! Иначе—къ чему же весь процессъ «пѣнкоснимательства» и за что наполнять душу свою его блѣднорозовымъ срамомъ? Иначе—какая же практическая разница между плевеломъ и цвѣтомъ невинности? Гдѣ кончается первый и начинается второй?

. . . .

Мы живемъ въ вѣкѣ свободы печати.

Откровенно говоря, я не совсѣмъ увѣренъ въ наличности этой свободы. Но колебанія мои—не болѣе, какъ результаты стариннаго засоренія мозговъ плевелами.

И лечусь я отъ этого недуга не чѣмъ инымъ, какъ зрѣлищемъ очевидности.

Нѣтъ свободы печати?!

Но—взгляни, о, сомнѣвающійся!

«ТАЙНЫ АЛЬКОВА»

Еженощное партійное изданіе
группы
«Раз-про-пери-ахъ ты, чтобъ тебя».
При ближайшемъ участіи
КАМАРИНСКАГО МУЖИКА (безъ пропусковъ),
тѣни К. А. Скальковскаго,

а также и многихъ живыхъ покойниковъ, хотя и облеченныхъ въ маски.

(NB. Не столько изъ уваженія къ себѣ—сколь къ чину и возрасту читателей).

Отдѣломъ объявленій завѣдуетъ губернскій секретарь *Томилинъ*. Отдѣломъ модъ (девизъ: «Не очень много шили тамъ, и не въ шитьѣ была тамъ сила!»)—*г-жа Эстеръ*. Отдѣленія редакціи: въ маскарадахъ *Благороднаго Собранія*, *Приказчичьяго Клуба*, въ книгоиздательствѣ *г. Аскарханова* и *въ Чубаровомъ переулкѣ*. Собственныя корреспонденціи изъ всѣхъ кафешантановъ и наиболѣе популярныхъ веселыхъ домовъ Россійской Имперіи. Ежемѣсячныя литературныя приложенія:

— ! Въ первый разъ въ Россіи ! —

Маркизъ де Садъ. Жюстина или Горе отъ добродѣтели!..

— ! Только пользуясь свободой благодѣтельной гласности ! —

Брантомъ. Жизнеописаніе куртизанокъ!

— ! До сихъ поръ конфисковалось ! —

Луве. Приключенія кавалера Фоблаза!

— ! Сто лѣтъ подъ запрещеніемъ ! —

Стихотворенія Баркова!!!

— ! По спеціальному разрѣшенію ! —

Лермонтовъ.

! Уланша. — Монго. — Петергофскій праздникъ!

Съ иллюстраціями художниковъ

Кузнецова и *Бодаревскаго!*

— ! Еще годъ тому назадъ было бы невозможно ! —

— ! Необходимо въ каждомъ семействѣ ! —

Жаффъ. Искусство быть мужемъ, не имѣя дѣтей!

— ! Place aux dames ! —

Сафо и Фрина. Полныя біографіи, теорія любви и практическія наставленія пріемлющимъ.

— Pendant къ предыдущему во имя безпристрастія и равноправія половъ. Важно для каждаго! —

Кузьминъ. Крылья. Романъ, плагіатируемый изъ «Вѣсовъ». Съ предисловіемъ Валерія Брюсова. Рисунки художниковъ журнала «Вѣсы».

Замѣчательный выборъ неблагопристойныхъ фотографій, какъ съ натуры, такъ и изъ воображенія!

Адресъ-календарь извѣстнѣйшихъ кокотокъ обоего пола, какъ въ обѣихъ просвѣщенныхъ столицахъ, такъ и Одессѣ, Харьковѣ, Варшавѣ, Ростовѣ-на-Дону и проч., а равнымъ образомъ и въ Манчжуріи.

Таковой же списокъ всѣхъ игорныхъ домовъ, квартиръ для свиданій и прочихъ учрежденій, предназначенныхъ для удаленія подъ сѣнь струй.

Полный ассортиментъ полезныхъ аксессуаровъ къ утѣхамъ любви!

Подписная цѣна на годъ—двугривенный! На полгода — двѣнадцать копѣекъ! Ежемѣсячно — пятачокъ!

Примѣчаніе I. Сверхъ того, каждый подписчикъ, внесшій годовую плату полностью, имѣетъ право пользоваться безплатными совѣтами находящих ся въ распоряженіи редакціи врачей по секретнымъ болѣзнямъ (списокъ прилагается) и спеціалистокъ по предупрежденію вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній, также по фабрикаціи ангеловъ (списокъ не можетъ быть приложенъ, въ виду временнаго несогласія сихъ про-

фессій съ уголовнымъ законодательствомъ, но—просимъ уважаемыхъ кліентокъ вѣрить редакціи на слово: не подведемъ!).

Примѣчаніе II. Имена, фамилія и адреса подписчиковъ «Тайнъ Алькова» печатаются полностью въ каждомъ номерѣ журнала. По возможности, и портреты. Особенно замужнихъ подписчицъ.

Примѣчаніе III. Лица, не желающія, чтобы ихъ имена, фамиліи, адреса и портреты появились на страницахъ «Тайнъ Алькова», благоволятъ довнести къ подписной платѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ или, со скидкою, 50 рублей въ годъ.

Sapienti sat!

Журналъ расходится въ 666,666 экземплярахъ!!!

Спѣшите подписаться!

Отвѣтственный редакторъ тит. сов. Модестъ Цѣломудровъ (онъ же ходатай по бракоразводнымъ дѣламъ).

Издатель дѣйствительный статскій совѣтникъ Пріапъ.

Милостивые государи! Намъ ли говорить объ отсутствіи свободы печати, когда лучи ея, послѣ 17-го октября 1905 года, возсіяли даже въ нѣдрахъ алькововъ, отъ коихъ до сего времени и не весьма стыдливая Кліо отвращала свое, весьма сконфуженное лицо?

Вы скажете:

— «Тайны Алькова»—это шаржъ[1]), титулярный со-

---

[1]) Увы! Не прошло и года со времени напечатанія этого фельетона, какъ шуточная программа журнала „Тайны Алькова", предполагавшаяся мною невозможною, была осуществлена полностью и въ значительно превосходной степени порнографическою прессою въ Москвѣ, Петербургѣ и провинціи!.. См. выше: „Минуты".

Ал. Ам—въ.

вѣтникъ Цѣломудровъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Пріапъ—лица не существующія.

Мы живемъ во время конституціонное и даже, не при насъ будь сказано, парламентское, и ничто конституціонное и парламентское намъ не чуждо!

А, слѣдовательно, и дѣленіе общества на партіи. И партій—на фракціи.

Бываетъ центръ. Бываютъ лѣвая и правая. Бываютъ лѣвая поправѣе и правая полѣвѣе. Бываютъ правая и лѣвая «вообще»; то есть правая, которая не правая, и лѣвая, которая не лѣвая. И—наконецъ—правая (лѣвая) крайняя и самая крайняя правая (лѣвая). Эти послѣднія уже—какъ въ старинныхъ стихахъ описывалось:

Чортъ—довольно страшный Гогъ,
А Магогъ еще лютѣй.
Что-жъ такое Демагогъ?
Это—чортъ изъ всѣхъ чертей!

Партія «разъ-про-пери-ахъ ты, чтобъ тебя!» не можетъ быть исключеніемъ изъ конституціонно-парламентскихъ правилъ о партіяхъ. И если органъ ея «Тайны Алькова» представляется нѣсколько преувеличенною карикатурою на дѣйствительность, то лишь потому, что, очевидно, редакція почтеннаго журнала попала въ руки крайнихъ партизановъ группы. Демагогическую рѣзкость группы обличаютъ и сіяющія въ сотрудническомъ спискѣ литературныя имена. Но, если крайній демагогъ партіи «Раз-про-пери-ахъ ты, чтобъ тебя!» удовлетворяетъ свое вожделѣющее любопытство не менѣе, какъ «Тайнами Алькова» съ произведеніями Камаринскаго Мужика (безъ пропусковъ), тѣни Скальковскаго, маркиза Де-Сада и г. Кузьмина, то для болѣе умѣреннаго партійнаго «магога» достаточно уже и «Тайнъ Жизни», а для «гога», который самъ не знаетъ, кто онъ въ партіи, лѣвый, правый или просто вольнопрактикующій безстыдникъ,—довольно за глаза и «Почты Амура»... А дерзнете ли вы,

о, скептики, отрицать бытіе «Тайны Жизни» и «Почты Амура»? Нѣтъ! Ибо это было бы такимъ же плевеломъ, какъ отрицаніе бытія дьявола! И даже худшимъ, потому что «Тайны Жизни» и «Почты Амура» получили санкцію въ полицейскомъ участкѣ, дьяволу же утвержденіе въ таковой инстанціи до сихъ поръ—не по чину. Я не спорю, что, по объявленной программѣ «Тайны Алькова», гг. Цѣломудровъ и Пріапъ должны быть «чертями изъ всѣхъ чертей», но не смѣю отрицать ихъ реальности, такъ какъ издаетъ же кто-нибудь «Тайны Жизни», есть же какой-нибудь редакторъ у «Почты Амура» и «Стрѣлъ Любви»! Ну, а для такого гражданскаго мужества, чтобы взять на себя столь серьезныя общественныя отвѣтственности, да еще въ наше бурное время,—согласитесь,—надо быть тоже гогомъ и магогомъ въ своемъ родѣ... и преизрядными!

Во всякомъ случаѣ, я, кажется, нашелъ наконецъ одинъ изъ вѣрныхъ рецептовъ къ засѣиванію общественныхъ клумбъ цвѣтами невинности. Это—сотрудничать, по мѣрѣ силъ, въ «Тайнахъ Алькова», издаваемыхъ подъ отвѣтственностью титулярнаго совѣтника Цѣломудрова и на иждевеніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пріапа. Ахъ, есть у меня, есть стихи... ахъ, какіе стихи! Самому стыдно вспомнить: вотъ какіе стихи... Ну, да кто молодъ не бывалъ?.. Признаться сказать, хотѣлъ было я отослать ихъ лучше въ «Вѣсы» г. Валерію Брюсову: честолюбіе одолѣло! Но—прочитавъ романъ «Крылья» г. Кузьмина (того самаго, который жилъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ Александріи, не то на Маломъ Клеопатриномъ проспектѣ, не то на Большихъ Птоломеевыхъ пескахъ)—смирился: куда ужъ намъ съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ?..

— Энтотъ прокормитъ! – говорилъ толстовскій мужикъ о Коко Звѣздинцевѣ. А я о г. Кузьминѣ только и могу сказать съ благоговѣніемъ:

— Энтого не достигнешь! Не говоря уже, что—не превзойдешь!

Русская изящная литература всегда страдала чрезмѣрнымъ усердіемъ къ психологіи. Физіологическія же и анатомическія изысканія въ ней сравнительно рѣдки. Крупныхъ открытій второй категоріи, въ такъ называемомъ «новѣйшемъ» періодѣ литературы россійской, было сдѣлано едва-ли не всего два.

Первое—нѣкогда—Авксентіемъ Поприщинымъ (онъ же испанскій король Фердинандъ VIII):

— А знаете-ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ—шишка?

Второе—въ наши дни—г. Кузьминымъ (онъ же александрійскій обыватель и, быть можетъ, выборщикъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ):

— А знаете-ли, что на той части, которою человѣкъ садится на стулъ, имѣются крылья?...

Помилуй Богъ!.. И вдругъ г. Кузьминъ улетитъ?!..

1907 г.
Январь.

Талантъ во тьмѣ.

I.

Прочиталъ я «Тьму» Леонида Андреева, и надо было мнѣ писать о ней. Долго колебался; писать или не писать, потому что любовь къ молодому и сильному дарованію Л. Андреева боролась во мнѣ съ отвращеніемъ къ огромной и нехорошей ошибкѣ,—будемъ надѣяться, что мимолетной и безсознательной ошибкѣ,—въ которую впалъ его заблудившійся талантъ.

Я скажу съ полною откровенностью, что ни одинъ изъ памфлетическихъ беллетристовъ, состоящихъ на добровольческой или платной службѣ реакціи, не рискнулъ бы изобразить революціонера въ такомъ противномъ и лживомъ освѣщеніи, какъ осѣнило написать Леонида Андреева, который, однако, ни къ добровольцамъ, ни къ наемникамъ реакціи не принадлежитъ и многими повѣствованіями, начиная съ первыхъ литературныхъ шаговъ своихъ, доказалъ право свое числиться въ станѣ «погибающихъ за великое дѣло любви». Никто не сомнѣвается и не хочетъ сомнѣваться въ наличности и законности этого андреевскаго права,—напротивъ, всѣ рады, что оно существуетъ, счастливы, что могутъ вѣрить въ него. И тѣмъ болѣе горькое недоумѣніе должна возбуждать «Тьма» въ читателяхъ, привычныхъ вѣрить, что Леонидъ Андреевъ—пѣвецъ свѣтовъ человѣческой свободы и счаст-

ливыхъ этою вѣрою. Когда какой-нибудь Маркевичъ, Крестовскій, Стебницкій изображали нигилистовъ подлецами и идіотами, было гнусно, но понятно:

Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.

Но здѣсь, во «Тьмѣ», топтать героевъ, быть можетъ, даже и не мертвыхъ еще, а лишь въ летаргическомъ снѣ находящихся, принялся не врагъ, но другъ. Да и другъ-то не изъ случайныхъ и дальнихъ, но ближайшій и, казалось бы, съ литературно доказанною репутаціей постоянства. Въ грѣхахъ Маркевича какого-нибудь или, напримѣръ, въ перелицовкѣ Достоевскимъ грозной фигуры Нечаева въ вульгарнаго «мошенника» Верховенскаго, кромѣ политическаго умысла, сыграла свою роль «незнанья жалкаго вина». Маркевичъ, вѣроятно, никогда ни одного революціонера и въ глаза-то не видывалъ. Достоевскій сочинялъ Верховенскаго по темнымъ слухамъ и сплетнямъ, вихрившимся вокругъ загадочнаго нечаевскаго процесса *). Это была отсебятина не только преднамѣренной злобы, но и глубокаго невѣдѣнія революціонной жизни. У г. Андреева, который подолгу жилъ за границею, въ центрахъ русской эмиграціи, который, несомнѣнно, и на родинѣ связанъ,—какъ личными знакомствами, такъ и всею громадою своего нравственнаго обаянія, съ кругами освободительнаго движенія,—подобнаго невѣдѣнія быть не можетъ. И этимъ условіемъ еще болѣе углубляется читательское недоумѣніе передъ «Тьмою». Если для нехорошей выдумки нѣтъ даже извиненія незнаніемъ дѣйствительности,—какимъ именемъ должна быть названа такая выдумка? Если же предположить почти невозможное, то-есть, что Леонидъ Андреевъ написалъ своего революціонера, не позаботившись о пред-

---

*) См. о томъ статью „Бѣсы“ во 2-мъ изданіи моихъ „Курга новъ“.

варительномъ изученіи революціонной среды, на авоську «художественной интуиціи», то вина нехорошей выдумки лишь осложняется легкомысленнымъ отношеніемъ автора къ слишкомъ важному и отвѣтственному сюжету. Да и странное понятіе дала бы въ такомъ случаѣ «Тьма» о настроеніяхъ самого Леонида Андреева. Считался и считается человѣкъ художникомъ освободительнаго движенія, а понадобилосъ ему вообразить и написать революціонера, и—какое же представленіе рождается въ авторскомъ умѣ? Пьяный болтунъ въ публичномъ домѣ, котораго дѣвки бьютъ по лицу, и приглашаютъ въ товарищи къ лакею Маркушкѣ. И болтунъ тѣмъ премного доволенъ, ибо дошелъ до блестящей идеи, что хорошимъ быть стыдно, когда есть скверные, что надо унизиться до скверноты скверныхъ и быть какъ они, а, слѣдовательно, и нѣсть для человѣка въ земной юдоли сей мѣстопребыванія и назначенія краше, чѣмъ—въ публичномъ домѣ. Поутру этого удивительнаго философуса арестовали,—къ великому для него счастью. Потому что, если бы не арестовали, то что же дальше-то было бы съ фантастическимъ «революціонеромъ», за котораго стало стыдно даже арестующему его участковому приставу? Куда дальше-то могъ бы повести его авторъ? Вѣдь, какъ ни раскрашивалъ г. Андреевъ перья на своемъ небываломъ героѣ, какъ ни старался сдѣлать его симпатичнымъ, а все-таки, не могъ не сознаться съ душевнымъ прискорбіемъ, что герой-то—легкомысленнѣйшій предатель-неврастеникъ, даже сознающій свое предательство, но, что называется, жидкій на расправу, потому что, опять-таки, неврастеникъ. Хода ему назадъ къ товарищамъ, къ «хорошимъ», въ «свѣтлую и прекрасную жизнь», нѣтъ. Онъ и самъ туда не пойдетъ, и Любу не поведетъ, не послушаетъ голоса пробудившейся въ ней совѣсти, не сдѣлаетъ ее изъ дѣвки человѣкомъ и, быть можетъ, героинею. Напротивъ, онъ и собственное-то былое герой-

ство и человѣческое достоинство за дѣвкиною юбкой спряталъ. Такъ что, въ единственномъ исходѣ, остается этому апоѳеозированному г. Андреевымъ бѣднягѣ—дѣйствительно, осуществить свое, столь твердо выраженное намѣреніе—уйти изъ революціи въ проституцію и, въ самомъ дѣлѣ, принять любезное предложеніе—въ лакеи «на мѣсто Маркушки». Что же? Послѣдовательность, такъ послѣдовательность. Глядѣть въ корень, такъ глядѣть въ корень. Унижаться, такъ ужъ унижаться до конца. Тьма, такъ тьма. Какъ ни печальна, какъ ни грязна жизнь проститутки, а имѣются въ обществѣ и болѣе глубокія, черныя дна. Есть «должности, которыхъ не рѣшится занять послѣдній чортъ въ аду», которыхъ благороднѣе «скоблить нечистыя мѣста иль водостоки или наняться въ помощники у палача», которыя «презрѣнными напла бы и мартышка, когда бы говорить могла». Такъ, триста лѣтъ назадъ, Марина въ шекспировомъ «Периклѣ» характеризовала житейское значеніе и нравственное паденіе именно «Маркушки». И на такомъ-то миломъ порогѣ, въ такомъ-то красивомъ выборѣ, г. Леонидъ Андреевъ рисуетъ намъ революціонера, да не какого-нибудь. Предъ нами человѣкъ закала—чтобы не напоминать болѣе современныхъ именъ—Кравчинскаго, Стародворскаго, Вѣры Фигнеръ и т. д. Здѣсь не мѣсто разсуждать о террорѣ, его принципахъ, морали, тактикѣ и дѣятельности, повторять обвиненія противъ него и провѣрять его оправданія. Но я увѣренъ, что даже самый лютый врагъ революціи, даже самый крайній правый на самой крайней правой Государственнаго Совѣта не найдетъ въ себѣ увѣренности — сочетать представленіе о революціонерѣ съ представленіемъ о философическомъ скандалѣ въ публичномъ домѣ, включительно до возможности принципіальнаго поступленія въ «Маркушки». У Маркевичей, Крестовскихъ и пр. на такую изобрѣтательность не хватило полемической фантазіи. У враговъ

*

было больше уваженія къ силѣ, которая ихъ борола, чѣмъ нашлось у друга. Впрочемъ, г. Андреевъ и самъ не забылъ отмѣтить эту черту и согласиться съ нею. Быть можетъ, самый сильный и реальный психологическій моментъ въ разсказѣ г. Андреева это—глубочайшее негодованіе пьянаго, пошлаго, грубаго участковаго пристава, когда онъ находитъ террориста, котораго уважалъ и боялся, какъ героя, на слѣдахъ мелкотравчатой оргіи, въ постели проститутки, въ нравственномъ и тѣлесномъ свинствѣ. На описаніе послѣдняго, кстати сказать, Л. Андреевъ не пожалѣлъ красокъ.

— Такіе герои нужны, хотя бы для того, чтобы ихъ вѣшать. Вѣшаешь—и ему пріятно, и тебѣ пріятно. Ему потому, что идетъ прямо въ царствіе небесное, а мнѣ, какъ удостовѣреніе, что есть храбрые люди, не перевелись.

Такъ разговаривалъ приставъ наканунѣ ареста. И нельзя не сознаться, что—когда арестъ совершился въ той гнусной и противной обстановкѣ, при насмѣшливыхъ, недоумѣлыхъ и презирающихъ офицерахъ,—самымъ несчастнымъ и оскорбленнымъ дѣйствующимъ лицомъ унизительной сцены остается въ памяти читателя именно этотъ ничтожный приставъ, разочарованный въ враждебномъ богѣ, которому онъ вѣровалъ, какъ бѣсы «вѣруютъ и трепещутъ».

«Приставъ вдругъ подошелъ къ нему, сталъ такъ, чтобы загородить его отъ офицеровъ своимъ туловищемъ, въ широко свисавшемъ сюртукѣ—и заговорилъ сдушеннымъ шепотомъ, бѣшено ворочая глазами:

« —Стыдно-съ!.. Штаны бы надѣли-съ!.. Офицеры-съ!.. Стыдно-съ. Герой тоже... Съ дѣвкою связался, съ стервой... Что товарищи твои скажутъ, а?.. У-ухъ, ска-а-тина»...

Не разъ приходилось отмѣчать съ удовольствіемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что русская реакція въ настоящее время совершенно безсильна художественно: не произвела

ни одного замѣтнаго беллетристическаго таланта, не дала ни одного сколько-нибудь яркаго романа, повѣсти, разсказа, стихотворенія, которые могли бы противопоставлены быть быстрому расцвѣту освободительной литературы [1]). Но недавно одинъ очень крупный дѣятель русскаго освободительнаго движенія, когда разговоръ коснулся этой темы, возразилъ мнѣ не безъ остроумія:

— А зачѣмъ «имъ» теперь полемическая беллетристика? Спросъ удовлетворенъ предложеніемъ и помимо ихъ. «Друзья» движенія избавляютъ враговъ его отъ обязанности имѣть таланты...

И—въ самомъ дѣлѣ—какихъ же еще литературныхъ оппозицій должно ожидать оклеветанное движеніе, однимъ изъ лучшихъ якобы представителей котораго «дружески» рекомендуется такая грязно-похотливая, низменно самолюбивая тварь, какъ «Санинъ», и типическимъ героемъ котораго г. Андреевъ представляетъ почтеннѣйшей публикѣ, стоящаго на Маркушкиной стезѣ, господина изъ «Тьмы»? Хуже-то вѣдь ничего и выдумать нельзя на революцію. У времени нѣтъ и не можетъ быть потребности въ Маркевичахъ, Стебницкихъ, Крестовскихъ и Клюшниковыхъ, если роли ихъ безсознательно берутъ на себя вдесятеро талантливѣйшіе Андреевы и Арцыбашевы.

Не прошло и пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Россія съ радостнымъ подъемомъ душевнымъ слышала изъ вѣщихъ устъ могучаго поэта-трибуна.

— Люди живутъ для лучшаго... Человѣкъ—это звучитъ гордо...

И вотъ теперь стараются ее увѣрить, что не надо лучшаго, что звучитъ гордо не человѣкъ, а свинья, что совершенство человѣческое заключается въ томъ, чтобы безвыходно засѣсть въ публичномъ домѣ и изыскивать глубинъ «тьмы» его. S'encanailler jusqu'au bout! Горькій! Горькій!

---

[1]) См. о томъ вышеупомянутую статью мою въ „Курганахъ“.

Шиллеръ земли Русской! Какою трагическою фигурою остается онъ, на фонѣ русской литературы—чистый и одинокій—со своимъ неизмѣнно-гордымъ, фанатически-соколинымъ стремленіемъ въ высь, въ то время, какъ сотни приспособляющихся ужей твердятъ намъ:

— Въ лужу, въ лужу, ползите въ лужу... Свободы вверху, въ полетахъ—нѣтъ... это испытано... Она—въ глубинахъ лужи... Въ лужу, въ лужу! Какъ можно глубже зарывайтесь въ лужу!

— Рожденный ползать—летать не можетъ!—училъ насъ могучій пѣвецъ безумства храбрыхъ. А литературный смѣнникъ его, со всею силою несомнѣннаго художественнаго таланта своего, старается внушить, что, наоборотъ:

— Летать рожденный—летать не смѣетъ!

И даже:

— Летать рожденный обязанъ ползать!..

Среди всѣхъ проповѣдничествъ на тему, что съ волками жить—по волчьи выть, предика г. Леонида Андреева несомнѣнно самая краснорѣчивая и радикальная, и такъ какъ она очень льстива по адресу тѣхъ, кого убѣждаетъ къ волчьему вытью, то и самая вкрадчивая. Недавно въ одномъ восторженно-глупомъ интервью я читалъ, что подвигъ самоотреченія (!), изображенный въ «Тьмѣ», равносиленъ крестному подвигу на Голгоѳѣ. Какъ, право, прогрессъ усовершенствовалъ всѣ проявленія духа человѣческаго, включительно до самоотреченія! Какъ теперь легко сдѣлаться Франциской Ассизскимъ, Буддою, Христомъ! Совсѣмъ не необходимо предавать тѣло свое на пожраніе голодной тигрицы, на пропятіе и гвоздное пронженіе. Nous avons changé tout cela! Равныхъ результатовъ, по доказательству «Тьмы», можно достигнуть, просто запутавшись въ публичномъ домѣ съ драчливою дѣвкою, въ краснорѣчивомъ пьянствѣ и въ декламирующей трусости!..

— Какое же ты имѣешь право быть хорошимъ, когда

я—плохая?—восклицаетъ къ герою «Тьмы» побѣдоносная проститутка Люба.

И—такъ, вотъ, сразу и покончила террориста столь уничтожающимъ вопросомъ. До двадцати шести лѣтъ былъ фанатикомъ соціалистической «хорошести», и вдругъ, изъ устъ случайной дѣвки, осіяла этого Савла новаго откровеніемъ тайная истина міра сего. И сразу рѣшилъ онъ «бросить подъ ноги проституткѣ и умъ, и честь, и достоинство, и даже—страшно подумать—безсмертіе» и самъ, въ отвѣтъ Любѣ, принялся выкликать:

— Я не хочу быть хорошимъ!.. Зрячіе, выколемъ себѣ глаза!.. На̀ мою честность!.. Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, такъ погасимъ же огни и всѣ полѣземъ въ тьму... Моя жизнь была чиста и прелестна, какъ тѣ красивыя вазы изъ фарфора. И вотъ, поглядите: я бросаю ее! Топчите же ее, дѣвки! Топчите, чтобы кусочка не осталось!..

Вотъ, какъ краснорѣчиво изъясняются гости въ россійскихъ публичныхъ домахъ! Вотъ гдѣ у насъ оказываются школы истиннаго, классическаго риторства-то!.. И, главное, что утѣшительно и правдоподобно: гость выронитъ перлъ элоквенціи, а дѣвки его сейчасъ же подхватятъ и—въ золотую оправу. Онъ имъ—брильянтовый афоризмъ, онѣ ему—изумрудную апоѳегму... И, наконецъ, когда истощаются самоцвѣтныя слова, обѣ стороны пускаются въ мрачно-романтическій сатанинскій балетъ. И всѣ ужасно другъ другомъ довольны: какіе они умные и какъ хорошо говорить умѣютъ. А публика читаетъ съ пріятностью, а критика ищетъ глубинъ, и лишь забвенная умная тѣнь Базарова бормочетъ, про себя, гдѣ-то въ загробныхъ потемкахъ:

— О, другъ мой, Леонидъ Николаевичъ, объ одномъ прошу тебя: не говори красиво!..

Базаровъ объяснилъ когда-то, что «говорить красиво—неприлично». Неприлично—вообще. Тѣмъ паче—стоя въ

позиціи, болѣе чѣмъ некрасивой. Потому что,—повторю любимую цитату мою,—какъ Владимиръ Соловьевъ выражался,—«словами пышными возможно ли украсить поступки гнусные?» А въ гнусности поступковъ своихъ герой «Тьмы» даже и самъ не сомнѣвается, хотя и уповаетъ чрезъ гнусность эту совершить что-то «страшнѣе Христа». Такъ какъ, видите ли, Христосъ только «прощалъ и любилъ грѣшниковъ: но самъ не грѣшилъ съ ними, не прелюбодѣйствовалъ, не пьянствовалъ». Герой же «Тьмы» именно эту вторую программу «самоотреченія» на себя мужественно принимаетъ. Какая жалость, что столь удобный способъ «положить душу свою» (герой «Тьмы» увѣряетъ, что именно таково его намѣреніе) оглашенъ слишкомъ поздно! Бѣдный Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ! Онъ жилъ и умеръ по программѣ героя «Тьмы», съ полною искренностью считая себя свиньею, и весьма несчастный чрезъ то. То-то радости было бы старику узнать передъ смертью, что онъ былъ совсѣмъ не свинья, но лишь, въ нѣкоторомъ родѣ, искупалъ міръ «самоотреченіемъ отъ честности».

Когда Васька Пепелъ спросилъ у Луки, старца лукаваго:

— Старикъ, зачѣмъ ты все врешь?

Лука, хотя и не могъ отрицать, что онъ все вретъ, но могъ, по крайней мѣрѣ, указать положительныя побужденія къ своимъ «лжамъ съ благонамѣренною цѣлью»:

— Правда-то—она, можетъ, обухъ для тебя.

Но для какой положительной цѣли, для избавленія насъ отъ обуха какой правды лжетъ на жизнь талантливый авторъ съ начала до конца выдуманной «Тьмы»? Эта ложь сама—обухъ, отъ этой лжи—слабая душа и умъ недалекій и недостаточно развитой, чтобы сопротивляться авторитету и обаянію художественнаго таланта, должны прійти въ отчаяніе, злѣйшее, чѣмъ отъ самой скверной правды. Да такъ именно въ отчаяніе и пришелъ участковый приставъ, искавшій въ террористѣ врага-героя и,

вмѣсто того, по волѣ г. Андреева, обрѣтшій безштаннаго «бабника», какъ—по свидѣтельству Кропоткина—называла подобныхъ господъ Софья Перовская.

Вѣдь во всей этой «Тьмѣ» нѣтъ момента правды. Солгано все. Не было такихъ революціонеровъ. Солганъ, и нехорошо солганъ, этотъ революціонеръ. Не было, нѣтъ, не бываетъ такихъ проститутокъ. Солгана проститутка. Въ старомъ, смѣшномъ анекдотѣ Павла Вейнберга являлась когда-то на сцену «дѣвица», которая Klavier spielt und Чернышевски gelesen. Но тутъ—куда тебѣ Klavier und Чернышевски! Тутъ—«Антихристъ» Ницше въ юбкѣ карамазовской Грушеньки, излагающій мысли свои съ краснорѣчивою энергіей Демосѳена, съ романтическою звучностью Мейерберовой аріи! [1]) «Надежда Николаевна» Гаршина въ сравненіи съ Любой—глупая дѣвочка и оптимистка. О Сонѣ Мармеладовой я не смѣю даже вспоминать сравнительно. На всемъ протяженіи «Тьмы»—ни одной реальности: поза и фраза, фраза и поза, авторскія мысли, неспособныя овладѣть головою, въ которой онѣ, будто бы, являются; авторскія слова и обороты рѣчи, неспособные звучать изъ тѣхъ устъ, которымъ они приписаны; жесты и движенія, которыхъ въ дѣйствительности не способны ни нанести, ни принять люди, изображенные авторомъ. Проститутка пять лѣтъ ожидаетъ настоящаго «хорошаго» человѣка, именно—революціонера, съ цѣлью ударить его по лицу за то, видите ли, что онъ смѣетъ быть хорошимъ, когда она плохая! И, въ теченіе пяти лѣтъ, она сортируетъ приходящихъ «хорошихъ», пора или не пора бить, стоитъ или не стоитъ гость чести быть битымъ, пока, наконецъ, судьба не приводитъ въ

---

[1]) По-моему у г. Л. Андреева, въ богатомъ, но холодномъ его дарованіи вообще, много общаго съ Мейерберомъ—такимъ же шумнымъ мастеромъ ловко придуманныхъ, романтическихъ эффектовъ и контрастовъ, искусно расчитанныхъ на оглушеніе публики то симъ, то онымъ звуковымъ обухомъ. См. мою статью „Литературный Мейерберъ" въ моемъ сборникѣ „Современники".

вертепъ ея героя «Тьмы»... «и нынѣ, кажется, мой часъ насталъ!» Изъ какой неистовой французской мелодрамы взята эта инфернальная дѣвица, съ ея коллективною оплеухою по коллективной ланитѣ, ни въ чемъ предъ нею неповиннаго, «революціонера»? Сильвіо въ «Выстрѣлѣ» пушкинскомъ что-то лѣтъ десять или около того обдумывалъ мщеніе за полученную пощечину. Есть тоже провансальская сказка о мулѣ папы, который семь лѣтъ думалъ, какъ ему лягнуть врага, за то уже, когда лягнулъ, то лягнулъ хорошо. Но Сильвіо и мулъ знали, кому именно и за что именно они мстятъ. У молодого поэта С. Городецкаго я нашелъ недавно стихи о проституткѣ, которая гонитъ съ своей постели солдата, хотя только что была влюблена въ него, потому, что онъ ей напомнилъ лицомъ своимъ брата, разстрѣляннаго карательнымъ отрядомъ. Стихи слабоваты, но психологія ихъ понятна, естественна, реальна, человѣчна, — такъ бываетъ. Тутъ и солдатъ, и проститутка, и убитый братъ — личности, характеры, осязаемая, всегда возможная реальность. И, если бы наоборотъ было, положимъ, если бы проститутка была дочь, сестра, вдова полицейскаго, застрѣленнаго революціонерами, и мстила бы имъ, — это тоже понятно, естественно, реально, человѣчно, такъ бываетъ. Но коллективная проститутка, бьющая коллективнаго революціонера коллективною плюхою въ знакъ коллективнаго неудовольствія плохихъ на коллективную добродѣтель хорошихъ? Ожидающая сего принципіальнаго наслажденія пять долгихъ лѣтъ? Нѣтъ, такихъ проститутокъ въ городской регистраціи не водится. Онѣ существуютъ только въ фантазіи авторовъ, удрученныхъ заботою, какъ бы не повториться, а отсюда и сверхсильными напряженіями, какъ бы вящше изломиться, чтобы пресыщенная публика не зѣвнула: déjà vue.

Ирреальность «Тьмы», небрежность автора къ тому, какъ было дѣло и даже какъ могло оно быть, обнару-

живается съ первыхъ же строкъ разсказа,—не наблюденныхъ, но воображенныхъ авторомъ, хотя «Былое», Степнякъ и заграничная литература освободительнаго движенія могли бы избавить Л. Андреева отъ его наивныхъ представленій о террорѣ.

Не бываетъ бомбометателемъ человѣкъ, настолько примѣтный для полиціи, такъ точно услѣженный. такъ тѣсно загнанный, что, наканунѣ покушенія, ему уже некуда головы приклонить: всюду, какъ бѣлый волкъ, извѣстенъ. Если полиція стиснула «революціонера» желѣзнымъ кольцомъ и слѣдуетъ за нимъ по пятамъ, какъ же онъ завтра-то пойдетъ бросать свою бомбу? И зачѣмъ пойдетъ, разъ онъ видитъ себя въ ловушкѣ? Чтобы навѣрняка быть схваченнымъ на порогѣ публичнаго дома? Кстати о пребываніи «революціонера» въ послѣднемъ. Г. Леонидъ Андреевъ слыхалъ, что въ старину бывали случаи, когда террористы успѣшно укрывались въ публичныхъ домахъ. Да, но не какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ. Можетъ ли быть послѣднимъ убѣжищемъ для бѣлаго волка мѣсто, гдѣ хозяева, прислуга. даже и женщины очень многія—или довѣренные сыска, или прямо сыщики? Какъ-то разъ Борисъ Минцесъ, редакторъ «Die Zeit», просилъ меня добыть ему портретъ одного крупнаго русскаго террориста. Я обратился за содѣйствіемъ къ извѣстному репортеру Юрьеву. Онъ мнѣ привезъ желаемую фотографическую рѣдкость на другой же день.

— Гдѣ вы достали?

Онъ мнѣ назвалъ «заведеніе», очень громкое въ Петербургѣ. Я удивился:

— Какимъ образомъ тамъ можетъ быть его портретъ?

— У нихъ всѣ такіе портреты есть,—кого очень ищутъ... Охранка ихъ снабжаетъ.

Такъ повелось еще съ восьмидесятыхъ годовъ. Въ настоящее время убѣжищемъ публичнаго дома съ успѣ-

хомъ могъ бы воспользоваться революціонеръ, развѣ мало извѣстный и безынтересный для полиціи, а ужъ никакъ не столь яркая и примѣтная фигура, какъ рекомендуетъ г. Л. Андреевъ героя своей «Тьмы». Столько же неестественны и невѣроятны отсылка револьвера въ контору, показываніе его другимъ гостямъ и т. п. Это—не то, что не бываетъ, но даже и «не въ нравахъ»: «Die Hölle hat selbst ihre Rechte»!

Скажутъ: да, что же вы ищете реализма во «Тьмѣ»? Это—символы, а не дѣйствительность, это обобщающія тѣни авторскаго синтеза. А какой прокъ въ символѣ, если онъ мечется въ воздухѣ безопорнымъ бредомъ, оторвавшись, какъ произвольная отсебятина, отъ реальной основы? А на что годится такой синтезъ, который не выдерживаетъ анализа? Если число не дѣлится на множимое и множителя, значитъ, оно—не ихъ произведеніе. Если литературный образъ не допускаетъ повѣрочнаго расчлененія на осязательности реальной жизни, значитъ, въ немъ нѣтъ правды, значитъ, онъ изящная реторика, краснорѣчивая ложь, «хорошій слогъ». Символъ не можетъ быть выдумкою, онъ имѣетъ смыслъ лишь какъ сцѣпленіе обобщенныхъ правдъ.

Г. Леонидъ Андреевъ, одѣвшись въ краснорѣчивую ложь, торжественно приглашаетъ общество во тьму:

— Выпьемъ за то, дѣвицы, чтобы всѣ огни погасли! За подлецовъ, за мерзавцевъ, за трусовъ, за раздавленныхъ жизнью. За тѣхъ, кто умираетъ отъ сифилиса...

Это предсмертное brindisi напоминаетъ трагическій тостъ Софьи Михайловны въ «Просвѣщенномъ времени» Писемскаго:

— За здоровье всѣхъ лоретокъ, кокотокъ и камелій! Что же вы не пьете? и т. д.

Но вопль женскаго отчаянія, загнаннаго къ выбору между самоубійствомъ и проституціей,—голосъ жизни

а вопль не-подлеца во славу подлецовъ, тостъ не-мерзавца за мерзавцевъ, храбреца за трусовъ, рожденнаго летать за рожденныхъ ползать, дѣвственника за сифилитиковъ—не жизнь, но праздная реторика: крикливая театральная выдумка по рецептамъ «сатанинской» школы. Квазимодо тридцатыхъ годовъ столько натрубили въ уши, что «le beau c'est le laid», что бѣдный Квазимодо, на старости лѣтъ, возгордился, заболѣлъ маніей величія и требуетъ, чтобы весь міръ сталъ Квазимодо.

— Погасимъ огни и полѣземъ во тьму!

Таковъ финалъ пятидесятилѣтней эволюціи русской художественной мысли послѣ «Свѣтлаго луча въ темномъ царствѣ»! Свѣтлый лучъ—преступленіе, темное царство — излюбленная наличность, примирительная наглядность: — Да скроется солнце, да здравствуетъ тьма!

И зачѣмъ, право, г. Андреевъ арестовалъ своего подложнаго «революціонера»? Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, велъ бы это изобрѣтенное имъ сокровище до вожделѣннаго идеала, со ступеньки на ступеньку той «тьмы», которой онъ братски предается. Сегодня—любовникъ и сожитель дѣвки, въ просторѣчіи «котъ». Завтра—товарищъ Маркушки. Послѣ завтра—по взятымъ на себя новымъ обязанностямъ тьмы—понесетъ чей-нибудь револьверъ на-показъ въ участокъ, какъ настоящій Маркушка отнесъ его револьверъ. Отчего не поступить въ шпіоны? Шпіонъ—тьма. Почему не организовать погромъ? Погромщикъ—тьма. Почему, «погасивъ огонь и залѣзая во тьму», «революціонеркѣ» по Андрееву не связаться съ какимъ-нибудь Крушеваномъ? и не участвовать въ его милыхъ предпріятіяхъ? Почему «революціонеру» не якшаться по душамъ съ компаніями шпиковъ, выпивая, съ ними брудершафты до снятія ризъ и совмѣстнаго братскаго паденія подъ столъ? Крушеванъ и шпикъ—тоже тьма, да еще и какая! Не той чета, что г. Леонидъ Андреевъ

описалъ мрачными ферматами своего громкозвучнаго, оперного слова...

Неудачная ссылка Леонида Андреева на Христа, котораго герой «Тьмы» хочетъ превзойти своимъ «болѣе страшнымъ» самоотреченіемъ, даетъ мнѣ толчокъ—обратиться тоже къ Писанію. А именно—вспомнить автобіографическое свидѣтельство ап. Павла, какъ онъ—геніальный, вѣчный образецъ всякой идейной пропаганды—обращался съ «тьмою», чтобы пронизать ее своимъ свѣтомъ. «Будучи свободенъ отъ всѣхъ, я всѣмъ поработилъ себя, дабы больше пріобрѣсть: для іудеевъ я былъ какъ іудей, чтобы пріобрѣсть іудеевъ; для подзаконныхъ былъ какъ подзаконный, чтобы пріобрѣсть подзаконныхъ; для чуждыхъ закона какъ чуждый закона, чтобы пріобрѣсть чуждыхъ закона. Для немощныхъ былъ какъ немощный, чтобы пріобрѣсть немощныхъ. Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ».

Не правда ли, на первый взглядъ, это кажется какъ будто почти подтвержденіемъ замысловъ андреевскаго героя и тактическимъ оправданіемъ идей «Тьмы»? Но звукъ и начертанія словъ—еще не смыслъ ихъ, и, пріемля формулу Павловыхъ уподобленій учителя ученикамъ, не слѣдуетъ забывать ни способа, какимъ онъ примѣняется въ средѣ ихъ, ни вывода, къ которому устремляется. Практическое руководство Павла, написанное противъ партійнаго фанатизма, учитъ лишь, что, желая поднять человѣка до уровня истины, которую вы сами увѣдали и чувствуете, вы не должны навязывать неофиту своего кодекса въ повелительный абсолютъ, но лучше доводить его до своихъ правдъ, умѣя доказать ихъ съ его точекъ зрѣнія, входя въ его положеніе, снисходя къ его умственному складу, характеру и кругу знанія. Будь свободенъ отъ всѣхъ, но не брезгуй никѣмъ и умѣй быть вровень съ каждымъ, чтобы онъ не испугался твоей нетерпимости и позволилъ

тебѣ поднять его. Такимъ образомъ, становится возможнымъ рай «по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ». Но герой «Тьмы» не желаетъ рая для нѣкоторыхъ:

— Если нѣтъ рая для всѣхъ, то и для меня его не надо,— это уже не рай, дѣвицы, а просто-на-просто свинство...

— А потому,—выводъ,—чтобы избѣжать «свинскаго рая», пребудемъ въ адскомъ свинствѣ.

Революціонеръ не можетъ вѣрить въ небесный рай и, слѣдовательно, рай здѣсь – только метафора, смѣющаяся надъ идеалами тѣхъ «хорошихъ», которыхъ покидаетъ краснорѣчивый герой «Тьмы» для того, чтобы стать плохимъ съ плохими. Кто эти покинутые «хорошіе», мы знаемъ отъ г. Андреева: соціалисты дѣйствія. Конечно, соціализмъ не сдѣлаетъ «хорошими» всѣхъ по взмаху волшебнаго жезла, «плохіе» не могутъ исчезнуть изъ міра по щучьему велѣнью, по нашему хотѣнью. Десятилѣтія пройдутъ, прежде чѣмъ равноправіе женщины, свобода брака и обезпеченіе материнства уничтожатъ проституцію; нѣсколько поколѣній сойдетъ въ могилы прежде, чѣмъ человѣчество начнетъ ощущать оздоровленіе отъ сифилитическаго вырожденія. Исторія не знаетъ чудесъ и фокусовъ. Но—увы и ахъ!—эволюціи прогресса такъ скучно ждать, такая лѣнь на нее работать, такъ коротка душа – въ нее вѣрить. Въ такомъ случаѣ, чего же проще, дѣйствительно: не все—такъ ничего! Объявить соціалистическій идеалъ «просто свинствомъ» и, зачеркнувъ его, пребывать въ самоотреченномъ сліяніи съ тѣми, кого онъ отрицаетъ,—съ Маркушками, съ пьянымъ околоточнымъ, съ Крушеваномъ, съ Ѳомою Сейномъ и т. д. Ибо—по логикѣ г. Андреева—если въ соціалистическомъ раю нѣтъ мѣста для Крушевана, Ѳомы Сейна, Маркушки и пьянаго околоточнаго, то—стоитъ ли быть соціалистомъ? Пустое занятіе. Топчи жизнь въ черепки... Убивай и развращай самого себя до уровня другихъ падшихъ,

убивай и развращай другихъ примѣромъ своего паденія, разрушеніемъ своего идеала. Ап. Павелъ, созидая свой «рай нѣкоторыхъ», говорилъ съ восторгомъ о ловцахъ душъ, готовыхъ переплывать моря и совершать дальнія опасныя путешествія по одному слуху, что есть гдѣ-то душа, ищущая рая и способная къ спасенію. Исторія всѣхъ освободительныхъ движеній созидалась тѣмъ же порядкомъ накопленія добра, покуда оно не окрѣпало количественно для открытой войны и рѣшительной побѣды надъ зломъ. Убоявшійся «рая нѣкоторыхъ», какъ «просто свинства», герой «Тьмы», не переплывая морей и не двигаясь съ мѣста, совершилъ въ одну ночь три совершенно обратныхъ подвига: пріобщилъ къ «тьмѣ» себя самого, не пустилъ изъ тьмы къ свѣту, со дна ввысь, отъ плохихъ къ хорошимъ, отрезвленную проститутку и загасилъ отвращеніемъ послѣднюю искру человѣческую, задавилъ послѣднее дыханіе какихъ-то слабыхъ отраженій идеала въ жалкомъ, грѣшномъ участковомъ приставѣ. Входилъ участковый приставъ въ публичный домъ арестовать героя, а нашелъ «ска-а-тину». Утромъ участковый приставъ вѣрилъ, что, если онъ самъ свинья, такъ все же есть гдѣ-то люди-искупители, которыми жизнь красна и достоинство человѣчества спасено будетъ,—къ полдню онъ уже зналъ, что «не свиней» нѣтъ на свѣтѣ, и свиньею между свиньями быть не только не обидно и не стыдно, но даже похвально, чортъ возьми. Трое, шедшихъ къ свѣту,—трое озвѣренныхъ!

. . . .

Въ дѣйствительной исторіи русскаго освободительнаго движенія не было и нѣтъ андреевскихъ героевъ тьмы,—по крайней мѣрѣ, на тѣхъ отвѣтственныхъ боевыхъ позиціяхъ, какъ угодно было написать г. Л. Андрееву. Повторяю: какъ результатъ художественнаго творчества, нелѣпаго неврастеника, изображеннаго г. Андреевымъ, приходится занести по той же категоріи, плачевныхъ

отсебятинъ «изъ головы», какъ небывалыхъ никогда нигилистовъ Маркевича, Крестовскаго, Стебницкаго или злобно искаженныхъ соціалистовъ Жителя, съ писаніями котораго «Тьму» сближаетъ угрюмо-истерическій тонъ ея. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что попалъ г. Л. Андреевъ въ такую компанію по недоразумѣнію, и оставаться въ ней, сколько ни приглашай онъ «гасить огни и лѣзть во тьму», ему по вкусу быть не можетъ. Если бы г. Л. Андреевъ не имѣлъ крупнаго имени, то его «Тьму» лучше было бы замолчать, какъ случайный lapsus calami таланта сильнаго, но капризнаго, не опредѣлившагося, тревожно мечущагося въ жаждѣ сказать новое слово, котораго еще самъ не предчувствуетъ и не знаетъ, темно оригинальничающаго изъ страха не быть оригинальнымъ. Парадоксальное творчество всегда эффектно, да къ тому же оно и легче всякаго другого, и сейчасъ въ модѣ: роковое условіе даже для андреевскихъ недюжинныхъ силъ. Но нѣтъ парадоксовъ не обоюдострыхъ, и потому-то въ нѣкоторыхъ областяхъ мысли игра парадоксовъ или недопустима вовсе или, по крайней мѣрѣ, требуетъ отъ автора особо деликатной чуткости и осторожности. Иначе она обращается въ некрасивую и двусмысленную софистику фальшивыхъ выдумокъ, въ неловкую стрѣльбу по своимъ въ разгарѣ смертельнаго и несчастливаго боя. На тѣлѣ освободительнаго движенія слишкомъ много тяжкихъ ранъ и безъ парадоксальныхъ капризовъ г. Андреева. Любимцу ли освобожденія оскорблять друзей вражескими ударами? Удары-то не изъ опасныхъ, но нѣтъ раны болѣе мучительной, больной и памятной, чѣмъ— нанесенная любимой рукой.

II.

(Отвѣтъ S. R.—Аккерманъ).

Вполнѣ присоединяюсь къ вашему отрицательному взгляду на «Тьму» г. Леонида Андреева. Это произведеніе свидѣтельствуетъ не только объ усталости таланта, но и о глубокомъ невѣдѣніи, что онъ творитъ. Говорю: о невѣдѣніи, потому что не можемъ же мы подозрѣвать Л. Андреева въ безразличіи, что творить. Никогда еще ни одинъ беллетристъ русскій, не исключая даже реакціонныхъ, не рисовалъ дѣятеля освобожденія такими оскорбительными чертами, такими лживыми красками. При томъ, реакціонеры, въ памфлетическихъ карикатурахъ своихъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и цѣлесообразны,—вѣрны предвзятой и обязательной имъ тенденціи клеветать на освободительное движеніе и пачкать грязью его бойцовъ. Это ихъ ремесло. У Леонида Андреева подобной тенденціи быть не можетъ. Ничто не даетъ намъ права предполагать въ немъ поворота въ ту сторону, какъ вы поспѣшили заподозрить. Тѣмъ не менѣе, герой «Тьмы»—конечно, въ высшей степени печальное, фальшивое и обидное искаженіе освободительной дѣйствительности, и видѣть подъ нимъ подпись Леонида Андреева грустно. Ни исторія освободительнаго движенія, ни его современность не даютъ г. Андрееву нравственнаго права преподносить публикѣ сочиненный имъ некрасивый анекдотъ, какъ учительную программу, съ опорою на авторитетъ будто бы «отступившаго въ тьму» героя

разсказа. Такихъ случаевъ не было, такихъ дѣятелей не было. Формулу «загасимъ огни и полѣземъ въ тьму» мы привыкли слышать отъ Иліодоровъ и Крушевановъ, а не отъ Андреевыхъ. Мрачный софизмъ формулы этой, я полагаю, не требуетъ комментаріевъ. И малый ребенокъ легко увидитъ, куда тянетъ насъ послѣдовательность андреевскаго призыва. И глубокая неправда это! Даже противъ «тьмы» неправда! «Тьмѣ» совсѣмъ не нужно, чтобы огни погасли. Порокъ и тоска «тьмы» ищутъ излеченія и оздоровленія, а совсѣмъ не оправданія и новаго сообщества. Люба втянула андреевскаго героя въ свою тьму, а самоё-то ее тянетъ къ свѣту, стать и быть—свѣтомъ. Ужасъ проституціи не избудется тѣмъ, что герой «Тьмы» пошелъ въ проституты, и ни одной проституткѣ не станетъ лучше отъ того, что у нея оказался вдругъ такой неожиданный товарищъ по быту и сочувственникъ по профессіи. Ни одна проститутка не мечтаетъ о томъ, чтобы всѣ женщины стали проститутками, а мужчины сутенерами, и не увидитъ въ такой «темной» возможности ни высшей справедливости, ни нравственнаго удовлетворенія за собственную гибель. Тьму можно и должно жалѣть, просвѣщать, озарять, но признавать власть тьмы, отдаваться въ ея сообщество, покоряться ея количественному превосходству, провозглашать тосты за ея позоры и безобразія,—значитъ пятить прогрессъ человѣческій, объявлять побѣду реакціи и на реакцію работать. Правило tant pis, tant mieux и въ политикѣ-то сомнительно, хотя, можетъ быть, и примѣнимо иной разъ, какъ гуммозный пластырь, полезный, чтобы довести нарывъ до естественнаго вскрытія, безъ разрѣза. Въ соціальной же эволюціи оно ровно никуда не годится и, смѣясь надъ друзьями свободы человѣческой, служитъ на враговъ ея съ самымъ злобнымъ и язвительнымъ усердіемъ. «Загасимъ огни и полѣземъ во тьму». Да вѣдь—кабы во тьмѣ-то были только проститутки, Васьки Пеплы и т. д.

*

Еще куда бы ни шло! Но вѣдь въ глубинѣ-то тьмы сидятъ Крушеваны, Иліодоры, хулиганы и т. д. А за тьмою—творцы тьмы, «въ нихъ же есть заковыка». Разъ герой «Тьмы» подъемлетъ на себя подвигъ самоотреченія (?) «страшнѣе Христа», онъ, спасающій проститутку чрезъ свое уподобленіе ей, долженъ будетъ спасать Крушевана черезъ самоуподобленіе Крушевану, Иліодора — чрезъ фанатическое изувѣрство, хулигана — рыская съ резиною и дубьемъ на погибель мирному еврейству и интеллигенціи. Онъ долженъ быть Побѣдоносцевымъ съ Побѣдоносцевымъ и унизиться до Дубровина и Пуришкевича, потому что они—тоже тьма, тьма темъ, самые «плохіе», а слѣдовательно, тоже подлежатъ андреевскому искупленію чрезъ самоотреченное уподобленіе имъ «хорошихъ». До такой логической безсмыслицы доводитъ насъ фантастическій рецептъ г. Леонида Андреева—попирать тьму тьмою. Similia similibus—по-русски переводятся «клинъ клиномъ выгоняй». То-то вотъ и есть, что не точна старая пословица. Нижній забитый клинъ выгоняется совсѣмъ не верхнимъ вбиваемымъ клиномъ, но обухомъ топора, которымъ вбиваетъ верхній клинъ рука, покорствующая сознательной и ясной волѣ.

Вы спрашиваете меня, какъ объясняю я себѣ «психологію» появленія «Тьмы». Очень просто, долженъ сознаться. Васъ, идеалистку, ищущую въ жизни героевъ Карлейля, мое прозаическое, житейское объясненіе, можетъ быть, и не удовлетворитъ. Я вижу въ «Тьмѣ» одинъ изъ тѣхъ скороспѣлыхъ и размашистыхъ трудовъ, которые сейчасъ г. Леонидъ Андреевъ сталъ печь, какъ блины, съ лихорадочною поспѣшностью стараясь использовать, какъ можно шире и быстрѣе, громкую масленицу своего богатаго таланта. Самый модный писатель въ Россіи, онъ словно боится, что мода недолговѣчна, и торопится выбрасывать свои мысли на бумагу, очень мало заботясь о провѣркѣ этого стихійнаго матеріала и

о приведенiи его въ логическiй порядокъ. Лишь бы «звучало»! И—«за вкусъ не берусь, а горячо будетъ»! Собственно говоря, «Тьма» не обнаружила какого-либо новаго недостатка въ Леонидѣ Андреевѣ, но лишь раскрыла публикѣ глаза на одинъ важный старый: на хаотическую небрежность его творческой мысли, не то слишкомъ надменной, не то слишкомъ недосужной, чтобы разграничивать дѣйствительность отъ галлюцинацiи, и, будучи по природѣ вполнѣ способною къ реалистическому наблюденiю (напримѣръ, въ «Губернаторѣ»), тѣмъ не менѣе предпочитающей послѣднему болѣе легкую дорогу призрачнаго ирреализма.

Недостаточность образованiя, при спѣшной небрежности письма, уже не разъ подсовывала Андрееву подъ перо непрiятныя ошибки. Превосходный «Элеазаръ» испорченъ произвольностью исторической обстановки (фантастическiй кесарь). «Къ звѣздамъ» — астрономическими наивностями. «Iуда» — незнанiемъ евангельской литературы. Андреевъ презираетъ объективное изученiе предметовъ, о которыхъ онъ пишетъ, и, надѣясь на огромную силу своего эффектнаго таланта, раздѣлывается съ ними субъективною отсебятиною. Когда онъ пишетъ вещи фантастическiя, внѣ времени и пространства, или легендарныя, или аллегорически отвлеченныя, то въ отсебятинахъ этихъ крупный талантъ, несомнѣнное психологическое чутье и, прибавлю, весьма значительная техническая ловкость и знанiе вкусовъ публики выручаютъ Леонида Андреева, если не искупая, то прикрывая основную ирреальность его письма. Въ темахъ же живой современности онъ постоянно срывается въ небылицу и выдумку, въ невѣроятность обстановокъ, не наблюденныхъ, но измышленныхъ.

Замѣчательная способность къ красиво парадоксальнымъ построенiямъ и эффектамъ и яркая красочность языка спасли отъ недоумѣнiй много разсказовъ Л. Ан-

дреева, хотя они были безспорно ирреальны—и до сихъ поръ въ воздухѣ висятъ, а не на твердой почвѣ стоятъ крѣпкими ногами. «Бездна»—миѳъ, но миѳъ, стоящій реальности. Въ этихъ торжествахъ надъ умомъ и въ этомъ перекорѣ стихіямъ одинаково сказываются—сила таланта Андреева и его искусность поворачивать свое мастерство къ публикѣ самыми казовыми, ошеломляющими сторонами. Такъ, напримѣръ, я считаю однимъ изъ шедевровъ Андреева разсказъ «Христіане», гдѣ проститутка-свидѣтельница на судѣ отказывается принять присягу: она перестала считать себя христіанкою, потому что живетъ заработкомъ, противнымъ ученію Христа, и въ обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ евангельскою идилліей. Эта проститутка—какъ бы старшая сестра Любы изъ «Тьмы», хотя «Христіане», въ лаконической энергіи своей, были куда же сильнѣе и глубже. «Христіане»—вещь потрясающей могучести. Настолько, что, благодаря энергіи тона и красочности «Христіанъ», публика оставила безъ вниманія то обстоятельство, что судебная обстановка разсказа—фантастична и невозможна, какъ будто Л. Андреевъ и въ судѣ-то никогда не бывалъ. Критика же, хотя, помнится, этого пробѣла безъ вниманія не оставила, но разсказъ производилъ такое сильное впечатлѣніе, что—махнула рукою: да будетъ ему тріумфъ! Что считать пятна на солнцѣ! Такимъ образомъ, мрачная мощь исповѣди проститутки въ «Христіанахъ» заставила забыть и извинить, что длинная и подробная исповѣдь эта ни предъ какимъ судомъ не могла быть произнесена; что судъ не въ состояніи былъ, да и права не имѣлъ ея слушать; что предсѣдательствующіе россійскіе богословствовать и философствовать свидѣтелямъ не позволяютъ; что—чуть не до холоднаго пота теряться предъ отказомъ свидѣтельницы отъ присяги предсѣдательствующему не съ чего: дѣло формальное и легко оформляемое,—развѣ,

что, при цѣпкомъ адвокатѣ, лишній поводъ къ кассаціи,— такъ это уже сенатъ разбирай!

Вотъ такъ-то и всегда у Леонида Андреева. Онъ схватываетъ тему съ лета и, безъ наблюденія, начинаетъ воображать, какъ бы она могла сложиться въ сцену. Онъ воображаетъ: что—если бы проститутка отказалась отъ судебной присяги? что—если бы террористъ заночевалъ съ подобною проституткою въ публичномъ домѣ? Въ великорусской натурѣ Леонида Андреева есть-таки и способность, и склонность къ той самобытно-гипотетической философіи à la russe, что Гоголь высмѣивалъ въ метафизическо-мечтательномъ типѣ натуръ-философа Киѳы Мокіевича: «Что было бы, если бы слонъ родился изъ яйца»? И, размышляя о возможности слону родиться изъ яйца, Андреевъ уже великолѣпно воображаетъ себѣ фантастическую толщину небывалаго, но предположительно-необходимаго яйца и пишетъ о ней, будто имѣетъ ее передъ глазами. Это—писатель условныхъ предложеній, человѣкъ, живущій въ сослагательномъ наклоненіи. Спѣшные плоды субъективныхъ гипотезъ и условностей онъ съ нервною торопливостью подаетъ жадно ждущей, налету хватающей талантливое слово, публикѣ. Въ «Христіанахъ» воображенію Андреева удалось побѣдить враждебные протесты дѣйствительности и захватить насъ эффектами психологической условности, къ тому же, всегда, мастерски маскированной натуралистическими штришками и словечками. Это вѣдь обычная манера г. Андреева: изобрѣтетъ, нафантазируетъ, напредположитъ красивую сумятицу романтическихъ призраковъ, а потомъ, чтобы люди приняли фантомы за людей и галлюцинацію за жизнь, заставитъ привидѣнія ругаться между собою площадными словами, обнажитъ какой-нибудь животъ, полный газами, либо, какъ во «Тьмѣ», разольетъ по комнатѣ содержимое ночного горшка. Въ темахъ не слишкомъ острой и

общей психологіи эта масочная смѣшанность достигла своей цѣли. Но вопросы и люди освободительнаго движенія черезчуръ близки и дороги русскому читателю. И вотъ, какъ ни гремѣлъ Андреевъ богатымъ арсеналомъ своихъ мейерберовскихъ словъ, а не могъ замаскировать, что въ вопросахъ этихъ онъ путается и мало смыслитъ, а людей этихъ не знаетъ и не понимаетъ. Вѣдь первый-то промахъ по этой цѣли былъ данъ Андреевымъ еще въ «Саввѣ», котораго онъ бросилъ побѣжденнымъ покойникомъ къ ногамъ странника-фанатика «царя Ирода»,—тоже символическаго носителя «тьмы», да еще столь, видите ли, великолѣпнаго и могучаго, что даже и пришибъ-то Савву онъ одною лѣвою рукою. И реализмъ письма, попавъ на тему болѣзненно острой, неотступной жизненности, окончательно выдалъ въ «Тьмѣ» грубо-наивную условность и небрежную спутанность политической мысли автора.

Воображая да отсебятничая, изобрѣтая призраки внѣ жизни и исторіи, г. Андреевъ забрелъ «Тьмою» своею въ прескверное болото, сталъ, къ огорченію читателей и, полагаю, также и къ своему собственному, нечаяннымъ и, будемъ надѣяться, лишь случайнымъ и однодневнымъ сосѣдомъ Маркевичей и Крестовскихъ. Въ Каннѣ, Ниццѣ, Монтекарло «Тьма» принята съ злораднымъ восхищеніемъ:

— Вотъ почитайте, какъ свой же «ихъ» аттестуетъ!..

Г. Андреевъ очень много пишетъ, слишкомъ много для того, чтобы художественное творчество являлось длительно отвѣтственнымъ и прочнымъ. И, дѣйствительно, каждый, выбрасываемый г. Андреевымъ на рынокъ, новый разсказъ какъ-то покрываетъ предыдущіе. Онъ диктаторски владѣетъ днемъ, но прежнее дѣлается—точно 31 декабря послѣ наступленія новаго года. Разъ талантливый человѣкъ въ состояніи часто устраивать себѣ новый годъ, это его великое счастье, съ которымъ можно

только каждый разъ поздравлять богато одареннаго автора. Но такъ какъ всѣ эти андреевскія многократныя новогодія истекаютъ не изъ реальныхъ впечатлѣній, но изъ субъективной выдумки, то съ любопытствомъ и радостью пріемлющая ихъ публика, однако, не терпитъ въ нихъ повтореній.

Реальное наблюденіе, реальная идея неисчерпаемы и не боятся повторности. Чеховъ, какъ великій реалистъ, могъ хоть 12 разъ подходить къ одной и той же темѣ съ двѣнадцати сторонъ и каждый разъ давалъ еще неиспытанныя впечатлѣнія, которыя были интересны читателю, какъ новыя открытія почти научнаго совершенства. Романтикъ и трибунъ, могучій нашъ Максимъ Горькій шесть лѣтъ держалъ русскую мысль въ рукавицахъ одной и той же крѣпкой своей идеи, въ обществѣ однихъ и тѣхъ же «бывшихъ людей», повторялся десятки разъ и, однако, читатель русскій до сихъ поръ сожалѣетъ, что Горькій закончилъ этотъ періодъ творчества своего и не возвращается ни къ его темамъ, ни къ его манерѣ. Не то съ Леонидомъ Андреевымъ. Какъ чудо выдумки, онъ обязанъ давать публикѣ все новое, новое, новое,—схемами, фантазіями, набросками, намеками и мазками, потому что наблюденій отъ него и не ждутъ,—но новое, новое, новое. При томъ многописаніи, въ которое теперь увлекъ Андреева широкій его успѣхъ, этотъ капризный запросъ на новизны, эта обязательность сочинять художественную злобу дня во что бы то ни стало,—страшное условіе. Какимъ талантомъ ни одари природа человѣка, мозгъ не губка, изъ которой—по нажатію—сочатся новые образы, парадоксы, реторическія красоты стиля moderne. Безъ повтореній при такой огромной «поставкѣ» не обойдешься, а повторенія для Андреевыхъ и Мейерберовъ—смерть. Все, слишкомъ эффектно сказанное однажды, въ авторскомъ повтореніи звучитъ—хорошо еще, если только блѣдно, а

то вѣдь, бываетъ, и пошло. Когда громкая фраза переходитъ изъ момента, прозвучавшаго ею оригинально, въ моменты, призывающіе ее на помощь, какъ запасный товаръ изъ склада, она превращается въ пародію, въ карикатуру. Поэтому Мейерберы и Андреевы,—слишкомъ умные, чтобы не сознавать, что они прокляты роковою формулою non bis in idem,—осуждены на вѣчное изысканіе новыхъ способовъ производитъ впечатлѣніе, новыхъ эффектовъ, новыхъ вывертовъ, новыхъ средствъ pour épater le bourgeois (огорошивать мѣщанство). При усталости таланта, эта отчаянная погоня можетъ втравить человѣка въ большую и неразборчивую грубость. Мейерберъ на старости лѣтъ написалъ же такую музыкальную безтактность, какъ «Африканка». Андреевъ же, переутомившись за 1907 годъ, окончилъ его во всѣхъ отношеніяхъ слабою, а политически неловкою, гримасою «Тьмы».

Сквозь технику вывертовъ и эффектовъ, усталость въ «Тьмѣ» чувствуется тяжелая: повторяются лица изъ «Христіанъ», повторяются образы и ремарки изъ «Жизни Человѣка», даже цѣлая сцена сатанинской пляски проститутокъ вокругъ разбитой жизни «революціонера»—повтореніе оттуда же. Г. Андреевъ не можетъ не чувствовать своей усталости, не можетъ не сознавать и не бояться повтореній. Весьма вѣроятно, что отсюда-то и родилась крикливая напряженность новаго выверта, которымъ выброшены на свѣтъ отвратительная фигура, кривляющагося во «Тьмѣ», героя съ его дикимъ призывомъ—«загасить огни и лѣзть въ тьму». Позировалъ, позировалъ человѣкъ да невзначай и допозировался до мракобѣсія! Результатъ, нечего сказать! А ужъ что за охота пуще неволи г. Леониду Андрееву переутомлять себя до такихъ плачевныхъ возможностей,—это его авторская тайна. Слава у него есть, человѣкъ онъ молодой, жизни впереди—не одинъ десятокъ лѣтъ: казалось бы, нѣтъ никакихъ причинъ погонять свое

творчество, чтобы оно, хочетъ не хочетъ, въ силахъ не въ силахъ, бѣжало невѣсть куда, сломя голову и не разбирая дороги. Творить, бѣжа опрометью, во «тьмѣ»— значитъ забрести въ лужу. Талантъ г. Анреева дорогъ русскимъ людямъ. Въ лужной ваннѣ больно его видѣть. Отъ всей души желаю, чтобы это антипатичное недоразумѣніе кончилось, и чтобы русская публика опять увидала своего любимца, съ привычною ей радостью, отдохнувшимъ и на привычныхъ ему путяхъ.

Списаніе

ВИДѢНІЯ АЛЕКСАНДРОВА,

яко, ни спяще, ни бдяще, удостоихся азъ, худый, въ духѣ тонцѣ, зрѣти Аввакума Протопопа, въ Пустозерскомъ градѣ отъ никоніанъ сожженна суща непокорствъ его протопоповыхъ ради.

Януарія въ двунадесятый день, преблагія памяти святыя мученицы Татіаны, ей же единожды въ году воздается честь и поклоненіе отъ всихъ, иже негдѣ въ училищѣ первопрестольнаго града Москвы, университетъ рекомомъ, сладость наукъ возсосаху, азъ, многогрѣшный Александръ, книгочей, въ латинскомъ градѣ Торинѣ, иже по-русски Бычокъ знаменуется, сиротѣхъ единъ во огражденіи садовомъ, яко вранъ на ырищи, пріемляй во чрево свое, для ради памяти Татіаниной, питіе чермно и кисло, отъ бусорманъ торинскихъ кіантіемъ обличаемое. И бысть ми, яко пріемше реченнаго кіантія сосуды ино два, ино три, изступихъ ума восторгомъ, воеже незримыя зрити и неслышимыя слышати. Се убо видѣста очи мои, яко вниде во огражденіе садовое старчище нѣкакое, кафтыремъ покровенно, манатейкою одѣянно, мужъ добре древенъ, образомъ велій и зѣло нечесанный, ризами дранъ, брадою мразоподобенъ, очима грозенъ и гласомъ громящъ, яко во трубу златозвончатую:

— Александре, Александре, экъ тебя, громобитный врагъ, угораздило!

Азъ же, дивяйся, яко русскимъ языкомъ во бусурманстѣй странѣ глаголетъ, тымъ же до Никоновой прелести вси праведници глаголаху, вострепетахъ, вопрошаяй со смиреніемъ и даже до дрожанія въ поджилцѣхъ:

— Отъ кіихъ еси, старче честный? Аще чаеши милостыню стяжати, тщетны суть упованія твоя, растратившу бо мнѣ, окаянному, пенязи моя, абы токмо уплатити потребленіе кіантійское. Отыди съ миромъ, поелику се уже грядетъ на тя распорядитель огражденію сему, рекомый камеріеръ.

Старецъ же, отвѣщаяй, рече:

— Милостыни не ищу и камеріера не страшусь, никомуже не могущу зрѣти мя развѣ тебе, оле ми неразумѣнія твоего, маловѣрче! Азъ же есмь недостойный протопопъ Аввакумъ, иже, непокорства властямъ земнымъ и крѣпкословія своего ради, пріяхъ отъ никоніанъ огненную смерть въ Пустозерскомъ градѣ въ лѣто 7190-е апрѣля во 14 день.

Внемше то слово протопопле, а бысть ми сердечный трусъ, а души раздвоеніе и въ пятцѣ ухожденіе. Той же, осклабивше устнѣ своя, съ умильностью рече:

— Не бойся, чадо, не погубити тя пріидохъ, но исправити, да не усушится духъ твой въ сомнѣніехъ твоихъ, но вѣдѣніемъ крѣпкимъ, аки кринъ сельній и финикъ и кипарисъ, процвѣтеши. Извѣстенъ бо есмь о тебѣ, яко поважаеши имя мое и отъ древлихъ писаній моихъ прилежне начитанъ еси, и иные отцы, иже со мною, такожде усердно чьтеши. Того книгочейства твоего ради (паче же прошеніемъ друга твоего Григорія-попа, иже Петровыхъ рода, сына Спиридонова, въ немъ же нѣчто отъ моего протопопова духа уповается), подвигнутъ есмь, да открою ти тайная и реку неизреченная. Въ сихъ, чадо, воззови обратне изъ пятокъ душу свою, да

сочинимо благое совопросничество, еже неистовствомъ никоніанскихъ дней вашихъ нарицается интервью.

Азъ же, худый, слыша, возрадовахся зѣло и, въ нарочитомъ веселіи сердца моего, еще единъ сосудъ великъ кіантія купивый, учинихъ протопопови повелѣнное то совопросничество, —интервьюяхъ онь даже часъ и другый, абы же вспотѣти намъ обоимъ, а тому интервьюйному говоренію списокъ ту есть.

И абіе на первое искусихъ азъ, окаянный, Аввакума-протопопа, тако глаголяй:

— Рцы ми, авво, како мыслеши о синодѣ россійстѣмъ?

Тотъ же, склоншеся къ уху моему, провѣща, но чьто провѣща, о томъ, простите, отцы и братіе, умолчу недостойный, буесловія протопопляго ради, да не ѣхати ны соборне въ Черемѣнецъ-монастырь исправленія духовнаго ради, идѣ же и Григорій-попъ исправляемъ бысть якоже три мѣсяцы.

И еже вопросихъ:

— О Петрѣ Столыпинѣ, окольничемъ, той же нынѣ ближній бояринъ слыветъ, чьто ми речеши?

Протопопъ же, отвѣщаяй, причтою искусне оградися:

— Ему же возревѣвшу, и притекаютъ къ нему звѣріе.

И паки усугуби:

— Всѣ однаки власти те кромѣ избранныхъ, да лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бываетъ отъ нихъ.

Азъ же, худоумный, недоумѣваяй, пытахъ ево:

— Поелику оный Петръ, окольничій, творецъ россійскаго успокоенія нарицается, рцы ми, отче, возможно ли быти сему успокоенію?

Отвѣща двоемысленно:

— Неопасивая дерзость и безчеловѣчіе всю русскую землю пусту показа и слезъ и рыданія исполнену, но, яко паучина мизгирева отъ мухи бываетъ протерзаема, таково и сіе гордоусіе.

И о Кауфманіи-нѣмчинѣ пытахъ онъ, нарочито же о Герасимовѣ, думномъ дьяцѣ, откуду бысть ему сіе, еже, отъ младости своея въ опричницѣхъ просвѣщенія отъ публики предполагаемъ бывше, нынѣ учинися со крамольники сопричтенъ, Стенькѣ Разинѣ и Ивану Мазепѣ анаѳемою начальственною уподобляемъ. Воструби отецъ Аввакумъ стрѣчу вопрошенію моему:

— Діаволъ отъ десныхъ ссору положилъ,—въ догматахъ считалися, да и разбилися. О прочемъ, чадо, читай у Гурляндія.

О семъ же послѣднемъ, егда вопросихъ, изъясни тако:

— Что же начну о страннѣмъ семъ звѣри, изшедшемъ изъ бездны отступленія? Крѣпко реветъ, ѣсть прося. Не прахъ ли былъ? Въ землѣ лежалъ, кто его зналъ? Земля ино земля! А нынѣ зѣло завонялъ на всю русскую землю.

Егда же о нѣмчинѣ Шварцѣ вопросихъ, обратися противу мя со гнѣвомъ нѣкакимъ, аркучи:

— Что искушаеши? или не челъ еси повелѣнная Алексѣемъ Тишайшимъ царемъ? «А учали на Москву приходить нѣмцы и ихъ, нѣмцовъ, на воеводства бы не сажать, а писать по черной сотнѣ».

Азъ. Виттія графа Сергія мниши ли въ великихъ быти?

Пр. Аввакумъ. А, неистовства! А, безумія! Упоилъ Русь чашею вина не растворенна! Аще онъ и мягко съ тобою говоритъ, отклоняйся его, понеже ловитъ тебя, да наведетъ бѣду душевную и тѣлесную.

Азъ. Гурьева, наперсника его, како чтиши?

Пр. Аввакумъ. Сергіевымъ ухомъ въ житіе вниде и неизреченно задомъ изыде. Мужъ въ поученіи хитръ, обаче вѣрою непостояненъ.

Азъ. Чесо мыслеши, еже, по грѣсѣмъ нашимъ, несоглашенни суть между собою персты шуйцы россійскія, елицы нынѣ партіи нарекаются?

Пр. Аввакумъ. О семъ не сомнѣвайся, но уповай. Аще сопѣль, аще гусли разньствія писканіемъ не дадятъ, како будетъ разумное писканіе или гудѣніе? аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань?

Азъ. О раздѣленіи союзническомъ, еже Пуришкевичъ Дубровину «дурака» рече, а Дубровинъ Пуришкевича «негодяемъ» печатне лаяй, каковая глаголеши?

Пр. Аввакумъ. Писано о сицевыхъ мною изъ темничища Пустозерскаго: «Тѣло ваше есть калъ и пепелъ и прахъ, а вы ужъ другъ друга гнушаетесь и хлѣба не ядите вмѣстѣ, глупцы, гордитеся другъ передъ другомъ, а все одинъ калъ и пепелъ».

Азъ. Восторгова Іону како разумѣть повелѣши?

Пр. Аввакумъ. Мужъ забѣглаго ума, своенравенъ и безсовѣстенъ.

Азъ. «Русскаго Знамени» и «Колокола» сладкогласіе уразумѣлъ ли?

Пр. Аввакумъ. И сами пѣвцы, поюще, не разумѣютъ, токмо лише омрачаютъ ся ревущи.

Азъ. Иліодора инока въ каковыхъ умозриши?

Пр. Аввакумъ. Бѣсомъ сдѣлался чернецъ,— и играетъ, ругаясь, страшнымъ и неизреченнымъ таинствомъ.

Азъ. Объ іоанитѣхъ прорцы слово къ поученію нашему.

Пр. Аввакумъ. Души единорастлѣны и тѣлесовидны. Оле безстудія! оле непотребства! Въ карету сядутъ, растопоршатся, что пузыри на водѣ, сѣдящи на подушцѣхъ, расчесавъ волосы, что дѣвки, да ѣдутъ, выставя рожи на площадѣ, чтобы черницы-волухи любили.

Азъ. Розанова Василія Васильева сына пономарствія, челъ ли еси?

Обаче отецъ протопопъ на сіе десною махнулъ.

Пр. Аввакумъ. Толкуютъ нѣцыи пестрообразно и отнюдь неподобно, да не реку и еретическо!

Азъ. Вижду, авво, чьто нелюбы ти мудрованія вѣка сего?

Пр. Аввакумъ. Ни, чадо, понеже настоящаго града не имуть, грядущаго не взыскаютъ. Вопроси иное чьто, поелику гребтитъ отъ сихъ сердце мое.

Азъ. Злая на праведная премѣнивше,—како разумѣеши Григорія Спиридонова сына Петрова попа?

Пр. Аввакумъ. Прямой былъ священникъ, не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ, и винъ процѣженныхъ, и пива съ кардамономъ, и медовъ лимоновыхъ и вишневыхъ бѣлыхъ разныхъ крѣпкихъ. Діаволъ же, не терпя добродѣтели мужа сего, паки наущаше нань фарисеевъ, влагая имъ ненависть велію, и распылахуся зѣло сердцы своими на праведнаго и непрестанно поношаху тому, съ досадами укоряюще его.

Азъ. Такъ, отче, О судбищѣ Стесселевѣ чесо речеши?

Пр. Аввакумъ. Бѣдные, бѣдные, всѣ правы и виноватова нѣтъ, а поличное на шеѣ виситъ. Дѣло кругомъ пошло, другъ на друга переводятъ: а всѣ заодно своровали.

Азъ. Аграрныя реформы уповаеши ли?

Пр. Аввакумъ. Развѣ мѣшокъ да горшокъ, а третіе лапти на ногахъ.

Азъ. Плеваку знаеши ли?

Пр. Аввакумъ. Отъ чрева матери своея работаетъ сластемъ, не его дѣло то дѣло еже сѣдѣти на Моисеовѣ сѣдалищѣ.

Азъ. О займѣхъ коковцевскихъ како мыслеши?

Пр. Аввакумъ. Не начный блаженъ, но скончавый. Не займый, но отдавый. Сребро сіе народу не въ хлѣбы, и трудъ банкирѣмъ не въ постъ.

Азъ. Истиною полна устнѣ твоя, авво. Въ ежемѣсячія россійскія вниклъ ли еси?

Пр. Аввакумъ. Запустѣли обители! Которы разорены и знаку отъ нихъ не осталось, которы отданы хромцамъ на обѣ плеснѣ.

Азъ. «Россію» челъ ли?

Пр. Аввакумъ. А кормятся въ писчей избушкѣ площаднымъ письмомъ посадскіе оскудалые люди, а смотрѣть бы за площадными подьячими, чтобы кто воровски не написалъ.

Азъ. Суворинъ Алексій Сергіевъ сынъ, иже есть старчище-пилигримище вѣку сего, вѣдомъ ли ти?

Пр. Аввакумъ. Вѣдаю разумъ его, умѣетъ многими языки говорить, да што въ томъ прибыли?

Азъ. Мещерскаго князя Владимира княжъ Петрова сына, иже Карамзину внукъ, а мастодонтомъ и мамонтомъ пещерне современникъ и одномышленникъ сый, съ кіими сопричтеши?

Пр. Аввакумъ. Аще и столѣтенъ сый, неправедне живый, младъ есть таковый и подобенъ робяти.

Азъ. Не къ ночи будь сказано—о Меньшиковѣ Михайлѣ пророцы.

Пр. Аввакумъ. Ласкосердьствуетъ, льститъ мира, показуя себе свята, а внутри діаволъ. Семидневное, яко вельбудъ, избрысуетъ, аще на кого осердится, семидневную ядь на него выблюетъ.

Азъ. Смирновой болярыни кликушества како судиши?

Пр. Аввакумъ. Во снѣ брусить, говоритъ суторщину, я на ея плюсканье не гляжу.

Азъ. Вѣдомо ли ти суть писателіе новаго вѣку, иже сами ся въ психолозѣхъ мнятъ, блуднаго помышленія своего ради, отъ публики же порнографи, сирѣчь блудописи, нарицаются?

Пр. Аввакумъ. Иныя рѣчи блазнено и говорить. Вся сія міра сего любителемъ смѣхъ суть и игралище, и никто же ищетъ воды живыя, еже угасити пламень сатанинъ, но всякъ ищетъ смолы и изгребія и тростія сухого на горшее распаленіе.

Азъ. Отъ сицевыхъ Кузьмина Михайлу челъ ли еси?

Пр. Аввакумъ. Не зритъ внутрь души своей наготы и срамоты, яко вмѣсто ризъ благодатныхъ скверναвыми ризами оболченъ, и помазанъ блудною тиною, и вонею злосмрадною повитъ, и бѣсъ блудной въ души и на шеѣ сидитъ.

Азъ. Арцыбашевъ Михайло знаемъ ли смиренію твоему?

Пр. Аввакумъ. Каковъ самъ волосатъ, таковы и образы пишетъ, да въ нихъ же однако не разъ есть діаволъ. Видѣхъ на брюхѣ его язву зѣло велику, исполнену гноя многа, и убоявся вострепетахъ душою своею. И паки поворотихъ онь вверхъ спиною его, и видѣхъ спину его згнившу паче брюха, и язва больше первыя явися.

Азъ. Андрееву Леониду чьто речеши?

Пр. Аввакумъ. Задняя забывающе, на предняя простирающеся, падаетъ, яко глина, возстаетъ, яко ангелъ.

Азъ. Городецкаго Сергѣя, отрока, не забуди, авво, во благомъ совѣтѣ твоемъ.

Пр. Аввакумъ. Посмотри же, любимиче, на просодіи, и на запятыя, и точки!

Азъ. Ремизова, прудосписателя, волхваваній и чародѣйствъ скомрашескихъ изумленъ ли еси?

Пр. Аввакумъ. Попалъ къ чертямъ въ атаманы, а нынѣ, яко кинопсъ волхвуя, ужо пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ.

Азъ. Ѳедора-нѣмчина лже-ученицы россійстіи, иже облыжне нарекаютъ ся ницшеане, не антихристи ли мнятся ти быти?

Пр. Аввакумъ. Ни, чадо! Развѣ шиши антихристовы! *) Что-то имъ пособитъ другъ ихъ антихристъ, его же жадаютъ поюще?

---

*) Излюбленное слово Аввакумово.

Азъ. Мережковскаго болярина съ болярынею его Зинаидою свѣтъ Гиппіусовною извѣстенъ ли еси благочестивствъ?

Пр. Аввакумъ. Два супруга неразпряженная, двѣ ластовицы сладкоглаголивыя, двѣ маслины и два свѣщника на земли стояще!

Азъ. Буренина Виктора, во бахарствѣхъ сѣда суща, како разумѣеши?

Пр. Аввакумъ. Читатель есть и грамотѣ гораздъ, а никому не укажетъ, лише смѣется, изрицая поносная ругательная, изметая отъ злого сокровища сердца своего злая глаголанія.

Азъ. Академіи россійской казенно-безсмертные мужи поважаеши ли?

Пр. Аввакумъ. Получили старики милые дары драгія, превращаютъ сѣмо и овамо въ рукахъ своихъ, удивляются глаголяще: аще не быхомъ вѣровали, не быхомъ такового безценнаго дражайшаго бисера получихомъ. Ради бѣдненькіе старики!

Азъ. Въ Думу россійскую вхождаше ли благолѣпіе твое? Родичева Федора слыхано ли ти златоустіе?

Пр. Аввакумъ. Стреляетъ огненными словесы мѣтко: не обмешулится вопленникъ отъ, — ужъ какъ пуститъ слово то свое, тотъ часъ неправду ту въ еретикѣ-то заколетъ.

Азъ. Объ октябристѣхъ како мыслеши?

Пр. Аввакумъ. Аще и живи суть, но исполу живи, дѣла мертвячія творятъ,—увязше въ совѣтахъ, яже умышляютъ нечестивіи.

Азъ. Хомяковымъ боляриномъ доволенъ ли еси?

Пр. Аввакумъ. Не отъ шуйцы явитися будетъ, но десными народъ прельстити покусится. На злочинномъ соборѣ ересь прія, погибельнаго Петра велѣнія соблюдаяй.

Азъ. Ев—-ія еп—па зряще, въ коихъ мниши быти смиренію его?

Пр. Аввакумъ. Вздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится великія степени, вотъ ужжо и воздыхать перестанетъ.

Азъ. Аще Пихна мужа видѣста очи твоя, повѣдь ми зраковидіе мужа сего.

Пр. Аввакумъ. Рассохатъ и пазнокти имать, а изнутри нечистъ сый.

Азъ. Шмида, депутата отъ уголовныя тюрьмы минскія, зрѣлъ ли еси?

Пр. Аввакумъ. Ему, страднику, ни въ какой чести не бывать, и въ иншу пору хуже его никто не бывалъ.

Азъ. Щегловитова болярина трепещеши ли?

Пр. Аввакумъ. Се убо глаголю, яко пріидутъ дніе, внегда расказятъ человѣцы книги, измѣнятъ времена и законъ.

Азъ. О Камышанскомъ-игемонѣ прорцы.

Пр. Аввакумъ. Какая тебѣ честь, владыко, что всякому ты страшенъ, а другъ другу грозя говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь, или волкъ?

Азъ. Гер-на Сар-скаго—обличи!

Пр. Аввакумъ. По многіе дни великія бѣды бѣсы творили, являясь овогда ангелами, овогда старцами.

Азъ. Гучкова Александра Ивановича испыталъ ли еси?

Пр. Аввакумъ. О томъ глаголено: купцы твои бѣша вельможи земстіи. Тѣхъ гордоусовъ мочно вамъ разумѣть: языкомъ говоритъ, а дѣлы отмещется.

Тако глаголивый, отецъ Аввакумъ, внемше звучанію часы на башни градскія, дванадесятью удары полунощь біющи, исказися ликомъ и, бывъ унынію сопричастенъ, рече:

— Се убо исполнися часъ мой! Ну, старецъ, моего

вяканья много веть ты слышалъ! Полно! Довлѣетъ ти къ укрѣпленію.

Азъ же, худый, возразихъ тому съ моленіемъ слезнымъ:

— Авво, обожди еще мало, да, кратко вопросивъ, отпущу тя съ миромъ въ дальнія твоя. Рцы ми, високосу наченшуся, жадати намъ, грѣшнымъ, добра или лиха въ свершеніи индикта сего?

Протопопъ же, омрачивыйся зракомъ,—возопи противу мене гласомъ веліимъ:

— Охъ, грозы нестерпимыя, рвущія повѣствующій мой языкъ отъ гортани! увы, лютаго страха, отъемлющаго отъ ума моего память! Худы затѣи новыя и мрачны зѣло! Но о семъ наименьше.

Азъ. И еще на послѣднее рцы ми, авво, поелику, словеса твои праведныя хощу я, недостойный, предати на тисненіе курантовое, како мыслеши о житіи редакторстѣмъ, тіиже во дніе твоя справщици зовошася?

И абіе отецъ Аввакумъ, встрепетавъ, ороси ликъ свой многими слезы и, главою помаваяй, брадою покиваяй, ноздріе носа своего многократы двома персты благолѣпно сморкаяй, тако прискорбне возлепета:

— Егда во справщицѣхъ Крестовыя Палаты сѣдѣхъ, радостей не познахъ, но пріиде на мя озноба зѣло люта и зубы мои разбило зъ дрожи. Отъ дрожи тоя нападе на мя мытъ, и толико изнемогъ, яко отчаявшуся и жизни сея. Отъ сихъ учитеся и себѣ того же жадайте!

И, тако рекши, отыде, яко стѣнь, и не стало уже быти ему, якоже и не бывшу.

Азъ же, худый книгочей Александръ, кіантійскій счетъ уплативше, шедлъ въ гостиницу свою и вся реченная и бывшая списахъ моею рукою въ поученіе и укрѣпленіе человѣческое, да вѣдаютъ словеса Аввакумовы людіе вѣка сего. Аще что речено просто и вы, чтущіи и слышащіи, не позазрите просторѣчію нашему, понеже люблю свой русской природный языкъ, виршами фило-

софскими не абыкъ рѣчи красить, нѣсмь бо риторъ, ни философъ, дидаскальства и логофетства не искусенъ, простецъ человѣкъ и зѣло исполненъ невѣдѣнія. Того ради, еже чьто пиша недописахъ или переписахъ, простите же меня грѣшнаго, а васъ всѣхъ Богъ проститъ и благословитъ. Аминь.

Не ври!

Жилъ-былъ писатель. Писалъ онъ много, вралъ—въ чистосердечіи своемъ—еще больше.

Въ одинъ прекрасный день явилась писателю Совѣсть его и сказала:

— Что ты, писатель, все врешь? Нехорошо, хоть и въ чистосердечіи, а нехорошо. Надо писать только правду.

Устыдился писатель и пересталъ врать, началъ писать только правду.

Генорарій за правду не весьма великъ получилъ и ко игемонамъ былъ водимъ не однажды, за то Совѣсть его была спокойна.

И писалъ правду писатель, и была спокойна его Совѣсть въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ и двадцати дней, съ 1-го января по 20-е декабря.

Въ двадцатый же день декабря садился писатель къ письменному столу и принимался сочинять святочные разсказы для рождественскихъ номеровъ различныхъ россійскихъ газетъ. Такъ было и 20 декабря 1907 г.

— Вотъ какъ? А гдѣ же честное слово писать только правду?—шепнула писателю Совѣсть.

Но писатель отвѣчалъ:

— Какъ будто въ святочномъ разсказѣ нельзя написать правды?

И застрочилъ. А Совѣсть сомнительно мычала:

— Посмотримъ, голубчикъ, посмотримъ.

Писатель назвалъ разсказъ свой «Рождественская Звѣзда».

— Вотъ уже и навралъ,—остановила Совѣсть.

— Какъ?

— Да такъ. Вѣдь ты же прекрасно знаешь, что никакой спеціальной рождественской звѣзды на небѣ нѣтъ. Хотя ты и русскій беллетристъ, но настолько-то обязанъ быть знакомымъ съ астрономіей. Не «Къ Звѣздамъ» пишешь! А если даже азы забылъ, вонъ у тебя въ книжномъ шкафу стоятъ Брокгаузъ и Эфронъ. Справься — З в ѣ з д а, С о з в ѣ д і е, П л а н е т а... Нѣту никакой рождественской звѣзды. Не ври. Не пиши о томъ, чего не бываетъ.

Замялся писатель.

— Видишь ли, Совѣсть, вѣдь я, собственно говоря, съ точки зрѣнія трогательнаго предразсудка...

— Опять врешь,—сказала Совѣсть.—Трогательный предразсудокъ — безсмыслица. Что-нибудь одно: либо предразсудокъ, либо трогательный. Вѣришь ты въ рождественскую звѣзду?

— Помилуй, сама же ты говоришь: противъ астрономіи.

— А если не вѣришь, какое же право имѣешь ты о ней врать? Или, какъ ты выражаешься, поддерживать трогательный предразсудокъ?

Подумалъ писатель, нашелъ, что Совѣсть права, вздохнулъ и зачеркнулъ «Рождественскую Звѣзду». А, чтобы Совѣсть снова не привязалась, схитрилъ, рѣшилъ писать безъ заглавія—дескать, потомъ придумаю.

И вотъ—сидитъ онъ и строчитъ:

«Въ 753 году отъ основанія города Рима»...

— Не ври!—сказала Совѣсть.

— Ну, матушка, нельзя же такъ придираться. Это ужъ всему міру извѣстно, что Римъ основанъ за 753 года до Рождества Христова. Хоть по Иловайскому справься.

— По Иловайскому? Неужели ты для того учился въ университетѣ, совершенствовался при каѳедрахъ Моммзена и Германа Шиллера, чтобы, въ концѣ концовъ, писать разсказы по датамъ хронологіи Иловайскаго? Вѣдь ты отлично знаешь, что этотъ 753-й годъ придуманъ въ VI вѣкѣ. Зачѣмъ же ты врешь. Опять для трогательнаго предразсудка?

— Ну, хорошо,—съ досадой отозвался писатель,— такъ и быть, можно обойтись и безъ даты... Въ правленіе Августа Кесаря...

— Да ты увѣренъ?—сказала Совѣсть

— М-м-м... Конечно нѣтъ... По талмуду, напримѣръ, оно выходитъ лѣтъ за шестьдесятъ раньше и даже болѣе того... Кто можетъ сказать навѣрное?

— А на какомъ же основаніи ты хочешь вбивать въ мозги человѣческіе то, въ чемъ ты самъ не увѣренъ? Не ври. Если человѣкъ внушаетъ людямъ то, чего онъ самъ не знаетъ и во что онъ самъ не вѣритъ, онъ лжетъ и лжетъ очень скверно. Перестань. Не моги.

— Но воображать-то мнѣ разрѣшается же!—разсердился писатель.

— Да. Въ предѣлахъ твоей собственной вѣры,— холодно возразила Совѣсть.

— То есть?

— Постольку, поскольку ты вѣришь въ реальную возможность того, что ты воображаешь. Дальше—ложь.

— Гмъ...— задумался писатель и устремилъ взглядъ свой на книжный шкафъ. Изъ-за стеколъ сіяли золотыми буквами корешки: Вольтеръ, Штраусъ, Бауръ, Бруно Бауэръ, Реуссъ... Со стѣны насмѣшливо улыбался портретъ Ренана и, казалось, говорилъ писателю:

— А разсказецъ вашъ прочитать мнѣ будетъ очень любопытно! Такъ въ 753 году отъ основанія Рима? Скажите, пожалуйста, какъ вамъ все это точно извѣстно! Очень

пріятно слышать! Дѣлаетъ вамъ честь, а читателямъ удовольствіе.

Писатель, въ раздумьи, зачеркнулъ строку о 753-мъ годѣ толстою-претолстою чертою. Взамѣнъ написалъ:

— Исполнились седмицы, реченныя Даніиломъ...

— Не ври!—пискнула заметавшаяся Совѣсть.—Сдѣлай ты мнѣ такое одолженіе... оставь ты исторію въ покоѣ!.. И языкъ этотъ высокоторжественный, протяженно-сложенный... Зачѣмъ? Вѣдь не вѣришь?

— Не вѣрю.

— А врешь!...

— Хорошо,—успоился писатель.—Ты права. Въ самомъ дѣлѣ, обойдемся безъ исторической легенды. Оно и въ цензурномъ отношеніи легче. Лучше возьмемъ современную бытовую обстановку и, примѣнительно къ Рождеству, освѣтимъ ее лучомъ высокой нравственной идеи.

— Охъ!...—крякнула Совѣсть.

— Нечего охать, огрызнулся писатель.—Самъ Диккенсъ такъ писалъ.

— Да ты развѣ Диккенсъ?—спросила Совѣсть.

— Нѣтъ, конечно, я не Диккенсъ, но...

— А ежели ты не Диккенсъ, то нечего тебѣ и оправдываться Диккенсомъ. Диккенсъ—Диккенсъ, а ты—ты. Диккенсъ-то, можетъ быть, и не вралъ, когда сочинялъ святочные разсказы, а ты, душенька, непремѣнно соврешь, не въ состояніи не соврать. Потому что Диккенсъ въ могущество святокъ вѣрилъ, а ты не вѣришь. Да ужъ если всю полную правду до конца говорить, то вѣдь и за Диккенсомъ-то сколько разъ ты зѣвалъ и думалъ про себя: этакая фальшивая, сантиментальная небылица въ лицахъ!

— Нѣтъ, отчего же, я тоже вѣрю... — барахтался писатель.—Бываютъ моменты, когда пережитки... дѣтскія воспоминанія... сапоги въ смятку... котъ безъ хвоста...

Трогательно!.. Дядя Скруджъ, напримѣръ... Я понимаю! Семьдесятъ пять лѣтъ прожилъ безжалостнымъ ростовщикомъ и скрягою, а на семьдесятъ шестое Рождество расчувствовался и бѣдной сосѣдкѣ жаренаго гуся купилъ... Мнѣ это нравится, я понимаю.

Совѣсть возразила:

— А вотъ мнѣ такъ, наоборотъ, совсѣмъ не нравятся всѣ эти исправленія скрягъ, убійцъ, мошенниковъ, жестокихъ отцовъ, невѣрныхъ супруговъ, свирѣпыхъ хозяевъ, пьяныхъ расточителей, падшихъ дѣвицъ, блудныхъ сыновей, деспотовъ-начальниковъ и прочей и прочей человѣческой дряни, якобы совершающіяся по сигналу рождественскаго колокола.

— Но почему же, Совѣсть?

— Да потому, что—какое же это, ангелъ мой, выходитъ торжество добродѣтели, ежели она способна торжествовать только разъ въ году на двадцать минутъ, да и то, чтобы пробудить ее, надо, что есть мочи, звонить въ колокола? Не ври, не бываетъ этого, все выдумка,—не ври!

— Нѣтъ, Совѣсть, ты не скажи... Ежели, напримѣръ, такъ... Н-да-съ... Скажемъ, на Рождество черносотенный шефъ этакій, Коновницынъ или Крушеванъ какой-нибудь, что ли, организовалъ погромъ... н-да-съ... Что же ты молчишь?

— Когда ты говоришь возможное, вѣроятное и въ порядкѣ вещей, я не спорю.

— Н-да-съ... И вотъ Коновницынъ или Крушеванъ этотъ, въ сочельникъ, стало быть, ходитъ, по кабинету своему и потираетъ руки, въ радостномъ предчувствіи, какъ это онъ завтра... понимаешь?

— Понимаю. Н-ну?

— И вдругъ .. н-да-съ... вдругъ, того. . ударъ рождественскаго колокола... Ну, и—умиленіе... И мысль о новорожденномъ Іисусѣ... Вспоминаетъ, что Онъ былъ—

маленькое еврейское дитя... Соображаетъ: «А завтра-то что будетъ съ маленькими еврейскими дѣтьми?». Переносится мыслью за девятнадцать вѣковъ назадъ, когда Иродъ въ Виѳлеемѣ избивалъ младенцевъ...

— Но вѣдь мы, кажется, условились не касаться историческихъ легендъ?

— Погоди! отстань!... не права!—отмахнулся отъ Совѣсти писатель.—Я теперь не отъ себя говорю, воображаю Крушевана или Коновницына. Они-то ужъ всеконечно вѣрятъ въ виѳлеемское избіеніе младенцевъ, потому что въ этой легендѣ—весь ихъ политическій идеалъ... Н-да-съ... Такъ, вотъ, значитъ—колоколъ, виѳлеемскія мысли, Іисусъ, какъ маленькое еврейское дитя... Коновницынъ потрясенъ! Раскаяніе, слезы... Ну, и... того... телефонируетъ союзникамъ и разнымъ тамъ хулиганскимъ организаціямъ, что погромъ отмѣненъ...

Совѣсть даже свистнула.

— Держи карманъ шире!.. Это Коновницынъ-то или Крушеванъ погромъ отмѣнятъ? Какъ ты врешь! О, какъ ты нагло, какъ невѣроятно, невозможно врешь!.. Я, братъ, на этотъ счетъ такъ думаю, что если виѳлеемское избіеніе младенцевъ не достигло своей Иродовой цѣли, то именно лишь потому, что гг. Коновницынъ, Крушеванъ и Дубровинъ не приглашены были принять въ немъ участіе. Эти и на пути въ Египетъ успѣли бы догнать и распорядиться... Крушеванъ пожалѣетъ маленькихъ еврейскихъ дѣтей за то, что Іисусъ былъ маленькое еврейское дитя! Напротивъ, скорѣе онъ Іисуса не пожалѣетъ именно за то, что Іисусъ былъ еврейское дитя... Ты, душечка, черносотенной печати не читаешь, въ Почаевской лаврѣ не былъ, Иліодора не слушивалъ, Шмакова позабылъ, Меньшиковымъ давно не упивался!

— Слушай,—возразилъ сконфуженный писатель,—ну, оставимъ это... Богъ съ нимъ, съ маленькимъ еврей-

скимъ дитятей. Пусть будетъ лучше такъ. Въ деревню вызванъ карательный отрядъ.

— Такъ.

— И командуетъ имъ Пуришкевичъ.

— Да вѣдь онъ не военный?

— Это ничего. Навѣрное, желалъ бы быть военнымъ,— спеціально для карательныхъ экспедицій.

— Ну-ну?

— И вдругъ въ деревнѣ оказывается случайно лѣсничій или таксаторъ... не помню уже, кто бишь онъ былъ-то... ну, этотъ, который въ аккерманской земской управѣ рукой, легкою, какъ сонъ, ланитъ г. Пуришкевича коснулся. Вѣдь можетъ произойти такая встрѣча? а?

— Если въ Бессарабской губерніи, почему же нѣтъ?

— Да. Пуришкевичъ, конечно, обрадовался и сейчасъ же землемѣра этого или доктора—въ нагайки!

— Въ нагайки!—согласилась Совѣсть.

— Ну-съ, жарятъ лѣсника или техника нагайками, и вдругъ...

— Рождественскій колоколъ?

— Рождественскій колоколъ. Пуришкевичъ трепещетъ.—Какъ!—думаетъ онъ,—родился на свѣтъ Тотъ, Кто заповѣдалъ—если ударятъ тебя въ лѣвую ланиту, подставь празую, а я запорю человѣка, который... Довольно!.. И приказываетъ опустить нагайки, а землемѣру—надѣть штаны и убираться вонъ... «Вы свободны. Надѣюсь, впередъ мы встрѣтимся не иначе, какъ друзьями».

Совѣсть размышляла.

— А до колокола-то много успѣлъ онъ всыпать землемѣру?

— Ну, гдѣ же много... Много—нельзя. Если много всыпать, землемѣръ чувства потеряетъ и штановъ не сможетъ надѣть....

— Въ такомъ случаѣ, все—къ чорту!—рѣшительно

сказала Совѣсть.—Не вѣрю я, чтобы Пуришкевичъ, начавъ драть человѣка, остановился, покуда сѣкомый еще въ состояніи самъ надѣть штаны. И никакой тутъ рождественскій колоколъ не поможетъ. Ты такъ напиши: задралъ до полусмерти и, едва живого, на языкъ рождественскаго колокола повѣсилъ... вотъ это будетъ похоже на дѣло.

— Да... Но гдѣ же мораль?

— Какъ—гдѣ? Не встрѣчайся съ Пуришкевичемъ и ему подобными даже въ канунъ Рождества. Мораль ясная. Какой еше надо?

— Нецензурно... Съ привидѣніями, что ли, махнуть что-нибудь?—пробормоталъ писатель.

— Милый мой, да вѣдь и тутъ, если писать по правдѣ, опять-таки не уйдешь дальше Крушевана и его покойниковъ-избирателей. А безъ правды—оставь: тысячами сейчасъ разсказы-то эти сочиняются къ Рождеству... Да и какія теперь привидѣнія? О революціонныхъ привидѣніяхъ «фантастическую правду» напишешь—разсказъ конфискуютъ, издателя оштрафуютъ, а тебя подъ судъ отдадутъ. А остальныя привидѣнія—ну, ихъ!—по декадентскому департаменту.

— Бѣса побезпокоить?

— Предоставь это г. Ремизову. «Бѣсовскія дѣйства» — его монополія и спеціальность. Къ чертямъ, братъ, такъ сразу, безъ подготовки, нельзя. До чертей дойти надо! Это, своего рода, ученая степень.

— Ну, такъ провались вся фантастика! Просто, напишу идиллію, какъ дѣточки рѣзвятся подъ елкою...

— Великолѣпно! — поддакнула Совѣсть съ ядовитѣйшею ироніей.—И знаешь, что? Мѣстомъ дѣйствія избери городъ Орелъ. Тамъ вонъ,—газеты пишутъ,—завелись между дѣтьми—«огарки». Не только въ праздничные дни, а и въ будни-то все подъ елкою сидятъ, и даже самое заведеніе это «подъ елкою», для удобства

огарческаго юношества, рядомъ съ гимназіей устроено...

— Тьфу ты пропасть!—инда плюнулъ писатель.— Вотъ не везетъ въ этомъ году! Въ какой чистый уголъ жизни ни загляни,—милая обывательщина всюду понапакостила!

— Плюйся, не плюйся, а прелестями дѣтской елки умиляться тебѣ наивно и поздненько... Vorbei sind Kinderspiele und alles rollt vorbei!

— Врешь, Совѣсть, есть еще дѣти на свѣтѣ!

— Напримѣръ, въ «Пробужденіи Весны»,—буркнула Совѣсть.—Мельхіоръ, Морицъ, Вендла, Эльза... Хороши будутъ около елки-то. Одинъ, того гляди, застрѣлится, другая, того гляди, родитъ...

— Если—о проституткахъ чувствительное что-нибудь?—тоскливо метался писатель.

— Да вѣдь ты о проституткахъ въ прошломъ году къ Рождеству писалъ?

— Писать-то писалъ.

— Что же? Лучше отъ твоего чувствительнаго писанія проституткамъ стало?

— М-м-м...

— То-то, не ври!—внушительно предупредила Совѣсть.

— Видишь ли, Совѣсть,—заговорилъ писатель,—ты ужъ слишкомъ придираешься... Мало ли какого обуха плетью не перешибешь, но хлестать по обуху, все-таки надо...

— Хлещи,—вяло сказала Совѣсть,—законами не воспрещается... Только не воображай, пожалуйста, будто дѣло дѣлаешь и пользу приносишь... Это, братъ, все—въ родѣ, какъ о Костюшкиной матери въ пѣснѣ поется,—что «умереть не умерла, только время провела». Обухи требуютъ пилы либо топора, а плетью они только полируются. Хлещи, ужъ если очень приспичило, но лучше—оставь. Потому что не всѣмъ это нравится, чтобы Костюшкина

мать только время проводила, и многіе теперь такъ стали говорить, что канителиться-то нечего, но—либо ты выздоравливай, либо помирай. Слыхала я: намедни въ андреевской «Тьмѣ» одна проститутка чувствительному разговорщику-то въ физіономію плюнула... Что хорошаго?.. И еще «писателемъ» этого самого разговорщика обозвала—для большей язвительности. Видишь, какъ непріятно. То-то, братъ, лучше не ври!

— Какъ все было проще въ старину! — вздохнулъ писатель.—Подумать только, что двадцать лѣтъ назадъ я самымъ спокойнымъ образомъ писалъ къ Рождеству «Елку у волковъ», и—ничего, на глазахъ слеза дрожала... ты молчала... публикѣ нравилось... критика одобряла, что я хорошо понялъ звѣриную психологію...

— Да,—подхватила Совѣсть,—а вонъ теперь А. И. Купринъ вздумалъ было въ «Изумрудѣ» заняться лошадиною психологіей, такъ влетаетъ ему, бѣдному, отъ критиковъ-то по первое число. Есть намъ время, говорятъ, тревожиться треволненіями четвероногихъ скотовъ, когда отъ двуногихъ кругомъ—съ ума сойти можно... Достоевскіе-то, говорятъ, для людей нужны, а для лошади довольно и ветеринара.

— Однако, и Леонидъ Андреевъ въ «Проклятіи звѣря» тоже больше по части моржа проходится.

— У него это отъ большой усталости. Записался. Нельзя же работать, какъ паровая машина. Лучше бы отдохнулъ. А ужъ если его морскія животныя очень интересуютъ, такъ котиковымъ промысломъ занялся бы, что ли, покуда что. Говорятъ, еще доходнѣе беллетристики.

— Да, да...—задумчиво говорилъ писатель,—а между тѣмъ какъ было удобно... Знаешь, есть такая католическая легенда, будто въ ночь подъ Рождество животныя получаютъ даръ слова... Красиво!.. Быкъ мычитъ о поклоненіи пастырей и пришествіи волхвовъ, оселъ разсказываетъ, какъ онъ везъ на хребтѣ своемъ

младенца Христа и Мадонну въ Египетъ, а пѣтухъ заливается: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, и въ человѣцѣхъ благоволеніе!».

— Пѣтуху можно, а тебѣ нельзя,—воспротивилась Совѣсть.

— Ужъ и пѣтушиной-то привилегіи дать мнѣ не хочешь?

— Нельзя. Потому что вонъ—Василій Ивановичъ Немировичъ - Данченко уже отправился осматривать театры будущей войны на Тихомъ океанѣ: какой же, слѣдовательно, на землѣ миръ? Только и ждутъ народы случая, чтобы подраться въ свое скверное удовольствіе. А что касается благоволенія въ человѣкахъ, читай, другъ любезный, въ челѣ газетъ твоихъ, событія дня. Въ Варшавѣ повѣшено столько-то, въ Москвѣ столько-то, въ Кіевѣ столько-то. Не очень-то оно выходитъ—благоволеніе, ежели веревкою за шею.

— Ну, не все же вѣшаютъ!

— Это правда!—согласилась Совѣсть,—иногда разстрѣливаютъ.

— Стой!—воскликнулъ писатель.—Нашелъ! Тутъ уже не къ чему придраться. И правда будетъ, и реализмъ, и идея, и трогательной слезы пущу, сколько требуется,—словомъ, эврика!.. плакать люди будутъ!.. Гдѣ перо мое?.. «Сочельникъ въ тайгѣ. Изъ воспоминаній политическаго ссыльнаго».

— Ты за перо, а я за шапку,—сказала Совѣсть.—Прощай, братъ.

— Позволь! Постой! Куда же ты? Безъ тебя неудобно.

— Если ты ужъ даже этакія подоплечныя конфессіи собираешься на базаръ тащить, стало быть, нѣтъ у тебя ничего завѣтнаго. Нечего мнѣ и оставаться съ тобою.

— Послушай, но вѣдь я же... въ самомъ благородномъ смыслѣ! И почему ты воображаешь, будто я собираюсь разсказать что-нибудь личное? Ты же позво-

ляешь воображать въ предѣлахъ вѣроятности,—я воображу. Ну, тамъ, дѣвушку туберкулезную въ юртѣ... Или— «Онъ ушелъ»: пурга... побѣгъ... десять тысячъ верстъ впереди... волки...

— Ныть намѣренъ?

— Не веселиться же!.. А развѣ нельзя?

— Не то, что нельзя, а—ни къ чему. Пора перестать. Ныть то, братъ, не хитро: и комаръ умѣетъ.

— Ну, знаю! знаю! Можешь не продолжать!

Писатель досадливо замахалъ руками.

— Начались попреки нытьемъ—дальше, значитъ, запоешь: «Безумство храбрыхъ есть мудрость жизни»... Тоже—по расписанію. Слыхалъ! Привыкъ! Новенькое что-нибудь скажи!

— Нѣтъ, я въ этомъ пунктѣ консервативна. Лучше не скажешь.

— Да—ежели «не проходитъ» это? Ну, понимаешь всѣ мои симпатіи... всѣ мои сочувствія... всѣ мои желанія... но... но—не проходитъ!

— Не проходитъ, а ты—проведи!

— Какая ты странная! Развѣ я виноватъ? Просто нѣтъ у насъ чего-то такого, чтобы «проходило»... вотъ—нѣтъ и нѣтъ!

— Да, на нѣтъ, говорятъ, и суда нѣтъ... Поной ужъ, поной, горемыка!

— Ты все издѣваешься!

— Ничуть. Надо же Костюшкиной матери какъ-нибудь время проводить, дабы не замѣчать въ себѣ пренія живота со смертью... Только та бѣда, голубчикъ, что, если ты желаешь быть услышанъ, то даже и нытьто сейчасъ нужно—ой-ой-ой, какъ громко! Тоже почти до безумства храбрыхъ. Ибо уши-то у русскихъ людей нытьемъ-вытьемъ обмозолило—не то, что изъ каждой книги, черными литерами, стоны несутся, а въ каждой семьѣ ими живыя груди надрываются... Море слезъ

наплакано, море крови налито, ревутъ моря-то эти и къ небу вопіютъ... Перекричишь ли бурунъ-то ихній?.. Смотри, не вышло бы, что кишка тонка.

— Я, Совѣсть, отказываюсь тебя понимать,—сказалъ писатель по довольно долгомъ и сердитомъ молчаніи.—Въ легенду ты не вѣришь, съ исторіей споришь, надъ моральной дидактикой насмѣхаешься, декадентскую фантастику отрицаешь, до чертей не допилась, идилліи не хочешь, съ моржовымъ натурализмомъ несогласна, въ мирныхъ перспективахъ сомнѣваешься, человѣколюбіе измѣряешь статистикою тюрьмы и казней, ударъ по струнамъ гражданской скорби считаешь чуть ли не бросаньемъ въ воду камешковъ безъ наблюденія за кругами, симъ образуемыми, то есть безполезною забавой... Ты стала просто нигилистка какая-то! Направо ли, налѣво ли, въ серединѣ ли,—все не по тебѣ! все нехорошо!

— Хорошаго не вижу, оттого и не хорошо!— пробурчала Совѣсть.

— Съ такимъ отрицательнымъ міровоззрѣніемъ не слѣдовало и браться—святочные разсказы писать!

— Милый мой, да я и не бралась... что ты! Это ты взялся, а у меня въ мысляхъ не было!

— Я?..—сконфузился писатель,—я... я... Ну, конечно, я. Развѣ я спорю? Но твое дѣло было—помѣшать мнѣ, удержать меня...

Совѣсть вздохнула.

— Такъ-то оно такъ, да жалостлива я баба, жаль мнѣ тебя, постылаго, стало...

— Меня?

— Конечно. Человѣкъ ты семейный, дѣтный. Тоже къ празднику надо, поди, окорочекъ запечь, телятинки купить, ребятишкамъ игрушки подарить, прислугу сверхъ жалованья наградить... какъ же тебѣ обернуться-то безъ

святочнаго разсказа? Не слѣдовало бы, да ужъ нечего дѣлать—пиши!

Писатель даже поблѣднѣлъ.

— Стало быть... экономическій императивъ?

— Экономическій императивъ.

— И—кромѣ—никакой надобности?

— Ни малѣйшей.

Писатель долго молчалъ. Потомъ гордо поднялъ голову.

— Если такъ, то—быть по твоему! Не хочу писать святочнаго разсказа подъ палкою экономическаго императива! Вопреки твоему разрѣшенію, на зло окороку, телятинѣ, пусть дѣти без игрушекъ ревмя ревутъ, пусть прислуга дуется, грубитъ и разсчета проситъ,—не хочу... Довольно! Къ чорту перо и бумагу... Не хочу и не напишу!

Онъ смотрѣлъ козыремъ и былъ увѣренъ, что теперь Совѣсть непремѣнно его похвалитъ. Но, къ изумленію, она опять лишь холодно усмѣхнулась:

— Не ври.

— Совѣсть! это, наконецъ, безсовѣстно!

— Не ври.

— Не напишу, клянусь тебѣ своею головою! Не напишу, не напишу и не напишу!

— Не ври,—въ третій разъ сказала Совѣсть и, улыбаясь, докончила:

— Ну, какъ же ты, чудакъ этакій, не напишешь, когда ты уже написалъ?

Веселые Черепа.

О, посмотрите на черепа! Вы—молодой человѣкъ, вамъ надо повеселиться! Пожалуйста,—о, посмотрите на черепа!

Вопль пономаря у Джерома К. Джерома.

Посѣтилъ меня молодой русскій врачъ, практикующій на итальянской Ривьерѣ.

— Вы, кажется, получаете много новинокъ текущей русской беллетристики? Не согласитесь ли вы снабжать книгами одного моего больного въ Нерви? Даю вамъ слово, что не туберкулезный. У него порокъ сердца. Сейчасъ онъ переживаетъ осложненіе, изъ котораго выберется ли, нѣтъ ли, бабушка на двое говорила. Настроеніе—самое подавленное. И мы совершенно безсильны развлечь его, потому что онъ привыкъ жить исключительно умственною работою и безъ книгъ увядаетъ, какъ цвѣтокъ безъ воды. Это...

Врачъ назвалъ имя, не разъ появлявшееся въ оглавленіяхъ русскихъ толстыхъ журналовъ.

— Сколько помнится,—спросилъ я,—труды его были по философіи пессимизма.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ врачъ. Но, въ настоящемъ своемъ положеніи, онъ этихъ своихъ Шопенгауэровъ и Гартмановъ не долженъ даже и нюхать. Я взялъ съ него слово не читать ничего, кромѣ изящной литературы. Такъ вотъ, если вы...

— Сдѣлайте одолженіе. Вотъ — послѣдній присылъ моего поставщика. Книги еще даже не разрѣзаны. Пусть вашъ горемыка позабавится и отдохнетъ.

* *
*

Такъ я хотѣлъ быть добрымъ.

И такъ я сдѣлался — убійцею!

Потому что больной, котораго я снабжалъ шедеврами новѣйшей русской беллетристики, скончался вчера отъ сердечнаго припадка, при обстоятельствахъ, для меня страшно подозрительныхъ и непріятныхъ. Правда, врачъ старается успокоить мою смущенную совѣсть, но въ глазахъ его я не вижу искренней увѣренности, а въ голосѣ звучатъ ноты, похожія на крикъ Ивикова журавля.

Однимъ утѣшаюсь: между мною и покойнымъ не было вражды ни личной, ни литературной. Такъ что, если я даже, въ самомъ дѣлѣ, умертвилъ его, то безъ предвзятаго намѣренія и корыстной цѣли.

Врачъ передалъ мнѣ записки, которыя покойный велъ въ послѣдніе дни жизни. Эти кроткія, мягкія строки ужасны для моей преступной совѣсти, но я не въ правѣ скрыть ихъ отъ публики. Да научатся изъ нихъ всѣ, что значитъ развлекать новою русскою беллетристикою больного, страдающаго порокомъ сердца.

* *
*

ДНЕВНИКЪ.

«Я тяжело боленъ. Мысли невольно обращаются къ могилѣ. Врачи запретили мнѣ мою постоянную работу, такъ какъ она содѣйствуетъ моему удрученному настроенію. Она, дѣйствительно, не изъ веселыхъ. Переводчикъ Гартмана и Шопенгауэра, я давно уже пишу диссертацію «О тщетѣ всего земного, при ненадобности всего

небеснаго». Велятъ развлекаться. Но я слишкомъ привыкъ читать. Отсутствіе чтенія отравляетъ организмъ мой ядовитѣе всякой тщеты и ненадобности. Приходится обманывать механическую привычку къ книгѣ суррогатами. Поэтому чтеніе мнѣ разрѣшено, но—лишь такъ называемое легкое, т. е. исключительно беллетристика.

* * *

Читалъ въ «Новомъ Словѣ» «Проблески утра», драматическую поэму г. Н. Крашенинникова. Дѣйствующихъ лицъ восемь. Изъ нихъ семь сумасшедшихъ, а восьмая горничная. У одного нѣтъ руки. Бесѣдуютъ исключительно о покойникахъ и японской войнѣ. Кажется, я уже читалъ что-то подобное подъ заглавіемъ «Красный смѣхъ»? Кто галлюцинируетъ, кто самъ — какъ галлюцинація. Двое отравились, одинъ умеръ отъ разрыва сердца.

Тотъ, который безъ руки,—офицеръ—сладкій-сладкій, какъ пряникъ. Я даже думаю, что и руку онъ не на войнѣ потерялъ, а крысы отъѣли: была медовая или сахарная. Говоритъ все о высокомъ и прекрасномъ, оптимистъ такой, Богъ съ нимъ. Обращается къ дамамъ не иначе, какъ съ градомъ чувствительныхъ эпитетовъ:

— Милая, рѣдкая женщина! Славная моя барышня! Нервная моя дѣвушка! Милая! Чудесная! Безконечно хорошая!

Не человѣкъ, а пирогъ съ прилагательными.

Мнѣ этотъ офицеръ подозрителенъ. Какъ будто я уже встрѣчался съ нимъ когда-то у Ант. П. Чехова? Но въ то время его звали Вершининымъ, и онъ былъ уже полковникъ. А сейчасъ онъ Сокольскій и только капитанъ. Разжалованъ, что ли?

Тѣмъ не менѣе, очень пріятное сочиненіе. Подѣйствовало на меня весьма успокоительно. Особенно смерть старика отъ разрыва сердца. Докторъ, вечеромъ, выслушивая меня, нашелъ значительное ухудшеніе сердечнаго

перебоя. Велѣлъ принять двойную дозу дигиталисъ. Духомъ я очень бодръ. Черныхъ мыслей нѣтъ и въ поминѣ. Не забыть бы справиться завтра у доктора, какъ здѣсь совершаются духовныя завѣщанія? Достаточно явки у нотаріуса или нужно еще консульское засвидѣтельствованіе?

* * *

Читалъ пьесу г. Сергѣева-Ценскаго «Смерть». Спасибо автору: не пожалѣлъ—досталось ей, курносой!

Герой боленъ порокомъ сердца. Вотъ какъ я. Только я тихій, а онъ ужасная дрянь, злючка, эгоистишка, скрипучее дерево. И что же? При всемъ томъ пережилъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. А между ними были, право же, очень порядочные люди. Перескрипѣлъ даже свою девяностолѣтнюю бабушку и двухъ ея таковыхъ же котовъ. Всѣмъ надоѣлъ, всѣхъ измучилъ, ажъ кухарка душить его собралась. Онъ кухарки очень испугался, но помереть, все-таки, не померъ. Соблаговолилъ же помереть только тогда, когда пришла пора кончать пьесу. А то жилъ бы и по-сейчасъ. Утѣшительно видѣть столь почтенное долголѣтіе въ субъектѣ, страдающемъ одною съ тобою болѣзнью.

Очень доволенъ, что познакомился съ умнымъ и пріятнымъ произведеніемъ г. Сергѣева-Ценскаго. Прочиталъ его залпомъ, всего лишь съ тремя антрактами для обмороковъ и двумя для сердечныхъ припадковъ. И откуда они у меня взялись? Уже мѣсяца два не повторялись. А тутъ—какъ у Кирилла сердечный припадокъ, такъ и у меня. Кириллъ—въ обморокъ, и я за нимъ тоже.

Особенно нравится мнѣ въ пьесѣ г. Сергѣева-Ценскаго, что авторъ достигаетъ цѣлей своихъ не только грубыми словами, но и нѣжными звуками. Такъ, въ концѣ перваго акта, послѣ того, какъ дѣйствующія лица проговорили о смерти 42 страницы, на сцену является

военная музыка и, для разнообразія, играетъ похоронный маршъ. Въ концѣ второго акта, послѣ того, какъ о смерти наговорено еще 35 страницъ, новое разнообразіе: приходятъ пѣвчіе и поютъ погребальное «Святый Боже». Въ третьемъ актѣ—Лида потонула. Къ концу четвертаго—Алекъ сгорѣлъ. Въ пятомъ—бабушка померла и коты подохли. Кириллъ же изъявляетъ намѣреніе лежать еще годъ въ водянкѣ. Однако, авторъ не позволилъ. И правъ: не шестой же актъ писать для этого Кощея Безсмертнаго! Пьеса кончается рѣзво и весело, оживленнымъ смѣхомъ. Какая-то дѣвица Галя прыгаетъ надъ трупомъ Кирилла и кричитъ:

— Надъ смертью смѣяться нужно! Смѣяться нужно! Ха-ха-ха! Цвѣтами ее! Цвѣтами!

Очень утѣшительная дѣвица. И ее, какъ будто, я встрѣчаю уже не въ первый разъ. Помнится, когда одинъ норвежскій архитекторъ, по имени Сольнесъ, свалился съ башни, то подобная же дѣвица прыгала, размахивала шалью и кричала:

— Да здравствуетъ мой строитель!

Впрочемъ, ту, кажется, звали Гильдою, а не Галею.

Ободрительная Галя вызвала во мнѣ такой подъемъ духа, настолько къ жизни обратила мои просвѣтленныя мысли, что я немедленно отправился въ бюро похоронныхъ процессій—узнать цѣны могилокъ на мѣстномъ кладбищѣ. Дорого. Къ первому разряду приступа нѣтъ. Пожалуй, выгоднѣе похорониться въ Генуѣ, на Стальено. Разрядовъ больше и видъ очень хорошъ.

Странно, что у меня прежде не было стремленій къ подобнымъ развѣдкамъ, и я совсѣмъ не собирался пріобрѣтать территорію подъ свое собственное упокоеніе. Докторъ увѣряетъ, будто моя «мнительность»—отрыжка прежнихъ занятій моихъ Гартманомъ и Шопенгауэромъ, и совѣтуетъ, въ противовѣсъ, еще крѣпче налечь на русскихъ беллетристовъ. Хорошо. Налечь, такъ налечь.

* * *

Читалъ въ «Шиповникѣ» «Астму» г. Бунина. Какъ жизнерадостный, хотя и астматичный, землемѣръ испугался бѣлой лошади и оттого померъ, а лавочникъ пришелъ къ вдовѣ его и расшаркался:

— Имѣю честь поздравить съ новопреставленнымъ.

Ужасно смѣшно. Я такъ много смѣялся, что потомъ даже плакать началъ. Истерика... «Имѣю честь поздравить съ новопреставленнымъ»! Вотъ дуракъ!

Сердцебіеніе г. Бунинымъ съ большимъ знаніемъ дѣла описано. Очень похоже. Совсѣмъ такое, какъ у меня сегодня.

Замѣчательно, какъ развлекаетъ меня русская беллетристика! Даже самъ удивляюсь своему праздничному настроенію. Въ душѣ—точно родительская суббота. Мысли тихія, ясныя. Говорить хочется только объ идиллическомъ. Сегодня, напримѣръ, на маринѣ битыхъ два часа бесѣдовалъ съ какимъ-то компатріотомъ о превосходствѣ кремаціи труповъ надъ зарываніемъ въ землю.

Въ сумерки вышелъ было погулять, — но, словно нарочно: что ни экипажъ навстрѣчу, то бѣлая лошадь. Конечно, пустяки, но послѣ «Астмы» г. Бунина какъ-то грустно... Раздумался о катафалкѣ...

Ночь провелъ въ безсонницѣ. Лежалъ впотьмахъ и думалъ:

— Вотъ я все читаю, читаю. А кто надо мною будетъ псалтырь читать? Русскаго дьячка здѣсь нѣту.

Заснувъ, видѣлъ во снѣ г. Бунина. Будто пришелъ, рекомендовался и отсалютовалъ:

— Имѣю честь васъ поздравить — новопреставленнымъ!

Конечно, припадокъ. Такого еще и не бывало. Думалъ, что конецъ!..

Да... бѣлая лошадь, бѣлая лошадь... Въ катафалки.

впрочемъ, болѣе принято запрягать черныхъ, либо «пару гнѣдыхъ».

* *
*

Читалъ пьесу «Кольца». На обложкѣ обозначено: напечатано въ количествѣ 600 нумерованныхъ экземпляровъ, постороннимъ для прочтенія просятъ не давать. Стало быть, изъ 150.000.000 русскаго населенія только на вкусъ 600 человѣкъ надѣются, что достойны прочитать. Мой нумеръ 476-й. Лестно.

Очень хорошее сочиненіе. Жаль, что не совсѣмъ понятно, хотя пьесѣ предпослано предисловіе г. Вячеслава Иванова. А, можетъ быть, именно потому и непонятно?

Любви, любви!... Онѣ въ него, онъ въ нихъ, братъ въ сестру, сестра въ брата, свекоръ въ невѣстку, невѣстка въ деверя,—и всѣ стенаютъ и кашляютъ. И плюютъ. Покашляютъ, поплюютъ—и залюбятъ, зацѣлуются. Полюбятъ, поцѣлуются—и закашляютъ, заплюютъ. Дѣдъ велитъ плюнуть бабѣ, а баба — внучкѣ, а внучка сучкѣ. Впрочемъ, это, кажется, изъ другой сказки. Одинъ страдалецъ только затѣмъ и въ себя-то приходитъ время отъ времени, чтобы «сдѣлать сестрѣ своей новую жизнь». Уставъ отъ обмѣновъ любви, всѣ эти господа поплыли на какомъ-то кораблѣ въ какую-то страну, гдѣ у нихъ, будто бы, «міръ по новому встанетъ». Болѣе самонадѣянно, чѣмъ вѣроятно. Впрочемъ, гидротерапія теперь чудеса дѣлаетъ. На кораблѣ всѣ дуютъ шампанское въ ужасающемъ количествѣ. Я давно бы умеръ отъ разрыва сердца, а имъ ничего. Разговариваютъ преимущественно о сѣрыхъ мѣшкахъ, въ которыхъ опускаютъ покойниковъ въ море. Въ заключеніе рѣзвости,—подъ конецъ пьесы, одни съ аппетитомъ помираютъ и зашиваются матросами въ сѣрые мѣшки, а другіе просто такъ, по домашнему, прыгаютъ въ океанъ, гдѣ и поѣдаются акулами.

Изъ дѣйствующихъ лицъ интересенъ Ваня, онъ же «человѣкъ-фаллусъ», который «истлѣлъ» отъ постояннаго внутренняго горѣнія къ женщинамъ. Никогда не спитъ и вожделѣетъ 24 часа въ сутки. Кажется, я знавалъ этого Ваню, когда онъ еще служилъ лѣшимъ въ «Потонувшемъ Колоколѣ» г. Гауптмана? Дурачекъ манкировалъ признаніемъ. Ему бы въ Москву на Таганку: купчихи его въ золото одѣли бы

Во снѣ видѣлъ, будто меня живымъ зашиваютъ въ мѣшокъ, чтобы швырнуть въ пасть акулѣ. Проснувшись въ припадкѣ, плакалъ при мысли, что жена моя, а будущая вдова, непремѣнно воспользуется моей смертью, чтобы выйти замужъ за ванеподобнаго ротмистра Ослопъ-Разразилова. Несчастныя мои сироты!

* * *

Не слишкомъ ли много я развлекаюсь? Мнѣ не подъ силу Я лучше поработалъ бы немного. Просилъ доктора возвратить мнѣ Гартмана и Шопенгауэра. И слышать не хочетъ!... Нечего дѣлать, веселюсь.

Читалъ разсказъ Н. Олигера. Названія не помню, потому что на предпослѣдней страницѣ упалъ въ обморокъ. Изображенъ санаторій для чахоточныхъ, въ Ялтѣ. Смертность — по покойнику на страницу. Въ интервалахъ больные ѣдятъ другъ друга поѣдомъ. Всѣ влюблены въ толстую сидѣлку, но она—нуль вниманія, потому что амурится со здоровымъ докторомъ, а больные, отъ зависти и ревности, умираютъ еще пуще. Какая-то чахоточная Женя торопится срывать послѣдніе цвѣты удовольствія и, нарушая режимъ, отдается кому попало.

Любовь, сплетни, кашель, бациллы, мокроты, кровохарканіе, креозотъ, трупы... Марка высокая! Не выдержалъ: закружилась голова, застучало сердце... припадокъ!

Чахотка написана—конфетка! Гораздо занимательнѣе,

чѣмъ у насъ въ Нерви. Здѣшнимъ уже не до любвей: только подъ солнцемъ лежатъ, да ротъ разѣваютъ. Это, должно быть, специально въ Ялтѣ чахоточные—такіе ярливые: особо озорная порода, phtysicus jalticus furiosus impudicus.

Спать не могъ. Чуть заведу глаза, кошмаръ: чахоточная Женя лѣзетъ цѣловаться, и — креозотищемъ отъ нея... бррр!... И, при томъ—pardon, mademoiselle, мнѣ, по болѣзни сердца, запрещено строжайше. Совсѣмъ не желаю умереть, какъ Скобелевъ,—я же и не генералъ.

Если бы я былъ генераломъ, меня хоронили бы съ музыкою.

Кремація въ Генуѣ практикуется. Очень хорошо. Пусть меня подвергнутъ кремаціи.

* * *

Читалъ «Пропасть» г. Михаила Арцыбашева. Надѣялся: что-нибудь насчетъ клубнички,—анъ, какой-то баринъ, галлюцинируя, интервьюируетъ покойниковъ о загробной жизни.

Теперь боюсь оставаться одинъ въ сумерки. Еще притащится какой-нибудь пріятель съ кладбища.

Да... да...! «Умереть—уснуть»...

Скверно проснуться въ могилѣ. Запрещаю хоронить меня до разложенія... Ахъ, впрочемъ, я рѣшилъ вчера, чтобы—кремаціей.

Для успокоенія взялъ январскую книжку «Вѣсовъ». Тутъ нельзя ждать ничего волнующаго. Фирма стойкая, направленіе твердое. Картинки, по обыкновенію, слѣдуетъ держать взаперти отъ дѣтей. А то—ну-ка, растолкуй какому нибудь пискляку, почему это «Ложь» г. Өеофилактова носитъ маску аккуратъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, писклякъ, застегиваетъ свои панталоны.

Прочиталъ «Исторію Венеры и Тангейзера». Превосходно, только не слѣдуетъ знать французскаго языка,

потому что, иначе, фамиліи дѣйствующихъ лицъ заставятъ покраснѣть даже сутенера.

Все въ обычномъ порядкѣ милой неблагопристойности. и, ужъ конечно, никакихъ этакихъ смертей. Давно бы такъ-то.

Мы отдохнемъ, дядя Валя, мы отдохнемъ!

* *
*

«Вѣсы» погубили меня.

Это—чортъ знаетъ, что! Это—предательство! Это—ударъ ножемъ изъ-за угла!

Не подозрѣвая коварства, я началъ читать «Они почуяли».

«Въ оркестрѣ похоронный маршъ. Глухая барабанная дробь. Короткій церковный мотивъ на органѣ. Многократные и глухіе удары въ дверь. Умирающая старуха подъ балдахиномъ изъ черной саржи. Дѣвушка выражаетъ ужасъ всѣми движеніями»...

Недурно для начала?

Затѣмъ:

— Тукъ, тукъ!

— Кто вы?

— Я человѣкъ съ водою и губкою, чтобы омыть...

— Тукъ, тукъ!

— Кто вы?

— Я человѣкъ съ саваномъ, чтобы одѣть...

— Тукъ, тукъ!

— Кто вы?

— Я человѣкъ съ гробомъ.

По сценѣ ползетъ тѣнь похоронныхъ дрогъ, а за сценою Смерть устраиваетъ дебошъ, чтобы ворваться въ хижину. Въ это самое время—и ко мнѣ въ номеръ:

— Тукъ, тукъ!

— Кто тамъ?!..

— Я человѣкъ съ кофе.

Но онъ нашелъ меня уже на полу. Я лежалъ, едва живой, и выражалъ ужасъ всѣми движеніями.

А теперь я въ постели и врядъ ли встану съ нея. Припадокъ за припадкомъ. Докторъ телеграфировалъ роднымъ. Быть можетъ, это—послѣднія мои строки.

О, ты, кому суждено найти ихъ и огласить! Прими вмѣстѣ съ ними предсмертный совѣтъ опытнаго несчастливца:

— Если у тебя порокъ сердца, и тебѣ вредны мрачныя мысли, плюнь въ глаза тому, кто посовѣтуетъ тебѣ промѣнять Гартмана и Шопенгауэра на нѣжную успокоительность изящной русской литературы.

Хашàратъ! Ханефешъ!! Рахмимъ!!!»

* * *

Послѣднія слова дневника мы съ докторомъ приняли было за предсмертный бредъ умерщвленнаго нами горемыки. Но впослѣдствіи они оказались дословною цитатою изъ пьесы г. Н. Крашенинникова «Проблески Утра», гдѣ тѣ же самыя слова выкликаетъ, въ моментъ кончины своей, нѣкто умирающій отъ разрыва сердца, Степановъ. По объясненію г. Крашенинникова, слова эти древнееврейскія и обозначаютъ—«вѣчность души, милосердіе». Но когда мы провѣрили цитату у одного, кашляющаго здѣсь, сѣдобородаго раввина, онъ покачалъ головою и сказалъ:

— Мистификація. Хашаратъ ханéфешъ рахмимъ, по древне-еврейски, значитъ просто:—Никогда ни читайте фантазій Крашенинникова.

Другъ-Читатель.

Запись стенографическая!

— Позвольте рекомендоваться: Финиковъ.

— Очень радъ... прошу садиться...

— Да ужъ рады ли, не рады ли—ха-ха-ха!—а принимайте соотечественника—ха-ха-ха!..

— Чѣмъ могу служить?

— Да, ничѣмъ, батенька... ха-ха-ха! чего мнѣ?.. Я—такъ.

— То есть?

— Да, просто, узналъ въ отелѣ, что по сосѣдству русскій писатель пребываніе имѣетъ. Навожу справки: кто такой? Вы. Ну, какъ же мимо компатріота проѣхать, не навѣстивъ? Я же, въ нѣкоторомъ родѣ, читатель и поклонникъ... ха-ха-ха!.. Н-да... Какъ же-съ, какъ же-съ, читалъ «Анну Николаевну» вашу... очень одобряю.

— Виноватъ, но я никогда не писалъ никакой «Анны Николаевны».

— О? Не писали? Ишь ты! Ну... какъ бишь ее тамъ? «Ольгу Федоровну», что ли...

— И «Ольги Федоровны» не писалъ... Вы, можетъ быть, о «Викторіи Павловнѣ» говорите?

— Павловну, такъ Павловну... не одинъ ли чортъ, собственно говоря?.. Не Петръ, такъ Павелъ, не Павелъ, такъ Петръ... Ха-ха-ха! Такъ вотъ вы тутъ все и сидите?

— Такъ вотъ все тутъ и сижу.

— И все пишете?

— Пишу помаленьку.

— Ишь!.. А въ Россію-то вамъ, поди, нельзя?

— Нельзя.

— Ха-ха-ха! Сидѣть-то, стало быть, не въ охоту?

— Большой радости въ томъ не вижу.

— А другіе, бываетъ, ничего, сидятъ.

— Кому какъ нравится.

— И все вы одинъ здѣсь, все одинъ? Ха-ха-ха!

— Чему же вы, собственно, такъ радуетесь?

— Да—такъ... Сидитъ одинъ... въ Италіи... Ха-ха-ха!.. Кругомъ—дыра... Смѣшно! Ха-ха-ха! Совсѣмъ одинъ?

— Нѣтъ, иногда меня навѣщаютъ.

— Литераторы?

— Да, былъ кое-кто и изъ литераторовъ.

— Напримѣръ?

— М-м-м... извините, но не все ли вамъ равно, кто?

— Да—что вы боитесь? Вы, можетъ быть, думаете, что я сыщикъ какой-нибудь? Такъ я вамъ свой паспортъ покажу... хотите?

— Помилуйте, зачѣмъ мнѣ.

— Финиковъ, надворный совѣтникъ и въ душѣ кадетъ. По мѣсту служенія не могу дозволить себѣ большого либерализма, но въ душѣ—ха-ха-ха!—кадетъ. А насчетъ того, кто у васъ бываетъ, спрашивалъ не по какому-либо другому интересу, но исключительно—изъ любопытства къ литературѣ... Люблю литературу, чортъ ее задери! И къ литераторамъ большую склонность имѣю... ха-ха-ха! Хорошіе ребята—литераторы. Вѣдь правда?

— Вамъ лучше судить.

— Хорошіе, хорошіе... Жаль,—жиды больше! А люблю...

— Позвольте, вы, кажется, сказали, что вы—кадетъ?

— Кадетъ, батюшка, кадетъ въ душѣ... Ха-ха-ха! А что?

— Да выражаетесь вы какъ-то... не по-кадетски?

— Я? А-а-а! Ха-ха-ха! Это вы насчетъ жидовъ? Ха-ха-ха? Дворянская привычка проклятая, вѣчно обмолвлюсь... ничего не подѣлаешь! бѣлая кость!.. Но вы, того, вы не бойтесь: я—юдофилъ! Я—за равноправіе! Чтобы, значитъ, черту осѣдлости—къ чорту, политическія права и все такое, прочее остальное... Не безпокойтесь! Это я—такъ... Съ Боборыкинымъ видаетесь?

— Не видаюсь и не могу видаться, потому что не знакомъ.

— Да ну? Не знакомы съ Боборыкинымъ? Быть не можетъ.

— Однако, не знакомъ.

— Съ Боборыкинымъ весь свѣтъ знакомъ!

— Очевидно, не весь.

— Удивительно... ха-ха-ха!.. А я думалъ, вы о немъ анекдотикъ мнѣ какой-нибудь новенькій разскажете... Жаль!

— Анекдотикъ?

— Ну, да тамъ—Пьеръ Бобо и что-нибудь еще въ такомъ родѣ...

— Послушайте, а вы не находите, что Боборыкинъ уже слишкомъ старый и заслуженный литераторъ, чтобы называть его Пьеромъ Бобо и вообще говорить о немъ «въ такомъ родѣ»?

— Помилуйте! Развѣ я со зла? Вы какъ будто недовольны... Кабы я что-нибудь дурное сказалъ! По мнѣ, пущай его. Я—такъ. Ваську давно видѣли.

— Что такое?

— Говорю: Ваську давно видѣли?

— Какого Ваську?

— Понятно, какого. Одинъ у насъ Васька. Другого не выдумали. Про Немировича спрашиваю. Про Данченко.

— Ахъ, это вы Василія Ивановича такъ изволите...

*

Вы—что же—давно съ нимъ знакомы? близкій пріятель?

— Кой чортъ—пріятель? Совсѣмъ не знакомъ. Одинъ разъ на улицѣ—въ Миланѣ—встрѣтились. Онъ—этакъ, а я—такъ... мимо шелъ. А, можетъ быть,—въ Венеціи. Нѣтъ, позвольте и не въ Венеціи... вѣрно! въ Женевѣ. А можетъ быть, это даже совсѣмъ не Данченко былъ... чортъ его знаетъ! Мнѣ, собственно говоря, одинъ пріятель показалъ... То есть—не то, чтобы пріятель, а познакомились у Ландольта, за однимъ столомъ пиво пили... Улыбаетесь?

— Нахожу что для «Васьки» у васъ съ Василіемъ Ивановичемъ знакомства—какъ будто маловато.

— Э! Мы люди простые, ѣдимъ пряники не писаные. Любимъ попросту: у насъ—не временемъ, а человѣкомъ.

— Василія Ивановича, если ужъ васъ это интересуетъ, я видѣлъ мѣсяца два тому назадъ.

— Вретъ?

— Кто?

— Да,—что вы, право, все—кто, да кто... словно не понимаете! Вретъ, говорю, поди, Немировичъ-то?

— Послушайте. Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко—мой старый другъ. Я его двадцать пять лѣтъ знаю.

— Такъ что же изъ этого слѣдуетъ?

— То, что поддерживать такой разговоръ о немъ я отказываюсь.

— Ну, вотъ и разсердились. Словно я обидное что сказалъ! Ну,—не хотите, такъ и не надо, не буду... Кабы я со зла, а то вѣдь—такъ. Горькій пишетъ?

— Что пишетъ?

— Пишетъ вамъ Горькій, спрашиваю?

— Нѣтъ, давно не писалъ.

— Онъ на Капри?

— На Капри.

— Это тоже въ Италіи?

— Тоже въ Италіи.

— Поди, тамъ тепло?

— Вѣроятно.

— У кого грудь не въ порядкѣ, хорошо, чтобы тепло. Правда?

— Правда.

— А вотъ въ Давосѣ холодомъ лечатъ. Посовѣтуйте-ка Горькому въ Давосъ поѣхать.

— Нѣтъ, не посовѣтую.

— Отчего?

— Оттого, что онъ меня къ чорту пошлетъ. Вы, скажетъ, не врачъ. Зачѣмъ суетесь не въ свое дѣло?

— Ну, вотъ, будто одни врачи совѣтуютъ? Я не врачъ, а совѣтую же. Надо попросту! Въ сапогахъ?

— Кто?

— Горькій-то, говорю,—въ сапогахъ?

— Вѣроятно, не безъ сапогъ.

— Ха-ха-ха-ха! Уморушка!.. Всю вселенную человѣкъ объѣхалъ, а—въ сапогахъ!.. Удивительно!.. А Потапенко все въ рулетку играетъ?

— Не знаю.

— Какъ же! Систему изобрѣлъ, да плохо: проигрываетъ.

— И откуда вы всѣхъ этихъ подробностей удивительныхъ набираетесь?

— Вотъ! Слава Богу, въ Петербургѣ живемъ, въ трактирѣ «Вѣна» бываемъ... А Дорошевичъ-то женился!

— Давно уже, года два.

— Да—ну?

— Васъ, кажется, это огорчаетъ?

— Нѣтъ, не то... а какъ же это я раньше не зналъ? Я думалъ: послѣдняя новость.

— Увы, опоздали!

— Красавица, говорятъ?

— Да, Ольга Николаевна очень хороша собою.

— А Леонида Андреева вы любите?

— Не знакомъ.

— Ну, что это, право? О комъ ни спросишь, не знакомъ. Вотъ что значитъ—въ трущобѣ-то жить... Залѣзли въ берлогу и лапу сосете... да! А правду про васъ разсказываютъ, что у васъ долговъ много?

— Вамъ-то что же?

— Интересно.

— Вы развѣ собираетесь долги мои за меня платить?

— Ха-ха-ха! Шутникъ... Дурака нашли! Нѣтъ, я—такъ, вообще... для разговора...

— Пріятная тема.

— Вотъ у Льва Толстого, поди, долговъ нѣтъ?

— О, несомнѣнно.

— А зачѣмъ онъ печаталъ письмо, что никому взаймы не даетъ?

— Откуда же я могу знать? Поѣзжайте въ Ясную Поляну и спросите у Льва Николаевича.

— Ха-ха-ха! Такъ графиня меня къ нему и пустила!.. Вотъ бы всѣмъ писателямъ такихъ женъ имѣть! Да! Уважаю! Чтобы—какъ стражъ... понимаете?

— Понимаю.

— А то—что? Живете вы, двери распахня, лѣзетъ къ вамъ всякій, словно въ свою собственную квартиру... Развѣ не правда?

— Правда.

— Люди вы всѣ занятые, временемъ должны дорожить, а тутъ вдругъ ни съ того, ни съ сего ввалится какой-нибудь дуракъ, разсядется часа на два, да и трубитъ вамъ въ уши ерунду всякую... Развѣ не бываетъ?

— Еще какъ бываетъ-то.

— Ему, дураку, что? Онъ—праздный. А у васъ потомъ—цѣлый рабочій день пропалъ. Не такъ ли?

— Золотыя слова. Сама истина глаголетъ вашими устами.

— То-то! Я понимаю. Потому, что я литераторовъ люблю. Жиды, а люблю! Послушайте, а вы, часомъ, не еврей?

— Нѣтъ, не еврей.

— Скажите!.. А я гдѣ-то читалъ... въ «Вѣчѣ» или «Русскомъ Знамени» что ли...

— Источники авторитетные.

— Да, вѣдь, что же? Отъ скуки, знаете, и не то прочтешь... Хи-хи-хи!.. Любопытно, какъ писаки другъ друга и въ ухо, и въ рыло, знаете... Слушайте! А декаденты-то у насъ что дѣлаютъ? декаденты-то? Ха-ха-ха!

— А что?

— Помилуйте! Бальмонтъ—революціи льститъ, къ рабочимъ въ дружбу напрашивается... Это—послѣ звуковъ-то сладкихъ и молитвъ... Ну, къ лицу ли? Ха-ха-ха! Рабочій тоже... соціалистъ!..

— Простите, но я долженъ васъ предупредить, что этотъ періодъ творческаго прозрѣнія я считаю лучшимъ въ поэтической жизни К. Д. Бальмонта. И никому онъ не льстилъ, и ни въ чьи дружбы не напрашивался, а вырвалось у него изъ сердца подспудное яркое, огромное пламя, смѣяться надъ которымъ, по-моему, прямо-таки грѣшно.

— Да? Вы думаете? Ну, конечно, ежели... Я вѣдь и не думалъ худого чего-нибудь противъ вашего Бальмонта... Я—такъ! Я говорю: дураки наша публика-то... Пониманія въ ней никакого... не можетъ она уразумѣть Бальмонта... Гдѣ ей... Да!.. Гигантъ!.. А зачѣмъ Купринъ жеребячьи разсказы пишетъ?

— Должно быть, такъ ему нравится.

— Ха-ха-ха!.. А это правда, что Арцыбашевъ «Санина» съ себя писалъ?

— Я-то почемъ знаю?

— Можете,—я думаю,—судить?

— Откуда же? Я совершенно не знаю г. Арцыбашева и не думаю, чтобы какой-либо авторъ пожелалъ разсказать свою автобіографію въ такихъ неприглядныхъ краскахъ, какъ написанъ «Санинъ».

— Господа романисты всегда сами съ себя пишутъ. Если бы я былъ романистомъ, все бы съ себя самого писалъ... Слушайте! А что же это мнѣ про васъ разсказывали, будто вы выпить не дуракъ? а?

— Могу во благовременіи... да вамъ-то что?

— Между тѣмъ—сколько времени я у васъ сижу и вижу: вонъ у васъ на окнѣ бутылка стоитъ,—а вы меня виномъ не угощаете?

— Если угодно,—сдѣлайте одолженіе.

— А сами?

— Пью только за столомъ.

— Н-да... Ну, ваше здоровье... Дай вамъ Богъ—опять въ Сибирь... Ха-ха-ха! Это я шучу.

— И преоригинально шутите.

— Ха-ха-ха! Знаете, какъ охотникамъ желаютъ, чтобы «ни пера, ни шерсти»... А если пожелать счастливой охоты, то никакой удачи не будетъ. Вино, у васъ, между прочимъ и къ слову сказать, дрянь... кислое!..

— Итальянскія столовыя вина всегда кисловаты.

— Да? А я уже думалъ, что у васъ нѣтъ денегъ лучшее вино держать... Вѣдь, теперь вашему брату за границею-то зубы на полку класть приходится... Что вы на меня уставились? Развѣ я... что-нибудь?.. помилуйте! я—ничего, я—такъ... Отъ Володи Тихонова давно извѣстій не имѣли?

— А онъ вамъ какъ «Володею» приходится? Въ такомъ же родствѣ, какъ «Васька» Немировичъ?

— Нѣтъ, я, собственно говоря, такъ... Лично его не знаю, но всѣ зовутъ... почему же мнѣ нельзя? Я—ничего, я—такъ...

— Я вамъ рекомендую съ его братомъ, Луговымъ, увидаться и, для перваго знакомства, его «Алешею» назвать...

— А что?

— Да, интересно было бы знать, что изъ этого выйдетъ. Вы мнѣ потомъ напишите.

— Ха-ха-ха... Съ зубами, должно быть, дяденька-то? Напишу, напишу... А передъ отъѣздомъ за границу видѣлъ я—тоже показали на улицѣ—Щепкину-Куперникъ.

— И что же?

— Ничего. Какая она ростомъ-то маленькая! Отчего?

— Ну, на этотъ вопросъ, я думаю, Татьяна Львовна и сама затруднилась бы вамъ отвѣтить.

— Да, вотъ, подите, какъ странно. Одни родятся большого роста, а другіе маленькаго. И ничего противъ не подѣлаешь.

— Рѣшительнаго ничего.

— Вона какъ васъ-то вытянуло... Еще бы полвершка, на ярмаркахъ показывать можно... Ха-ха-ха! А кто толще—вы или Максимъ Ковалевскій?

— Не мѣрялся.

— Экій вы какой! Что бы въ Парижѣ взвѣситься-то? Поди, любопытно... Ну, а что же, попъ Петровъ переходитъ въ старообрядчество или нѣтъ?

— Могу, если васъ интересуетъ, запросить его по телеграфу.

— Нѣтъ, что деньги тратитъ. Я—такъ. А вы бы, на его мѣстѣ, перешли?

— Нѣтъ, не перешелъ бы.

— Отчего?

— Оттого, что вѣроисповѣдный вопросъ для меня давно уже не существуетъ. Кому неоткуда переходить, тому и некуда переходить.

— Стало быть, вы противъ перехода?

— Нѣтъ, не противъ.

— Какъ же это—и не перешли бы, и не противъ?

— Такъ, что я—не священникъ. Психологія священника, который видитъ необходимость уйти въ другую церковь, такое сложное и субъективное дѣло, о которомъ съ вѣтру судить нельзя.

— А вонъ Михаилъ перешелъ.

— Да, перешелъ.

— Поди, старообрядцы-то теперь его золотомъ обвѣшаютъ?... «Въ горахъ»... «Въ лѣсахъ»...

— Какіе же горы и лѣса, когда его прочатъ въ петербургскую епископію?

— Да, вѣдь, это я—такъ!

— Удивительныя, г. Финиковъ, эти два словечка у васъ.

— Какія два словечка?

— А вотъ: «Я—такъ».

— Ха-ха-ха! Вы замѣтили? Поговорка у меня. Да. Да это—ничего! Я—такъ.

— Трудно не замѣтить. Превыразительная поговорка ваша. Вы ее разъ двадцать уже повторили сегодня и всегда—удивительно, какъ кстати. Пустите подъ человѣка... струйку этакую—а, какъ одернешь васъ, вы—сейчасъ же: да, вѣдь я—ничего, я—такъ...

— Ха-ха-ха! Ужъ вы больно придирчивы что-то! Что же я про кого сказалъ? Никому ничего непріятнаго... Просто—такъ. Не понимаю, за что вы на меня вскинулись. А еще говорятъ, будто у васъ мягкій характеръ...

— Ужъ не знаю, какой у меня характеръ, но...

— Да, самый непріятный характеръ. Сразу видно. Сижу я у васъ уже битый часъ, а никакой отъ васъ любезности не вижу. А, кажется, могли бы уважить компатріота. Изъ-за любви къ литературѣ я, можетъ быть, крюкъ сдѣлалъ, а вы ко мнѣ—медвѣдь медвѣдемъ... Нехорошо... Вотъ, поразскажу въ отечествѣ-то, какъ вы къ своимъ относитесь... пускай васъ коллеги почешутъ!

будетъ нехорошо! Вы отчего не въ духѣ-то сегодня? Работали, что ли, а кто-нибудь помѣшалъ?

— Кто-нибудь?!

— Не я, надѣюсь?

— Почему же, однако, вы надѣетесь? Именно вы.

— Такъ я же къ вамъ не надолго. Посижу еще часочка полтора до поѣзда—и уйду. Я знаю, что мѣшать человѣку въ работѣ—неделикатно. Я самъ, ежели мнѣ въ работѣ помѣшаютъ... у-у-у! волкомъ рычу... Ай-ай-ай! Однако—нѣтъ, скажите, пожалуйста, кто же это сочинилъ, что у васъ характеръ мягкій? Долго ли мы съ вами говоримъ, а вы на меня уже три раза окрысились. Да-да-да. Такъ вы говорите: Горькій на Капри? А я читалъ въ газетахъ, будто въ Римѣ?

— Можетъ быть, и въ Римѣ.

— Надо къ нему проѣхать.

— Вотъ какъ?

— Скучаетъ, поди, безъ соотечественниковъ-то? Развлеку... познакомимся... поговоримъ...

— О, конечно, Горькій вамъ очень радъ будетъ. Но—позволите дать вамъ одинъ совѣтъ?

— Ловлю слова ваши.

— Когда вы будете говорить съ Горькимъ, постарайтесь, чтобы свиданіе ваше происходило не выше перваго этажа.

— Ха-ха-ха! А если онъ во второмъ живетъ?

— Постелите предварительно подъ окнами солому, что ли, или еще что-нибудь мягкое.

— Вы думаете?...

— Да, знаете, оно вѣрнѣе.

— Гм!.. Вино у васъ, чертъ его побери, кислое, а допить его, все-таки, надо... Брр! фу, дрянь какая!.. До поѣзда еще уйма времени... вы меня на вокзалъ не проводите?

— Извините, не могу.

— Нечего сказать! любезный хозяинъ! Чего тамъ? Проводили бы компатріота! Успѣете еще строчить-то...

Брр! и гдѣ вы только такую кислятину покупаете? А еще говорятъ, человѣкъ пить умѣетъ!.. Брр... А знаете... все-таки... не найдется-ли у васъ еще бутылочки, чтобы до поѣзда провести время?

— Хоть двѣ, но—съ условіемъ.

— Повелѣвайте.

— Что вы возьмете ихъ съ собою и выпьете гдѣ-нибудь на травкѣ...

— Ха-ха-ха! Экой вы какой!

— А мнѣ ужъ позвольте заняться своими дѣлами...

— Да ладно, ладно... нечего съ вами дѣлать... скучный вы, батенька!.. ухожу. Давно бы сказали, что мѣшаю... Я человѣкъ деликатный, мѣшать никому не люблю, самъ ненавижу, когда мѣшаютъ. Ну, прощайте. А что лишняго сказалъ, на томъ не взыщите. Кабы со зла, а то я—такъ. Знаете, просто—любя литературу...

Ушелъ. Но, нѣсколько минутъ спустя, опять оретъ подъ окнами, зоветъ.

— Александръ Валентиновичъ! Александръ Валентиновичъ!

— Что угодно?

— Совсѣмъ забылъ: нарочно съ полдороги вернулся... Уфъ!.. Горькому-то отъ васъ кланяться?

Я поглядѣлъ на г. Финикова съ нескрываемымъ ужасомъ и возопилъ.

— Нѣтъ!

— Но почему же нѣтъ? Развѣ вы въ дурныхъ отношеніяхъ?

— Нѣтъ, боюсь хорошія испортить. Чтобы Горькій думалъ, что это я васъ къ нему послалъ?! Ни за что! Нѣтъ!

— Ну-ну... смѣетесь все... Развѣ я—что-нибудь дурное о комъ-нибудь? Я—ничего, я—такъ... просто, любя литературу...